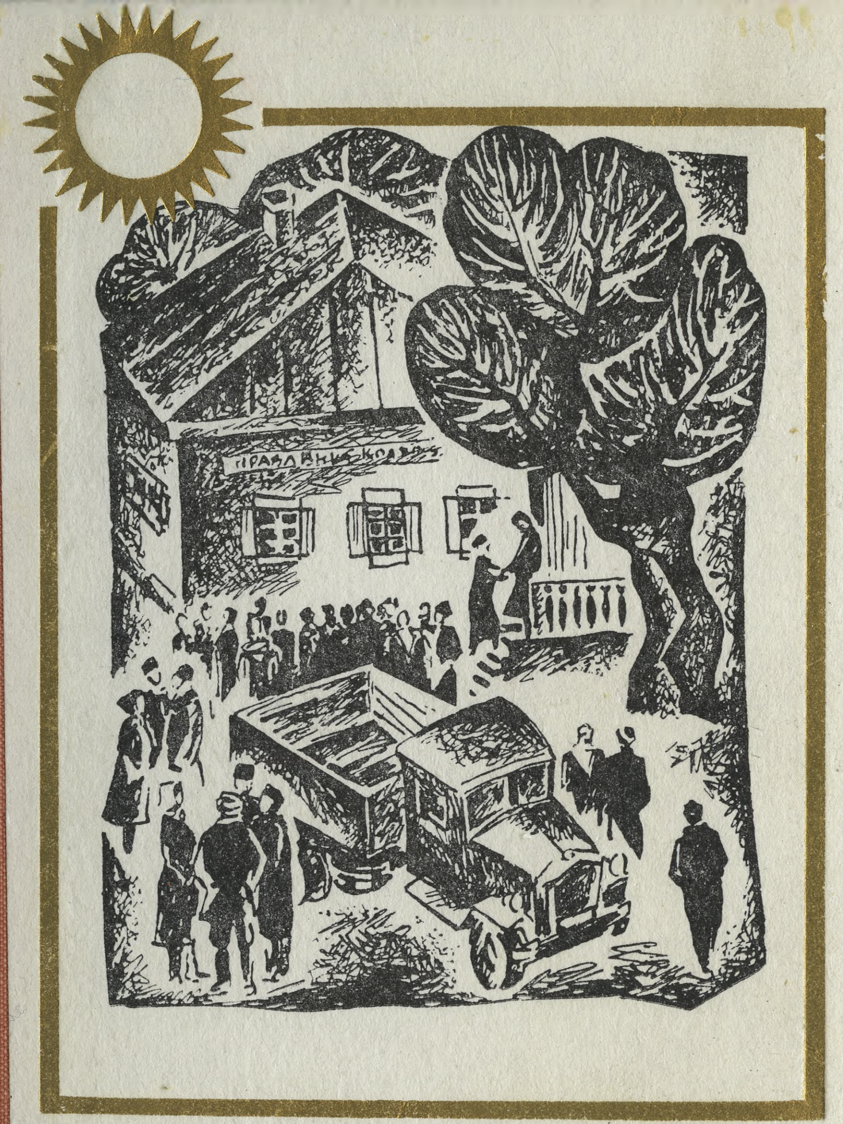
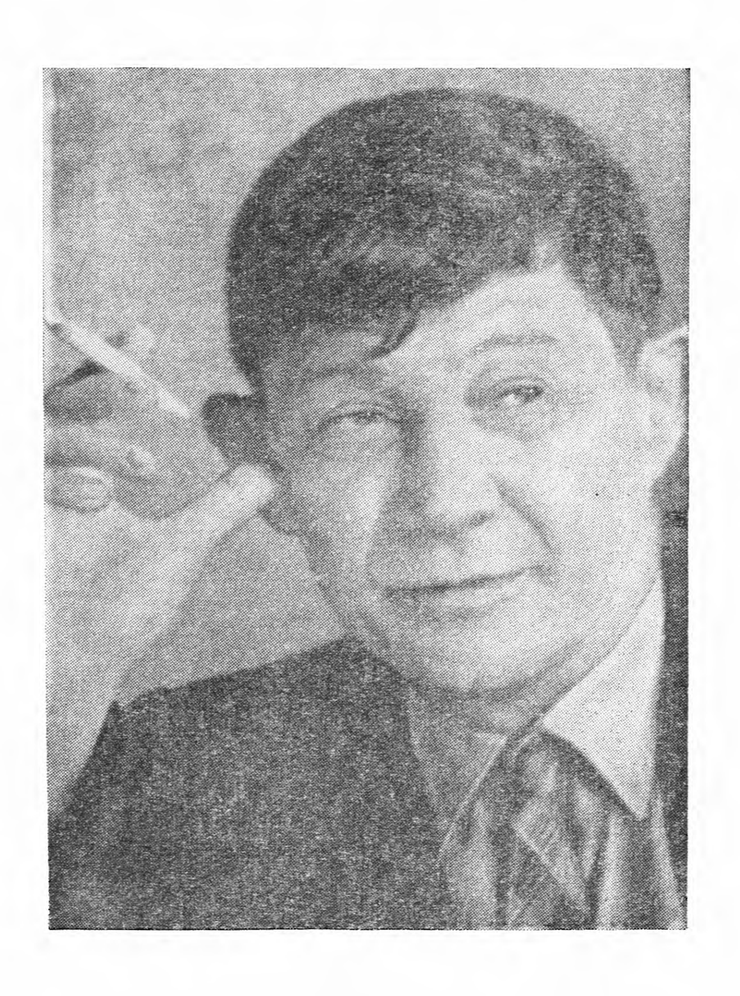

ВАЛЕНТИН ОВЕЧКИН

ГОСТИ В СТУКАЧАХ

ГОСТИ В СТУКАЧАХ
ВАЛЕНТИН ОВЕЧКИН

ЗЕМЛЯ РОДНАЯ

ВАЛЕНТИН ОВЕЧКИН

ГОСТИ В СТУКАЧАХ

РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ

РАЙОННЫЕ БУДНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
МОСКВА — 1972

Р2
О-31

СОСТАВИТЕЛЬ М. КОЛОСОВ

Овечкин В. В.

О-31 Гости в Стукачах. М., «Сов. Россия», 1972.
640 с. (Земля родная).

Валентин Владимирович Овечкин почти все свое творчество посвятил людям колхозной деревни. Отмеченное писательским талантом и глубоким знанием жизни, оно обратило на себя внимание читателей еще в довоенные годы, а появление «Районных будней» прославило их автора не только в нашей стране.

В настоящем сборнике представлены лучшие произведения В. Овечкина о деревне.

7—3—2
107—72 Р 2

ПИСАТЕЛЬ-БОРЕЦ

«Люблю дарить. Радостно видеть радость другого человека.

И не только — дарить. И другое. Вообще радостно чем бы то ни было порадовать другого».

* * *

«Агротехническое значение этого комплекса — местное,— для Зауралья. Для Курской области его никто не станет рекомендовать по тому же шаблону. Но принципиальное его значение в смысле творческого подхода к делу повышения урожайности можно считать повсеместным.

Особенности зауральского лета — короткое.

Сроки сева...— сеять надо с выдержкой...

Причины:

1. Мертвая почва после сильных зимних морозов.
2. Овсюг.
3. Самое главное — июньская засуха, июльские дожди».

* * *

«**Усиление** руководства. Много вбирают в себя эти слова.

Усиление — не означает раздутие управленческих штатов, усиление администрирования.

Усиление — это *умнее, гибче, тактичнее».*

* * *

«Самое страшное в человеке — двурушничество. С того дня, как его *заставили* первый раз, затаив в душе одно, сказать совсем другое, с этого дня начинается падение этого человека.

С двурушничества начинается все: подлость, склонность к вероломству, предательству. Это — гибель человеческой души.

Это страшная ошибка, когда начальнику больше нравится покорный двурушник, нежели строптивый вольнодумец».

* * *

Четыре отрывка, четыре дневниковых записи — совершенно различных по стилю и содержанию — кому они могут принадлежать? Можно подумать, их писали разные люди: лирик, исследователь, партийный работник, государственный деятель. Но записи эти принадлежат одному человеку — замечательному русскому писателю Валентину Овечкину.

Лирик по душевному складу, исследователь по натуре, государственный деятель по масштабам мышления, коммунист по убеждению и писатель по профессии — именно таким он был в жизни и таким остался в памяти друзей и близких.

В. Овечкин представлял на редкость поразительную фигуру, сочетавшую в себе необыкновенное многообразие черт человеческих, иногда близких, сходственных, иногда диаметрально противоположных и даже противоречивых.

При внешней угрюмости, суровости и кажущейся замкнутости он обладал трогательно нежной и отзывчивой душой. Удивительно чуткий, внимательный, он поражал всех, кто его знал, своим уменьем делать добро, приносить людям радость. Он был щедр в своей доброте и добр в своей щедрости. Взрослые и дети одинаково пользовались его заботой и вниманием. Иногда он в шутку говорил: «Хорошего человека любят женщины, дети и собаки». Его любили — он был хорошим человеком.

При внешнем спокойствии и неторопливости, В. Овечкин был крайне непоседлив и любознателен, у него был неугомонный характер. Прежде чем сесть за письменный стол, он изучал тему самым тщательным образом. Ездил туда, где дело идет хорошо, и туда, где плохо; сравнивал, анализировал, спорил с людьми, знающими эту проблему досконально, и с дилетантами; изучал вопрос в историческом плане — читал все, что об этом писалось когда-то и что пишется теперь; взвешивал доводы ученых теоретиков и практиков, простых тружеников полей. Прежде чем выдать на гора́ рассказ или очерк, писатель проделывал огромный труд исследователя.

Не занимая официально никаких должностей ни в партийных, ни в государственных учреждениях, В. Овечкин тем не менее досконально знал работу тех и других. У него было много друзей и знакомых среди партийных и советских деятелей. Коммунистом он был страстным,

принципиальным, честным и бескорыстным; это был неутомимый борец за идеалы коммунизма. Он не терпел людей беспринципных, колеблющихся, двурушников, конъюнктурщиков, «лавулирующих». И если замечал в человеке хоть каплю этих «качеств», он решительно рвал с ним всякие отношения, рвал основательно, резко, подчас даже грубо, хотя и не без сожаления. «Всегда больно терять человека»,— с горечью признавался он. С Овечкиным было нелегко дружить, далеко не многие выдержали дружбу с ним до конца: он ни с кем не водил дружбы ради теплой приятельской компании, его дружба, его привязанность, как правило, имела в конечном счете основой большие партийные и государственные дела, и ради такой дружбы он готов был отдать всего себя. Человека он всегда мерил большой меркой — войной. «Если вдруг завтра в бой, и я чувствую, что этот человек не струсит, не вильнет в кусты, я смело пойду с ним на любое задание. И в мирное время такой человек не подведет. Такого я смело возьму себе в друзья»,— говорил он не раз, когда речь заходила о людских качествах.

В. Овечкин обладал редким даром мыслить крупно, масштабно, вникать в суть вещей и явлений по-государственному глубоко и основательно.

И ко всему прочему это был еще и незаурядный писательский талант. Поэтому не удивительно, что начиная с 1952 года, когда была опубликована первая часть «Районных будней», и на протяжении почти двух десятилетий имя Валентина Овечкина было одним из самых популярных писательских имен в советской литературе. Овечкин вошел в историю нашей литературы как писатель-новатор, который оказал огромное влияние на развитие литературы о деревне — он первый пробил брешь своими очерками, куда потом хлынули (и не безуспешно) писатели-«деревенщики». В. Тендряков, С. Антонов, А. Калинин, Г. Троепольский, Л. Иванов, Е. Дорош, С. Залыгин, С. Воронин, Ф. Абрамов и многие другие выступили тогда со значительными произведениями на деревенскую тему. Более молодое поколение писателей — Е. Носов, В. Белов, В. Лихоносов — все это продолжение того же процесса в нашей литературе, который начался овечкинскими «Районными буднями».

В январе 1968 года «Литературная газета» писала об Овечкине: «Его называют отцом советского деревенского очерка. И это верно, хотя главное в том, что он, комму-

нист, был совестью литературы и, как подобает настоящему писателю, совестью нации».

* * *

Валентин Владимирович Овечкин, один из самых популярных и интересных советских писателей 50—60-х годов, думается, стал литератором не столько из-за любви к «изящной словесности», сколько из-за любви к жизни, из-за страстной партийной ненависти к ее недостаткам, из-за горячего желания сделать жизнь лучше. А жизнь он знал не понаслышке — он сам прошел все ступени ее суровой школы.

Родился В. Овечкин в 1904 году в Таганроге в семье служащего. Учился в таганрогском техническом училище, не кончил его, с четырнадцати лет начал самостоятельную жизнь. Работал сапожником в Таганроге и окрестных селах, учителем ликбеза, заведующим избой-читальней.

Рано лишившись матери, Овечкин с избытком познал все трудности сиротской жизни. Бедность многочисленной семьи, суровость до самодурства отца-чиновника навсегда оставили в нем неизгладимо мрачные впечатления о своем детстве. Но и в этом мрачном царстве далекого прошлого были проблески светлого, радостного, о чем он вспоминал с теплотой. Это брат Иван, который вопреки желаниям отца увлекся редкой в то время профессией летчика (пропал без вести в империалистическую войну); это старшая сестра Шура — простая деревенская женщина, к которой он до последних дней относился по-сыновьи нежно и трогательно; это мать, которую он не помнил и знал лишь по рассказам старших, но которую тем не менее представлял очень живо и ярко.

«Я не помню матери. Но старшие братья и сестры много рассказывали мне о ней — ласковой, доброй, умной женщине. Нас, детей, у нее было восемь душ. Трудная семья!

Мне представляется, что мать в большой семье, хорошая, умная мать — как сердце в живом организме. Что бы ни задумала голова (отец), что бы ни сделали путные и беспутные дети (руки, ноги),— все ложится на сердце,— горе ли, радость ли. И когда голова отдыхает, спит, руки раскинулись — отдыхают, сердце не забывает свое: тук-тук, тук-тук, тук-тук...»

В 1924 году Овечкин вступает в комсомол и избирается секретарем сельской комсомольской ячейки. А через год

он становится одним из организаторов сельскохозяйственной коммуны в Ростовской области и работает в ней председателем вплоть до 1931 года.

После он был на партийной работе на Дону и на Кубани, работал разъездным корреспондентом-очеркистом в газетах «Молот», «Колхозная правда» (Ростов-на-Дону), «Армавирская коммуна», «Большевик» (Краснодар). Писать В. Овечкин начал еще будучи председателем коммуны — первый его рассказ «Савельев» был напечатан в газете «Беднота» в 1927 году. Статьи, очерки, рассказы его в этот период часто появлялись на страницах таганрогской и ростовских газет. Лишь в 1935 году в Ростовском издательстве вышел первый сборник рассказов В. Овечкина «Колхозные рассказы» и только через три года в Краснодарском издательстве появляется второй — «Рассказы». К этому времени писательский голос его достаточно набрал силы, и с 1939 года в журнале «Красная новь» один за другим печатаются рассказы и очерки Овечкина: «Гости в Стукачах», «Прасковья Максимовна», «Слепой машинист», «Без роду, без племени» и другие.

Именно в эти годы В. Овечкин родился как писатель, такой писатель, каким мы его знаем теперь. Уже для ранних его произведений характерным было то, что отличает творчество этого писателя от многих других той же темы: глубокое знание колхозной деревни, утверждение нового, острое изображение жизненных явлений, смелое вторжение в жизнь и беспощадное, без оглядки, бичевание всего вредного, всего чуждого социалистическому обществу.

Доскональное знание писателем жизни всегда было самой сильной стороной его творчества. И конечно же, основой этих знаний послужила та, одна из первых, коммуна, которую он организовывал и ставил на ноги.

В дневниковых записях В. Овечкина есть несколько страниц, посвященных воспоминаниям о тех годах.

«Как бы я ни отклонялся в своей литературной работе от чисто деревенских тем, а время от времени возвращаться к ним приходится. Потому что эти темы остаются для меня все же самыми близкими.

В последнее время все как-то яснее встают в памяти картины далекого прошлого...

Началось с того, что однажды, после собрания нашей сельской комсомольской ячейки, поздно ночью, у нас зашел такой разговор:

— А долго еще, хлопцы, мы будем строить новую жизнь только вот так, на словах? Кончилось собрание, расходимся по домам, и — распадается наша комсомольская семья. Один пойдет в теплую хату, у его отца середняцкое хозяйство, есть лошади, коровы, мать оставила ему в печке ужин, постелила постель; а другой, батрак, поплетется к хозяину, кулаку, где вряд ли ему приготовили ужин и, может, даже заставят час-два походить под окнами, на лютом морозе, прежде чем откроют — за то, что шатается по комсомольским сборищам... А не организовать ли нам комсомольскую коммуну? Вон в соседнем сельсовете пустует бывшее имение помещика Деркачева, постройки и восемьсот гектаров госфондовской земли. Попросим — дадут нам это хозяйство. Помогут, может, и кредитами на первое время. Довольно изучать нам на своих политзанятиях только по теории — какой будет когда-то жизнь в деревне. Надо начинать практически строить социализм в деревне.

Так мы, комсомольцы села Ефремовки Таганрогского района, создали в сентябре 1925 года сельскохозяйственную коммуну имени М. И. Калинина».

Несмотря на то что колхозы в то время только еще начинали зарождаться, комсомольская коммуна оказалась довольно жизнестойкой, вскоре в коммуну стали вступать крестьяне разных поколений — дети и отцы. Сначала объединилось десять семей, а через шесть лет, к тому времени, когда Овечкина выдвинули на партийную работу, в коммуне насчитывалось полторы сотни дворов. Из ближайших хуторов крестьяне приносили заявления о вступлении в коммуну уже не в одиночку, а целыми земельными общинами.

Безусловно, председательство в коммуне, а затем партийная работа и профессия разъездного сельского корреспондента дали соответствующую закалку и снабдили Овечкина богатым жизненным материалом. Но только этого материала, разумеется, хватило бы писателю ненадолго, ему всегда помогало то, что он никогда не порывал связей с жизнью. О чем бы ни писал, он никогда ничего не придумывал — все имело под собой реальную почву: либо ему рассказали, либо он видел своими глазами, либо испытал сам. Когда Овечкин в шутку говаривал, что его не обманет ни председатель колхоза, ни секретарь райкома, потому что он сам все это прошел и в свое время «обманул» не одного уполномоченного,— в этом была не-

малая доля правды. Овечкин умел очень быстро и глубоко схватить существо дела, и не просто схватить то, что на поверхности, а заглянуть вглубь, как-то расширить рамки увиденного до большого, общегосударственного уровня. И получалось это у него потому, что он постоянно жил той жизнью, какой живут колхозники, председатели колхозов, секретари райкомов. Термин «изучение жизни» не подходил к нему и звучал так же парадоксально, как, например, изучение самого себя. Овечкин не изучал жизнь, он жил ею.

* * *

С первых дней Великой Отечественной войны В. Овечкин в действующей армии: на Крымском фронте он — корреспондент фронтовой газеты, на Сталинградском и Южном — агитатор стрелкового полка, на 4-м Украинском — он снова в газете.

В 1944 году писателя демобилизовывают и направляют на работу в газету «Правда Украины» (Киев). В это время В. Овечкин пишет свою замечательную повесть «С фронтовым приветом». Капитан Спивак, агитатор, после ранения догоняет свой полк. Фронт откатывается все дальше на запад, приближается конец войны. Все истосковались по мирной жизни, мечтают о ней, вспоминают довоенное время. Солдаты все больше говорят о доме, о земле, хотя впереди еще целый год войны, еще многим и многим придется расстаться с жизнью — бои предстоят упорные, жестокие. И агитатор полка Спивак понимает это, перед боем он ведет беседу:

«— Дело подходит к границам, товарищи... Я недавно из тыла приехал. Знаете, что сейчас на думке у каждого человека, что кладет первый кирпич на развалинах?.. Построить бы такую жизнь, чтоб еще лучше прежней была. И главное — чтоб удалось закрепить ее теперь навечно. Люди, прожившие два года под фашистами, просят нас бить их так, чтоб никогда не вернулись они к нам, чтоб никогда вовеки не повторился этот ужас, что пережили там. Наши дипломаты попробуют договориться с союзными державами насчет послевоенного устройства мира: как сделать, чтобы фашизм не воскрес. Об этом будет речь на мирной конференции. У нас на сегодня, пока пушки гремят, дипломатия простая — окружать и уничтожать, не выпускать фашистов живыми за границу, а кто и уйдет — там догнать их»,

Идут бои, а между ними у солдат и офицеров — одна тема разговоров: как будут жить после войны.

Искренняя, поэтическая, откровенная повесть «С фронтовым приветом» сразу привлекла к себе внимание и вполне заслуженно сделалась самой читаемой книгой тех лет.

После писатель создал несколько пьес, много рассказов и очерков, но повесть «С фронтовым приветом» еще долго оставалась его главным произведением.

В 1948 году В. Овечкин переезжает в центральную полосу России и надолго поселяется в Курской области — сначала в старинном городке Льгове, а затем в Курске. Он много ездит по области, заводит знакомство с людьми, пишет очерки, рассказы, статьи. Но всю эту работу можно считать подготовкой писателя к важнейшему труду его жизни. В 1952 году в печати появляется первая часть этого труда — «Районные будни» («Борзов и Мартынов»).

Не рискуя впасть в преувеличения, можно сказать, что «Районные будни» произвели впечатление разорвавшейся бомбы. Темой, постановкой проблемы, смелостью, художественной тканью очерк этот стал поворотным пунктом во всей нашей деревенской литературе. Борзов, борзовщина — эти слова стали нарицательными, а имя писателя сделалось самым популярным и очень быстро приобрело мировую известность.

Последующее десятилетие было для писателя, пожалуй, самым насыщенным в его деятельности. В эти годы он продолжает работать над главами «Районных будней» — «На переднем крае», «В том же районе», «Своими руками» и «Трудная весна», создает несколько пьес и осуществляет их постановку в Курском драматическом театре, пишет очерки и публицистические статьи, выступает с рецензиями на книги, принимает самое активное участие в работе Правления Союза писателей СССР и областной писательской организации; он член редколлегий «Литературной газеты», журналов «Новый мир», «Подъем », альманаха «Простор» и др.

В 1955 году в Москве проходит Всесоюзное совещание писателей, пишущих на деревенскую тему,— В. Овечкин делает на этом совещании большой доклад «Колхозная жизнь и литература», в котором дает глубокий анализ и тому и другому. В эти годы писатель много путешествует по Советскому Союзу и за рубежом — он побывал в Юго-

славии, Венгрии, ГДР, Исландии, Китае, совершил большую поездку по Дальнему Востоку и на целинные земли, много раз бывал у «народного академика» Т. С. Мальцева — полевода колхоза «Заветы Ильича» Курганской области. И, как правило, после каждой такой поездки в печати появлялись овечкинские статьи, очерки, писательские заметки.

Но главной работой этих лет все же остается капитальный труд писателя — «Районные будни». Уже первая глава этого произведения, опубликованная в 1952 году в журнале «Новый мир», привлекла к себе внимание читателей правдивостью и смелостью поднятых в очерке проблем.

...Секретарь райкома Борзов, не добыв до срока в доме отдыха, возвращается из отпуска и прямо с вокзала направляется в райком. Тут же, с места в карьер, он принимается за дело: строчит телеграммы «всем-всем», обязывает колхозы, выполнившие план хлебопоставок, сдавать зерно за счет отстающих, делает разнос подчиненным и пр. Внешне деятельность Борзова выглядит эффектно, создается впечатление, что это энергичный руководитель. На самом же деле Борзов типичный эгоист, он никому ничего не доверяет, делает все сам — «хозяин», с мнением окружающих не считается. Внешне Борзов ярый поборник государственной и партийной дисциплины, на самом же деле его интересует лишь собственное благополучие, его совершенно не заботят дела в колхозах — ему важно вовремя подать сводку, отрапортовать. Отрапортовать любой ценой.

Мартынов, второй секретарь райкома, прекрасно понимает пагубность стиля работы Борзова, смело вступает с ним в борьбу.

Таково в общих чертах содержание этого очерка — конфликт между двумя людьми. По существу же смысл его гораздо глубже, в нем были подняты большие партийные и государственные проблемы: вопросы партийного руководства и хозяйственного строительства па селе. В. Овечкин смело выступил против догматизма, очковтирательства, формализма — как самых вредных явлений в партийном деле. И поэтому не удивительно, что этот и последующие очерки писателя сразу были взяты на вооружение партийными работниками. Его очерки и статьи стали часто появляться в газете «Правда», их обсуждали на партийных собраниях, конференциях, собраниях

партийного актива, произведения его воспринимались как практическое руководство к действию.

Помню случай, который произошел в Курском обкоме партии в день, когда в «Правде» был опубликован отрывок из очерка «В том же районе» — «На одном собрании». Секретарь одного из сельских райкомов, прочитав «Правду», тут же стал звонить в свой район второму секретарю: «Как идет подготовка к совещанию передовиков? Хорошо? А «Правду» читал? Так вот смотри, чтобы речи передовикам никто не сочинял, пусть люди сами от себя говорят — что думают, что знают, что у них наболело...»

Другой случай произошел совсем недавно. Как-то в разговоре один знакомый на Смоленщине председатель колхоза признался: «Меня в колхоз послал писатель Валентин Овечкин. Работал я тогда заместителем председателя райисполкома. Получу «Правду», читаю очерки Овечкина — берут за душу. Думаю — надо ехать в деревню, поднимать сельское хозяйство своими руками. Поехал...»

Сейчас этот председатель — С. И. Бизунов — Герой Социалистического Труда, а возглавляемый им колхоз имени Ленина — один из лучших в Смоленской области.

Такое непосредственное воздействие произведений В. Овечкина на читателя — характерная черта его творчества.

Чем же волновали и продолжают волновать очерки В. Овечкина читателя? Только ли глубоким знанием сельского хозяйства — его проблем, агротехники и пр.? Только ли смелостью постановки вопросов? Только ли злободневностью? Разумеется, нет. Всего этого было бы недостаточно для столь длительного испытания временем.

Силу и значимость своих творений очень хорошо понимал и сам автор. Одному из своих корреспондентов В. Овечкин писал: «Многие критики, писавшие о моих вещах, делали упор почему-то на агротехнику и всякие организационные вопросы колхозного строительства — будто это главное в моих книгах. И я в этих статьях выгляжу поэтому каким-то ярым пропагандистом передовой агрономии. Только и всего. Но ей-богу же, я этим не грешен. Не пропагандировал ни торфо-перегнойные горшочки, ни кукурузу, ни квадратно-гнездовой сев, ни «елочки». Если и пропагандировал когда-либо что-либо, то только в очерках о Терентии Семеновиче Мальцеве — и то его творческие принципы главным образом, а не шаблонное перенесение повсеместно мальцевской системы земледе-

лия... Безусловно, мои очерки, повести имеют и какое-то «прикладное» значение, помогли, возможно, извлечь некоторые уроки из наших ошибок в руководстве колхозами. Но все же главное в них — человеческая сторона дела, а не сельскохозяйственная».

Именно из-за «человеческой стороны дела» книги В. Овечкина не тускнеют со временем, а, наоборот, набирают силу и с одинаковым интересом читаются людьми самых разных профессий: колхозниками, рабочими, партийными работниками, литераторами.

* * *

Последние годы, живя в Ташкенте, В. Овечкин тяжело болел и мечтал о России, о средней полосе ее. В письмах он часто вспоминал нашу любимую Дичню — живописное место на Сейме в Курской области, куда мы постоянно ездили с ним на рыбалку, на охоту, за грибами или просто — «на природу»: «Как увижу здесь какую-нибудь домохозяйку, несущую в авоське грибы с базара, большие, белые, очень похожие на дичневские шампиньоны, так и вспоминаю наши поездки за грибами и на рыбалку». И в другом письме: «Эх, на Дичню бы съездить! Поплавать на байдарке, окуней половить, да далеко, не достать».

Последнее письмо В. Овечкин написал мне 27 января 1968 года. Написал, но отправить не успел: в тот же день его уже не стало — он умер от кровоизлияния в мозг. Письмо я прочитал, когда прилетел на похороны в Ташкент: «Прошу прощения, что долго не писал — и накануне Нового года и после, весь этот месяц, тяжело болел. Все то же — сердце. И сейчас на строфантине, и стало быть — на полулежачем режиме. Смог позволить себе лишь поездку к Хвану с Узилевским[1] в прошлое воскресенье, да и то расплачивался за эту поездку три дня тяжелыми приступами... Только и было всего волнений, что горячие разговоры и споры. Какой я, к черту, стал писатель, Михаил Макарыч! Малейшее душевное волнение — и вот уже припадок. А разве можно писать, не волнуясь? Эх!..

...До сих пор жалею, что ты так мало побыл со мною, когда приезжал... Вот уехал ты, а когда нам теперь еще

---

[1] Хван Т. Г. — Герой Социалистического Труда, председатель колхоза «Политотдел» Узбекской ССР. Узилевский А. Н.— журналист, корреспондент газеты «Сельская жизнь».

доведется встретиться? Планы мои насчет переезда в Россию — бесплодные мечтания...»

Встретиться нам уже не довелось, и планам его уже не суждено было сбыться. И не только насчет переезда. В бумагах писателя обнаружен подробнейший проспект книги о ташкентском колхозе «Политотдел»; он собирался написать большую автобиографическую повесть (или роман) о тех годах, когда организовывал коммуну; в писательском архиве много заготовок для пьес, очерков, статей... Внезапная смерть, оборвав жизнь этого неутомимого труженика советской литературы, не позволила осуществиться многим его творческим замыслам. Но и то, что сделано им, останется в истории нашей литературы яркой страницей.

В. Овечкин сохранится в народной памяти как писатель-борец, для которого жизнь была не только предметом литературного отображения, не просто материалом для творчества,— наоборот: литература в его руках являлась тем средством, тем оружием, с помощью которого он боролся за жизнь, стремился сделать ее богаче, полнее, прекраснее.

Михаил Колосов

РАССКАЗЫ
И
ОЧЕРКИ

ГЛУБОКАЯ БОРОЗДА

Обмерили новоселы наскоро шагами хозяйство свое скудное, перемерили и новую, отмеренную им землю. Словно ожил муравейник в лощине на берегу Серебрянки. С утра до ночи трудятся новоселы, устраивают свое жилье.

Дружно работают, один другому помогают.

Бревно за бревном, вырастают домишки новоселов — курники против огромных домин богатых соседей с хуторов Боголюбского и Сердюковского.

По вечерам лощина оглашается задорными комсомольскими песнями павловской молодежи. До полночи звучат песни, не дают старикам уснуть. А у соседей — тихо. Угрюмо молчат старые хутора, как будто притаились, готовясь наброситься на незваных гостей. И молодежь с хуторов к новоселам не ходит, при встрече поглядывает косо, хмуро.

С насмешкой смотрят хуторяне на павловцев.

— Смотри, хозяева нашлись! На весь коллектив три клячи да полторы пары быков. Пасли бы скотину — спокойнее было бы и сподручнее, так нет, тоже туда, в хозяева лезут! Не таким беднякам хозяйство вести.

Когда узнали, что павловцы коллективно работать хотят, товарищество организовали,— еще больше злиться стали.

— Коммунию строят; за чубы тянут людей. Посмотрим, как через год разбегаться будут. Голопузая компания.

Долго горевал кулак Егор Кузьмич за землицей, а потом, как узнал, что у павловцев всего три лошади, коечто смекнул и успокоился.

— Один черт пахать им нечем будет. Заарендую года на три, попользуюсь еще!

А рыковцы (так товарищество называлось) не унывали, делали свое дело, а на соседей и внимания не обращали. Решили комсомольца Андрюшу в город послать, похлопотать о тракторе.

Съездил Андрей и привез радостную весть: трактор будет, да еще на четыре года в рассрочку, и тракториста берутся на курсах выучить. Одним словом — дело на мази. Месяца через полтора уже пахать машиной будем.

Радуются рыковцы, не верится им, что у них, бедноты безлошадной, трактор будет. А больше всех радуется Андрей. Он ведь сколотил коллектив, он, бегая, мужиков агитировал, он и за трактор первый стал нажимать.

В воскресенье собрались рыковцы решать, кого на курсы отправить, и решили послать Андрея.

— Гляди, Андрей, хорошенько учись, чтоб не осрамиться нам с машиной. Вишь, как кулачье над нами насмехается. Доказать им надо!

— Докажем!

А вечером, когда все старики сидели на завалинке у Андреевой избы, пришел нежданный гость, Кузьмич. Пришел как добрый сосед, посидел, табачком угостил, о хозяйстве поговорил и, когда уже поднялся уходить, вскользь, как бы вспомнив, спросил:

— Земельку мне ту, что за куриловской дорогой, не сдадите годика на три? Земля там крепкая, пахать-то вам ее нечем.

Мужики покачали головами.

— Нет, сдавать не думаем... Сами вспашем.

— А чем пахать-то будете? За ту землю с голыми руками и не берись.

— А трактор на что? Трактором вспашем.

— Трактором? А где ж он у вас?

— Будет!

— Ну, это еще дело далекое. Вилами писано...

— Тогда посмотрим — вилами или нет, а землю, брат, не сдадим.

— Через полтора месяца пахать начнем,— вставил Андрей.

— Ну что ж, дело ваше! А то сдали бы лучше? Верней бы дело было! Трактор-то ведь штука не надежная: трынь-брынь — и стал. Наплачешься с ним.

— Ничего, Кузьмич. Наша машина — наша забота. Тебя не позовем с ней возиться.

* * *

Кончился трудовой день. Нестерпимая жара сменилась вечерней прохладой, потянуло свежим ветерком. Рыковский муравейник кончал работу, готовились ужинать и

отдыхать. И вот ребятишки, второй день уже выглядывавшие Андрея с бугра, отчаянно завопили: «Едет, едет!»

Прислушались. Из-за бугра ясно доносилось ровное пыхтение мотора.

— Едет!

Через минуту стало и видно трактор. Быстро бежал он по уклону, таща за собою плуг. Все, от мала до велика, собрались у андреевских ворот.

Разгоряченный стальной конь, мощно гудя, вбежал во двор, круто повернулся и стал. С него слез грязный, запачканный в масле Андрей и сияющими глазами обвел собравшихся. Все кричали, шумели, наперебой расспрашивали, говорили.

Молодежь и старики, как мухи мед, облепили машину, заглядывая и сверху, и снизу, и с боков.

Андрей присел к старикам, угостил городскими папиросами.

Кузьмич степенно поглаживал бороду.

— Да, трактор — машина неплохая, только у нас он не идет. В Америке дело другое — там керосин нипочем. А у нас один керосин заест — расход большой. Лошадьми помаленьку, не спеша, пошел и пошел, а этот черт, как станет чего, ну и стой. Простоит день, да другой, да третий, вот тебе и скорость твоя. Да еще в горячее время, когда день год кормит. Всякая машина-то ведь каприз имеет. В Америке — дело другое, там народ грамотный, образованный, а у нас — головы соломой набиты. Мы еще в косилках с трудом разбираемся, а то трактор нам дай. Головы-то у нас ведь не американские.

Взорвало Андрея:

— А у тебя, Кузьмич, голова американская?!

— К чему это ты, парень? — удивленно глянул тот.

— А к тому! Как же ты думал, когда с Матюшкой Морозом хотел трактор брать?

— Кто, я? Трактор?

— Да, ты. Думаешь, не знаю? В союзе говорили, Егор Фролов с Морозовым приезжали, трактор хотели взять. Сулили все сразу наличными заплатить, да только не дали вам. Для голодранцев трактора берегут. Что на это скажешь, Кузьмич? А?

Кузьмич густо покраснел и не находил слов для ответа, плюнул и пошел прочь. Дружным хохотом проводили его рыковцы.

— Вот так мериканец! Хитрый, черт!

* * *

Семен Прохорыч, кулак боголюбовский, подошел к трактору, щелкнул пальцем о звонкий бак и обернулся к Андрею:

— За куриловской дорогой когти обломает.

— Когти, говоришь?

— Пахать вам ту землю до самой зимы,— с ехидным смешком сказал Семен Прохорыч.

— До зимы? Через две недели всю переверну.

— Больно горяч ты, парень, не берись ту землю за две недели пахать, легче на поворотах!

Разобрало Андрюху.

— Спорить давай!

— Чего спорить! И так знаю, что не вспашешь. Сорок десятин целины — дело не малое.

— Ну, так смотри ж, коли не вспашу!

— Ладно, ладно, посмотрим!

Ушли хуторяне. Архипыч, один из стариков рыковцев, заметил Андрею:

— Погорячился ты малость, Андрюха. Земля-то ведь тяжелая, коренистая.

— Коли сказал вспашу — значит, так и будет.

Рано, до зари, Андрей выезжал в поле, поздно ночью будил боголюбовцев, возвращаясь домой.

Машина работала хорошо. Чутко прислушивался к ней Андрей, стараясь уловить малейшие перебои и вовремя исправить работу мотора. Вспашка была отличная. Безукоризненно переворачивал плуг пласт за пластом залежавшейся, коренистой земли.

Каждый день приходили с соседних полей мужики поглядеть на работу трактора. Приходили, подолгу глядели, качали головами, удивлялись, меряли пальцами глубину борозды, любуясь работой стального коня. День за днем уменьшался сорокадесятинный загон.

— Ты б, Андрей, легче горячился. Больно уж заездил себя. В шею никто не гонит, можно и раньше с поля приезжать.

— Ничего,— весело отвечал Андрей, и глаза его искрились энергией.

После тринадцатого дня работы осталось всего с десятину нераспаханной земли.

Было воскресенье, но Андрей не считался с отдыхом и поехал кончать пахоту. Срезав последнюю серую ленту

земли посреди широкого загона, Андрей радостно улыбнулся.

До глубокой осени ползал белокрылый трактор на длинных загонах рыковских полей назло сердюковцам и боголюбовцам.

Ни саженя земли не сдали рыковцы в аренду.

Довольны, не нахвалятся рыковцы своей машиной, а больше всех доволен ею Андрюха-тракторист...

А за Кузьмичем прочно укрепилось прозвище: «Мериканец».

1927 г.

ОШИБКА

Силантия Федоровича Агаркова колхозники звали дед Ошибка.

— Завязывай, Петро, мешки получше, чтоб не просыпал, а то дед Ошибка выгонит тебе чертей!

— Бросай курить, ребята, бери вилы — дед Ошибка идет!

Силантий Федорович — старик суетливый, всегда сердитый и нахмуренный. Зычный голос его выделяется из шума на молотильном току, как труба в духовом оркестре, и слышен далеко в окружности, особенно когда что-нибудь не ладится — идет зерно в полову или остается в соломе невымолоченный колос.

— Это его наш бывший начальник политотдела так прозвал, с тех пор и пошло: дед Ошибка,— объяснил мне один колхозник из той же второй бригады, в которой состоял со своим семейством Силантий Федорович, и однажды в свободную минуту рассказал историю странного прозвища Агаркова.

— Дед он такой, как бы сказать, с заскоками или же с уклоном на старый режим. Всякое дело до старого примеряет. Выбирали мы первый раз колхозное правление, ну, все как полагается — записали кандидатуры, начинаем голосовать, а дед разбушевался: «Не гоже так: помахали руками и готово — садись, Ванька, за председателя, руководствуй нами! Ведь наш колхоз побольше, чем у пана Деркача экономия была, тут ума нужно, чтоб таким хозяйством управлять! Надо им, кого хотим выбрать, пробу сперва сделать». Стали его урезонивать: «Не туда загнул, дед! Что ж это — лошадь на базаре покупаешь? Запряг в дроги: а ну, садись человек десять, погоняй рысью!» Дед свое: «Можно и людям сделать пробу. Вот как пан Деркач делал. Помер у него старый приказчик, надо было нового на его место определить. Позвал Романа-ключника и объездчика Федула. «Гляди, Федул,— говорит пан,— едет по хутору мужик. А ты,

Роман, видишь, из леса кто-то выезжает? Бегите, узнайте — куда они едут». Побежали они. Первый Федул вернулся, запыхался. Узнал про своего мужика — едет в село Куракино. «А откуда едет?» — спрашивает пан. Почесал Федул затылок. «Беги обратно!» Вернулся Федул. «Из Латоновки едет».— «А по каким делам едет он в Куракино?» В третий раз побежал Федул догонять мужика. А тем временем возвращается Роман. «Едет, говорит, тот человек из слободы Кирсановки, а путь держит в город на базар коня покупать. Малость выпивши. Ежели еще ему поднести, так в аккурат вашего слепого мерина за хорошую цену можно сбыть. Я ему расписал — полста заглазно дает». Вот! Так и взял пан приказчиком Романа. Вишь, как умные люди делали!»

Ну, тут ему, конечно: «На старый режим хочешь повернуть? Нам твой пан не указ!»

Или вот такое: когда сошлись мы в колхоз, и вот уж перед тем, как выезжать на посевную, привязался дед к правленцам: «Дозвольте молебен отслужить! Это ж не шутейное дело. И деды и прадеды наши однолично жили, а мы порешили — гуртом. Что, как не сладится?» Начал было уже со стариков самообложение собирать, чтоб попу заплатить.

Придет, бывало, на степь в бригаду и — до кухарки: «Что варишь?» — «Борщ с бараниной». Ну, тут дед как разойдется, аж в хутор за три версты слыхать: «Опять с бараниной? Какой же дурень в эту пору, весною, режет баранов? Мясо пожрем, а овчины — хоть выбрось! Куда они, стриженые, годятся? Хозя-ева! Безотцовщина, пустодомы!» А ездовые: «Жалко тебе? Что жрать-то, ежели один борщ, да и тот без мяса?» — «Не подохнете! — кричит дед.— Баранина и в молотьбу пригодится. Весною можно и цибулю с квасом. Что дома лопали? Вчера только сошлись в колхоз, и подавай вам уже всякие разносолы! Нажить сперва надо!»

Или пристанет к посевщикам: «Зря ячменем все поле засеваете, лучше бы овса добавили. Нонешний год на Николу лягушки квакали,— овес должон бы уродиться». И ходит, зудит: «Не слухайте бригадира — сейте овес». Или — лошади не так спарованы. Его кобылу надо бы с Пантюшкиной спрячь, они и до колхоза спрягались, привычные, а Серегиного хромого — с Андрюшкиным сухожилым, нехай уж в паре хромают. Дед — перепрягать, а ездовые не дают. Ругаются ребята: «Что ты за шишка

такая, что порядки тут наводишь? Тебя ж не выбрали еще председателем? Ступай домой, командуй над своей бабкой!»

В первую весну, как стали работать мы колхозом, очень суетился дед, а потом видит — по его не выходит, овес не сеют, баранов режут — заскучал. В бригаду не стал уж ходить, все возле потребилки околачивался, где собирались на раскур табаку кому делать нечего. Раз както пришел я к нему вечером, сидит бабка одна, деда нету. Подождал немного, слышу — снаружи кто-то возится под окном, стену лапает и ругается потихоньку: «Где ж они, проклятые? Днем тут были, а зараз нету...» «Дед, что ли?» — спрашиваю бабку. «Вот-то, говорит, как видишь, и дверей не найдет».— «Так чего ж ты, говорю, пойди открой».— «А ну его, нехай ночует на дворе. Одурел на старости! Дожил до седьмого десятка и рюмки в рот не брал: не идет, говорит, а зараз — пошла. Да еще какую моду взял, черт старый: чуть что не по его — хлеб не допекла или пуговку на штаны не пришила, зараз тянется в морду дать! Озлел, как цепной пес!»

А угощался дед у Чепеля. Был у нас такой единоличник закоренелый, на прошлой неделе только вступил в колхоз. У него, бывало, все старики собирались. Шатаются по хутору, как неприкаянные, ну, куда? — до Чепеля. Сегодня Чепель ставит литру, завтра другой — по очереди. Яблоками закусывали — сад у Чепеля хороший. Так их и прозвали — колхоз «Веселая беседа», а Чепель за председателя там был.

Но на собрания дед приходил обязательно. Тут уж он брал свое! Председатель, бывало, посылает рассыльных по дворам и приказывает: «Только тому срывщику горлатому не загадывайте». А дед будто нюхом чует, когда собрание. Хоть и не зовут, так придет. Сядет в темном уголку на задней скамейке, и только, бывало, разойдется председатель, станет нам докладывать про посевную кампанию да начнет с того, как он на польском фронте два дня эскадроном командовал, когда командира убили, а дед кричит: «Слышь, Петька! Брось про это, слыхали уж много раз. Ты лучше ответь на вопрос: дохлые кобылы воскресают или нет?..» Председатель как услышит дедов голос, аж головой закрутит, будто зубы у него заболят, а дед продолжает свое: «Нет? А вот в нашей бригаде воскресла. Давеча булгахтер с бригадёром считали, считали — недостает одной кобылы, написали акт: разорвали,

дескать, волки, а она нынче утром заявляется — в грязюке вся по уши, худущая, как шкилет!» Счетовод совается на стуле, будто на мокрое сел, а колхозники шумят: «Как же так? Где же она была?» Бригадиру некуда деваться, объясняет, что кобылу бабы вытащили на огородах из копанки (был у нас тогда бригадиром Поликарп Устименко, жулик оказался, судили его после), а ввалилась она туда ночью на попасе еще третьего дня.

А дед уже полевода распекает: «Илюшка! Чего ж ты не похвалишься, сколько вчера дудаков подстрелил?» Тут уж все за животы берутся, один дед сидит, как статуй, глазом не моргнет. Полевод наш — злой охотник был. Как увидит — дудаки за курганчиком пасутся, про все на свете забудет. Раз этак подбирался к ним, три километра на животе прополз — ничего не выходит! Ляжет в бурьян — дудаков не видно, поднимется — уходят дудаки, не подпускают пешего. К ним надо на подводе подъезжать или же с подкатом. Так он что придумал: пришел на загон, где пахали, вывел одну упряжку из борозды,— погоныч тянет быков за налыгач, а он идет за плугом с ружьем. Полдня кружили этак по степи вокруг того места, где дудаки паслись, таких кренделей начертили плугом, будто кто с пьяных глаз обчинал загон (вгорячах и плуг позабыли выкинуть), полгектара не допахали, а дудаков совсем было уже приготовился полевод стрелять,— чья-то баба шла с бахчи — спугнула...

Так и пойдет собрание кувырком. Кричат все: «Давай, дед, давай! Поддай жару!» Раз как-то говорит дед: «Что это в нашем колхозе, как бывало у Савки Мошны: купят, продадут — никто ничего не знает!» Мошна был такой мужик на нашем хуторе. Купит лошадь, даже сыновьям не скажет правду — за сколько. Все, бывало, тишком делает. Придешь к нему — зараз амбары, конюшню запирает, чтоб не узнали, сколько у него хлеба, да скотину не сглазили. Так вот дед и говорит: «Порядки у нас, как у Мошны. Видим — свинарники правление строит, свиней племенных, значит, собираются покупать, а что да как — ничего нам не поясняют. Может, по тыще рублей за штуку платить,— так эти свиньи и штаны с нас стянут. Я на таких свиней не согласный, нехай они подохнут по всему свету!» Ну, тут записали в протокол: предупреждение и строгий выговор деду за подрыв животноводства.

Еще пуще обозлился дед. И вот в прошлом году, весною, выкинул он такое колено. Распорядилось правление

бороновать озимую пшеницу. Против этого-то дед не возражал. Хоть наши хуторяне и не делали этого сроду, но видели, как у Деркача в экономии бороновали — лучше получается. Но когда заметил дед на бригадном дворе, что сын его Гришка собирается на степь и кладет на бричку деревянную борону, вмешался: «Положь эту скребницу на место. Возьми фабричную, двухзвенную». У Гришки мозги раскорячились — кого слушать? Бригадир распорядился брать на зеленя бороны легкие, деревянные, чтоб меньше рвать озимку. Дед в азарт вошел: «Дураки вы оба с бригадёром! Бери, говорю, железную!» Не успел Гришка выехать за хутор, встретился ему по дороге бригадир, обругал его, заставил вернуться и взять деревянную борону. Дед немного погодя опять наведался на бригадный двор, глядит — нету деревянной бороны. «Ах ты ж, говорит, собачий сын! Не послухал-таки, болячка тебе в спину!» И прямым сообщением — на степь.

С Гришкой бороновали еще трое парней. Ну, до тех дед не подходил — что с них спросишь, когда тут со своим не справишься. Подождал он, пока Гришка выехал на край загона, выхватил у него вожжи, как горланет на него, аж кони в сторону прянули: «Кто тебе батька — я или бригадёр? Кого слушаешь? Убирайся зараз отсюда! Хлебу я еще пока хозяин такой же, как и твой бригадёр! Не дам пакостить!» Да вожжами его — по спине! Гришка, бедный, аж заплакал с досады, бросил на загоне бричку и борону, сел верхом и поехал в хутор жаловаться на батька бригадиру. А дед идет за ним следом и рассуждает: «Теперь за старухой очередь. Скажет: не буду тебе, черту старому, портки мыть — бригадёр, дескать, не велел,— и что ты ей сделаешь? Вот жизня!»

Вечером деду принесли из правления повестку. Повестку дед взял, а в правление не пошел. Решили о нем заглазно: «Агаркова Силантия Федоровича, как антисоветского элемента и срывщика осеннего сева, исключить из колхоза».

Ну, так и жил дед: Гришка его со старухой — в колхозе, а он — единоличником. Придет ночью от Чепеля, толкает старуху: «Эй ты, колхозница, подвинься! Развалилась! И на кровати уже места нету!»

Уже и политотдел у нас стал работать. Дошли до начальника разговоры про воскресшую кобылу, давай он ковырять. Так по ниточке и распутал клубок. Оказалось, что счетовод с нашим бригадиром не одну кобылу спи-

сали этак на волков. И быков и коров сплавляли в Ставропольщину на базары, а в актах писали — волки разорвали. Уже и посадили бригадира со счетоводом, а дед все не хлопочет, чтобы восстановили его.

Довелось нам на другую весну снова бороновать озимку. Приезжает из МТС старший агроном. «Строго, говорит, запрещаю применять деревянные бороны. Железные бороны тяжелые, идут по загону ровно, спокойно и землю хорошо рыхлят, а деревянные — прыгают, как козы, корку не разделывают, а зеленей портят больше».

Пришел я до деда. «Твоя, говорю, правда. Зря тебя исключили. Пиши жалобу. Не выйдет дело в правлении, жалуйся в политотдел». Не пошел дед ни в политотдел, никуда — так крепко разобиделся.

Случилось, что начальник политотдела товарищ Павлов сам приметил деда.

Встретились они как-то на улице, спрашивает Павлов деда: «Ну как, дедушка, дела у вас в колхозе?» — «Дела — как по маслу, — отвечает дед, — в две смены работа идет!» — «Как в две смены?» — «Да так: одни спят, а другие мух от них отгоняют». А в то время у нас в колхозе, верно, не ладилось. Председатель надумал другой раз жениться, ездил по хуторам, невесту искал, полевод — каждый день на охоте, а бригадиры тем часом до Чепеля. Павлов поглядел этак на деда: «А ты ж чей будешь? Я в вашем колхозе всех стариков знаю, а тебя будто не видел ни разу...» Дед насупился. Привык он, что никто его речей в толк не берет, вот, думает, еще один такой: поговорит, посмеется и уедет. «А я, — отвечает, — не колхозник». — «Чего так? Ушел из колхоза, что ли?» — «Да... ушел. Не ко двору пришелся». И больше не стал объяснять про себя. «Может, ты, дед, лишенец?» — спрашивает Павлов. «Ну, ясно, лишенец, кулак. Триста голов скота имел!..»

Павлов и верит и не верит. Пришел в колхоз, спрашивает, так ли? Разъяснили ему: пастухом он был когда-то, триста коров в стаде ходило. Бедняк. При Советской власти уже пару кляч заимел. С этой-то стороны у него все в порядке, а вот крикун большой и старорежимного закала. Павлов наморщил нос — он всегда, бывало, когда чем-нибудь недоволен, сморщит этак нос и сопит, как еж. «Да, говорит, комсомольский возраст дед уже перерос. Нагляделся он на своем веку старого режима». А когда

встретился с ним в другой раз, то стал его опять расспрашивать: «Как же ты, дедушка, дальше думаешь? Чем жить-то будешь?» Дед за словом в карман не лезет. «Проживем! — говорит.— Куплю конячку и буду колхозную солому молотить. Соломку-то, дай бог им здоровья, хорошую бросают, колосу — пополам. С месяц помолочусь — на три года хлеба. Не пахавши, не сеявши!» Павлов навострил ухо. «А ну-ка, говорит, садись в машину, поедем со мной, покажешь, где так молотят».

Поехали. А у нас тогда на молотилках норму повернули не с тонны, а с гектара, ну, машинисты и гнали — лишь бы скорее. Целые снопы проскакивали. Павлов нагнал там всем жару. «Завтра, говорит, опять приеду. Если еще хоть один колосок невымолоченный найду — плохо будет».

Едут обратно. Дед спрашивает: «А ты кто ж такой будешь, что распоряжаешься? Должно быть, этот самый политотдел?» Павлов смеется. Он такой щуплый, кепка на затылке, не похож на начальство. «Этот самый»,— говорит. «А ежели до старого приравнять, как оно будет — политотдел? — спрашивает дед.— Становой или же повыше?» — «Не знаю,— смеется Павлов,— как по-старому, а только если еще заметишь какие непорядки — ступай прямо ко мне». Дед дня через два пошел поглядеть, как молотят,— нету в соломе ни зерна. Удивился. «Хм! Как сто бабок пошептало! Оно-таки, значит, верно, неплохая эта штука — политотдел».

И так у них повелось с Павловым. Придет дед к нему в политотдел, сядет в углу, нахмурится и бормочет: «Сукины дети, агроломы, нету на вас погибели!» А сам под ноги себе глядит, будто не до Павлова речь ведет. Павлов усмехается. «Ты что там, дед, бубнишь! Подсаживайся ближе».— «Да вот, говорит, опыты у нас делают, как прямо по сорнякам озимку сеять. Привез агроном эти пшеничники, или как они там у черта называются, а они только сверху землю ковыряют, а вглубь не лезут. Весь сорняк как был, так и стоит невредимый!» Павлов — на машину и деда с собой.

Раз как-то спрашивает Павлов у деда: «Чего ж ты не подаешь заявление, чтобы приняли тебя обратно в колхоз? Я слыхал: тебя исключили за то, что не давал бороновать озимку? Ну, это дело прошлое — уладим». — «А ну их к лешему! — говорит дед.— Буду сам хозяевать. За чужой головой хоть и спокойнее жить, да тошно».

Павлов на этом не остановился. Вызвал раз деда в политотдел. «Хоть ты, говорит, Силантий Федорыч, и не колхозник, но даем тебе от политотдела задание. Мы в ваш колхоз посылаем лучшую тракторную бригаду. Машины там новой марки, гусеничные, каждая по двенадцать лемехов тянет. Так надо, чтоб эти машины работали как следует. Тебя мы прикрепляем к этой бригаде наблюдать за качеством. Побудешь там хоть с неделю, пока наладится. Все равно делать тебе сейчас нечего. Соломы такой, чтобы тебе молотить, уже нет». И смеется. Дед подумал. «Это ж как я буду? Вроде как в третьей бригаде Микита Редкокаша? Инспехтором?» — «Вот, вот, так, как Никита».— «А что оно, слышь, это инспехтор, ежели до старого приравнять,— десятский или же сотский?» Рассказал ему Павлов. Пошел дед в бригаду. А председатель наш носом крутит. «Зря. Раз — то, что не колхозник, а другое — с ветерком дед. Он там такого натворит, что и не расхлебаем». Павлов ему: «Ничего, поглядим».

На другой день бежит в политотдел рулевой Мишка Филатов с жалобой на деда: «Нехай рукам волю не дает! Это ему не старый режим! Ежели мер не примете — в суд подам!» Аж слезы у парня текут и шею бинтом обвязал. Приехал Павлов на место происшествия, спрашивает деда: «Что тут у тебя с ним вышло?» Дед плечами сдвигает: «Ничего не вышло. Галдел, галдел ему: держи, парень, ровнее — огрех бросаешь, подглыби середний плуг, мелко берет,— так ничего и не вышло. Пришлось ссадить с машины».— «Как же ты его ссадил, что парень жалуется — шея не ворочается?» — «Ну, а я ж-то при чем? Я б, может, за рукав или за шиворот его взял, кабы он в рубашке был, а он голый, загорал против солнца. Пришлось взять его за шею». Да как вызверится на Мишку: «С-сукин сын! Весь загон испакостил — срамно глядеть! Небось, когда на своем тракторе пахал, так не бросал огрехов!» — «Как — на своем?» — спрашивает Павлов. «Да так. Свой трактор у них с батьком был. И молотилка. Он с Вербового хутора, я их знаю, как облупленных».

Выгнал Павлов этого тракториста из бригады. А через неделю — снова жалоба на деда. Пришел в политотдел председатель «Красных бойцов». «Что за самоуправство! — говорит.— Нашу клетку запахал!» Тут и наш председатель был. «Вот видите! — говорит.— Я же предупреждал — наделает делов». Павлов посмеялся, а потом как взял в оборот председателя «Красных бойцов»: «Ка-

кой же ты руководитель, ежели земли своей не знаешь? Хозяева! Сто гектаров земли потеряли!» Вышло так: в наш участок заходит сапогом стогектарка «Красных бойцов». Земля там хорошая, толока, лет пять не пахалась. А у них такой ералаш в то время был: бригадиры и полеводы каждый месяц менялись, участков своих не знали, первая бригада думала, что клетка эта второй бригады, а вторая тоже за свою не признавала. Ну, у деда и разгорелся глаз на эту землю. «Загоняй, ребята,— наша будет!» Аж когда вспахали, тогда только разглядели «Красные бойцы» — ихняя земля. Ну, клетку ту им вернули, они нам за нее после отпахали. Деду Павлов сказал: «Больше так не делай. Не к помещику за межу залез, а в такой же колхоз». А «Красным бойцам» потом проходу не давал. На каждом собрании, бывало, издевался: «Ну-ка, расскажите, хозяева премилые, как вас дед с землей объегорил?»

Вот так и пошло. Посылал Павлов деда к тракторам на неделю, а пробыл он там до конца пахоты. До Чепеля совсем дорогу забыл. Приезжает как-то Павлов, а дед суетится, мотается по полю, загонки для тракторов размечает, ругается с полеводом: почему сорняки на участке не выжег? Спрашивает Павлов деда: «Ну, а ежели так вот, как сейчас, не тошно будет в колхозе?» Дед подумал, усмехнулся: «Так-то оно вроде ничего...» Зазвал его Павлов в вагончик, сам написал заявление, дед подписался. А как узнал Павлов в точности, за что исключили деда, про деревянную борону, рассердился, ни разу не видали его таким злым. «Шляпа! — говорит нашему председателю.— Жуликов под носом у себя держал, а деда какого выгнал!»

Так с тех пор и работает дед инспектором в нашей бригаде. Недавно было — ячмень уже начинали косить,— приходит в степь, под глазами синяки, нос распух, будто пчелы его покусали, ухо в крови. Я перепугался: «Где это тебя угостили?» — «У Чепеля»,— отвечает. «Чего ж тебя туда занесло? Опять до рюмки потянуло?» — «Пошел ты к черту! — говорит.— До рюмки! Ишь догадливый какой!» Обиделся и разговаривать не стал. Вечером уже, когда отсердился малость, рассказал: «Пришел, говорит, вчера до Чепеля, а там пир горой — человек двадцать собралось. И из нашей бригады сидят трое. «Что ж вы, говорю, делаете, бандиты? Колхоз уже косовицу начал, а вы тут саботаж разводите?» Чепель поднимается:

«А что ты, говорит, за шишка такая? Тебе какое дело?» — да за грудки меня. Я не стерпел, Чепелю — в ухо! Чепель развернулся, да меня! Я его — коленом в живот. Кабы один на один — умолотил бы, да вступились там за него, я и ушел от греха прочь».

Когда уезжал от нас Павлов — пришел к нам в колхоз и говорит председателю: «Этой своей ошибки до смерти не забывай». И зовет деда: «Ну, иди сюда, дед Ошибка, попрощаемся». Так с тех пор и пошло — дед Ошибка...

1935 г.

РОДНЯ

— Я вот скажу, что такое для меня колхоз. Тут у нас всё рассуждают: много хлеба на трудодень получаем, патефоны, велосипеды, мол, у каждого. Я не об этом, я о другом расскажу...

У меня сейчас самая большая семья в хуторе — с детьми семнадцать душ. Три сына женатых при мне, две дочки, внуки. Интересно получается. Сам иной раз диву даешься, как живем. Со стороны поглядеть — будто и не родня друг другу. У каждого свои трудодни, своя получка, купить ежели чего нужно — каждый за свои покупает. Дом-то этот строили сообща, в складчину. Собрались все, посоветовались: семья большая, а хата тесная, жить негде,— надо новый дом строить, чтобы каждому квартира была. Ну, и поставили, вишь, какие хоромы: шесть комнат, столовая, кухня. Старший сын, Федор, дал денег на постройку, Николай и меньший Яшка свою долю внесли. И девчата — тоже. Так и живем. Стол, конечно, совместный, мать готовит на всех, девчата помогают, когда бывают дома, а во всем остальном каждый располагает на свой заработок. Костюм новый справить, вещь какую-нибудь купить, в дом отдыха либо в Москву в отпуск с жинкой съездить — это уж как кому желательно. Вот девки мои поехали в прошлом году в город: одна меховую шубу себе купила там, а другой загорелось, в чем бы ни стало, на самолете полетать. Взяла билет, слетала аж в Ленинград. Ну, чего ты ей сделаешь? Ее труд, ее деньги — сама себе хозяйка.

Может, кому из отцов такие порядки не нравятся, но, по-моему, лучшего и не придумаешь. Большая тяжесть с моей души снята. Если кто скажет, что нехорошо этак, не по-родственному: между своими людьми, в одном доме, считать раздельно трудодни и деньги,— так я на это отвечу: великое спасибо колхозу за то, что учел он труд каждого человека и определил, чего стоит его труд.

Вот я тоже вырос в такой большой семье. Три брата

нас было женатых при отце, две сестры. Не делились долго. Старик и слушать не хотел о разделе. Отцовщина наша была там, где сейчас правление колхоза помещается. Дом этот конфискован в тридцатом году — как кулацкий. Но это уж младший братец Марко вышел в кулаки, когда остался один, а при отце мы хотя и жили в достатке, но своим трудом обходились. Семья была двадцать две души. Считались мы в селе людьми богатыми, скота имели много, хлеба сеяли десятин тридцать, только богатству нашему никто не завидовал. Как-то у нас все безалаберно шло. От зерна амбары трещат, скота много продаем, а носим всё домотканое, и аршина ситцу, бывало, за год не купим в лавке — штаны из холста, такие ж и рубахи, и у баб все холщовое, и в будень и в праздник. Отец сам и овчины чинил на кожухи, и шапки шил сам, и сапоги тачал из товара домашней выделки. Сляпает сапог из сыромятины, по мокрому походишь, расползется мешком — не разберешь, где носок, где задник, кругом ровный. За зиму пары три такой обувки износишь, зато дешево, сапожнику не платить.

И работали бестолково. Не знали покою ни днем, ни ночью, с ног сбивались. В молотьбу отец от воскресенья до воскресенья никому и на час прилечь отдохнуть не позволял: «Зима, говорит, на то придет, зимою будете дрыхнуть». Всю ночь тарахтят веялки у нас на току. Только если со стороны послушать,— чудно как-то тарахтят, с перерывами. С вечера слышно, потом затихнет, еще немного потарахтят, потом опять не слышно. Заглянуть в то время на ток, когда тихо,— спим все, где кого захватило: детвора-погонычи, что оттягивали волоками полову к скирдам, верхом на лошадях спят; девчата — возле веялок, а старик на мешках храпит. Перемучаемся этак ночь, потом и днем ходим, как вареные, вилы из рук валятся, где кто присел, там и заснул. А под конец выходит — люди уже озимь сеют, а мы все косим да молотим.

Плохо работали. Хуже нас никто землю не обрабатывал. Пахали кое-как, на два вершка, сеяли наволоком, лишь бы побольше захватить. Били на количество, аренды добавляли. На пахоте отец, бывало, только и следил за тем, чтоб «аккуратно» обчинали загоны — на плуг, на два через межу чужого прихватывали.

На такие штуки отец-покойник, не тем будь помянут, большой мастер был. Не туда его голова работала, чтобы дать порядок дома и на поле, участок получше обрабо-

тать, сад, может, насадить, скота породистого добыть, а только — чтоб облапошить кого-нибудь, на чужбинку чем ни есть попользоваться.

По этим делам отцу больше всех под мысли пришелся младший сын Марко. Я старший был, а меня отец так не приближал к себе, как Марка. Я из дураков не выходил. Все — Алешка-дурак. Это за то, что не умел людей обманывать. А про среднего, Степана, и говорить нечего. Этот был у нас парень хлесткий, несдержанный на язык. Я, признаться, робел перед отцом, а Степка резал прямо: и за то, что работаешь, как проклятый, а ходишь в отрепьях, и за детей, что в школу не пускают, и за всякие проделки отцовы и Марковы, за которые стали уже нас звать в селе по-уличному — Хапуны.

Повезу я, бывало, на ссыпку пшеницу да подмешаю, как отец прикажет, в каждый мешок по мерке отходов, а там приемщик возьмет пробу не с верху, а со дна, щупом, и забракует. Идет вся пшеница по цене отходов по пятаку за пуд. Приезжаю домой, рассказываю, а Степан как вскинется: «Что,— на отца,— не все дураки на свете, есть и похитрее нас? Ловкачи! Рубли на пятаки менять!» Отец аж позеленеет. «Цыть, сукин сын! Молодой еще — батька попрекать! Кто ж вам виноват, что такие растяпы. Заставь дурака богу молиться! Кабы Марка послал, тот небось ссыпал бы за первый сорт». Степан не унимается: «Да, Марко ссыпал бы! Марко ваш может! Быков вон ссыпал на ярмарке за сто двадцать, а деньги куда девал? Гашка в чулок спрятала? (Гашка — Маркова жинка была.) Так нам с Алексеем про то тоже надо бы знать. И наш труд есть в тех деньгах». Старик до Степки — с палкой. «Молчи, обормот! Ты на Марка не моги! Марко — хозяин. На вас доверь — за неделю размотаете. Быки! Вон где быки: крышу на конюшне перекрыли — раз, новый стан под бричкой — два. Заслепило тебе, не видишь?» Степан и палки не боится. «Крыша — двадцать рублей, это нам известно, стан — тридцать, а еще семьдесят где?..» Гнул Степан все на раздел.

Один Марко был утешением родительским. Не надо, бывало, учить его да приказывать — сам знает, что делать. Издохнет свинья — Марко разделает тушу, как резаную, и везет в город на базар. Обратно едет веселый, под хмельком: отец ему позволял и вином побаловаться — знал, что больше четвертака не пропьет, зато на деле не один целковый патянет,— хвалится: пошла за первый

сорт! Все ему знакомые: и врачи те, что клеймо кладут, и колбасники, всех угощает, подарками задабривает... Послал его однажды отец к одному придурковатому мужику договориться насчет земли, взять у него на весну в аренду десятин несколько, так Марко споил там всех, заставил вместо аренды купчую за ту же цену подписать. Понятые руку приложили, а к чему — не разобрали спьяна. И нам это стало известно уже после раздела. Десять лет не оглашал Марко бумагу. Сеяли, все считали — аренда, оказалось — купленная. Вот какой был хват!

Звал его отец малóй, а «малóму» уже за тридцать перевалило, моложе меня всего на четыре года был. Наружностью — весь в отца. Мы со Степаном в мать вышли, черные, а он рыжий, кривоногий, морда красная, как кирпичом натертая, глаза запухшие, бесперечь моргает ими,— какая-то болезнь у него была в глазах: все, бывало, слезы вытирает, будто плачет. Так схожи они были с отцом мыслями своими, что понимали один другого с полуслова. Послушаешь иной раз их разговор, как они советуются между собой о каком-нибудь деле,— ничего не разберешь.

Сидят рядом, потупятся, отец бороду теребит, Марко глазами моргает, вытирает платочком слезы, и только и слышно: «Эге... Да и я так думал... Оно б то можно и тово, да как бы не тово...» — «Слышь, малой,— говорит отец,— ну, так как же? Убить? Жалко. Может, тово?.. Попробуем?» — «Да и я тоже так думаю, — отвечает Марко.— Залить ему пару бутылок да по ребрам его, по ребрам хорошенько, чтоб сигал. Эге?» — «Да, ну да, может, и тово... А не тово, тогда уж быть ему так...»

Мать сердится: «Ну, заджеркотали, турки! Всего делов — коня слепого продают, а таятся, будто человека собираются зарезать, прости господи!»

Так они вдвоем и правили. Отец больше по домашности, а Марко — поехать куда-нибудь, купить, продать. Меньшим братом был, должен был бы нас со Степаном уважать, а он, чуя за собой отцовскую руку, такую волю взял над нами! Стал прикрикивать, как на работников. Забежит иной раз на степь, где мы жили все лето,— я, Степан, Федька, сын мой, Степановы девчата,— как приказчик, на дрожках, плетка в руке. И то ему не так и это не так. Сено перестояло, мало скосили, рано выпрягаем. «Вы, говорит, мне тут пошевеливайтесь веселее! Чтоб к воскресенью все сено было в стогах». Степан как-то не вытерпел. «Тебе-е? — говорит.— Ах ты, шут гороховый!

А этого тебе не желательно?» — да как хватит его по спине вилами, тот с дрожек и кувыркнулся. Что там было! Марковы дети — на Степана, мы с Федькой вступились за него — и нам попало. Бабы передрались. И такое случалось у нас не раз, а частенько...

Вот так и жили. Денег отец на руки никому не давал. «Хлеб жрете? — говорит.— Одежа, обувка есть? На что вам еще? На баловство?» Как раз была у нас такая жизнь, как вот некоторым нравится: несчитанное, немерянное, неделенное. Степан пытался было кой-когда посчитаться — один скандал. Но чуяли мы с ним, что дела неладные. Куда-то же они деваются, эти деньги, что выручаем за хлеб, за скот?

Долго жили мы вместе. Федору моему уже двадцать лет было, когда поделились. Все-таки поделились. Когда уже всем стало невмоготу. Больше всех досталось Мотьке бедной, Степановой жинке. Загнали бабу в могилу...

Мотька была молодица такая, что по нынешним временам, не знаю, как бы ее и возвеличили за ее работу. Первой ударницей прославили бы. Собою была щупленькая, худенькая, но в работе — огонь! И на степи ворочала за троих и дома. На все руки была мастерица. Мы хоть зимою отсыпались вволю, а Мотька круглый год не знала отдыха. Все спят уже, и бабы спят, а она сидит чуть не до рассвета при каганце, шьет. Всю ораву одевала. Штаны, рубахи наши эти самые холщовые — все это ее работа была. Сама и пряла, и ткала, и шила. Но раз уже пошло у отца со Степаном разногласие, и невестка немила стала, ничем не могла ему угодить. Не так ступнула, не так повернулась, не так села. Отец и называл ее не иначе, как в насмешку,— модистка. «А где ж это наша модистка? Эй ты, модистка!», «Так — черт-те что, не молодица! — говорил он.— В чем только душа держится, кожа да кости, сказано — модистка! Гашка, вот это баба! Нашей породы, крестьянской. Мешок за хорошего мужика понесет». Гашка, Маркова жинка, была его любимая невестка. Ростом на голову выше Марка, пудов шесть весу — идет, земля под ней дрожит.

И так завелось между ними: Мотька и ткала холсты и шила, а кроить рубахи отец всегда звал соседку Семеновну,— пронырливая такая бабенка была: где ссора в семействе, туда и она свой нос сует. Достанет отец из сундука холсты, даже мать к этим делам не допускал, запрется с Семеновной в передней хате; подождет, покуда

она выкроит рубахи, завернет остатки и опять прячет в сундук под замок.

Мотька от обиды все плакала втихомолку. Она такая безответная была. А Степан терпел, терпел, да однажды и не вытерпел. Вывел эту Семеновну из хаты, турнул ее в шею с порожков, а потом — до отца! «Что она у вас украла, Мотька, что не доверяете ей? — побелел как стена.— Как же можно жить так в семье — без доверия?» Отец расходился: «Кого учишь, сукин сын? Не украла, так могёт украсть!» И получилось у них так: отец ударил Степана палкой, а тот либо оборонялся, либо так уже обеспамятел — тоже толкнул отца... Потянул отец Степана в волость на расправу. Держали его там три дня в холодной, били. Вернулся домой страшный, лицо распухло, весь в синяках.

С тех пор еще хуже у нас стало. Зашла злоба такая, что ничем уж не утушишь. Моя баба и Мотька нашли ключ от Гашкиного сундука,— та обронила его где-то,— и сговорились между собой посмотреть, чего она там прячет. Выждали, покуда все вышли из хаты, открыли сундук, а там под старым Гашкиным приданым кашемировые полушалки, бумазея, сукна, ситцы в штуках — все то самое, на что отец никому в семье и копейки не давал.

Бабы так и ахнули. Вот оно где — и быки наши и пшеничка! На что Мотька тихая да смирная была, и та разъярилась. Побежала за топором, а моя стала выбрасывать все из сундука на пол. Посекли они топором на пороге все Гашкины обновы, запихали обратно в сундук, заперли на замок и ключ подкинули обратно на то ж место, где нашли. Гашка как заглянула в сундук, захворала от злости, два дня в постели пролежала. Догадалась она, конечно, чьих рук это дело, но отцу не пожаловалась: покупались эти кашемиры, должно быть, тайком и от старика. Стала вымещать нашим бабам кулаками. Как поймает где-нибудь Мотьку одну — за волосы ее и оземь. И мою бабу била. Ну, за баб, конечно, мы, мужики, вступались в драку. Редкий день обходился мирно. Как шум, крик на дворе, так соседи уже знают — Хапуновы дерутся.

Сойдемся, бывало, за обедом — четыре отца, четыре матери, дети взрослые, девки-невесты, всех двадцать две души — молчим, чертом один на другого исподлобья поглядываем, сопим только да жуем. За едой ругаться невыгодно: другие тем временем лучшие куски из чашки повытаскивают. А встанем из-за стола, помолимся, вый-

дем на двор и — пошли гоняться один за другим с граблями.

А воровать стали все поголовно, кто чего изловчится,— не зря опасался отец, что «могёт украсть». Малыши крали яйца на леденцы, бабы таскали лавочнику на дом масло, сало кусками, меняли на ленты, гребешки, парни крали пшеницу с току целыми мешками.

Наконец, дошло до того, что Гашка пустила про Мотьку слух, будто к ней, когда спала она одна в летней кухне, лазили в окно соседские парни. Набрехала, конечно. Куда там той бедной Мотьке до парней! Замучили бабу — еле ноги тягала. Но все же — брошено слово, так с языка на язык пошли сплетни по селу. Кто-то ворота нам дегтем вымазал за Мотьку, а может, сама же Гашка. Тут и Степан дал маху. Не разобравшись с делом, поверил и тоже Мотьку — за косу. Защитил бабу от напасти! И вот как-то вышел я ночью в конюшню задать корму лошадям, зажег фонарь, глянул перед собою — и шапка в гору полезла. Висит Мотька на вожжах, голова набок — захолонула уже. Вот что получилось...

Похоронили мы Мотьку. Степан кричал на могиле не своим голосом, рубаху на себе рвал. Тут уж и отец с Марком видят — дальше так жить невозможно, посоветовались между собой: «Ну что ж, малой, выходит — тово? Не миновать?» — «Да, ну да. И я так помыслил»,— и объявили нам со Степаном раздел имущества...

Марко, как младший сын, остался на корню, с отцом. Нам со Степаном отделили по пять десятин земли с краю участка, на солончаках. На том месте у нас никогда хлеб не родил. Лучшая земля, чернозем, была ближе к селу — осталась за Марком. Из тягла дали Степану пару волов, один калека, давно уже не запрягался, на ногу не ступал, собирались его на бойню продать. Мне дали пару лошадей, самых что ни есть расподлюк выбрали. Одна подорванная, больная, другой тридцать лет, без зубов. Ну, из инвентаря кое-что дали: сеялку без ящика, ящик бричечный без колес, топор, лопату... Пожаловались было мы со Степаном в волость на неправый раздел, да Марко поперед нас ублаготворил там кого следует. Подтвердили...

Дальше жизнь наша пошла так. Марково хозяйство на отцовщине после раздела стало подниматься в гору, как опара на дрожжах. Земли прибыло, больше чем нам отрезал,— огласил купчую на ту, что считали арендой. Выждал с год для приличия и начал: молотилку с паро-

виком купил, еще земли добавил, лавку открыл. Ну, тут уже всем стало понятно. Соседи говорили: «Вот аж когда Марко Хапун жинкин чулок развязал!» Ясное дело: кашемиры да ситцы — то мелочь. Тыщи лежали где-то до поры до времени. Наши труды... Одна беда была Марку — рабочих рук стало не хватать в хозяйстве. Пришлось нанимать на наше место работников.

Были у нас еще две сестры, Варька и Феклушка. Этих Марко оставил при себе, на отцовщине, обещался выдать замуж, справить приданое. Варька ждала, ждала женихов, да и ушла в город, устроилась там где-то в прислуги. А Феклушку он чуть не до тридцати лет держал в девках, все искал таких сватов, чтоб поменьше приданого спросили, да и нашел подходящее место: богатая семья, не стыдно посвататься, и ни копейки приданого не потребовали, рады-радехоньки были, что хоть голую душу взяли. Их в селе сторонились все: больные были, от мала до велика, поганой болезнью...

Отец после раздела начал стареть как-то сразу на глазах. Стал задумываться. Должно быть, заскребло-таки его за душу. Нехорошо все же получилось. Как-никак не чужие, свои, кровные. Потянуло его подальше от людей, в одиночестве обдумать свою жизнь. Весною отвез его Марко в город, и пошел он оттуда пешком по святым местам. Вернулся осенью, уже в холода, худой, оборванный. Марко его сразу огорошил: «Не гоже так, батя! Прошлялись рабочее время, а я за вас человека нанимал бахчу стеречь. Вы бы уж и в зиму — того... туда, где летом были, в лавру там какую, что ли...»

Помер старик не в почете. Пока была жива мать, кое-как еще доглядывала за ним, а остался один, туго пришлось доживать. Когда совсем ослаб и, бывало, по старческой немощи обпачкается либо за обедом чашку с борщом опрокинет, и по затылку от Гашки схватывал. Не слезет с печи — забудут и к столу позвать. Сам портки в речке стирал. Станет на бережку на четвереньках, а потом не разогнется и кличет ребятишек, чтоб вывели на сухое...

Мне на отделе не повезло. Лошади, те, что дали мне, в первый же год пали. Спрягались мы с соседом по корове. Жил у людей на квартире. Одно лето проболел я, не управился с прополкой — сорняк заглушил хлеб. Семена не вернул. Так уж я и не поднялся. Пошел по наймам, детей на поденщину стал посылать. До самой революции батраковал. Степан построил-таки себе хату, женился дру-

гой раз, взял за женой корову, лошадь. Пожил годов несколько, а потом подкосило и его. Настала засуха такая, что выгорело все на полях, как от пожару. Кору толкли, подмешивали в хлеб, желуди в лесах собирали. Степан в то лето не стал и косилку зря гонять по своим солончакам — не было ничего, одни будяки выросли. За зиму проел скотину, снасть, какую мог продать, а весною выпросил у соседа подводу, уложил на нее пожитки и подался в город. Хату его купил Марко для старшего сына за пять пудов ячменя. Чужие четыре давали, Марко по-свойски пуд накинул.

Степан перед отъездом пришел к брату за ячменем, набрал зерно в мешки, завязал... Марко стоит, глазами моргает, вытирает платочком слезы, будто плачет — жалко с братом расставаться. Степан отнес мешки за ворота на подводу, вернулся к нему — чего б сказать на прощанье? Да как плюнет ему в рожу — только и всего. Больше мы его и не видали. Работал он на рудниках, потом на завод поступил, в революцию — слыхать было — участвовал в Красной гвардии с сыновьями (два сына взрослых были у него к тому времени),— все трое погибли.

Вот что вышло из нашей семьи...

Когда Марка штрафовали по хлебозаготовкам в пятикратном размере, мои ребята с великим удовольствием помогали комсоду выгребать его пшеницу из амбаров. Меньшие, Николай и Яшка, эти только понаслышке знали про наше совместное житье с дедом и дядькой Марком, а старшой, Федор,— тот хорошо помнил, на своей шкуре все испытал. Он в гражданскую войну в партизанах был. Заскочил как-то с отрядом к дядьке. «Эх! — говорит.— Посчитаться бы с тобой! Пустить на дым все, что награбил ты нашим трудом! Ну, ладно, нехай подождет до поры. Оно нам еще пригодится».

В тридцатом году раскулачили Марка и выслали со всем семейством на Урал. Приходил ко мне прощаться, просил хлеба на дорогу. Плачет, слезы вытирает. Дал буханку. Черт с тобой, езжай да не ворочайся...

1938 г.

ПРАСКОВЬЯ МАКСИМОВНА

Приехал я в один район Краснодарского края с заданием редакции написать очерк о колхозных опытниках. Мне назвали в райкоме колхоз «Красные зори», где опытным участком и хатой-лабораторией заведовала Прасковья Максимовна Бондаренко. Туда я и направился.

Председатель колхоза, рассказывая о Бондаренко, хвалил ее, но как-то мялся, отводил глаза в сторону, заметно было — не от души хвалил.

— По урожайности никто в районе ее не опередил, это верно. Семьдесят центнеров кукурузы взяла. За клещевину краевую премию получила. Мы ей корову дали, в дом отдыха посылали в прошлом году.

— Значит, хорошо работает?

— Да. Вот только... Вы были в бригаде, говорили с народом?

— А что?

— Не любят ее некоторые колхозники. Сами не можем понять — почему очень много недовольных на нее.

Тут же, в кабинете председателя, сидел парторг колхоза.

— Это правильно, — подтвердил он. — Работает она интенсивно, но с людьми ладить не умеет.

— Зазналась?

— Да нет, вроде бы и не зазналась. Просто завелась там склока! Такие перетурбации в бригаде — не успеваем мирить их! Есть очень агрессивно настроенные против нее. Станешь говорить им об ее достижениях — слушать не хотят. Затуляют уши и уходят.

Я тоже «затулил» уши и ушел.

...Бондаренко — пожилая женщина, лет сорока, вдова, худощавая, смуглая и черноволосая, очень похожая на цыганку. Живет она одна — дочь учится в городе, в медицинском институте, сына в прошлом году призвали в Красную Армию. Несмотря на то, что Прасковья Максимовна все дни проводит в степи и редко бывает дома, в

хате ее уютно и чисто убрано. Хата — старая, крестьянская, на две половины, с огромной русской печью в простенке, с маленькими подслеповатыми окнами, но с хорошей обстановкой. Посреди передней комнаты стоит круглый стол, покрытый белой скатертью, к столу придвинуты четыре стула. Над столом низко спущена электрическая лампочка под зеленым стеклянным абажуром. В углу этажерка с книгами. Над кроватью ковер. У другой стены мягкий диван. Лежанка русской печи, уродующая комнату, задернута кружевной занавеской. Такие же занавески на окнах. На полу домотканые дорожки. Сама Бондаренко одевается чисто и со вкусом. Когда я пришел к ней, она собиралась куда-то уходить. Одета она была в темно-синий шерстяной костюм, сшитый у хорошего портного. Вечером я видел ее в клубе в цыганской шелковой шали, яркой, цветастой, с длинной бахромой до земли.

Меня в беседе с Бондаренко прежде всего, конечно, интересовали причины «перетурбаций» и «агрессий» — изъясняясь пышным слогом парторга. Она тоже с этого начала:

— Вот о нас уже много писали. В районной газете каждый день: «Победы стахановки-опытницы Бондаренко», «Прасковья Максимовна едет на курорт», «Колхоз премирует лучших стахановцев» и все такое... Хвалили нас достаточно, даже слишком. Не так оно гладко все бывает, как может кому показаться. А вы лучше напишите о нас с другой стороны.

— Как с другой?

— О наших трудностях. Какая борьба у нас идет. Это правильно председатель говорит — не любят...

И стала рассказывать.

Рассказ ее, взволнованный, местами прерывавшийся даже слезами, я и передаю здесь.

— Говорите: не могут понять, почему такое отношение ко мне? Кабы хотели понять — поняли бы!.. Чего тут особенно придумывать? Конечно, не за что меня любить. Я же таки, верно, залила кой-кому за шкуру сала. Без этого в нашей работе не обойдешься.

Вот — далеко не ходить — весною было дело. Сеяли мы ячмень. Тракторист Петька Сорокин либо не выспался и дремал, либо нет у него способностей, вижу — никуда не годится сев. Не то чтобы огрехи бросал, но кривулял.

Я говорю ему: «Так, Петро, дело не пойдет. Останавливай машину, не разрешаю сеять». Он взъерепенился: «И всегда ты, тетка Параныка, придираешься. Ну и скандальная же ты баба! На что тебе сдалась тут прямолинейность? Чтоб поглядеть было красиво? Что это — пропашные, культиваторы здесь пускать?» Я говорю: «Дурень ты! Разве прямолинейность для красоты нужна? Надо каждое семя так уложить в почву, чтоб одно другому не мешало, а ты кривуляешь: где сдвоишь рядки — там густо, а где разведешь — там пусто». Он не слушает, сеет. Я — до ихнего бригадира: «Давай другого тракториста».— «Нет другого, все в разгоне». Что делать? В правление, в МТС? Это пока добьешься толку, так и ячмень весь посеют. Надо, значит, самим меры принимать. Забежала наперед трактора, расставила руки, кричу: «Стой, бо все одно с этого места не сойду, хоть дави меня машиной!» Остановил Петька трактор, ругается, а девчата мои подошли сзади, взяли его за руки-ноги, как барина, сняли с сиденья, вынесли на межу и посадили в бурьян. «Гуляй тут,— говорят ему,— охолонь трошки, а к машине не лезь, не пустим». Бригадир видит такое происшествие, делать нечего, сел сам на трактор, посеял ячмень — пятнадцать гектаров. Посеял, действительно, слова не скажешь — как шнуром отбил каждый рядок, чего нам и хотелось.

Вот вам — один случай. А их много бывает. Я прямо скажу: если нам не поступать таким манером, так тут тебе наделают делов! И посеют так, что от земли своей откажешься, и урожайность смешают, и участки перепутают. У меня раз хотели было отнять участок, который мы три года удобряли, передать во вторую бригаду. Я — в район. Там говорят: «Ну что ж такого, хорошая земля и второй бригаде нужна». Я — письмо в край. Нету ответа. Я тогда — на почту. «Вызывайте, говорю, по прямому проводу Москву, Михаила Ивановича Калинина». Наши перепугались: «Брось, Прасковья Максимовна, уладим как-нибудь».— «Да не как-нибудь, говорю, а отдайте нам ту землю, в которую мы столько труда вложили!» Ну, некуда им деваться — отдали...

Я знаю, как меня тут разрисовывают: «Черт, говорят, в юбке, а не баба». Ну что ж, ладно, нехай так. Не это обидно. Обидно, что плетут такое, чего сроду и не было. Тут, если вам рассказать все... Говорили про меня: «Она своих баб, которые с нею на опытном участке работают,

окончательно затягала, запрещает им за целый день присесть отдохнуть, ей бы только плетку в руки — как жандарм!» А девчата мои смеются: «Какая неволя заставила бы нас с нею работать? Да сама-то она где — не с нами? Что ж, она разве богатырь какой?» Говорили, что учетчик нам за магарычи выработку приписывает, что за красивые глаза премии получаю. Всего не перечтешь. Ляпают со зла, кому чего в голову взбредет...

А за что злятся? Как вам сказать... Вот я привела вам пример, так это еще не все. Есть такие люди, что как будто ничего у нас с ними плохого и не было — ни за землю не грызлись, ни по работе столкновений не случалось,— а вот тоже не нравимся мы им.

Я начну прямо с нашего председателя Василия Федорыча. Конечно, лишнего тут говорить не приходится, чтоб там гонение какое-нибудь с его стороны было либо еще чего — этого нет. Человек он грамотный, читает постановления, знает, что́ бывает тем руководителям, которые палки в колеса стахановцам вставляют. Вроде бы даже идет навстречу — премии дает, в президиум всегда выдвигает, и все такое. Но только как-то оно у него получается не от чистого сердца. Как говорится, не по любви, а по расчету.

Мы ведь, стахановцы, народ беспокойный, сами вечно в заботе, в суете и другим покоя не даем. А он, Василь Федорыч, малость тяжеловат на подъем и страшно любит достижениями хвалиться. На каждом собрании: «Помните, говорит, какие были у нас бурьяны в тридцать втором году? Выше всадника! Что тогда распределяли мы по трудодням? Крохи. А сейчас — шесть килограммов! Чего нам еще надо?» И все в таком роде. Выходит: приехали до краю, дальше двигаться некуда, выпрягайте, хлопцы, коней и лягайте спочивать. Я ему на это отвечаю: «Как у тебя, Василь Федорыч, шея не заболит назад оглядываться? Тошно уж это слушать — о тридцать втором годе! Не по шесть килограммов — побольше дали бы, если б все одинаково боролись за урожайность». Опять-таки он и здесь не возражает. «Это правильно»,— говорит. Хлопает в ладоши, а у самого лицо не дюже радостное. Вижу я его насквозь. Ему эти мои слова прямо как серпом по душе. Не даем человеку на лаврах поспать. И вот так у нас получается: председатель — глава всему колхозу, старший руководитель наш, а если не ладится что-нибудь в работе, станешь сомневаться, духом па-

дать,— так неохота и идти к нему. Посочувствует, скажет: «Это правильно». Ну и все...

А с бригадиром что у нас вышло? Был у нас старый бригадир, Анисим Петрович Божков. С самого начала коллективизации работал, с двадцать девятого года. Выдвигалось уже предложение на общем собрании: начислять ему дополнительно за выслугу лет по двадцать пять соток с трудодня. А от нас, стахановцев, поступило другое предложение: начислять, если нужно, и пятьдесят соток, может, и благодарственную грамоту ему выдать, но с бригадирства снять.

За что мы на него так? Да просто видим — устарел наш Петрович, не столько годами, сколько делами своими, стал уже нам как гиря на ногах. Были тут зимою курсы повышения квалификации — ни одного дня не ходил. «Я, говорит, и так квалифицированный, вдоль и поперек. Могу вам без хаты-амбулатории анализ сделать каждому гектару и каждой кочке на гектаре, бо я об них за десять лет миллион раз днем и ночью спотыкался». Посылали его в Краснодар учиться — сбежал. Приехал туда, зашел в общежитие к курсантам, спросил у них расписание занятий, те рассказали: одиннадцать предметов — русский язык, математика, химия, ботаника и еще целая куча. «Одиннадцать предметов! Химика, ботаника! Так это ж, говорит, надо лошадиную голову иметь, чтоб все туда влезло!» Прямым сообщением обратно на вокзал, подождал вечернего поезда — и домой.

Вот такой он, Божков. Хозяин он, правда, неплохой был, заботливый, дневал и ночевал в бригаде, но что толку, если не хочет человек дальше своего носа смотреть? Стали мы на новый лад полеводство перестраивать, начали как следует за агротехнику браться и вот тут уже видим — нету у нас бригадира.

Говорю я как-то ему: «Мы, Анисим Петрович, заборонуем для опыта гектара три ячменя. Видал, какая на нем корка? Попробуем, что выйдет». Он испугался: «Что ты, Паранька, очумела? Сроду такого не слыхал, чтобы яровые весною скородили».— «А я, говорю, слыхала. И читала. Не бойся ничего, на свою ответственность беру». Заборонили — по два центнера на гектаре прибавки получили. В другой раз — рассеваем мы калийную соль по озимой пшенице, а он пришел на загон, поглядел, говорит: «Будет уж тебе, Паранька, снадобья свои сыпать. Тут земля и так жирная, не выстоит пшеница, поляжет».

Девчата стали смеяться, он не поймет — чего. «Иди, говорю, Анисим Петрович, спать, не срамись тут». Он: «Чего, чего ты, Паранька?» — «Да, говорю, как же ты этого не знаешь? Калийная соль как раз для этого и употребляется — для укрепления стебля».

Ушел он, мы обсуждаем между собою: плохо дело! Для нас-то он, конечно, безвредный, мы сами знаем, чего и сколько сыпать, но ведь у него в бригаде еще сколько народу. Что он им там плетет? И стали добиваться перед правлением, чтобы сняли его. «Не желаем, говорим, такого допотопного! Было время, может, и был он хорошим бригадиром, а сейчас уже не годится в руководители». Долго они раздумывали: жалко, десять лет работал человек. Ну, сняли все-таки, заменили другим человеком. Члена партии назначили, грамотного, понимающего. Вот вам, значит, еще недовольные: сам Божков, жинка его, брат, сват, друзья, приятели — все чертом глядят...

Может, кому-нибудь думается так: вот мы получили на опытном участке большой урожай, показали наглядно, каждому теперь ясно — и старому и малому: будешь по старинке работать, по старинке и урожай соберешь — пять-десять пудов, такой же и трудодень будет тощий, а применишь науку — двести, триста пудов возьмешь; в общем указали дорожку, и все сразу так и кинулись за нами по этой дорожке. Эге! Если бы да кабы...

Ведь это же не так просто — триста пудов взять. Какие мы применяли способы? Первое и основное — расчет семян. Пшеницу взвешивали, высчитывали, сколько в килограмме зерен, а потом уж норму высева устанавливали. Сеяли только перекрестным, суживали сошники, увеличивали норму вдвое, так что Петрович наш аж за голову хватался: «Зарежете вы меня! Судить будут из-за вас! Где это видано — двадцать пудов семян всадить на гектар? Пропадет пшеница и колосу не выкинет». А мы так рассчитывали: зачем нам междурядья в пятнадцать сантиметров? Сколько земли гуляет! Ведь там еще смело по одному рядку можно уложить, и не будет густо, потому что равномерно семена распределим по всей площади. Потом, конечно, удобрения — навоз, суперфосфат. Подкормку делали куриным пометом и навозной жижей. Куриного помета собрали в этом году тридцать тонн. По дворам ходили, на птичнике поспешили захватить, в совхоз ездили — есть тут у нас недалеко птицесовхоз. Что учетчик нам за магарычи трудодни приписывал,

то брехня, а в совхоз, верно, сама возила птичнику два раза по пол-литра, чтоб весь помет нашему колхозу забронировал. А удобряли тоже не как-нибудь, а спрашивали почву: чего ей не хватает, чего ей хочется — жирного, кислого, соленого? Анализ брали на каждом участке, а потом уже определяли, чего сыпать и по скольку, чтоб и не оголодить растение и не перекормить на один бок. Мороки много! Колосовые — и озимые и яровые — бороновали весною, местами даже по два раза. На пропашных, где были плешины, подсаживали руками. Клещевину чеканили всю. Ну и, само собою, качество работы!

Десять женщин со мною на опытных участках работают. Еще где та заря, а мои бабы уже коров доят, будто все в одну минуту просыпаются. Дохожу до Кузьменкиного двора — Катя у ворот стоит, тяпка на плече, как солдат на часах. Рядом с нею Настенька Рябухина живет. Та, слышно, у колодца плещется — умывается. «Готова, Настенька? Пошли?» — «Пошли!» Бывало часто, придем на поле и сидим ждем, пока рассветет,— не видно полоть. Покуда остальные выйдут, у нас уже по два-три рядка пройдено.

Но самое главное — мозгами надо ворочать. Я сначала думала: может быть, потому на стахановцев недовольство, что если поспевать всем за нами, так работы много лишней прибавляется? Ведь этого же никогда раньше здесь не знали: навоз вывозить, жижу собирать. А потом вижу — нет, тут другое. Работы сейчас уже не боятся. Нет! Работают все намного лучше, чем, скажем, года три-четыре назад. Узнали цену трудодню. Бывает наоборот: когда не хватает для всех работы, ранней весною или после уборки, дерутся за каждый наряд. Если бы только полоть, скородить, косить, так добавь каждой бригаде еще по столько же земли — с великим удовольствием взяли бы, а то учиться надо, в школу ходить на старости лет, забивать себе голову всякой яровизацией, гибридизацией. Так оно страшно кой-кому показывается, что не нужны ему и двадцать килограммов, оставили бы его только в покое. Разве мало — шесть килограммов? Триста трудодней заработаешь — почти две тонны хлеба получишь. Когда это было, чтобы у мужика-середняка, не говоря уже о бедноте, столько хлеба чистоганом, за вычетом всех расходов, оставалось?

Видите, как привыкли люди? Да разве хуже нам, если б мы больше хлеба получили? Продали бы больше

государству, в колхозе что-нибудь видное построили. Ох, эта привычка проклятая! Сколько раз я высказывала: «Вот, говорю, дед Петро наш, чабан, привык всю жизнь на локте спать — пасет отару один, без помощников, день и ночь начеку, ляжет, упрет локоть о землю, положит голову на ладонь, чтоб видно было овец, куда пойдут, и дремлет. У него, говорю, у деда, только и заработку было — по кувшину кислого молока да по буханке со двора. Свалит их в кучу на чердак, засохнут буханки, как камень,— зимой рубят их топором, размачивают в воде и едят. Так неужели, говорю, хуже будет деду, если привезем ему вагон пшеницы? Вагон хлеба, конечно, не съесть, так разве только и радости, что в белых пирогах? Разве откажется он, чтоб хоть при конце жизни сыны на собственной легковой машине в гости к куму его свозили и чтоб сидел он в автомобиле, как нарком иностранных дел,— в шубе на лисьем меху, в каракулевой шапке и в лайковых перчатках?»

Колхозники смеются: «О-о! Это ты, Паранька, далеко хватила! Не скоро это будет».— «Почему, говорю, не скоро? Все в наших руках. Можно и надолго растянуть, можно и сократить — как взяться. Захотеть только надо крепко, так захотеть, чтобы всей душой рвался ты вперед. И надо, чтоб руководители наши не о тридцать втором годе толковали тут нам, а о сорок втором...»

Я вам не досказала про Божкова, как его снимали. Агротехника-то одно, а пришлось нам еще в другом деле его посрамить.

Проверяли мы перед Первомаем соцдоговора и пошли комиссией по хатам поглядеть: готовятся ли хозяйки к празднику, мажут ли, белят. Зашли и до Божкова: как там наш квалифицированный бригадир живет? У него хата большая, бывшая кулацкая, а в хате хоть конем играй — пусто, голо: стол на трех ножках, кучи зерна всюду насыпаны, в углу вместо кровати топчан, сбитый из досок, на топчане жена лежит с ребенком — вчера только родила. Грязно, мышами воняет. Жалкая картина!..

Спрашиваем его: «А где же твоя новая кровать?» (Он незадолго перед тем купил в сельмаге никелированную кровать с сеткой.) «Прибрал, говорит, на чердак, чтоб не занимала тут зря места. Стоит, как комбайн, середь хаты».— «Что, говорю, не понравилось?» — «Да нет, кровать хорошая, так ее же и убрать надо. Что ж ее так, голую, ставить».— «Разве, говорю, у вас и постели нету?» — «Да

так-таки и нету. Вон на топчане всякое тряпье — не положишь же его на новую кровать. И одеяла нету».— «Купить, говорю, надо. Хлеба-то у тебя сколько! Небось еще и прошлогодний задержался. Чего ты так, Анисим Петрович, натягиваешь?» Он ухмыляется: «Да ладно уж, нашли об чем беспокоиться. Не возьмет черт и на топчане. Наши кости привычные к жесткому. Не первый год».— «Привычные? Ну, спите на топчане. Можно прямо и на пшенице. Кинул вон кожух на кучу — и ложись. А кровать, говорю, обмотай хорошенько рогожкой, чтоб никель не потерся, она и через двадцать лет будет как новая».

Смеется он, в шутку принимает, а меня зло берет. «А почему, спрашиваю, жена дома рожала? Почему не отвез в родильный дом?» Под боком, тут же, в станице! «Вот, говорит, привязалась, как будто тебе это в диковину! Давно наши бабы узнали тот родильный дом? А в поле не приходилось им рожать?» Ну, мы его там как взяли в оборот! «Дикий, говорим, ты человек, Анисим Петрович! И кости и голова у тебя привычная ко всякому отжившему, потому и боится она химики». А потом, на заседании правления, мы ему и это присчитали. Доказываем в одну душу: «Не может такой человек быть нашим руководителем! Куда он нас поведет?» Бабы после судачили: «Через то Божка скинули, что Параньке не угодил — не на кровати, а на топчане спал. Некультурно!»

Больше всего допимают нас вот такими сплетнями. Иной раз так обидно станет, разволнуешься, переплачешь тут одна ночью... Смешно сказать, костюмы мои, тряпки вот эти, и то кое-кому глаза колют. «О-о, говорят, финтит наша Паранька! Старуха, а наряжается, как молоденькая». Да какое кому дело! Хлеб есть, деньги есть — куда мне это все девать? Если старуха, так должна в отрепьях ходить, чтоб другим на меня и глядеть было противно? Я ведь за эти сплетни вынуждена была на родного брата в суд подать. Да, было дело, довели...

Вышло так. Убирали мы в прошлом году клещевину. На нашем участке был самый ранний посев, и у нас она созрела раньше всех. В субботу поглядела я, что клещевина начинает осыпаться, и решила начинать ломку кистей на другой день, а выходной вместо воскресенья взять в среду или в четверг. После уборки подсчитали мы урожайность. У нас получилось пятнадцать центнеров с гектара, у других — семь, восемь, восемь с половиной. И вот откуда ни возьмись пошли слухи: это Бондаренчиха со

своими ударницами затем ходила в воскресенье ломать клещевину, что в тот день никого в степи не было, и они наломали кистей на других участках и к своей урожайности присчитали.

Я была на загоне, зеленя глядела, не знала еще ничего, когда прибегает ко мне Катя Кузьменкина, рассказывает: так и так, вот что говорят про нас. Бабы собрались на таборе, бунтуются, кричат: «Это они, может, всегда так урожайность повышают — с наших участков?» У меня аж руки-ноги затряслись, сомлела вся. Кто ж это мог такую подлость сделать? Пришла на табор, угомонила баб. «Давайте, говорю, разберемся. Кто видал, что мы вашу клещевину ломали? Вот тебя, Санька, больше всех слыхать — ты видала?» — «Нет, говорит, не видала, мне Феклушка сказала».— «Ладно, давай Феклушку. Ты, Феклушка, видала?» — «Сама не видала, слыхала, как бабы говорили».— «Кто?» — «Да вот Дашка говорила». — «А тебе, Даша, кто сказал?» Перебрала так всех по одной, и кончилось на родном братце моем, Кирюхе. Он уж ни от кого не слыхал, сам первый выдумал и пустил. «Я, говорит, шутейно, хотел баб подразнить...» Шутейно!

Вы не видели брата моего? Волков его фамилия. На два года старше меня, здоровенный такой верзила, за спором лбом кирпичину перебивает. Возьмет на ладонь, трахнет об лоб — пополам, как об каменку! Раз у одного уполномоченного пятьдесят рублей этак выспорил. Тот выбрал ему самую крепкую, огнеупорную — перебил!

Ну, что его заставило? Да то же самое, что и других заставляет, когда они на нас всякую всячину плетут. Ведь он, братец мой, такой человек: нового боится, как самого злого черта. Стали трактора появляться — все ходил за ними следом, землю нюхал: не провоняла ли керосином? На комбайны говорил: «Это смерть наша пришла! Погноят хлеб, подохнем с голоду!» А в колхоз когда вступал, так это было целое представление. Ведь какая дубина, а прямо захворал, извелся ни на что, животом мучился месяца два, понос напал. Доктор оследствовал: «Это, говорит, у него от страху...»

Спрашиваю я его: «Как тебе, братуха, позволила совесть сказать на нас, что мы покрали чужую клещевину?» Он на попятную: «Да я шутейно. Чего ты привязалась?» — «Я, говорю, такие дурацкие шутки каждый день слышу. Будет этому край или нет?» И начала ему высказывать: «За что, говорю, у нас на стахановцев гонение? Чем мы

вам не угодили? Вас, как слепых котят, надо брать за шиворот и носом в молоко тыкать, чтоб поняли вы, где сладко... Что такое, говорю, есть в колхозе стахановец? Тот, кто брешет, что стахановец за премии работает,— либо дурак, либо враг наш. У стахановца душа не терпит поскорее прийти к такой жизни, какая нам еще и не снилась. За то кладет он свои силы, чтобы и нам всем довелось еще при коммунизме пожить. А вы — такую грязь на стахановцев!.. Э-эх, люди... Давно уже, говорю, собиралась я проучить кого-нибудь за эти шутки, ну, ты, Кирюха, попался первый, тебе и отвечать. Это тебе даром не пройдет, и гляди не обижайся. Ты мне, как брат, по-родственному удружил, ну и я ж тебе, как сестра, тем же отплачу». И подала на него жалобу прокурору за клевету. Выехал суд, судили его, дали год принудиловки, отбывает сейчас при колхозе...

Я не так для себя это сделала, как для других. Я-то сама и от десятка таких, как Кирюха, отобьюсь — стреляный воробей, но ведь за нами другие сейчас поднимаются. Молодежь. Вот есть у нас стахановка Фрося Жукова. Вызвала нас на соревнование. Восемнадцать лет, такое манюсенькое, как пуговка, от земли не видать, а поглядели бы, как работает! Кормилица! Колхоз кормит! А тут такие дубогреи, что лбом кирпичи разбивают... Не помочь девчонке — заклюют.

Легче было бы, конечно, работать, если бы парторг у нас был как парторг, а то одно несчастье! Как начнет беседу с колхозниками проводить да как залезет в дебри: «Я, говорит, пришел к вам выпятить ваши недостатки и заострить вопрос: почему тут у вас трения происходят? Может быть, Бондаренко субъективно кому-нибудь и не угодила, но надо подходить к ней объективно, потому что, если посмотреть на это дело с точки зрения, так еще и Маркс говорил, и я говорю...» — и понес! Будет целый час тарахтеть — и ничего не разберешь. Я аж удивлялась: как там у него в голове устроено, что не может он просто, по-человечески слова сказать, а все с выкрутасами?

Колхозники спрашивают его: «А Маркс насчет твоей жинки ничего не говорил? Как ей — положено на работу ходить?» Он же, парторг наш, в мировом масштабе все выпячивает, а что под носом — не видит. Жинка его, молодая, здоровая, сидит нашейницей на его трудоднях — хоть бы раз когда вышла в степь поразмяться от безделья. А числится колхозницей. Бессмысленные люди!.. Меня

в этом году приняли в партию, так я и на партсобраниях вот это все в глаза парторгу высказываю.

А тут надо сказать, что и от райкома помощи мало. Секретарь райкома, товарищ Сушков, такой у нас спокойный человек. Бьют, бьют район за отсталость, за сев, за прополку — он и ухом не ведет. Если где в газете плохо про район напечатано, совсем даже не читает, чтоб, боже упаси, не разволноваться и не захворать — сердцем, говорят, нездоров.

По-моему, если разобраться хорошенько, так нашего товарища Сушкова тоже привычка заела. Привык он, что район несколько лет уже в числе первых от заду тянется, думает, так ему и быть вечно. Идет одна бригада на выставку, ну и хорошо. А чтоб весь район мог попасть туда и чтоб его самого вызвали в Москву — это ему даже не верится. Невысокого полета человек.

Разве по-настоящему так надо бы за дело взяться? Он, товарищ Сушков, должен всех нас, сколько есть таких в районе, знать, как самого себя: чем мы живем, что у нас на душе, какие нам помехи встречаются. Сам должен приехать, с народом поговорить, да и не раз и не два, а так, чтобы раскопать все до корня, может, кому прояснение мозгов надо сделать, а может, есть людишки и похуже, до сих пор с волчьей думкой живут, гадят нам — вывести таких на чистую воду. Так бы надо, по-моему. А он — без интересу. Станешь ему рассказывать, что у нас делается. «Склоки»,— говорит. Так он понимает. Так что ж оно выходит — и в тридцатом году склоки были, и вот сколько лет боролись, пока приучили народ ценить колхозное, как свое,— тоже «склоки»? А если теперь начнем начислять, счислять бригадам трудодни за урожайность — опять будут «склоки»? Ого, еще и какие!..

...Ну, а все же хоть и недостаточно помощи, а дело вперед подвигается. Люди стали грамотнее, понимают, что ежели наши местные руководители ошибаются в чем, то их за это не похвалят, а нам нужно делать свое, как правительство нам велит.

В тридцать шестом году одна я собирала тут птичий помет и золу, а в прошлом году уже в каждой бригаде были стахановские звенья. Есть такие, что догоняют уже нас. Фрося Жукова — я уж о ней говорила,— Анюта Гончаренкова, Феня Будникова. Молодые все девчата, а работают — одно заглядение!..

А на огородах у нас отличается Варвара Волкова. Вот

еще интересная баба — невестка моя, брата Кирюхи жинка.

В начале коллективизации такая была противная да несговорчивая, под стать Кирюхе своему. Кирюха тогда долго не в своих чувствах был, все страдал за своей слепой кобылой, что обобществил,— так Варька уж кляла, кляла колхоз! «Уговорили моего дурака, записался, а теперь черт-те что с ним делается! Стал как чумовой — не ест, не пьет, ночью отвернется до стенки и лежит чурбан чурбаном, вздыхает только. Может, это у него и не пройдет? На дьявола он мне теперь сдался, такой неспособный!» Да прямо аж плачет!.. А сейчас Варьку не узнать, совсем не та стала, что была, намного поумнела. На курсах вместе с нами учится.

Теперь у них наоборот получается. Придет Варька ночью с курсов, ходит по хате — уроки учит: «Азот, фосфор, калий, кальций... Почва, подпочва...» А Кирюха высунет голову из-под одеяла: «Когда ты уже, агрономша задрипанная, спать ляжешь! Туши лампу! Чего б я мучился, раз башка не варит! Еще умом тронешься». Варька ему: «Иди к черту!» Кирюха помолчит и опять: «Ну что это за жизня такая! И днем ее не видишь, и ночью нету. И сегодня так и вчера. Да чи я женатый, чи неженатый?» Варька: «Тебе одно только на думке. Спи!» Кирюха раньше, до суда, и в драку было при таких случаях кидался, а теперь боится, как бы еще и от жинки не попало. Ругается только, а больше всего мне достается. «Это, говорит, та чертова Паранька семейную жизнь людям разбивает. Побесились бабы! Тянутся все за нею — курсы, рекорды, агротехника, а дома хоть волк траву ешь!» Варька утром рассказывает нам, смеемся мы... «Спасибо, говорит, тебе, Паранька, что проучила его, и ко мне теперь стал немного повежливее».

Соберемся мы перед зорькой на улице — в степь идти. Мои бабы все песенницы хорошие. «Заводи, говорю, девчата, какую-нибудь повеселее». На углу Варька нас встречает. «Ну что там у тебя? Спит твой?» — Лежит, проснулся. Только стал было потягиваться, а я уж оделась уходить. «Варька, говорит, да чи я женатый, чи неженатый?» — «Ну, давайте, говорю, бабы, споем ему:

Чи я, мамо, не дорис,
Чи я, мамо, перерис,
Чи не рублена хата,
Що не люблять девчата?

Доходим да самых зловредных, я говорю: «Дюжей, бабы! Буди их, не давай им разнеживаться!» Как горланут мои девчата — у них в хате аж стекла дрожат. «Еще дюжей!..» Пройдем по улице с песнями — как свадьба: кто не знает нашей повадки, перепугается: что это за игрища такие среди ночи? А оно и не так-то среди ночи, но перед рассветом. Самым хорошим часом — холодком. Петухи поют, в балке родники шумят, ветерок туман сгоняет, несет со степи всякие запахи приятные...

Так. Ну, это я уж не туда загнула. Начинаю чего-то разрисовывать. Хватит. Об этом, может, в другой раз когда-нибудь напишете, а сейчас пишите то, что я вам рассказала. Да глядите, чтоб в точности было, чтобы знали все, как мы тут работаем. Может, у кого такое понятие, что стахановцу в колхозе не жизнь, а масленица, все его уважают, помощь ему со всех сторон, благодарность за его труды, прямо на руках его носят. А оно всяко случается...

1939 г.

ГОСТИ В СТУКАЧАХ

В правлении станичного колхоза «Маяк революции» обсуждался вопрос, кого послать в соседний хуторской колхоз «Красный Кавказ» для проверки соцдоговора.

— Надо послать таких,— говорил председатель колхоза,— чтоб не только проверили все до основания, но чтоб и на собрании могли разделать их как следует быть. Конец года — итоги подводим. Самых острых на язык надо подобрать.

— Ну что ж, — предложил бригадир Дядюшкин. — Пошлем опять Капитона Иваныча Печерицу. Этого они всем колхозом не переговорят.

— Печерицу обязательно! — поддержали колхозники.— Главным докладчиком будет.

— Дядюшкина тоже. Запиши Андрея Савельича Дядюшкина.

— По машинам — Коржова.

— Можно еще Сережку Замятина.

— И Василису Абраменко.

— Правильно, этих — по животноводству.

— Так, ладно, — подвел председатель черту. — Из звеньевых надо бы еще одну.

— Пашу Кулькову!

— Кулькову, да. Я сам думал. Подходящая кандидатура. Здесь всем нам житья не дает, пусть и там ее узнают. Так, есть. Ну, и, значит, сверх этого — кому желательно. Сколько на машину поместится.

...В воскресенье с утра у правления стояла трехтонка. Капитон Иванович Печерица, парторг колхоза и заведующий агролабораторией, на правах старшого в комиссии захватил лучшее место в машине, где не так пробирал острый декабрьский ветер, сел прямо на дно кузова, спиной к кабинке, поднял выше головы воротник тулупа. Из воротника выглядывали усы его, покрасневший от холода нос и глаза, темные, карие. К нему под бок примостилась Паша Кулькова, худенькая девушка, рыжеватая, с рябин-

ками на лице. Капитон Иванович укрыл ее полой тулупа. Доярка Василиса Степановна Абраменко, тетя Вася, как ее звали, пышная, румяная казачка, укутавшаяся в дюжину платков и теплых кофт, с трудом вскарабкалась на борт и, вскрикнув: «Ой, мамочка, да пособите же!» — свалилась с борта прямо на ноги Капитону Ивановичу. Кузнец Михайло Потапович Коржов, мужчина такого огромного роста, что всякий раз, когда он появлялся в толпе, казалось, будто кто-то верхом приехал, подковырнул носком сапога к машине валявшийся на дороге камень, стал на него и, задрав ногу через борт, очутился в кузове. Бригадир Дядюшкин и конюх Сережа Замятин, оба в черкесках, в красных бешметах, вынесли из конторы скамейку, поставили ее в кузов, сели на нее, не прячась от ветра, лицом к нему. Сергей зажал в коленях древко знамени, на полотнище которого золотым шелком было вышито: «Лучшему колхозу — переходящее знамя Осташковского станичного Совета».

Кроме комиссии, в машину село еще человек пятнадцать. Закубанский хутор Стукачи, куда ехала комиссия, в свое время выселился из станицы. Там проживало много родичей станичных колхозников, которых можно было навестить, пользуясь случаем.

Последним усадили дряхлого деда Акима Федотыча Штанько, собравшегося в гости к куму-однополчанину. Акима Федотыча проводила из дому к машине старуха, заботливо обмотавшая его поверх овчинного полушубка двумя полотенцами — одним вместо кушака под пояс, другим под воротник, вокруг шеи.

— Э-эх, совсем бы рассыпался дедушка, кабы бабушка не подпоясывала! — сказал Коржов, нагибаясь через борт, беря маленького, тщедушного деда под мышки и втаскивая в машину.

— Значит, так,— сказал председатель, заглядывая в кузов,— ты, Капитон Иваныч, следи, чтоб все в порядке было. Под твою ответственность. Там кто до свата, до кума,— он посмотрел строго на деда Штанько,— чтоб аккуратно гостевали, без лишнего, а то еще на обратном пути из машины повываливаются. Насчет проверки — глядите в оба. Карандаши, блокноты захватили? Передавайте привет ихнему председателю. Андрей Савельич! Передашь брату привет от меня, скажешь — извиняется, что не смог сам приехать: в район вызывают.

— Ладно, скажем.

Шофер Федя Малюк завел мотор.

— Всё?

— Всё как будто.

— Ну, поехали. Держись, дед!..

Хутор Стукачи прозывался так потому, что там много было кузнецов. В тихий, безветренный день, когда подъезжаешь к хутору, еще с парома, километра за два, слышен дробный, звонкий стук молотов о наковальни. Было у хутора и другое название, данное ему землемером при нарезке участка,— Ново-Осташковский, но оно употреблялось только в бумагах, а так все привыкли звать его либо Стукачи, либо просто по имени колхоза — «Красный Кавказ».

Комиссия из «Маяка революции» нагрянула в хутор часам к десяти утра. В правлении не было никого; председатель, завхоз, бухгалтер — все ушли завтракать. Встретила гостей сторожиха. Она попросила их подождать минутку и побежала за председателем.

Гости собрались в круг у конторы правления. Капитон Иванович сбросил с плеч тяжелый, стеснявший движения тулуп, кинул его шоферу в кабинку, остался в одном ватном бешмете,— статный, недурной наружности, черноусый, не молодой, но и не старый еще казак. Состоялось небольшое совещание.

— Придется, должно быть, разделиться по отраслям,— сказал Капитон Иванович,— а то не управимся к вечеру.

— Конечно, разделиться,— ответил Дядюшкин.— Каждый по своей специальности.

— Ты, Михайло Потапыч, по инвентарю: ремонт, сохранность и все прочее. Возьмешь с собою еще человек двух. Только гляди, тут у них с этим делом обстоит получше нашего: кузнец на кузнеце, кузнецом погоняет. Копай поглубже, качество проверяй. Тетя Вася пойдет с Сергеем на фермы. Пусть уж они заодно и тягло посмотрят,— так, что ли, Андрей Савельич? Успеете? Ладно. Значит, и конюшни ваши. Действуй, Сергей, смело, не пожалей труда; если найдешь где нечищеного коня, скидай черкеску, бери щетку-гребенку и чисть. Покажи им, как работать надо. Паша останется с нами. Мы с нею и Андреем Савельичем займемся бригадами, семенным фондом и всем остальным. Так? Кто раньше управится — присоединяйтесь к нам.

Из хаты на другой стороне улицы, напротив правления, вышел, застегивая длинную кавалерийскую шинель, председатель колхоза Николай Дядюшкин, родной брат Дядюшкина из «Маяка революции», демобилизованный недавно младший командир.

— Хозяин идет,— сказал Коржов.

— Молодой хозяин,— заметил Капитон Иванович.— Трудно ему здесь приходится. Но он вроде парень не промах. А? Как думаешь, Андрей Савельич, вытянет братуха колхоз?

— Кто его знает,— пожал плечами Андрей Савельич,— как сумеет народ повернуть.

Николай Дядюшкин, широко улыбаясь, поздоровался за руку сначала с братом, потом со всеми остальными.

— Прибыли? Очень хорошо. Давно ждем. Ого, как вас густо,— всем колхозом привалили! Приехали, значит, к нам ума-разума подзанять, поучиться, как надо хозяевать? Прекрасно! Всегда рады помочь людям.

Капитон Иванович обернулся к своим:

— Слыхали? Вот вам и молодой. Тоже с подходом... А что ты думаешь, Коля,— может, и на самом деле придется какой-нибудь опыт перенять. Мы не отказываемся. Бывает. Вот летом ездили наши в «Восход», вернулись — рассказывают: сроду не видали такого дива, как это можно пчелиным медом вместо колесной мази обходиться, а там на практике пришлось повидать. В одной бригаде у них брички целое лето не мазали, а мази и в помине нету. Бригадир узнал, что комиссия приехала, испугался, как бы не догадались брички проверить, выдал ездовым с кухни два кило меду, велел медом помазать да еще приказал: «Если будут спрашивать, почему желтое, говорите — солидол переработанный». Наши так бы, пожалуй, и недоглядели — кухарка их выдала. Сели обедать, она подала вареники с вишнями и говорит: «А подсластить нечем — извиняйте. Держала кувшин меду про всякий случай, да наши шалопуты додумались брички мазать — забрали у меня». Как — брички? Кинулись туда, сняли колесо, пальцем на язык,— верно, мед. Приехали, рассказывают: «Вот такую рационализацию видали».

Дядюшкин-младший, не обижаясь, посмеялся вместе с гостями, похлопал по плечу Капитона Ивановича:

— Валяй, валяй, дядя Капитон! Нам это не вредно.

Хуторская жизнь — вся на виду. Стукачи — небольшой хутор, в нем всего одна улица. Хаты стоят двумя

ровными шеренгами, окруженные со всех сторон голой зимней степью, а клуб и правление колхоза — посредине хутора, на пригорке. Отовсюду видно, если кто-нибудь подъезжает к правлению. Минут через десять у машины собралась толпа.

— Здорово, сосед!

— И ты, сваха, тут? Доброго здоровьечка! Что ж одна приехала? А сват Петро?

— Здравствуй, мамо!

— Здравствуй, здравствуй, доченька! И Федюшку привезла? Внучек мой родненький! Давай его сюда.

— Ого, Капитон Иваныч! Живой, крепкий? Опять к нам?

Когда переговорили с родичами о всяких домашних делах и народу собралось больше, Капитон Иванович сообщил, зачем они приехали. Сам он отрекомендовался председателем проверочной комиссии, колхозников, приехавших с ним, представил как членов. Тут же рассказал, каким порядком наметили они произвести проверку. Дядюшкин-младший объявил, что вечером в клубе состоится общее собрание.

— Та-ак... Значит, сегодня опять кой у кого штаны затрясутся? — сказал один из хуторских колхозников.— Как в прошлый раз у завхоза Юрченки,— ищет блокнот, а сам руками в карманы не попадает.

— Нет, сегодня хуже будет. Все отрасли проверим.

Завязалась легкая словесная перепалка.

— Так и много же вас приехало! Трудно будет с вами сражаться.

— Ничего, ребята, не робей! Мы — дома, в своей хате и кочережки помогают. Вот когда к ним поедем, там достанется. Заклюют!

— А мы пошлем еще больше — две машины нагрузим.

— Где они у вас — две машины? Разве уже исправили ту, что Юрченко разбил, когда за зайцем гонялся?

— Исправили. Пятьсот рублей на его счет записали. Давно уже на ходу. Ты, Капитон Иваныч, будешь три года того зайца вспоминать.

— А это что ж у вас на машине — переходящее знамя? Не нам ли, случаем, привезли?

— Да, когда-то было у вас. Узнаете?

— И обратно к нам возвращается?

— Ну, ясно, они его здесь оставят. Чего ж его возить туда-сюда. Все равно ведь приедем, заберем.

— Кишка у вас тонка забрать знамя, — ответил Капитон Иванович. — Оно уже к нам привыкло... Насчет знамени я вам, товарищи колхозники, такую резолюцию передам, если это вас интересует: тогда отберете вы у нас знамя, когда у вашего рябого быка, которому Митька Стороженко хвост оторвал, на том самом месте новый хвост вырастет, — никак не раньше.

— Вот шут его дери! Уже пронюхал! Ведь это вчера только случилось.

— Слухом земля полнится. Нам по телефону позвонили.

В спор вмешался дед Штанько. Он закоченел в пути, но в хату до кума не спешил — порядка не ломал.

— Жнамя нам никак нельзя терять, — прошамкал он, растирая шерстяной варежкой почугуневшие щеки, мокрые от слез. — Оно и раньше так было: ежели полк швое жнамя потеряет, так и полк рашпущают. Вот как было.

— Ну, этого, дедушка, с нами не случится, — ответил Капитон Иванович. — Кто отберет знамя — они? А ну-ка, поглядите на них получше: похожи они на таких героев? Вот можно прямо с конторы начинать. Порожки развалились, и поправить некому, — нам, что ли, своих плотников прислать? Чистилки для сапог не имеется, — это культура такая? А в кабинетах я хоть еще и не был, так с прошлого раза помню: печка облупилась, дымит, в стенке дырка, кирпичи вываливаются прямо над главным бухгалтером, плевательниц нет, курят все. Правильно? Ну вот. Как там бухгалтера вашего — не убило еще кирпичиной? Нет, живой, идет... Здравствуй, товарищ бухгалтер! О тебе речь как раз зашла. Беспокоились о твоем здоровье.

— Нету уже дырки — замазала. И печку поправила, — отозвалась с крыльца сторожиха, она же уборщица конторы. — Надо сначала поглядеть, а потом говорить. Ну и дядька Капитон! Погоди, приедем к вам!..

Смущенная хохотом колхозников, закрылась шалью и юркнула в дверь.

Дядюшкин потянул Капитона Ивановича за рукав.

— Что ты навалился на них с места в карьер? Давай уж по порядку — идти так идти.

Дядюшкин-младший, все так же широко улыбаясь, пригласил гостей погреться.

— Дядя Капитон! Зайдемте ко мне, посидим. Вы, может, выехали из дому натощак? Закусите сначала?

— Нет, этим нас не возьмешь! — отмахнулся Капитон

Иванович.— Закусить, выпить — знаем это! Натощак способнее — злее будем, больше недостатков подметим. Ты, товарищ председатель, побеспокойся лучше, чтоб все люди на местах были. Сейчас пойдем. Тетя Вася! Михайло Потапыч! Начинаем, пошли. Сбор к четырем часам в клубе. Записывайте там все. Фактов, фактов побольше, они факты не любят.

Площадь у правления колхоза опустела. Коржов с двумя колхозниками из «Маяка» пошли к инвентарному двору, за ними — вереница хуторян. Василиса Абраменко с Замятиным, тоже окруженные толпой колхозников, направились к животноводческим фермам в конец хутора. Дядюшкин-младший пошел с Капитоном Ивановичем и с братом.

— Ты, Коля, сейчас не затевай ничего, — сказал ему уже серьезно, без всегдашней своей усмешки, Капитон Иванович.— Мы дома позавтракали, есть не хотим. Лучше попозже, после проверки, а то не управимся. Ну, как тут у тебя? Рассказывай.

Николай Дядюшкин, шедший позади Капитона Ивановича, прибавил шагу, встал между ним и братом.

— Малость поправляются дела. Кое-что привели в порядок. Двух мертвых душ из правления выставили. Теперь у нас завхозом Иван Григорьич. Вот на животноводстве еще безобразие большое. С Пацюком неладно. Вы их, животноводов, на собрании сегодня продерите покрепче, чтоб почувствовали... Мы же, имейте в виду, не готовились нисколько, у нас все начистоту. Иван Григорьич говорит мне вчера: «В бане у нас грязно, может, послать девчат, пусть приберут?» А я ему: «Очковтирательством заниматься? Брось! Сам поведу, покажу». Федор Сторчак начал было пшеницу из сеялки выбирать, — как сеял озимку, так и осталась, проросла в ящике, — я наскочил: «Отставить! — говорю.— Раньше надо было это делать. Проросла, так нехай уж и заколосится к приезду комиссии».

— Ничего,— сказал Андрей Савельич.— Мы им сегодня всыплем. Да и тебе заодно — чтоб не распускал вожжи. Это ж позорище — быку хвост оторвать!.. Ну, пойдем к амбарам, показывай семена.

Холодный декабрьский день. Над хутором плывут серые тучи. Срываются снежинки. Ветер меняется: то вдруг дунет порывом с севера, то повернет с запада, то совсем

утихнет. Тучи опускаются ниже, сразу темнеет, будто уже вечер. Что-то готовится в небе. Ночью, вероятно, повалит снег, завьюжит, ляжет зима.

Михайло Потапович Коржов, застегнув на все крючки полушубок, ходит по инвентарному двору между рядами сеялок, борон и культиваторов. От него не отстают ни на шаг кузнецы «Красного Кавказа», колхозники, детвора — всего человек с полста. Коржов среди них — огромный, плечистый, на голову выше самых высоких хуторян.

— Завхоз! Иван Григорьич! — кричит он. — Ты их нарочно подговорил, чтобы не давали осматривать? Скажи, нехай расступятся, невозможно ни к чему подойти.

Инвентарь в колхозе «Красный Кавказ» отремонтирован к весне полностью. Это нравится Михайлу Потаповичу. Хорошо, рано управились. Насчет сохранности тоже неплохо. С трех сторон двор огибают длинные навесы под дранью, построенные этой осенью. Есть куда закатить машины в непогоду.

— Вы сегодня же и приберите все туда, — говорит Коржов завхозу. — Вишь, снежок срывается.

Но вот Михайло Потапович задерживается возле одной конной сеялки. Он опускается на корточки, внимательно разглядывает болтик, прижимающий к пальцу диск одного из сошников, просит у кузнеца ключ, пробует гайку ключом. Так и есть. Болт с левой резьбой, гайка прикручивается по ходу диска. При первом же заезде в борозду гайка привернется до отказа, и диск не будет вращаться. Михайло Потапович указывает кузнецам на их оплошность. Те соглашаются. Один бегом мчится к кузнице, приносит оттуда другой болт и тут же заменяет негодный. Но Коржов не встает, сидит под сеялкой, перебирает сошники, что-то соображает.

— Вы скажите по совести, — оглядывается он через плечо на старшего кузнеца «Красного Кавказа» Трофима Мироновича Кандеева, — что вы делаете, когда палец в диске подработается? Прокладкой оборачиваете?

— Ну да, — отвечает Кандеев.

— Жестянкой?

— Жестянкой.

— И на тракторных так?

— И на тракторных.

— Вот через это у вас и сев получается такой, будто бык по дороге пописал, — говорит Коржов и встает. — Хоть вас тут, кузнецов, десять человек, а, стало быть, не доду-

мались. Прокладка — дерьмо! Либо завернется так, что совсем заест, либо за два дня сотрется, и опять диски будут болтаться.

— Иначе никак не приспособишь, — отвечает Кандеев.

— Надо насаживать палец.

— Да как же ты его насадишь, когда он стальной да еще цементированный?

— Можно. Не молотом, конечно. Легонько, осторожно.

— Нет, нельзя, — упирается Кандеев. — Как ни осторожно, все равно рассыплется.

— Нельзя? Снимай одну диску — пошли в кузню!

Спор разрешается у горна. Кандеев дует мехом, Коржов становится за наковальню.

— От двери отойдите! — кричит завхоз Бутенко колхозникам, нахлынувшим в кузницу и затемнившим свет.

Коржов закладывает в огонь палец диска, снимает полушубок. Шум и разговор в кузнице утихают. Скрипит ручка меха, шипит пламя, вырывающееся длинными язычками из-под груды углей. Уловив момент, чтоб не перегреть, Михайло Потапович вынимает клещами из горна палец, склоняется над наковальней. Точно рассчитанными, несильными ударами молотка он насаживает палец. Пять минут назад ему не жарко было и в полушубке, а сейчас он в одном пиджаке, и на лбу его блестят капельки пота. Взгляд Коржова сосредоточен, напряжен, губы плотно сжаты — серьезный момент для репутации первоклассного мастера... Не давая пальцу остыть, Коржов бросает палец в перегоревшую жужелицу и выпрямляется во весь рост, чуть не достав головой до потолка кузницы, вытирает рукавом пиджака лоб... Все кузнецы по очереди обмеряют остывший палец кронциркулем. Палец раздался миллиметра на два,— столько, сколько и нужно. Чуть оправить напильником — и все, не надо никаких прокладок.

— Ну,— торжествующе говорит Михайло Потапович,— рассыпался?.. Запиши, Петро Кузьмич! — обращается он к сопровождающему его колхознику из «Маяка».— Было б хоть на литру поспорить! Вот если переделаете так все диски — совсем другой сев у вас будет по прямолинейности.

— Да, придется, пожалуй, переделать, — соглашается немного смущенный Кандеев. — Спасибо, сосед, за науку.

У борон Коржов сразу берет ключ и начинает подкручивать туже все гайки на зубьях. Почти каждая гайка оборачивается в его руках еще раз, два.

— Что ж это вы не дотягивали? Не годится! Разболтаются на кочках.

— Да не может быть! — удивляется Кандеев. — Я сам проверял — хорошо было. Это ж ты тянешь не по-человечески.

Кандеев накладывает ключ на гайку, тужится изо всех сил, но гайка дальше не подается. Коржов берет у него ключ и без особого напряжения обкручивает ту же самую гайку еще два раза.

— Слабо́, слабо́, сосед!

Все смеются, смеется сам Коржов, смеется Кандеев.

— Вот бы у кого силенки занять!

— На семерых хватило бы!

— Нет, Михайло Потапыч,— говорит Кандеев,— ты уж этого нам не засчитывай. Нельзя по твоей силе равнять. Ты у нас, может, один такой на весь Краснодарский край.

— Ладно, — усмехается Коржов. — Пусть не в счет. А вот это уже в счет, — поднимает он с земли борону.

Борона перекошена в раме, зубья кривые, не оттянутые. Все кузнецы недоумевающе пожимают плечами. Борона, как видно, совсем не была в ремонте. Как она попала сюда? Вероятно, кто-нибудь из бригадиров недавно нашел ее где-то и приволок сюда, в общую кучу.

— Ну, это нам неизвестно, как она попала, — говорит Коржов. — Дело ваше, разбирайтесь. — Он поднимает борону и швыряет через головы колхозников к дверям кузницы. — Вот там ей пока место. И не говорите никому, что на сто процентов инвентарь отремонтировали. Запиши, Петро Кузьмич! Ну, что у вас еще есть? Показывайте.

...На животноводческих фермах, куда пошли Сергей Замятин, Василиса Абраменко, свинарка Мотя Сердюкова и конюх Максим Петрович Дронов, собралось народу столько, что когда комиссия проходила по свинарнику или коровнику, за нею тянулся хвост сопровождающих от входа до выхода. Собрались здесь все колхозники, работающие на фермах, — доярки, скотники, свинарки, сторожа, водовозы.

Гости знали уже из рассказов своих колхозников, бывавших раньше здесь, что животноводство — самая отсталая отрасль в колхозе «Красный Кавказ». В этом им теперь пришлось убедиться воочию. Постройки им понравились — кирпичные, крытые железом, но — и только. Снаружи поглядеть — красиво, а внутри куча непорядков. Видимо, еще в первые годы коллективизации кто-то тут

брался всерьез за развитие животноводства, а потом руководители сменялись, другие меньше стали обращать внимания на эту отрасль, животноводство пришло в упадок, и часть капитальных построек осталась даже не занятой скотом. Слыхали гости нелестные отзывы и о нынешнем заведующем животноводством Пацюке. При нем за последнее время на фермах стало особенно плохо. Но Пацюка не было среди хуторян, окруживших гостей.

— Где же Пацюк? — спрашивала Василиса Абраменко. — Разве ему неизвестно, что проверка происходит?

— Как не известно? Известно...

Не понравилась гостям ни МТФ, ни ОТФ. На молочной ферме скот грязный, тощий, продуктивность низкая. На овцеферме всего полсотни овец, громкое только название — ОТФ, и овцы плохие, всякая смесь, беспородные. Но пуще всего раскритиковали гости свиней, когда очередь дошла до СТФ,— мелкорослых, горбатых, на которых было больше щетины, чем сала.

Мотя Сердюкова поглядела на хуторских свиней, сокрушенно покачала головой и поджала губы пренебрежительно.

— Я считала, что простых свиней уже во всем свете нету, а они еще, оказывается, не перевелись. Ну зачем вы держите эту пакость? Не пора ли завести племенных?

Василиса Абраменко засмотрелась на одну рябую матку, длинноногую и поджарую, легкую в ходу, как гончая собака, и стала подшучивать:

— Не эту ли свинку мы гнали сегодня машиной? Ой, бабоньки, не поверите, какое чудо было! Стали в хутор въезжать, она, откуда ни возьмись, выскочила на дорогу и — поперед машины. Шофер жмет километров на шестьдесят, а она и того больше. Гнались, гнались, так и не догнали. Животы порвали было со смеху. Точь-в-точь такая ж рябая. Я говорила: вот кабы достать нам таких на племя — наши охотники ходили бы с ними зайцев ловить.

Сергей Замятин сказал:

— У нас если бы показать ее, так собрались бы все, как на зверинец. Подумали б — дикая.

А Максим Петрович Дронов ходил, заглядывал в базки и только молча плевался, чем окончательно вывел из терпения свинарок.

— На лысину бы нашему Пацюку плюнул! — сказала одна из свинарок, Авдотья Сушкова, сурового вида женщина, худая, высокая, с густыми, черными, сросшимися

над переносицей, бровями.— Ему, черту, плюнь, может, пособится! — И, задетая за живое насмешками гостей, начала говорить горячо, возмущенно: — Вы, товарищи, не хвалитесь вашей скотиной, а скажите — руководители у вас хорошие. Да! Нам это тоже не очень приятно слушать. Кто б ни приехал на ферму — все издеваются над нашими свиньями. Зайцев гонять! Он и Пацюк у нас такой, что с собаками его не догонишь и не сыщешь,— где он пропадает. Вот вам наглядно: заведующий животноводством, к нему комиссия приехала, а он сбежал, спрятался, должно быть, от стыда... Мы ему за племенных свиней голову уже прогрызли. Люди ездят, достают,— в совхозе вон продавали, в колхозах есть, надо только побеспокоиться. Как пень! Разве ему до этого?

Все стали изливать обиды на Пацюка.

— На голом цементе свиньи спят, и нечего подстилать, нету соломы. В степи гниет, жгут ее там, а сюда не подвозят. Разов сто уже говорили об этом Пацюку!

— И зачем только поставили его сюда? Совершенно не интересуется человек!

— Да нет, он сначала взялся было крепко, да скоро охолонул...

— Оторвался от массы. Головокружение получилось...

Среди колхозников, собравшихся вокруг комиссии, был дед Абросим Иванович Чмелёв, ночной сторож. Маяковцам, хорошо знавшим всех хуторян, Чмелёв был известен как человек невоздержанный на слово, злой, ругательный, но болеющий душою о хозяйстве.

— Ну, а ты, Абросим Иваныч, чего расскажешь нам? — спросил его Дронов.— Почему у вас так плохо? Что тут получается с Пацюком? Ты же тоже с этой отрасли? Здесь сторожуешь? Должон знать.

— Ничего зараз не скажу,— отмахнулся дед.— Смотрите сами. Ничего не скажу...— И объяснил, немного помолчав: — У меня такой характер: если сейчас начну, весь заряд прежде времени выйдет и на вечер не останется. Не хочу! Я на собрании расскажу все до тонкости, в чем тут у нас гвоздь забитый. Я уже давно этого собрания дожидаюсь. Разве тут один Пацюк! Ух, с-сукины сыны, до чего распустились!..

И больше Абросим Иванович в самом деле не стал ничего говорить. Он ходил только следом за комиссией и поддакивал, когда гости замечали какие-нибудь непорядки. А гости придирались к каждой мелочи.

— Что это у вас сено сложено так близко к коровнику, под самую крышу? — спрашивал Дронов.

— Во, во! — обрадованно вставлял дед Чмелёв.— Скажи еще ты, я им, анафемам, уже говорил.

— А разбрасываетесь кормом, будто на второй урожай надеетесь,— замечала Василиса Абраменко, подбирая с земли оброненный кем-то порядочный клок сена.

— Так, так! — поддакивал дед.— Вы еще полюбуйтесь, как у нас силос берут,— устлали всю дорогу силосом. А кабы вы поприсутствовали, когда у нас коров доят. Бьют скотину, матюкаются! Из-за одного такого обращения понимающая корова молока не даст!

— Это ж кто у вас отличается? — спросил Дронов.

— Да кто — вот Анютка первая...

— Ах, боже твоя воля! Абросим Иваныч! — всплеснула руками покрасневшая до слез доярка Анна Кудрикова.— Что ж ты меня срамишь перед людьми? Когда ты слыхал, чтоб я ругалась по матушке?

— Чтоб ругалась — не слыхал, а как била корову лопатой — видал.

— Та-ак! Запиши, Сергей! — с нарочитой строгостью сказал Дронов, подмигнув Замятину.

— Куда — запиши? — подскочила к Сергею Кудрикова.— Меня? Это я одна, значит, буду отвечать за всех? А как Манька Федотова била — ей ничего? А Маришка никогда своих коров не чистит и вымя не обмывает — это как? Меня только видно?

Смех, шум. Марина Петрова кричит:

— Не чищу, потому что некогда — твоих коров завсегда доить приходится. Ты вот объясни людям, почему ты по три дня на ферму не являешься? Торговля тебя завлекла? В Сочи все ездишь — с яйцами да с маслом?

— Ну ладно, хватит об этом. Тише, девчата! — успокаивает Василиса Абраменко.— Расскажите вы нам теперь еще вот что. Как же это у вас получается, что до сих пор план поставки молока не выполнили? Сколько вы надаиваете молока? Кто у вас бригадиром на мэтэфэ? Чичкин? Макар Емельяныч, ну-ка, пойди ближе. Чем вы кормите коров? Как — по норме или от брюха? Всех одинаково?.. Сколько коров поставили на индивидуальное кормление, на раздой? Ни одной?! О-о, это, значит, у вас такие порядки, как еще при царе Горохе мы хозяйновали!..

А в это время Капитон Иванович с Дядюшкиным и Пашей Кульковой в одной из полеводческих бригад, собрав

колхозников, беседовали с ними о подготовке к весеннему севу. Они вникали в хозяйственные планы бригады так детально, будто им самим предстояло здесь работать,— спрашивали, сколько каких культур будет сеять бригада, как подготовлена с осени земля, правильно ли размещены поля по севообороту. Было и здесь немало смеху и шуток, от которых многих бросало в пот, особенно когда Капитон Иванович, имевший, как заведующий агролабораторией в своем колхозе, пристрастие к науке, налег на проверку агротехнических знаний посевщиков и звеньевых, а потом добрался и до бригадира. Учеба оказалась самым слабым местом в хуторском колхозе. Капитон Иванович и вопросы-то ставил не легкие, но и ответы некоторые были до того уж несуразны, что Капитон Иванович в конце концов сказал:

— Может быть, вы, товарищи, робеете, что нас тут много собралось? А как же вы говорите, что в сороковом году обязательно на выставку поедете? Там еще больше народу будет. Совсем растеряетесь да такой чепухи нагородите, что и слушать будет стыдно,— прогонят вас из Москвы!..

Они управились позже всех — обошли все бригады, осмотрели агролабораторию, поглядели в амбарах семена, заходили на квартиры к колхозникам и кончили свою работу в конторе — подсчитали по отчетам урожайность и доходность разных отраслей, расход трудодней и прочее, чем нужно было подытожить проверку соцдоговора.

Капитон Иванович исписал весь свой блокнот. Он посерьезнел, не шутил больше, стал молчалив и сосредоточен, расспросил лишь Коржова, Василису Абраменко и Замятина о результатах проверки по их отраслям, записал себе еще кое-что и больше до самого вечера ни с кем не говорил; готовясь к собранию, обдумывал, что надо будет сказать. Дядюшкин-младший перед собранием пригласил всех колхозников «Маяка революции» пообедать в клуб, где в одной из комнат накрытые столы давно ждали гостей. Капитон Иванович и там, выпив две стопки водки, покраснел только, но не разговорился, ел мало, сидел за столом недолго, встал, отошел в сторону, к окну, и, пока продолжался обед, похаживал молча из угла в угол.

Коржов, указывая на него, подмигнул Дядюшкину-младшему:

— Сочиняет — на вашу голову. За вашу хлеб-соль...

В зале клуба шумно и весело. Духовой оркестр,— гордость хуторского колхоза, живущего на отшибе, вдали от всех благ станичной культуры,— играет вальсы и польки, нестройно, фальшиво, но с таким оглушительным треском и грохотом, что даже лампы мигают. Девчата танцуют впереди в свободном от скамеек кругу.

— Видал? — кричит на ухо брату Дядюшкин-председатель, указывая на оркестр.— Это уж мое начинание.

— Дело неплохое,— отвечает Дядюшкин-бригадир.— Штука в колхозном хозяйстве полезная... А чего они так тянут в разные стороны, козла дерут?

— Не напрактиковались еще. Я их недавно только стал допускать сюда, а то все ходили в лес, подальше от людей, там репетировали. Ничего, подучатся!..

На дворе уже темно. Разбушевался холодный ветер, валит снег. Колхозники, входя в клуб, топчутся на пороге, сметают веником снег с сапог, отряхивают шапки. Шофер «Маяка революции», Федя Малюк, тревожно поглядывает в окно: как оно там, не занесет ли дорогу, покуда соберутся ехать домой?

Скамейки в клубе уже заняты, а народ все подходит. Дядюшкин, поднявшись на сцену, оглядывает зал. Собрание будет необычное. Несмотря на плохую погоду, явка, как никогда,— если не все сто процентов, то около этого. Он делает знак капельмейстеру, чтоб прекратил музыку, снимает свою кавалерийскую, с синим околышем, фуражку, кладет ее на стол, приглаживает руками встрепанные волосы.

— Начнем, товарищи! — говорит он.

После выборов президиума Дядюшкин не сразу покидает сцену, задерживается на минуту, чтобы объявить повестку дня и «направить» собрание.

— Сегодня у нас, товарищи, один вопрос — проверка соцдоговора. Докладывать будут наши гости. Просьба соблюдать тишину. Семечки можно отставить на время, давайте потерпим немножко. Девчата! Вы что ж задом наперед к президиуму повернулись? Феклуша! Настя! Вы куда пришли — на посиделки? Сядьте аккуратней. А это что за пацаны в углу? Чего вы сюда забрались? Живо домой, спать! Пропустите их там. Вот активисты какие, ни одно собрание без них не обойдется!.. Ну, можно начинать. Семен Трофимыч! Руководи.

Председательствует на собрании бригадир Семен Трофимович Елкин, человек средних лет, хмурый, небритый,

с прокуренным, хриплым басом, в очень растрепанном одеянии. На нем грязная ватная стеганка, под ней пиджак, засаленный и рваный, рубаха, не убранная в штаны, все это нараспашку, без пуговиц. На голове кепка из телячьей шкурки, местами совершенно облысевшая, с надломанным, отвисшим книзу козырьком. Он никогда не снимает ее, а лишь передвигает со лба на затылок и обратно. Сейчас Елкин насовывает кепку наперед и немного набок, чтобы защитить козырьком глаза от яркого света большой керосиновой лампы, стоящей на столе, и предоставляет слово комиссии.

Со скамейки первого ряда, отведенного для гостей, поднимается Коржов и идет на сцену. Он с трудом протискивает свое огромное тело в узкую дверцу, за кулисами в тесноте задевает что-то плечом и роняет с грохотом на пол, чем вызывает сдержанный смех в зале, при выходе из-за кулис к столу опять застревает в дверях, отчего жидкие фанерные стены трясутся и, кажется, вот-вот рухнут,— смех в зале возрастает,— наконец, красный, смущенный, рванувшись, преодолевает последнее препятствие, оставив на дверной скобе кусок меховой оторочки полушубка, и становится у стола президиума, выпрямившись на просторе во весь рост.

Капитон Иванович, обернувшись к колхозникам, объясняет:

— Мы решили так — сначала по отраслям, а потом в целом. Не возражаете?

— Не возражаем! — отвечают из зала.— Дело ваше.

Коржов достает из кармана полушубка записную книжку. В зале стихает. Слышно, как ветер сеет снег в окна.

— Не разберешь чужую руку,— говорит Коржов, перелистывая записную книжку.— Это Петро Кузьмич тут записывал... Ну, ладно, я вам словесно расскажу, у меня рассказ будет короткий... Проверили мы, стало быть, с Петром Кузьмичом весь инвентарь. Ну что — инвентарь отремонтированный, хоть сегодня выезжай на посевную. Прибрать есть куда, помещений хватает. Вот не знаю только,— Коржов поглядывает на черное окно, за которым бушует метель,— прибрали или нет? Днем еще на дворе был.

— Прибрали,— отвечает завхоз Бутенко.

— Тогда, стало быть, всё... Против качества тоже ничего сказать не могу — качество хорошее. Нашел я, прав-

да, одну боронку: зубья, как колючки у ежа, во все стороны торчат, не была совсем в ремонте, а причислена туда же, к отремонтированным,— но это, похоже, у них ошибка вышла, просто забыли про нее. Ладно... Потом еще получилось у нас с кузнецом пари.

— Что получилось? — вопрос из зала.

— Какие пары?

— Пари, говорю. Поспорили, стало быть, как лучше пальцы в дисках подгонять.— Коржов находит глазами Кандеева.— Вот с ним. Ну что ж, это дело наше, мастеровое. Оно и так, как Кандеев ремонтировал, годится, все так делают, а как я показал — еще лучше, сев будет прямее. А нам, кузнецам, как я понимаю, нужно думать не только как железку загнуть, а и об агротехнике. Правильно, товарищи кузнецы? Вот... Ну, плуги, культиваторы, прицепы — это все тоже есть. Вагончик для трактористов имеется... Еще хотел я сказать насчет бричек. Очень мне понравилось, как у вас обстоит дело с ходами. В вашем колхозе на каждую пару тягла есть новый ход, даже с излишком,— запас имеется на молодняк. Хорошо! Я бы на месте правления премировал ваших колесников, как лучших стахановцев. Заслуживают этого. Поставили, можно сказать, колхоз на колеса. Вот я и своим хочу посоветовать. Капитон Иваныч! Ты, стало быть, как член правления, учти это. Можно и нам этак: послать в горы колхозников, нехай заготовят побольше ободьев, ступок и сделаем сами — не хуже фабричных будут. Что у нас—колесников нету или оковать не сможем? Сделаем десятка три бричек и выйдем из положения. А то мы все на сельхозснаб надеемся, а там таких заявок, как наша, тыщи!

— Вопрос к Коржову! — раздается голос с первой скамейки, где сидят маяковцы.— А чем они свои брички мажут?

— Ну, мажут известно чем: колесной мазью,— отвечает Коржов.— Нет, тут не подкопаешься, надо правду говорить: уход за инвентарем хороший, не мешало бы и нам поучиться.

— Еще вопрос! — поднимается один из кузнецов «Красного Кавказа».— А как у вас, товарищ Коржов, с ремонтом инвентаря?

— Нельзя сказать, чтоб уж очень хорошо,— отвечает Коржов,— но и не так-то плохо: если приедете в следующее воскресенье, кончим к тому времени. У нас же кузнецов не столько, как у вас, но все равно кончим... Хода́ нас

мучают, как я уже говорил, а так сеялки, бороны — это, стало быть, готово. Короче сказать, хвалиться не буду,— приедете, посмотрите сами...

Больше вопросов нет. Коржов поворачивается и идет на место.

— Мало, мало! — качает головой Капитон Иванович.— Плохая у тебя добыча, Михайло Потапыч! Ты, случаем, не перехвалил их?

— Нет, не перехвалил,— отвечает Коржов, спускаясь осторожно по шатким ступенькам сцены.— Ничего не поделаешь, Капитон Иваныч! Знаешь, как в сказке про два мороза: один пошел богатого душить, а другой — бедного. Так тот, что бедного, тому трудней досталось — не одолел. Бедный рубит дрова, греется, и мороз его не берет. Так и мне, стало быть, сегодня пришлось. Самую трудную работенку дали.

— Душил, душил,— не берет?

— Не берет! И я не в силах. Раз хорошо, как же ты на него скажешь — плохо?

...На сцене у стола — доярка Василиса Абраменко. После спокойной, медлительной речи Коржова, которую в задних рядах плохо даже было слышно, в зале раздается бойкая скороговорка круглолицей, румяной казачки. Голос у нее звонкий, «пронзительный»,— тетя Вася лучшая запевала в колхозном хоре. Ей мешают говорить теплые платки, которыми она закуталась, едучи сюда. Василиса Степановна разматывает их, снимает и ватную кофту — в клубе уже становится жарко, надышали,— бросает все, не прерывая речи и не оборачиваясь, на край стола. Председательствующий Семен Елкин опасливо поглядывает на нее из-под надломленного козырька кепки, осторожно подвигает одежду дальше, чтоб не свалилась на пол. По рядам колхозников проходит оживление.

— Или оно вам не болит? — говорит возмущенно Василиса Степановна, бросая недобрые взгляды на председателя и завхоза «Красного Кавказа».— Или из вас, руководителей, никто туда не заглядывает? Какие постройки, сколько капиталу вложено! Для чего же было тогда и строить это все? Бедные животные! Поглядели мы на ваших коровок — прямо сердце болит. Грязные, в сырости стоят, окна соломой позатуляли. И еще их же и виноватят! Спрашивали доярок: почему такой низкий удой? Говорят — коровы плохие. А вот я хотела бы еще вашего животновода спросить: как он понимает? Вот только беда — не можем

найти его. Целый день ищем — где он есть? Никита Алексеевич! Ты тут?

— Тут! — отвечает за Пацюка враз несколько голосов из дальнего угла.

— Ну, слава богу, а то мы уже думали, может, побег на Кубань топиться со стыда.

— Эге! — подает кто-то реплику.— Заставишь его! Он у нас не дюже совестливый.

— Так что ж за причина, Никита Алексеевич? — продолжает Абраменко.— У нас две тыщи литров, а у вас пятьсот. Кто виноват — коровы?

— Буган,— негромко отвечает один из колхозников «Красного Кавказа» с явным намеком на что-то всем известное. Вокруг вспыхивает смех.

— Может, и буган, вам лучше знать, но коровы ни при чем. Коровы у вас неплохие; свиньи, верно, ни к черту,— крысы, а не свиньи, давно бы уж надо сбыть их и завести племенных, чтоб и корм зря не переводили, а коров хаять не приходится, коровы хорошие, есть такие, что раздоить — по три тыщи литров дадут. Но откуда ж ему быть, молоку? Рациона правильного нету, кормовые единицы не учитываются. Стали спрашивать доярок и бригадира, а они смотрят на нас как на иностранцев: что это за диковина — кормовая единица? Им эти слова совершенно даже непонятные. Вот навоз — это понимают, потому что по колено в навозе ходят и коровы и доярки... Эх вы! Еще соревнование с нами заключили! Куда вам, грешным, с нами тягаться?

— Разрешите спросить у животновода,— встает Максим Петрович Дронов.— Ответь на вопрос, Никита Алексеевич: можно ли складывать сено к коровнику под самую крышу? А если цигарку кто бросит — и сено сгорит и коровник? Отвечай. Да где же он есть? Пацюк!

— Есть такой,— поднимается в заднем ряду Пацюк, полный, с длинными украинскими усами мужчина, в кубанке набекрень.— Чую. Где ж там под самую крышу? Вы бы очки надели.

— А ты не серчай, Никита Алексеевич! — оборачивается к нему Дядюшкин-председатель.— Терпи! К чему это — очки? Нехорошо. Отвечай по существу.

— Э-эх, так его растак!.. — срывается с места дед Абросим Иванович Чмелёв, пробирается между рядами скамеек и идет к сцене.

— Куда ты, дед? — машет на него рукой Семен

Елкин. — Куда? Вернись, рано еще. Прение еще не открывали.

— А мне оно и не нужно, твое прение, — отвечает дед. — Настигло время сказать — и скажу, и не перебивай меня, ради Христа, а то брошу. — Дед останавливается. — Как же я этого не люблю, ну вас к чертовой матери! Когда б ни начал — то, говорят, какой-ся рыгламент не вышел, то не открывали еще, то уже закрыли. Тьфу, чтоб вы провалились! — поворачивает обратно.

— Так еще комиссия не кончила. Нельзя, Абросим Иванович, порядок ломаешь, — убеждает Елкин.

— Ничего, дайте сказать деду, — говорит Капитон Иванович. — Мы подождем. Иди, иди, Абросим Иваныч!

— Валяй, Абросим Иваныч!

— Дать деду слово! — несется из зала.

— Ладно, нехай выскажется, — говорит Елкину Дядюшкин. — Ты, Абросим Иваныч, только поприличней выражайся. Тут — женщины.

— А это как придется, — отвечает дед. — Не ручаюсь, — и идет к сцене.

— Граждане колхозники колхоза «Красный Кавказ»! — начинает Абросим Иванович пространно и торжественно. — До каких пор будут приезжать к нам люди и колоть нам глаза нашим животноводством? Может, оно вам, верно, не болит, как вот гражданка Абраменкова сказала, но мне болит, потому что хоть мое дело и маленькое, я — сторож, но причисленный к этой отрасли, и считаюсь как работник животноводства. Ей-богу, истинно говорю вам — терпение уже лопается!.. Тут спрашивали, кто виноватый, вот и я как раз об них хочу сказать, об этих самых сукиных сынах, кто довел наше животноводство до ручки, растак их... кмх! Да... У меня должность такая: хожу кругом двора, звезды считаю и чего-чего только не передумаю за ночь! Припомню и что раньше было, еще до извержения царя, и гражданскую войну, и вот стану сам с собой рассуждать: что у нас такое, в нашем колхозе, с животноводством получается? Прочее хозяйство в гору идет, а животноводство — вниз. В чем тут гвоздь забитый? Да в самих руководителях, по-моему! Сколько уже у нас заведующих переменилось! Милиён! И все без толку. Прямо не везет нам на них, либо место у нас такое, богом проклятое. Был Степка Журавлев — этот, барбос, начал выручку за молоко пополам делить: половину в кассу, половину в карман. Ски-

нули его, судили, назначили Фаддея Кузьмича. Кузьмич полгода поработал — помер. Ну, царство ему небесное, это со всяким может случиться. После него поставили Гаврилу Отрыжкина. Такой был захудалый да больной, подкормился сливками — начал выбрыкивать, дояркам проходу не дает, прямо удержу нет. Скандалы у нас каждый день, мужья ревнуют, жен терзают. Скинули и Отрыжку. После Отрыжки еще штуки три сменилось, и все такие же: либо не в курсе, либо с какой-ся придурью. Назначили, наконец, нам Никиту Пацюка. Ну, думаю себе, этот поведет дело! Парень наш, красный партизан, командиром взвода был у нас в отряде. Человек пожилой, с понятием. Ну, и что ж из него получилось? И этот старый козел по той же дорожке пошел!..

Абросим Иванович призадумывается.

— Может, оно и неприлично здесь о таких вещах говорить, но приходится. Кабы общественное дело не страдало, а то ведь — хозяйству разор!.. Я так и не придумаю: в чем тут гвоздь забитый, почему они у нас все одной болезнью болеют? Либо от безделья — не может человек свою линию найти, в чем его хвункция, как заведующего, заключается, и начинает от скуки дурить, либо на самом деле молоко такое вещество, если много его употреблять, действует на людей? Не знаю, на меня уже не действует. У меня еще с тысяча девятьсот...

— Ближе к делу, Абросим Иваныч! — просит Дядюшкин. — Покороче.

— А я к делу и веду. Куда ж еще ближе... Об чем я говорил? Тьфу, чтоб тебя, перебил!.. Да, насчет Пацюка. Ну, так вот, не могу сказать, какая тому причина, но и Никита Алексеич наш в тую же кадрель ударился. Была у нас в хуторе спекулянтка-единоличница Лизка Моргункова, и он, красный партизан, колхозник с двадцать девятого года, с той спекулянткой спутался! И до чего ж хорошего это довело? Да рукопашного бою. Вот тут, прямо перед клубом на улице. Жинка его шла вечером по воду, а он тут свиданьичал с Лизкой — ну и потянула коромыслом по горбу. Начал было Никита отступать за плетень, она его и там настигла, да цибаркой по голове! А цибарка была с водою. Изувечила ее, цибарку, сбила в лепешку. Народ кругом, тюкают... Какой же от него теперь может быть авторитет? Придет на ферму, станет дояркам что-нибудь указывать, а они: «Гы, гы!.. Никита Алексеич! А цибарку выпрямили?..» И хотя бы уж

после этого покаялся. Нет, продолжает! Только теперь уже не дома, а в отдаленности, больше по хуторам. Все разъезжает: то силосорезку вроде ищет, взять на время, то сепаратор, говорит, продается где-то по случаю, а сам — до девчат. Это уж я доподлинно знаю. Рассказывали ребята с Вербового, что там наш Никита Алексеич вытворяет, когда приезжает. Жинка его тут? Присутствует? Ну, извиняйте, из песни слова не выкинешь. Я бы, может, и не стал всего объяснять про своего командира бывшего, да само дело заставляет. В общем ты, Настя, не дюже ублажай его, когда он приезжает ночью домой да говорит: ездил аж на Пасечный хутор, замерз, проголодался, — его там без тебя поят и кормят.

В переднем ряду, где сидит жена Пацюка, Настя, — шум, возня. Настя порывается встать, хочет, видимо, пробраться ближе к мужу, ее удерживают, успокаивают. Елкин призывает к порядку, стучит карандашом по столу. Дед Чмелев продолжает:

— Ну, это еще не все. Второе — начал наш Никита пьянствовать. Рассобачился окончательно. Пьет, по-старому сказать, как перед страшным судом. Праздник, будень — ни с чем не считается. Патефон, соленый огурец — больше ему ничего не нужно. Доносят ему: пропали быки, которыми сено подвозим, ушли с попаса — с горя пьет, нашлись быки — с радости, издохла корова — поминки справляет, отелилась — крестины, так и идет у него конвейером. А на фермах тем часом коров не чистят, корм переводят, две траншеи силоса погноили — подплыл водой; бураки поморозили, на телят понос напал, на телятниц столбняк какой-ся: станет в дверях против солнышка, руки в боки упрет, семечек на губы навешает и стоит, поплевывает с утра до вечера. Черт бы вас побрал с этакой работой!.. И бригадир у нас на мэтэфэ такой же, Макар Чичкин, — вот он сидит, полюбуйтесь на него, — лодырь из лодырей. Может, станешь, Макар, отказываться? Куда там отказываться, — я все правильно говорю. Разобьют коровы корыто — целую неделю будет плотников ждать, сам ни за что за топор не возьмется. «Не моя, говорит, хвункция». Говорил я Пацюку: «Не ставь ты, ради бога, Макара на должность! Это же ни рыба ни мясо, никакого с него навару не получится!» Нет, назначил бригадиром. Понравился ему, должно быть, тем, что водку глушит не хуже его... Вот тут гражданка Абраменкова называла разные такие слова, которые нашим

дояркам не известные, рацивон и все такое. Да откуда же нам их знать? Или, может, у нас на фермах собрания когда бывают, или курсы проводятся? Ничего такого нету. Никакой массовой работы, — одна, можно сказать, голая администрация. Забегут Пацюк с Чичкиным, покричат, пошумят, глядишь — уж смылись. Так и знай: либо сепаратор поехали вместе покупать, либо патефон накручивают.

Абросим Иванович оглядывается через плечо на Елкина:

— Как там, рыгламент еще не кончился? Скоро начнешь тарахтеть?

Из зала единодушно отвечают за Елкина и колхозники «Красного Кавказа» и гости:

— Не кончился!

— Продлить деду!

— Продолжай, Абросим Иванович!

— Ну ладно. Хотел я еще рассказать про кобылу Зорьку... Ведь это, что хвост быку оторвали, это же у нас случилось, на животноводстве. У нас тут так: что б ни стряслось — где? — на животноводстве. Бабы поскандалили — где? — у нас. Волки жеребенка разорвали — у нас. Быка покалечили — у нас. Каждый день происшествия. Что придумали, сукины сыны, обормоты, Митька Стороженко и Васька Пеньков! Связали быков хвостами, поставили их зад к заду и давай хлестать — за спором, чей перетянет, покуда и оторвали хвост одному. Судить надо, подлецов! Но этого мало, я хочу сказать — в чем тут гвоздь, откуда они такой пример взяли? Да от самого ж заведующего! И он так же издевается над худобой. Была закрепленная за Пацюком кобыла Зорька, вы ее все знаете, молодая кобылица, шустрая такая. Дали ему, как заведующему, — на, ездий по делам, куда тебе нужно, только береги ее. Ну и что ж? Загнал! Мотается по хуторам, силосорезку ищет, — уже и силос давно набили, а он все ищет, вернется домой, бросит ее на дворе оседланную либо привяжет с пьяных глаз до той метлы, что Настя у порога заметает. Ходит Зорька по огороду до утра, метлу за собой тягает, заподпружится, нажрется всякой дряни. Если я не наведаюсь да не отведу ее на конюшню — никто и не кинется. Раз этак сделал, другой, потом горячая воды хватила — ну и все, пропала Зорька. А кобыла была какая!.. Э-эх, безобразники, разорители, голотяпы, чтоб вас скорежило в три погибели!..

Абросим Иванович круто поворачивает и идет на место.

— Кончил, дед? — спрашивает Елкин.

— Кончил. Кабы та кобыла не издохла, опа б вам еще больше рассказала!..

На долю конюха Сережи Замятина досталось доложить собранию результаты проверки ухода за рабочим тяглом. Сергей, парень лет двадцати, комсомолец, говорит с жаром, почти кричит:

— В общем, у вас, товарищи, так получается: за мертвым инвентарем лучше ухаживаете, чем за живым. Нет у вас заботы о верном нашем друге — коне! Что на животноводстве безобразия, что на конюшнях — одинаково. Разве при таких кормах, как у вас, лошадям быть в средней упитанности? Как змеи должны быть! Тут всему причиной, я скажу, корыта́. Корыта̀ у вас в конюшнях велики, — сразу целая сапетка половы вмещается. Урезать надо их обязательно, чтоб одну жменю только можно было всыпать, — всегда будет свежая ме́шка, и лошади охотнее ее станут есть. А то намешают сразу на целую неделю, лежит она, киснет. Николай Савельич! Вот послушай моего совета: пошли завтра плотников, нехай поделают маленькие корыта́, вот такие,— посмотришь, как начнут кони поправляться... Теперь насчет чистки. Чистка у вас, товарищи ездовые, не качественная. Во второй бригаде нашли мы две пары лошадей — прямо можно написать пальцем на спинах фамилии ездовых.

— Ты ж их, Сережа, почистил? — спрашивает Капитон Иванович.

— Нет, дядя Капитон,— виновато отвечает Сергей,— не почистил. Не дали! Такие сурьезные ездовые попались, не допускают, — Петренко и Артем Малышев. «Хоть ты, говорят, и комиссия, но до наших коней не имеешь права касаться. Указать можешь, а сам не лезь. Чтоб ославили потом на весь район — приезжали, дескать, из «Маяка» конюха́ в «Красный Кавказ» лошадей чистить!» Почистили при мне, на том и помирились... Есть еще у них во второй бригаде жеребята-стригуны, Максим Будник ухаживает за ними, — прямо жалко глядеть на них! Прошлогодние репяхи в хвостах. Говорит — не даются чистить, брыкаются. Что значит брыкаются? Это и хорошо. То и конь, что треноги рвет. Не дается одному — взяли бы его вдвоем, да как следует щеткой его по бокам,

туда-сюда! Эх, Максим! А еще казак! Остаться, что ли, у вас на день, поучить вас, как надо чистить?.. Только вы, товарищи, не обижайтесь: самокритика исправляет и людей и лошадей.

Замятину дружно аплодируют все. Оркестр играет туш. Дед Чмелёв крякает и замечает:

— Ишь ты! Поддабриваются перед чужими! Мне так не подыгрывали!..

— Так тебе, Абросим Иваныч, неудобно подыгрывать, — отвечает капельмейстер. — Ты ж всегда кончаешь матюком!

Собрание становится шумным. Смех, соленые добавления с мест. Елкин то и дело стучит карандашом по столу. К тому времени, когда на сцену с заключительным словом проверочной комиссии выходит Капитон Иванович, атмосфера уже сильно накаляется...

Капитон Иванович, сухощавый, стройный, в бешмете с обтянутой талией и высоким стоячим воротником, покручивая усы, ждет с минуту, пока успокоится народ. Шум откатывается по рядам колхозников назад и замирает у дальней стены.

— Ну, мы наговорили вам тут всякой всячины, — начинает Капитон Иванович. — Извиняйте, если, может, кого задели за живое. Такая наша обязанность, затем и послали нас сюда. Оно-то, конечно, в чужом глазу соринку видать, а в своем и бревна не заметно. Ну ничего, вы тоже приедете к нам, укажете на наши упущения... Итак, товарищи, поработали мы с вами год. Я думаю, мы сейчас первенство определять не будем. Тут нужны посторонние люди, а сами начнем определять — еще подеремся. Это районные организации сделают: проверят, учтут все и скажут, кто кого опередил. Но все-таки разрешите сказать свое мнение, так, частным порядком, неофициально: первенство, конечно, останется за нами.

— За кем? — не расслышал кто-то сзади.

— За нами. Ну ясно, иначе и быть не может.

— Ничего ясного еще нету! — тот же голос. — У нас нынче, Капитон Иваныч, далеко лучше, чем раньше было. Мы в этом году по шесть килограмов хлеба на трудодень дадим, чего у нас еще сроду не бывало.

— Ну что ж такого! И мы по шесть, — отвечает Капитон Иванович.

— Значит, равняемся.

— Если равняемся, тогда мой совет: давайте на пал-

ку конаться. Чей верх, тому и знамя, — предлагает какой-то шутник.

Елкин с сердцем грохает кулаком по столу:

— Да поимейте же вы совесть! Ну что за народ — не дают человеку слова сказать!

— Нечего конаться, — продолжает спокойно Капитон Иванович. — И так видать. Что на трудодень — это еще не все. Не единым хлебом жив человек. Отпала уже это — ценить колхоз только по килограммам. Что — шесть? Можно и восемь и десять дать. Ничего не строить, не отчислять для продажи — вот и десять. Мы ведь в этом году сколько настроили! Конеферму на сто маток, мельницу, гараж, родильный дом, две новые автомашины купили. Восемь тысяч центнеров пшеницы сверх поставок продали кооперации под машины и стройматериалы!.. Нет, товарищи, так однобоко нельзя подходить: шесть и шесть, — значит, равны. Надо брать все хозяйство, все отрасли, тогда будет правильно. А если взять по отраслям, — конечно, наш колхоз от вашего как небо от земли, что и говорить! Мы, можно сказать, мчимся вперед на тройке вороных, еще и пристяжные по бокам: сад, огород, пчелы, птица. А вы запрягли одну клячу в оглобли — трюх-трюх помаленьку. Только на полеводстве выезжаете. В случае какой стихии, града или засухи — все, слезай, приехали. Ни хлеба, ни денег. Правильно? Единственное, что имеете, — животноводство, и то нашему и в подметки не годится. Наших всех животноводов вызвали в район оформлять документы на Всесоюзную выставку, а вашего, как видно, не сегодня-завтра будет прокурор оформлять...

— Капитон Иваныч! Да ты не верь! — не выдерживает Пацюк. — Тут такого наговорили, что и на голову не лезет. И сено — под самую крышу. Прямо будто я вредитель какой!..

— Никита! — хрипит Елкин. — Тебе давали слово? Терпенья не хватает?

— У вас этот председатель, которого сняли, — продолжает Капитон Иванович, — был парень из таких, которые не любят особенно перегружать себя работой, чтоб не надорваться. Разведи гусей, утей, а на них, дьяволов, нападет еще какая-нибудь чума, подохнут — отвечать придется. Ну, теперь Николай Савельич, может, иначе дело повернет?

— Да уж кой-чего начали, — отзывается Дядюшкин. —

Сто колод пчел покупаем в «Дружбе», с питомником договор заключили на посадку винограда.

— Хорошо! Вот когда всего этого заведете побольше, тогда можно будет вам и о первенстве поспорить. А пока не волнуйтесь и не расстраивайте зря нервы. Вот так... А насчет вашего полеводства я, товарищи, тоже хотел поговорить. В нынешнем году урожай хороший, но не думайте, что у вас так уж крепко дело поставлено. Мы сегодня были во всех бригадах, с бригадирами беседовали. Проверяли, как полагается, как нас недавно колхоз «Коминтерн» проверял. Спрашивают коминтерновцы наших колхозников: «Кто такой был Тимирязев? Кто был Вильямс? В чем их учение заключается?» А что вы думаете? Вспахать только без огрехов да посеять в срок — этой агротехнике уже десять тысяч лет. Пора по-настоящему браться за науку. Я скажу, не хвалясь: у нас это крепко налажено. Я как заведующий агролабораторией сам закручиваю учебой, собираю людей, агронома приглашаю. Четыре раза в неделю занятия. Ходят все в порядке дисциплины: и бригадиры и члены правления. Никаких никому льгот ни по семейному положению, ни по старости. Сидим за партой, как детишки: тетрадочки, карандашики. А у вас, проверили мы, — плохи дела! Агролабораторию вашу мыши съели, от экспонатов одни пеньки остались. И заведующего, может, съели бы, так его нету — услали в горы лес заготавливать. Нашли работенку по специальности! Ну, раз агролаборатория не работает, значит, и учебы никакой. Думали, может, сами люди читают, интересуются, взяли на выдержку несколько человек — ни в зуб ногой, извиняйте за выражение. Вот товарищ Елкин такого нам упорол, что животы порвали было со смеху. «Дарвин, говорит, это главнокомандующий французской армией».

— Да неверно же! — вскакивает Елкин. — Не говорил я этого!

Теперь Елкина успокаивают в свою очередь колхозники:

— Порядок, Семен Трофимович! Не перебивай докладчика.

— Ты же председатель собрания!

— Сам нарушаешь!

— Терпи! — кричит ему Дядюшкин. — Терпи!

— Да как же стерпишь, ежели напрасно? Не говорил я про главнокомандующего.

— Прошу прощения, ошибся, — извиняется Капитон Иванович. — Насчет главнокомандующего это бригадир Душкин сморозил... Плохо, плохо, товарищи! Гляжу вот я на тебя, товарищ Елкин, и думаю: нет из тебя никакого движения, — почему так? Каким помню я тебя с начала коллективизации, таким ты и остался. И кепка на тебе та же самая, которую носил, когда мы лошадей обобществляли в станичном гиганте. Помнишь, как тебя бабы возле мельницы терзали, сапоги в колодец забросили, а кепку в яме с мазутом утопили? Ты ее после в керосине вымачивал, она тогда еще новенькая была... Как ты, товарищ Елкин, в то время руководил бригадой? Наряды давал, конюхов по ночам проверял, тяпки полольщикам точил. А сейчас как руководишь? Тяпки точишь, наряды даешь — то же самое. Неужели за десять лет ничего нового не прибавилось? А агротехника? Иль тебя это не касается? Неверное рассуждение! У Душкина в бригаде еще хуже — ни одного гектара не удобрили! У нас же, товарищи, на будущий год половина всей посевной площади пойдет по удобрениям. Вот, выходит, и тут вам до первенства далеко. Триста гектаров озимки посеяли — наперекрест. А вы — ничего. Может, и слыхали об ефремовском агрокомплексе, — слыхали, конечно, не может быть, чтоб вас не коснулось, — но не придали значения. Поговорили, тем дело и кончилось, а применить на практике не рискнули. Никуда это не годится!

Елкин ерзает на стуле.

— Что ж ты равняешь, Капитон Иваныч? — говорит он, жалко улыбаясь. — Вы — в станице, а наше дело хуторское. Живешь тут, в глуши, бык быком, и уши холодные.

— Ты не прибедняйся, товарищ Елкин! При чем тут хутор? Можно и в станице запустить себя хуже, чем на хуторе. Тут другое... Я скажу прямо, ты только не возьми в обиду. Вот пришел ты сегодня на собрание, в общественное место, а на что ты похож? В дегте весь, будто подолом трактор обтирал, небритый, рубаху распустил. Еще хвалитесь — шесть килограммов! Куда ж вы их деваете? А посмотри на нашего бригадира Андрея Савельича. Видал, какой джигит? Почему бы и тебе не так? Не любишь казачью форму — надень галстук, пиджачок. Ах ты ж, товарищ Елкин-Палкин! В этом культура тоже проявляется! Поверь моему слову: сейчас у тебя в бригаде урожай неплохой, а уберешь рубаху в штаны да скинешь

вот эту цилиндру телячью, еще лучший урожай будет!

Смущенный Елкин снимает свою «меховую» кепку, вся тулья которой от давности облезла, вытерлась, как бок у чесоточной овцы, и, повертев ее в руках, кидает под стол.

В клубе дрожат стекла от хохота.

— ...Ну, что вам, товарищи, еще сказать? Значит, самое больное место у вас — культура. Нажать надо на это дело обязательно.

— В следующий раз приедете — все бригадиры при галстуках будут, — говорит, улыбаясь, Дядюшкин. — За свой счет куплю. И обяжем решением правления носить. Как в армии — приказом по гарнизону.

— Посмотрим!.. Надо вам открыть при колхозе стахановскую школу, как у нас. Имейте в виду, товарищи, не будете учиться — в самых задних рядах окажетесь. А плохо быть отстающим! О передовом колхозе и в газетах пишут, дети читают про своих отцов, матерей, какие они герои, девчата охотнее замуж идут в такой колхоз, в Москву люди ездят, почет им и уважение, а отсталых и куры клюют... Еще хотел я сказать, товарищи, о вашем животноводстве — совет вам дать, как направить дело. Про Никиту Алексеича не буду говорить, достаточно о нем сказано, у него, должно быть, и так уже в сапоги полно поту натекло. Нехорошо, конечно, получается. Знал я его как человека стоящего. Значит, разбаловался. Ну что ж, и от такой хворобы лекарство имеется. Тут Абросим Иваныч правильно подметил насчет функций. На фермах, само собой, есть начальники — бригадиры, а тут еще заведующий всем животноводством. Я бы вам посоветовал упразднить эту должность — завживотноводством. Назначить подходящих людей на фермы — и все. И пусть ими непосредственно руководит правление, а еще лучше, если сам председатель больше будет вникать. Мы давно уже так сделали. У нас нет завживотноводством, есть заведующие фермами и больше никого. Они за свое дело отвечают, сами все обеспечивают, у них и тягло, подвозят себе все, что нужно, ну, а в случае чего, конечно, обращаются в правление.

— Как ты предлагаешь, Капитон Иваныч? — подымается дед Чмелёв. — Чтоб, значит, ликвидировать Никиту?

— Ликвидировать. Должность его.

— Совсем?

— Совсем.

— Чтоб и не было?

— Ну да.

— А пожалуй, так оно лучше выйдет,— соглашается кто-то из колхозников.

— Значит, останется наш Никита — министр без портхвеля? — не унимается дед Чмелёв.— И куда ж его тогда?

— Да куда — можно в бригаду, на степь, хотя бы временно. Это очень хорошо помогает. Там функция известная, гулять некогда. У нас в прошлом году был такой случай с завхозом Катричем. Задурил парень, пьет и пьет каждый день, аж похудел от водки, черный стал, как земля, хрипит. Сняли его, послали в бригаду посевщиком. Поработал немного на свежем воздухе, обдуло его там ветерком — очухался. Через месяц прикинули на весы — на восемь килограммов поправился. Как на курорте. А то было совсем пропадал человек. Сейчас опять назначили завхозом.

Снова смех. Все оборачиваются к Пацюку.

— Никита Алексеич у нас сегодня именинник,— говорит Кандеев.

— А ему ж, бедняге, еще и дома достанется!

— Ну вот и все, товарищи,— кончает Капитон Иванович.— Как будто охватили полностью. Если будут вопросы — задавайте. В заключение передаем вам пламенный большевистский привет от соревнующихся с вами колхозников «Маяка революции» и желаем всякого успеха. Но переходящего знамени вам, конечно, не видать как своих ушей.

Оркестр приготовился было сыграть туш, но последние слова Капитона Ивановича смущают капельмейстера: можно ли приветствовать такой выпад против них? Он вопросительно смотрит на своего председателя.

— Валяй! — машет рукой Дядюшкин.— Ничего не поделаешь — гости! Гостей надо уважать.

Гремит музыка, трещат аплодисменты, Елкин, красный, распарившийся возле жарко горящей лампы-«молнии», хлопает с сосредоточенным выражением лица громче всех...

В прениях после Капитона Ивановича выступают колхозники «Красного Кавказа», выступают еще гости, которым не пришлось говорить вначале. Собрание продолжается до глубокой ночи, бурное, необычное.

Максим Петрович Дронов не мастер на широкие обобщения. Он касается отдельных хозяйственных непорядков.

— Михайло Потапыч! Ты говорил, с инвентарем у них хорошо, стали, мол, на колеса, а вот сбруя ихняя никуда не годится. Мы смотрели — во всех бригадах на бечевках ездиют. Спрашивали их: «Кожи у вас есть?» — «Есть»,— говорят. «А шорники есть?» — «Есть». Так чего же они не шьют новую сбрую? Или, может, у вас шорники такие, что боятся кожи резать — как бы не испортить?

Вскакивает шорник «Красного Кавказа» Федор Кравчук:

— А у вас — сбруя? Довольно, Максим Петрович, не хвались! Видал ваших, приезжали на мельницу — постромки из пожарной кишки, уздечки из мочала, а вожжи из фитилей. Тоже — зажиточные!

— Так это, может, одна пара на весь колхоз задержалась и как раз попалась тебе на глаза!

— В аккурат три подводы ваших было на мельнице, и вся сбруя такая!

— Во-о!.. Максим Петрович! Что ж ты, брат, хвастаешь?

— Значит, поквитались? — смеется кто-то.— У нас бечевки, у них мочала!

— В расчете!

— Нет, не поквитались,— поправляет Дядюшкин-председатель.— Этим, товарищи, нельзя успокаиваться, если нашли у соперника прореху. Прореха на прореху — в расчете. Не так! Тогда поквитаемся, когда и у них и у нас будут кони как львы, сбруя — вся в бляхах; урожай — пятьдесят центнеров; овощей, фруктов — горы! Вот тогда скажем — в расчете.

Паша Кулькова обращается к завхозу «Красного Кавказа» Бутенко:

— Иван Григорьевич! Вы как понимаете: ваша обязанность только в кузню заглядывать, где инвентарь ремонтируется, да горючее возить? А о живых людях вы не беспокоитесь? Это вас не касается? Вы знаете, в каких условиях ваши стахановцы живут?

— А что такое? Ничего не знаю. Ты, Паша, на меня особенно не наваливайся, я же всего только второй месяц как заступил.

— Ничего! Не из Америки приехали! Тут живете, все видите. Как у вас Фрося Петренкова считается?

— Как? Стахановка.

— Лучшая стахановка! Я с ней соревнуюсь, была летом в ее звене, видела ее клещевину. Замечательная кле-

щевина! А как вы Фросю отблагодарили? Вам же известно, что у них в семье она да мать-старуха, мужчин нету,— значит, надо помогать. Хата течет, ветер крышу сорвал, сарай завалился, корову некуда загнать. Что у вас, соломы нет на крышу, сарай не из чего слепить? Стыдно, товарищи! Не на мой характер! Я бы перешла в завхозову хату либо в председателеву, самоправно, и сказала: «А вы идите жить в мою, нехай вам за шиворот течет, раз вы такие, что не заботитесь о стахановцах!..»

Выступает еще раз Абросим Иванович Чмелёв.

— Я со всем этим согласный, что говорила комиссия о наших недостатках. Правильно на сто процентов! Очень приветствую я такие собрания. И Степановна правильно говорила, и Сергей — как тебя? — Васильич, хоть и молодой парень, а тоже толково подметил, почему у нас лошади худые. И насчет сбруи, что Максим Петрович сказал, тоже правильно. Чего там отказываться? Кожи лежат, гниют, а ездим черт-те на чем. Скоро уже будем вязать брички за хвосты лошадям. Ну, а Капитон Иваныч — этот уж обрисовал все до тонкости. Как в воду глядел! Подписываюсь под его словами! С одним только я не согласный... Как ты мог, Капитон Иваныч, сказать так: не волнуйтесь насчет первенства? Это твое выражение, я считаю, недопустимое. Как можно не волноваться? Есть ли такой человек на свете, чтобы не желал лучшего? Прямо совсем ты нас принизил, подсек под корень. Что ж ты хочешь, чтобы мы до веку такие вот речи слушали на собраниях? Плохое твое пожелание! А я скажу наоборот — придет время, будут люди приезжать к нам сюда, приветствовать нас, награждать. Да! Иначе и быть не может! Нажмем — и догоним вас! А то, может, и перегоним!

Деда поддерживают колхозники:

— Правильно!

— Пусть не зазнаются да почаще назад оглядываются, а то пятки оттопчем.

— И у нас народ работать умеет, дай только правильное руководство.

— Догоним!

На этот раз выступление деда чествует и оркестр.

— И еще не согласный я вот с чем — почему меня сторожем поставили,— продолжает Чмелёв.— Тому председателю сколько разов заявлял и тебе, Николай Савельич, заявляю вот здесь, принародно,— сторожую только до

весны. Так и знай. Занудился уже я на этой должности — звезды считать. Я еще не такой калека. Подыскивайте на мое место кого-нибудь из самых престарелых, а я пойду в бригаду. Капитон Иваныч! Товарищи маяковцы! Как говорится, нельзя только штаны через голову надеть, а то — все можно сделать! И наш колхоз передовым можно сделать. Надо только потрудиться крепко. Да самим вникать во все упущения. А лоботрясов, разгильдяев этих, которые ходу нам не дают,— по шапке!

Бригадиру Елкину приходится выступать с покаянной речью. Кается он искренне, от души, он много пережил на этом собрании. Кепку он как снял, так и не надевал больше, застегнул воротник рубахи, одернулся.

— Честное слово, товарищи, больше этого не будет!— прижимая руки к груди, говорит он.— Кто не работает, тот и не ошибается. Оно верно, занимаешься черт знает чем, только не агротехникой. Муку мелешь, сбрую чинишь. Ну, теперь я заведу иной порядок. Завтра посылаю три подводы на станцию за суп... за супер...— вот, проклятый, не выговоришь! — за су-пер-фос-фа-том! И давайте так договоримся: кто старое помянет — тому глаз вон. А насчет курсов я не возражаю...

Молчит лишь Пацюк.

В конце собрания слово берет Николай Савельевич Дядюшкин.

— Ну, кто это мне вчера говорил насчет бани? Ты, кажется, Иван Григорьич? Вот она где, баня, всем нам! Я предупреждал вас, когда принимал дела, особенно Никиту Алексеевича,— так работать нельзя. Возьмут когда-нибудь нас в оборот — жарко будет! Ну, ничего. Почаще надо делать такие проверки. Спасибо вам, товарищи маяковцы, за критику. Передавайте и вы дома привет от нас и скажите: очень довольны все остались, особенно руководители некоторые. В том числе и председатель. Именно так! Я, товарищи, оправдываться не буду нисколько. Что недавно стал председателем — это не оправдание. Как в армии? Принимает новый командир часть, ему не дается много времени на ознакомление: через час-два, может, и в бой ее поведет. Есть немало и моих упущений. Просто, можно сказать, не сообразил, за что в первую голову надо взяться. Хоть бы и курсы,— конечно, можно было давно открыть. Также и агролаборатория. Ну ладно, хватит, а то еще начну оправдываться. А это самое последнее дело. И вам никому не советую. Не затем мы сюда собрались,

чтоб нам тут накручивали гайку, а мы ее назад раскручивали. Нехай как закрутили, так и остается. Надо сказать одно: плохо работали? Плохо. Можно лучше работать,— как думаете?

— Можно, конечно!

— Дед вон говорит — нельзя только штаны через голову надеть.

— В наших руках сделать колхоз таким, как Абросим Иваныч сказал: чтоб приезжали люди к нам и учились у нас? Как вы считаете, товарищи колхозники?

— Ясно — в наших!

— А кто же придет сюда работать за нас?

— Ну, значит, всё. Приказано выполнять. По-военному — коротко и ясно. Закрывай, товарищ Елкин, собрание. А насчет Пацюка и этих наших хвостокрутов, Стороженка и Пенькова, и все остальное, что нам тут советовали,— это мы решим на следующем собрании, в воскресенье. Сейчас уже поздно, вопросы серьезные, будем спешить, скомкаем. Капитон Иваныч! Значит, мы в воскресенье к вам не приедем, будем своими делами заниматься. Дайте нам немного сроку подуправиться. Приедем после Нового года. И уж тогда держитесь! Пошлем Абросима Иваныча, Кандеева, Семена Трофимыча, и я сам приеду. Кандеев вам все болтики на сеялках проверит. Запасемся харчами, три дня будем жить, пройдем из хаты в хату...— Дядюшкин замечает под столом кепку Елкина, поднимает ее.— Покуда полную эту цилиндру недостатков не наберем — не уедем!..

Оркестр играет гопак. Как ни поздно, но по традиции всякое собрание в клубе должно закончиться танцами.

— Эх, рви кочки, ровняй бугры, держи хвост морковкой!— кричит Капитон Иванович.— Сергей! А ну-ка, покажи им!

Сергей, заломив на затылок кубанку, выходит на круг. Хуторские девчата выставляют против него доярку Ксюшу Ковалеву, рослую, сильную девушку, немного тяжеловатую, но неутомимую в танцах. Сейчас же выскакивает и вторая пара — кузнец Кандеев с Мотей Сердюковой. Начинается соревнование в ловкости, выносливости и изобретательности на всякие замысловатые коленца.

— Шире круг!

Капитон Иванович не выдерживает, вытаскивает за

руку из толпы, окружившей танцоров, Настю Пацюкову и тоже пускается в пляс.

— Не горюй, Настя! Все перемелется — мука будет!

Настя, отложив расчеты с Никитой до возвращения домой, танцует, не жалея каблуков.

Дед Чмелёв, поигрывая плечами, с ухваткой старого лихача, проходит два круга с Пашей Кульковой.

— Вот это пара! — смеются колхозники.

— Самая подходящая — по характеру!

— «Страдание»! — заказывают оркестру.

— Давай «Страдание»! — кричит Сергей и переходит на замедленный темп другого танца.

«Страдание» танцуют с припевом.

Чем же, милый, ты гордишься,
Чем же ты прославился? —

начинает Ксюша Ковалева, подбоченившись, задерживаясь против Сергея.

В бригадиры не годишься,
Конюхом не справился,—

добавляет в лад ей Сергей, разводя руками и не переставая в то же время выстукивать о пол частую дробь.

Зрители — в восхищении:

— Ловко у них получается!

Открой, маменька, окошко,
Одну половиночку,—

начинает Ксюша.

Отпусти гулять немножко,
Одну вечериночку,—

закругляет Сергей.

— Вот, брат, как у них согласно идет!

— В чем ином, а уж в танцах один другому не уступаем!

...Шофер Федя Малюк, постояв немного в кругу зрителей возле танцующих, выходит на двор к машине.

На дворе всё в снегу. Тишина и легкий мороз. Буря улеглась, небо прояснилось. Горят над хутором яркие звезды. Федя обметает прихваченным в сенях клуба веником снег с капота мотора и с подножек, откидывает борт кузова — там тоже полно снегу. Очистив кузов, он достает оттуда ведро, идет к колодцу и начинает наливать воду в радиатор.

...Гремит музыка, танцует молодежь.

В углу у стены, в сторонке, стоят братья Дядюшкины, один в казачьей черкеске, другой в шинели. Андрей Савельич лет на десять старше Николая, усатый, с сединой на висках. Николай выше брата, плотнее его.

— Правильно поступаешь, Коля! — говорит Андрей Савельич.— Так и дальше действуй. Главное, не давай им оправдываться. Может, чего и лишнего наши перехватили, но — ничего. Оно и неплохо. На то, говорят, и щука в море, на то и соревнование, чтоб руководители не дремали. Будешь так держать — дело пойдет.

Николай широко улыбается.

— Да думаю, что пойдет... А чего ж не пойти? Люди и у нас хорошие. У меня все ж таки план был обогнать вас. А? Конечно, не сразу, но так — годика за два...

— Что ж, час добрый...

— А деда Чмелёва мы, пожалуй, назначим заведующим мэтэфэ,— говорит Николай.— Как ты смотришь, Андрей? В бригаде ему, конечно, не под силу,— не его дело с тяпкой гнуться,— а на ферме справится. Раз человек охотится поработать, почему не так? Дед он грамотный. Ругательный, правда, немножко, ну, мы ему сделаем предупреждение.

— Можно, по-моему, на мэтэфэ. Неплохо будет. Он, если возьмется, выгонит им чертей. А главное — уж без опаски. На него молоко, говорит, не действует.

Братья смеются, поглядывая на Абросима Ивановича, гоголем прохаживающегося по кругу, на этот раз с Василисой Абраменко.

...На порожках сцены, обнявшись, отдыхают после танцев подруги — звеньевые Паша Кулькова и Фрося Петренкова.

— Приезжай, Фрося, к нам, когда ваши будут ехать. Приезжай обязательно,— говорит Паша.— Попросись, чтоб тебя послали.

— Приеду... Значит, Паша, мы опять будем с тобой соревноваться? Вот кабы нам вместе на выставку поехать!.. Ох, Паша, как же мне не хочется, чтоб у тебя в звене лучше было против нашего! Кабы у нас хоть трошечки-трошечки лучше. Или чтоб равнялись... Ты на меня не сердишься, Паша?

— Чудачка ты! — улыбается Паша и обнимает подругу.

...Дед Штанько и его кум Онисим Федорович Пшон-

кин, к которому он приехал в гости,— такой же дряхлый, престарелый казак,— пока длилось собрание, несколько раз исчезали из клуба. Кум жил рядом с клубом, к куму они и ходили подкрепляться. Теперь они сидят посреди зала на скамейке, наблюдают издали за танцами и ведут беседу, громко, чтоб перекричать музыку.

— Да-а!..— говорит дед Штанько.— Видал, кум, как спорят? Кто проверяет? Сами себя — Андрюшка Савкин, Мишка Коржов... Помнишь, кум, был на мазуренковой мельнице машинист, при старом режиме, как его?

— Кудря,— подсказывает кум.

— Во-во, Кудря! Бывало, сойдемся человек несколько в кочегарку, он и начинает рассказывать. Настанет, говорит, такая жизня у нас, что не будет ни царей, ни ампираторов, всеми богатствами завладает трудящий народ, земля будет все одно как богова,— никто не смей купить, продать. Ну, которые верили, которые не верили. И те, что верили, тоже — туда-сюда. Если, говорят, и будет такое, то не скоро. Лет, может, через тыщу. А оно вишь как обернулось! И мы с тобой, кум, дожили!

— Дожили...

Пауза.

— Ну что, кум? — предлагает Пшонкин.— Может, пока что пойдем — еще по одной?

— Да как оно тут? Успеем?..

— Успеем!

Старики, взявшись за руки, идут, нетвердо ступая, к выходу.

Следом за ними проталкивается к дверям Пацюк, грузный, лысый, с длинными запорожскими усами. Задев в толпе плечом Дронова, Пацюк сердито бросает ему:

— Все же ты, Максим Петрович, напрасно так обставил меня. Там до крыши еще три сажени. И крыша железная. Чего ей сделается?

— Не надейся, Никита Алексеич, на железо,— отвечает Дронов.— Я видел, дорогóй, как и железо горит. А три сажени под хороший ветер, как днем сегодня был, ничего не составляют.

В дверях Пацюк сталкивается с бригадиром Чичкиным, выходившим на двор покурить.

— Слышь, Макар! — спрашивает Пацюк.— У тебя есть на ферме вилы?

— Есть, пять штук тройчаток и еще двое новых в кла-

довке,— отвечает Чичкин, недоумевающе глядя на Пацюка.

— Ну, пойдем!

— Куда?

— Пойдем! — тащит его за рукав Пацюк.

Чичкин, пожимая плечами, идет за ним.

...В окна клуба падают лучи света от фар автомашины, разворачивающейся на улице.

— Поехали, товарищи! — зовет Капитон Иванович своих.— Пили, гуляли, невесту видали — пора домой.

Музыка умолкает. Все выходят на улицу. Маяковцы прощаются с хуторянами и усаживаются в машину.

— А дед Штанько где? — спохватывается Капитон Иванович.— Стой, стой, Федя! Деда потеряли. Где ж он будет? Это он у Пшонкина. Сергей, а ну-ка, смотайся за ним!

— Погоди,— останавливает Коржов Сергея.— Идут.

Со двора Пшонкина доносится песня, нестройная, пьяная. Поют двое, дребезжащими старческими голосами:

Ой, сяду я край оконца-а
Выглядаты черноморца-а!

Через минуту и сами певцы показываются из-за угла. Кумовья бредут в обнимку. Пшонкин без шапки, дед Штанько волочит по снегу рушники, которыми подпоясывала его дома старуха.

— Успели, кум! — радостно восклицает дед Штанько, завидев машину.

— Успели,— отзывается Пшонкин.

Черноморец йидэ, йидэ-э! —
Пару коней вэдэ, вэдэ-э! —

выводит Штанько, Пшонкин гудит басом, без слов, невпопад.

— Та-ак! Есть один, не уберегли,— говорит Капитон Иванович.

— Ой, сыночки мои родные! — просит дед Штанько.— Вы ж меня не бросайте. Я поеду домой. Там же у меня Фросичка, Фросичка-а!..

— Ладно, ладно, не бросим, отвезем к Фросичке. Только с уговором — не танцевать в машине. В середку его. Вот сюда. Подвяжите ему воротник и держите всю дорогу за ноги. Я его знаю, он теперь пойдет буровить.

— Все? — оглядывает Капитон Иванович машину.—

Раз, два, три, четыре, восемь, десять, пятнадцать, восемнадцать, двадцать, двадцать один... Все... Ну, пожелаем вам, товарищи, всего хорошего! Спасибо за привет, за ласку!

— Счастливого пути!

— Скажите вашему шоферу, чтоб в балке аккуратнее держал по косогору. Там теперь намело снегу.

— Вот как вам повезло! Приехали к нам летом, уезжаете зимой!

— Жить вам, товарищи, да богатеть, да спереди горбатеть!— жмет Капитон Иванович руки колхозникам, перегнувшись через борт.— Чего б вам такого пожелать на прощание? Женщинам вашим желаем — сколько в лесу пеньков, столько бы сынков, сколько на болоте кочек, столько дочек! А всем вообще — тыщу быков да пятьсот меринков, чтоб на речку шли — помыкивали, а с речки шли — выбрыкивали, да чтоб все были чищеные, хвосты целые, замытые, как у наших. Прощайте, не поминайте лихом. Ждем к себе в гости.

— Прощайте!

— Приедем обязательно.

— До свидания, Абросим Иваныч! Значит, если б та кобыла не издохла, и она б еще кой-чего добавила?

— Добавила б столько, что за ночь не переслухали!

— До свидания, мамо!

— С богом, доченька! На́ платок, закутай ноги Федюшке.

— Кум! А кум!.. Аким Федотыч! Пока!..

— До свиданья, сваха! Привет передавай свату Петру!

— Счастливо оставаться!..

Машина трогается, прокладывая в хуторе первый след по первому снегу. Долго блестит в темноте красный фонарик, удаляясь по шоссе...

Колхозники расходятся по домам. Возле Николая Савельича на крыльце клуба остаются только завхоз и бригадиры, ожидающие нарядов на завтра. Хорошо на улице после табачного угара в клубе. Свежо, мороз покусывает щеки. Скрипит снег под сапогами на ступеньках крыльца. Над амбарами за хутором поднимается рогатый месяц. Последние тучи сползают по небу вниз, к черному горизонту...

Дядюшкин дает наряд: сколько подвод послать завтра на станцию за горючим и за минеральными удобрениями, сколько за лесом в горы, куда направить людей — часть

на амбары рушить кукурузу, часть готовить зерно на мельницу, человек трех из бригады Душкина отрядить на токи за соломой, и чтоб они же укрыли завтра хату Петренковой. Стряхнув полой шинели снег с перил крыльца, Дядюшкин пишет записку заведующему агролабораторией Матвею Спицыну, усланному не по назначению на лесозаготовки. Бутенко присвечивает ему папиросой, раскуривая ее над блокнотом.

— Передашь с кем-нибудь, кто поедет в горы,— отдает Дядюшкин записку завхозу.— Пусть возвращается домой. А взамен его можно послать Юрченко.

Поговорили о погоде. Рано лег снег, надо бы в каждой бригаде заготовить еще по паре саней. Если с этого времени установится санный путь, быстро можно управиться с вывозкой леса...

— Николай Савельич! — говорит завхоз Бутенко.— А я все-таки посылал сегодня девчат в баню — прибрали там и вытопили. Должно быть, вода еще горячая, вечером топили. Может, пойдем? Неплохо бы сейчас освежиться на сон грядущий. Голова трещит!

— В баню? — улыбается Дядюшкин.— Вытопили, говоришь?.. Да, компания-то подобралась подходящая. Как раз все, кому всыпали на собрании. Так надо же и Пацюка захватить. Он больше всех пропотел сегодня. Пацюк здесь?

— Нету его,— отвечает Елкин.— Ушел.

— Он что-то спрашивал Чичкина насчет вил,— говорит бригадир Душкин.— «Вилы, спрашивает, есть у тебя на ферме?» Это они пошли сено от коровника откидывать.

— Ну-у?

— Не иначе.

— Вот задали человеку работы!

— Да что ж, ему теперь все равно нельзя являться домой, покуда Настя не перелютует.

— Это верно. Побьет опять. Черт — не баба!

— Вот, Николай Савельич, какие нынче порядки пошли,— говорит Душкин.— Муж жену побьет — судят, а жена мужа — ничего. Он же не пойдет в милицию, совестно заявлять: жинка побила. Так и проходит.

Николай Савельич не отвечает Душкину, просит у Бутенко папиросу, закуривает и вдруг, фыркнув и поперхнувшись дымом, начинает хохотать. Хохочет он до слез. На собрании ему, председателю, неудобно было смеяться,

здесь он отводит душу. Глядя на него, хохочут и бригадиры.

— Вот попали в переплет!.. Ах ты ж Елкин-Палкин! Двойную фамилию дали — как графу! Теперь это, гляди, так и останется. Единственный тебе выход, Семен Трофимыч: забить их всех урожайностью, чтоб не могло быть никакого смеху... А дед! Нашел, в чем гвоздь! Как он Пацюка! При жинке, при людях!..

— Я думал, Настя кинется к нему,— говорит Душкин.— Вот бы получилась чертоскубица! Так все-таки рискованно, как дед загнул,— можно собрание сорвать.

Долго грохочет в стылом морозном воздухе густой мужской хохот.

— Так что ты предлагаешь, Иван Григорьевич? В баню? — говорит Дядюшкин, вытирая рукавом шинели слезы.— А не поздно? Оно-то не мешало бы попариться. Так надо же и белье чистое захватить? Или просто так — ополоснуться? Смеяться, пожалуй, будут маяковцы, ежели узнают? А? Это ж такой народ! Капитону Иванычу попадись только на зубы. Скажет: и после собрания все правление с председателем во главе пошло в баню.

— Да откуда ж они узнают? Ночь, кто нас тут сейчас увидит?

— Ну ладно, шут их бери! Пошли.

Замкнув двери клуба на ключ, Дядюшкин спускается с крыльца и, пересекая наискось улицу, идет, протаптывая дорожку в снегу, на хозяйственный двор, где в глубине усадьбы, за запорошенными снегом акациями, чернеет баня. Следом за ним, гуськом, идут бригадиры и Бутенко.

...Тихо в хуторе. Кое-где в хатах зажигаются огоньки. Колхозники, вернувшись с собрания, ужинают и укладываются спать. Снизу, из-за балки, от переправы, доносится песня. Поют хором много голосов. Потом песня обрывается. Слышно:

— Эге-ей!..

— Ого-го-о!..

— Дед Ива-а-ан!..

Это маяковцы, объехав хутор и спустившись к Кубани, вызывают паромщика, задремавшего на том берегу.

1940 г.

СЛЕПОЙ МАШИНИСТ

...Степь. Во все стороны далеко-далеко раскинулась земля, ровная, не покрытая ни строениями, ни лесами, ничем, кроме низкой поросли диких трав и сеяных хлебов. В сияющем небе властвует солнце, а на земле гуляет ветер, гонит волны по зеленому морю пшеницы, кружит пыль на степных дорогах.

Ветер в степи — как песня, его можно слушать часами. Днем, когда знойный воздух тяжел и неспокоен, только и слышен ветер. Все живые голоса степи покрывает он. Шумят камыши на берегах мелководной, тихо плывущей по степи речки; ветер гонит по ней зыбь против течения, кропит водяной пылью камыши; шелестят придорожные травы; однотонно звенит, качаясь, сухой бурьян на верхушках непаханных курганов. Кажется, весь мир полон невнятного шума, гудения, шелеста. Ветер обжигает лицо, сушит губы, вызывает легкую боль в ушах, оставляя на лице, руках и одежде тонкий, еле ощутимый запах полевых цветов. И лишь вечером, когда воздушный океан, омывающий землю, постепенно успокаивается, в прозрачной тишине становятся слышны и другие звуки... Где-то по дороге едет бричка, мелодично, как цимбалы, цокают колеса о тарелки осей. Далеко за перевалом пасутся отары. Оттуда доносится лай собак, окрики чабанов, детский плач ягнят. Мерно поскрипывают чигири, качающие воду на огородах у речки, и очень похоже на их певучий, протяжный скрип кричит где-то в тернах куропатка-мать, растерявшая выводок. Несмело, в одиночку, пробуют голоса лягушки на болотцах в балке. Звонко выстукивают вечернюю перекличку перепела — иной подберется к тебе по густым хлебам так близко, что даже вздрогнешь от неожиданного, громкого, внятного: «Подь полоть!»

Под каждым кустом жизнь. Голоса ее сливаются в мощный, хорошо сыгравшийся оркестр, и слышнее всех стараются в нем неутомимые скрипачи — сверчки и кузнечики.

А ранней весною и осенью с неба льется игривое, радостное, как детский смех, курлыканье журавлей, смягченное расстоянием гоготанье несметных вереницдиких гусей — музыка нежная и волнующая, красивее которой нет, кажется, в природе. Кто, заслышав высоко под облаками призывно-тревожный крик улетающих птиц, не остановится, подняв голову, зачарованно глядя вслед далеким путникам?..

Много жизни в этих пустынных равнинах, называемых степью. И среди голосов живой природы, весною, летом, осенью, днем ли, ночью ли, звучит в бескрайних просторах новая, не так давно ворвавшаяся в степной хор песня — песня машин.

Нет такого уголка в наших степях, куда бы не проникли машины. Прочно и неотъемлемо, как достойные спутники всему земному, вошли они в степной пейзаж. Куда бы ни забрели вы по полям, всюду извечному журавлиному курлыканью и пению жаворонков вторит металлическая, мягко рокочущая песня моторов. Там тракторы перепахивают пар, там, закончив в одном месте работу, тянут на другой участок передвижные вагоны и инвентарь, там начинают уже косить желтеющие ранние хлеба. Стемнеет — всюду по степи загораются огоньки. Огоньки движутся, ближние — быстро, дальние — чуть заметно, порою скрываются в лощинах, опять появляются на буграх. Лязгает железо плугов и прицепов, поют моторы. К полуночи все умолкает, все спит, а тракторы поют.

Раньше самых ранних перелетных птиц появляются тракторы в степи. Еще в балках лежит снег, еще на колхозных полевых станах не видно ни души, а у степных дорог уже стоят крашеные деревянные вагоны на колесах — походное жилье трактористов. Холодно, сиверко, бьется о землю сырой, порывистый ветер. Трактористы греются в вагонах у натопленных печек; выходя наружу, в десятый раз осматривают свои машины и плуги, время от времени запускают моторы, прогревают масло — стерегут первые проблески весны, чтобы, не теряя ни часа, начинать пахать рано подсыхающую крепь и взлобки.

И осенью позже всех покидают они степь. Закончена уборка, свезено зерно с токов в амбары, скошены стебли кукурузы и подсолнухов, опустела земля, и люди ушли в станицы, а красные вагоны все стоят там же, при дорогах, обдуваемые со всех сторон ветрами. Устало ползают тракторы по краям узких серых полосок, оставшихся кое-

где островками среди черных полей зяби, допахивают последние гектары. Возвращаются они в гаражи машинно-тракторных станций, когда лемеха плугов уже не лезут в почву, размытую осенними дождями. Иногда и зима застает их в степи. Ударит мороз, повернет ветер с севера, набегут тучи, и за одну ночь побелеет все вокруг. Как уходили тракторы из МТС, так и возвращаются — по снегу.

На полях одной кубанской станицы работала тракторная бригада № 5, или, по имени бригадира, бригада Степана Гайдукова. Не одна она была в станице. В каждом колхозе работало по бригаде, в некоторых и по две, а колхозов в станице было шесть. Гайдуков работал в колхозе «Завет Ленина».

Бригада его считалась в МТС средней — не из передовых и не из последних. Рулевые в ней были всякие. Были способные ребята, ставшие трактористами «по призванию», любящие свою профессию; были и такие, что поступали в свое время на курсы трактористов только потому, что если работать ездовым на лошадях — пешком придется ходить за плугом, а на тракторе — сидеть будешь целый день на пружинном сиденье, как в кресле. Да и заработок у трактористов выше.

Был в бригаде Афоня Переверзев — большой любитель «задавить волчка» в свободную минуту. Когда случался перебой в работе из-за непогоды, он мог проспать в вагончике двадцать четыре часа кряду. Сон одолевал его даже на машине, особенно в ночной смене. Часто случалось — пашет-пашет Афоня, вдруг в конце загона, где нужно поворачивать, трактор, словно норовистый конь, выскакивает из борозды и катит прямо через дорогу по целине, по тернам. Прицепщик сидит на плуге, чистит его, выбивается из сил, удивляясь, откуда взялся такой густой бурьян — чистиком не проткнешь; наконец, догадывается, когда уже проедут с полкилометра, кричит:

— Тпру! Стой! Афоня! Куда мы едем?

Афоня просыпается.

— А, чтоб тебя холера задавила!.. А ты ж чего смотрел? За каким чертом сидишь там? Не мог раньше окликнуть?

Сонливость однажды чуть не стоила ему жизни. Пахал он загон у Черного яра, кончавшийся глубоким обрывом

у реки. Поворачивать надо было, не доезжая метров пятидесяти до обрыва. Монотонный гул мотора усыпил Афоню — он, поклевывая носом, проехал поворот и вскинулся, лишь когда в лицо ему ударил холодный ветер со дна яра. Еле успел выключить мотор. А глубина была метров двадцать, сорвался бы — костей не собрать... Трактор пришлось оттягивать назад другой машиной, потому что нельзя было зайти наперед, чтоб покрутить пусковую ручку,— передок висел над самой кручей. С тех пор бригадир, во избежание несчастных случаев, запретил всем трактористам пахать у Черного яра ночью, а Афоню и днем туда не посылал.

Ребята потешались над ним:

— Знаешь, Афоня, почему ты спишь на машине? Потому, что нет у тебя в мыслях ничего возвышенного. Вот если бы ты начал мечтать: выработаю за сезон тыщу гектаров, пошлют меня учиться на инженера, изобрету такой трактор, что можно в вагончике лежать и управлять по радио, а он сам будет ходить по борозде и заворачивать, где надо,— гляди, и не дремалось бы тебе... Или попробовал бы в девушку какую-нибудь влюбиться. Станешь страдать, думать о ней, и спать не захочется. А может, тебе и за девчатами лень ухаживать?

Мешковатый, вялый и угрюмый, равнодушный ко всему на свете, кроме жирного борща с бараниной и своего замасленного матраца, Афоня отвечал обычно:

— Ну вас с вашими девчатами! Не видал добра!..

Был в бригаде Дмитрий Толоконцев, верткий, хитрый парень с длинным прозвищем: «Митька-подглыбляй-директор-едет». Трактористом он работал уже не первый год и машину знал неплохо, но пахал, бывало, так: от табора поглубже, а на середине загона помельче, чтоб сэкономить горючее. Однажды, увидав, что из лощины выскочила легковая машина директора МТС и направляется через пахоту прямо к ним, он закричал прицепщику, сидевшему на плуге: «Кирюха! Опусти на одну дырку — директор едет!» — с перепугу так громко, что даже директор услышал. С тех пор Толоконцева и прозвали в бригаде: «Митька-подглыбляй-директор-едет».

Были ребята совсем молодые, лет восемнадцати-девятнадцати, беспечные, по недостатку житейского опыта не научившиеся еще ценить свою, не похожую на жизнь отцов и дедов, судьбу.

Бригада не могла похвастать безаварийностью и отлич-

ным выполнением производственных заданий. Всякое случалось. И подшипники плавили, и поршни разбивали, и не укладывались в сроки работ из-за простоя машин. Бригадир Гайдуков злился, что ему навязали такую недружную, разношерстную бригаду. Сам Гайдуков был трактористом опытным. На тракторах он работал десятый год, начинал еще с «фордзонов», до организации МТС работал в совхозе на тракторах разных марок.

Перевели Гайдукова в пятую из хорошей бригады, стахановской, державшей первенство в МТС. Он не терял надежды, что и пятую бригаду удастся вывести в передовые, но ясно представлял себе, что это нелегко. Главная трудность заключалась в том, что у некоторых трактористов не хватало не столько технических знаний — дело наживное,— сколько любви к машине.

Участок колхоза «Завет Ленина», где работала пятая бригада, прилегал к станице. Трактористы стали табором, со своей полевой кухней, керосиновыми бочками, разбросанными вокруг вагона, водовозками и прочей утварью, в километре от окраинных хат, а пахали на обе стороны: и в степь и к станице. Временами машины подходили к самым дворам — ночью, разворачиваясь, золотили лучами фар черные окна хат, будили гулом моторов спавших в хатах колхозников.

На табор из станицы прибегали ребятишки, толклись там целыми днями, просили покатать их, бегали за плугами по бороздам, выбирали из земли дикую репку, наблюдали, как трактористы разбирают машины для текущего ремонта и что делают в развороченных внутренностях тракторов. Гайдуков не разрешал ребятам болтаться под ногами, но совсем не прогонял с табора, позволял им сидеть в отдалении, за чертой, обозначенной колышками, и делать оттуда критические замечания вроде: «Опять Васька Шляпин перетянул подшипники. Будет ему беда — упарится крутить», или: «Что-то Петро дюже часто становится на профилактику — и вчера стоял и сегодня опять разбирает задний мост».

— Пусть приучаются,— говорил Гайдуков.— Будущие инженеры.

Приходил часто к трактористам пожилой колхозник с лицом, изуродованным багровыми пятнами, будто от какой-то болезни,— слепой. Приходил, держась за плечо сынишки-поводыря, говорил густым басом, поворачивая лицо туда, где слышал голоса:

— Здорово, ребята! Ну как оно?

Садился на ступеньках вагона и сидел часами, покуривая трубку, слушая, что делается вокруг него.

Первый раз он пришел, когда бригада только выехала в степь, потом пришел, когда получили два новых трактора «СТЗ-НАТИ» на гусеничном ходу. Трактористы обедали в вагоне. Один вышел и увидел: слепой сидит на корточках подле новой машины, ощупывает ее всю руками — гусеницы, передачу, отстегнул капот мотора, ощупывает карбюратор, крышку цилиндров. Парень хотел было окликнуть слепого и спросить, чего он там ворожит, но Гайдуков остановил его:

— Ладно, пусть...

Подошел к слепому, усмехнувшись, сказал:

— Осматриваешь, Матвей Поликарпыч?

— Эге,— обернулся слепой на голос.— Значит, такой же, как и те, только на гусеницах... Мотор тот же, а силы, должно быть, прибыло. Да? Ловко придумано!

Не все ребята знали историю этого человека, хотя он был их станичником. Знали только, что он старый машинист, работал на мельницах и на молотилках и ослеп давно при какой-то аварии с локомобилем. В колхозе он жил на иждивении семьи, у него были взрослые дети. Звали слепого машиниста Бородуля Матвей Поликарпович.

Когда потеплело, Бородуля стал приходить к трактористам каждый день. Приходил, садился и слушал веселый гомон рабочего дня тракторной бригады, как ребята, звеня ведрами, перебрасываясь шутками по поводу очередного происшествия с Афоней Переверзевым, заправляют машины или настраивают плуги, как запускают моторы и разъезжаются по загонам или, если ночью прошел дождь и сыро пахать, разбирают тракторы и принимаются за «профилактику». Скучно, вероятно, было старику оставаться дома, когда вся семья уходила на работу. Был он здоров, силен, а к делу ни к какому не способен. Трактористы часто звали его помочь им покрутить трактор после подтяжки подшипников. Двое молодых, не хворых ребят, взявшись за обрубок железной трубы, надетый на пусковую рукоятку, с трудом срывали ее с места и прокручивали только вполоборота, а слепой Бородуля, один, без трубы, крутил мотор вкруговую, как веялку, и еще усмехался:

— Слабо подтянули!..

Гайдуков при разборке трактора подзывал старого машиниста, давал ему ощупывать разные детали, называл

их, объяснял устройство системы зажигания и коробки скоростей — новое для Бородули, чего не было в локомобилях и нефтяных моторах, на которых он работал, и тот запоминал все с одного раза. Ребята говорили:

— Матвей Поликарпыч скоро сможет сдать экзамен по теории.

Но Бородуля был понятливым не только в теории. Однажды Гайдуков уехал по каким-то делам в МТС. В его отсутствие в машине Афони Переверзева застучал мотор. Афоня пригнал трактор к вагону и, заявив, что будет подтягивать подшипники, стал спускать масло из картера. Бородуля, пришедший как раз на табор, удивился: с чего бы это в машине, недавно вышедшей из ремонта, вдруг подшипники ослабли? Он попросил Афоню завести снова мотор, долго выслушивал работу коленчатого вала, приложив гаечный ключ к уху и к чугунному телу трактора, и сказал наконец:

— Это, парень, не подшипники. У подшипников другой стук. А это дребезжит, как жестянка. Мелочь какая-то.

Он ощупал снаружи весь мотор, провернул за ремень вентилятор, покачал шкивом вентилятора на валу.

— Почему шкивок болтается? Шпонка стерлась? Ну, вот оно и есть. Вынь шпонку, оберни ее прокладкой и забей потуже — только всего.

Афоня так и сделал: забил плотно шпонку, и стук прекратился. Рулевые долго потом смеялись над ним: как ему, зрячему, слепой «причину» в машине нашел. А Гайдуков при случае говаривал какому-нибудь нескладному парню, упускавшему смазку или терявшему в борозде пробки от баков:

— Может, посадить тебе на трактор в помощники Матвея Поликарпыча, чтоб доглядел за пробками?

И жаловался Бородуле:

— Вот наделили бригадкой! Полсезона не проработали, а по запасным частям уже перерасход. Бьют, ломают, теряют! Сидит и не слышит, что у него в машине делается, и назад не обернется — как оно там пашется, может, уже и плуг потерял. Куда там с ними до первенства! Скорее заработаешь себе чего-нибудь на шею такого, что и трудодней не хватит рассчитаться.

Однажды для Гайдукова выдался особенно несчастливый день. Афоня Переверзев, по обыкновению, заснул на машине и, подъезжая к табору, наехал на другой трактор, стоявший на заправке,— на один из новеньких «СТЗ-

НАТИ»,— помял ему радиатор и в своей машине свернул воздухоочиститель и топливный бак. Два трактора вышли из строя на несколько дней, ремонт и новые части влетят в копеечку! И в ту же ночь Митька Толсконцев совершил поступок, который нельзя было расценить иначе, как злостный прогул.

Толоконцев не отличался, подобно сонливому и вялому Афоне, женоненавистничеством. С некоторых пор он увлекся одной девушкой из колхоза «Завет Ленина», Маврой Волковой, или, как ее звали все, Мавочкой.

Сдав смену, Митька каждый вечер уходил в станицу и возвращался на табор к утру. Так продолжалось всю весну. Потом бригада переехала дальше километра на два, и Митьке пришлось больше работать в ночной смене. И вот стал парень приспосабливаться. Лишь только трактор выйдет на край загона к станице, где на верхней улице жила Мавочка, мотор начинает капризничать, чихать, машина не тянет плуг. Митька выключает скорость, глушит мотор, объявляет, что будет его чинить, и посылает своего прицепщика на табор за каким-то ключом, необходимым для устранения неполадок. Прицепщик идет — два километра туда, два обратно. Митька, выждав, пока прицепщик удалится, спускает немного теплой воды из радиатора, умывается и уходит в другую сторону, к станице, и исчезает там в густом саду Волковых. За несколько минут до возвращения прицепщика он появляется у трактора, возится там, продувает какие-то трубочки. Прицепщик приносит ключ, Митька берет его, примеривает к первой попавшейся гайке и швыряет оземь:

— Не тот! Я ж тебе говорил — семь восьмых! Чем ты слушал?

Опять прогулка в четыре километра, еще час простоя. Прицепщик спотыкается впотьмах по бороздам. Митька сидит в саду с Мавочкой. Возвращается прицепщик без ключа, злой: нету там такого! Но Митька уже достает его из инструментального ящика и ругается притворно сердито:

— Тьфу, будь ты проклят! А он здесь был, под паклей. Как я его не заметил.

Подкрутив какую-то гайку, которая и без того достаточно плотно сидела на своем месте, заводит мотор и едет к табору сдавать смену — уже и ночь прошла, рассветает.

Раз случилось такое с его трактором, другой раз случилось, потом, в ту несчастную ночь, когда и Афоня Пе-

реверзев набедокурил, прицепщик почуял неладное (на этот раз у Митьки отказал вентиляторный ремень, потребовался новый из запасных) и, придя на табор за ремнем, разбудил бригадира и высказал ему свои подозрения. Гайдуков немедля сел на велосипед и покатил по гладкому, освещенному полной луной шоссе к станице, где стоял трактор. Митька не рассчитал времени и не успел вернуться к трактору. Как предполагал прицепщик, так и вышло: Гайдуков нашел его в саду Волковых. Вентиляторный ремень оказался в порядке, машина была на полном ходу. Пойманному с поличным парню оставалось лишь чистосердечно признаться, что и раньше поломок не было, просто хитрил. Подсчитали: часов пятнадцать за четыре ночи простоял трактор.

В довершение всего утром рулевой Роман Сорокин, разворачиваясь на шляху, зацепил плугом телеграфный столб и вывернул его «с корнем» — оборвал междугородную линию. Можно было ожидать, что и этот случай, с соответствующими карикатурами: «Берегись, столбы и заборы,— гайдуковцы едут!» — будет описан в эмтээсовской многотиражке и пойдет по тракторным бригадам людям на потеху.

Гайдуков лютовал, ходил мрачный, как туча. Отправил в ремонтную мастерскую Афонины «трофеи» — искалеченный радиатор и воздухоочиститель, написал директору докладную записку о Толоконцеве. Два аварийных трактора стояли на таборе разобранными. Гайдуков па них и не глядел. Стоять им так дня три, пока в заваленной работой мастерской дойдет очередь до его заказа. А майский пар, который пахала бригада, тем временем превращался уже в июньский.

«С праздничком, Степан! — поздравлял он сам себя.— Будем теперь чухаться на этом пару до Кузьмы-Демьяна! Разве ж это трактористы? Дегтярники! Деготь бы им только возить на облезлой кляче».

...С обеда пошел дождь. Вернулись к табору и те тракторы, что пахали. Работа совсем приостановилась. Вся бригада собралась в вагоне. Не слышно было шуток, смеха, стука костей домино и азартных возгласов игроков. Трактористы сидели тихо, удрученные свалившимися на бригаду несчастьями, и даже разговаривали друг с другом вполголоса. Сидели в вагоне и всегдашние гости бригады — слепой Бородуля со своим сынишкой, застигнутые в степи дождем. Бородуля пришел еще утром, как раз в разгар

событий, когда Гайдуков разделывал в пух и в прах Афоню и Митьку.

Гайдуков сидел у окна за раскладным столиком, перебирал старое запасное магнето, чистил обгорелые контакты прерывателей. Обычно такие вынужденные перебои в работе из-за непогоды, когда останавливались все машины, он использовал для читок технической литературы — проводил с трактористами так называемый «техчас». На этот раз ему было не до занятий. Он все еще не мог успокоиться и, возясь с магнето, бормотал про себя:

— Учили дурней за государственный счет. Колхоз трудодни начислял. Пожалуйста, дорогой, учись, приобретай квалификацию. Доверили такие ценные машины!..— Он плюнул с сердцем в раскрытое окно.— Расскажи им, Матвей Поликарпович, про свои курсы,— повернулся он вдруг к Бородуле.— Расскажи, а то им это все без понятия. Дюже легко достается...

И, пока шел дождь, барабаня по железной крыше вагона, Бородуля рассказал трактористам про свою жизнь — жизнь крестьянского парня в те времена, когда в станице не было еще МТС, не было восьмидесяти штук тракторов, сорока комбайнов, двадцати автомашин в колхозах, электростанции, средней школы, стипендий в техникумах и институтах. Слушали его внимательно. Даже Афоня не спал: или постеснялся укладываться на отдых после того, что натворил, или разогнали ему сон невеселые мысли о предстоящем взыскании за ремонт двух искалеченных тракторов.

Почему у Матвея, когда ему было еще лет двенадцать, появилось вдруг влечение к технике, он и сам не мог бы объяснить. В роду у них машинистов не было. Дед его, иногородний переселенец, шерстобит, не имел постоянного жилья, кочевал, как цыган, с Дона на Кавказ, с Кавказа в Крым. Отец осел на Кубани, построил хату, занимался сельским хозяйством на арендованной у казаков земле. Два дяди его жили в станице — один пас скот, другой валял валенки и шил сапоги. Все они, как говорится, тележного скрипу боялись, а Матюшке захотелось вдруг стать механиком.

Может быть, запала ему в душу эта страсть при мимолетных встречах с поездами, когда ездил он с отцом в город и ждали они у закрытого шлагбаума, пока пронесется

впереди с ревом и грохотом, окутанный дымом зеленый пассажирский паровоз, таща много вагонов-домиков на колесах. Отец Матвея был дикий человек, старовер. Когда ему понадобились для приписки к станице какие-то документы с родины, он ходил с Кубани на Черниговщину пешком, считал машины дьявольской выдумкой. При встрече с поездом он крестился и отворачивался, и Матюшку, сидевшего на возу, накрывал войлочной полстью. Но тот чертовщины не боялся. Сбросив полсть, глядел во все глаза на чудесное видение, вихрем проносившееся мимо подвод, пока последний вагон скрывался за посадкой...

Может быть, разбудил его мечты чей-то автомобиль, залетевший однажды в станицу?.. Увидал Матвей — катит по улице, рыча, железная карета, блестящая, раскрашенная, на толстых резиновых колесах, какие ему приходилось видеть только на беговых колясках местного богача, коннозаводчика есаула Земцева. Глядит Матвей и глазам не верит: где же лошади? Сама едет! И едет с такой быстротой, как ничто живое не может двигаться по земле. Только успел Матюшка поддернуть штаны, собравшись бежать ей вслед,— карета уже была на другом краю улицы, остановилась у бакалейной лавки. Народ повалил к лавке поглядеть на диковинную машину. Кинулся туда и Матюшка, но на полпути ему встретился отец и завернул палкой обратно:

— Куда? Чертогонки не видал?

Всей техники в станице в ту пору было: несколько молотилок с локомобилями у кулаков да старый нефтяной пятидесятисильный двигатель «Урсус» на вальцовой мельнице у купца Кругликова. Молотилки работали только летом и далеко в степи, на токах, а мельница — круглый год. Мельница и стала постоянным прибежищем Матвея.

Целыми днями околачивался он там в толпе станичников, лазил по мешкам, заглядывал в ковши и под помосты, на которых стояли вальцы. Но ничто не интересовало его так, как сердце всей механики — мотор. Вальцы, рушки, зерноочистки — все это он скоро рассмотрел и понял, почему оно движется: не само по себе, а от передачи. Жизнь всему дает мотор: от него тянутся во все стороны приводные ремни, как длинные руки, а к нему — ничто. Мотор работает, вращается сам. Но как же так — сам? Что движет его оттуда, изнутри? Нефть, говорят. А как? Горит и толкает? Чем? Пламенем, дымом? Эта загадочная машина все больше влекла к себе Матвея.

Проникнуть в машинное отделение было не так просто. Посторонних туда не пускали. Мальчишек, которые вертелись во дворе мельницы, надоедливо заглядывали в двери и окна кочегарки и не прочь были стянуть какую-нибудь железную штучку, машинисты гоняли, как шкодливых собак, обливали водой из пожарного шланга, ловили и драли за уши. Матвей, однако, нашел способ задобрить сердитых машинистов — их у Кругликова было два: старший, кривоногий, плешивый и грязный, как дегтярная бочка, захожалый бобыль, и его подручный, молодой парень из местных казаков.

Матвей воровал ночами арбузы на бахчах, прятал на огороде в бурьяне и таскал потом машинистам. Когда арбузный сезон кончался, приносил машинистам папиросы. Деньги на папиросы он зарабатывал танцами — плясал в мельнице перед помольщиками, за что скучающие в ожидании очереди казаки платили ему кто копейку, кто две.

За эти приношения машинисты разрешали ему вволю сидеть в углу за водяным баком, где он не мешал им, и любоваться оттуда машиной хоть с утра до вечера.

Старый «Урсус» доживал последние дни. Станина двигателя, в нескольких местах треснувшая, была вся в латках и хомутах. Цилиндр скреплен был для прочности насаженными на него толстыми железными обручами. Из всех стыков чугуна по грязному телу двигателя текли тягучие масляные слезы. Коленчатый вал, тоже стянутый в двух местах хомутами, «подсевал», маховики ходили, покачиваясь, угрожая в любую минуту аварией. Пульс двигателя — толчки отработанных газов в выхлопной трубе — был неровный: то слишком частый, то замедленный, приглушенный, с перебоями, точно старый двигатель страдал пороком сердца. Но Матвей в этих тонкостях еще не разбирался. При всех своих латках и подпорках старый «Урсус» казался ему чудом. Он часами просиживал в кочегарке, на своем законно откупленном, словно ложа в театре, месте, следя широко раскрытыми глазами за мерными взмахами шатуна, ворочавшего тяжелые маховики, за суетливой беготней блестящих шаров регулятора. Вот она, сила, что не просит ни у кого помощи, сама себя движет и движет другие машины, сотрясая все здание мельницы!..

Глядя на мотор, Матвей стал понимать, почему и та карета ехала сама, без лошадей, почему паровоз бежит по рельсам, как живое существо. И эта машина могла бы

побежать. Вот только убрать фундамент, открутить все болты, удерживающие ее на месте, опустить ее пониже, чтоб коснулась маховиками земли,— и побежит. Матюшка иногда так живо представлял себе эту картину, как «Урсус», ломая дверь, выскакивает из кочегарки и катит по улице, а за ним — машинисты, перепуганный хозяин мельницы, мальчишки, собаки, что начинал громко хохотать. Машинисты переглядывались. Старик говорил молодому:

— Да он у нас, брат, вроде умом тронутый!..

Бывало, Матюшку из такого блаженного состояния выводил неожиданный удар палкой по спине. Отец!.. Убегать из дому надолго не разрешалось. Дома на нем уже лежали обязанности помощника по хозяйству. Он должен был пасти гусей и свиней, полоть огород, поливать капусту, и, если свиньи приходили домой без пастуха, если мать не могла его дозваться ни завтракать, ни обедать, отец знал уже, где его искать: шел на мельницу, крестясь и отплевываясь, переступал порог кочегарки и ловил там сына. Но это случалось редко, когда Матюшка слишком уж был погружен в свои мысли. Обычно он, уставившись на двигатель, не забывал поглядывать по временам и на входную дверь и, лишь только замечал на пороге отца, ужом проползал в мельничное отделение сквозь дыру, пробитую в стене для приводного ремня, оттуда через весовую — во двор, прятался в бурьяне, выжидал, покуда отец уходил домой,— и обратно в кочегарку.

Большой радостью было для Матвея, когда однажды старший машинист подозвал его, дал масленку и велел подлить масла в подшипники. Матвей земли под собой не чуял. А потом у них так и пошло: машинисты стали часто прибегать к его помощи — он и заправлял бак нефтью, и следил за смазкой, и воду подкачивал. При разборке ему давали паклю, заставляли мыть в керосине и вытирать разные части. Последнее было для Матвея самым интересным. Тут он узнавал названия частей и расспрашивал, для чего они приспособлены, проникал глазами и руками в «святая святых» — внутрь двигателя.

Лето и зиму проболтался Матвей на мельнице. Ему пошел четырнадцатый год. Рано возмужавший, он был рослым, плечистым парнем, смахивал на семнадцатилетнего. И вот в этом году счастье улыбнулось наконец ему. Молодого машиниста призвали на военную службу. Ме-

сто его освободилось. Старик один не мог управляться возле машины, надо было кого-то брать в подручные. Выбор пал на Матвея. Старик давно уже понял, что этот вихрастый и глазастый любознательный парнишка не «тронутый» умом, а просто необычайно увлекшийся техникой. По его совету хозяин мельницы однажды позвал Матвея к себе в контору и предложил ему место ученика в кочегарке.

Отец сначала и слышать не хотел о мельнице. Лишь испробовав на спине Матвея все пригодные для вразумления средства: чересседельник, кнут, палку — причем дело доходило до того, что Матюшку откачивали водой, но на другой день упрямый парень опять убегал на мельницу,— плюнул отец, убедился, что сын испорчен безнадежно, что толку от него дома все равно не будет, и сам пошел к Кругликову договариваться насчет жалованья. Договорились: первый год бесплатно, только харчи хозяйские; начиная со второго года — по три рубля в месяц.

Так стал Матвей «механиком». Теперь уже не крадучись, а с полным правом уходил он рано утром на мельницу и возвращался домой, весь пропахший нефтяной гарью, испачканный мазутом. Познания его с каждым днем расширялись. Учитель ему попался хороший. Не боясь, что вырастит себе «конкурента», старик открывал ему капризы изношенного двигателя, учил слесарному делу. Скоро Матвей уже мог сам и пустить двигатель, и остановить его, знал, когда что нужно подмазать, подкрутить, и машинист, отправляясь в тихий уголок мельницы соснуть на мешках часок-другой, со спокойной душой оставлял на Матвея кочегарку. Это были для парня часы полного торжества... Вот он уже почти и машинист. Сам, один на один, стоит перед машиной, никто ему ничего не указывает и не подсказывает — все тут подчинено его воле, от него зависит убавить ходу маховикам или прибавить так, что затрясется даже фундамент двигателя и мирошники прибегут в кочегарку ругаться — побьешь арматуру! Самый старший, самый главный сейчас на мельнице среди множества станков, трансмиссий, шкивов — он, Матвей. Пожелай он — все остановится, все замрет, и опять по его воле все может ожить, завертеться, загрохотать... Да, машинист! Вот оно — желанное!..

Но недолго длилось его счастье. Дряхлый «Урсус» совсем состарился. Матвей не поработал учеником и года,

не дотянул до первой получки. Однажды зимою двигатель забастовал, не захотел больше утруждать свои больные, скрепленные множеством хомутов и подтяжек суставы и на все усилия машиниста и Матвея, раскачивавших маховики, давал лишь слабые толчки назад и плевался черной нефтью. Стали разбирать его, чтоб найти «причину», и обнаружили, между прочим, что цилиндр дал небольшую, еле заметную для глаза трещину, а зазор между поршнем и стенками цилиндра — «хоть собаку тащи», и нет смысла отливать другой поршень — цилиндр не годится. Все не годится.

Мельница закрылась. Хозяин рассчитал рабочих. Двигатель разобрали и на четырех санях отвезли в город, на склад железного лома. Матвей шел следом за санями, как за покойником, до самого ветряка на выгоне и размазывал рукавом по щекам слезы...

До весны Матвей промаялся дома, а весною сбежал. Прослышал он, что в кунцевской экономии, за восемьдесят верст от станицы, есть у пана автомобиль, такой, как заезжал однажды к ним. Там же, говорили, есть маслобойка с нефтяным мотором и еще одна редкостная машина — локомобиль-самоход, приспособленный для пахоты, движется сам по полю и десять плугов за собой тянет. Взял Матвей в узелок хлеба, вареной картошки и пошел в Кунцево. Но там ему не повезло. Механик самой интересной машины — автомобиля, надутый щеголь, державшийся на особицу среди панских батраков, ходивший в зеленой фуражке с каким-то гербом и белых перчатках, сказал, что помощники ему не нужны, как-нибудь и сам справится, посмеялся над ним — куда ему в шоферы, не его ума дело.

— Если хочешь остаться в экономии — тут вчера свинопас помер, поступай на его место.

Паровой трактор (это был на самом деле не локомобиль-самоход, а настоящий трактор, огромный, неуклюжий, три четверти силы тративший на передвижение самого себя) пан продал лесопромышленникам в Апшеронку для работ на лесопилке, рассчитав, что пахота его обходится слишком дорого. Купцы при Матвее потянули трактор со двора шестью парами волов. Спрашивал он их, не нужен ли будет подручный машиниста. Если бы взяли, пошел бы за трактором на край света. Не взяли. А маслобойка по случаю недорода подсолнуха не работала. Поглядел Матвей в щель пристроенного к маслобойке

сарая: двигатель такой же «Урсус», как и тот, что у них был, должно быть, родные братья, на одном заводе сделаны, только помоложе, еще и краска на боках не обгорела...

Домой Матвей не пошел. Сбежал он, не спросясь отца. Решил он идти в город и сам еще попытать счастья. В городе больше всяких машин, и заводы есть, и железная дорога. Отец прождал его неделю и подал на розыск. Вскоре из города пришла в станичное правление бумага: найден такой, Бородуля Матвей, пятнадцати лет, содержится в участке, будет направлен по месту жительства этапным порядком, с очередной партией пересыльных. Полиция подобрала Матвея у железнодорожного депо, где он, не устроившись на работу, лежал, голодный, больной, под огромными стеклянными окнами, за которыми видны были стоявшие на ремонте в депо паровозы, сверкали ослепительные голубые молнии автогенной сварки и слышалась звонкая дробь клепальных молотков.

Вернувшись домой, Матвей с год поработал в хозяйстве. Умер отец, мать вскоре вышла замуж за другого. Отчим не имел уже над Матвеем такой власти, стал парень отбиваться от дома. В молотьбу, лишь только загудели в степи на токах молотилки и засвистели тоненькими голосами, похожими на паровозные гудки, локомобили, ушел Матвей туда и кочегарил у одного машиниста два месяца в качестве добровольного помощника, без всякой платы, за одни харчи, дозволенные хозяином молотилки, из общего батрацкого котла. Вернулся уже осенью, когда кончили молотьбу. Отчим сказал ему: «Где прошлялся лето, туда иди и в зиму кормиться». И Матвей совсем простился с домом, пошел в люди. Место нашлось — нанялся в молотобойцы к одному кузнецу. Силенки хватало, детина вырос — хоть в крючники, под десятипудовые кули. У этого кузнеца он и поселился, прожил у него три года, хорошо изучил кузнечное ремесло, не лишнее для машиниста. Работал он в кузнице зимой и весной, а летом уходил в степь, на молотьбу. Так к двадцати годам стал он самостоятельным мастером — кузнецом, слесарем и машинистом паромолотилок. Сбылась мечта Матвея...

Прежнее детски-наивное восхищение машинами теперь сменилось у него осмысленной любовью к этим лучшим помощникам человека. Сколько молотильщиков с цепами заменяет паровичок! Как ускоряет он молотьбу, самую напряженную работу, когда люди ночей не спят, торопят-

ся убрать до дождей в сухие закрома плоды годового труда! Сколько хлеба сберегает он людям!.. С большим уважением прочитывал Матвей имена, выштампованные на медных дощечках, привинченных к топкам локомобилей и рамам молотилок,— «Генрих Ланц», «Клейтон», «Гаррет»,— в простоте душевной принимая их за имена изобретателей, выдумавших эти машины. Не знал он еще, что это просто имена людей, завладевших машинами, имена хозяев всей техники, таких же, как и Кругликов, как кунцевский пан и те кулаки, у которых он работал.

Достигнутое, однако, не совсем удовлетворяло Матвея. Месяц-полтора, самое большее два, при хорошем урожае работал он машинистом, а остальное время и не видел этих своих «Клейтонов» и «Ланцев», запрятанных в сараях владельцев до будущей молотьбы.

Он женился на девушке-сироте, хату себе построил в станице, зажил собственным домом. Зарабатывал Матвей неплохо: хозяева платили ему и деньгами и зерном по уговору — такой-то пуд с умолота. Купил инструмент, кузницу свою открыл. Для жизни хватало, для души хотелось большего. Машины, на которых работал он, стали казаться ему слишком уж простыми, не оставалось в них ничего загадочного, над чем можно было поломать голову... И мысли Матвея опять обратились к городу. Теперь он смог бы там, пожалуй, устроиться — человек взрослый, имеет специальность, да не одну.

Жена немного побаивалась незнакомой городской жизни, а Матвей решил переехать, откладывал только переезд с года на год: ждал все хорошего урожая, чтоб подработать побольше на молотьбе и скопить денег для устройства на новом месте.

Но переехать не удалось.

Урожая Матвей дождался. Еще с весны угадывали старики по гусиному лёту, что будет по десяти арб снопов с десятины, а вышло и по двенадцати и по пятнадцати. И на рост был хлеб, как камыш, и на зерно очень набористый.

Но у Матвея дела сложились неудачно. Он почти все лето проболел, привязалась к нему какая-то злая лихорадка, пропустил сроки найма, когда поднялся — перед самыми жнивами — и пошел к старым хозяевам, все места уже были заняты другими машинистами. Мотнулся он по хуторам, по ближним станицам — нигде ничего, люди готовятся в степь выезжать, уже отремонтировали машины

и вывозят их на тока. Оставалась только молотилка с локомобилем у одного казака, Кузьмы Романовича Тертышного. Молотилка была старая, разбитая, тарахтела, как рассохшаяся телега, и локомобиль был такой же — еле тянул машину, не держал пара. Много хлопот и мало заработка сулили эти калеки. Да и сам хозяин слыл в станице очень уж нехорошим человеком: к нему не только машинисты — несколько привилегированный народ среди сезонных рабочих, а и простые поденщики-сноповязы нанимались неохотно из-за плохих харчей и всяких придирок при расчете.

Все в хозяйстве у него было старое, изношенное: сбруя из бечевок, брички разбитые, косилки такие, что в жнива больше приходилось чинить их, чем косить. Сеял он, однако, десятин полтораста, и рабочих у него перебывало множество, как в большой экономии, потому что недолго жили.

Однажды заболел тяжело Тертышный. Был он старик худой, желтый, с хищным крючковатым носом, ходил тихо, склонив голову набок, будто прислушиваясь к хрипам и стукам в груди (болел сердцем), все хватался за бок и потягивал какое-то лекарство из бутылочки, которую носил при себе. И вот придавило его, слег и не думал уж подняться, отсоборовался, приготовился помирать. Велел он оповестить станичников: все, кто имеет на него обиду, пусть приходят — возместит вдвойне. На другой день во дворе Тертышного собралась целая толпа бывших его годовых и поденных рабочих. Выслал он к людям сыновей, те опросили каждого, кто на что жалуется. Жаловались все: один вспоминал, как у него Кузьма Романович удержал при расчете пятнадцать рублей за поломанное бричечное колесо, а колесо было такое, что еще десять лет назад пришло время рассыпаться; другому, нанимавшемуся не за деньги, а за харчи и «справу», старик вместо обещанных по уговору новых сапог дал рваные опорки; третьего просто выгнал в середине срока, не уплатив ни гроша, за то, что работник назвал похлебку, которой кормили рабочих, свинячьим пойлом. Всех обид вышло тысяч на пять, а вдвойне, как обещал испугавшийся смерти старик, на десять. В доме поднялось смятение. Бабы выли:

— Разоряете нас, батюшка! Вам помирать, а нам жить!

Сыновья стали уговаривать отца повременить с рас-

четом. Но тот уж и сам одумался. Пока оповещали народ, пока опрашивали сыновья людей, ему полегчало, отлегла боль, стало свободнее дышать и даже есть захотелось. Распорядился он, чтоб поставили людям ведро водки за его здоровье,— тем дело и кончилось. После он жил еще лет десять, ходил, задыхаясь, хрипел, как удавленник, заглядывал во все углы и в горшки — не переложили ли бабы в варево лишней ложки смальца на заправку?..

Поговаривали, что Тертышный, рядовой казак, разбогател не от хозяйства. Он отбывал действительную службу в городе Нахичевани на Кавказе. Там ему случилось спасти тонувшего в Араксе турка. Турок оказался ювелиром, владельцем магазина. Они покунались. Тертышный стал ходить в гости к своему приятелю, и однажды турка нашли задушенным в магазине, возле взломанных витрин с золотыми и серебряными вещами. Казаки, служившие с Тертышным, подозревали его, потому что, вернувшись домой, он сразу начал покупать скот и заарендовал большой участок земли. Но дело было давнее, недоказанное, и эти слухи не мешали Тертышному на склоне лет исполнять две почетные должности в станице — церковного старосты и члена выборного суда.

Вот у этого Кузьмы Романовича Тертышного и оставалось еще не занятое место машиниста. Матвей пошел к нему, осмотрел молотилку и локомобиль: старье, как и все на его дворе. Локомобиль очень был похож на тот первый мельничный двигатель, молотилка и того хуже — дерево в скрепах сгнило, бока покоробились, решета перекосились. Другой на месте Матвея плюнул бы и ушел, но он, не имея возможности строить новые машины, как ему мечталось, находил удовольствие в том, что восстанавливал, возвращал снова жизнь такому отработавшему свой век старому хламу. Осмотрел он все до последнего винтика и решил, что, если приложить руки, можно еще сезон помолотить. Нанялся и тут же, не уходя домой, принялся за ремонт.

Дни и ночи возился Матвей с машинами, торопясь отремонтировать их к началу молотьбы. Когда он кончал уже ремонт, в станицу приехал из города инспектор по котлам — маленький, сердитый, неразговорчивый человек в форменной фуражке с молоточками на околыше. Были и в то время государственные инспектора по надзору за паровыми установками — для предупреждения несчаст-

ных случаев с этими опасными в неумелых руках деревенских доморощенных «механиков» машинами. Инспектор обошел всех владельцев паромолотилок в станице — кому выдал разрешение на работу, кому запретил пускать локомобили в ход. Пришел он и к Тертышному. Молотилка его не интересовала, он осмотрел локомобиль, поглядел, качая головой и посвистывая, на латки, остукал, как доктор больного, изъеденные ржавчиной и окисью стенки котла, спросил, в каком году куплена машина, и даже не стал испытывать давлением, сказал коротко:

— Дерьмо. На свалку.

Положив портфель на колесо локомобиля, начал писать акт, а Матвею велел приготовить сверло — по закону инспектор, обнаружив, что котел ненадежен, должен был тут же привести его в полную негодность, чтоб хозяин, невзирая на запрещение, не пустил его самовольно в работу.

Тертышный схватился за сердце.

— Сынок! (Он всех называл сынками по праву возраста.) Что же ты делаешь? Режешь меня без ножа! Чем же я буду молотить? Хлебец-то какой уродил! Когда его катками перебьешь! Погниет!..

— А это дело не мое,— ответил инспектор, продолжая писать.— Купи другой локомобиль. Вон у Мартовицкого на складе сколько угодно. Новенькие.

— Шутишь, сынок?! Купи! — задыхался Тертышный, зевая беззубым ртом, как рыба на суше.— А денег дашь? Откуда ж взять капиталу, когда хлеб еще не молоченный?

Инспектор все же не дописал акта. Старик уволок страшного гостя в дом. Поднялась суматоха. Бабы заметались по двору. Невестки резали кур и гусей, сыновья побежали в лавку за вином. Матвей бросил приготовленные сверла, ожидая, что будет дальше.

Выбрался инспектор от Тертышного только к утру. Гуляли всю ночь. Старик и в тачанку наложил всяких узелков, оклунков. Какой написал акт инспектор и написал ли, Матвею не было известно. Он даже и не поговорил с Матвеем — машинистом, которому предстояло работать на локомобиле. Старик, выпроводив гостя, объяснил ему происшедшее:

— Ублаготворил! Валяй смело! Это, сынок, знаешь какой народ? Все у Мартовицкого на услужении. Для него

стараются. Жулики!.. Признался: «Будешь, говорит, еще десять лет молотить. Эти старые машины, говорит, крепче теперешних, нового выпуска».

История с инспектором заставила Матвея призадуматься. Знал он, что бывает, конечно, и так, как говорил старик. Инспектора работают и нашим и вашим: получая взятки от торговых компаний, выбраковывают годные еще локомобили, чтобы на складах веселее шла торговля... Отказаться? Пропадет год, тот самый урожайный год, которого он долго ждал... Тертышный, заметив колебания машиниста, набавил ему полсотни рублей. Матвей остался. Но договорились: молотить только свое, на сторону не наниматься. Через несколько дней и молотьба началась.

Искусно подлеченные Матвеем молотилка и паровик работали неплохо, остановок почти не было; погода стояла хорошая, дело быстро подвигалось. Матвей наметил себе на манометре предельную черту давления ниже обычной красной метки и зорко следил за стрелкой. Хозяин, однако, держался подальше от локомобиля. Он слонялся по току, удушливо хрипя, поторапливал рабочих у элеваторной подачи, наблюдал, как кладут скирды, но к локомобилю за всю молотьбу ни разу не подошел и, видимо, всем своим домашним приказал держаться подальше от него.

Помолотили с месяц. Стали перепадать дожди. Но работа уже подходила к концу. Матвей спрашивал рабочих, возивших с поля снопы: много ли осталось? Отвечали — дней на пять, в другой раз — дня на два, наконец ответили:

— Сегодня подберем! Кончаем!

Ну и хорошо — обошлось благополучно. Матвей виду не подавал, как он переволновался за этот месяц, а у самого душа вся истлела от постоянной тревоги за котел. Потом в тот день, когда говорили — конец, появились вдруг у молотилки новые люди, хлеб подвозили беспрерывно, но уже не те лошади, не те подводчики, не Тертышного работники. Матвей, занятый у локомобиля, не заметил, когда произошла эта перемена. Глянул — уже другие молотильщики; узнал людей — мужики с хутора Калюжного. Нарушил-таки хозяин уговор, подрядился молотить на сторону, не спросясь его. Соблазнило Тертышного то, что можно было, пользуясь случаем, сорвать какой угодно отмер. Пошли дожди, люди отдавали за ма-

шину шестой, пятый и даже четвертый пуд — четверть урожая, лишь бы только спасти хлеб.

Рассердился Матвей, поругался с хозяином, пригрозил бросить машину, но не бросил... Поработали еще недели две, кончили и нанялись еще смолотить пятьдесят десятин на хутор Родниковский. Тут уж хозяин сначала подмагарычил Матвея. Затеяли в воскресенье гульбище с родниковцами, привезли на ток водки, пива, позвали Матвея и напоили его так, что он еще и на другой день, устанавливая машину на новом месте, нетвердо держался на ногах.

Там, на Родниковском хуторе, и случилось несчастье... Работа пошла хуже. Растрепавшаяся молотилка с трудом перерабатывала мокрый хлеб, часто ломались решета, забивался барабан, срывало бичи — больше стояли, чем молотили. Локомобиль, отмахавший своим шатуном столько, сколько в иные годы, при худшем урожае, не досталось бы ему отмахать и за три сезона, расстроился, парил из всех клапанов, как распаявшийся самовар, угрожающе стучал подшипниками, из последних сил тянул молотилку и наконец отказал совсем, да так отказал, что одни колеса от него остались...

В тот день на рассвете как-то зловеще, с завыванием, гудел огонь в топке. Матвей подумал суеверно — быть беде. И потом пошло. Только пустили машину, одна баба на полке зазевалась, втянуло ее за юбку в барабан — еле успел Матвей притормозить: вытащили чуть живую, но больше от страха, чем от увечья, руку только помяло. В обед сорвался со шкива ремень и так хлестнул Матвея по боку, что он полчаса лежал на земле, приходя в чувство. А вечером, когда Матвей дал уже свисток — предупреждение, чтоб подбирали вокруг машины, сильный взрыв потряс вдруг землю, мажары, стоявшие на току, молотилку. Локомобиль подпрыгнул, сорвавшись с укрепов, окутался паром. Разорвало котел...

Матвей в момент взрыва перегребал жар в топке. Только он один и был возле локомобиля, больше никто не пострадал. Он не успел отскочить. Из развороченного котла хлынула вода в топку. Струя пара ударила в лицо, в грудь, он схватился руками за лицо и упал ничком на землю...

Старик Тертышный сам отвез Матвея в больницу на тачанке. Всю дорогу он охал и стонал пуще Матвея, испугавшись, как бы не пришлось отвечать за случившееся.

— Ох ты ж, господи, твоя воля! Несчастье какое! Кто же его знал! Вот как пришлось!.. Сынок! — хрипел он на ухо Матвею, придерживая на коленях его голову с наложенной на лицо мокрой тряпкой.— Как перед истинным богом: в случае чего — за семью не тревожься. Мой грех, сознаю. Что заработал у меня, заплачу вдвое, буду помогать, пенсию назначу от себя. Вот те крест!..

Два месяца пролежал Матвей в больнице. Ожоги на теле были тяжелые, сплошные волдыри, мог бы и помереть, будь слабее здоровьем. Когда сняли повязку с его лица, с пустых, прикрытых распухшими веками, загноившихся дыр на месте глаз, жена, пришедшая за ним в больницу, заголосила, как по мертвому...

Отлежавшись дома, Матвей отправился к хозяину за расчетом. К тому времени первый испуг у Тертышного прошел. Он уже обдумал, как вывернуться в случае какой-нибудь неприятности, и перед богом, должно быть, замолил грех, поставив свечку потолще, что ему, как церковному старосте, недорого стоило. Свидетелей при том, как и что обещал он Матвею, везя в больницу, не было. Уплатил он ему не вдвойне, а ровно столько, сколько причиталось, еще и удержал двадцать пять рублей и мешок пшеницы, выданные в начале молотьбы авансом.

Люди посоветовали Матвею подать на Тертышного в суд. Но чего добьешься, если Тертышный сам состоял в станичных судьях, был близок к властям?.. Все-таки Матвей решил испробовать — подал в другой суд, при отдельском правлении. Тертышный вызвал из города того самого инспектора, что приезжал перед молотьбой. Инспектор осмотрел останки локомобиля и составил акт, что взрыв произошел по вине машиниста, по недосмотру за давлением пара. С этим актом Тертышный и явился в отдел. Не высудил Матвей ничего. Не удовлетворившись первым решением, он хотел подавать выше, на пересмотр. Тертышный, услыхав, что бывший его машинист не успокоился, пришел к нему и предложил сто рублей, чтобы кончить полюбовно.

— Брось, сынок, тягаться со мною,— сказал он откровенно, — беды только наживешь себе. Не выйдет по-твоему, нет у тебя никаких доказательств, одни голые слова. Я эти судейские порядки, будь они неладны, знаю. А вот если я подам на тебя, что загубил машину,— подтверждение имеется. Хуже будет. Могут такого припаять, что и хаты лишишься.

На том и помирились.

Ослеп Матвей двадцати пяти лет. Было у него уже трое детей. Проели сначала то, что заработал он у Тертышного, потом инструмент кузнечный, потом жене пришлось идти внаймы, а Матвей оставался с детьми за няньку. Но он и в няньки не годился. Однажды разжег огонь в печке, хотел сварить детям кашу, маленькая дочка подошла к печке, стала там играть и вдруг закричала — занялся подол платьица. Матвей кинулся на голос, а она отскочила к порогу. Покуда искал он ее по хате, натыкаясь на сундуки и скамейки, на ней уж обгорело платье, волосы на голове, вся кожа вздулась пузырем. Не дожила до вечера. Пришла мать со степи — в доме покойник. Не то горевать, не то радоваться, что одним ртом стало меньше. Есть страшная пословица, сложенная в старое время бедняками: хороши ягоды с проборцем, а дети с проморцем... Приходилось Матвею и «Лазаря петь» на ярмарках.

...Говорят: если шахтера привалит породой в забое и спасут его, навсегда остается у него страх перед подземельем. Человек, которому приходилось тонуть, ненавидит потом всю жизнь море. Нет, не осталось у Матвея злобы на машину. Машина была не виновата.

В революцию, когда выбирали ревком, делили кулацкую землю, слепой Матвей ходил по станице как живое напоминание о неоплатных долгах старых хозяев, выступал на собраниях, говорил:

— Мало лишить их земли! Куда-нибудь в море их, на остров, и еды им не давать, пусть сами себя пожирают!..

При советской власти ему, нищему, жене его, иногородней батрачке, и детям дали в казачьей станице пятнадцать десятин земли. С этого он и пошел жить. Раз посеял исполу — отдал в аренду соседям десять десятин за то, что те посеяли и убрали ему остальные пять, потом купил за хлеб лошадь, жена сама с подросшими старшими детьми стала обрабатывать часть надела. Детей у них родилось еще двое. Потом вступили в колхоз.

Когда в соседней станице организовалась МТС, он ходил «осматривать» первые тракторы. На голой площади строили гаражи и мастерские. Были среди рабочих МТС знакомые Матвея — старые машинисты паромолотилок. Они водили его туда, где трактористы обкатывали только что сгруженные с железнодорожных платформ тракторы.

Матвей ощупывал новые машины, его подводили к плугам невиданных размеров и тракторным сеялкам. Так же, на ощупь, знакомился он и с комбайнами. И, может быть, никому не были так близки и понятны, как ему, замыслы партии: наводнить станицы машинами, дать их в руки людей, не имевших никогда и простенькой лобогрейки, пустить их всюду по земле, чтоб перепахали они до материка старую жизнь!..

Один сын его стал учителем, старшая дочь — зоотехник. Дети живут при нем, кормят его, одевают. Нужды ни в чем не терпит. А тяжело́, скучно старику...

Вот приходит он в бригаду, сидит здесь днями. Бывает, сойдутся на таборе все тракторы, пять тридцатисильных машин, загудят так, что земля дрожит под ними. Можно ли равнодушно слушать их? Видят ребята — сидит старик, посасывает трубку, и на слепом невыразительном лице его нельзя прочесть ни радости, ни печали; и не знают они, что с ним делается в такие минуты. А у него этот гул отдается в самом сердце. Плакал бы и смеялся, если б мог, и шел бы неизвестно куда, обнял бы всю землю, на которой работают эти чудесные машины, и людей, которые сделали их и прислали сюда...

Кончил рассказывать слепой, и дождь перестал.

Степь, омытая бурным летним дождем,— какая красота! Вокруг вагона, стоявшего на широком столбовом шляху, горели холодные огни заката. В одной стороне небо очистилось, там засияло большое красное, уходящее за курганы солнце, в другой — сбились к горизонту, изредка отстреливаясь далекими беззвучными молниями, черные тучи. На мокрой траве, на каменной бабе, выкопанной кем-то из кургана и поставленной у дороги, на окрайках разорванных туч — на всем багряные брызги, кровь солнца. Медные телеграфные провода на столбах, колеблемые ветром, вспыхивают, точно расплавленные. Странный свет, быстро гаснущий, как зарево затухающего пожара, падает на землю. И там, в той стороне, где тучи,— все новое, живое, молодое. Трава зеленая-зеленая; одинокий тополь, выросший из пушинки, занесенной ветром в степь, красуется, словно вырисованный на туче тончайшей кистью,— виден каждый листик, белый, чистый, серебряная роспись на черном бархате.

Ребята повалили из душного вагона, пропахшего керосином, на воздух. Захлюпала мокрая земля под сапогами... Пока рассказывал Бородуля, все слушали его в угрюмом

молчании. Теперь, любуясь чудной игрой красок в небе — багровых, золотистых, оранжевых, любуясь степью, с детства знакомой, но сегодня особенно хорошей, помолодевшей, освеженной дождем, не один подумал про себя: «И этого не видит старик...»

За перевалом, далеко, гудели тракторы.

Кто-то, слушая далекое урчанье моторов, сказал:

— Там пашут. Должно быть, дождь не захватил их, стороною прошел...

Трактористы расселись на ступеньках вагона, курили, пряча по степной привычке огонь в кулак, чтобы ветер не разносил искры, разговаривали вполголоса, точно боясь нарушить очарование угасающего вечера и помешать мыслям молчавших, думавших что-то свое. Двое негромко затянули песню и оборвали на половине. Слепой, постояв немного в дверях вагона, сошел по ступенькам на землю, подозвал поводыря-сына. Поводырями у него были посменно младшие из сыновей. Один вырастал — другой заменял его.

Роман Сорокин, тракторист неплохой, парень не из равнодушных, способный, серьезный, по нечаянности лишь сваливший сегодня телеграфный столб, проговорил, задумчиво усмехнувшись, как бы отвечая на рассказ слепого машиниста:

— А в колхозе «Коммунар» был случай. Посылали одного чудака на курсы, Гришку Рябовола, а он им отвечает, правлению: «Что вы мне предлагаете — трактор? Это дело уже устарелое — тыр-тыр, пять километров в час. И девчата уже на трактористов не заглядываются — не в диковину. В мазуте всегда, как черт. Посылайте на шофера — согласен. Только чтоб стипендия была двести рублей в месяц». Так его и послали водовозом на свиноферму, дали ему быков самых ленивых, таких, что еле с ноги на ногу переступают, чтоб не дюже поспешал.

Все рассмеялись.

— Правильно сделали.

— Пять километров! А как же он хотел пахать,— вставил слово Афоня Переверзев,— как автомашина бегает? Так при такой скорости...

— Не управишься и руля поворачивать,— перехватил Митька Толоконцев.— До разу в Черном яру очутишься...

— А ты помолчи, Мавочка! — озлился Афоня.— Я не про то говорю. При такой скорости лемеха не выдержат,

сгорят. Это же не просто ехать по гладкой дорожке, а землю ковырять. Земля — она тяжелая. На тихом ходу и то нагревается лемех — аж шипит, когда плюнешь на него.

Ветер, бунтовавший над степью, когда шел дождь, не унимался до сих пор — хороший, прохладный западный ветер. Заря горела, предвещая на завтра бурю.

— Я, братцы, и сам не рад, — вдруг жалобно взмолился Афоня. — Что это такое со мной? Покуда с перебоями машина идет — ничего, как пойдет ровно — хоть убей, спать хочется, не раздерешь глаза.

— Это у тебя, Афоня, хвороба такая. Застой крови,— отозвался Павло Савчук, украинец из демобилизованных красноармейцев, переселившийся в тридцать втором году на Кубань, самый старый член бригады, один из тех лучших рулевых, благодаря которым бригада при всех ее неурядицах держалась все же на уровне средних. — Лечиться треба. Холодные ванны принимать утром и вечером. Верно говорю. Наилучшее средство. Или переливание крови надо сделать. Тебе от Митьки перелить трошки, а твоей крови с горшочек Митьке для успокоения — как раз обоим и поможется...

Посмеялись и опять замолчали задумчиво.

— Так, говорит Гришка, устарели? Когда же они успели устареть? Вот дуросвет! Это уже значит — парень с жиру сбесился... И скажи — чего они лезут в шофера? Гонять по улицам, собак давить! Я б свою должность никогда на шофера не сменял. Тракторист — это фигура историческая, — продолжал Савчук. — Кто вызволял колхозы из прорыва в те годы, когда тут сорняки были выше радиатора? Трактористы. Кто больше всех положил труда на колхозной земле? Трактористы. А досталось нам, як тому куцему на перелазе!.. Приехали мы сюда в начале коллективизации: дело неустроенное, непорядки, вагончиков нема, спали на голой земле до снегу. Насгребаешь мерзлого бурьяна, польешь его керосином, перегорит, ляжешь пузом на горячую золу и греешься, пузо отогреешь — на спину, так и переворачиваешься всю ночь, как котлета на сковороде... А работали как! Гоняют тебя, как соленого зайца, по всем колхозам: где прорыв, туда и посылают на буксир брать. Осенью пойдешь за расчетом — в одном колхозе говорят: «А мы не помним, чи работал ты у нас, чи не работал, у нас за лето столько трактористов перебыло, что и счет потеряли». Доказываешь: «Да как

же ж не работал? Пятьдесят гектаров вспахал на толоке!» — «Так то, говорят, не наша земля, то «Ударника» земля». Вот туда, к чертовой матери! Они уже и землю свою растеряли! В другом колхозе счетовод, кулацкая морда, сбежал, и ведомостей не найдут, не по чем рассчитываться. Такое зло возьмет! Работал, работал год — пропало все. Думаешь: ну, брошу, хай ему черт! Пойду конюхом в бригаду, буду там как и все, абы день до вечера, чтоб палочку записали. А потом заглянешь в мэтэес, увидишь там свой трактор — жалко станет. Кто тебя, сердягу, будет доглядать? В чьи руки попадешь? Чи будут тебя мыть, чистить, маслица вовремя подливать, чи занехают, как ту цыганову кобылу, искалечат? Нет, давай еще, друже, поработаем годок, к тому идет, что получшает дело. А которые бросали. Разные были и трактористы. Прямо на степи, никому ничего не скажет, бросает машину и уходит. Пашешь-пашешь, вдруг — стоит в бурьяне трактор, с плугом, без людей, земли ветром скрозь надуло, и щерица уже на крыльях поросла. Давай его выручать. Находка! Было пять машин в бригаде, стало шесть. Да-а... Про нас, хлопцы, про первых трактористов, еще книжки напишут, как мы тут воевали!

— Столбы валяли... — добавил кто-то.

— Да и не без того. А как ты хотел? Это Роману сегодня пришлось, как тому чумаку — ехал по степи, зацепился возом за верстовой столб и лается: «Так и не люблю ж этой проклятой тесноты! Понатыкали, чертовы души, столбов — проехать негде!..» Нет, про Романа вы, хлопцы, бросьте! Роман умеет не только столбы валять. Он когда был моим напарником, так мы с ним по полтораста гектаров в сутки бороновали. Вы у него спытайте, как он, — в котором это году, Роман, в тридцать пятом? — подсолнухи косил комбайном в «Парижской коммуне» по снегу. Снег в колено, все думали уже — пропал подсолнух, а он выехал косить. Я шел с хутора Марчихина, слухаю: что оно такое — гомон идет по степи? А то Роман выгребает лопатой снег из-под трактора да крещет ихнего председателя, аж искры сыплются. Подошел, спрашиваю: «За что ты его так?» — «Да как же ж, говорит, не лаять его, сукиного сына! Хитровал все, не хотел комбайном косить, чтобы меньше платить натуроплаты: «Уберем, говорит, вручную», — да и дотянул до зимы. А теперь чувствует, что виноватый перед нами, так поддабривается, накормил борщом — самое сало да мясо,

такой жирный, ложкой не повернешь, болит живот, спасу нет, а тут раз за разом вставай да нагибайся, лезь под машину на карачках». Да как завернет в сорок святых, я аж злякался. Никогда не слыхал, чтоб он так страшно лаялся. Три метра пройдет машина — сугроб снегу перед радиатором. А все же спас их, гектаров с сотню, подсолнухов. Нет, Роман — этот знает, почем фунт лиха.

— А помнишь, Павло,— сказал повеселевший Гайдуков,— как нас у Черкесского леса банда обстреляла?

— Эге! Это ж когда было — в тридцать втором. Как на позиции! Подлезли балкой и открыли стрельбу из централок по табору. Федька Камарницкий с переляку в бочку залез, — была у нас бочка железная, негожая, с дыркою, — туда сгоряча пролез, а обратно не может, так и пришлось его везти в мэтэес, а там разрезали кислородом... Мне в магнето картечину влепили...

— Поймали их? — спросил кто-то.

— Поймали, после,— ответил Гайдуков.— Трое их было: Антон Селиверстов, тот, что в коллективизацию председателя стансовета зарубил топором, и кулаки Фомичевы, от высылки спасались. Пустили облаву по лесу: Селиверстова подстрелили, а тех живьем взяли. Они не раз такие нападения на трактористов делали. Всем бригадам приказ был от дирекции: иметь при себе какое ни есть оружие. Ночью часовых выставляли.

Прощаясь со слепым машинистом, пожимая ему руку, Гайдуков сказал:

— Ходить бы тебе, Матвей Поликарпыч, всюду по бригадам и рассказывать это, чтобы не забывали!..

...Небо на западе меняло цвет, как остывающее раскаленное железо, вынутое из горна.

— Давайте, товарищи, пока видно, приготовим машины на завтра, — сказал Гайдуков. — Может, за ночь просушит ветерком, и тронемся рано. Заряжай! — подал он команду, словно командир батареи.

Трактористы, дотягивая папиросы, шумно поднялись, пошли к машинам. Афоня Переверзев с необычайным для него проворством вскочил, затоптал в грязь только что закуренную, толстую, как собачья нога, цигарку и первым захватил место в очереди у заправочного насоса, но вдруг вспомнил, что заправлять ему нечего — машина стоит

разбитая, — неловко, боком, выдвинулся в сторону и побрел обратно к вагону. Ребята засмеялись.

Над степью низко, со свистом пролетела стая чирков, возвращавшаяся с кормежки на тихие камышовые болотца. Все подняли головы вверх, хотя в потемневшем небе уже нельзя было разглядеть быстрых, как камни, пущенные из рогатки, птиц. Далеко в стороне слышалась знакомая песня машин — чья-то бригада уже выехала на ночную работу. А еще дальше, на черном горизонте, откуда не доносился звук моторов, было видно — зажглись ползающие светлячки-огоньки. В небе — звезды, и на земле, словно их отражение, — движущиеся мерцающие звездочки.

1940 г.

УПРЯМЫЙ ХУТОР

В феврале 1943 года фронт остановился на Миусе.

Рота Алексея Дорохина отрыла окопы в садах хутора Южного. Глубоко промерзшую землю долбили ломами и пешнями, взятыми у местных жителей. Хутор стоял на взгорье — одна длинная, извилистая улица, два ряда хат; усадьбы нижнего порядка круто спускались к широкому, ровному, как стол, лугу. Метрах в ста от края усадеб вилась по лугу замерзшая, занесенная снегом вровень с берегами речка. За речкой, за лугом, в полукилометре — такое же взгорье и хутора. Там закрепились немцы.

Окопы нужны были для укрытия от артиллерийского огня и бомбежек, а когда было тихо, бойцы отогревались в хатах. Гитлеровцам, поспешно удиравшим из хутора, не удалось сжечь его дотла. Сгорели только камышовые крыши, кое-где выгорели деревянные рамы в окнах, а стены, сложенные из самана — земляного кирпича, и потолки, густо смазанные толстым слоем глины и земли, огонь не взял.

— Не берет ихний огонь русскую землю, — говорил, тряся головой, старик, хозяин хаты, где расположился лейтенант Дорохин со старшиной, телефонистами и связными. — Это что ж, дело поправимое — крыша. А пока морозы держат — и потолок не протечет. Жить можно.

Со стариком ютились в хате невестка-солдатка и мальчик лет двенадцати, внук. Мальчик бегал за хутор, где упал сбитый зенитками «юнкерс», таскал оттуда листы дюраля, плексигласа. Старик заделал окна досками и плексигласом, на косяк двери навесил дверцу с разбитого «ЗИСа» и уже поглядывал наверх: соображал что-то насчет крыши. Под копной старой гнилой соломы у него было припрятано с десяток бревен довоенного еще, видимо, запаса. Три дня похаживал он вокруг копны, не решаясь обнаружить, на искушенье ротным поварам, свой клад. Наконец не вытерпел, вытащил два бревна, начал их обтесывать на стропила, вязать.

— Не рано ли, дед, вздумал строиться? — спросил его Дорохин.

— А чего время терять, товарищ лейтенант? Не будете же больше — туда-сюда? Или на фронте неустойка?..

— Отступления не предвидится. Я не о том. На самой передовой живешь. Угодят снарядом — пропали твои труды. Обожди, пока продвинемся дальше.

— Пока продвинетесь — у меня уж все будет наготове. Вот обтешу стропила, повяжу их на земле. Камыша нажну на речке.

— Речка вся простреливается. Видишь, где немцы? На тех высотках. Из ручных пулеметов достают.

— Ночью, потихоньку. Днем я на речку не полезу... Только вы уж, товарищ лейтенант, будьте добреньки, прикажите вашим поварам, чтоб не зарились на мой лесок. От немцев прятал, от своих не таюсь. Оно-то, конечно, и поварам трудно, местность у нас безлесная, соломой ваши кухни не растопишь, но и нам теперь, как фронт пройдет, ох, нелегко будет с нуждой бороться! Каждая палка в хозяйстве понадобится... Вон в том дворе, через две хаты, — куча кизяков. Пусть берут на топливо. Хозяев там нет. Хозяин в полиции служил, сбежал... Эти обрезочки можно бы дать вам на дрова. А впрочем, я их тоже в дело употреблю. Распущу на рейки — боронку сделаю легкую, на одну корову.

«Жаден старик, — подумал Алексей. — И корову где-то прячет. Крынку молока бойцам жалеет дать».

— Где же ваша корова? — спросил он.

— Отогнали на хутор Сковородин. Родичи там у нас. Подальше от фронта. Корову тут держать опасно.

— А невестке, внуку не опасно жить на передовой? Почему их не отправили к родичам? Коровой больше дорожишь?

— Не отправил, да... Попробуйте вы их отправить, товарищ лейтенант! Был у нас промеж собою семейный совет. Нельзя жилище бросать без присмотра. Все же хата, хоть полхаты осталось. Садик у нас, деревья — чтоб не вырубили. Копешка сена вон для корму — как это все бросить? Я говорю: «Буду здесь жить, пока передовая не пройдет». А Ульяна говорит: «Я вас, папаша, одного не оставлю. Вдруг что-нибудь с вами случится?» А Мишка говорит: «И с дедушкой и с тобой может случиться, а меня возле вас не будет? Не пойду отсюдова!»

Так и порешили — держаться кучкой, семейство небольшое. Было большое. Два сына — на фронте... А корову как не жалеть, товарищ лейтенант? Весна придет, тягла нет, чем пахать-сеять. На корову вся надёжа...

Огрубел, что ли, Дорохин за полтора года войны, притупились в нем инстинкты хлебороба — речи хозяйственного старика не вызывали у него сочувствия. Ему-то рано было думать о наступающей весне, о пахоте. Дошли только до Миуса... Вот здесь, на снегу, на этом самом месте, где обтесывал старик бревна, лежали три дня тому назад прикрытые плащ-палаткой его лучший командир взвода сержант Данильченко, с которым шел он от Волги, и замполит Грибов...

— Бревна мы твои, дед, не тронем, не волнуйся. А вот этими стружками прикажи невестке нагреть воды. Да побольше. Нам бы хоть голову помыть, в бане давно не были... Хозяин! Должен бы знать солдатскую нужду!

— Извиняюсь, товарищ лейтенант! Это мы мигом сделаем. Баньку сообразим! Вон в том сарайчике поставим чугунок, натопим. Котел есть. Ульяна! Поди сюда! Слыхала, об чем речь? Шевелись, действуй! Через час доложи товарищу командиру об выполнении приказания! Воевал и я, товарищ лейтенант. Много времени прошло. Еще в японскую, в Маньчжурии. Отвык, конечно, в домашности, обабился... Разведчиком был!..

Утром, когда Дорохин, проведя ночь в окопах с наблюдателями, пришел в хату позавтракать, старик — звали его Харитоном Акимычем — предстал перед ним с георгиевской медалью, приколотой к замызганной стеганке.

— А-а... Сохранил?

— Сберег... Не для хвастовства прицепил — для виду, чтоб ваши ребята меня приметили. Проходу нет по хутору. Пароль, то се. Ночью часовые чуть не подстрелили. За шпиона переодетого принимают меня... А мне теперича придется по всяким делам ходить.

— Ночью нечего болтаться по хутору.

— Так днем-то вовсе нельзя — неприятель заметит движение. У нас ночью общее собрание было. В поле, вон под теми скирдами.

— Какое собрание?

— Колхозное. Правление выбирали.

— Колхозное? Где же он, ваш колхоз-то?

— Как — где? Вот здесь, в этом хуторе. Кроме полицаев, что сбежали, в каждом дворе есть живая душа. Не в хате, так в погребе.

Старшина Юрченко подтвердил:

— В каждом дворе, товарищ лейтенант. Не поймешь — передовая у нас или детские ясли? На том краю, где третий взвод разместили, у одной хозяйки — семеро детей. Слепили горку из снега, катаются на салазках. Не обращают внимания, что хутор, как говорится, в пределах досягаемости ружейно-пулеметного огня. В бинокль оттуда же все видно как на ладони! Немец боеприпасами обеднял, экономит, а то бы!..

Старик продолжал рассказывать:

— Членами правления выбрали Дуньку Сорокину и Марфу Рубцову... А в председатели обратали, стало быть, меня.

— Тебя? Ты председатель?

— Начальство! За неимением гербовой... Есть еще один мужик на хуторе, грамотнее меня, молодой парень, инвалид. Ну, тот тракторист. Может, по специальности придется ему поработать.

— А тракторы есть у вас?

— Тракторов нету. Угнали куда-то, — старик махнул рукой, — еще при первом отступлении. Успеют ли к весне повернуть их сюда?..

— Как ваш колхоз назывался тут до войны?

— «Заря счастья». Так и оставили. Назад нам дороги нету, товарищ лейтенант. Как вспомнишь, что у нас было при надувальном хозяйстве...

— При каком хозяйстве?

— Дед, должно быть, хочет сказать: при индивидуальном хозяйстве, — пояснил старшина.

— Вот то ж и я говорю — надувальное хозяйство. Кто кого надует. К этому нам возвращаться несподручно... Так что, можно сказать, по первому вопросу сомнений не было никаких. Единогласно постановили: «Колхоз «Заря счастья» считать продолженным...» А вот чем пахать будем? Два коня у нас есть. Одры. Немцы бросили. И двенадцать коров осталось. На весь хутор. На восемьдесят пять дворов. А земли — семьсот пятьдесят гектаров...

— Ничего у вас, дед, сейчас с колхозом не выйдет,— сказал Дорохин. — В штабе полка был разговор: если задержимся здесь и будем строить долговременную оборону — все население с Миуса придется вывезти подальше

в тыл. Километров за пятьдесят. Чтоб не путались у нас тут под ногами.

Харитон Акимыч подсел к столу, за которым завтракали Дорохин и старшина, долго молчал, тряся головой. Старик был крепок для своих восьмидесяти лет, невелик ростом, тощ, но широк в плечах, не горбился, в руках его чувствовалась еще сила, с лица был свеж и румян и только сильно тряс головой — может быть, еще от старой контузии. Похоже было — все время поддакивал чему-то: словам собеседника или своим мыслям.

— Вы из какого сословия, товарищ лейтенант? — спросил он, помолчав.— Из крестьян или из городских?

— Из крестьян. Был бригадиром тракторной бригады.

— В нашей местности весна в марте открывается. Уже половина февраля... Чём год жить, если не посеем? Как можно — от своей земли идти куда-то в люди?

— Вам отведут землю в других колхозах, во временное пользование. Без посева не останетесь.

— Посеять, то уж и урожая дождаться, до осени жить там. А тут же как? Вы, может, раньше тронетесь. Пары надо поднимать под озимь, зябь пахать. А люди, тягло — там. Разбивать хозяйство на два лагеря? Нет, для такого колхоза я не председатель, ежели бригада от бригады — на пятьдесят километров!.. Земля-то наша, товарищ лейтенант, вся вон туда, назад, в тыл. Окопов там не будет. Никому не помешаем. Ночами будем пахать!..

Со двора послышалось, не первый раз уже за утро:

— Воздух!

День начинался беспокойно. Только что пятерка «юнкерсов» отбомбилась над расположением соседнего справа полка. Еще горело что-то там, в селе Теплом.

Дорохин, старшина и связные выскочили из хаты. Дорохин захватил котелок и, стоя под стеной хаты с теневой стороны, глядел в небо, торопливо дохлебывая жирный мясной кулеш.

— Эти, кажись, прямо к нам... Мишка! Ульяна! — закричал дед с порога в хату. — Не прячьтесь за печку! Там хуже привалит! На двор, дураки!

— Марш к нам в окопы! — скомандовал Дорохин. — Вот в этот ход сообщения... Довольно, не бегать! Замри!

В голубом морозном ясном небе разворачивалась над хутором девятка пикирующих бомбардировщиков «Ю-87».

— Лаптежники... Сейчас устроят карусель,— сказал старшина.— Вот начинают...

— Пригнись! — толкнул Дорохин деда в спину и сам спустился в окоп.

Головной бомбардировщик, нацелившись в землю неубирающимся шасси, похожим на лапы коршуна, взревев сиренами, круто пошел в пике.

— А, шарманку завел! — погрозил ему кулаком старшина. — Шарманщики! Пугают... Бомб маловато.

Для первого захода бомб у «юнкерсов» оказалось достаточно. Небольшие, десяти-двенадцатикилограммовые бомбы сыпались густо, рвались пачками. В садах будто забили фонтаны из снега с землею.

— Ну, это еще ничего, — сказал Харитон Акимыч, выглядывая из окопа и сильнее обычного тряся головой. — Давеча один кинул бомбу на выгоне — с тонну, должно быть! Хозяева! На такой маленький хутор такие агромадные бомбы кида...

Трах! Трах! Трах! Трах!.. — взметнулись один за другим четыре фонтана в соседнем дворе.

— Лежи, председатель! — потянул Дорохин за ногу деда.— Зацепит осколком по голове — хватит с тебя и маленькой бомбы. Хозяйственник какой!

Хутор ощетинился огнем. Били из окопов станковые и ручные пулеметы, трещали винтовочные выстрелы, били откуда-то из глубины обороны зенитки. Один «юнкерс» на выходе из пике закачался, клюнул носом, низко потянул за бугор. Остальные продолжали свою «карусель» — один, сбросив бомбы, взмывал вверх, разворачивался, другой заходил на его место, пикировал.

— Всыпали одному! — закричал старшина. — Смотрите, товарищ лейтенант, захромал! Ага! Удираешь!

— Не удерет! Не в ту сторону завернул с перепугу. Прямо на зенитки пошел. Там ему добавят!

За вторым заходом бомб сыпалось меньше. За третьим — что-то падало с неба на землю, но не рвалось.

Старик вылез на бруствер.

— Это что ж они такое кидают, а? К чему это? Вон бочку кинули. А то что летит? Еще бочка... Оглашенные!

— Это тебе, дед, на хозяйство в колхоз! — захохотал Дорохин. — Халтурщики! Где же ваши боеприпасы? Довоевались?

...В чистом, голубом небе таяли белые облачка от разрывов снарядов зениток. «Юнкерсы» ушли. Еще один бомбардировщик, когда ложились они уже на обратный курс, заковылял, задымил, но сразу не упал. Далеко от-

став от ушедших вперед, долго тянул по небу черный хвост дыма, пока наконец показалось и пламя. Свалившись на крыло, пошел вниз. Упал он далеко, километрах в пятнадцати, — к небу взметнулся огромный столб дыма. Спустя несколько секунд донесся глухой тяжкий взрыв...

Пахло гарью. Где-то дымило. Через улицу, напротив, во дворе кричала женщина:

— Митя, родной! Что они с тобой сделали! А-а-а!..

— У Гашки Морозовой сына убило, — сказал Харитон Акимыч. — А может, поранило... Ульяна! Сходи к ней, помоги.

— Пошли туда санитара! — приказал Дорохин старшине.

Взрывом одной небольшой фугаски, упавшей во дворе, разворотило угол хаты. Старик, сняв шапку, яростно скреб затылок, соображая, чем и как заделать угол.

— Такого уговора не было, чтоб и стены валять... Ах, ироды, губители!

— Вот тебе и колхоз! — сказал Дорохин.— Убирайтесь вы отсюда, пока целы-живы! Видишь, боеприпасов им еще не подвезли, бочками швыряются, а как закрепится оборона — тут такое будет!..

— Как же это все покинуть, товарищ лейтенант? Когда на глазах, ну что ж, развалили—починю, еще развалят — починю! А без хозяина — что же тут останется?..

— Воздух!..

— Ложи-ись!..

Какой-то шальной «мессер», возвращаясь на свой аэродром, снизился, ураганом пронесся над хутором, расстреливая остаток боекомплекта в людей, закопошившихся во дворах. Запоздало застучали вслед ему пулеметы и сразу умолкли. Немец, прижимаясь к земле, перевалил за бугор, пошел лощиной — исчез...

— С цепи сорвался! — сказал, поднимаясь с сугроба, Харитон Акимыч. Из трясущейся бороды его и с лысины сыпался снег. — Черти его кинули! Чтоб ты там, в балке, носом в землю зарылся.

В наступившей тишине с края хутора донесся отчаянный вопль женщины.

— Марья Голубкова, кажись, — приложив ладонь к уху, прислушался старик. — Та, про которую ваш старшина говорил: семеро детей... Что говорить, жизнь нам тут предстоит несладкая, товарищ лейтенант. Но как же быть?

Лучше бы вы с ходу продвинулись еще бы километров на полсотни туда.

— И там бы в каком-то селе остановились. Там тоже народ, жители. Нам-то не легче... Нет, сам буду просить наших интендантов, чтоб подогнали ночью машины! Погрузим вас, со всем вашим барахлом, и отвезем подальше в тыл! Что это за война, когда вокруг тебя бабы голосят?

На Миусе простояли долго. Здесь застала Дорохина и весна — все в том же хуторе Южном.

Бывает на войне — и разбитые, отступающие части противника, и наступающие войска изматываются так, что ни те, ни другие не могут сделать больше ни шагу. Где легли в какую-то предельную для человеческой выносливости ночь, там и стабилизировался фронт. Тут дай один свежий батальон! Без труда можно прорвать жиденькую оборону, наделать паники, ударить с тыла! Но в том-то и дело, что свежего батальона нет ни у тех, ни у других.

Так было на Миусе в феврале. Весною стало иначе. Дороги высохли, подтянулись тылы. Пришло пополнение. Оборону насытили войсками, огнем, боевой техникой. Миус — фронт. Командование готовило его к крупным операциям.

Все ушло, зарылось в землю. В каждом батальоне было отрыто столько километров ходов сообщения, сколько и положено по уставу, блиндажи надежно укрыты шпалами и рельсами с разобранных железнодорожных путей, каменными плитами, землею. Можно было пройти по фронту из дивизии в дивизию ходами сообщения, не показав и головы на поверхность.

И немцы имели достаточно времени для того, чтобы привести себя в порядок.

Теперь уж хутора и села на передовой казались совершенно опустевшими. Ни малейшего движения не заметно было днем во дворах и на улицах. Сунься днем по улице какая-нибудь машина или подвода — сейчас же по этому месту начинали бить тяжелые минометы и орудия.

И все же в хуторе Южном, на самой передовой, ближе которой метров на триста к немцам было выдвинуто лишь боевое охранение, жили люди. От хутора уже почти ничего не осталось — одни развалины. Люди жили в погребах. Днем прятались, а с наступлением темноты вылезали, ко-

пали огороды, сажали, сеяли у кого что было — картофель, свеклу, кукурузу, просо. Где-то в балке, в нескольких километрах от хутора, был оборудован полевой стан колхоза. Там находились пахари с коровами и единственной парой лошадей, обрабатывали колхозные поля, тоже по ночам, а на день укрывали скот в каменоломнях.

Не однажды жителей хутора Южного выселяли в тыл. Подходили ночью машины, забирали людей, солдаты проверяли по всем закоулкам — не остался ли кто? А спустя некоторое время хуторяне, по одному, кучками, с узлами и налегке, возвращались опять домой. С вечера будто никого не видно было в хуторе, а утром Дорохин, приглядевшись, замечал вдруг, что полоски вскопанной земли на огородах стали шире. Уже вернулись! Где-то прячутся. Не солдаты же его занимаются по ночам огородничеством!

Кончилось тем, что командир дивизии, инспектировавший оборону, застал как-то Харитона Акимыча с колхозниками ночью в хуторе и, выслушав их горячую просьбу не срывать колхоз с родных мест в весеннюю пору, сказал:

— Ладно, живите... Для вас, для таких старателей, эту землю освобождаем. Только береги людей, председатель! Дисциплину заведи военную! Маскировка, никаких хождений! За ребятишками — особый догляд! А то еще станут бегать в окопы, гильзы собирать. Малышей таких, что не нужны здесь матерям, не помогают на огородах, отправьте все же куда-нибудь.

— На полевой стан их отправим. Там, в каменоломнях, такие укрытия! Чего-нибудь вроде яслей сообразим.

— Берегите детей... Ну, желаю вам первыми среди здешних колхозов встать крепко на ноги!

— Спасибо, товарищ генерал! Были первыми и будем первыми!..

— У нас народ упрямый, товарищ лейтенант, — говорил Харитон Акимыч Дорохину. — А упрямый, скажу, потому, что дюже был хороший колхоз. У нас колхоз был не простой.

— Золотой?

— Вот именно — золотой. Передовой был колхоз на всю округу. В газетах про нас писали. Пять человек послали от нас председателями в другие колхозы — нашей закваски, нашего воспитания! Где бригадиры ни свет ни заря на ногах, ходят по полям, дело направляют? У нас. Где звеньевые рекордами гремят? Опять же у нас! Где самые боевые доярки, телятницы? Запевалы? Э-э, рабо-

тали!.. Председатель у нас был из двадцатипятитысячников. Отец родной! В душу тебе влезет, расскажет, докажет, самого отсталого человека доведет до сознания!.. Какие люди были! Это меня нынче по нужде выбрали. Семьдесят восемь солдат пошло из нашего колхоза в армию, бригадиры, трактористы, вся краса колхоза!

— И я, Акимыч, пошел на фронт не из плохого колхоза, — сказал Дорохин. — Кубань. Слыхал про такой край?.. У нас там все покрупнее вашего. Степи глазом не окинешь. Станицу за час из края в край не пройдешь. Такой колхоз, как у вас, это по-нашему — бригада... Семь автомашин было в колхозе. Колхозниц возили в поле и обратно на машинах. В сороковом году построили электростанцию на реке Лабе, собирались электричеством пахать... Что там сейчас, после немцев?..

Однажды ночью Харитон Акимыч пришел в блиндаж к Дорохину — его уже все солдаты знали и пропускали как своего — с бородатым, лохматым, старым на вид человеком, инвалидом на деревяшке.

— Вот наш тракторист, — представил старик инвалида, — Кузьма Головенко. Оставался дома по случаю непригодности к военной службе. Увечье получил не на фронте. В каком году, Кузьма, в тридцать восьмом? Из Кургана с базара ехал, под поезд угодил выпивши... Тракторист был так себе, получше его ребята работали, — как и я, скажем, в те годы в председатели не годился. Но теперь придется обоим подтянуться!

— Кто же из вас старше? — спросил Дорохин.

— Мне, товарищ лейтенант, тридцать два года, — ответил Головенко.

— Что же ты так себя запустил? Не стрижешься, не бреешься. Не в дьяконы ли постригался тут при немцах? — спросил старшина.

Головенко потеребил клочковатую, нечесаную бороду, глуповато ухмыльнулся, промолчал.

— Парень ждет со дня на день, — ответил за него Харитон Акимыч, — что его — за машинку и в конверт. Вернется наша МТС — судить его будут за дезертирство. Назначили его трактора угонять, с девчатами и теми механиками, что по броне остались, а он бросил машину, вернулся с дороги домой. Вот какое с ним положение... А я ему говорю: «Надо сделать, Кузьма, так: пока вернется МТС, чтобы ты уже тут отличился перед советской вла-

стью! Всю землю чтоб нам вспахал! Может, помилуют тебя». Там еще, товарищ лейтенант, мои члены правления ожидают, Марфа Рубцова и Дуня Сорокина. Как бы их пропустить сюда?

— Да что у меня тут — контора колхоза?

— Дело есть к вам.

— Какое дело?.. Ну пусть зайдут.

В блиндаж вошли две женщины: одна — лет пятидесяти, с сухим, строгим, в глубоких морщинах лицом, чернобровая; другая — лет двадцати пяти, круглолицая кареглазая блондинка, статная, с сильными, налитыми плечами. Обе, видно, принарядились в лучшее, что осталось у них: старшая — в белых носочках и тапочках, молодая — в поношенных, больших, не по ноге, грубых сапогах, но в шелковой блузке, с бусами, чуть подкрасила губы. На блузке у нее под платком, накинутым на плечи, Дорохин заметил орден Трудового Красного Знамени...

— Это Евдокия Петровна, — представил Харитон Акимыч молодую. — Бывшая доярка, трехтысячница. Между прочим — невеста. Перебирала до войны женихами — тот работящий, да некрасивый; тот красивый, да неласковый. Когда мы ее теперь выдадим замуж? А это старый член правления, и до войны была в правлении — Марфа Ивановна.

— Здравствуйте, — пожал им руки Дорохин. — Садитесь.

Встал, уступив им место на своем ложе, вырезанном из земли, присыпанном травою и застланном плащ-палаткой и шинелью. Женщины чинно сели.

— Ну, девчата, просите лейтенанта! — сказал Харитон Акимыч, тряся головой. — Да получше просите, пожалостливее!

— О чем? Чем я вам могу помочь?..

— Ты не говорил, что ли, Акимыч? — спросила старшая.

— Нет. Рассказывайте вы, по порядку.

Помолчали.

— Трактор бы нам надо, товарищ лейтенант, — начала Дуня.

— А еще что? Молотилку, комбайн? — рассмеялся Дорохин. — Вон у артиллеристов тягачи стоят без дела. Попросите — может, вспашут вам гектаров сотню. Только вряд ли вспашут. Кто же разрешит им расходовать боевое горючее?

— Нет, нам не так, чтобы на время. Нам надо трактор насовсем.

— Насовсем? Ишь ты! Ну, обратитесь к командиру дивизии, к командарму — может быть, выделят вам из трофейных тягачей. А у меня в роте какие же трактора?

— Мы тебе, Дуня,— сказал старшина Юрченко,— можем жениха хорошего выделить. Прикажет товарищ лейтенант, построю роту — выбирай любого. Только опять же не насовсем — пока здесь стоим.

— Погодите, товарищи, не смейтесь, — сказала Марфа Ивановна.— Дело серьезное. Трактор есть. Надо его вытащить.

— Трактор есть, — подтвердил Головенко.

— Откуда вытащить?

— Из речки,— сказал Харитон Акимыч.— В речке трактор, в Миусе. Утопили.

— Вот он знает место,— указала Дуня на Головенко,— где утопили.

— Знаю... Значит, товарищ лейтенант, дело было так. Когда угоняли трактора, один был не на ходу. Какая-то ерундовая неисправность, чего-то не хватало, я уж не помню чего, — в коробке скоростей какой-то шестеренки, что ли. Не то чтобы совсем утильсырье. Трактор этот я знаю. Из нашей бригады. Хороший трактор, но не ходовой. А тут горячка: «Давай, давай!» Ну, куда же давай? Зацепили его тросом, с того берега на другой, и утопили в Миусе. Магнето, динамку, конечно, сняли. Еще кое-что сняли по мелочи. Ну это мы найдем...

— Где «найдем»?

— У меня есть.

— Натаскал?

— Натаскал... Вернулся домой, пошел на усадьбу МТС, по мастерским прошел — там чего только нет! Бросили впопыхах. Смазал солидолом, уложил в ящики, закопал в землю... Спекулировать собирался, думаете? Нет. Кабы для себя — держал бы в секрете...

— Не знаю, как насчет железа,— сказал Харитон Акимыч,— а вот дерево, товарищ лейтенант,— сто лет пролежит в воде, и гниль его не берет! Отчего оно так получается? Только чтоб уж совсем было в воде. А если на земле, на воздухе и в мокроте — быстро сгниет.

— Так вы чего от меня хотите? — спросил Дорохин.— Чтобы я вам трактор вытащил? Чем?

— Вы же сами сказали про ваших пушкарей, что у них тягачи стоят без дела.

— У них — не у меня.

— Ох, какой вы! — вспыхнула Дуня.— «Не мое дело! Обратитесь к такому-то...» Нам без трактора никак не обернуться. Не посеем — жить нечем. Он же здесь, в этом хуторе, стоял, здесь его и утопили. Это место как раз перед вашими окопами, потому и пришли к вам. Если б захотели помочь... Вы свои люди тут в дивизии. Вам скорее тот командир даст тягача!

— Товарищ лейтенант! — сказал Харитон Акимыч. — Вы не обижайтесь на Евдокию Петровну. Она у нас немножко нервенная. Ее за орден при немцах три раза в гестапо таскали...

— Вот я расскажу, товарищ лейтенант, как у нас работа идет, — встала Марфа Ивановна. — Акимыч говорил, вы из хлеборобов, поймете. Двенадцать коров у нас работают. По две пары в плужок запрягаем — три плуга. И две лошади — сеялку тягают. А еще ж надо заборонить. Три гектара в день вспахать, засеять — больше мы не в силах, как ни крутись! За две недели сорок гектаров посеяли, Ну, еще сорок посеем. Что это для колхоза?..

— Вряд ли и трактор вас выручит. Неизвестно еще, в каком он состоянии. Может, придется его ремонтировать.

— Отремонтируем, — сказал Головенко.

— Когда? Вам же он нужен сейчас, к севу.

— Ничего! — сказал Харитон Акимыч.— Пусть даже до конца апреля провожжается он с ремонтом. Май — самое лучшее время по нашей местности просо сеять. Пшеницы-то на семена у нас уже почти и нет. А просо есть, соберем у колхозников. Его немного требуется. Широкорядным — пять килограммов на гектар хватит. Набузуем побольше проса — тоже хлеб. С пшенной кашей не пропадешь!

— А горючее?..

— Вот уж насчет горючего дойдем до самого командира дивизии! Неужели не пожертвует нам на хозяйство хоть сколько-нибудь горючего?..

— Я две бочки автола на усадьбе МТС закопал, — сказал Головенко.

Дорохин притушил папиросу.

— Где же вы его утопили? Ну, пойдемте, покажите.

Все вышли по ступенькам из глубокого блиндажа на

воздух, выбрались из окопа, прилегли на бруствере. Была темная, звездная ночь.

— Вон там, — протянул руку Головенко.

Под кручей, на равнине, невдалеке смутно поблескивало чистое плесо неширокого извилистого Миуса, в берегах заросшего камышом.

— Там был мост. По мосту его отбуксировали на ту сторону, а потом отсюда, на тросах, тремя машинами затянули до половины речки...

— Какой там грунт? — спросил Дорохин.

— Грунт — ил, местами песок, — ответил Харитон Акимыч. — Мягкий грунт.

— Я прошлым летом, при немцах, купался там, — сказал Головенко.— Нарочно полез, чтобы пощупать, как он стоит. Засосало по брюхо. Но можно выручить. Подрыть под передком, завести бревна, набросать камней.

— Тремя машинами, говоришь, затянули? Колесниками?

— Да. И этот, что утопили,— колесный. Сэтээз.

— Ну, теперь не меньше трех гусеничных надо, чтобы вытащить!..

Все долго молчали, глядя в ночную даль. С противоположных высот изредка взлетали в воздух ракеты. Трассирующие пули, бесцельно, от скуки пускаемые вверх часовыми в немецких окопах, бороздили небо в разных направлениях, будто звезды, сорвавшись с места, убегали друг от дружки в какой-то игре. С луга тянуло сыростью, холодком. В расположении соседнего слева батальона, занимавшего оборону по линии железной дороги, в посадке щелкали соловьи.

— Птицам божьим что война, что не война, они свое дело делают,— заметил Харитон Акимыч.

Дуня лежала рядом с Дорохиным, касаясь его локтем, кусала сорванную на бруствере травинку.

— Но дело не в том, что тяжело тащить,— сказал Дорохин.— И три тягача можно попросить... А вы так простудитесь, Евдокия Петровна. Земля холодная.

Девушка приподнялась на колени...

— И так не годится. Видите, постреливают. Вот эти огоньки, что прямо вверх чуть поднимутся и будто на месте замрут,— это сюда.

Дуня спустилась в окоп.

— Обдумано все правильно. Можно и подкопать, и

камней набросать. Одного только вы, товарищи, не учли. Немцы-то где?

— Так немцы — вот они. Ракеты пущают,— ответил Харитон Акимыч.

— Слышно им будет, если мы подгоним тягачи к самой речке?

— Еще как слышно! Вон у них кто-то железом цокает — нам же слышно.

— То-то и оно! Старый солдат, а тоже не сообразил!

— Да я уж сам поглядываю, товарищ лейтенант... Не выйдет наше дело.

— Они же подумают — танки идут! Такого огонька всыпят! Командир артполка не даст тягачи. Да я и просить не стану. Глупо просить. И командир дивизии не разрешит. Это же целая боевая операция. Надо ставить артиллерии задачу на прикрытие. Что вы, товарищи! Бросьте об этом и думать.

— А если зацепить его тросом в воде,— сказала Дуня,— а другой конец вывести подальше, туда аж?..— махнула она рукой.

— Куда — подальше? Километра за три?

Все засмеялись невесело.

— Распроклятый Гитлер, навязался, собака, на нашу голову! — вздохнула Марфа Ивановна.— Разорил, загубил все. Начинай сызнова. Да какое сызнова! Когда сходились в колхоз — ведь у людей были лошади, инвентарь,— свели, снесли в кучу, с того и начали. А теперь — ничего нет! Ни брички, ни хомута, ни ярма.

— Нет, на этого утопленника пока не рассчитывайте. Надо искать вам другой выход.

— Выход один. Чтоб больше пахать, надо коней из сеялки выпрячь. Чтоб больше посеять, надо пахоту остановить. Как ни мудри — ничего не получается. Вот еще поставим всех, кто не занят на плугах, лопатами копать землю. Ну, извиняйте, товарищ лейтенант, что побеспокоили. Девчата! Кузьма!..

— Погодите. Чтоб Евдокия Петровна не считала меня бюрократом бездушным, я вас чаем напою. Никитин! — окликнул Дорохин ординарца.— Собери-ка там на стол.

Долго сидели гости у Дорохина в блиндаже за «столом» — кубом, вырезанным из земли посреди блиндажа, застланным вместо скатерти чистой простыней,— ели консервы, поджаренное сало, пили чай с галетами, вспомина-

ли, каким был их колхоз в хуторе Южном до войны. Старшина поиграл на баяне...

Долго не спал после ухода гостей Дорохин. Прошел по окопам, проверил посты во всех взводах, вернулся, прилег, а заснуть не мог. Вспомнилась Кубань, бригада, трактористы, с которыми работал много лет. Разбросала война всех неведомо куда. Ни от одного не получил на фронте письма. Да и как они могли ему написать? Они не знали, где он, так же как и он не знал их адреса. Их станица освобождена, как и эти села на Миусе, лишь в феврале... Долго, не смыкая глаз, думал о Галине. Где она? Что с нею? Где была при немцах? Как пережила лихое время? Пережила ли?..

На свое письмо, посланное в станицу в правление колхоза, он еще не получил ответа. Галине не писал. Почему? Хотелось сначала узнать от других, что она жива и ждет его...

Случилось так, что дня через два Дорохин сам послал связного на полевой стан колхоза «Заря счастья» за Харитоном Акимычем и трактористом.

В роту Дорохина приходил заместитель командира батальона по политчасти и сказал ему между прочим:

— Сегодня, лейтенант, будешь спать под музыку. Где-то какую-то важную высотку хотят отбить у немцев. Воевать будут ночью. Танки пойдут туда. А шум поднимут по всему фронту дивизии — чтоб сбить немцев с толку. Артполк выставит тягачи на передовую. У тебя, у Левченки, у Нестерова будут шуметь. Готовьтесь, в общем. Достанется и вам на чужом пиру похмелье!..

Дорохин послал связного за председателем колхоза, а старшине приказал:

— Сходи, Юрченко, в артдивизион, попроси от моего имени капитана: пусть эти ребята, что будут здесь ночью демонстрировать танковую атаку, захватят буксирные тросы. Скажи — для чего. Слышал, о чем просили нас люди?

— Слышал. Достану тросы, товарищ лейтенант! — откозырял старшина.— Для Дуни — постараемся!

— Глупости говоришь! Дуня тут ни при чем.

— Так я не про вас. Про себя говорю — постараюсь для Дуни.

— А, про себя!.. Ну, старайся...

Харитон Акимыч пришел уже в сумерки с бородатым Головенко, с Марфой Ивановной и Дуней.

— Попробуем вытащить ваш трактор,— сказал им Дорохин.— Приготовьте что нужно — камни, бревна. Вот старшина дает вам в помощь двух бойцов. Тягачи придут с полуночи. А женщин я не звал. Вам тут делать нечего. Тут будет жарко! Предупреждаю, товарищи колхозники, работать будете под огнем!

— Это что ж такое случилось? — спросил старик.— Третьего дни сами сомневались — нельзя, а нынче можно стало?

— Нельзя было, а нынче можно, вот и все, что могу вам сказать.

— Да нам-то и не к чему знать. Нам свое дело справить. Ну что ж, спасибо, товарищ лейтенант! Кузьма! Ту каменную загату разберем, что ли?

— А чем подвезете камень?

— Чем подвезем?..

— Забыл сказать связному, чтоб вы с подводой прибыли. Наши лошади в хозвзводе... А вот женщины пойдут к вам в хозяйство, пусть пришлют оттуда ваших лошадей. Идите домой. Этой ночью не разрешаю вам тут болтаться. До свиданья! Желаю успеха. Юрченко, командуй!

Отпустив людей, Дорохин засветил каганец, прилег, стал читать газету и заснул. Выдалось несколько тихих часов — никто не звонил из батальона и штаба полка, не тормошили связные... Проснулся он поздно ночью. Глянул на часы, покурил. Вышел из блиндажа, посмотрел туда, где в темноте чуть поблескивало на изгибе чистое плесо Миуса. Не видно и не слышно было ничего. Оставив в своем блиндаже за себя командира первого взвода, Дорохин вылез из окопа, пошел лугом к речке.

— Хорошо работаете,— сказал он старшине, столкнувшись с ним нос к носу у берега.— В окопах ничего не слышно.

В речке бесшумно возились дед, Головенко и один боец. Другой боец подавал им камни с берега.

— Ну, что там? — спросил Дорохин, подойдя к воде.

— Н-ничего,— дрожащим шепотом ответил старик.— Самое глубокое место вымостили... Т-теперь легче п-пойдет... П-после такого купанья, п-по сто грамм бы, а то п-пропадешь...

Головенко исчез вдруг под водой, но тотчас же вынырнул, забарахтался.

— Тш-ш! Что ты? Хватай за руку!

— Яма, черт!

— Т-тонуть будешь — все одно не шуми. Н-нельзя!

Головенко выбрался на берег, голый, стал прыгать — одна нога по колено на деревяшке,— размахивать руками, согреваясь.

— Заколел!

— С н-непривычки,— отозвался Харитон Акимыч.— Н-не рыбак. А я, б-бывало, чуть лед сойдет, в-верши ставлю...

— Хорошо стоит, товарищ лейтенант. Не дюже засосало. Если с места сорвем — пойдет!

В стороне еще кто-то маячил. Дорохин пригнулся, увидел на фоне звездного неба женскую фигуру, подошел:

— Это кто? Дуня? Зачем вы здесь?

— Я на лошадях приехала, за ездового.

— Где же ваша повозка?

— В хуторе. Товарищ старшина забраковал — скрипит, стучит. Носилками носят камень.

— Я им еще четырех бойцов дал, товарищ лейтенант,— сказал старшина.

— Не нужна повозка? Ну и вам тут делать нечего... Ну, какого черта стоите? — чуть не в полный голос выругался Дорохин.— Думаете, мы такими уж бесчувственными стали на войне, что нам и девушку в братской могиле похоронить ничего не стоит?..

Дуня отошла.

— Погодите. Я вас проведу через окопы. Ну, работайте,— обернулся к старшине,— да скорее кончайте. В ноль пятнадцать всех лишних — назад в окопы! Тягачи я встречу в хуторе сам, укажу им проход...

Старшина, сняв пилотку, скребя затылок, долго глядел в ту сторону, где скрылись в темноте Дорохин и Дуня.

— Товарищ лейтенант! А может, я пойду тягачи встречать? — сказал он негромко, сделав несколько шагов вслед им. Но Дорохин уже не мог его услышать.

От луговой сырости, от молодой травы, от раннего апрельского первоцветья воздух был душный, пряный, хмельной. В камышах у берегов Миуса крякали дикие утки. Испуганно попискивали встревоженные выдрой кулички. На плесе била щука. В хуторе, в садах, заливались соловьи.

...Лошади были привязаны вожжами к сломанному сухому дереву на улице. Снарядом срезало начисто вер-

хушку, остался только ствол, голый, без сучьев. Уставшие за день работы в борозде лошади, понурившись, дремали. То у той, то у другой вдруг подкашивалась нога в колене и морда чуть не касалась губами земли. В хуторе было тихо, безлюдно. Во дворах чернели развалины хат. Кое-где среди развалин торчали, как памятники на кладбище, уцелевшие дымоходы на печах. Сады цвели.

Дорохин с трудом распутал вожжи:

— Каким-то бабьим узлом завязано...

— Да это им тут не стоялось без меня, рвались, запутали.

— Куда им рваться!.. Ну, поедешь домой?

Подсадил девушку в повозку. Кинул ей конец вожжей, зашел наперед, поправил уздечку, выдернул у одной лошади из челки репей. Держась за грядку, пошел рядом. Лошади шли шагом.

За хутором, на развилке двух дорог,— одна дорога была широкая, накатанная, по ней ночами подвозили боеприпасы и продукты на передовую, другая узенькая, проселочная,— Дуня придержала лошадей:

— Мне домой — направо. Вот по этой дорожке, в балку. Домой... Когда мы теперь наш хутор отстроим?.. Харитон Акимыч говорил: у вас на Кубани нет ни матери, ни жены. Вы ему рассказывали. Вам же все равно. Приезжайте после войны к нам жить, товарищ лейтенант!

— У меня на Кубани невеста...

— Невеста? — Шевельнула вожжами, лошади пошли.— Ждет вас?

— Не знаю. Писем не получал... Этот серый сейчас захромал или это у него давно?

— Раненный был в ногу. Зажило, а хромает. Теперь так и останется.

Дорохин на ходу свернул папиросу, закурил.

— Куда же это вы решили меня проводить? До самой каменоломни? — спросила Дуня.

— Вон до того белого куста.

— То — слива, дичка. Кто-то семечко уронил, выросла. Цветет одна, при дороге... А я мечтала: вот бы хорошо, если бы вы у нас остались! Вы нас от немцев освободили, вам тут и жить! Мы бы вас уважали, дом хороший вам построили бы!

— Наше солдатское дело такое, Дуня,— далеко наперед нельзя загадывать. Не знаем, что с нами завтра будет, кто из нас до конца войны доживет...

— А приехали бы?

— Вот что дома — не знаю. Не пишут мне... Нет, все равно не приеду. Там старые друзья, кто-нибудь вернется же...

У белой, в цвету, будто обсыпанной снегом, сливы-дички Дуня остановила лошадей:

— Киньте цигарку!

Дорохин в две глубокие затяжки докурил папиросу, кинул.

Взяв вожжи в правую руку, Дуня склонилась через грядку, сильно, до боли, обняла левой рукой Дорохина за шею, жарко поцеловала в губы... Дорохин чуть не задохнулся не выпущенным из легких дымом... Засмеялась, хотела сразу — по лошадям и удрать. Но не тут-то было. Обшлаг рукава кофточки зацепился на плече Дорохина за пряжку ремня планшетки.

— Ой! — смущенно, тихо вскрикнула Дуня.

Пришлось еще склониться к нему, чтобы отцепить рукав. И еще раз поцеловала его.

— Кубань далеко! Не обидится ваша невеста. Не увидит!

Привстала на колени, дернула вожжами, свистнула. Лошади тронули шагом.

— На моих рысаках не ускачешь.

Опять засмеялась, хлестнула кнутом. Рослые, худые одры раскачались, побежали крупной верблюжьей рысью. Повозка загремела по каменистому дну балки...

Дорохин покрутил головой, пробормотал ошалело: «Ну и ну!», поднял с земли пилотку и не успевший погаснуть окурок, жадно, обжигая пальцы, затянулся. Стоял на дороге, пока светлое пятнышко Дуниной кофточки не исчезло в темноте. Повторил, улыбаясь: «Ну и ну!», и побрел назад в хутор, оглядываясь и прислушиваясь к цокоту колес в балке...

Когда тягачи подошли к берегу Миуса — уже гудело по всему фронту. Немецкие батареи били беглым огнем, вспышки орудийных выстрелов по ту сторону луга за бугром полыхали, как зарницы. Немцы били пока что не по хутору Южному, а вправо, по селу Теплому,— видимо, там почудилось им наибольшее скопление танков.

Дорохин, посвечивая фонариком, указывал дорогу:

— Держи за мною!

Отвел один тягач подальше от берега, вторую и третью машины развернул в затылок первой.

— Это ж кого мы будем на хозяйство становить? — спросил один водитель тягача.— Кто здесь старший?

— Вот председатель колхоза,— указал Дорохин на Харитона Акимыча.

Старик был уже на берегу, оделся. В воде возился один Головенко.

— Этот дед?.. Магарыч будет, председатель?

— Понимаешь, товарищ, какое положение — гастроном еще не открыли у нас в хуторе. Со дня на день ожидаем — доштукатурят потолки, люстры повесят, прилавки покрасят, навезут коньяку, шампанского...

— Я не про сегодня спрашиваю. После войны приедем — угостишь?

— Об чем вопрос! Пир горой закатим!

Водители сцепили машины кусками стального плетеного троса.

— Как там — пройдет вдвое? — спросил Дорохин Головенко.

— Пройдет... Давайте конец,— отозвался замерзающий в реке голый тракторист.

— Держи!

— Пробуем, что ли, товарищ лейтенант? — спросил, усаживаясь на место, водитель головной машины.— Нам тут долго нельзя маячить. Приказано курсировать туда-сюда.

— Пробуйте. Бородач, завязал?

Головенко пускал пузыри, нырял:

— Ух, глубоко! Киньте мне болт с гайкой. Тут петля, на болт возьму...

— Я вылез, товарищ лейтенант, — сказал Харитон Акимыч.— Невтерпеж! Ему все же не так холодно — у него одна нога деревянная.

— Эй, браток, довольно тебе нырять! Трогаем? А?

— Все... Готово!

Харитон Акимыч перекрестился:

— Господи благослови!

— А ты, дед, сказывается, религиозный,— сказал Дорохин.

— Какое религиозный! Десять лет не говел. Так, прибегаю изредка.

Моторы взревели.

— Кузьма! — закричал Харитон Акимыч. — Греби прочь! Трактор вытащим — тракториста задавим!

Видно, все же крепко засосало речным илом за полтора года «утопленника» — три гусеничных шестидесятисильных тягача буксовали на месте, трос натянулся, как струна, а груз в воде не подавался.

— Стой! — закричал Дорохин.— Так не пойдет. Недружно берете. Давайте по сигналу, на фонарик, разом! Смотрите все сюда. Зеленый свет: «Приготовились!», красный: «Взяли!»

Сто восемьдесят лошадиных сил рванули разом. Что-то тронулось, забурлило в воде.

— Идет! Давай, давай!..

Моторы ревели на полном газу. Тягачи буксовали... Лопнул трос... В хуторе, в садах, разорвался первый снаряд, пущенный немцами в эту сторону.

— Перелет... Ныряй, Кузьма! — сказал Дорохин.— Вчетверо пройдет?

— Пройдет,— содрогаясь всем телом, полез в воду Головенко.— Надо было сразу вчетверо...

Второй, третий снаряды легли на лугу, но в стороне, влево, метрах в двухстах.

— Вслепую бьет, наугад,— сказал старшина.— Не видит нас.

Бух!.. Снаряд упал в реку, разорвался, взметнул большой столб воды и грязи. Головенко нырнул, долго не показывался на поверхности.

— Эй, дядя! — закричал ему один водитель.— Ты не ныряй, когда в воду снаряд упадет. Оглушит тебя, как сома!

— Не обращай внимания! — крикнул Дорохин.— Это они воду подогревают, чтоб тебе теплее было. Крепи получше! Все? По местам! Приготовились! — Переключил глазок фонарика на красный свет.— Взяли!..

Из взбаламученной, черной, чуть поблескивавшей рябью при вспышках ракет воды показались сначала труба воздухоочистителя, потом радиатор и топливный бак, облепленные водорослями.

— Идет, идет!..

Трактор выполз на берег, весь в тине, водорослях — чудо морское.

— Вытащили голубчика! — закричал Харитон Акимыч.

— Вытащили! — прыгал на деревяшке вокруг тракто-

ра Головенко.— Я боялся — порвем ось или кронштейн. Нет, не порвали!..

Дорохин шел рядом с влекомым на буксире трактором, не обращая внимания на комья грязи, срывавшиеся с колес, щупал его мокрые, облепленные тиной бока, обрывал с них водоросли. Хотел что-то крикнуть подбежавшему Харитону Акимычу — сорвался голос. Молча потрепал старика за плечо...

Немецкие наблюдатели скорректировали огонь по шуму моторов. Снаряды и мины стали ложиться ближе. Одна мина с коротким резким противным свистом шлепнулась в грязь метрах в пяти. Дорохин упал на землю, увлекая за собой старика... Мина не разорвалась.

— Все же есть у них на заводах сознательные рабочие,— сказал, поднимаясь, тряся головой, Харитон Акимыч.— Третья мина не рвется, подсчитываю.

— Тут на лугу грунт мягкий.

Тягачи остановились. Водитель головной машины подбежал к Дорохину.

— Товарищ лейтенант! Отцепляю две машины!

— Отцепляй. Один потянет трактор к ним в колхоз, а вы уходите с этого места. Довольно! Раздразнили теперь их на всю ночь!

— Спасибо вам, товарищи бойцы! — кланялся, сняв шапку, Харитон Акимыч.— Спасибо, родные!

— Магарыч за тобою, дед, не забудь!

На всем пространстве между рекой и окопами рвались снаряды. Слева, по лугу, к ним двигалась сплошная стена разрывов.

— Вот тут-то они нас и накроют!

Водитель оставшегося тягача спрыгнул с сиденья, распластался на земле.

Трах! Трах! Трах! Трах!

Харитон Акимыч, завалившись на бок в какую-то ямку, мелко, часто крестился.

— Ох, ты ж, твою так, близко положил!..— Одновременно перекрестился.— Ох, ты ж!.. Еще ближе! — Перекрестился.

Трах! Трах!..

Как ни скучно было лежать в эту минуту на открытом месте, пряча голову от осколков за болотными кочками, Дорохин не выдержал, расхохотался:

— Прибегаешь, дед?

И вдруг — сразу утихло. Вероятно, немцы разгадали

уже точное направление танковой атаки. Здесь утихло, зато справа, за селом Теплым, загремело сильнее. Била и наша артиллерия, куда-то вглубь, по немецким тылам. Застучали пулеметы, автоматы.

— Товарищи, не могу идти! — закричал где-то сзади Головенко.

— Тракториста ранило! — поднялся дед. — Кузьма, где ты?..

Старшина подвел под руку прыгающего на одной ноге Головенко.

— Деревяшку отбило...

— Посадите его на тягач,— сказал Дорохин.— По живому не зацепило? Лезь, указывай дорогу водителю.

...В хуторе Дорохин распрощался с Харитоном Акимычем.

— Ну, не будешь больше приставать к нам? Паши, сей, не поминай лихом!

— Какое — лихом! Товарищ лейтенант! Что б я тут, председатель, делал без тягла? А теперь — пойдем жить! Мы вам тут, на этой площади, памятник поставим!

— Вы еще разберитесь, что за трактор, как он там перезимовал в речке. Может, все поржавело.

— Сверху поржавело — очистим. А внутри — его же маслом смазывали... А Дуня, товарищ лейтенант, девка хорошая... Приезжай к нам. В председатели тебя выберем. Передам тебе дела из полы в полу — знаешь, как в старое время лошадей продавали?

— До свиданья, Акимыч! Трактор получил? Получил. Ну, вали домой! И не мешай нам воевать...

Вскоре их дивизию сменили, отвели в тыл, километров за восемьдесят от передовой, в резерв. Там они стояли два месяца, ремонтировались, принимали и обучали пополнение и на Миус уже не вернулись — дивизия влилась в состав другой армии.

Участвовать в июльском большом наступлении Дорохину довелось на другом фронте.

И как бывает у солдат, часто вспоминался ему хутор Южный, мечталось еще заглянуть туда после войны, встретиться со знакомыми, полюбившимися ему людьми, посмотреть, как расцветает жизнь на месте бывших развалин и окопов, найти свой блиндаж где-то в саду между яблонями, посидеть на обвалившемся, заросшем бурьяном

бруствере, выкурить махорочную цигарку, подумать под песни девушек, обрывающих с веток красные яблоки, о прошлых боевых днях... Но много было потом еще хуторов и сел по пути на запад, и каждый освобожденный им клочок земли стал Алексею родным. А когда окончилась война, ему уже было не до того, чтобы объезжать все те места, что проходил он со своими бойцами. Надо было и самому начинать работать, восстанавливать разрушенное войною народное хозяйство, запахивать вчерашние окопы.

1952 г.

ДЕНЬ ТРАКТОРИСТА

В одном районе решили провести «День тракториста».

Кто первый подал эту мысль — неизвестно. Вероятно, однажды, после заседания бюро райкома, на котором поругали какого-то недальновидного, мужиковатого председателя колхоза за плохое отношение к механизаторам, кому-то из районных руководителей пришло в голову: провести бы в районе «День тракториста», чтобы возвеличить фигуру сельского механизатора в глазах общественности! Есть День железнодорожника, День авиации, а трактористов ведь тоже немало в стране, и делают они немало для государства.

Выбрали для праздника одно из воскресений в конце июня — почти свободное от тракторных работ время, междупарье. Задумано все было здорово. Место облюбовали на берегу реки, на лугу, у дубовой рощи. Трактористы — народ степной, привыкший к голубому небу и жаркому солнцу над головой, им приятнее было провести свой праздник на вольном воздухе. Выстроили на лугу нечто вроде театральных подмостков — для президиума собрания и выступления художественной самодеятельности. Сюда же выехали буфеты и ларьки пищеторга. Пригласительные билеты на праздник разослали не только трактористам, комбайнерам, механикам, но и их женам. Приглашены были также председатели колхозов и бригадиры полеводческих бригад.

Но — первый блин комом. Дальше пошло не совсем так, как было задумано. Помешал дождь: как зарядил с ночи — до двенадцати дня не прояснилось, пришлось перейти в районный Дом культуры, где в четырех стенах, перевидавших много всяких других заседаний и конференций, собрание пошло слишком официально; немного оробели и сами организаторы праздника — не попадет ли им за какой-то самовольный, неузаконенный «День тракториста»? — и в своих речах стали называть праздник просто районным слетом механизаторов, что несколько сгладило

необычность этого «мероприятия»; да и много было речей, и длинны были они слишком для такого собрания-гулянья.

Но все же трактористы и комбайнеры вынесли из конференц-зала Дома клуьтуры, где даже потолок вспотел от духоты, главное: что сегодня их день, что ради них играл оркестр, для них выступали артисты, пел детский хор, танцевали девушки-ученицы, что в числе прочих почетных профессий их профессия и они сами — не в поле обсевок.

И самое интересное, как часто бывает в таких случаях, началось уже после «официальной части», благо время для этого еще оставалось. Пока длилось собрание и выступали артисты районной самодеятельности, дождь перестал. Подул ветерок, быстро просохло. Разошлись из Дома культуры в шесть часов — по-летнему еще день. Машины, на которых приехали из колхозов трактористы, ждали их за мостом через Сейм, на поляне у дубовой рощи. Там же, накрыв свои товары клеенками, терпеливо ждали их продавщицы ларьков и буфетов пищеторга... Задымили костры, где-то заиграл баян, запели «Калинушку».

— Где же мы расположимся?

— Да вот под машиной сухое местечко, дождь не промочил. Михаил! Отгони машину дальше, а мы тут постелим брезент.

— Ну, братцы, кажись, дела у нас в районе так поворачиваются, что ежели которого из нас жинка бросила — вернется, в ногах будет валяться: «Миленький, дорогой, прости, забудь, что говорила: керосином от тебя воняет».

— Это почему ж?

— А потому, что на нас теперь особое внимание обращается. Нам почет и уважение. Сказано: первые люди в деревне — мы, механизаторы.

— Да-а... А читали, ребята, в газетах, что на Кубани делается?

— Что?

— Там сейчас проводится эта самая, как ее...

— Комплексная?

— Вот, вот — комплексная механизация.

— Это как же понимать — комплексная?

— Полностью механизируются все работы в сельском хозяйстве. Чтоб не получалось так: убираем хлеб комбайнами, а потом колхозницы вручную веялки крутят, ящиками зерно в машины грузят. Горы зерна, когда его через

веялки пропустишь? Где-то поспешаем, а где-то еще адамова техника осталась, тормозит все дело.

— Стало быть — сортировки от привода, транспортеры? Чтоб и рука человеческая до зерна не касалась?

— Именно так. И в животноводстве все механизируют: подачу кормов, воды, стрижку шерсти. Стога мечут машинами, солому скирдуют машинами.

— Я прошлой осенью видел в Чижовской МТС на испытании трехрядный свеклокомбайн. Вот машинка, ребята!

— Однорядный не пошел у нас.

— Трехрядный, говорю. Новый, усовершенствованный. Хорошо работает! Пропусков почти нет, один человек успеет подобрать в рядках, что осталось. Колхозницы, как узнали, что конструктор приедет на испытание, натаскали ему цветов в подарок — еле в машине увез. Качали его там, в поле.

— Рады были?

— А как же! От самой тяжелой работы освободил их — от копки свеклы.

— Так-то так. От самой тяжелой работы освободил... Но, выходит, и от трудодней освободил?..

— Да, да, товарищи, что ж оно получится? Если и свеклу будем комбайнами убирать, где ж колхознице трудодней заработать?

— Не только жены будут прощения у нас просить за старые обиды. Все колхозницы будут кланяться: «Товарищи трактористы! Дайте же и нам где-нибудь немножко заработать!»

— Конечно! Раз полная механизация — значит, и трудодни по полеводству будут все у трактористов с прицепщиками. Навоз возить? Да мы поделаем такие платформы, зацепишь трактором — сразу двадцать тонн! Наваливать, разбрасывать — опять же машины приспособим. Прошлым летом и солому с жнивья стягивали тракторными волокушами.

— А колхозникам, которые в полеводческих бригадах, останется только воду да горючее подвозить нам на волах по очереди.

Из шуточной завязки разговора возникают большие житейские вопросы.

— А что, ребята,— говорит бригадир,— к тому идет. Я бы на месте нашего правления уже сейчас призадумался: на каких других работах в хозяйстве занять людей?

Верно, ведь годика через три-четыре механизаторы заберут почти все трудодни по полеводству, это как пить дать! Но машины ведь не для того, чтобы всем колхозникам, кроме нас, делать было нечего?.. Ту силу, что освободится, надо чем-то другим занять.

— Чем же ты ее займешь?

— Вот об этом и надо думать. Есть такие отрасли, где без ручного труда никак не обойтись. Сад, например. Трактором не полезешь на дерево яблоки рвать, это ручная работа. Если зимние сорта, для долгого хранения, так и потрясти дерево нельзя, каждое яблочко надо снять с ветки рукою и осторожненько уложить в ящик со стружками. Сколько у нас в «Завете» запланировано на осень садов посадить, кто помнит?

— Пять гектаров, что ли.

— Мало! Сто гектаров надо сажать!

— Ну, это ты загнул, Иван Трофимыч. У нас и земли столько свободной не найдется.

— Все пустыри, лога, крутизны надо фруктовыми деревьями засадить! Пойдем, Никита, по колхозу, и я тебе не сто, а двести гектаров такой земли найду!

— Ну, разве что пустыри...

— И ухода за молодым садом совсем немного требуется. Самая горячая работа в саду — сбор фруктов. А она начнется не сегодня, лет через шесть-семь. В аккурат к тому времени техника в полеводстве так шагнет вперед...

— ...что и Никита уже будет своим трактором из вагончика по радио управлять.

— Зачем из вагончика? Прямо из дому, с кровати. Гляну в телевизор — подходит трактор к краю загона, нажму кнопку — трактор повернет обратно, и я — на другой бок. Поставлю только будильник над ухом, чтоб звонил каждые полчаса.

— На сто гектаров, знаешь, Иван Трофимыч, сколько саженцев нужно? Десять тысяч штук. Рубля по три за дерево — на тридцать тысяч рублей.

— Свой питомник надо заложить. Через два года будут саженцы. А специалист в колхозе есть. Наш горючевоз, Назар Матвеич. Он же садовник.

— Назар Матвеич? Может! Видели, какой у него сад на усадьбе? Окулировать, глазком там или в прищеп, это он умеет. Подучить его еще маленько на курсах.

— Нет, верно, ребята, придет время, и не за горами уж оно, колхозным полеводческим бригадам нечего будет

делать на поле. Или, точнее сказать, где работало сто человек, там десять управятся. А тем, которых сократили, только и останется подсобные отрасли развивать. Какое хозяйство можно построить!.. И надо бы уже сейчас за это приниматься, не терять ни одного дня! Есть и виноград такого сорта, что будет расти в нашей местности. Кто бы отказался получить такой бочоночек вина на трудодни, как у нас с автолом стоит? Ягодники надо разбить. Гектаров пять клубники под хороший урожай — мешок денег! Огородов побольше, овощей всяких. Животноводство можно раза в два против нынешнего увеличить. Есть же колхозы, где по тридцать рублей чистоганом, кроме всего прочего, дают людям на трудодень? Это там, где руководители вперед глядели!.. Давайте, товарищи, как будет общее собрание в колхозе, поставим этот вопрос от имени трактористов. Пусть-ка правление пересмотрит свои планы по подсобным отраслям. Мизерные у нас планы. Смелее можно замахиваться! Одно дело — использовать машину, выжать из техники все до дна. Это наше дело, механизаторов, мы за это отвечаем. А другое дело — уметь использовать и ту выгоду, что дает машина в большом хозяйстве. Машина тебе руки развязывает в полеводстве? — так сажай этими руками сады, строй новые фермы, плотины, пруды, разводи в прудах рыбу!..

К увлекшемуся бригадиру неслышно подошли сзади, от реки, два тракториста, мокрые по шею, с бреднем и мешком, высыпали из мешка через плечо бригадира на траву десятка два крупных живых, трепещущих карпов, карасей, линей. Рыбаков и их добычу приветствовали радостными возгласами.

— Вот такой рыбки развести бы у нас в колхозе! Да, Иван Трофимыч? — сказал один из подошедших.

— Рыбка-то хороша, но это что ж выходит, друзья, вы и на собрании не были?

— Нет, товарищ бригадир, на собрании мы сидели до конца, все речи прослушали, а как начался концерт — пошли с Петром потянуть бреденек. Мы с ним еще из дому наметили — наловить рыбки на ушицу.

— Если б такая речка, Иван Трофимыч, да в нашем колхозе «Заветы Ленина», да возле речки стать вагоном — каждый день кормили бы с Семеном рыбой бригаду.

— Ну что ж... Ножи есть? Давайте чистить. Вот в этой цибарке сварим. Сушняку надо бы еще для костра.

— Иван Трофимыч! А может, пока уха сварится — пропустим по одной, под огурчики? Рыбакам надо после купанья согреться... Ребята! У кого хороший глазомер?

— У Никиты. Лучше его никто не отобьет загонку, по прямолинейности.

— Разливай, Никита Харитонович. Смотри не ошибись. Посуда, видишь, какая неравномерная... Как в аптеке! Ну, за наш праздник, за «День тракториста»! И за тех товарищей, кто его выдумал!..

— Я, товарищи, так соображаю насчет механизации,— начал, крякнув, после небольшой паузы один тракторист, все время молчавший.— С нас директор МТС и правление колхоза спрашивают выработку, качество? Спрашивают. Законно спрашивают, так и должно быть. И мы можем спросить правление колхоза: куда деваете нашу механизацию?

— Как? Что говоришь? А куда ж они её денут? Механизацию в карман не спрячешь.

— А так! Скажем, в прошлом году механизация была на семьдесят процентов, а нынче — на восемьдесят. Куда девали эти десять процентов? Сделали что-нибудь полезное для хозяйства? Или — на распыл пошло? Волы паслись, люди на базаре торговали?

— Правильно, Митя! Долго молчал, а дело надумал! Именно так и нужно спросить их, хозяев: куда деваете нашу механизацию?

Хохот, аплодисменты...

Одна бригада приехала на праздник в полном составе: с кухаркой, водовозом, со своими продуктами, посудой для варки пищи и даже столами и скамейками, прихваченными с полевого стана. Расположились они возле автомашины, привезшей их, воткнули в землю две железные рогатины, подрыли под ними ямку для котла; кухарка, поджав ноги, уселась на траве и стала чистить картошку. Отличие от полевой обстановки было лишь в том, что трактористы приоделись и присутствовали их жены, которых на бригадном стане обычно в таком сборе не увидишь. Но не все жены присутствовали. По этому поводу было немало шуток и зубоскальства.

— Степан! Почему твоя Маринка не приехала на «День тракториста»?

— Нездорова...

— Перепугалась, должно быть, когда ей пригласительный билет принесли: «Марине Кондратьевне Пересухиной. Райком и райсовет приглашают вас...»

— Чего же пугаться?

— Да кто его знает, зачем приглашают жен трактористов? То ли по сто грамм поднесут, то ли постыдят принародно за то, что плохо работают в колхозе?

— Да, девчата, нынче вам обошлось, а в будущем году, сказал секретарь райкома, обязательно упомянет в докладе тех жен механизаторов, что заделались начальницами, в колхозной работе не участвуют, на мужнины трудодни надеются.

Женщины протестуют. Завязывается горячий спор — кто виноват в том, что жены механизаторов мало участвуют в колхозной работе, не сами ли мужья? Кто запретил Маринке ходить на свеклу? Сам Степан. Прокормлю, мол, тебя с детишками своими трудоднями, мне в доме нужна помощница, а не в поле, чтоб уют мне создавала, когда приду на день отдохнуть.

— А что ж, и запретил,— оправдывается Степан.— Разве ж это жизнь? Прибежишь с поля — Маринки нету дома, где-то аж за Бугровыми хуторами свеклу шаруют, там и ночевать остаются, на бригадном стане. Маринка отпросится домой — я на работе. У нас с нею получалось, как у тех деда с бабкой: дедушка на печь — бабушка до бражки, бабушка на печь — дедушка по дрова.

— А ты возьми ее в прицепщицы, вот и будете неразлучны днем и ночью.

— В прицепщицы?.. Да нет, это тоже не годится... Чтоб целый день за твоей спиной, глаз с тебя не спускала?..

Когда усаживались за столы, один из трактористов этой бригады, рослый, плечистый, красивый парень лет тридцати трех, скрылся в кусты с узлом под мышкой, переоделся там и появился вдруг перед товарищами в костюме официанта московского ресторана первого класса: черная тройка, атласные лацканы, галстук бабочкой, белоснежная салфетка на руке. Его встретили громовым хохотом.

— Чего это ты таким фертом вырядился, Серега?

— Товарищ официант! Пол-литра столичной и два соленых огурца!

— Вспомнил старое.

— Какое старое?

— Так он же был официантом.

Сергей, видимо, хороший актер, комик, без тени улыбки, с серьезным, деловитым лицом обратился к кухарке:

— Лукерья Федоровна! Как у вас дела? Готово? Что будем подавать? Квисо куриное сюпрем с рисом? Соус тертер? Яйцо мирабо? Эскалоп из телятины?

— Погоди,— давясь смехом, ответила кухарка.— Мясо еще не доварилось.

— Придется подождать, товарищи, минут двадцать.

Сергей ушел за машину, где на ящиках и досках устроено было нечто вроде буфета (заведовала им жена бригадира), принес оттуда на подносе, держа его одной рукой выше головы, тарелки с хлебом, ложки, вилки, бутылки, стаканы, лихо, со звоном, ничего не разбив и не опрокинув, опустил поднос на стол, стал раскладывать приборы. Все зачарованно глядели на него.

— Да ты что, брат, в самом деле официантом был?

— Два года.

— Когда?

— После демобилизации. До сорок седьмого года.

— Вот диво! А до войны чем занимался?

— Тем же, чем и сейчас занимаюсь. Работал трактористом в Знаменской МТС Ростовской области.

— Чего ж тебя занесло не в свою борозду?

— Так, бывает...

И пока у кухарки допревало в котлах над костром «квисо куриное сюпрем с рисом», Сергей рассказал — не все, видимо, еще знали эту историю — как его занесло «не в свою борозду» и как вынесло...

— В сорок четвертом году получил я на фронте письмо из колхоза — умерла моя мать. Больше никого родных у меня там нет. Брат погиб под Сталинградом. Подворье наше спалили фашисты... Отслужил родине до полной победы, демобилизовался в немецком городе Швибусе, выправил документы, получил отпускные деньги, а куда ехать? Подвернулся приятель, тоже из демобилизованных, Виктор Дракин, старшина. «Поедем, говорит, со мной в Саратов. Если ты к технике привержен, так в городе же ее больше: на завод поступишь или на курсы шоферов. Какого-нибудь начальника будешь возить — это дело чище, чем в тракторе ковыряться». Подумал-подумал — поехал с ним в Саратов.

На шоферские курсы не было в том месяце набора. Поступать на завод не спешили — это от нас не уйдет.

Отдохнули, погуляли, пока деньги были. Потом поехали путешествовать: «Почем в Киеве синька?» — «А в Тбилиси в мухоморах не нуждаются?» Месяца три этим занимались. И познакомились в поезде с одним начальником по общественному питанию. Угостили его абхазскими персиками, имеретинским вином. Понравились мы ему. Предложил нам ехать в Москву, дал адрес, пообещал устроить официантами в хороший ресторан.

Дракин сразу загорелся: «Это дело! Всю жизнь мечтал о такой работенке!» А он, этот Дракин, кем только не был до войны: и шофером, и фотографом, и парикмахером, и артистом. Я посомневался было насчет квартиры. «О чем, говорит, горюешь, гвардеец! Мало ли в Москве вдов молодых с квартирами?» Ну, в Москву так в Москву. Поехали. Разыскали по адресу этого нашего приятеля в тресте общественного питания, дал он нам направление в ресторан «Арктика»...

— Трудно было привыкать?

— Как сказать... Названия блюд трудно было запомнить. Поначалу эскалопы с эскарпами путал. Кричу на кухню: «Два эскарпа из телятины!» Повара смеются: что за кушанье?

— Эскарп — это противотанковый ров.

— Ну да. А бегать между столиками с подносом — это я быстро освоил. Я конник. Джигитовку делал. Бутылку на голове на полном галопе удерживал. Нас ведь не сразу допустили к работе, обучили сначала на курсах. Как с посетителями обращаться: ежели, например, сидит парочка, то надо даме первой подать прибор, ей же надо и меню показать — выбирайте. А за расчетом подходить к кавалеру. Лекции читали нам про калории, витамины. Опять же, как вежливо пьяного вывести. Учили нас койчему и старые официанты. Вот, к примеру, как произнести такие слова: «У вас, гражданин, графинчик уже опустел? Можно убрать?» Надо так жалостно сказать это слово «опустел», чтоб он еще два графина заказал. Ну, Дракин этот мне всякие советы давал. Если, мол, видишь, что кавалер подвыпил и форсит перед дамой — приписывай смело к счету десятку-две, не будет проверять, посовестится. И прочее такое. Но я, сказать по правде, никогда так не делал. Наоборот. Заметишь — подсел к столику командировочный, может, директор МТС приехал в Москву по делам, в министерстве отчитывался, набегался, скучный сидит, устал. Подходишь и говоришь ему: «Сто грамм, гражданин,

поднесу, а больше, пожалуй, не нужно, как бы под троллейбус не угодили, у нас тут на площади сильное движение». И закуску предлагаешь, какая поплотнее и подешевле. По своему карману рассчитываешь, как если бы сам приехал в Москву с честной зарплатой. Верно говорю, не обманывал, не обсчитывал. На чай брал,— что было, то было...

— И как же ты после «Арктики» в Курской области очутился? Климата не выдержал?

— Не выдержал... Подвели меня растратчики одни. Разная ведь публика ходит в рестораны. Большая неприятность вышла из-за них... Повадилась одна компания за мой столик садиться каждую ночь. Облюбовали уголок за пальмой. По пятьсот — семьсот рублей пропивают втроем за ночь, и подойдешь к ним — только и слышишь: «взял», «дал», «подкинул», «выписал с базы». Жулики какие-то при торговом деле.

Хотя нас и учили на курсах, что официантам не полагается вмешиваться в разговоры за столиками, но я как-то не вытерпел. Заказали они рябчиков жареных, того-сего, напитков всяких и, между прочим, ананасов — компот у нас был консервированный из ананасов. Принес я это все и говорю: «У вас, говорю, получается как по-писаному. Не про вас ли это товарищ Маяковский выразился: ешь ананасы, рябчики жуй?..» — «О, говорят, наш официант, оказывается, Маяковского читает!» И начали меня гонять: «Перемените приборы, вилки селедкой воняют», «А соль почему мокрая? Подай сухую», «Вино не той марки принес! Мы заказывали портвейн сто семнадцать. Чем слушал?» Обидно мне стало: «Подай, перемени!» Ну что же, сам знал, какую выбирал профессию. И для того ли я четыре года воевал, три раза раненный был, чтобы такая нечисть опять плодилась на земле?.. Пошел в буфет, хлопнул с досады двести грамм. Зовет меня опять один из этой банды: «Эй, орел! Поди сюда! Закажи нам три порции блуждающих почек». Я раскрыл карточку, ищу. Другой говорит: «В меню не ищи, это очень редкое блюдо, его делают только по особому заказу. Иди к шеф-повару, закажи». Я понял — разыгрывают. Нагнулся к ним, говорю тихо: «Если желаете попробовать этого редкого блюда, гады этакие, растратчики, вот закроем ресторан, сдам выручку, чтоб мне не при служебных обязанностях быть, выйдем на улицу, и я вам там, без шеф-повара, в одну минуту всем троим сделаю почки блуждающими».

Тут они, конечно, крик подняли, директора вызвали: «Ваш официант грозится нас побить!» Стал я с ними рассчитываться — они меня под шумок накрыли на сто рублей, бутылки из-под шампанского спрятали под стол, я и не включил его в счет, так что в ту ночь я пришел домой совсем пустой, даже буфетчику задолжал. После этого случая меня в том ресторане посетители стали бояться, пальцем показывали: «Вот тот официант, что супником на пьяных замахнулся». А я вовсе и не замахивался. И хотя тех жуликов вскоре посадили,— приходил к нам следователь за справкой: часто ли кутили они у нас? — все же мне за них влетело. Строгий выговор объявил директор в приказе.

Потом еще получилось у меня там разногласие с метрдотелем. Метрдотель — это старший над официантами, наш непосредственный начальник, бригадир.

— Какое разногласие?

— По вопросу международной политики... В наш ресторан часто заходили иностранцы. Может, и хорошие люди, а может, и дрянь какая-нибудь, шпионы, клеветники. Если хорошие люди, тем паче надо с ними держаться просто, по-человечески. А метрдотель такие приказания нам давал: если садится за стол иностранец — бросай все, пусть другие посетители ждут хоть целый час, обслуживай его! Не пустили как-то в зал нашего парня, фронтовика — одет не по форме, в гимнастерке и сапогах; надо, мол, брюки навыпуск и китель. А иностранцы поснимают пиджаки, сидят в подтяжках при дамах, чуть не вовсе растелешатся — и не смей сделать им замечание. Вот я по этому вопросу и выступил на производственном совещании. Говорю: «Может, эти туристы дальше нашего ресторана никуда и не поедут, ни на заводах, ни в колхозах не побывают, значит все ихнее знакомство с советскими людьми через нас, официантов. И поэтому нам нужно с ними держаться вежливо, но без лакейства, чтоб не судили они по нас плохо обо всех наших людях». Выступил с чистой душою, как, бывало, в тракторной бригаде давал всякие рацпредложения, а вышло недовольство. Метрдотель этот стал ко мне придираться: меньше всех у меня выручки, план, мол, не выполняю. И буфетчик взъелся на меня за то, что уличил его как-то в недоливе. В общем, вижу, какая-то ерунда вокруг меня получается. Другим официантам на кухне без очереди заказы отпускают, а я по полчаса жду у окошечка. Не ко двору пришелся. Взял расчет...

6*

Сунулся на завод — что ж, специальности нет. Вижу — на улицах укатывают асфальт катками, машина — тот же трактор. Пошел в контору: «Не нужны вам трактористы?» — «Нет, говорят, набрали уже сполна. В деревне, вероятно, больше спросу на вашего брата...» Но Зося меня предупредила: если поступишь на черную работу и будешь приходить домой в мазуте, ищи себе другую квартиру.

— Какая Зося?

— Хозяйка квартиры. Я ей все чаевые отдавал... На гитаре она хорошо играла. Наденет голубой халатик, как запоет «Рябину» — душу вынимает!..

— Добро, что твоя Уля здесь не присутствует. При ней не стал бы всего говорить.

— Уля знает. Во сне как-то проговорился... Пошатался я недели две без работы, но потом все же этот наш знакомый дал мне еще раз направление в хороший ресторан. Ресторан — при гостинице. И там я встретил одну землячку, старуху...

Проходила в Москве сессия Верховного Совета. Часть депутатов разместили в нашей гостинице. Живут наверху в номерах, обедать и ужинать спускаются к нам в ресторан. Смотрю — села за мой столик женщина в платочке, по виду — работница с фабрики или колхозница. С депутатским значком. Читает меню. Подошел к ней: «Чего вам подать?» Выбрала она что-то из порционных. «Можно, говорю, сделаем. Но чуток подождать придется, минут пятнадцать». Донское словечко сорвалось. Она поглядела на меня. «А ты, парень, не с Дону?» — «С Дону»,— говорю... «Ну, иди заказывай, подожду».

Принес обед, расставляю тарелки. «Тебе, спрашивает, сынок, дюже некогда?» — «А что?» — «Да вот кабы ты мне вечером чаю принес туда, в комнату, шестьсот четырнадцатый номер. Боюсь в лифте спускаться, как пойдет вниз — душа от тела отрывается».— «Это можно»,— говорю. «Нездорова я, говорит, сегодня, не пойду вечером в театр, попью горячего и спать лягу». Поговорили мы немного, спросила она меня: из какой станицы? Про себя рассказала — кто она, откуда. Колхозница, звеньевая.

Стучусь к ней вечером с чаем, а она в номере мебель переставляет по-своему. «Чего ж вы, говорю, горничную не позвали?» — «Да они уж утром тут прибирали. Ничего, я дома, как занедужаю, начинаю стирать либо хату белить — разомнешься, выпьешь на ночь стопочку, оно и полегчает». Стал я чашки с подноса снимать. «Ох, говорит,

земляк, непривычна я, чтоб мне такие казаки на стол собирали. Садись вон на диван, я сама подам, что нужно. Повечеряешь со мной?» Достала из чемодана бутылку терновки, рыбца донского вяленого, сала домашнего. Неудобно отказываться. Сел. Стала она меня расспрашивать: где я был в военные годы — на передовой ли воевал или трофеи собирал, до какого чина дослужился, какие награды имею? Дотошная старуха. Глаза черные, как паслен, и голова черная, ни одного седого волоса, а лет—за шестьдесят. Маленькая, худенькая. У меня мать была такая маленькая, чернявая...

Доложил я ей про свою службу. Чин небольшой, старший сержант, был командиром орудия, награды имею. Гвардеец. Похвалился!.. «Гвардеец! — говорит.— Тебе ли, такому молодцу, чаи тут разносить? Не гвардеец ты, говорит, а дезертир! На кого колхоз свой покинул?» — «Мамаша, говорю, в столицу захотелось. В Москве ведь не грех пожить».— «А при какой такой важной должности состоишь ты здесь в столице, что она без тебя не обойдется?» Что ей ответить? Сам об этом уже двадцать раз думал... Я Москвы, по правде сказать, и не видел. В два часа ночи закрываем ресторан. Кто не доел, не допил — постоишь возле него еще полчаса. Пока отчитаешься, доберешься домой — утро. Соседи на работу идут, а я спать ложусь. Где-то заводы, строительства всякие, люди другие — ничего я этого не видел... «А как же, говорю, мамаша, будет при коммунизме? Не всем же в поле работать. Будут люди кушать в ресторанах, значит кто-то должен и подавать им».— «Не знаю, говорит, сынок, как оно будет, как оно все устроится, но думаю, что такого безобразия не допустят, чтоб слабосильные девчата трактора крутили, а такие бугаи, как ты, вазочки с мороженым носили. Страшно смотреть, как ты берешь их своими ручищами — вот раздавишь! Кто больше сможет, тот больше и сделает — так, по-моему, будет... При коммунизме! Какое слово сказал! Много ли ты для коммунизма делаешь, что берешься о нем рассуждать?..»

И начала мне рассказывать, как разорили фашисты их колхоз и как там люди за три послевоенных года восстановили все, что было до войны; как в первую весну после немцев они одним «Универсалом» и коровьими упряжками засеяли семьдесят процентов довоенной площади; как детишки-подростки две нормы на коровах пахали; как бабы косами косили по полгектара в день. О дру-

гих рассказывает; о себе — ничего. Но мне-то ясно: раз выбрали ее депутатом, значит, она там больше всех потрудилась... Поглядел я на ее руки, маленькие, черные, еще с лета загар не сошел, и на свои глянул — белые, с маникюром... И как представил я — до чего трудно было нашим женщинам в войну, сколько работы они своими слабыми руками переделали, и сейчас еще как им трудно,— таким я сам себе распоследним сукиным сыном показался...

Спрашивает она меня: «Может, ты инвалид?» — «Нет, говорю, ранения имею, но здоровье не потерял». Давай она меня опять костить! «Молодой, здоровый, живое дело в руках — тебе ли здесь околачиваться?» Говорю: «Мамаша! Мне уже и самому это все надоело, как сухой ячмень беззубой кобыле». Пожаловался ей, как иной раз обидно бывает за то, что мало уважения к себе видим от посетителей. «Сами виноваты! — говорит.— Зачем берете на чай, сами себя унижаете? Вот при коммунизме официанты в милицию будут тянуть таких, кто сунет им на чай!» — «При коммунизме, говорю, может и милиции не будет».— «Ну, доживем до него, увидим, как будет. А пока что — строить его нужно».

Рассказал ей про свое сиротство, но и тут она меня пристыдила. «Ты, говорит, матери лишился, пока воевал, а я вот, мать, осталась — три похоронных на сыновей получила. И живу, с людьми... Что ж, тебе колхоз, где ты вырос и столько лет работал,— чужой?»

Вот такую землячку встретил... Еще раза два вечером приходил к ней. Потом закончилась сессия, уехала она домой. Я ее проводил на вокзал, передал привет тихому Дону... И с того времени совсем потерял я покой. Из ресторана этого меня вскорости уволили. Ну, тут уж сам был виноват — несколько раз являлся на работу в нетрезвом виде. Пошел подавать по кафе-закусочным, пивным. А время — к весне. Жил я в Сокольниках. Идешь на рассвете через парк домой — почка набухает на дереве, землей прелой пахнет, город спит, тишина, днем бы не услышал, а в этот час слышишь все: и как ручейки в парке где-то в балочках журчат и гуси пролетят высоко-высоко, спешат с юга в родные края — слышишь... Сны начали меня одолевать. Все вижу: вагончик полевой при дороге, костер, дымок, ребят наших вижу и трактор свой, «СТЗ», колесник, мотор номер 35587. Есть такие номера, которых во всю жизнь не забудешь. Был я в комсомоле — до сих пор

помню номер билета, помню номер боевой винтовки и номер трактора, на котором начинал работать...

Однажды ночью, не заходя домой, прямо с работы, пошел на вокзал, взял билет и поехал. На билет до Ростова не хватило денег, взял до Курска. Вышел из вагона, поглядел вокруг — тоже родная земля. Я же здесь воевал на Курской дуге... Продал на базаре в Курске шубу — была у меня хорошая драповая шуба на меху, купил одежонку попроще, хватило с той шубы и на сапоги, еще и осталось, сел в пригородный и приехал вот сюда, в вашу МТС.

— Вашу, нашу...

— Да теперь уж нашу. Спрашиваю: «Нужны вам трактористы?» — «Нужны!» — говорят. Ну, а дальше что ж вам о своей жизни объяснять? Сами все знаете. И как женился и как хатой обзаводился. С Улей мы знакомы еще с сорок третьего года. Когда в Березовке на дуге оборону держали, я три месяца жил у них в хате со своими батарейцами. А не приехал сюда сразу после демобилизации, во-первых, потому, что она на мои письма не отвечала, а во-вторых, этот Дракин подвернулся: «Поедем, найдем работенку почище!..»

— Так бы и говорил. Не только то, стало быть, потянуло тебя сюда, что на Курской дуге воевал.

— Поехал Серега за дугой, а нашел тут и хомут!

— Затянули парню супонь! Довольно выбрыкивать!

— Уля затянет!..

— А почему ж она на твои письма не отвечала?

— Ну, товарищи, это уж дело наше личное, семейное.

— Не потому ли, что ты и Зиночке Михайловой писал, соседке?

— Вот они небось поделились друг с дружкой радостью, да обе и не стали тебе отвечать.

— Бывали, товарищи, ошибки в жизни, признаю.— Сергей вздохнул, встал, перекинул салфетку через локоть.— Ну что ж — приступим? Лукерья Федеровна! Готово у вас?.. Что прикажете подать на первое? Есть консоме с пашотом, есть рассольник рыбный с фрикадельками, есть суп харчо. Не надо первого? Сразу второе? Рагу из баранины? Есть, подаю. Водочку сами разольете или поухаживать?..

Пылает костер на крутом берегу реки, разгоняет дымом комаров. В гостях у трактористов — председатель кол-

хоза Семен Мокеич Туголуков. Семен Мокеич по-честному хотел принять участие в складчине, совал не раз деньги бригадиру тракторного отряда — его вклад категорически отвергли.

— Сегодня, Мокеич, мы тебя поим-кормим. Но тебе перед нами и ответ держать!

— Это как сказать. Кому — перед кем! — отвечал твердо Семен Мокеич.

— Сегодня наш день. Как восьмого марта, в женский день, мужчина обязан женщине подчиниться, так сегодня — наше первое слово.

— Почему вы, Семен Мокеич, не выступили на собрании, не рассказали, как живете с нами, трактористами, как нам помогаете?

— Я вам, ребята, уже говорил: на прошлой неделе вставил новые зубы, не обработалось еще во рту, не могу выступать.

— Язык зацепляется за зубы?

— Не выговорите слово «механизация»?

— Вместо «механизация» получится — махинизация.

— А что! Так оно у вас подчас и выходит — махинизация. Жалко, что нет здесь вашего директора, я б ему так и высказал! Черные пары, нужно и не нужно, культивируете по пять раз, эта работенка вам нравится, тут нетрудно нагнать гектары в переводе на мягкую пахоту. А доходит дело до зяби — у вас уже и планы перевыполнены, и горючее израсходовано, лимитов нет. Это что — не махинация? Гремит МТС на всю область — передовая! Самая высокая выработка на трактор! Очковтирательство, а не выработка!

— Это не от нас исходит, Мокеич. У директора свои расчеты, он за перевыполнение мягких гектаров премии получает. А мы простые люди. Ты с нами поговори.

— Простые! А вам за что трудодни пишут! Не за выработку! У вас тоже своя прогрессивка. Если нам правительство приказывает: сочетать технику с живым тяглом, так нужно делать это с толком. Пары прокультивировать — это мы сможем и на лошадях, не поспешайте поперед батька в пекло! Вы нам зябь пашите, вот! Это потруднее. Под свеклу пашите, на тридцать сантиметров, у нас для такой пахоты и конных плугов нет. Доколе это безобразие будет продолжаться? Каждый год половина площади остается под весновспашку!

— Мокеич! Есть и наша вина, не отрицаем, но вам же сказали уже: сегодня наш день.

— А ежели ваш день, так что — богу молиться на вас?

— Молиться не надо, а все-таки объясни ты, Семен Мокеич, почему так получается: в других колхозах питание трактористов обошлось за лето по триста рублей с носу, а нам насчитали за прошлый год почти по тысячи?

— Чем вы нас таким особенным кормили? Куриными котлетами, что ли?

— Такая же картошка, такой же борщ.

— Кабы такой! Как вам не стыдно было предлагать нам по восемь рублей мясо с той коровы, что сгорела, когда молния в стадо ударила? Трактористы отказались — дорого; вывезли на базар, по четыре рубля просили — никто не берет. Ну — вези назад. Переварили то мясо, перемешали с отходами — скормили курчатам на птицеферме. В «Крокодил» надо писать про такую вашу доброту!

— Приедет начальник из района — тому выписываете продукты «по себестоимости». А трактористам — втридорога.

— По среднерыночным ценам. По закону.

— Какие же среднерыночные, если на базаре по четыре рубля не берут то мясо, что нам по восемь считаете?

— Плохо получается, Семен Мокеич! Колхоз считают передовым, а трактористы отказались от общественного питания! Не по карману. Как единоличники, с узелками в поле ходим. Вам же, правлению, неприлично!

— Будете хорошо работать — буду хорошо кормить.

— Вот что! А может, давайте жребий метнем, с чего начинать? Лучше покормите — лучше поработаем.

— Питание в поле и вагон — это основное для тракторной бригады, Семен Мокеич! Без этого и бригада не бригада. Как я могу с них дисциплину требовать, если, скажем, прошел ливень и ребятам обсушиться негде, бегут домой ночевать, за десять километров?

— Есть у вас вагон, чего голову морочите!

— То не вагон, собачья будка.

— Нет, не собачья — куриная. Это нам отдали походный курятник, в котором колхоз когда-то кур вывозил в поле на черепашку.

— Трем человекам только в ней лечь.

— А прицепщикам куда деваться? Тоже живые люди.

— Осень придет, холода, дожди — за целые сутки душу негде отогреть!

— Не видали вы, что ли, хороших вагонов, что эту конуру на колесах называете вагоном? Поезжайте в «Красный Октябрь», посмотрите: на пятнадцать человек вагон, полочки, матрацы, двойные стены, утепленные, печка железная для осенних холодов, радиоприемник, библиотечка. Вот то забота о своих трактористах!

— Давай, Мокеич, сегодня, в наш торжественный день, так договоримся. Мы признаем: плохо работали. Был и брак на пахоте, и не укладывались в сроки, и с этими мягкими гектарами хитрили, нечего греха таить. Обещаем, что свои ошибки ликвидируем. Но и вам, правлению колхоза, нужно перестроиться в корне!

— Если вам еще и матрацы и радио, так меня колхозники живьем съедят! И так нареканий не оберешься: все трактористам да трактористам, помешались вы на своих трактористах!

— Кто ж может такое сказать: помешались на трактористах? Только самые несознательные элементы. И ты, Мокеич, за ними в хвосте плетешься. Не к лицу культурному председателю! А сознательные колхозники понимают — на нас все полеводство держится. И знают, что работенка у нас нелегкая. Кого никогда не увидишь с женою вечером в клубе? Тракториста с женою не увидишь. Потому что он все лето в поле живет. А легла зима — он надел опять свою промасленную робу и пошел в МТС на ремонт, до весны.

— Семен Мокеич! Вы, может, тоже такого мнения, что трактористы склочники и горлопаны? Из-за всякого пустяка, мол, скандалы поднимают. Так нас само дело заставляет скандалить! У нас в руках — дорогая техника. Если вы нам выделили на обслуживание самых последних кляч и воду или горючее не подвозят вовремя — получаются простои. А что значит простой у тракториста? Когда он спит под кустиком, а машина стоит, не он один спит — с ним тридцать лошадиных сил спят!

— А то и все восемьдесят, если дизель простаивает!

— Отношение у нас в колхозе к трактористам — прямо как при старом режиме!

— Сказал! При старом режиме трактористов не было.

— За такое отношение еще в тридцать третьем году политотделы председателям холку намыливали!

— Да вы что, ребята, в самом деле? Зачем меня при-

гласили до своего коша? Выпить-закусить или чтоб поругаться?

— И за тем и за другим, товарищ председатель.

— А когда ж с вами в другое время по душам поговорить? На табор к нам приедете — трактористы в борозде работают, один-двое лишь на профилактике стоят. В одиночку с вами несподручно ругаться. А тут мы все в сборе.

— Гуртом и батька легче бить!..

Парень с двумя орденами Славы и несколькими медалями на кителе защитного цвета прилег спиною к дереву, смотрит в пламенеющее небо на западе, где только что скрылось солнце за горизонтом, тихо наигрывает на баяне. Вокруг него на траве, в разных позах, сидя и лежа, расположилась вся бригада... И у другого тракториста — медали, ордена, и у третьего — медали, нашивки за ранения... Негромкая песня, вполголоса: «Эх, дороги, пыль да туман...»

— А еще был у нас на Крымском фронте такой случай в сорок втором году,— начинает рассказывать баянист, когда песня умолкает.— Один «КВ» подорвался на мине. Пехота отошла, залегла, атака не удалась, и этот «КВ» остался в нейтральной полосе. Семь суток просидел экипаж в танке, на морозе, градусов пятнадцать был мороз, все ждали, когда наши попытаются опять отбить высотку, чтобы поддержать огнем с места. Немцы не стреляли по этому танку, хотели, должно быть, его целеньким захватить,— гусеницу только разорвало,— а наши думали, что экипаж погиб. И вдруг на восьмые сутки, когда пехота пошла опять в атаку, ожил «КВ»! Как сыпанул по немцам! Взяли высоту!.. Семь суток — в броне, в железе, на морозе. Вытащили ребят из машины, а они ходить не могут, ноги распухли, как колоды. Сразу отправили их в медсанбат, оттуда в госпиталь, не знаю, пришлось ли им еще воевать. Все пятеро были трактористы.

— Из трактористов хорошие выходили солдаты,— говорит другой фронтовик с медалью «За оборону Сталинграда» и орденом Красного Знамени.— Это было здорово придумано! Сколько деревенской молодежи обучили управлять машинами! Что ж, парень знает технику, он что хочешь быстро освоит: и танк, и миномет, и пушку. А к лагерной жизни нам не привыкать...

— Наступали мы в Донбассе летом сорок третьего

года,— начинает рассказывать третий.— Я был в танковом десанте, командовал отделением автоматчиков. Танки и мы, пехота, расположились перед вечером в посадке у дороги. Кто спит, кто оружие чистит, кто бреется. На этом месте ждать нам боевого приказа из штаба бригады. Слышим — тракторишко где-то близко жужжит, за бугром, и тут только мы обратили внимание: поле-то за посадкой вспахано, уже травой заросло, майский пар. А расстояние от передовой — всего километров десять. Показался трактор на бугру, «ХТЗ», колесный, к нам спускается, тянет культиваторы, дымит, дребезжит, за рулем — девчушка лет шестнадцати, вся в масле, в копоти, зубы только блестят. Остановила машину, соскочила с сиденья,— культиваторы разладились в сцепе,— что-то бьет молотком, ключом поддевает, силится разогнуть. Подошли мы, танкисты и я со своими бойцами, давай ей помогать. А она сердится на нас: «Чего вас сюда принесло? Не могли другого места выбрать? Вон в балке роща, там бы лучше замаскировали свои танки. Увидит «рама», засечет, прилетят, начнут бомбить, исковыряют мне все поле. Мы ж с напарницей ночью без фар работаем, еще сверзишься в воронку с трактором!» — «Не сердись, говорим, рыжая, мы гости ненадолго. К утру и след простынет». Я говорю: «Посиди, отдохни, а я разочка два обойду загон».— «А вы, спрашивает, понимаете по трактору?» — «Немножко, говорю, понимаю».— «На моем не поедете, дюже много у него секретов, все на бечевочках да на палочках держится. Этому трактору в субботу сто лет. Сама карбюратор собрала из утильсырья. Коробка скоростей такая, что едешь и души нет — вот сейчас рассыплется!» — «А чего ж вы, говорю, так запустили пар! Сорняки на семена разводите? Его пора уже третий раз культивировать».—«Пар запустили! Вот еще мне — инспектор по качеству! Вы бы спросили, как мы его пахали? Пропашешь борозду, а им, гадам подслеповатым, сверху показывается, что войска окопы роют. Как засыплют бомбами! А сколько у нас тракторов-то? МТС этой весною только начала работать. До войны две бригады обслуживали наш колхоз, а теперь — два трактора!» Починили мы ей тяги: «Поезжай, да не круто заворачивай на углах, оглядывайся».— «Вот спасибочко вам!» Подобрела. «А свечек у вас нету лишних? — спрашивает танкистов.— Дали бы мне хоть одну, а?» Надавали ей танкисты свечей фрицевских, трофейных. «Вот спасибочко!.. А автолу мне немножко не отолье-

те?» — «Автолу, милая, говорим, не можем дать, самим нужен. В бой идем, полагается иметь запас, про всякий случай. А вот свет тебе на машине оборудуем. Почему, говоришь, ночью без света работаете?» — «Маскировка. Да, сказать, и лампочек нету, ничего нету».— «Ну вот скоро фронт продвинется дальше, будешь светить без опаски». Взялись ребята, сделали проводку, установили ей на машине две фары, одну на радиаторе, вперед, другую назад, на плуг. Уж она благодарила, благодарила!.. А по дороге, смотрим, пылит уже мотоциклист, везет нам приказ из штаба бригады. Стемнело — передвинулись на исходные позиции. На рассвете пошли в бой. Началось наступление... Как-то, уже в Венгрии, попалась мне газета «Правда Украины». Про это самое село писали, про этот район — название села мне запомнилось. Одна трактористка в первый год после освобождения вспахала на старом «ХТЗ» что-то около тысячи гектаров. Наградили ее орденом Ленина. Эта ли девушка, что сердилась на нас,— не знаю. Не спросили мы тогда, как ее звать...

Парень с двумя орденами Славы берет снова баян, пробует басы, начинает знакомую фронтовую. Трактористы, фронтовики и молодежь, еще не служившая в армии, подхватывают с середины песни: «Тает снег в Ростове, тает в Таганроге, эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать». Песня крепнет, ширится, голоса у ребят свежие, сильные, слышно их песню, вероятно, далеко в окрестности... Да, слышно. По ту сторону реки, за лугом, в селе откликаются девичьи голоса — поют ту же песню.

Поздно вечером секретарь райкома партии подводил у себя в кабинете с товарищами, принимавшими участие в проведении «Дня тракториста», итоги — удался ли праздник?

— В другой раз сделаем немножко не так. Сама жизнь нам кое-что подсказывает. Эти споры, здоровые взаимные претензии, что разгорелись уже после нашей официальной части, надо обострить, подогреть. Пусть поспорят трактористы с председателями колхозов, полеводческими бригадирами, побранят друг друга — ничего страшного, на пользу делу пойдет!.. Вот еще что я думаю. Обяжем всех председателей колхозов вывести на праздник вагоны, в которых живут их трактористы. Устроим на этом лугу нечто вроде выставки. Каждая тракторная бригада станет на своем

месте, со своим вагоном — прямо как живут они в поле. Пусть любуются люди хорошими, теплыми, радиофицированными вагонами, пусть смеются над курятниками. Верно? Может быть, даже таблички на каждом вагоне: во сколько обходится в этом колхозе трактористам питание в день, чем их кормят.

— Но не все с колхозов требовать,— подал голос кто-то.— Надо и трактористов покритиковать. И их работу надо показать на выставке.

— Обязательно! — продолжал секретарь.— Я же не договорил. На стоянке каждой бригады сделать стенд. Диаграммы: выработка, простои, расход горючего. Но выработка еще не самое главное — какой урожай дала эта бригада колхозу? Экспонаты, образцы урожая за прошлый год. Прямо выставить снопы пшеницы, ячменя, овса. Где-то будут вот такие снопы, рукой до колоса не достать, а где-то и поменьше. Пусть люди смотрят, сравнивают, критикуют.

— Это будет очень хорошо, если так сделаем,— сказал председатель райисполкома.— Только вот еще что — речей бы поменьше. Знаешь, сколько ты сегодня говорил? Почти два часа. Утомительно. Народ, не привыкший к заседаниям, духота, разморило их в помещении, спят. Надо бы как-то короче, праздничнее.

— Да, доклад я построил неудачно, не учел особенностей сегодняшнего собрания. Нужно короче и торжественнее — согласен. А директорам МТС просто нужно огласить свои приказы к этому дню: итоги соревнования, премирование лучших механизаторов. Больше надо оставить времени для самодеятельности, гулянья. Артистов, может быть, не только своих организуем. В Москву напишем. Из Большого театра, может, пришлют к нам бригаду на «День тракториста»? Лиха беда — начало. А в общем ничего, товарищи. Удался праздник. Но в другой раз сделаем лучше!

1952 г.

БЕЗ РОДУ, БЕЗ ПЛЕМЕНИ

Этих людей можно встретить на железнодорожных станциях, на речных пристанях, на перекрестках всякого рода путей сообщения.

— Куда едете, гражданин?

— В Белоречку пробираюсь. В станицу Белореченскую.

— Откуда?

— Из Саратовской области.

— Зачем приехали на Кубань?

— В колхоз какой-нибудь подамся... Недород, милый, хлебушка мало получили.

Спросишь другого, заказывающего билеты в обратном направлении.

— А вы куда?

— В Курск. Домой.

— Не понравилось здесь?

— Нет.

— Почему?

— Да что ж, от чего убегал, от того как раз и не убег. Сказывали — Кубань такой край, где никогда неурожаю не бывает, а оно и здесь то ж случилось... В колхозе был я тут в одном. Вспахали, посеяли, все благополучно, росло хорошо,— откуда ни возьмись, черепашка эта самая, начала подъедать, повредила посевы... А у нас нынче, в нашем колхозе, пишут мне, урожай сильный на все. И на зерно и на овощи. По пяти килограммов пшенички на трудодень дают. Вот какая история...

— Значит — обратно?

— Обратно...

Из дальнейшего разговора выясняется, что это у него уже не первый рейс туда-сюда. Он бывал на юге и в других местах, бывал на Дону, на Украине, оттуда тоже возвращался в Курскую область, теперь вот приехал на Кубань, но опять неудачно.

Таких непоседливых искателей богатого трудодня на-

зывают в станицах «колхозники до первого градобоя». Сами они именуют себя обычно переселенцами, хотя их кочевье по стране ничего не имеет общего с тем переселением, которое поощряется у нас и необходимо для полного освоения наших природных богатств. Едут они, не считаясь ни с какими государственными планами переселения, по своему маршруту, и не задерживаются долго на одном месте. Есть люди, сделавшие переезды с места на место, из колхоза в колхоз своего рода профессией, доходной и не особенно трудной, если не считать дорожных неудобств. Есть побуждаемые к «эмиграции» с родины причинами иного порядка.

Вот несколько типов таких «переселенцев»-перебежчиков, встречавшихся мне на Кубани.

Вокзал станции Армавир. Время — ранняя весна, на улицах под заборами лежит клочьями снег, грязный, мокрый, дует сырой ветер, холодно, а в вокзале — духота от большого скопления пассажиров.

В углу зала ожидания расположилась семья: муж, жена, четверо детей. Едут, видимо, издалека, с севера. На нем меховая куртка, сапоги из оленьей шкуры, расшитые по голенищам узорами. На детях и на жене — сибирские валенки-чесанки, каких не умеют делать на юге, мягкие и плотные, не пропускающие воду. Расположились они по-домашнему. Жена, чернобровая, высокая женщина с желтым, усталым лицом, принесла выстиранные на перроне под краном детские пеленки, развесила их сушить на батареях парового отопления. Старшие девочки, привязав пустой мешок одним концом за трубу отопления, другим за ручку поставленного стоймя тяжелого чемодана, сделали из него подвесную люльку, укачивают истомившегося в вокзальной духоте маленького ребенка. Мальчик лет трех возит по полу между узлами и чемоданами привязанную за нитку коробку из-под папирос.

Я беседую с главой семьи. Глава — молодой человек, ему, похоже, нет и тридцати, жена старше его. Молодой, но бывалый, а еще больше — хочет показать себя бывалым. Это сквозит в его развязных манерах, в напускной солидности жиденького баска, когда он подзывает носильщика и говорит: «Слушай, носильщик, четыре билета на сорок первый, плацкартные. Заплачу не по таксе. Не можешь?.. Ну и Армавир преподобный! Семь тысяч километ-

ров проехал, такой станции не видел! Не хотят даже разговаривать с людьми! Безобразие!» На руке у него маленькие дамские часики. Он то и дело отворачивает рукав меховой куртки и поглядывает на них, хотя против нас на стене висят большие круглые вокзальные часы и спешить ему некуда — сорок первый отправляется в пять вечера, а сейчас утро.

Он словоохотлив. Рассказывает, что едет из Сибири, работал там «по колхозам», мастер на все руки: столяр, плотник, бондарь, колесник. Уехал оттуда потому, что не понравился климат. Кроме того, я узнаю, что меховую куртку свою он купил в Забайкалье за золотые рубли (колхоз их занимался в свободное время золотодобычей, выделяя для того специальную бригаду), унты ему продал перед отъездом знакомый бурят, и в багаже у него едет еще много всякого добра, нажитого там.

Наружность его невзрачна. Ростом невелик, рябоват, маленький носик пуговкой, пустые, невыразительные глаза. Говор у него южный: «нехай», «аж». Не приходится долго гадать, откуда он родом, он сам говорит: «Думал было заехать на родину, да плохо с пересадками. Крюку надо давать, а потом еще автомашиной ехать — за Сальском, на Маныче, хутор Дубовский...»

Беседуем о том о сем. Не спешу признаваться, что я сотрудник газеты, но приходится к месту сказать, что я тоже бывал и в Сибири, и на Маныче, и на Дону, и на Волге, и всю Кубань объездил. Мой дорожный, видавший виды овчинный полушубок и осведомленность в географии СССР располагают ко мне парня. Он принимает меня за коллегу по образу жизни.

— А сейчас откуда едешь? — спрашивает он.

— Из Ейского района.

— Это Ейск, что на Азовском море? Слыхал... Ну как — устроился?

— Нет,— отвечаю,— не устроился.

— А как там вообще?

— Насчет чего?

— Насчет урожаю, колхозов.

— Неплохо.

Рассказываю ему, что́ видел в Ейском районе, какие там колхозы, доходность...

— А так, чтобы чего-нибудь особенного, выдающегося — нету?

— Ну, здесь, в Краснодарском крае, есть, конечно,

колхозы и покрепче... А вы сейчас прямо из Сибири?

— Нет, я уже и тут кой-куда заглянул. В М-ской был,— называет он станицу на Туапсинской ветке.— Сегодня ночью оттуда.

— Ну, что там? — спрашиваю в тон ему.

— Да тоже ничего такого подходящего. Пять колхозов, совхоз есть... Я, собственно, чего туда заезжал? Наши дубовские люди живут там в одном колхозе, я из Сибири прописал им, что хочу переехать на Кубань, вот они, значит, мне и отбили телеграмму: «Езжай к нам, в М-скую». Зря только время провел. Надо было ехать прямо, куда наметил, не заворачивать.

— Что — не понравилось там?

— Чепуха,— махнул он рукой.— На людей никогда нельзя доверяться, пока сам не посмотришь. Кто новины не видал, тот и ветоши рад... Самое большое — шесть килограммов на трудодень. А то — пять килограммов, четыре. Обыкновенные колхозы, среднего качества. И там, где шесть, то было в прошлом году, а теперь навряд, чтоб удержались они на этой точке... А она, понимаешь,— кивнул на жену,— злится на меня: почему не остались? Семь тысяч километров проехали, а еще на каких-нибудь полтораста — двести терпения не хватает. Я ей говорю: дура, ты пойми, что мы не куда-нибудь приехали, а па Кубань. Тут можно такой колхоз выбрать — закачаешься! Есть колхозы — по пять миллионов доходу имеют. Верно?

— Верно...

— Вот. Тут есть из чего выбрать. Кубань — она издавна славится. Какая нам неволя? Будто так уж обедняли, что некуда деваться.

Жена ничего не ответила ему. Она хмуро молчала во все время нашего разговора. Нашла себе и здесь, на вокзале, женскую работу — латала какие-то тряпки, поглядывая иногда на окна, за которыми проносились без остановки составы с цистернами.

Мне интересно было услышать от этого парня более обстоятельную характеристику м-ских колхозов. Цифры распределения доходов он назвал приличные. Да я и сам бывал в М-ской не раз; знал хорошо эти колхозы. Один колхоз там действительно можно было отнести к числу «среднего качества», даже «ниже среднего», остальные же были зажиточные, крепкие колхозы с многосторонне развитым хозяйством. И у нас завязался профессиональный

разговор, как у двух знатоков своего дела. Больше рассказывал он, я слушал.

— А ты что, может, поехать туда хочешь? — начал он.— Не стоит, не советую. Сказать по правде, колхозы там хорошие, но только для местного человека, который на корню сидит, а так, чтоб подработать,— негде. Нету такого колхоза, чтоб уж дюже был, как бы сказать, рыптабельный для нас. Ну вот тебе, к примеру. Есть там «Волна революции», этот самый, где шесть кило на трудодень. Так, по виду, ничего колхоз, урожайность у них, дисциплина, порядочек. Вот и ей,— опять кивнул он на жену,— понравилось там: машинами возят колхозников в поле, для женщин с грудными детьми выделили участок возле самой станицы, ясли хорошие. Ладно, согласен, неплохо это все — ясли, машины. Работать там можно с удобствами. Но получать-то что будем? Я и землякам своим сказал: тикайте, пока не поздно! По шесть кило вы тут уж не оторвете. А почему я так заключаю? Чересчур ударились они в строительство. Я как узнал, что они наметили строить: канал — в двадцать тысяч трудодней обойдется,— два коровника, свинарник, птичник, культурные табора, звуковое кино — э-э, думаю, тут дело не попрет! Со мною случалось уже такое. Не со мною лично, а с одним моим корешком, Федькой Зубовым... Приехали мы с ним, понимаешь, в Казахстан в тридцать седьмом году, в Карагандинскую область. Федор вступил в один колхоз, я — в другой,— разошлись. Федоров колхоз — махина, показательное хозяйство, постройки богатейшие, водопровод, автоматические поилки, электричеством коров доят. Вот ему это все в глаза кинулось — прямо туда понёс заявление. Так его там и подоили! Дожил до отчетного года — получил от жилетки рукава. Оказывается, все это у них еще не оплачено было, кредиты брали на строительство, а их же отдавать надо, покупали за хлеб лес, железо. Неделимый фонд весь доход пожрал. Ишачил, ишачил парень лето за чужие долги — с чем пришел, с тем и ушел. А мне, понимаешь, это сразу подозрительным показалось, ихние поилки-доилки, и я туда не рискнул вступать, выбрал себе другой колхоз, попроще. Небольшой колхозик и по виду небогатый. Правление помещается прямо в жилом доме у одного колхозника, и конторы еще не построили, скот стоит в таких завалюхах, как раньше у единоличников были, камыш, солома, ни одной крыши железной не увидишь, но скота держат много и сеют много. Всю землю распахали, такая

нагрузка у них на трудоспособного, как нигде, работают здорово, день и ночь. Думаю себе — тут вернее дело будет. Так и получилось. Хлебом засыпались, два гурта скота продали, строительством не занимаются, расходов никаких — все на трудодни пошло. По пятнадцать килограммов зерном получили да по семь рублей деньгами. Вывез на базар сразу двенадцать подвод муки, продал на четырнадцать тысяч, да три тыщи из кассы получил — денежную часть — и поехал. Велосипед купил себе там, ружье бельгийское за тыщу двести. И Федора два месяца на своем иждивении содержал, покуда устроился он на новом месте. Вот какая штука. Так что я уже знаю, чем оно пахнет, когда много строят.

Он подмигнул мне и продолжал рассказывать про м-ские колхозы.

— Трое наших манычских живут в этом колхозе, в «Волне революции», а двое — в колхозе «Дружба». Тоже считается — передовой. И верно, не дурной колхоз. Если бы уж, скажем, безвыходное положение — можно туда податься. Пасека у них большая, животноводство, хлеба давали по пять кило. А нынче должно больше быть — триста гектаров новины распахали. Так — все хорошо. Но руководство у них, понимаешь, опасное. Председатель — парень малограмотный, недавно выдвинули из бригадиров, а бухгалтер — пьяница горький. Прямо на работе, в конторе, пьет. Открывает шкаф, гляжу — у него там на делах полно бутылок порожних. И говорят про него — малый жуликоватый, так что может этого председателя малограмотного во всякую минуту облапошить. И может, понимаешь, колхозников крепко обидеть. Почему мне об этом подумалось? Да, видишь, и такое случалось уже со мною. В Башкирии, в тридцать пятом году. Хапнул счетовод девяносто тысяч и — был таков! Впоследствии-то его поймали, да денег при нем оставалось всего пятьсот рублей. Колхоз небольшой, фонд трудодней — тысяч сорок пять, как посчитали мы — по два рубля с трудодня украл. У нас тогда с жинкой было пятьсот семьдесят трудодней. Я делал мебель для клуба, хода бричечные, подработал неплохо. Она дояркой работала. Тыща сто сорок рублей наши ухнули! Баян можно было б купить. Я в тридцать восьмом году купил в Ташкенте — тыщу триста заплатил, а тогда они дешевле стоили. Вот, думаю себе, как бы не повторилось такое, как в Башкирии! Довольно с меня: мало радости на растратчиков работать. Председатель уговаривает: «Оставайся,

пиши заявление, нам плотники и колесники позарез нужны».— «Нет, говорю, мне у вас потому не нравится, что не в центре, далеко бабе на базар ходить»,— отбрехался в общем, ушел... Ну что тебе еще рассказать? Есть там «Знамя труда», садово-огородный колхоз, семьдесят пять гектаров сада. Кто не в курсе, тот, конечно, сразу кинется: такая площадь сада — это ж капитал! А я первым делом спросил: какой был урожай в прошлом году? «В прошлом году, говорят, завалились фруктами, сильный урожай был». Тогда — все. Надо воздержаться. В этом году, значит, либо будет, либо нет, скорее всего — нет. Сад, он не всегда родит, бывает перегуливает, одно лето родит, другое отдыхает. А «Вторая пятилетка» — четвертый колхоз — хмелем занимается. Очень рынтабельная штука, знаю. Только он, понимаешь, хмель, не сразу начинает доход давать, года через три, а сначала — одни расходы. Пошел туда — оказывается, они еще только закладывают плантацию, сушилки строят, колья заготавливают. Получили пять вагонов леса, кучу денег за него надо платить. Тоже — неподходяще. А пятый колхоз — забыл, как его звать,— совсем маломощный, захудалый какой-то, туда никто из наших не вступал. Урожайность низкая, потери большие, немолоченная пшеница до сих пор в скирдах стоит. Народ там какой-то сонный. Из-за руководства, я думаю. Может, потому что парторга у них нету. Спрашиваю: сколько у вас ефремовских звеньев? Никто не знает и понятия не имеет, что это такое — ефремовские звенья? Как дикари... Вот тебе и все колхозы. Ничего особенного. Жалеть незачем. Такое мы скрозь найдем.

— Сколько времени ты прожил в М-ской? — спросил я.

— Три дня.

Оставалось только позавидовать его наблюдательности.

— Здорово ты их обследовал,— похвалил я парня.— Прямо как какой-нибудь инспектор.

— А что ты думаешь! — ухмыльнулся он.— Вот пошли меня в любую станицу, дай неделю сроку, скажи: представь по всем колхозам полную отчетность, кто чего стоит, куда хозяйство идет, заворачивает, какое там руководство, чего от него можно ожидать — все сделаю, и будет без ошибки. Оно, понимаешь, когда много их видел, сразу бросается в глаза разница и где у кого какие прорехи. В иной колхоз придешь, как глянешь: плетни повалены, бригадные дворы разгорожены, инвентарь разбросан — ну, все сразу можно понять, что тут за хозяева премилые...

— А напрасно ты все же уехал из М-ской,— сказал я.— Смотри, как там удачно складывается: сад, потом хмель, потом еще что-нибудь подвернулось бы. Надо было тебе для начала вступить в тот колхоз, где, говоришь, бухгалтер жулик. Авось на твое счастье он в этом году еще не проворуется. Подработал бы там, а на сорок первый год — в тот колхоз, где сад, как раз под урожай. А тем временем в третьем колхозе хмель подоспеет. Так и пошел бы, как по графику.

Он принял это за шутку, рассмеялся и ответил тоже шуткой:

— Так что — вернуться, может? Нет, корешок, такого со мною еще не случалось, чтоб уехать, а потом обратно на то же место вернуться. Может, когда кончу пó разу, вторым заездом, ха-ха-ха!..

— Ну, и куда же ты теперь направляешься?

Парень мечтательно улыбнулся.

— Наметил я себе один колхоз. Там,— он махнул рукой,— за Краснодаром, к Черному морю...— Приподнявшись с чемодана, на котором сидел, он вытащил оттуда толстую книгу с тисненной золотом надписью на зеленом переплете: «Всесоюзная сельскохозяйственная выставка», стал ее перелистывать.— В Тюмени на вокзале купил. Семь пятьдесят заплатил, не жалею. Разные описания про колхозы, которые участвовали на выставке,— про полеводство ихнее, животноводство, доходность. И адреса указаны... Выбрал я себе колхозик. Если без брехни, что пишут про него, тогда — все! Виноградники у них, рис сеют. По два литра вина давали на трудодень. Это если нам вдвоем заработать, скажем, пятьсот трудодней — тыщу литров вина получим. Слышишь, Дарья? — обернулся он к жене.— По десять рублей литр — на десять тысяч одного вина! А ты горюешь, что не остались в той станице.

Дарья по-прежнему молчала, не высказывая сочувствия к восторгам мужа.

— Если все удачно будет — куплю себе там мотоцикл. Давно мечтаю мотоцикл заиметь. Так и наметил: в сороковом году — душа долой — купить! С коляской.

— А принимают там?

— Меня скрозь примут. На мастеров нынче кризис. Я ж и бондарь и колесник. И баянист, могу играть на вечерах в клубе — это тоже ценится.

...Настроение моего случайного «корешка» упало, когда пришлось признаться, что я сотрудник краевой газеты и

разъезжаю не в поисках «рынтабельных» колхозов. Предполагая побывать вскоре на Маныче, я спросил у парня его фамилию и фамилии его земляков, перекочевавших в М-скую. Не мешало заглянуть на хутор, названный им, и выяснить, почему люди уезжают оттуда.

Он несколько минут молчал, собираясь с мыслями, а потом заговорил, но совсем другим тоном. У него даже голос изменился, исчезли самоуверенные солидные нотки, веселое курносое лицо стало жалким, скучным.

Мне пришлось с полчаса выслушивать его объяснения, почему он никак не может прижиться на одном месте. В Казахстане у него дети стали хворать, врачи предписали переменить климат, в Башкирии градом выбило хлеб, на Дону был сильный неурожай, на Маныче очень уж донимали засухи. Потом он вдруг вспомнил, что какой-то человек обещал ему достать билеты на сорок первый, заторопился и, так и не сказав мне фамилию, ушел. Невысокая фигура его, придавленная тяжелой мохнатой меховой курткой, затерялась в толпе.

Я подсел к его жене. Женщина в отсутствии мужа оказалась разговорчивой, охотно отвечала на мои вопросы и, видимо, была рада, что нашелся в вокзальной сутолоке человек, с которым можно было отвести душу. Она слышала всю нашу беседу.

Ее взгляды на жизнь резко расходились со взглядами мужа. Вот вкратце, что она рассказала о себе. Была она родом с Донщины, из станицы Константиновской, казачка, там и жила безвыездно все время, пока не вышла замуж за этого человека (она назвала мне его имя и фамилию — Гунькин, Егор Тимофеевич). Гунькин у нее второй муж, и он тоже женат второй раз. Времени тому, как они сошлись, уже седьмой год. Она работала тогда в колхозе дояркой. Гунькин приехал в Константиновскую с Маныча,— это было, когда он еще только начинал бродяжничать,— вступил в их колхоз, там у него умерла жена, и он посватал ее, Дарью. У нее было тогда около пятисот трудодней, получила от колхоза в премию корову, хата была своя. Пожили они там полгода, а потом он уговорил ее ехать в Башкирию. Продали хату, корову, и вот с тех пор как сорвал ее с места, так и нет им пристанища.

— Врет он вам, что град, то-се,— сказала женщина.— Ничего не было. Просто вздумается ему, что где-то лучше, и едет.

Зарабатывали они всюду хорошо, но ей уже ничто не мило, устала от бродячей, скитальческой жизни. Вот и сейчас — двенадцать суток в дороге с грудным ребенком, и другой такой, что с рук не сходит. Да и денег-то этих заработанных она не видит. Муж туговат на кошелек, больше тратит деньги на себя, а на покупки для семьи не очень расщедривается. Старшим девочкам-школьницам особенно достается в этих переездах. В прошлом году с половины зимы стали ходить в школу, и вот опять, не кончился учебный год, уехали, почти полмесяца уже в дороге, и не видно, когда устроятся на месте. Сама она старше мужа на семь лет: ему тридцать три, ей сорок. А тут еще — нездоровье...

— А когда я жила в Константиновской, про меня тоже в газете писали,— сказала она, взглянув на меня.— Приезжал к нам из редакции селькор, на карточку меня снимал. Ударницей была...

И заключила рассказ внезапной вспышкой злости:

— Я уж ду́мала — бросить его, нехай сам веется, так надоело! За дурною головою и ногам нема спокою. Девочку только жалко. Девочка эта — его. Если разойтись — возьмет ее, а я к ней привыкла, как к своей... А может, он и от дитя своего откажется? Я еще не говорила с ним... Бросить, уехать обратно в Константиновскую, в свой колхоз! Хату вот я продала там. Ну, я думаю, можно стребовать с него через суд, а? Деньги-то я ему отдала все. Как вы посоветуете, товарищ редактор?

Я посоветовал ей так и сделать — возвратиться в Константиновскую. И если дойдет у них до суда, то взыскать с Гунькина не только деньги за проданную хату и корову, но и половину всех его мотоциклов, баянов и прочего нажитого совместно добра.

* * *

— ...Вот, стало быть, товарищ, потому и ездим мы, что есть куда поехать. Простору много. Не то, что в какой-нибудь Швеции или Голландии. Там, поглядеть на карту — на одном краю позавтракал, на другом — пообедал, а ужинать уж и негде, не хватает, стало быть, государства на полный дневной рацион питания, ха-ха-ха! А у нас покуда от краю до краю доедешь — одной соли пуд съешь! Земля русская велика и обширна. Как в песне поется: «Ши-ро-ка-а страна мо-я ро-одна-а-я-я!..»

— Гражданин, здесь петь не разрешается! — осаживает веселого пассажира официантка.

— Нельзя? Не буду. Не разрешается — не надо, что ж поделаешь. Ты только не серчай, дорогая.

Разговор происходит в буфете станции Кавказская. Против меня за столиком сидит, облапив кружку с пивом, мужчина лет пятидесяти, бородатый, краснолицый, в полушубке нараспашку.

— А хорошие, парень, есть места на земле! Расчудесные! Вот жил я в Омской области, Сибирь считается, на каторгу раньше ссылали туда, людей пугали Сибирью, а ничего там страшного нету. Холоднее, правда, чем, к примеру, на моей родине, в Воронеже, но терпимо. Главное дело — тихо. Если мороз градусов на сорок, то уж тишина, и ветка не шелохнет. Зато природа там, охота! Казарки табунами ходят. Объездчиков верховых выделяли от колхоза, чтоб пужали птицу дикую, а ежели не пужать, вытолочут хлеб, как скотина. А рыбы! Семь озер было на нашем участке. Усадьбы прямо к озеру выходили. И снасти не требуется, руками можно рыбу брать. Пойдет баба огород поливать, зачерпнет ведром воды из озера, плеснет на капусту, а карась этакий, в пол-аршина, хвостом — шлеп, шлеп... Почему уехал оттуда? Опять ты про это самое. У меня, парень, натура такая: не могу долго на одном месте жить, какое б оно ни было распрекрасное. Кабы в рай попал, и там бы не засиделся. Интересно, брат, поглядеть, какая где жизнь, где чего строится, а то и смерть придет — ничего не видел, как крот в норе... Мне один товарищ уж говорил: «Ты, говорит, дядя, не по закону живешь, ты не советский труженик, а летун». А я ему отвечаю: «Нет, гражданин-товарищ, неправильное твое рассуждение, не летун я, а самый что ни есть радетельный хозяин». И доказал ему на факте. «Чье, говорю, у нас вот это все: города, реки, колхозы? Народное. Кто ему хозяин? Мы все, и я, стало быть, в том числе. Должон я свое хозяйство осмотреть, где что делается, может, где непорядки какие?» Ха-ха-ха! Это тоже не каждый решится такую заботу о своем хозяйстве проявить! Труд немалый — поездить столько!

— Не все по этой причине ездят. Есть такие, вероятно, что просто высматривают, где бы с меньшей затратой сил побольше заработать.

— Правильно, и такие имеются. Ну что ж, это давно известно: рыба ищет, где глубже, человек — где лучше.

— А что бы получилось, если бы все кинулись искать, где лучше?

— Да что, нехорошо получилось бы, это верно... Сбились бы все в один край, самый богатый, и земной шар с места сдвинули бы. Перекос получился б на одну сторону, попадали бы все к ядреной бабушке, куда-нибудь в Индийский океан, ха-ха-ха!.. Гражданочка, дорогая! Еще кружечку. Может, у вас тут и смеяться не разрешается? Можно, только потише? Ну, хорошо. Вы уж извиняйте, такой голос у меня.

Не поймешь моего веселого собеседника. Видом своим он не похож на убежденного бродягу, бескорыстного искателя приключений. Полушубок на нем добротный, из мягких романовских овчин, хорошие сапоги, сам плотен, здоров, семья есть у него, расположилась здесь же в вокзале. Я разговариваю с ним уже часа полтора. Встретились мы возле справочного бюро, где он делал остановку на билетах, заштемпелеванных множеством компостеров, там началась наша беседа, оттуда мы пошли в буфет выпить по кружке пива, и вот заказываем уже по третьей, а мне все еще неясно — что это за чудак.

— Нет, парень, я не из таких, что гоняются за длинными рублями. Боже упаси! Я человек трудящий. Да нынче иначе и нельзя прожить. Поездишь — поработаешь, поработаешь — поездишь. Работал я и в совхозе и на крупзаводе — там у нас, в Воронежской области. Но больше — по колхозам. В колхозе как-то развязнее, ни гудка, ни часов, дело привычное, я же все-таки сам из хлеборобов. Только езжу я просто. Не выбираю доходность, пятое-десятое. Как Колумб Америку открывал — куда глаза глядят! Увижу картину какую-нибудь, обертку с конфеты либо с папирос — горы нарисованные, пальмы, море — вот, говорю женке, где мы еще не были! Собирайся, поедем. На счастье!.. Раз, не поверишь, как случилось. На станции Основа, в Харькове, прихожу в кассу, говорю кассиру: «Дайте билеты».— «Куда?» — спрашивает. «Да куда-нибудь!» — говорю, ха-ха-ха! Он глядит на меня. «Как это — куда-нибудь?» — «Да так». А мне на самом деле так пришлось. Доездился до ручки, местность незнакомая, и денег сорок пять рублей осталось. Дал я ему эти сорок пять рублей. «Считай, говорю, два взрослых, два детских, куда хватит, туда и давай». Кассир было за пьяного меня принял, потом видит — человек при памяти, взял деньги, расчел по своей таблице, дал билеты до одного разъезда.

И так, понимаешь, удачно пришлось. Высадились мы на разъезде, тут и хуторок поблизости. Пошли туда — колхоз, принимают. Неплохой колхоз оказался. По семь кил получили. Год прожил там.

Наконец-то стали добираться мы до «кил»...

— Вы, гражданин, рассказываете забавные вещи, вас интересно послушать, но давайте обсудим серьезно. Когда в старое время люди кочевали, было понятно — почему.

— Я, парень, в старое время никуда дальше своего города не ездил. Не знал, что там и есть за Воронежем.

— Ну, вам, может быть, не приходилось, а вообще-то ездил народ. Нужда, безземелье, неустройство в жизни. Но сейчас — другое положение. Всюду колхозы, земли достаточно, машин много. Везде можно одинаково хорошо устроить жизнь. Зачем же искать лучшего на стороне? Что значит — хороший колхоз? Это значит — люди там крепко поработали, годами наживали хозяйство, приводили в порядок землю, строили много. А вы — на готовое едете.

— Наживали? А мы, парень, не наживали?..

Я, видимо, затронул больное место в душе воронежского Колумба. Добродушная улыбка сбежала с его лица, густые морщинки на переносице и под глазами разошлись, я увидел его глаза — холодные, серые, трезвые.

— А я не наживал? Я двенадцать лет у отца хребет гнул да сам восемнадцать лет хозяевал. Приедешь, бывало, в город на базар, и стакана чаю в столовой не выпьешь: это ж, рассчитываешь, пятак надо заплатить. Ночей не спал. Сам себя на лобогрейке к седушке привязывал, чтоб не свалиться под косу. И кому ж, спрашивается, наживал? Куда все девалось? В колхоз отдал. Забрали все до щепки! Так что ж, опять я должен наживать! И тогда — я, и теперь — я? Хватит с меня, нету дураков!

— Вот так бы и говорили... Долго же вы вспоминаете, что отдали в колхоз! Десять лет прошло. Должно быть, немало было кой-чего?

— Много, мало — мне хватило бы. И детям бедствовать не пришлось бы. А теперь нет ничего. Вот, как видишь, весь тут... Ты чего спрашиваешь? Может, думаешь — раскулаченный я? Нет. Кабы кулак был — не приняли бы в колхоз. Хочешь, документы покажу? Не надо? Ну, не надо. Я колхозник с самого начала, с тридцатого года. Только мой колхоз — от того места, где восходит солнце, до того, где заходит. Как у цыгана двор.— На его лицо опять легла маска добродушной веселой разухабистости.—

А впрочем, парень, об чем мы с тобой спорим? Нажил, прожил — черт его бери! Богачу-кулаку и с казной не спится, бедняк гол как сокол, поет, веселится. Было мое, стало народное, и я — народ, стало быть — хозяин. Челове-ек про-хо-одит, ка-ак хо-зя-ин!.. Дорогая! Еще кружечку!..

А вот еще один. С этим я встретился на станции Лабинской, в предгорной части Кубани, где мы вместе ожидали за вокзалом автодрезину, курсировавшую по недостроенной железнодорожной ветке в горы.

Переселялся он с Украины, с Черниговщины, в одну из станиц, расположенных в верховьях Урупа.

— Пишут — гарно там. Пять автомашин имеют, электрическую станцию строят. Худобы богато, конеферма. Серебряную медаль получили на выставке за животноводство,— говорил украинец, мешковатый, угрюмый человек лет сорока. Он сидел на рельсе, сгорбив плечи, упершись локтями в колени, накручивал на палец ус.— Брат мой там с прошлого году и еще есть наши люди... А у нас дуже бедный колгосп, прямо гола земля, як получили от государства землю, так ничего на ней и не построили...

Он пустился в такой далекий путь впервые. Это было видно по багажу. Под насыпью железнодорожного полотна, на молодой весенней траве навалена была куча хлама, привезенного с Черниговщины: поломанные табуретки без ножек, кадушки с прогнившими днищами, деревянное стиральное корыто, узлы с перинами, на узлах — большой фанерный ящик, в котором скреблись куры. И, кроме всего, привязанные бечевочками за шеи к узлам, бродили взад-вперед по траве два кота.

Жена украинца — он звал ее Настей,— полная, круглолицая, с ясными голубыми глазами, сидела на узлах и с детским любопытством, открыв рот, осматривала все вокруг: маленький маневровый паровозик, подталкивающий вагоны к разгрузочной площадке, станицу, начинающуюся сразу за вокзалом, степь кубанскую, снежные горы, белеющие вдали в светлой прорези туч.

— С головою у нас не лагодится,— стал рассказывать невесело украинец, когда я попросил его объяснить подробнее, почему у них «дуже бедный колгосп».

— Как — с головою?

— Ну, по вашему сказать,— с председателем. Один

был пьяница, другой такой, что все поглядывал за ворота, с директора птахокомбината его разжаловали, так ему, сердешному, не хотелось у нас робить! А зараз там такое — черт зна що! Митька Захарчук. Где ни хозяйновал, скрозь ему люди во все боки болячек сулят. А теперь еще нам его наделили. Хотели не принять — кто его знает как? Райком ручается: он, кажут, справится, будет лучше робить... Приняли, а сами зачали тикать во все стороны, бо бачим, что дела не будет. Туда зараз хорошего хозяина нужно, чтоб сумел обернуться. За десять лет ничего не нажили, ни животноводства нема, ни огорода, один хлеб и то — кило на трудодень. Чем жить?..

И продолжал:

— Сам знаю, что не годится шукать урожаю там, где не сеяли, и нелегко было нам с места рушать, но и дома сидеть — дело не указывает. Чего доброго дождешься?.. Нас этот Митька Захарчук, голова наш новый, прямо сбил с панталыку, все намерились тикать свет-заочи, бо мы ж его знаем, як облупленного, все его похождения. В «Червоном Жовтне» был — гамазею разорил. Там такая махина стояла, на пятьдесят тысяч пудов, рубленная, под цинком. Сничтожил! Из цинку цыбарок наделал, начал цыбарками торговать — подсобну отрасль открыл! А лес порезал на дрова для конторы. В «Пятыричци» променял дизель с огорода, которым капусту поливали, на легковой автомобиль. И на автомобиле не поездил, бо он без колес и без мотора, еще на десять тысяч ремонту треба, и капуста без поливу посохла. И у нас начал такие же штуки вытворять. Перед посевной банкет устроил для колхозников, чтоб отпраздновать первую борозду. Худобы не хватает в плуги запрягать, а он зарезал на тот банкет пару волов, самых сытых, такие были — за рога не достанешь! Вот тебе и хозяин! Не поправит он дела, а совсем разорит нас...

— И другого выхода нет, только — покинуть колхоз?

— А что сделаешь?.. Он, этот Митька Захарчук, я вам скажу, родом такой. У них и батько был с придурью и дед. Батько хату продал, чулочную машинку купил, ту, что чулки вяжет, думал гроши зароблять. Без хаты остался, и машинку баба на голове у него побила, бо она была такая, як Митькин автомобиль. А дед Захарчук, тот был трохи из плотников, и як задумал богатеть, то купил водяной млын и начал прироблять до него турбину, чтоб доразу и муку молола, и карусель крутила — девчат та парубков катать за плату,— пока нырял там в речке, все

устанавливал турбину; зацепился в воде мотнею за корягу и утоп. Вся семья у них такая...

— Если вам, против вашего желания, навязали его в председатели, чего ж не жалуетесь? Надо писать в область, в Москву.

Украинец промолчал.

— Неписьменный он,— вздохнула, жалостливо поглядев на сгорбленную фигуру мужа, голубоглазая Настя, слушавшая наш разговор.— Обое мы такие. Я хоть трошки музюкаю по буквам, а он — никак...— И добавила: — Ты б, Грицько, рассказал человеку, как Митька хотел верблюдов за коней выменять.

Грицько махнул рукой.

— Да тут за целый день всего не расскажешь!.. Говорит: «Дайте мне командировку, поеду на Волгу за верблюдами. Это такая скотина, что як добре нагодувать ее раз, то две недели не ест и не пьет. Останется у нас лишний корм, продадим сено и поделим гроши на трудодни». Насилу сбили его гуртом. Говорим: «Куда же мы их поставим на зиму? Они в нашу конюшню не войдут».— «А мы, говорит, прорубаем в потолке над станками дырки, щоб горб як раз в ту дырку проходил...» Черт зна, що за человек! Сказать — дурной, так не дурной, и умные не такие...

— А почему, если уж тронулись вы с места, не поехать вам туда, куда плановые переселенцы едут: в Сибирь или на Дальний Восток? Получили бы пособие от государства, колхоз там помог бы вам.

— Нет,— ответил, покачав головой, украинец,— туда мы не поедем. Туда ехать, то надо насовсем, а мы так не рискуем. У нас дома и хата осталась... Думка была такая: поживем тут год або два, а там, может-таки, скинут Митьку Захарчука да налагодится дело — поедем обратно. Десять лет работали в колгоспе — как его кинуть?.. У нас там и усадьба хорошая, и речка близко. Родня вся там, моя и ее.

Простодушное детское лицо Насти затуманилось, когда речь зашла о покинутых родных местах. Она долго смотрела в ту сторону, откуда привез их поезд, потом глянула на горы, потупилась и заморгала глазами...

Один из пассажиров, сидевших с нами в ожидании дрезины, сказал, глядя на их багаж:

— И котов везут... Тетка, зачем котов везешь? Подсобное животноводство?

— Да кто его знает, что оно за место, куда мы едем,—

ответила Настя.— Мы ж сроду еще никуда из дому не рушали. Может, там, в горах, мышей богато, або крыс, або...— Она отвернулась и заплакала.

Чем богаче край почвой, климатом, урожаями, как Кубань например, тем больше скопляется там таких бродячих «колхозников», без роду, без племени, начинающих уже понемногу забывать, откуда они впервые выехали.

Принимают их в колхозы довольно охотно и без особого разбора, даже там, где нет в действительности недостатка в рабочей силе. Бывает, в колхозе расшаталась трудовая дисциплина, отсюда и нехватка рабочих рук и затруднения с полевыми работами. Но вместо того чтобы заняться как следует укреплением дисциплины, руководители колхоза ищут выхода в приеме новых членов и нисколько, конечно, не поправляют этим дела, а только больше их расстраивают, потому что эти новые члены-«сезонники» дезорганизуют хозяйственные расчеты, превращают колхоз в проходной двор.

Есть еще и такие летуны, так называемые местные — в отличие от летунов «дальнего следования». Эти перебегают из колхоза в колхоз, даже не покидая родной хаты,— здесь же, в своей станице. Делают они это обычно в начале лета — не раньше и не позже,— когда можно уже почти безошибочно определить виды на урожай в каждом колхозе и когда еще не поздно, в случае перехода в другой колхоз, заработать там к концу года приличное количество трудодней. Захватила ли буря полосою землю колхоза, повредили ли посевы наводнение, град — такой ловкач быстро ориентируется, подает заявление с просьбой исключить его, определяет, где можно ожидать наилучшего урожая — в «Заре» или в «Победе»,— и вступает туда. На следующий год обстановка меняется, похоже, что здесь с урожаем будет хуже,— он вступает в другой колхоз. Существующие правила приема и исключения из колхозов особых препятствий для таких перебежек не ставят.

...Есть у меня в одной кубанской станице старый знакомый, Леонтий Петрович Кривошапка, тоже плотник и столяр, как манычский «сибиряк» Гунькин. Колхозник он из тех, которых с самого начала не приходилось убеждать в преимуществах общественного труда. Вступил он в колхоз не колеблясь, честно работает одиннадцатый год, ни разу никуда из своей станицы не уезжал. Все, что видишь

в колхозе, начиная от амбаров, коровников, конюшен и кончая беседками и арками в сквере у конторы правления, сделано если не целиком его руками, то не без его участия. Мастер он отличный, работает чисто, со вкусом, к ремеслу своему родовому, перешедшему от отца и деда, относится с почтением и от других требует того же. Я, наученный горьким опытом, бывая у него в мастерской, избегаю садиться на верстак. Он этого очень не любит, сердится не на шутку, и бывает, что держит в руках — фуганок ли, киянку,— тем и достает по спине неучтивого посетителя. «Куда прешься?! Соображаешь что-нибудь? Я на этом верстаке хлеб себе зарабатываю, а ты на него чем садишься? Пустота торичеллева!» Леонтий Петрович — старик грамотный и ввертывает иногда в разговоре, к месту и не к месту, подобные словечки, вычитанные в газетах, детских учебниках и других книжках, попадающихся ему в руки.

Я бываю у него часто, всякий раз, как приезжаю в их колхоз. С ним интересно поговорить. Иногда я проверяю в беседе с ним некоторые назревающие у меня темы, рассказываю ему о своих новых наблюдениях, сужу по его замечаниям, правильно ли я схватил существо вопроса.

Разговаривал я с ним и о колхозных летунах. Мне остается здесь только привести его слова. Он, пожалуй, выразил то, что думают и говорят по этому поводу многие честные колхозники.

— Я так считаю — это, должно быть, удальцы из тех, что поначалу громче всех кричали: «Паньщина! На коммунистов заставляете робить!» А теперь им колхозы понравились. Пожили, осмотрелись: эге, брат, это удобная штука! При нашей простоте. Хвалился, говоришь, тот Гунькин, что примут его? Всюду принимали, не отказывали? Правильно, примут, у нас еще не научились таких ершей на чистую воду выводить! Хапуны! Есть и у нас похожие на него. В прошлом году, в разгар уборки, двенадцать семей снялись и уехали. Хотели было не дать им хлеба по трудодням, задержать — куда там! Как наделали тарараму — в райком, в райисполком, к прокурору! И вот опять не закаялись, еще восемнадцать семей приняли: и саратовских, и из Чкаловский области, и с Украины. Не знаю, что с ними получится. Двое уже смылись — в Грузию поехали... Почему их много стало? Да потому, что узнали лазейку. Это же никакого труда не составляет. То начинай их сажать, сады эти, виноградники, жди, пока начнут родить, разводи скот, строй пруды, электростанции,

а то вон, пожалуйста, все готовое. Только и хлопот — билет купить. Один поехал, испробовал, написал куму, свату, те другим подсоветовали — так, один по одному, это дело и развивается. Колхозы богатеют, и их, трутней, возле колхозов больше летает. По-моему, это самые отъявленные людишки. Присосалась на шею народа этакая вредная протоплазма и живет, сытая, пьяная, и нос в табаке... А есть, знаешь, и такие, как раньше говорили: без царя в голове. Если его не укрепить на одном месте — сиди работай, как все, не рыпайся никуда и семью не мучай,— так он до веку сам своей жизни не устроит... Надо бы уже как-то их прикоротить, кончать это безобразие. Нехорошо получается. Коренному колхознику обидно, а им — прибыльно. Вот он, обормот, поехал за длинными рублями, так надо бы так: приехал он туда, а там — не принимаем летунов! В другой колхоз сунулся, и там то же самое: не имеем права принимать. Погоняй-ка, парень, в те края, куда назначено переселение, там и обосновывайся. А нет — возвращайся обратно, откуда начинал циркулировать. Что тебя согнало оттуда? Засуха? Бери лопату, становись в ряд со всеми, копай пруды, каналы. Нынче всюду занялись люди строительством, в пустыни даже воду проводят. Такое время замечательное, а ты блукаешь по свету, как пес бездомный, нюхаешь, где жареным пахнет. Земля плохая? Ну что ж, и против этого средство имеется, научились уже и удобрять и подкармливать. Все в наших руках. Именно — в руках, а не в ногах. Это только про волков сказано, что их ноги кормят. А человека — руки. Вот и надо заставить их руками работать. А сделать это просто — запретить колхозам принимать перебежчиков, и все. Ежели не по плану — переселенцы,— не принимать! И прекратится, придется им где ни где пускать корни. Только чтоб строго-настрого всюду одинаковый закон и без нарушений — не принимать так не принимать!

С этим предложением Леонтия Петровича можно вполне согласиться, добавив лишь одно: в тех краях, где органы власти с легкой душой «снимают с учета» колхозников, отправляющихся «циркулировать» по стране, этим же самым органам, вместо такого немудреного занятия, следовало бы почаще заглядывать туда, где «с головою не ладится», как в том колхозе, откуда уехал со своей жинкой Настей и котами «неписьменный» Грицько.

1940 г.

РЕКОРДЫ И УРОЖАЙ

— А в нашем районе золотой звездочки за урожайность никто не получил, хотя кандидаты были. Ну — и к лучшему. Мы очень опасались, что Степаниду Грачеву наградят. Район ее выдвигал. Нет, разобрались-таки там, повыше... Заслуженного человека не отметить — это плохо, конечно, но еще хуже — не по заслугам прославить. Думаете — ему только вред, тому человеку? Возгордится, зазнается? Нет, и нам, другим прочим,— не в пользу. А почему — сейчас поясню.

Я в этом районе родился и вырос. До войны семь лет работал председателем колхоза и, как вернулся по ранению в сорок четвертом, опять заступил в тот же колхоз. Сколько секретарей райкома при мне сменилось — всех помню и могу про каждого рассказать, кто как руководил. И Федора Марковича, нынешнего секретаря, давно знаю. Так себе, не очень дельный работник. Шуму, крику много, а толку мало. Но пыль в глаза пустить умеет. Так вот я и говорю: пока у нас в райкоме Федор Маркович — пусть лучше звездочку никому не дают. И про себя бы так сказал, если б заслужил: не надо, воздержитесь, а то тут из меня святые мощи сделают.

Эта Степанида Грачева — из колхоза «Первое мая». Недалеко, пять километров от нас, соседний хутор. Мы с первомайцами соревнуемся, часто приходится мне бывать у них, так что знаю я там весь народ и все порядки ихние. Когда-то она была скромная женщина, Степанида, и по работе ничего неправильного за нею не замечалось, не жаловались на нее люди, а как получила на Всесоюзной выставке медаль за свеклу да потом еще дважды наградили ее — испортилась характером. Сама, видно, некрепко на ногах стояла, а тут ее еще и подтолкнули.

Эти награды, я скажу, на разных людей по-разному действуют. Был и у нас в колхозе бригадир-орденоносец, Иван Кузьмич Черноусов. За пшеницу получил орден «Знак Почета». Так наш Кузьмич, когда приехал из Мо-

сквы с кремлевского совещания,— сам не свой ходил по селу. Захворал от думок. Зима стояла морозная, а снегу выпало мало, за озимые тревожились, и весна была сухая, ветреная. «Что, говорит, как не возьму по двадцать пять центнеров? Я же обещание дал». Сны ему страшные снились. Будто вызывают его опять в Москву, в Кремль, и на таком же собрании, при всем честном народе, отбирают орден. Аж в уборочную повеселел, когда пошло зерно на весы: по двадцать семь центнеров взял... Погиб под Кенигсбергом.

И Степанида брала новые обязательства после своих орденов. В тридцать девятом году по семьсот центнеров свеклы накопала. Это все правильно, так и полагается — не стоять на месте, а двигаться вперед. Только надо не забывать, для кого и для чего твои рекорды нужны. Если район сеет сахарной свеклы, скажем, тысячу гектаров, а у тебя в звене три гектара,— это же капля в море. Ты одна своим сахаром государство не накормишь. Надо работать так, чтоб и другие прочие могли твой опыт перенять.

Оно, знаете, не только в сельском хозяйстве бывает неверное понятие о рекордах. Лежал со мною в госпитале в Саратове один танкист, шахтер из Донбасса. Много мы с ним говорили о жизни. Я ему про колхозы рассказывал, он мне про Донбасс. И хорошее вспоминали и плохое. Вот он говорит: «Бывало у нас еще и так. Вся шахта выполняет план процентов на восемьдесят, положение незавидное, прорыв, а начальство готовит к открытию партийной конференции или к какому-нибудь празднику тысячный рекорд. Создадут одному стахановцу такие условия, каких другие и во сне не видят, приставят к нему целый взвод помощников, он и отвалит тысяч пять процентов нормы. Шуму потом вокруг этого рекорда — больше чем нужно. А пользы, если разобраться,— ни на грош. Во-первых, стахановца, хорошего человека развращают. Во-вторых, вызывают недовольство у рабочих — рабочие-то знают, как было дело. А, в-третьих, сами руководители не тем, чем нужно, занимаются, не туда свою энергию направляют, куда следовало бы направить». Слушал я этого шахтера и думал: точь-в-точь как у нас в районе со Степанидой Грачевой.

Район наш и до войны был средненький. Областную сводку в газете посмотришь: если не на середке болтаемся, так в хвосте плетемся. Сеяли не в срок, с сорня-

ками плохо боролись, уборку затягивали. Бывало, едет Федор Маркович в область с отчетом, а мы все переживаем за него: вернется ли назад секретарем или, может, не только без портфеля, а и без партбилета приедет домой? От хлебозаготовок до хлебозаготовок жил человек под страхом божьим, как говорится. Да и сейчас так живет. Оно ж это все, и поздний сев и плохая уборка, все потом боком выходит на хлебопоставках. Надо правду сказать — район-то наш тяжелый. Большой район, земли много, и земли разные: там болота, там пески, в одном месте осушать надо, в другом поливать, что в одном колхозе родит хорошо, то в другом не родит. Но все ж таки, если внимательно к каждому колхозу подойти и правильно народом руководить — можно хорошей урожайности добиться. Только надо подальше вперед смотреть, за несколько лет вперед. Мелиорацию сделать, землю в порядок привести, севообороты наладить — это не одного дня работа. А Федора Марковича как вызовут в обком с отчетом, так — выговор ему. В другой раз — строгий с предупреждением, в третий — с последним предупреждением. Куда ж ему вперед смотреть? Еще раз едет, думаем: ну, все, отслужил! Нет, опять с выговора начинают.

Вот он, наш Федор Маркович, должно быть, и решил от такой беспокойной жизни хоть отдельными рекордами прикрыть грехи. Понял, в чем тут ему выгода. Хоть упомянут в газете, откуда она родом, та прославленная звеньевая, из какого района, и то ему — отдушина. Как приедет в колхоз «Первое мая», одно твердит председателю — о звене Степаниды Грачевой, чтоб помогали им всячески. В «Завет Ильича» приедет, идет к звеньевой Марине Кузнецовой,— тоже орденом ее наградили,— только с ней и разговаривает — будто больше в колхозах и людей нет, и дела нет другого, и никаких других культур, кроме сахарной свеклы, не сеем мы.

Помогать таким людям, конечно, нужно. И я нашему Черноусову помогал больше, чем другим бригадирам. Чтоб уверовали колхозники, какую урожайность можно взять от нашей земли, если сделать все, что наука советует. Но можно так «помочь», что тот человек, ежели здравого рассуждения не потерял, и сам после не скажет тебе спасибо за твою помощь. Если несколько лет изо дня в день хвалить да хвалить человека и ни слова не сказать ему об ошибках, недоделках, о том, что жизнь наша не стоит на месте, что все у нас растет и расширяется,

а стало быть, и обязанности наши расширяются,— и стахановец может закостенеть душою.

Что такое есть соревнование в колхозах? Это значит — каждый человек хочет лучше других свою работу выполнить, хочет свое лицо показать. Стало быть, надо всем давать простор. Если ты передовик — подтягивай отстающих, это самое главное. Если изобрел что-нибудь новое — всем расскажи и помоги твой опыт перенять. А так жить, как раньше жили единоличники — лишь бы мне было хорошо, а у соседа хоть пожаром гори,— так нельзя, это не по-колхозному... Был у нас когда-то на хуторе «культурный хозяин» Игнат Бугров. Опытное поле держал, чистосортные семена выводил, новые культуры сеял, а ни бубочкой ни с кем не поделялся. Завел тонкошерстных овец «рамбулье»,— тогда они у нас еще в редкость были,— ни одной ярочки мужикам на племя не продал, только валашков продавал, на убой. Зайдешь, бывало, к нему в сад — ветки ломятся от фруктов, сливы, абрикосы — в кулак величиной; сорвет одну-две, угостит, а косточки — отдай. Арбуз гостям разрежет — все семечки соберет и в мешочек спрячет — чтоб не унесли. Ну, нам сейчас такой обычай ни к чему.

Я считаю, если б правильно была поставлена у нас работа со стахановскими звеньями, то их в районе бы уже сотни были. А то ведь как получается, хотя бы с той же сахарной свеклой: у Грачевой урожайность из года в год шестьсот-семьсот центнеров, а в колхозе — сто двадцать, сто. А по району в среднем посчитать — и того меньше. Будто ножом отрезано — это рекордных звеньев участки, а это — других прочих. Отчего такая разница? Оттого, что не всерьез взялись за дело, а лишь для вывески, для показа. Чтоб и у нас было на вид, как у людей: есть, мол, в районе электростанция, есть кино, футбольная команда, еще есть то-то и то-то, и знатных стахановцев имеем полдесятка, или сколько там положено их иметь. Оно-то никем ничего не положено, никто тут нормы нам не устанавливал, но знаете же, как бывает, если формально к делу подойти...

На Грачеву сейчас просто жалко смотреть, как вспомнишь, какой она была. И жалко и досадно, что человека испортили. Не так на нее досадно, как на руководителей районных. Была простая тетка, колхозница, боевая баба, беспокойная, вожак настоящий, а стала — чиновница. Она-то и сейчас боевая на язык, никому

спуску не даст, затронь только, председатель колхоза как огня ее боится, но уже не туда она гнет. Свою выгоду лишь защищает.

Как прославили ее знатной стахановкой, мастером высоких урожаев, как зачастили к ней писатели, кино-съемщики, академики — у нее и закружилась голова. Стала поглядывать на людей свысока. Вот тут бы ее и поправить с самого начала, невзирая на ее заслуги. Так куда там нашим догадаться! Сверху раз похвалят, а они десять раз повторят. Назвали клуб в селе именем Грачевой, школу, в которой она когда-то училась, назвали ее именем, портретов с нее всюду понавешали, с такими надписями, будто на памятнике: «Вечная слава ударнице полей!», «Гордость нашего района» и так далее. Додумались даже — прикрепили к ней секретаря, одну ученицу из десятилетки, чтоб писала за нее статьи в газеты, на письма отвечала и приезжих принимала, когда ей некогда. Звеньевая с личным секретарем — как председатель облисполкома! И она быстро этак вошла во вкус. Поставила в прихожей диван, графин с водой — вроде как приемная, а горница — то ее кабинет. Придут к ней люди — по двое-трое в горницу не пускает, пока с одним разговаривает, те сидят в приемной, очереди ожидают. Откуда она этого набралась? Побывала в области на слетах, походила там по учреждениям — оттуда, что ли, переняла? Телефон к ней на квартиру провели. Если нужно чего из района передать в колхоз, звонят ей, только с нею и советуются, ее спрашивают о положении в колхозе, через нее и все распоряжения делают, а она уже председателю их передает. Короче сказать — возомнила она себя первым человеком в колхозе и так стала командовать председателем, будто весь колхоз только для того и существует, чтобы на ее рекорды работать. Не она, с ее рекордами, для колхоза, а колхоз для нее.

Нужно ей, скажем, лишний раз прополоть свеклу — председатель, по ее приказанию, снимает людей с других работ и посылает к ней на помощь. Напали вредители на плантацию, надо быстро борьбу с ними провести — опять из других бригад и звеньев у нее люди работают, хотя в тех бригадах тоже свои посевы есть и такие же вредители их портят. Так то считается — рядовой посев, а у нее — показательный! Если подсчитать трудодни, хотя бы за прошлый год, во сколько обошлась обработка ее плантации, так там только половина трудодней ее звена, а по-

ловина — приходящих колхозников. Это уже нехорошо, нечестно. Так же и минеральные удобрения, и тягло, и все прочее — все ей идет в первую очередь. Но другие звенья тоже ведь не отказались бы лишний раз подкормить, прокультивировать?.. И Федор Маркович смотрит на все это сквозь пальцы. И ее самое совесть не мучает. Потому что — успокоилась.

А этого сейчас уже недостаточно — показывать колхозникам рекорды с малой площади. Этому они уже верят — что земля наша способна вдвое, втрое больше родить. И про тысячу центнеров свеклы с гектара слыхали и про семьсот пудов кукурузы слыхали, читали. Разве только лишь какой-нибудь столетний дед станет возражать против науки. Теперь надо такую агротехнику показывать, чтобы всякому звену была доступна. Расширять надо дело, не успокаиваться.

Вот она едет, Степанида Грачева, на слет стахановцев в район или в область и знает наперед, что выберут ее там в президиум, посадят на самое почетное место, все пойдет чинно, гладко, все ораторы будут о ней говорить, хвалить ее. И больше ничего не ожидает. А если бы ее там спросили вдруг: «Как же так, Степанида Ивановна, получается, такой большой опыт накопила ты по сахарной свекле и терпишь, что рядом с тобой у других прочих по сто, по восемьдесят центнеров выходит? Не болит оно разве тебе?» Нет, об этом ее не спрашивают. А надо бы спросить. Надо прямо ей сказать: «Не идут к тебе люди за опытом — призадумайся, почему так получается? Может, сама виновата, оторвалась от массы? Зазнайством своим отпугнула от себя людей? К тебе не идут — ты пойди к ним, поправь ошибку, покажи, научи, поругай кого нужно за неповоротливость, но добейся, чтобы все по-твоему стали работать. Что ж ты думаешь — из года в год брать свои рекорды на трех гектарах и на этом покончить? Этим хочешь и славу свою оправдать? Да у нас сейчас, после этой войны, пол-России людей с чинами, орденами. Если б каждый подумал: ну, все, достиг своего — так и жизнь бы остановилась».

...Вот так мы здесь урожайность повышали. Каждый год одни и те же люди у нас славятся, одни и те же колхозы впереди идут, а кто до войны отставал, тот и сегодня отстает. Потому я и говорю, что если б присвоили Грачевой звание Героя — толку мало было бы. Пошумели бы лишний раз, и все.

А вот как дали мы нынче обязательство, какой урожай должны собрать в сорок седьмом году,— за весь район дали, за всю посевную площадь, и цифры назвали по всем культурам и во всех газетах наше обязательство напечатали,— то теперь будем думать, как его выполнить. И людей будем искать. Не на одного человека будем опираться, сотни таких передовиков найдем, что поведут за собой массу. А это вернее будет, когда вся масса поднимется. Это урожаем пахнет, а не рекордами.

Да вот еще — если бы обком больше внимания обращал на наш район. С Федором Марковичем, я считаю, надо так поступить: либо заменить его другим человеком,— первый секретарь райкома — это же первая голова в районе, самая умная голова! — либо как-то подбодрить его, дух поднять. Сказать ему прямо: работай уверенно, не бойся, что снимут тебя, не поглядывай за ворота. Будешь проводить тут посевные и уборочные до старости, пока и внуков поженишь. Ремонтируй дом, который тебе дали, садик сажай, по-хозяйски; в общем — устраивайся. И в колхозах наводи порядок по-хозяйски. Не на день и не на два, а на годы. Не заглаживай по верхам, лишь бы лоск показать, а глубже вникай в колхозную жизнь, коренные вопросы решай, мозгами, в общем — пошевеливай. Тогда, может, и он лучше станет работать. Может, тот же самый Федор Маркович совсем иначе дело поведет.

1946 г.

О ЛЮДЯХ «БЕЗ СТЕЛЬКИ»

Будучи в командировке в одном сельском районе, я зашел в сапожную мастерскую райпромкомбината. Пока мастер подбивал к моему сапогу оторвавшуюся подметку, я сидел и слушал его жалобы на директора комбината. В мастерской работало человек десять сапожников. То, о чем начал говорить мой мастер,— звали его Мирон Иванович,— живо задевало всех. Речь шла о непорядках на производстве.

Райпромкомбинат в сельской местности — не бог весть какое колоссальное предприятие. Его так называемые цехи — это обычно кустарного типа мастерские с небольшим количеством рабочих. Но для своего района, при хорошей постановке работы, эти мастерские могут сделать многое — и колхозам помочь и добавить разных необходимых товаров в магазины для населения.

Об этом и рассуждал Мирон Иванович, приколачивая железными гвоздями подметку, чертыхаясь, когда концы гвоздей не загибались внутри на лапке — очень уж толсты были они.

— Нашего изделия... А замки наши вы не видели? Безопасные — никакой жулик не отомкнет. Сам хозяин с ключом не отомкнет. Защелкнул — навеки... Рашпиль тоже нашего производства. Вот полюбуйтесь, ежели понимаете. Разве можно им кожу зачистить? Насечка, как зубья у бороны. Не зачищает, а дерет. Делали — лишь бы поскорее план выполнить. А вот молоток. Стукнуть покрепче по железу — головка долой. Сами себя не можем хорошим инструментом обеспечить, что уж тут говорить о продукции, которую на продажу выпускаем!..

— А мне рассказывали другое о вашем комбинате. Хвалили как лучший райпромкомбинат в области.

— Э-э, товарищ дорогой, так то ж было в прошлом году, при старом директоре! Действительно, было чем похвалиться. Гремели на всю область. Переходящее знамя держали... Товарищ Сергеев был у нас — вот то

директор! И каким, скажи, ветром занесло его сюда? Ленинградец, инженер. Воевал в наших краях, тут его ранило; вылечился в госпитале и остался у нас.

И сапожники наперебой стали рассказывать о Сергееве: как он руководил производством, как заботился о рабочих, как расширил и укрепил комбинат. До войны у них было всего три цеха, а Сергеев открыл еще десять новых цехов: и щетки делали, и хомуты, и мебель, и детские игрушки. Бумагу делали из соломы. Все инвалиды пошли работать к Сергееву, и слепым нашлась работа — веники вязали. Был в районе детдом — пятьдесят сирот погибших фронтовиков,— Сергеев взял всех ребят на полное обеспечение комбината, старших устроил учениками в мастерские. При нем райпромкомбинат занимался даже таким необычным делом, как восстановление разрушенных зданий, ремонтировал школы, больницы. Было у них большое подсобное хозяйство, давало много продуктов, рабочих кормили в столовой сытно и дешево.

— Работал он здесь, а мы дрожали за него: заберут его от нас! Орел! Ему высоко летать.

— Так и вышло. Два года всего пробыл здесь.

— Завод строит сейчас большой где-то в Донбассе...

— Станет, бывало, речь говорить на собрании — каждое слово тебе в душу вложит. Расскажет людям, что творится на белом свете, и к нашим делам подведет — для чего нужны, мол, наши ободья, хомуты: все для колхозов, для народного хозяйства. И мы, дескать, не последние винтики в государстве.

— Оно и работать веселее, когда пользу от своего дела сознаешь...

— Умел поднять дух рабочего человека.

— На таких руководителях земля наша стоит!..

— А теперь у нас директором товарищ Сергеенко,— продолжал Мирон Иванович.— На каблук косячок положить? А может, набойку? Тогда уж и на другой каблук придется положить, как это говорится, для... чего?

— Для симметрии.

— Вот, вот. Давайте сапог... Был товарищ Сергеев, теперь товарищ Сергеенко. По фамилии разница небольшая — Сергеев, Сергеенко, а по делу, как небо от земли! Зайдет в цех — здравствуй людям не скажет, будто и не замечает никого. Молчит, сопит, все вроде сердится на нас. А за что? За то, что сам неудалый? Хотя, как сказать — неудалый. На дело у него способностей нет, а так

чего-нибудь скомбинировать — это он умеет. И скажи, какие люди есть! Ну, не можешь сам собственной головой ничего хорошего придумать, так хоть бы по готовому ладу вел. Как настроили до тебя, так и держи. Нет, и этого не может. Или не желает. Три цеха уже прикрыл. На которое производство нет приказа сверху, считает — лишняя обуза, надо его ликвидировать. Вот гвозди. Это при нем стали такие делать. Крупные гвозди скорее делать, чем мелочь, а ему лишь бы отчитаться по весу, что выполнил план. А что мы его клянем тут и что гвоздь этот подошву рвет, обувь губит заказчику — на это ему наплевать... Бондарный цех закрыл, а дом себе под квартиру приспособил. Не то чтобы жить ему негде было — имел квартиру хорошую, но не особняк. Посмотришь на его ухватку — ничто ему не болит наше! С подсобного хозяйства возами продукты тащит. Вот и вся его забота — о своем брюхе. Загубит он наш комбинат!..

Из того, что Мирон Иванович еще рассказывал о Сергеенко, стало ясно, что у рабочих были серьезные основания тревожиться за судьбу своего предприятия. Их нынешний директор переменил в районе уже немало должностей. Работал на райбазе по заготовкам овощей — сняли, не справился. Был заведующим райсельхозотделом — сняли, с выговором. Был председателем райпотребсоюза — сняли, объявили строгий выговор, чуть под суд не угодил за самоснабжение. Еще откуда-то снимали его раза два. И вот опять назначили на ответственную должность — директором райпромкомбината.

Бывает еще у нас так, к сожалению. Человек неоднократно доказывал делом, вернее провалом порученного дела, свою никчемность, неспособность руководить людьми и занимать высокие посты, но все же его продолжают считать кадровым «ответственным» работником определенного масштаба. Хотя весь «масштаб» тут заключается лишь в том, что его то и дело выставляют из районных или областных учреждений. Но именно — из областных или районных, не ниже. Поэтому, что ли, к нему привыкают, как к «кадровику»? Какой-то гипноз послужного списка. После очередного строгого внушения за очередной развал работы в очередном учреждении товарищи в отделе кадров снова ломают голову над вопросом: куда его теперь послать, какую подыскать ему новую должность, чтоб не очень все же обидеть его, не понизить в ранге, зарплате?..

— В райсельхозотдел, в райпотребсоюз — все в рай и в рай его пихают, тьфу ты пропасть! — плюнул с ожесточением Мирон Иванович.— Архангел какой, херувим! В раю ли ему место? Выговора, предупреждения!.. Да разве его этим исправишь? К нему что ни прилепи — держаться не будет. Стельки нету. Знаете, как в сапоге: стелька — самый главный предмет. Основа. Ежели хорошая стелька, то и подметку подобьешь и союзку положишь, а ежели плохая — весь сапог не годится, хоть заново перетягивай. Так и Сергеенко наш. Хоть выговор ему, хоть два, хоть деревянными гвоздями прибей, хоть железными, вот этими костылями — ничто не пристанет. Лубок трухлый у него в середке вместо стельки... Придется, должно быть, самим какие-то меры принимать. Пойдем в райком, расскажем, что у нас тут делается. Может, он туда совсем другую продукцию представляет из наших цехов, высшего качества — по ней и судят о его работе? А как он для народа старается, того не видят. С лица только видят его. Он же и заходит в кабинеты лицом вперед и выходит, не оборачиваясь, задом дверь открывает. А мы-то здесь осмотрели его со всех сторон... А не добьемся правды в районе — поедем в обком!

Не раз думал я после этого разговора с сапожниками, что же такое стелька в человеке, по образному выражению Мирона Ивановича?

Можно, пожалуй, объяснить так. Люди «без стельки» — это умеющие внешне производить впечатление, а внутренне — никчемные работники, бездельники, болтуны. Но ведь встречаются и очень деловитые люди, энергичные, хозяйственные, а тоже с какой-то душевной пустотой. Иной раз это даже не пустота, а нечто другое, в чем тоже нужно бы разобраться поглубже: не уведет ли оно человека, при всех его благополучных на вид «показателях», куда-то совсем в сторону от больших жизненных целей советского общества?..

В одной кубанской станице работали председателями колхозов двое старых моих знакомых: Тихон Поликарпович Наливайко и Максим Григорьевич Рогачев. Оба руководили крупными богатыми колхозами. «Передовик» — колхоз, где был Наливайко,— имел годового дохода перед войной свыше двух миллионов, называли его «дважды миллионер». Колхоз «Серп и молот», где рабо-

тал Рогачев, немного отставал по доходности, но тоже приближался к двум миллионам. Рогачев и Наливайко считались лучшими председателями в районе, их колхозы раньше всех кончали сев, уборку, у них больше, чем у других, распределялось хлеба и денег по трудодням.

Наливайко и Рогачев были людьми уважаемыми, и, бывало, в районных организациях им прощали многое такое, за что других не преминули бы взгреть.

Если бы председатель какого-нибудь отстающего колхоза в разгар полевых работ повез в Краснодар два вагона ранней капусты и сидел там со своим товаром неделю, выжидая дождя,— чтоб прекратился подвоз и поднялась цена,— это не сошло бы ему даром. Наливайко сходило, потому что в хозяйстве у него было все налажено, были у него распорядительный заместитель, толковые бригадиры, и его отлучки не отражались на текущих кампаниях. Если, случалось, и журили его за чрезмерные увлечения базаром, то в шутливом тоне, похлопывая по брюху: «Социалистическое накопление? Красный Ротшильд! На который миллион перевалило?»

Рогачев — жилистый, худой, почерневший и высохший на степных ветрах, красный партизан, боец Первой конной — тоже был не дурак насчет купли-продажи. И о нем говорили с похвалой: «Хозяин! Копейки колхозной не упустит!»

«Не для себя — для колхоза»,— этим оправдывалось все, и это мешало райкому партии глубже вникнуть в дела оборотистых председателей.

Мне, жившему ближе к ним, многое в их колхозах — и хорошее и плохое — было виднее. Чувствовалось, что у самих председателей в душе осталось еще что-то от мужика, от крестьянской ограниченности. Все — для нашего колхоза, а что за нашими межами — хоть пожаром сгори! Любить колхозное, как свое,— этому они научились. А дорожить государственным, как колхозным,— этому им надо было еще научиться.

Странная вещь: в самой богатой станице района, где было два колхоза-миллионера, учителям, врачам и рабочим МТС жилось труднее, чем в других, не столь богатых станицах и хуторах. Наливайко и Рогачев «монополизировали» рынок и завышали цены на продукты, как им вздумается. Даже в городе все стоило гораздо дешевле, чем на местном глубинном рынке, но до города — тридцать километров, за молоком туда не наездишься.

Из-за этих двух самых мощных, но не отзывчивых на общественные начинания колхозов в станице сорвалось строительство межколхозной электростанции. Наливайко и Рогачев никак не могли договориться, кому проводить свет в первую очередь, а кому во вторую — строительство планировалось на две очереди. Решили строить каждый себе «собственную» станцию. Но для маленьких электростанций трест не отпускал оборудования. Так и жили там люди при керосиновых лампах и каганцах. Не было станичного клуба, радиоузла, школы не освещались по вечерам. А хлеба колхозники получали по десять килограммов на трудодень.

Поговаривали, будто Наливайко приказал однажды чабанам перед стрижкой овец целый день гонять отары по пыльным дорогам и взлобкам, чтоб набилось песку в шерсть — для весу. Все умные хозяева, мол, делали так раньше. А Рогачев дал как-то свой духовой оркестр в соседний колхоз на похороны с почестями одного старика активиста, а потом прислал его вдове, больной одинокой бабке («чужая» — из другого колхоза!) повестку на сто рублей «за пользование оркестром».

Их звали иногда в шутку «братья Копейкины» — в станице были когда-то знаменитые купцы-воротилы Копейкины. Но теперь всем ясно, что Наливайко и Рогачев, при некоторых схожих чертах, не были все же братьями по духу. Я говорю теперь, потому что в военные годы их пути круто разошлись.

Рогачев был малограмотный человек, с трудом прочитывал районную газету и, кроме нее, пожалуй, никакой литературы никогда в руки не брал. Это был организатор-самородок, практик, доходивший до всего «нутром», выросший за годы коллективизации из рядового крестьянина в руководители огромного общественного хозяйства лишь благодаря своей преданности делу. Сколько я знал колхоз «Серп и молот», там не было хорошего парторга, не было возле Рогачева человека, который помогал бы ему государственно осмысливать многие вещи, расширял бы его кругозор, постыдил бы его кстати и за барышничество: с кого же ты дерешь, мол, по пять рублей за арбуз — с рабочего МТС, который тебе тракторы ремонтирует?

Но руководил колхозом он все же как председатель, а не как управляющий. Созывал часто общие собрания, советовался с народом, не командовал, помнил и старался соблюдать колхозный устав. Любил Рогачев свой колхоз

беззаветно. Почти не жил дома, дни и ночи проводил в поле, личным хозяйством совсем не занимался. И если скупился и даже жадничал, выгадывал всячески, как бы положить в кассу лишнюю сотню рублей, то действительно «не для себя». Себе он отказывал в самом необходимом, боясь, чтоб колхозники не упрекнули его в мотовстве. Само правление как-то решило купить председателю выездную тачанку, а то все ездил по бригадам на случайных подводах, а больше ходил пешком: не хотел отрывать от полевых работ лошадей и расходовать трудодни на конюха.

Наливайко был другого склада хозяйственник. Этот часто говаривал колхозникам: «Я вам гарантирую, что десять килограммов на трудодень вы получите, ну и все, не мешайте мне делать, что я хочу». О колхозе он заботился, но и себя не забывал, смотрел на колхозные кладовые как на собственные, выписывал «по себестоимости» целые свиные туши, мед, масло пудами — сверх причитающегося на его председательские трудодни. Ездил без нужды ежегодно на курорт за счет колхоза. «Дорогóй председатель? — говорил он на отчетных собраниях, предупреждая выступления недовольных колхозников.— Дорогóй? Ну что ж, вы свои десять килограммов полýчите, а я свое возьму. А не нравлюсь — выбирайте дешевого. Он вам развалит хозяйство, по килограмму будете получать. Лучше будет?»

Когда стансоветские комиссии перемеряли усадьбы колхозников, выявляя излишки сверх положенного по уставу, у самого председателя колхоза тоже пришлось отрезать два лишних огорода. Было у него три коровы, полный баз овец, свиней, птицы. Жена его не управлялась одна с домашним хозяйством, держали работницу, не принятую в колхоз бывшую кулачку, старуху, семья которой вся была выслана из станицы.

Смотришь, бывало, как живет Наливайко, и думаешь: а может быть, такому председателю колхоз дорог лишь тем, что дает ему доходную должность? Может быть, только это и вдохновляет его на накопление колхозных миллионов,— что он оттуда немалую толику и для себя урвет?

С людьми он обращался неприветливо, грубо. Колхозники неохотно шли к нему со своими нуждами, боялись его, не любили. Однако ценили его хозяйский глаз, опыт, смекалку. Одни его широкие знакомства что стоили для

колхоза — мог достать сколько хочешь и кровельного железа, и стекла для парниковых рам, и гвоздей.

Проработал он председателем «Передовика» пять лет. Там и застала его война. Разразились события, изломавшие все привычное, налаженное. Наступило время проверки каждого человека — способен ли он выдержать тяжелейшие испытания, как готовил себя к ним, не потеряет ли, несмотря ни на что, веру в победу? Да и нужна ли она ему, победа, настолько, чтобы он не мог жить без нее?..

Я знаю точно: Наливайко не был выходцем из кулацкой или помещичьей семьи. До коллективизации он был бедняком. Привело его к тому, к чему он пришел, не чуждое социальное прошлое, не голос крови, а — голос шкуры.

На месте секретаря райкома, отбиравшего в партизанский отряд лучших, надежнейших людей, я бы не допустил в отряд Наливайко, не доверил ему партизанской тайны. Черты собственника, стяжателя слишком явно проступали в нем. Можно ли было не опасаться, что в критическую минуту личное благополучие он поставит выше всего?.. Но в таком случае, естественно, возникал и другой вопрос: зачем же его держали председателем колхоза пять лет? И не следовало ли еще раньше призадуматься — для чего этот человек вступал в партию?..

После оккупации немцами Украины, Ростова, прорыва на Кубань Наливайко потерял, видимо, надежды на возвращение Красной Армии. Когда немцы подошли к станице, он, обвешанный гранатами, опоясанный двумя патронташами, с охотничьей двустволкой ушел ночью с партизанами в плавни. Ушел, но до места не дошел (обо всем этом партизаны рассказывали мне уже после войны, когда мне случилось опять побывать в этой станице). Присел где-то на полпути переобуться, отстал в темноте, и больше его в отряде не видели. Спустя несколько дней партизанские разведчики донесли командиру отряда, что Наливайко вернулся домой и назначен немцами станичным старостой.

Купил Наливайко «помилование» себе и даже доверие немецкого командования ценою предательства: выдал немцам партизанские продовольственные базы. Но знал он расположение не всех баз, только тех, куда сам возил продукты за несколько дней до ухода партизан в плавни.

А затем, в новой должности, Наливайко стал делать все то же, что делали и другие старосты из раскулаченных и

бывших белобандитов: угонял молодежь в Германию, отмечал день рождения Гитлера, выдавал на расправу гестапо семьи партизан и коммунистов. За пять месяцев службы оккупантам он успел, беря из лагеря на работу пленных красноармейцев, построить себе новый кирпичный дом в станице, получил от коменданта «в собственность», за усердие в выполнении поставок для немецкой армии, бывшую колхозную вальцовую мельницу...

В январе сорок третьего года партизаны совершили удачный налет на немецкий гарнизон в станице, уничтожили роту эсесовцев. Полицаев, по возможности, брали живьем. Наливайко подняли с постели в его новом доме в кальсонах и, не дав ему времени одеться потеплее, увезли в плавни. Разговор там с ним был недолог. Партизан не очень интересовали психологические подробности его падения, что и как заставило его продаться врагам родины. Экономя боеприпасы, спустили его прямо в прорубь — «именем советского народа». В числе приводивших приговор в исполнение был и Максим Рогачев.

О Рогачеве партизаны рассказывали мне много хорошего. Дрался он с фашистами честно, храбро, не щадя живота, был три раза ранен. Уходя в плавни, Рогачев отправил семью в дальнюю станицу, в горы, к родственникам, а хату свою, не дожидаясь, пока немцы, узнав, что он в партизанах, уничтожат ее, сжег сам... Хату спалил, хватило духу, а когда подошли ночью в поле к огромным скирдам необмолоченного колхозного хлеба — не выдержал. «Хлопцы! Да неужели ж не отобьем это добро назад? Это же хлеб! Сколько трудов вложено!» И пошел прочь от скирд, бросив под ноги партизанам-колхозникам зажженный пук соломы. «Не могу. Палите сами...» Однако, отойдя немного и увидев, что ветер не перенес огня с первой скирды на другие, вернулся и доделал все по-хозяйски... За боевые подвиги в отряде он был награжден орденами Ленина и Красного Знамени.

Сейчас он по-прежнему председательствует в колхозе «Серп и молот».

Я спрашивал его, что он думает о Наливайко?

— Что думаю?..— Рогачев крепко, непечатно выругался.— Он мне всю душу, гад, перевернул!.. До сих пор думаю: за что нас братьями Копейкиными называли? Вот родич какой!

— Ну, это ты знаешь, за что... Помнишь, как Наливайко рисом торговал?

— Как же! Выделил пятьдесят продавцов, каждому два мешка риса под отчет, командировку в зубы, и — в разные города: Таганрог, Кривой Рог, Киев, Одесса. Всю зиму возили. Пятьсот центнеров стаканами продали. Стаканами дороже выходило раза в два, чем крупным весом.

— А ты, глядя на него, муку блюдечками продавал в Харькове. Тоже держал целый штат разъездных спекулянтов. Превратили колхозную торговлю в мешочничество.

— То-то и оно — глядя на него... Не хотелось, чтоб меня худшим хозяином считали!

— А как у вас начали строить школу-десятилетку? Да заломил ты за кирпич такую цену, что дешевле его было привезти из города по железной дороге, чем у тебя купить?

— Не говори!.. Директор школы был с нами в отряде. Он мне и там за тот кирпич и снабжение учителей проходу не давал, стыдил... Вот скоро восстановим кирпичный завод — отпустим школам и больнице по себестоимости сколько потребуется. В самом деле, на чем наживались?

Бывший командир отряда Алексей Кириллович Осипов, вернувшийся из плавней в свой секретарский кабинет в райком партии, — вернувшийся, надо сказать, лучшим секретарем, чем знал я его раньше, более вдумчивым и серьезным,— говорил о Наливайко:

— Этого случая я до гроба не забуду. Как мы ошиблись в нем!.. Если бы не война, мы его, пожалуй, за хозяйственные достижения к ордену представили. Ослепил он нас своими «показателями». Ведь нам в райкоме очень трудно приходится, когда председатели колхозов неопытные, неумелые. Уполномоченных держим безвыездно в таких колхозах, звоним, нажимаем. А к этому можно было месяцами не заезжать. Это же был зубр! Хозяйство у него, как часы. Забыли указание товарища Сталина, что колхоз лишь форма организации, социалистическая, но все же форма, и все зависит от того, какое содержание будет влито в эту форму... Такого шибая держали руководителем колхоза! Как мы его партийность проверяли? Опять же — по сводкам. А как он с людьми разговаривает, чему их учит, куда ведет, какой пример им подает своей жизнью — в это не углублялись... Как его назвать? Перерожденец? А с чего бы ему переродиться? Обстановка влияла, среда? Так вокруг него были советские люди и занимались все хорошим делом — социалистическим строительством. Нет, никакой он не перерожденец...

— Теперь он у тебя, Алексей Кириллович, не выйдет из головы, пока формулировку не подберешь.

— Да. Такая наша обязанность — подбирать формулировки. Вам, писателям, что: настрочил целый рассказ об одном человеке, литературный портрет, так сказать, художественные тона, полутона, а нам надо — коротко и ясно. Протокол. Иной раз исключаем из партии, надо в двух словах сказать: за что? Вот ты рассказываешь про сапожников, как они того директора назвали — «без стельки». Так этого же не запишешь в протокол... Не перерожденец он был. Таким и в партию вступал. Может, с должности председателя колхоза метил и повыше, в предрика, а там, чем черт не шутит, и в область, на какой-нибудь высокий пост?..

Труднее всего, пожалуй, «перевоспитать» карьериста, шкурника. Да и стоит ли над этим трудиться — в том смысле, чтобы уберечь такого человека от полного краха, сохранить его во что бы то ни стало в «номенклатуре», в кадрах ответственных работников? Оберегать *ответственные посты* разных масштабов от таких людей — задача более своевременная и важная. Вот об этом и хочется еще поговорить в этих заметках, вернувшись к началу.

В некоторых партийных организациях у нас изучают людей не по их делам, а по анкетам, дипломам, обещаниям и заверениям. Иной человек зажигательно, с пафосом говорит о необходимости быстрее двигаться вперед, к коммунизму. Говорит — а самому коммунизм представляется неким журавлем в небе, не очень рвется он к нему, не много сил тратит на это, норовит покрепче держать сегодня синицу в руках: персональную машину, отличную квартиру, высокий оклад. На словах он за демократию и критику, а на деле — самодур, не выносит критики, как черт ладана. На людях — энтузиаст, а в личной жизни — обыватель, зевающий от скуки, когда сын-ученик рассказывает ему о спорах на комсомольском собрании: «Давай, сынок, хоть дома без политики, она мне и на службе надоела...» Коммунизм для него — служебная форма, и даже не повседневная форма, а парадный мундир, звучное слово для «закругления» митинговой речи. Смысл этого слова не доходит до его сердца.

А для советских людей борьба за коммунизм — все

содержание их жизни и в праздники и в будни. Чем больше пота и крови стоит народу наше дело и его защита от врагов, тем дороже цели, тем непримиримее относится народ ко всему, что мешает нашему движению вперед, к этим целям.

Об умении некоторых опытных карьеристов пускать пыль в глаза, производить внешне выгодное впечатление можно бы написать много, специальное исследование. Тут и тонкое знание никем не писанного этикета, и угодливость, принимаемая по ошибке за служебное рвение, и обыкновенное нахальство, принимаемое за напористость, и ловкачество, похожее на инициативу.

Вероятно, у них есть свои «десять заповедей». Может быть, они и не заучивают их наизусть, как молитвы в детстве, не произносят вслух, ложась в постель и восстав ото сна, но живут они, безусловно, по каким-то интуитивно выработанным правилам. Например:

Уезжая в отпуск, не оставляй заместителем человека умнее себя — могут сделать невыгодное для тебя сравнение, и твой отпуск превратится в бессрочный.

Учись. Не для расширения кругозора, а для отметки в личном деле о высшем образовании. Если поможет личный секретарь — пиши и дессертацию, пригодится!

Живи просто — проживешь лет сó сто. Побольше запрещай, поменьше разрешай. Иногда проще и безопаснее запретить какое-то «мероприятие», чем разрешить его.

Если уж провалился — старайся как можно искреннее признать все ошибки. Признавай охотно, не артачься. Падай наземь и проси прощения — в характере русских людей не бить лежачего...

А впрочем — довольно. Не к чему перечислять все заповеди, а то как бы эти заметки не превратились в руководство для начинающих пролаз.

Рано или поздно таких людей у нас распознают, и их карьере приходит конец. Товарищи убеждаются, что действительно нет «стельки», не к чему прибивать выговоры и последние предупреждения. Но между этими «рано» или «поздно» проходит иногда слишком много времени. Лучше бы раньше!

1948 г.

«ЛАВУЛИРУЮЩИЕ»

Слышал я в народе новый глагол — «лавулировать». Новое слово, его нет ни в каких словарях. Похоже и на регулировать, и на лавировать, и на вуалировать. Но ни то, и ни другое, и ни третье. Емкое по смыслу и очень точное слово. Зашла речь об одном ответработнике, и кто-то метко охарактеризовал его этим новым словечком: «Да он не работает, а так — лавулирует всю жизнь».

Ответственные работники потому и называются ответственными, что они на своих постах должны, обязаны самостоятельно решать многие серьезные вопросы и, если нужно, *отвечать* за свои решения. Потому им много и дается, что с них много спрашивается. Но некоторые товарищи принимают охотно лишь материальные и всякие прочие удобства, связанные с пребыванием на ответственных постах, а «неудобства», вытекающие из необходимости что-то решать, отстаивать, согласны бы и отдать другим. Когда нужно *решать* — мужественно, честно,— они лавулируют. Удается им иногда лавулировать годами. На это уходят все их способности.

Стоит ли доказывать, как важна в нашей жизни правдивая информация? Вот, скажем, на каком-то участке у нас плохо. Плохо в колхозах, где-то в каком-то отстающем районе или в области. Какие-то болезни сильно запущены, перешли в хронические. Необходимо вмешательство очень умного, опытного врача.

Изложить в информации все честно и откровенно: что у нас, мол, в нашем районе, к стыду нашему, есть еще колхозы, где новому председателю нужно начинать чуть ли не с того, с чего начинали в тридцатых годах — собирать актив и учить людей ценить общественное, как свое кровное; что мы непростительно скверно используем великолепную технику, растеряли старых трактористов и каждый год сажаем на новенькие машины учеников; что в некоторых колхозах действительно образовался какой-то порочный круг: люди мало получили хлеба по трудодням

потому, что мало его вырастили, а мало вырастили потому, что плохо работали, а плохо работали потому, что и в прошлом и в позапрошлом году получили мало хлеба, и кто в этом виноват, не мы ли сами, что не помогли колхозникам до сих пор выбрать хороших, хозяйственных председателей; что фактически умолот — то, что попало в амбары,— намного оказался ниже учтенного на корню урожая, опять допустили большие потери и хищения при уборке,— написать обо всем этом, рассказать честно все как есть, значит признать, что ты не справляешься с порученным тебе делом, самому, так сказать, напроситься на снятие с работы или строгое взыскание.

И лавулирующий товарищ предпочитает несколько приукрашивать истинное положение вещей. Ему нужды нет, что по точной, правдивой информации были бы своевременно приняты решения на пользу дела. Им руководят не интересы государства. Ведь коль скоро дело дойдет до крутых решений, ему не избежать ответственности. Так пусть уж лучше их совсем не будет пока, решений. Удастся продержаться, высидеть в своем кресле еще годик, а там, может быть, переведут на другую работу — как-нибудь сойдет с рук. Или, возможно, обнаружатся более серьезные недостатки в другом месте. Какой-нибудь другой район, где еще хуже, чем у него, будет фигурировать в решении, как пример того, к чему приводят негодные методы руководства колхозами, и «затмит», спасет таким образом его.

Есть лавулирующие и в литературе.

Если человек по незнанию жизни пишет приторные пасторали — это явление тоже мало привлекательное, но, по крайней мере, в таких случаях автор хоть искренен: он, может быть, в самом деле, читая газетные корреспонденции лишь из передовых областей, думает, что у нас уже во всех колхозах председатели — агрономы с высшим образованием и кандидаты биологических наук и что, укрупнив колхозы, мы одним махом устранили все помехи на пути их дальнейшего развития. Судить такого незлонамеренного лакировщика можно лишь за наивность и верхоглядство.

Но когда знающий колхозы писатель, проживший несколько лет в деревне, в гуще жизни, причем далеко не в передовой области, утверждает, что в наши дни в кол-

хозах конфликтов уже нет, остались лишь конфликты хорошего с отличным,— что это, как не сделка с совестью? Пишите, кому желательно, о контрастах, пестроте в урожаях, отстающих колхозах, а мне для моих сочинений хватит конфликтов и из истории дореволюционной деревни.

Удивительно, как он не чует своим профессиональным писательским нюхом, что он-то сам и есть персонаж для конфликтов сюжета — да еще какого! — из нашей жизни.

Был у меня неприятный, оставивший тяжелый осадок на душе, но в общем полезный, в смысле наблюдений, разговор с одним ответработником из лавулирующих.

Товарищ отвечает за большой участок работы, но не в первую голову, есть над ним начальники и постарше, с них больше спросится. Ему-то уж и вовсе ни к чему лезть «поперек батька»...

Речь зашла о низких урожаях в области, легкомысленном подходе к подбору кадров председателей колхозов и т. п. В каком-то месте наших споров о методах руководства колхозами товарищ, вопреки очевидным фактам убеждавший меня упорно, но как-то вяло, бесстрастно, отводя глаза в сторону, что положение, в общем, терпимое и дела в районах идут не так уж плохо, вдруг загорелся:

— А знаете, как ни плохо у нас — нам ведь не дадут окончательно развалить дело! В чем наша сила, сила советского строя?

Он вышел из-за стола и заговорил, как на трибуне, полным голосом, энергичным взмахом руки отрубая каждую фразу:

— У нас есть мудрая партия! У нас есть мудрое правительство! У нас есть государственный контроль! Рано или поздно нас призовут к порядку! Если мы докажем свою неспособность выправить положение, может быть, даже заменят нас другими работниками! Самая система советского строя такова, что жизнь идет вперед и только вперед! Здоровое, живое у нас всегда побеждает!

Глаза его светились радостью открытия. Лицо стало почти вдохновенным...

Вот, оказывается, чем некоторые лавулирующие успокаивают себя, оправдываются перед собственной совестью! «Советская система победит, преодолеет все! В том числе

и трудности, возникающие у нас по вине таких, как я!»

Слушать эти речи из его уст было так же странно, как если бы покойник на похоронах сам себе пропел «со святыми упокой»...

Что советская система победит, преодолеет все — в этом-то никто не сомневается!

Народ наш видел и видит на каждом шагу чудеса советской системы: восстановленную в неслыханно короткие сроки и далеко шагнувшую вперед промышленность; целые районы, где еще девять лет назад села были сожжены дотла, а сейчас колхозы богатеют и процветают, будто и не было войны, оккупации. Он сам, народ, творит эти чудеса там, где руководят делом настоящие коммунисты.

Тем нетерпимее относится народ к лавирующим горе-руководителям, по вине которых какие-то участки нашего строительства пока еще отстают.

И эта нетерпимость (вот в чем еще сила советского строя!) тоже залог того, что у нас не будет отстающих участков.

1952 г.

В ОДНОМ КОЛХОЗЕ

В один из июльских предуборочных дней у конторы правления колхоза «Красное знамя» съехалось десятка три грузовых автомашин — из всех колхозов района. На каждой машине было полно колхозников. Но хозяевам не впервые было видеть у себя на площади такое скопление машин. Даже ребятишки спокойно поглядывали на эту выставку автомобилей разных марок. Разлегшись в стороне, в тени под деревьями, переговаривались:

— Опять договор будут проверять?

— Какой договор! Всем районом, что ли, будут проверять? Видишь, сколько машин?

— Экскурсия?

— Понятно — экскурсия.

— По полям поедут?

— Сначала по полям, потом на фермы. Посмотрят, как электричеством коров доят.

— А потом, которых пригласят, пойдут к председателю обедать...

— Не все?

— Если всех кормить-поить, так у Павла Федорыча и зарплаты не хватит.

— У нас редкий день обходится, чтоб не было гостей.

Только одна машина привлекла внимание ребят. Они подошли ближе, долго рассматривали разнокалиберные скаты, измятую, как старая консервная банка, с пробоинами, похожими на пулевые, кабинку.

— Что, ребята? — высунулся из кабинки шофер.— Такой техники еще не видели? Это машина марки «ГТТ».

— Первый раз слышим.

— То-то и оно!.. Передок и мотор немецкие, а задний мост с форда.

— «Гитлер Трумена Тащит»,— объяснил один из колхозников, сидевших в кузове.

— Куда тащит? — спросила его женщина, сидевшая рядом.

— После разберемся. А пока еще поездим на них.

Из конторы правления вышли секретарь райкома Стародубов и председатель колхоза «Красное знамя» Назаров, Герой Социалистического Труда, оба высокие, в меру грузные для своих сорока с лишним лет мужчины, в защитного цвета гимнастерках, галифе, хромовых сапогах — издали по фигуре и костюму не отличишь одного от другого. Стародубов пропустил на заднее сиденье своего «газика» Назарова. Не оглядываясь, зная, что за его жестом следят, махнул рукой, сел рядом с шофером, с треском захлопнул дверцу.

— Поехали!

Взревели моторы, заклубилась пыль. Колонна растянулась на полкилометра через все село, впереди — верткий армейский «газик»-вездеход Стародубова.

— Куда? — спросил шофер, чуть притормозив на выезде из села, где расходились три полевые дороги.

— Я думаю, Дмитрий Сергеич,— сказал Назаров,— начнем с тех полей, что захватило градом. Там похуже.

— А потом — рожь Лисицина, перекрестный сев, свекла? Чтоб усилить впечатление под конец? Хитер! Ладно, давай, Степа, по средней дороге.

На выбоине, заросшей травой, «газик» сильно тряхнуло. Назаров стукнулся головой о перекладину тента, почесал лоб.

— Амортизация!.. Когда уже райком партии приобретет себе «Победу»?

Стародубов усмехнулся, промолчал.

— Нам предлагали «Победу», товарищ Назаров,— сказал шофер.— Дмитрий Сергеич отказался.

— Давали в обкоме на выбор: «Победу» или «газик»,— сказал Стародубов.— Я говорю: «Мне машина для работы нужна, чтоб в любую погоду проехать, куда надо». Взял этот вездеход... А вы, трижды миллионеры, когда раскошелитесь на «Победу»? — обернулся он к Назарову.

— Должно быть, никогда, Дмитрий Сергеич.

— Почему так?

— Даже записано в решении отчетного собрания насчет легковой машины для правления. А мне что-то не хочется ее покупать. Боюсь, покажусь колхозникам каким-то чужим в «Победе». Они привыкли к моей таратайке.

— Ну, это глупости говоришь! Колхоз растет, забот

прибывает, всюду нужно поспеть, нужен хозяйский глаз. Зачем тратить лишнее время на разъезды?

— Не в том суть, чтоб за полдня все бригады обскакать. В иной бригаде можно и неделю не побыть, если знаешь, что наладил там дело.

— Это-то так, конечно...

И больше ни словом не перекинулись до самой остановки на дальней границе земель колхоза «Красное знамя».

— Так вот, товарищи колхозники,— сказал секретарь райкома, когда экскурсанты сошли с машин и собрались вокруг него и Назарова,— это у них градобойные участки. Тут у них будет недобор.

— Это-то недобор?..

— Недобор, конечно,— сказал Назаров.— Присмотритесь, сколько колосков посечено, на земле лежит.

— Много лежит, но много и осталось!

— Потому много осталось, что много было,— сказал Стародубов.— Знаете, друзья, пословицу: пока толстый исхудает — из тощего дух вон.

— Нам бы, Дмитрий Сергеич, такой урожай, как у них этот недобор! — заговорила одна колхозница из приехавших на машине марки «ГТТ» из колхоза «Ударник», Христина Соловьева.— А зéмли у них, глядим, никудышные. Глина, мел. Свистульки только лепить.— Метнула горячими черными глазами в сторону своего председателя.— Что бы они тут делали, радетели наши, на такой неудóби? Как бы они выкручивались? На черноземе по семь центнеров берем!..

— Если бы в колхозе «Красное знамя» были самые лучшие земли, я бы вас не привез сюда на экскурсию,— сказал Стародубов.— Я привез вас не землею любоваться, а урожаем.

— Если на то пошло,— усмехнулся Назаров,— то можно похвалиться. Почвоведы утверждают, что хуже нашей земли нет по всей области. А на рельеф обратите внимание.

— Да уж обратили, Павел Федорыч,— подошел председатель колхоза «Общий труд» Филипп Конопельченко.— Бугры, балки, косогоры. Карпаты!.. Жалко, что не захватили на экскурсию наших трактористов. Поглядели бы, каково вот тут работать! Того и гляди, загудишь вверх тормашки с комбайном в яр!.. Небось пережогу в твоей тракторной бригаде — тонны! А?

— Третий раз приезжаешь ты к нам, Филипп Петрович, и все допытываешься насчет пережога. Нету, говорю, пережога!

— Ох, не обманешь, Федорыч! Сам десятый год председательствую. Чтоб по такому рельефу не быть пережогу?.. А спалит парень лишнего горючего рублей на пятьсот — вот у него уж и энергия отпадает...

— Как-нибудь открою тебе, Филипп Петрович, секрет, почему у наших трактористов нет пережога. Наедине поговорим. Не отвлекай, пусть люди поля смотрят.

— Ну как, товарищи, по-вашему? — обратился ко всем Стародубов.— Сколько возьмет колхоз «Красное знамя» пшенички на этом градобойном участке?

— Погодите, пройдем дальше от дороги, посмотрим... Иван Спиридоныч! Как на твой глаз?

— Что — глаз! Сын-плотник говорил отцу-плотнику: «Наплюй, батя, на свой глаз, теперь у нас аршин есть». Обмеряем, посчитаем.

Отмерили в разных местах поля несколько квадратных метров, оборвали колосья, обмяли их в ладонях, провеяли зерно на ветру, взвесили даже — кто-то из гостей захватил с собою маленькие лабораторные весочки.

— Тринадцать центнеров будет, Дмитрий Сергеич.

— А почему с тех машин не слезли? Вы зачем, товарищи, ездите по полям? Катаетесь или урожай смотрите?.. Все слезайте, смотрите, щупайте! Вам же придется дома отчитываться: что видели в колхозе «Красное знамя»?

И лишь после того как все согласились, что действительно на этих самых плохих участках урожай будет не меньше двенадцати — четырнадцати центнеров, Стародубов скомандовал:

— По коням!..

Колонна грузовиков запылила по узенькой, извилистой,— с перевала на перевал,— полевой дороге. Пошли такие рослые хлеба, что местами приземистый райкомовский «газик» совсем скрывался в них, лишь пыль курилась столбом, словно смерч шел по полям.

По сигналу Стародубова колонна останавливалась. Экскурсанты спрыгивали на землю, рассыпались по хлебам, смотрели, щупали, обминали колосья.

— А здесь по сколько будет? — пытливо обращался ко всем Стародубов.

— Ну, здесь, пожалуй, все двадцать, Дмитрий Сергеич. Не меньше.

— А не больше?

— Да как уборка покажет. Если не прихватит суховеем. Зерно-то еще, видишь, не окрепло, молочко...

— Вопросы к председателю есть? Сколько удобрений внесено, какой предшественник, чем подкармливали эту красавицу?

— Вопросов много к нему, Дмитрий Сергеич!..

— А я думаю так,— подошел Назаров.— Мне лучше бы ответить на все вопросы там, когда в клубе соберемся. Расскажу и про нашу организацию труда и про агротехнику. А тут пусть люди смотрят, убеждаются.

— По коням!..

Возле свекловичных плантаций задержались дольше. Пышная зелень, без единой сорной травинки междурядия, дважды уже прополотые, ровные рядки — хорошо пойдет здесь свеклокомбайн... Но Христине Соловьевой приглянулось другое.

— Вот где руководители заботятся о нас, женщинах! Против участка каждого звена — шалашик. В холодочке пообедают, отдохнут. Видно, председатель сам когда-то с тяпкой работал, не забыл, как это от зари до зари спины не разогнуть?..

— Мы, Христина Семеновна, эти шалаши строили не только от солнца,— обернулся к ней Назаров.— Придет время копать свеклу, осень, ветры, дожди. Надо же где-то людям погреться.

— Ты смотри! — толкнула Христина Соловьева другую колхозницу.— Второй раз сюда приезжаю, и он уже знает, как меня по батюшке зовут!..

— А почему так распланировали? — спросил Филипп Конопельченко.— Один шалаш в том конце поля, другой — в этом?

— Простой расчет, товарищ Конопельченко,— ответил Назаров.— Если дождь захватит женщин ближе к тому краю загона — побегут в шалаш к соседнему звену. Если ближе к этому краю — сюда все прибегут.

— И что машинами возите сюда колхозниц на прополку — тоже расчет? — спросил Стародубов.

— Ну-у? Машинами возите колхозниц на свеклу? — раздалось несколько женских голосов.

— А что же такого особенного? У нас в колхозе пять машин. Пусть мы затратим тысячу рублей на горючее, зато сколько выгадаем! Отсюда до села семь километров. Туда, обратно — четырнадцать. А работать когда? Поста-

новили на заседании правления: в честь часов утра все машины ждут пассажиров у конторы. Кто желает ехать — садись. Пришел в четверть седьмого — опоздал, машины ушли. Так же и в обратный путь. Если хотите ехать, а не пешком идти, работайте до такого-то часа, ровно в назначенное время машины придут за вами в поле. Вдвое быстрее прополка пошла.

— Расчет! И людям выгодно.

— А как же! За ходьбу трудодни не пишут.

— Ну и как, товарищи колхозники,— повел рукой вокруг Стародубов,— сколько, по-вашему, возьмут они здесь сахарной свеклы с гектара?

— Если еще дождик-два...

— Метеорологи обещают.

— Да ежели вовремя уберут...

— А почему бы им не убрать вовремя? Дисциплина, что ли, хромает у них?

— Да что говорить, Дмитрий Сергеич! — кинул в сердцах фуражку оземь один колхозник.— Что ты нас агитируешь? Все хлеборобы, не первый год землю пашем... По триста пятьдесят центнеров будет тут на круг!

— Кабы такой урожай по всему Советскому Союзу — дома бы строили из сахара вместо кирпичей!

— Как в сказке — молочные реки, кисельные берега?..

— По коням!..

Собрание в переполненном клубе открыл Стародубов. Президиум не выбирали. Это было не собрание, а просто подведение итогов экскурсии.

— Я привожу сюда, товарищи, уже пятую экскурсию,— сказал Стародубов.— Как Назаров не жалеет горючего на прополку свеклы, так и мы не пожалеем горючего на это дело. Дадим каждому колхозу дополнительные лимиты, но чтоб все люди побывали здесь, посмотрели своими глазами, убедились! И трактористов привезем, покажем им здешние «карпатские горы» и урожаи на этих горах!.. Предоставим слово Павлу Федоровичу. Пусть он теперь расскажет, каким путем это все достигнуто: такая чистота и на полях, порядок на фермах, доходы, строительство. Давай, товарищ Назаров! А потом еще поговорим.

Доклад Назарова был суховат. Цифры и факты. Он почти не заглядывал в потрепанные листки с «тезисами» — не первый раз отчитывался по ним перед таким собра-

нием, помнил все наизусть. В нынешнем году одни лишь капиталовложения в хозяйство составляют миллион. За прошлый год колхозники получили на трудодень по четыре килограмма зерна и по шесть рублей деньгами. Сахару некоторые колхозницы получали по двадцать пять — тридцать пудов. Нынче, если выдержат план урожайности, доходность трудодня будет значительно выше. Организация труда такая-то, все делается, как положено по Уставу: главное внимание — укреплению бригад, но и звенья на пропашно-технических культурах не забыты. Из девятисот семидесяти пяти трудоспособных колхозников нет ни одного, не выполняющего рабочий минимум в трудоднях. Дневные нормы выработки на разных работах большинством колхозников перевыполняются. Весенний сев был проведен в восемь дней, ни одного гектара весновспашки, все — по зяби. Минеральные удобрения по разнарядке полностью выкуплены и завезены, даже больше завезено — за счет тех колхозов, которые отказались от них. Местные удобрения используются полностью, старого навоза не найдете нигде ни грамма: ни на фермах, ни во дворах колхозников — все вывезено на поля. Уход за растениями — строго по утвержденным агроправилам, столько-то прополок, подкормок. Озимая пшеница была посеяна перекрестным способом. Скот на фермах исключительно племенной, высокопродуктивный. План развития поголовья по всем видам скота перевыполнен на двадцать — тридцать процентов. Доходу от животноводства получено столько-то. Все постройки, что видели товарищи: коровники, конюшни — это новое, послевоенное. Немцы при отступлении взорвали либо сожгли все общественные постройки в колхозе. Сейчас большое внимание обращено на бытовое строительство. При всех фермах оборудованы благоустроенные общежития для колхозников, ухаживающих за скотом. Расширяются детские ясли, намечено сделать ясли круглосуточными, чтобы женщины, которым далеко ходить,— село ведь большое, от края до края четыре километра,— могли оставлять детей там и на ночь. На будущий год планируется постройка нового клуба — этот уже тесен — с зрительным залом на тысячу мест. Уже закуплено оборудование для радиоузла. Будет радиофицирован весь колхоз, все дома в селе и даже отдаленные бригадные станы.

Слушать его доклад было скучновато. Цифры, факты — замечательные, но будто все сделалось само собою,

потому стал колхоз передовым, что все сознательно выполняют в точности Устав сельхозартели и министерские агроправила, не было будто борьбы, трудностей, помех. Он ни разу не сказал в докладе: «я», «у меня», «я сделал», только — «мы», «у нас», «мы решили». Хорошая скромность, но в ней стушевывалась руководящая роль председателя.

Мне приходилось не раз слушать в другой обстановке рассказы Назарова о колхозе, о пережитом и сделанном здесь за пять лет. Куда лучше рассказывал он об этом под настроение, в небольшой компании, нежели с трибуны, перед многолюдным собранием. Он обладал и меткой наблюдательностью, и народной образностью языка, был горяч и остроумен в споре. Но здесь, в клубе, все собрались сегодня послушать о достижениях колхоза «Красное знамя», похвалить его, Назарова, поставить в пример другим председателям, споров как будто не предвиделось. Может быть, поэтому он и сделал свой доклад без огонька.

После доклада один колхозник из гостей, не дождавшись, пока Назаров ответит на все вопросы, попросил слова.

— Не об том вы спрашиваете, товарищи, Павла Федорыча,— горячо заговорил он.— Про агротехнику нам и свой агроном дома расскажет: когда лучше гречку сеять, когда клевер косить. По книжке — так, а на деле иной раз совсем не то выходит. Живыми людьми все делается!.. Вы вот про что расскажите нам, Павел Федорыч. Сколько вы лет здесь председательствуете?

— С сорок седьмого года. С осени.

— Когда принимали вы колхоз — все так же было здесь или похуже?

Назаров улыбнулся.

— Похуже немного.

— По пятьсот граммов авансом дали за тот год — только пила душа и ела! Вот как было! — подал голос кто-то из присутствовавших в зале колхозников «Красного знамени».

— Ты нас спроси, что тут было до товарища Назарова,— поднялся другой колхозник-гость.— Мы этот колхоз знаем, как свой. Соседи, через межу. Самый отстающий колхоз был в районе! Где падеж скота? У них. Где половина колхозников минимум не вырабатывает? У них. Каждый год семян им занимали.

— Вот это-то нас и интересует,— продолжал первый колхозник.— Каким же вы чудом, Павел Федорыч, сделали этот колхоз самым богатым, что теперь вот ездим к вам любоваться вашим хозяйством? Либо, может, золото в земле нашли да сразу всего накупили, настроили? Либо, по какой-ся милости, поставки с вас не берут? А?

— Золото в нашей местности не водится. Никаких природных богатств нет. Даже воды не было. Артезианы пришлось бить. За десять километров возили воду бочками на фермы. И село-то наше называется — Сухоярово... А поставки меньше, как по седьмой группе, нам ни разу не начисляли. А нынче по девятой будем выполнять, по самой высшей.

— Ну-ну, Павел Федорыч,— поддержала колхозника Христина Соловьева,— вот и расскажите нам об этом — с чего вы начинали, как пришли сюда на разбитое корыто? Как дисциплинку подтянули, как на фермах дело наладили? Пусть наши руководители послушают, поучатся. Может, пойдет им на пользу.

— С чего начинал?..— Назаров, простодушно-хитровато улыбаясь, почесал затылок.— Давно было, товарищи, не помню уж, с чего начинал... Принял печать от старого председателя, порожки в конторе починил, фитиль в лампе подрезал, стекло вытер. Электричества тогда не было... А еще что?..

— Ладно, ладно,— поморщился Стародубов. — Без кокетства. Не забыл, все помнишь. Расскажи людям.

— Ну — с чего начинал?.. Учили людей честно работать, поощряли передовиков, наказывали лодырей, расхитителей колхозного добра. Назначили хороших бригадиров...

— Эх! — махнул рукой колхозник «Красного знамени» Никита Родионыч Королев, бондарь, сидевший в первом ряду.— Работать умеет, рассказать про себя не умеет! — Встал.— Давайте, что ли, я расскажу? Только мой рассказ будет не про него одного. И про других председателей расскажу, каких мы повидали тут.

По залу прошло оживление. Среди гостей сидело много колхозников «Красного знамени», знавших красноречие Никиты Родионыча.

— Валяй, Родионыч, рассказывай!

— Читай по-писаному!

— Наш колхозный летописец,— обернулся Назаров к Стародубову.

— Слышал, слышал. Книгу пишешь про колхоз, Родионыч?

— Историю колхоза. А как же! После нас будут существовать внуки, правнуки, жизнью наслаждаться, механизация, электризация, вентиляция, а как же они узнают, как это все зачиналось? В армии пишут историю дивизий. А я вот в свободное время, вечерами, пишу про наших председателей — что за люди были, про все ихнее похождение. Павел Федорыч у меня под седьмым номером идет. До него шестеро перебыло... Так что рассказывать или погодить? Даете слово?

— Даем! — враз несколько голосов из зала.

— Со стороны виднее. Родионыч лучше расскажет.

Стародубов и Назаров переглянулись.

— Пусть говорит.

— Тогда уж выйди на сцену, Никита Родионыч, чтоб всем было тебя слышно,— сказал Назаров.

Никита Родионыч вышел на сцену — колхозник лет пятидесяти, высокий, тощий, с впалой грудью, узловатыми кистями рук.

— Про всех шестерых не буду рассказывать,— начал он,— времени не хватит. Были и хорошие председатели, и плохие, и пьющие, и непьющие, и такие, что к женскому полу привержены, и наоборот — не любили некоторых бабы за то, что не обращали на них внимания. Всякие были. Один, бывало, нас на три шага вперед толкнет, другой на четыре назад осадит... Расскажу про последнего, от которого ты, Павел Федорыч, дела принимал, про Сторчакова... Это до вас было, товарищ Стародубов,— обернулся к секретарю райкома.— Тогда у нас такие порядки были в районе — в колхоз за наказание посылали людей. Если, скажем, всюду не сгодился, тогда уж его председателем колхоза. Вот так и Васька Сторчак к нам попал... Работал он в Покровском директором кирпичного завода. Вроде бы и ничего съедобного, кирпичи, глина, песок, но и там как-то занялся самоснабжением. И к тому же пьянствовал, безобразничал. Вызывают его на бюро, отчитался он о проделанной работе — что ж, снимать? Сняли. Объявили ему строгий выговор. Назначили директором завода безалкогольных напитков. Безалкогольных! Мучайся!.. Это до вас еще было, Дмитрий Сергеич,— опять глянул на Стародубова.— При бывшем секретаре. Товарищ Тихомиров — был у нас такой... Ну, поработал он, Сторчак, на этом заводе безалкогольных напитков — и там про-

штрафился. Какая-то, говорят, лаборатория у них там при заводе была, спирт для лаборатории выдавали. Подсобное хозяйство было, свиньи, а сала рабочим не попадало, пошло все ему на закуску. Тянут его опять на бюро. «Не исправился — теперь поедешь председателем колхоза в «Красное знамя». В Сухоярово! Там и воды не так-то просто добыть». Приехал он к нам, на отчетное собрание. Уполномоченный говорит: «Вот этого товарища вам рекомендуем». А нам так приперло — были и непьющие и некурящие, а по работе — ни рыба ни мясо. Хозяйство не в гору, а вниз идет. Да давай хоть черта, лишь бы другой масти! Проголосовали. Начал он руководить. Бьет телеграмму какому-то приятелю в Донбасс: «Почем у вас картошка?» Повезли туда два вагона. А время — декабрь месяц, морозы, картошка померзла, выкинули из вагонов да еще штраф заплатили за то, что насорили на путях. Подработали!.. Весна наступает — зяби нет, семян нет. Промучились мы с ним лето, уборку завалили, хлебопоставки сорвали — прощается он с нами. «Ну, товарищи, уезжаю. Выдвигают меня опять на районную работу».

— А куда его выдвинули, Родионыч? — голос из задних рядов.— Я что-то уж запамятовал.

— Да опять же директором какой-то конторы — «Заготкождерсырье», что ли... «Прощайте, говорит. Покидаю вас».— «А как же мы тут без тебя, Василий Гаврилыч?» — спрашивают его колхозники. «Да проживете,— говорит.— Пришлют какого-нибудь дурака». Я не вытерпел, говорю: «Опять дурака?..»

Хохот в зале на несколько минут прервал речь Никиты Родионыча.

— Вот, значит, распрощались мы подобру-поздорову с Василием Гаврилычем. С неделю было у нас безвластие, уполномоченный сидел тут, наряды бригадирам выписывал. Потом привезли нам Павла Федорыча. Хотя про него неправильно будет сказать, что привезли. Он сам сюда напросился. Работал он в райкоме партии инструктором — так, Павел Федорыч? И, значит, изъявил желание пойти сюда председателем. Это уже нас заинтересовало. В самый отстающий колхоз — добровольно пошел человек. Стало быть, есть у него приверженность к колхозному делу, к хлеборобству? И ничего не слышно было про него такого, чтоб где-то там чего-то натворил, чтоб снимали его. Так... Выбрали мы его, принял он дела. Ходит по селу

в офицерской шинелишке фронтовой, потрепанной. Худенький такой, моложавый. Это уж он после раздобрел, у нас, когда по три да по четыре килограмма стали давать... А начал ты, Павел Федорыч, если уж все в точности говорить, с того, за что тебя в первые же дни райком чуть из партии не исключил. Помнишь?

— Да, не забыл.

— Видите? Все помнит, только рассказывать стесняется... Или, может, про это нельзя говорить тут, при беспартийных?..

— Давай, давай! — махнул рукой Стародубов.— Я не слышал этой истории.

— Так было дело,— продолжал Никита Родионыч.— Тогда у нас еще молотьба шла. В декабре месяце. Не молотьба, а загробное рыдание. По пять человек из бригады выходило на работу. Окончательно отпала энергия у людей. Видят — урожай плохой, поставки выполнили, еле хватит на семена и фураж, а по трудодням получать нечего. Но все же домолотить то, что в скирдах осталось, нужно, хоть его и мыши уже наполовину съели. Ковырялись помаленьку... Коне́чно, сами виноваты, что такой урожай вырастили, но опять же ра́ссудить — при чем мы, что не было у нас хорошего руководителя? Мы от этого Васьки Сторчака слова человеческого не слышали, только: «Судить буду!..» Походил Павел Федорыч по бригадам, полюбовался на нашу работу,— центнер в день намолачиваем, до следующей зимы хватит такими темпами молотить,— пошел по селу, заглянул и к тем, что дома сидят, не выходят на работу. А у тех — тоже положение незавидное. Сидит вдова с детишками, топлива нет, корму для коровы нет, хата раскрыта, ветер свищет. Сидит и сама не знает, зачем сидит, что высидит?.. Созывает он вечером в правление всех бригадиров и дает такое указание: молотьбу приостановить на три дня, все мужики, что выходили на работу, пусть возьмутся и покроют вдовам хаты. Выдать им лошадей, сколько нужно для подвоза соломы, и только этим пусть и занимаются — кроют хаты. И пусть подвезут торфу на топливо особо нуждающимся.

Как налетел уполномоченный! «Вы что — очумели? Молотьбу остановили! Товарищ Назаров! Тебя зачем сюда посылали! Укреплять дисциплину или разлагать?» На машину его, раба божьего, и поволок к Тихомирову... А какой у них там был разговор с товарищем Тихоми-

ровым — пусть он сам об этом расскажет, я там не присутствовал.

— История об этом умалчивает? — рассмеялся Стародубов.

— Да нет, она-то не умалчивает...

— Читай, как у тебя записано,— ответил Назаров.— Я после скажу — так ли было.

— В райкоме, по слухам, хотели сразу собирать членов бюро и снимать ему голову. А потом все же сообразили, что как-то оно получится политически неверно — человек только что принял колхоз и сразу исключать его из партии... И он, конечно, стал проситься: «Дайте, говорит, еще неделю сроку, а потом присылайте комиссию, пусть проверят — прав я был или нет». Так?

— Ну — так...

— А через неделю у нас уже во всех бригадах не по пять, а по тридцать человек выходило на работу!..

— А почему? — перебила Королева, одна из колхозниц «Красного знамени».— Про это и ты, Родионыч, не расскажешь. Ты в нашей вдовьей шкуре не был. Как у нас бабы частушки поют: «Вот и кончилась война, и осталась я одна...» Пришел Павел Федорыч к нам в бригаду. Зерно чистили мы на семена и в амбары возили. Мужики все — на ответственной работе: тот кладовщик, тот весовщик, тот завтоком, тот учетчик. Сидят, покуривают, анекдоты рассказывают. А бабы — веялки крутят, зерно грузят на машину. Да еще сделали нам ящик-меру — центнер целый пшеницы влазит. Ну-ка, подними, перекинь его через борт! Животы надрывали. Поглядел Павел Федорыч на такие порядки, видим — аж побелел с лица, рассердился. Как трахнет тот ящик оземь! Разбил в щепки. «На чью силу вы, говорит, такие короба делали? Калечить женщин? Этим хотите поспешить?» Дал чертеж, какие ящики поделать, на двадцать килограммов, не больше. И разогнал потом всех мужиков на рядовые работы. А женщин — кладовщицами, учетчицами... Эх, думаем, есть, значит, люди, которые об нашей бабьей доле болеют!.. Ну и как же нам не возрадоваться, не сделать хорошее для такого человека, для колхоза? У кого совесть не заговорит?..

— Короче сказать,— продолжал Никита Родионыч,— поставили мы две молотилки, да как ахнули в две смены — дней за двенадцать перемолотили все, что оста-

валось. До снегу управились. Приезжает комиссия из района, видят — ошиблись, зря нашумели на человека. Дело в колхозе, похоже, пойдет на лад...

Назаров вначале, когда заговорили о нем колхозники, несколько смущался. Он сел в первом ряду на стул, с которого поднялся Никита Родионыч, и, заметно было, не знал, куда себя девать. То ли сидеть спиною к залу,— неудобно, когда о тебе говорят, то ли повернуться лицом к людям,— тоже нехорошо, как на выставке: смотрите, мол, все на меня, какой я есть. Сейчас смущение его прошло, он поднял голову и вполоборота, через плечо, широко раскрытыми глазами смотрел в зал. Половина людей в зале были колхозники «Красного знамени». Взгляды всех были обращены к нему. На всех лицах он видел хорошие, теплые улыбки... Взволновало Назарова сегодняшнее собрание... Нет, не все делал он с расчетом. Многое — от сердца, и сам уж позабыл. А народ помнит. Пять лет поработал он здесь. Большой кусок жизни. Каждый шаг его помнят...

— Так вот с чего начинал у нас Павел Федорыч,— заключил Никита Родионыч Королев.— Понятно вам, товарищи?.. Сельское хозяйство — это такая штука: поднять дух человека — он тебе втрое больше сработает. А больше поработаем — вовремя посеем, уберем, хороший урожай получим. А от хорошего урожая еще больше дух у человека поднимается!.. И еще скажу вам про сельское хозяйство. Когда председатель в четыре часа утра на ногах — и бригадирам уж как-то неловко на мягких перинах нежиться. А от бригадиров и другим передается. Так оно и идет, беспокойство, по всему колхозу...

...Расходились из клуба все в каком-то приподнятом, взволнованном настроении. У женщин, как всегда, не обошлось без слез. Христина Соловьева, одной рукой вытирая слезы, другой влепила крепкого тумака в спину своему председателю.

— Эх!..

И в это одно слово вложила все, что пережила, перечувствовала за день.

Стародубов живо обернулся на возглас женщины.

— Так, так, Христина Семеновна! Не давай ему покоя, толстошкурому! Где ни встретишь его, на улице ли, в правлении, спрашивай: «А почему у нас хуже, чем в «Красном знамени»?

— Да мы теперь, Дмитрий Сергеич, такие злые ста-

ли! — сразу заговорило несколько женщин.— На свою голову привезли нас сюда!..

— И к вам в райком придем, спросим: почему же вы так неровно руководите, что наши колхозы отстали?

— Что мы — у бога теленка съели?

— Руки до нас не дошли, что ли?

Стародубов, с довольным видом, смеялся:

— Так, девчата, так! Как по-морскому говорят: «Так держать!»

Но хотелось, чтобы он на прощанье сказал и Назарову что-то дружески-подхлестывающее, вроде:

— А не привыкаешь ли ты, Павел Федорыч, к тому, что все к тебе да к тебе ездят на экскурсию учиться? А тебе с твоими колхозниками некуда поехать поучиться? Разве твой колхоз — самый лучший в Советском Союзе?..

Но этого Стародубов не сказал Назарову. Вокруг Назарова собралось человек десять — председатели ближайших соседних колхозов, бригадиры, директор МТС, Христина Соловьева. Он успел сказать им: «Обедать — ко мне». Остальные — кто побежал перекусить в сельпо, кто пошел к своей машине. Стародубов взял за рукав Назарова.

— А то поле, что под Городенским, все же поздновато вспахали вы под пар. Не все, может быть, это заметили, обратили только внимание, что чистый пар, ни соринки. А чистый потому, что неделю назад только вспахано.— Засмеялся.— Верно? Меня не проведешь!

— Под выпас оставляли, Дмитрий Сергеич. Ничего не хуже будет на том поле пшеничка, посмотрите будущим летом. По толоке — пар. Верите, некуда скот выгонять. По нашему животноводству нам бы еще земли гектаров пятьсот. Где ее взять?

— Подсевать, подсевать надо побольше! Искусственные выпасы. Культурно надо хозяйствовать, не надеяться лишь на ту травку, что бог вырастит.

— Есть и искусственные выпасы — не хватает. Хотели посеять больше ржи на выпас — вы же сами попросили занять «Маяку» семян... Куда вы, Дмитрий Сергеич?

— Поеду. Степа! Давай машину.

— Да зайдемте ко мне, пообедаем! С утра не ели. Уже шестой час.

— Нет, поеду, спасибо. Отдохну часок. А вечером — заседание исполкома.

— Всегда вы отговариваетесь заседаниями. Неправда,

нэт сегодня исполкома! Почему же меня не известили? Я член исполкома.

— Или что-то другое, забыл. Комиссия какая-то. Нет, поеду.

— Брезгуете нашим хлебом-солью?

— Ничего, ничего, как-нибудь в другой раз. До свиданья! А ты и за столом расскажи еще им о своих методах руководства. Я думаю, сегодня день не пропал зря. Крепко запало в душу людям то, что они видели здесь. Ты уж потерпи, Павел Федорыч. Еще не раз побеспокоим тебя, оторвем от работы. Не одну еще экскурсию поводишь по своему хозяйству.

Пожал всем руки, сел в «газик», уехал...

Назаров посмотрел вслед машине, огорченно сказал мне:

— Третий год он в нашем районе работает, а ни разу не выпил у нас в колхозе и стакана молока. Ни ко мне домой не заходит, ни к себе не приглашает, когда бываю в районе. Только по обязанности встречаемся... Разойдемся — и будто чего-то главного не сказали друг другу...

Я много раз бывал в колхозе «Красное знамя» и не один вечер просидел в райкоме у Дмитрия Сергеевича Стародубова. Прилепился я как-то душою к этому району, где, при многих недостатках и недоработках, пульс жизни бьется энергично и во всем чувствуется умное, помогающее делу вмешательство «первой головы» в районе — секретаря райкома.

Но всякий раз меня неприятно удивляло, что когда я заводил речь о колхозе «Красное знамя» и его председателе Назарове, восхищался его организаторским талантом и прочими хорошими человеческими качествами, у Стародубова потухали глаза, он скучнел, отвечал что-то вроде: «Да, да, хороший колхоз. Да, хороший председатель», и переводил разговор на другую тему. Он куда с большим увлечением рассказывал о самом отстающем в районе колхозе,— что сделал он там, прожив два дня, и какие заметил после этого обнадеживающие перемены,— чем о «Красном знамени», крепко вставшем на ноги колхозе, знаменитом на всю округу.

Что это? Ревность к делу? В этот колхоз уже не нужно посылать толкачей? Там «кампании» идут своим чередом, без уполномоченных райкома? Там ему, Стародубову, делать нечего?..

Однажды на прямо заданный вопрос Стародубов

прямо и ответил мне, несколько, правда, иносказательно:

— У вас есть взрослые дети?

— Да, сын студент, на втором курсе.

— И у меня два студента... Кончили десятилетку, поступили в институт, стипендия, взрослые люди — в крайнем случае, уж и без отца обойдутся. Ты уже не нужен им... Грустно провожать выросших детей в самостоятельную жизнь...

Как-то при мне в райкоме Стародубов и Назаров стали хвалиться — в шутку — кто больше сил положил на колхозное строительство?

— Я, товарищ Назаров,— сказал Стародубов,— связан с колхозным строительством уже двадцать восемь лет!

— Как же это может быть? — развел руками Назаров.— Колхозам-то всего двадцать второй год. Мы стали организовывать колхозы в тридцатом году.

— Кто это — вы? Вы, может быть, в тридцатом. А мы, батраки и бедняки села Глебово Курской области, организовали коммуну еще в тысяча девятьсот двадцать четвертом году, и я работал в этой коммуне на тракторе. Первым был трактористом в районе!

Назаров усмехнулся.

— Вот так и моим словам удивляются, Дмитрий Сергеич, когда скажу, что я колхозник с тысяча девятьсот двадцать второго года. Я родом с Кубани. У нас была краснопартизанская коммуна. Отец мой был командиром отряда, его же выбрали и председателем. Мне тогда было четырнадцать лет. Поначалу коров пас в коммуне.

— Значит, выходит, мы оба с тобой колхозники с «подпольным» стажем?

Посмеялись, вспомнили комсомольские годы, раскулачиванье, бандитизм, трудное время, когда спали не раздеваясь, с наганом под подушкой... Стародубов спохватился, встал, провел карандашом по сводке, разложенной на столе.

— Там у тебя, Павел Федорович, недовыполнение по яйцу. Нехорошо, сводку нам портишь. Передовой колхоз. Я тебя прошу. Постарайся как-нибудь к двадцатому числу...

И Назаров встал, вздохнул.

— Выполним, Дмитрий Сергеич. Чем-нибудь заменим... Я же вам объяснял, почему мы не взяли цыплят с инкуба-

тора. Не достроили новый птичник, не успели. А тут холода, снег пошел в апреле месяце. Зачем брать? На погибель?.. По птичьему поголовью немножко недовыполнили, зато коров — сто сорок процентов. Это же важнее. Заменим молоком... Какое сегодня число? Двенадцатое. Девятнадцатого покажу вам квитанцию.

А когда я присмотрелся ближе к делам в колхозе «Красное знамя», то увидел: нет, нужен еще этому возросшему сыну отец! Только надо бы и отцу, когда дети поступили в институт, заглядывать в свои истрепанные вузовские учебники, повторять кое-что забытое и узнавать новое, чтобы во всякую минуту знать и понимать больше, чем знают дети, обращающиеся к нему за помощью...

Стародубов увлекся подтягиванием всех колхозов района к уровню передового колхоза «Красное знамя» и делал это, надо сказать, с душой. В районе, собственно, уже и не было резко отстающих колхозов. В последние годы, при нем, председателями колхозов посылали действительно лучших людей из партактива. Было послано и несколько агрономов — не таких, что, имея диплом о высшем сельскохозяйственном образовании, не умеют запрячь лошадь в телегу, а практиков, любящих колхозное дело, организаторов. Стародубов много занимался машинно-тракторными станциями. При мне как-то он созвал совещание бывших трактористов — узнал, что в каждом колхозе есть пять-шесть старых трактористов и комбайнеров, бросивших машины и устроившихся кто кладовщиком, кто просто ездовым,— и распорядился созвать всех в райком такого-то числа, к такому-то часу. Там он подробно расспросил каждого: почему бросил он машину? Непорядки ли в МТС отпугнули, колхозы ли неаккуратно рассчитывались с ним, бытовые ли условия в бригаде были плохие? Пообещал, что займется улучшением быта трактористов и проверит по каждому колхозу расчеты с ними. Рассказал им то, что они и сами, собственно, видели: как в МТС ежегодно весною сажают на новенькие машины учеников и что из этого получается — богатейшая техника не дает и половины того, что могла бы дать в опытных руках. Постыдил, поругал их за то, что бросили свою замечательную, трудную, но почетную профессию. После совещания многие его участники вернулись на машины.

Когда приезжали мы со Стародубовым в средний кол-

хоз, у него находилось достаточно советов и дельных предложений председателю. Там он чувствовал себя как рыба в воде — где труднее. А в «Красное знамя» он и заезжать не любил. Только и бывал там, что с экскурсиями.

Но действительно ли ему нечего было там делать?..

Да, когда клевер убирать и что сеять на искусственных выпасах — это Назаров знал не хуже секретаря райкома и любого агронома. Да, кстати, и агроном у них был в колхозе. И поставки они выполняли без особого нажима, не нужно было посылать туда уполномоченных. А вот почему бы не спросить Назарова:

— До каких пор в таком богатом колхозе у людей хаты будут соломой крыты? Случись пожару под хороший ветер — полсела сгорит. Начинал ты с того, что заставил бригадиров крыть соломой хаты вдовам, но ведь с тех пор уже прошло пять лет. Теперь уж нужно перекрывать те хаты черепицей. Агрогорода, что ли, напугали вас? Строительство агрогородов приостановлено, как несвоевременное, есть более первостепенные задачи — повышение урожайности. Да и вам, может быть, не нужно тут город строить. Но село благоустроить нужно. Вам-то ваши доходы позволяют уже заняться бытовым строительством. Миллион — на капиталовложения!..

— А почему в вашем хозяйстве такое пренебрежение к садоводству? Сады — это и богатство колхоза, и изобилие, и украшение жизни. Десять гектаров старых, запущенных, обломанных деревьев — это не сад по вашим масштабам. Двести гектаров культурного сада надо бы вам иметь!.. Бывает, конечно, что сельский хозяин увлекается чем-то одним: пшеницей, или разведением свиней, или орловскими рысаками. Может быть, он просто не ест яблок. Но председатель колхоза, где тысячи людей с разными вкусами и потребностями, не имеет права быть односторонним. У него не должно быть нелюбимых отраслей.

Или вот — самое главное. Три года уже колхоз «Красное знамя» топчется на месте в смысле урожая. Хороший собирает урожай, но топчется на месте, рост приостановился. А удобрений, и местных и химических, из году в год все больше вносится в землю. В чем дело? Подтянулись все бригады к уровню передовых и застыли? Никто больше не ищет путей к еще лучшим урожаям? Или сказывается уже сильная распыленность почвы, разрушения ее структуры? И даже введенная на полях колхоза травопольная система не восстанавливает ее в должной мере? Земли ведь

в колхозе действительно выпаханы, распылены до крайности. А «карпатские горы»! Одни ежегодные смывы почвы на буграх весною какой наносят ущерб ее плодородию!

До сих пор Назаров показывал себя на деле грамотным, образованным хозяином и не одного специалиста удивлял своей эрудицией в вопросах культурного земледелия. Но его познания в агрономии — это многолетний крестьянский опыт, начитанность, добросовестное изучение всяких агротехнических учебников, журналов — и только. Это еще не творчество. Чем-то принципиально новым в земледелии колхоз, даже под его руководством, пока что не блеснул. Чтобы не зайти в тупик с урожаями, Назарову нужно упорно, напрягши все силы, искать возможности для нового рывка.

Может быть, ему следовало бы съездить в Курганскую область к знаменитому уральскому полеводу-новатору, колхознику-ученому Терентию Мальцеву? Очень важно именно здесь, в среднерусской полосе, на сильно распыленных почвах заложить опыты с севооборотом Мальцева! Самое «страшное», на первый взгляд, в агрокомплексе Мальцева — это то, что он в пять лет лишь один раз глубоко пашет землю, а четыре года сеет пшеницу и ячмень по непаханной, только взлущенной дисковыми лущильниками стерне. Как — не пахать поля? Скажи только в каком-нибудь отстающем колхозе, что можно не пахать,— разведут тебе такие сорняки, что твои джунгли! Но «Красное знамя» — передовой колхоз. Здесь земли давно уже очищены от сорняков. В колхозе есть агроном. Бригадиры достаточно подготовлены агротехнически.

Не «от бедности» ввел Мальцев такой севооборот у себя в колхозе, в Зауралье. Не для того, чтобы как-нибудь обойтись без пахоты. Для урожая. Для быстрейшего восстановления структуры почвы и, стало быть, повышения ее плодородия. И на полях, которые в его колхозе «Заветы Ленина» перестали *ежегодно* пахать, урожаи из года в год *растут*.

Посоветовать, настоять, прямо усадить в вагон и отправить нужно Назарова туда, где люди в еще более трудных природных условиях берут урожаи гораздо выше, чем его колхоз «Красное знамя»: «Тебе, Павел Федорович, хоть ты и Герой Социалистического Труда, не зазорно поехать поучиться к Терентию Семеновичу Мальцеву. Он лауреат, кандидат в академики. Шадринский район Курганской об-

ласти—место, где происходят сейчас интереснейшие события в сельскохозяйственной науке!»

...Да, уполномоченные — толкачи по текущим «кампаниям», может быть, уже не нужны Назарову. А глубокое проникновение в дела, жизнь колхоза *первого секретаря* — необходимо.

— Скажите, Дмитрий Сергеич,— спросил я как-то Стародубова.— Вот вы бьетесь третий год над тем, чтоб сделать район передовым, подтянуть все колхозы. Есть такие препятствия, что вы не в силах сами преодолеть? Не от вас зависит? Не местного происхождения препятствия?

— Есть, конечно.

Стародубов помолчал минуты две.

— Самое большое зло — кампанейское руководство колхозами. Не мы его выдумали!.. Приезжает к нам уполномоченный обкома, требует—только хлебопоставки. Ни о чем другом и речи нет. А в это время в сельском хозяйстве целый комплекс работ. Для будущего урожая, для будущего хлеба! Что-нибудь одно упустишь из виду — все расстроится. Нажимают на нас, и мы тоже начинаем психовать, и мы также рассылаем уполномоченных: только по заготовкам,— ни зябь, ни засыпка семян, ни корма в зиму для скота — ничто их не интересует. Потом уж, когда хлебопоставки закончим, спохватимся: надо же и зябь пахать! А тут уже — дожди, морозы... По-моему, такие методы руководства колхозами устарели на сто лет!.. Может быть, кого-нибудь из секретарей райкомов они и удовлетворяют, такие методы,— тех, кто в деревне на короткое время обосновался, пережить годик-два, потом на учебу или на повышение, а после него — хоть трава не расти. Но я в деревне родился и вырос, мне спешить отсюда некуда. И в этот район я пришел поработать, а не посидеть на чемодане до следующего поезда.

Стародубов рассмеялся:

— Надо бы закреплять секретарей райкомов хотя бы на одну полную ротацию севооборота! На восемь-десять лет. Как за бригадами участки закрепляем. В колхозах боремся с обезличкой, а среди нашего брата, руководителей районного и областного масштаба, обезлички этой самой хоть отбавляй! Один сеял, другой жал, третий за всех ответ держал!..

Что еще от нас не зависит? Вот планирование.—

Стародубов обернулся к книжному шкафу, достал с полки томик Семенова-Тян-Шанского из собрания «Россия» — «Среднерусская черноземная область».— Наши районы,— уезд, вернее, по-старому,— славились урожаями бобовых культур, гороха, чечевицы.— Перелистал том.— Вот даже фото есть — грузят на баржи горох. И старики вспоминают, что горох здесь сильно родил. Земли и климат, стало быть, подходящие. Да что старики! Опытная станция у нас есть — факты, доказательства за ряд лет. И нам не планируют ни гектара гороха. Планируют ячмень. А он здесь испокон веку плохо родит. Тоже есть тому доказательства. А попробуйте заменить ячмень горохом! Пишем, пишем, спорим, доказываем — как об стенку горохом! И тоже ведь — ценная, нужная культура! Но почему же так планируют? А в те районы небось, где ячмень лучше родит, горох дают. Бездушное, канцелярское планирование! На каждом шагу с такими фактами сталкиваемся. Это один пример из сотни!..

Что еще? Ну вот — нормы горючего... Конечно, в большинстве случаев мы сами виноваты в пережоге. Плохо работаем с трактористами, в МТС безобразно обращаются с горючим, цистерны у них текут при перевозке, при заправке много проливают на землю. Но вот такой случай. Урожай в колхозе на каком-то участке небывалый — тридцать пять — сорок центнеров. Техника наша от таких урожаев отстала. Высокоурожайных комбайнов мы еще в районе не получили ни одного. А обыкновенный комбайн такой хлеб на полный хедер не берет. На полхедера косят, и то молотилка с трудом перерабатывает. Выходит, что здесь трактористу и трудодней меньше запишут, потому что он нормы не вырабатывает, и горючего он в два раза больше спалит. Директору МТС, правда, разрешается увеличивать нормы расхода горючего на отдельных участках, но не намного. А где урожай всего десять центнеров, там трактора с комбайнами бегом бегают, там — перевыполнение, экономия горючего, «передовики уборки». Дикая вещь, но выходит, что трактористу куда выгоднее убирать средний хлеб, чем очень хороший!.. А вы знаете, что у Назарова получается на его «карпатских горах»? Конечно, есть перерасход, неизбежен там, на таком рельефе, перерасход. И урожаи у него к тому же всегда такие, что комбайны бегом не разгонятся. Но, как умный председатель, он не может допустить, чтобы его тракторист корову продавал в конце года, чтоб рассчитаться за горю-

чее. Действительно — «энергия отпадет» у ребят. Знаете, что он делает? Уплачивает из колхозной кассы за трактористов, за их пережог. Или покупает горючее. Незаконно, но что поделаешь, если в наших земельных органах товарищи не продумали как следует такие вопросы?.. Вообще нужно сказать — урожай еще не стал критерием всей нашей работы. Как у нас в обкоме определяют первенство районов, скажем, на уборке? Такой-то район убрал зерновые на сто процентов — он красуется в сводке на первом месте. А убрали они быстро только потому, что нечего было там, собственно, и убирать. Колос от колоса — не слыхать голоса. Семь центнеров урожайность. И группу им установили самую низшую, и хлеба государству сдали они в три раза меньше, чем соседний район, где урожайность была восемнадцать центнеров. Так за что же они — «передовики»? За то лишь, что на неделю раньше отрапортовали?.. Много, много есть такого, что от нас не зависит. Думаю, что я бы здесь за три года больше сделал, если б не было помех.

А Назаров на такой же вопрос — о препятствиях не местного происхождения — повел разговор не о своем колхозе, а об МТС.

— Да в колхозе-то у нас сейчас ничто вроде не мешает мне. С Дмитрием Сергеичем в основном поладили. При Тихомирове хуже было. За все в районе отдувались передовые колхозы... Вот на МТС нашу больно глядеть. Что получается — ни копейки ведь не дают им на капитальное строительство! Постройки у них до войны были богатейшие. Немцы все спалили. И вот до сих пор бедствуют. Мастерской нет, есть там сарайчик, три трактора только загнать, наша колхозная кузница куда просторнее. Весь инвентарь зиму и лето — под открытым небом. Но на что построить хотя бы простенькие навесы — министерство не дает денег. Это что — государственная экономия? Не могу понять такой экономии! Сам хозяин, знаю, на чем можно натянуть, а на чем нельзя натягивать. Копейку пожалеешь — рубль потеряешь! Самоходные комбайны, молотилки, тракторные сеялки под снегом зимуют. Срок службы инвентаря сокращается в три-четыре раза. Почему раньше у мужика лобогрейка работала двадцать пять лет? Кончил косовицу, обтер ее тряпочкой, разобрал, смазал и — в сарай. А тут — сеялки под открытым небом, солнце, дождь, снег. Дисковую сеялку правильно наладить на севе, вы знаете, это же — что скрипку настроить.

И вот эти скрипки — под снегом! Дерево гниет, коробится, высевающие аппараты ржавеют. Эх!.. Взять бы тем финансистам, что фонды в МТС спускают, карандаш в руки да подсчитать: сколько стоит крыша без стен, столбы, драны и сколько стоит тот инвентарь, что можно под этой крышей спасти?.. А трактористы зимою как у них живут? Приходят на ремонт, некоторые за пятнадцать — двадцать километров, каждый день туда-сюда не находишься. Надо тут где-то и жить, так чтоб поспать в тепле, переодеться, помыться. Общежитий в МТС нет. Ютятся где попало: кто в конторе, кто в кочегарке. И разобраться — директор не виноват. Опять же — не дают ему денег на строительство. Выше головы не прыгнешь. Спрашивал я нашего директора: «Может, это ты один такой в области несчастливый? Или не умеешь выпросить денег, или рассердились на тебя за что-то, в черном теле держат?» — «Какое там один! — говорит.— Съедемся в областное управление на совещание, директора, станем спрашивать друг друга — никому почти не выделяют фондов на капитальное строительство». Но как же существовать? Как же работать? Эта «экономия» нам боком выйдет! И другие машины калечим прежде времени, и кадры теряем, старые трактористы уходят из МТС... Министр сельского хозяйства, что ли, у нас такой несмелый? Не решается обратиться к правительству, доложить все, как оно есть?..

Пожаловался мне однажды Стародубов на Назарова:

— Мужичок. Замкнулся в рамках своего колхоза, ни о чем больше знать не хочет.

— Замкнулся? Вот это на него что-то не похоже.

— Член бюро, член исполкома, а не живет интересами района. В прошлом году он вывез по хлебопоставкам авансом, в счет нынешнего года, восемьсот центнеров. Мы ему сейчас этот аванс засчитали. Но нам-то, району, не засчитывают! Да вдобавок после того, как мы уже довели планы до колхозов, получаем телеграмму: еще вам десять тысяч центнеров. В других районах с заготовками хуже — боятся, что там хвосты останутся, и в порядке страховки дают нам дополнительно. Спрашиваем: «Как же размещать их?» — «Как хотите, так и размещайте...» Говорю Назарову: «Павел Федорович! Махни-ка еще, в счет будущего года, центнеров тысячу!» Жмется... «Подумаем, Дмитрий Сергеич... Я же не директор — председатель. Что колхозники скажут?..» А мне что скажут в обкоме, если я эти десять тысяч не выполню?..

— Но если они вывезут еще тысячу центнеров, то этот передовой колхоз поравняется в выдаче хлеба на трудодень с отстающими?.. Может быть, Дмитрий Сергеич, это и есть те случаи, когда нужно обращаться в высшие инстанции? И у вас и у Назарова сколько наболевших вопросов! Вот бы вдвоем — такие практики колхозного строительства! — сели бы, обдумали все и написали — что, по-вашему, мешает укреплению колхозов.

Стародубов взял со стола книжечку: «Устав Коммунистической партии Советского Союза», раскрыл ее, полистал.

— Да... Для нас написано черным по белому: «Член партии не имеет права скрывать неблагополучное положение дел, проходить мимо неправильных действий, наносящих ущерб интересам партии и государства... Член партии имеет право... обращаться с любым вопросом и заявлением в любую партийную инстанцию, вплоть до ЦК...» «Член партии обязан... бороться против парадного благополучия и упоения успехами в работе».

Был у меня еще разговор с «летописцем» колхоза «Красное знамя», Никитой Родионычем Королевым.

— До Дмитрия Сергеича у нас и такие секретари бывали,— рассказывал Королев,— что все больше в богатые колхозы ездили. Душою отдыхали там, голова у них там от бабьего крику не болела. А мимо какой-нибудь бригады в отстающем колхозе промчатся,— сто километров в час,— люди только пыль понюхают. То — хуже. То значит — руководители боятся трудностей, не нашли общего языка с народом. Распоследнее дело!..

— А вы, Никита Родионыч, в своей «Истории колхоза» и про секретарей райкома пишете?

— А как же! Я считаю, нет горше беды колхозу — плохой председатель, а для председателя колхоза нет ничего хуже — плохой секретарь райкома. А когда и тот и другой неудалые, то колхозу, значит, беда вдвойне... Товарищ Стародубов у меня под девятым номером идет... Эх, был у нас товарищ Круглых! При немцах в партизанах погиб. Орел! Тот бы нас тревожил! Каждый день пускал бы ежа под череп нашему Павлу Федорычу!.. А про Дмитрия Сергеича не знаю, чего написать. Пока что ничего такого не заметил, ни положительного, ни отрицательного. Так вообще, по делам в районе, слышно, не-

плохо он руководит, а как он к нашему колхозу относится — не поймешь. Приезжает к нам с людьми, экскурсии проводит, показывает им наши достижения — вот так нужно бы вам! А нам еще ни разу не сказал — как нам *нужно!* Да неужто мы высшей точки достигли? Вроде как на Северный полюс пришли: куда ни глянь, все на юг дороги, назад, а вперед нету?.. Почему мы, колхозники, тревожимся об этом — что вроде приостановились мы? Так ведь мы хозяева, нам здесь жить. Может, и товарища Стародубова куда-нибудь на учебу пошлют, и Павла Федорыча заберут от нас, переведут на руководящую работу. Пока попались нам хорошие люди — хочется с ними подальше вперед продвинуться!..

— А насчет того, почему между ними дружбы нет, я вам так скажу. Всегда дружат либо толстый с тонким, либо длинный с коротким, так уж оно как-то в природе устроено. А когда оба ровные — скучно им, что ли, глядеть друг на друга? Да ежели еще по уму равны — кому же у кого поучиться, кто кого должен вперед подтолкнуть?..

Но в последний приезд к ним я застал горячий спор у Стародубова с Назаровым в райкоме.

Этому предшествовали такие события.

Стародубов возвращался как-то поздно вечером из района домой. В пути, в Сухоярове, его захватил такой ливень, что даже его «газик»-вездеход забуксовал. Вдобавок спустил скат. Пришлось заночевать. От колхозников он узнал, что Назаров еще днем уехал на грузовой машине в МТС и не вернулся до сих пор — тоже, вероятно, где-то застрял. Стародубов не пошел к нему, остался ночевать в той хате, возле которой забуксовал в балочке его «газик». Это была хата бывшей звеньевой, а теперь старшей птичницы колхоза Марины Фомичевой. Соседки, узнав, что у Фомичевых ночует секретарь райкома, собрались к ним на «посиделки». Часов до двух ночи горел свет в хате, много было рассказано секретарю о жизни колхоза, много вопросов было ему задано, были и шутки и серьезные разговоры, были даже жалобы на председателя колхоза, непогрешимого и непревзойденного Павла Федорыча Назарова.

Вот после этой-то задушевной беседы с колхозницами — в домашней обстановке, не на общем собрании —

и произошел у Стародубова крупный разговор с Назаровым. Я застал спор в разгаре.

— Если бы ты послушал этих женщин! — говорил Стародубов.— Эх, какой народ!..

— А что же я — не видел, не слышал их никогда? — отвечал Назаров.— По десять раз на дню с ними встречаюсь.

Оба ходили по кабинету, навстречу друг другу, по разные стороны длинного узкого стола, приставленного в виде ножки буквы «Т» к письменному столу Стародубова,— оба в офицерских гимнастерках, с орденскими колодками, оба рослые, с сильными покатыми плечами, чуть располневшие... Было у них даже в глазах какое-то сходство — живые искорки юмора, усмешливые морщинки под глазами и на висках. Только Стародубов — брюнет, с отброшенными назад длинными волосами — загорел как-то нежнее Назарова. Его лицо было матово-смуглое, словно припудренное. А Назаров, которого все же больше обжижигало солнце на полях,— остриженный под машинку безбровый блондин,— был краснокож, как индеец.

— Это вам, может, в диковину. Первый раз с ними встретились. Вынужденная посадка! А я в колхозе живу. Труженицы, стахановки, болеют о хозяйстве, знаю их!

— Но ты же не даешь этим стахановкам разворота.

— Я не даю им разворота?..

— Погоди, не сердись!.. Что-то мы, Павел Федорыч, с тобою вместе проглядели. А раз ты ближе всех к этим людям, то, значит, ты в первую очередь и проглядел... Скажи, какая бригада у вас самая передовая?

— Третья бригада, Николая Грачева. Мы вам представляли материалы по проверке соревнования.

— Да нет у вас соревнования!

— Как — нет соревнования? Все бригады имеют договора, есть проверочная комиссия, по три-четыре раза в лето проверяем!..

— Не в договорах, не в бумажке дело!.. А чья бригада у вас самая отстающая?

— Васюкова Михаила, шестая.

— И какая же разница между ними по урожайности зерновых, между третьей и шестой?

— Восемьдесят килограммов.

— Меньше центнера?.. Не намного отстал Васюков от Грачева. Какая же это отстающая бригада?

— Значит, моя вина в том, что у нас в колхозе нет отстающих бригад?..

— Я был бы полным идиотом, Павел Федорыч,— рассмеялся, остановившись против него, Стародубов,— если бы упрекнул тебя в том, что у вас нет отстающих бригад. Не в том беда, что нет у вас отстающих бригад, а в том, что нет резко вырвавшихся вперед! Дошло?.. А звенья на свекле? Еще не подсчитали вы урожай, знаю, но тоже небось не будет большой разницы между худшими и лучшими? Поравнялись? Да?..

Стародубов спорил с азартом, горячо жестикулировал, иногда даже, остановившись, пристукивал кулаком по столу, но был весел, вероятно от сознания своего превосходства в споре, ощущения найденной твердой точки опоры. Назаров хмурился, раздраженно курил одну за другой папиросы, поглядывал на Стародубова исподлобья. Когда тот посылал в его адрес резкое слово, у Назарова даже дрожали губы от обиды... Отвык, отвык Павел Федорович от критики! Сколько лет уж все к нему да к нему ездили люди учиться.

Он долго собирался с мыслями, прежде чем ответить секретарю райкома.

— Я, Дмитрий Сергеич,— сказал он,— с первых же дней, как пришел в колхоз председателем, решил: нужно кончать с этим очковтирательством! Утешаемся рекордами с трех гектаров, а на остальных *тысячах* гектаров государственного плана урожайности не выполняем!

— Правильное решение... Только зря ты называешь вообще всякие рекорды очковтирательством. Поначалу нужно было, хотя бы на маленьких участках, показать колхозникам: вот что может дать наша земля, если применить передовую науку и приложить руки!.. Ну, может быть, потом где-то кто-то превратил это в очковтирательство...

— Да не где-то! У нас, в нашем районе было два прославленных звена — в колхозе «Вперед» Агриппины Плотниковой и в колхозе имени Чкалова Ефросиньи Сомовой. Только и было чем похвалиться! Шуму, треску вокруг этих звеньев! На всех слетах только и разговору о них. А в целом район три года подряд плана хлебопоставок не выполнял!.. Я пришел в колхоз и сказал женщинам: будем бороться за урожай сообща. Минеральных удобрений завезем вдесятеро больше, всем хватит! И не лазьте вы,

пожалуйста, в уборные за фекалием. Этого вам еще недоставало!

— Вот насчет фекалия я с тобой вполне согласен. Действительно, этого только не хватало нашим колхозницам — фекалий собирать! Как будто не можем заменить его другими удобрениями. Химикатами можно заменить. И так у девчат мало женихов, а тут еще какие-нибудь хулиганы пустят похабные частушки про них по селу!..

— Да, да, так и я им сказал: сами себя не жалеете, так мы вас пожалеем. И чтоб не грызлись, не ссорились вы между собой из-за лишней пары волов и центнера навоза — вот вам всего поровну. Никаких никому привилегий!

— Ссору утишил и соревнование загубил...

— Загубил соревнование?.. Такое соревнование, как было,— это кустарничество, Дмитрий Сергеич! Знахарство! Колдовала каждая что-то на своей делянке.

— А чем ты его заменил — то соревнование?.. И у вас были рекордсменки, не такие, может быть, знаменитые, как Плотникова и Сомова, но тоже для своего времени сделали немало. Что ж, выходит, при высокой механизации, когда трактористы все площади засевают и убирают и когда председатель сам не профан, лучше других знает агротехнику — такие колхозницы выключаются из соревнования? Ох, что-то не так!..

Стародубов сел за стол, помолчал с минуту.

— Марина Фомичева говорит: «Много бы вы, командиры полков да батальонов, навоевали без нас, сержантов?» Слышишь? Армейские порядки знают! Всего за войну насмотрелись, наслушались. «Кто, говорит, на фронте бойцов в атаку поднимает? Сержанты! Армия без сержантов — не армия». Да... Очень обижалась на тебя Марина.

— За что?

— За твою доброту. Да сядь, не ходи, мельтешишь перед глазами!.. «Семь лет, говорит, работала я звеньевой, и людьми руководить немножко научилась, и к полю привыкла, и на курсы меня пять раз посылали, агротехнику учила, а теперь меня Павел Федорыч старшей птичницей назначил. «Отдохни, говорит, не век тебе с тяпкой гнуться».— «Да не хочу я отдыхать! Ликвидировали звенья на зерне, правильно ликвидировали, мешали они механизации — так дайте мне бригаду! Васюков Ми-

хаил, говорит, в шестой бригаде не бригадир, а нарядчик. Что Павел Федорыч ему прикажет — выполнит, а своей головой ничего нового не придумает. Дали бы мне эту бригаду да вот этих девчат, которых я семь лет учила,— их тоже рассовали кого куда: ту амбарщицей, ту учетчицей,— да съезжу в Москву в академию, узнаю, чего там нового по агротехнике выдумали, пока я тут кур не по специальности щупала. Может, какой академик шефство возьмет над нами. И — сделали бы! Показали бы людям, что нет конца краю колхозному урожаю!.. Павел Федорыч, говорит, таких, видно, помощников любит, чтоб много не рассуждали. Лишь бы бригадир не безобразничал, не пил водку в неположенное время, да рано вставал, да все его распоряжения выполнял в точности, не перечил ему...»

— Ерунду городит Марина!

— Не знаю. Женщина она, видимо, наблюдательная... Это очень хорошо, Павел Федорыч, что нет у тебя отстающих,— продолжал Стародубов,— всех ты подтянул. Но кто-то же должен опять вырваться вперед?.. Ну вот, в самом деле — достигли вы общего высокого урожая, но это же не предел, все понимают. И вот с этого трамплина какая-то бригада у тебя захочет сделать новый большой скачок. Захочет испытать у себя более сложный агрокомплекс, нежели та агротехника, которой все сейчас у вас придерживаются. Что ж, на первых порах, может быть, этой бригаде придется больше помочь. Больше тягла им дать,— обработка полей у них сложнее,— и семян дать им больше — норму высева, может быть, они увеличат. И даже удобрений, может, лишних попросят у тебя. А главное — больше внимания этим людям, зачинщикам. А на свекле остались звенья. Может быть, какое-то звено захочет показать всем, как по тысяче центнеров с гектара можно брать, а не по триста? А ты скажешь: «Очковтирательство! Особые условия!» Нет! Это — маяк!.. Другое дело, что нельзя баловать передовиков «вечным первенством», нельзя давать соревнованию закостенеть. Вырвалась одна бригада вперед, проверили урожаем ее опыты, убедили людей, что это всем доступно,— сразу же подтягивай к ней все остальные бригады. А потом — опять рывок вперед! Так, по-моему, а?..

Назаров присел к столу.

— На низком ли уровне, на высоком ли уровне — застой есть застой, дорогой Павел Федорыч. Опасное

дело! В самом лучшем нашем показательном колхозе жизнь остановилась! За три года урожаи не выросли ни на полцентнера! Вопрос для специального обсуждения на бюро. Будем тебя ругать! Да и самим придется признать, что прошляпили, проглядели... Добрый ты человек, Павел Федорыч,— усмехнулся Стародубов.— За доброту тебя колхозники и полюбили. А теперь, вот видишь, обижаются... Народ, знаешь, любит, чтоб его и пожалели и подтолкнули, когда надо, легонько. А ты говоришь: «Не нужно! Не надо мне ни отстающих, ни рекордсменов! Всё за всех обдумаю и сделаю сам!» Задавил все и вся собственным авторитетом... Может, золотую звездочку, кроме тебя, десятки людей в колхозе желают носить? И докажут делом, что достойны носить?..

Загорелое лицо Назарова то бледнело как-то плитами, то багровело до такой степени, что казалось, вот-вот брызнет кровь из кожи на скулах. Рука его, лежавшая на столе с зажатой в пальцах потухшей папиросой, дрожала.

— Не думал я об этой звездочке, Дмитрий Сергеич, и не об авторитете думал, когда загонял последние оборотные средства в суперфосфат да в семена клевера,— сказал он.— Мне в то время нужно было платить полмиллиона просрочки за Сторчака и всех прочих, кто до меня разваливал колхоз. Ладно, думаю, напишу в Совет по делам колхозов, войдут, может, в положение. А без урожая нам — не жить!..

— Верю, верю, Павел Федорыч,— положил ему руку на плечо Стародубов,— что ты ночей не спишь, думаешь о том, чтоб колхозу было лучше. Но сам всего не поднимешь. Тем умная голова и умна, что понимает — всего за всех сама не обдумает. Ты же фронтовик, знаешь: веди бой главными силами, а разведку вперед всегда пускай!.. Вот повешу замок на кабинет, приеду к тебе в колхоз еще дня на три, походим вместе по хатам, поговорим с людьми — найдем у тебя не одну новую Марию Демченко!..

Назаров встал, с треском отодвинул кресло, опять заходил по кабинету.

— Нашел бы и сам! Что ж я — людей своих не знаю? Знаю таких, что поедут поучиться и на Урал и на Дальний Восток, куда угодно, где только можно хороший опыт перенять. И сам бы поехал, да не знаешь, за что хвататься!.. Вы бы когда-нибудь захронометрировали рабочий день председателя колхоза, чем он занимается. Много

ли времени у него остается подумать о самом главном?.. Председатель должен и от науки не отставать и от людей не отрываться. А нас мелочи заедают!.. Ведь о чем только не приходится хлопотать председателю колхоза: и где гвоздей добыть на строительство, и чем крыши покрыть, чем коней ковать, во что запрячь? На иного председателя посмотришь, так это же не председатель и даже не завхоз — экспедитор! Куда там ему соревнованием заниматься! Дни и ночи мотается по разным конторам, снабам, ищет, достает, выпрашивает, выменивает. Уголовное дело на любого председателя колхоза можно завести — как он это все добывает. И без блата не обходится и без взяток. От хорошей жизни, что ли, пооткрывали мы свои заводы? Кирпич палим, уголь древесный выжигаем для кузниц, мазь колесную сами делаем. И колеса делаем, и дуги гнем, и веревки вьем. Не колхоз, а какой-то кустпромкомбинат! Вот разгрузите меня от всего этого — больше буду заниматься урожаем!.. А как же вы разгрузите? Хорошо, закрою я кирпичный завод. И людей оттуда всех пошлю в полеводческие бригады. Но откуда же нам возить кирпич на строительство? Нам его много нужно! Из Курска, за сто пятьдесят километров? Дорого обойдется!

— Построим такой завод, Павел Федорыч, что всему району хватит кирпичей!

— Давно надо было! Местную промышленность надо развивать, Дмитрий Сергеич! Ваша обязанность об этом подумать! Завалите магазины и хомутами, и колесами, и мебелью!..

— Вот с твоей помощью все обдумаем. Ты тоже член бюро. Но эти колеса увозят нас в сторону.

— Нет, Дмитрий Сергеич, это очень серьезное дело! Как в паутине бьемся! Отпадут эти доставальческие заботы — наполовину очистятся мозги для других мыслей!..

Назаров присел на подоконник, распахнул створки окна. С улицы, вероятно, похоже было, что в райкоме пожар — табачный дым повалил из окна клубами.

— Где же ты раньше был, товарищ секретарь райкома? — заговорил после большой паузы немного успокоившийся Назаров, перейдя с вежливо-холодного «вы» на «ты». В глазах его заиграли усмешливые огоньки. Кажется, впервые за все мои встречи с ними он назвал Стародубова на «ты».— Это же счастье наше, что у тебя скат спустил в Сухоярове!.. Ни разу не задержался у нас на

часок, не поговорили по душам... В собственном соку варюсь!.. Невзлюбил ты чего-то наш колхоз.

— Я невзлюбил ваш колхоз? Глупости!

— Ты тоже, видно, добренький. Бедных любишь, а богатых нет. А оно, видишь, и у богатых свои болезни... По обязанности ты, Дмитрий Сергеич, все делал, что нужно, и хвалил нас, и возил к нам людей поучиться, а душа твоя к нам не лежала... Или, может, я тебе не приглянулся?

— А что ты — девушка? Любоваться тобою? Не приглянулся!..

— Да нет, бывает так... Может, не нравилось, что я сам по себе существую, никогда ни в чем помощи у райкома не прошу? Так мне помощь нужна, может, не такая, как другим. Если мне неисправный комбайн вывезли на участок из МТС — я с таким пустяком в райком партии не побегу, как-нибудь сам добьюсь, чтоб исправили!..

Спор угасал. Я ушел в гостиницу за чемоданом — из райкома отправлялась машина в К-скую МТС, куда и мне нужно было съездить. Когда я зашел в кабинет Стародубова минут через двадцать, оба сидели на высоком подоконнике, свесив ноги, и предавались фронтовым воспоминаниям.

— Так, значит, ты на Крымском фронте был в кавдивизии генерала Книги? — разминая в руках папиросу, говорил Стародубов.

— Ну да. В Михайловке стояли, во втором эшелоне. Ждали прорыва. Потом нас спе́шили.

— А я был в восемьдесят второй бригаде, в морской пехоте. Ротой командовал. Так мы же вместе в Керчи дрались! Рядом!..

— Рядом, рядом... Ты знаешь, Дмитрий Сергеич, как мне в эту войну пришлось. Уже после Крымского фронта, в другой армии. До Берлина прошел с родным братом в одной дивизии! И — не встретились. В разных полках были. После войны уже списались: ты в какой дивизии служил? В такой-то. И я в такой-то! Как же так?.. До сих пор не могу с ним повидаться. Инженер. Работает начальником строительства в Казахстане...

В дверь заглянули посетители, ожидавшие приема. Стародубов спрыгнул с подоконника.

— Ну, до завтра, товарищ Назаров! Приеду на три дня. А к субботе готовь доклад на бюро: «О мерах даль-

нейшего повышения урожайности и продуктивности животноводства в колхозе «Красное знамя».

— О животноводстве мы вроде не говорили...

— Ничего, ничего, там поговорим. Походим по фермам, без экскурсии, вдвоем... И не обижайся на меня. Мне народ подсказал, и я тебе подсказываю. Давай поработаем так, чтоб никакие летописцы не смогли написать про нас: «Были, мол, у нас такие-то товарищи, с виду не хворые, при здоровье, а ничего особенно примечательного не сделали».

— Сам того боюсь, Дмитрий Сергеич! — усмехнулся Назаров.— Как бы не попасть в историю не с того конца!.. Никита Родионыч наш? Тот запишет!

— Запишет!..

Посмеялись.

— А вот подкалываешь ты меня зря: «Вынужденная посадка. Это *вам,* может, в диковину, а я-то в колхозе живу»... А я не живу в колхозе — что поделаешь? Такая моя должность. У меня двадцать три колхоза. Ночую дома. А дом в райцентре, не в колхозе. Может, и секретарю обкома прикажешь в колхозе жить?..

— Так и меня не упрекайте: ты ближе к ним живешь, ты в первую очередь проглядел. Я — ближе, а вам — с горы виднее. Вот и подсказывайте нам, куда двигаться? Зачем время терять?

— Да, время терять не нужно... А землю я тоже люблю, товарищ Назаров, как и ты, хоть и не в колхозе живу. И все, что на ней растет... И, может быть, не так люблю то, что сегодня на ней растет, как то, что завтра вырастет!..

Крепко пожали друг другу руки на пороге. Стародубов сел за стол...

...Звонил телефон, заходили очередные посетители, забегали заведующие отделами с проектами резолюций и докладных записок, помощник приносил только что доставленные, с мокрыми еще наклейками, телеграммы из области. Рабочий день секретаря райкома продолжался.

1952 г.

ОБ ИНИЦИАТИВЕ И ТАЛАНТАХ

Однажды на областном совещании передовиков сельского хозяйства, во время перерыва, в курилке, где встречаются и собираются в кучки знакомые из разных районов, я услышал такой разговор.

— А какая, Кирилл Петрович, по-твоему, самая главная задача у хорошего председателя колхоза? — спрашивал секретарь райкома партии Чугуев у одного делегата совещания, старого, с пятнадцатилетним стажем, знаменитого на всю область председателя богатого передового колхоза Омельченко.— Самая что ни есть главная задача? То, за что больше всего будет впоследствии председатель в ответе перед народом, перед своим колхозом. Перед историей!.. Ну, так что́ самое, самое главнейшее?..

Омельченко, подозревая какой-то подвох в вопросе секретаря, не торопился с ответом, обдумывал, что сказать, прочищая спичкой засорившийся чубук трубки.

— Что главное?.. Много у нас главного. За что ни возьмись, все главное... Вести хозяйство планово? Многоотраслевое развитие? А? Севообороты? Чтоб не запустить землю?

— Да, это очень важно — не запустить землю. Маркс говорил: каждое поколение должно оставлять землю следующему поколению улучшенной и обогащенной, как хороший отец семейства оставляет детям приумноженное наследство. А еще?

— Что еще?.. Воспитание людей? Работа с активом?..

— Вот, подходим к этому! А конкретнее? Кого именно должен воспитать хороший председатель колхоза?..

— Кого? Честных тружеников, советских людей... Что-то не пойму я тебя, Николай Егорыч,— развел руками Омельченко.— О чем говоришь?

— Хороший председатель колхоза,— Чугуев взял за лацкан пиджака Омельченко,— должен, обязан воспитать, вырастить и хорошего заместителя себе. Понятно?

— Ну, это ты, Николай Егорыч, преувеличиваешь. Так

нельзя механически подходить. Почему самая главная задача — вырастить заместителя? Заместителя вырастишь, а пшеничку не вырастишь — тоже толку мало, не похвалят.

— Ладно, не будем механически подходить. Но согласен, что это очень важная задача?

— Согласен. Они и есть у нас, заместители. У каждого председателя колхоза есть заместитель.

— Какие заместители? Я имею в виду такую смену, чтоб без тебя дела в колхозе нисколько не ухудшились. Есть? Вырастил такого человека? На всякий случай. Ну, не будем загадывать о чем-нибудь нехорошем. Скажем, возьмут тебя за твои заслуги живьем на небо, как Илью-пророка. Подлетит к правлению огненная колесница: «Собирайся, Кирилл Петрович, довольно тебе тут мучиться с посевными-уборочными, поедем туда, где нет ни уполномоченных, ни телефонограмм, ни выговоров, одни банкеты и благодарности!» — и умчался наш новоявленный святой товарищ Омельченко, только пыль по небу. Кто за тебя останется в колхозе? В ком ты там уверен, как в самом себе? Есть такой человек, что сможет не хуже повести дело, чем ты, а может, даже и лучше?..

— Так вот, говорю, есть у меня заместитель — Крышкин Иван Архипович. Ты его знаешь. Работает неплохо...

— Как заместитель. Распределили обязанности, ты даешь ему поручения — он выполняет. В общем, помогает тебе неплохо в роли заместителя. Большего ты с него пока и не требуешь. А самостоятельно сможет он работать? Не пошатнутся в колхозе дела, если ты совсем отстранишься и Крышкин останется за тебя?..

— Как сказать...— Омельченко почесал затылок.— Для председателя он, конечно, слабоват. Кругозора не хватит.

— Значит, не заменит тебя?

— Не заменит... Да ты, Николай Егорыч, так поворачиваешь разговор, что мне вроде самого себя приходится хвалить. Неловко.

— Крышкин слаб, так. А другие твои помощники? Из бригадиров, заведующих фермами некого выдвинуть в председатели?

— Почему некого? Будет нужно — кого-нибудь выдвинут.

— Но есть из них такой, что отлично справится с обязанностями председателя?.. Ну, вот ты, примерно скажем, Суворов. А есть у тебя Кутузов? На которого бы можно вполне положиться, что не подведет?

— Не знаю... Бригадиры у нас хорошие. На животноводстве тоже ребята толковые. Но это все же одна отрасль, на весь колхоз-махина. На ферме справляется, это он в силах охватить, а колхоз завалит — и так может случиться.

— Вот видишь. Значит, не вырастил себе надежного заместителя? А ведь на самом деле, без шуток: ну выдвинут тебя завтра начальником областного Управления сельского хозяйства, или на учебу пошлют на три года, или райком найдет нужным перевести тебя в другой, отстающий колхоз, чтобы ты его вытянул, и ты, как дисциплинированный член партии, обязан будешь подчиниться. А свой колхоз на кого оставишь?..

Омельченко, не найдя, что ответить Чугуеву, тяжело вздохнул под громкий смех окруживших их делегатов.

— Нет, смеяться тут нечему, товарищи,— продолжал Чугуев.— Вопрос очень серьезный. Мы как будто даже забываем, что все мы смертные люди и каждого из нас в любую минуту может либо какой-нибудь зловредный вирус укусить, либо черепицей с крыши по голове стукнуть... Да, Кирилл Петрович, вот как оно нехорошо получается. Не любишь ты, значит, свой колхоз.

— Что? Я не люблю свой колхоз? — уж с обидой в голосе стал возражать Омельченко.

— Да, не любишь. Как же так — за пятнадцать лет не вырастил себе заместителя! Значит, тебе безразлично, что станется с вашим хозяйством и как там будут жить люди без тебя. Пока ты на посту главного руководителя, ты, конечно, справляешься. Ночей недосыпаешь, всюду твой хозяйский глаз — потому что с тебя спрос. Опять же тебе и почет за достижения колхоза. Звание Героя получил. «Пока я председатель, не навлеку сраму ни на колхоз, ни на себя. Пока я там. А после меня — хоть волк траву ешь!» Так что ли?..

Я, вступив в разговор, взял сторону секретаря райкома, и мы вместе стали донимать начавшего уже выходить из себя Омельченко.

— Это, конечно, эгоизм в высшей степени — не думать о том, что будет на земле после меня, и не заботиться о смене.

— Он, видите ли, решил, что его никем нельзя заменить,— продолжал Чугуев подкалывать председателя колхоза.— У него талант! Организатор-самородок! Редкий талант! А других таких талантливых людей он возле себя

не находит. «Не охватят колхоз-махину». Почему же не научишь, как охватить? Тебя что, никто никогда ничему не учил? Сразу, с первого дня, стал таким уважаемым Кириллом Петровичем, каким мы тебя сегодня знаем?

— Да что вы напали на меня! — сердито возражал Омельченко.— За пятнадцать лет не вырастил такого, как сам! А если нету таких?

— Вот, вот! Какое самомнение! Культ собственной личности.

— Да погодите, я себя не превозношу, я просто хочу сказать, что в природе не бывает двух людей, в точности похожих друг на друга.

— А мы не требуем, чтобы твой заместитель был такой же рыжий, как ты, и ростом с тебя — великан. Пусть черненький и маленький, пусть рябой, косой, лысый, кучерявый, лишь бы дело в колхозе повел не хуже.

— Да как же я могу поручиться за кого бы ни было, что он будет не хуже меня работать?..

— А надо, чтобы смог поручиться! Без такой уверенности в заместителях нам и жить нельзя.

Омельченко, обороняясь от Чугуева, напал на меня:

— А вы-то чего к Николаю Егорычу подпрягаетесь? Оглянитесь на свой Союз писателей! У вас-то каково насчет смены? Хуже еще, чем в колхозах! Много выдвинули вы новых Чеховых, Горьких?

— Ого! — воскликнул со смехом Чугуев.— Да ты зазнался, Кирилл Петрович! С Горьким себя равняешь?

— Не равняю, но, по-моему, и в литературе можно так вопрос поставить: каждый знаменитый писатель обязан вырастить себе на смену из молодых хотя бы одного такого, который бы не хуже его книжки сочинял!

Собственно, трудно было сразу возразить Омельченко. Поскольку речь зашла о талантах, в чем же особые трудности «выдвижения» новых талантов в писательском деле? И являются ли литературные дарования в природе более редкими, чем, скажем, большие организаторские таланты?..

Но Омельченко пошел уже в контратаку и на Чугуева.

— А ты-то сам, Николай Егорыч, вот уже пятый год работаешь у нас. Если заберут в Москву заместителем министра культуры, на кого оставишь район? Как думаешь, второй секретарь товарищ Бугров справится за тебя?..

Чугуев прокашлялся и нетвердым голосом — заметно

было, что кривит душой, лишь бы не проиграть в споре,— ответил:

— Справится, конечно.

— Ой ли?..

— Был у тебя, Кирилл Петрович, хороший заместитель, не хуже тебя повел бы дело, да упустил ты этого человека,— вмешался в разговор один из слушателей нашей беседы и тем выручил Чугуева и меня.

— Кто был?

— Румянцев, агроном, который потом в МТС ушел, а сейчас в Селищах колхоз поднимает.

По лицу Омельченко пробежала тень. Упоминание о Румянцеве было ему, видимо, неприятно.

— Вот и хорошо, что отдали мы его. Из наших кадров — на помощь другим. В Селищах тоже нужен способный председатель.

— Зачем ему агроном? — подал голос еще кто-то из делегатов совещания, собравшихся вокруг нас.— Омельченко сам себе агроном.

— Ты такое скажешь, Васьков! — обернулся Омельченко.— Будто я агрономов не признаю, выживаю их из колхоза. Что ж, у меня нет сейчас агронома? Есть агроном.

— Это Пучинкин-то? Ну, какой он агроном! Мальчик на побегушках.

— Вот Румянцев — то был агроном! Готов был головою отвечать за урожай, но и требовал, чтоб не мешали ему. Уж если скажет: вот так нужно! — ничем его не собьешь. С тобой ему, конечно, трудновато было.

— Не ужились вы с ним. Два медведя в одной берлоге.

— Вот еще что, видишь, отражается на воспитании заместителей! «Два медведя»!..

Зазвонил настойчиво звонок из президиума, перерыв окончился. Делегаты, докуривая и бросая в урны папиросы, пошли в зал, стали рассаживаться по своим местам.

Этот разговор на совещании передовиков сельского хозяйства, в полушутливой форме о серьезных вещах, долго не выходил у меня из головы. Неужели действительно появление и рост новых талантов — дело, зависящее только «от природы», и ничем ему нельзя помочь? Нет, нельзя согласиться с этим!

Инициатива... Много мы за последнее время пишем о

ней. Разумная инициатива масс и руководящих работников в сочетании с государственной дисциплиной и социалистическим планированием. Возможно ли такое сочетание? Конечно, возможно. В боевых действиях войск на фронте инициатива командиров уживается ведь с подчинением единому стратегическому плану операции.

Но на чем может человек проявить инициативу? Только на самостоятельном ответственном деле. Нельзя сделать человека парашютистом путем чтения лекций о парашютном спорте, не заставив его ни разу выпрыгнуть из самолета с парашютом. Конечно, поначалу, при неудачном приземлении, не обойдется и без синяков.

Я знал одного секретаря обкома партии, который сам был настолько инициативен, что и крошечного места не оставлял возле себя для инициативы других. Как говорится, «яблоку негде было упасть» от его инициативы. И получалось, что он — сам, быть может, того не сознавая — глушил инициативу своих помощников и специалистов. И это происходило, как ни странно, не от бюрократизма и консерватизма, а от его собственной могучей, неуемной инициативы — одного из лучших, в общем, человеческих качеств.

Будучи очень энергичным по натуре, он успевал раньше других подумать обо всем решительно, что входит в круг деятельности отделов обкома, Управления сельского хозяйства, промышленных трестов и всех остальных областных учреждений. Раньше других — это, конечно, еще не значит — лучше других. Но дождаться глубоко обдуманных, обоснованных предложений от специалистов у него просто не хватало терпения. А потом, когда вспыхнувшая в его голове мысль становилась уже увлечением и весь аппарат обкома начинал работать над ее претворением в жизнь, спорить с ним было трудно.

Он был на видном посту, ему вполне хватило бы славы руководителя большой партийной организации и уважения, воздаваемого ему по этой должности. Он был первым секретарем обкома. Но ему, вероятно, хотелось быть первым буквально во всем. Однажды, вместо того чтобы дать задание конструкторам срочно изготовить приспособление к комбайну для подъема полегших хлебов, он заперся на три дня в своем кабинете, велел доставить ему нужные материалы и инструменты и сам, тряхнув старыми познаниями в области механики и слесарного дела, изготовил модель подъемника. Подъемник удался, и его

даже передали для выпуска на местные заводы. Патент на него он, конечно, не взял. Он достаточно вознаградил себя тем, что продемонстрировал свою модель на совещании конструкторов и постыдил их за неповоротливость и незнание нужд колхозов.

Коммунисты невесело шутили: «Вениамин Павлович подает нам пример «совмещения профессий»: он и секретарь обкома, и секретарь горкома, и главный агроном области, и начальник всех строек, и художественный руководитель театра, и главный архитектор города, и редактор областной газеты. Комсомол и пионерскую организацию только не подменил — возраст не позволяет».

Есть начальники, с которыми трудно приходится бездельникам, а людям деловым и творческим легко и радостно работать. Есть и такие, приноровившись к которым, бездельники благоденствуют, а хорошим работникам приходится туго. С Вениамином Павловичем трудно было и тем и другим. Не доверял он людям, слишком низкого был мнения о способностях своих помощников и считал, что все они годны лишь для роли простых исполнителей.

Зимним утром часов в восемь — зимою в то время еще темно — идешь, бывало, по городу мимо Дома Советов и видишь: в кабинете первого секретаря обкома уже светится. И ночью до часа-двух горит свет в окнах его кабинета. Правда, светится кое-где и в других окнах, но, может быть, лишь потому, что сам первый секретарь еще не уехал домой и ему может понадобиться какая-нибудь справка? А на столе перед этим засидевшимся в обкоме до третьих петухов страдальцем завотделом — «Граф Монте-Кристо» или трудный кроссворд из прошлогоднего «Огонька»? Да и чем другим заниматься ему, если всё за всех всегда обдумывает и решает сам Вениамин Павлович и иных решений вопроса, кроме собственных, не признает?..

В некоторых партийных организациях у нас пропагандистская работа превратилась в школярство потому, что главной целью стало количество проведенных занятий, прочитанных лекций (сводка!), а не воспитание людей.

В кружке изучается история партии. Это история огромной борьбы ленинизма за чистоту революционных идей Маркса, за пролетарскую революцию в России, за построение коммунизма в стране победившей революции.

Слушателям все это преподносится как дела «давно минувших дней». Вот так боролись в прошлом большевики с классовыми врагами трудящихся и со всякими фальсификаторами марксизма. Но ведь и сегодня, в нынешних наших делах, всем нам нужно быть большевиками! Революционная непримиримость к помехам на пути нашего строительства, бесстрашие в своих принципах, когда твердо уверен, что они отвечают интересам партии, служение делу, а не лицам, сознание большой ответственности перед народом за каждый свой поступок — эти качества обязательны для коммуниста.

А то ведь бывает и так. Человек окончил высшие теоретические курсы, перечитал и вызубрил главные места в трудах классиков марксизма-ленинизма, по диплому — ученый-марксист. А в практических делах — беспринципная тряпка, отгородившийся от народа семью дверями бюрократ, подхалим, перестраховщик. Но что такое, скажем к примеру, перестраховщик? Так мы привыкли называть некоторых работников, без зазрения совести получающих зарплату за то, что ничего не делают, ничего не решают. Наше ухо притерпелось к этому довольно мягкому, не очень обидному слову. Пора бы его «уточнить», найти ему синонимы покрепче. В существе явления здесь обыкновенная трусость. Перестраховщик носить звание ответственного работника не прочь, так как с этим связаны и известные блага жизни, но ответственности боится как огня. Интересы дела у него на втором плане, на первом — личное благополучие. Стало быть, если называть вещи своими именами, перестраховщик — это жалкий, вечно дрожащий трус. И шкурник. Обыватель с партийным билетом. И во всяком случае, будь он «по теории» хоть доктором марксистских наук, его «практика» не имеет ничего общего с большевизмом.

Политическое воспитание не ограничивается лекциями и семинарами, одной лишь, так сказать, школьной стороной дела. Политически воспитывается человек при хороших руководителях всей своей жизнью, деловыми заданиями партии и борьбой за выполнение этих заданий. Так растила партия кадры хозяйственников, полководцев, дипломатов, организаторов. Политическая закалка кадров — это и есть испытание *делом* на труднейших участках.

И нельзя сейчас строить пропагандистскую работу лишь на изучении истории, прошлого нашей партии, не

обращаясь к сегодняшним делам, к сегодняшним новым задачам и новым трудностям строительства коммунизма.

Как можно изучать бессмертный труд Ленина «Государство и революция», не делая из него практических выводов для улучшения работы управленческих аппаратов?

Или как можно читать, может быть, даже заучивать наизусть такие строки Ленина и не вдумываться в них глубоко: «Руководитель-коммунист тем и только тем должен доказать свое право на руководство, что он *находит* себе *многих,* все больше и больше, помощников из педагогов-практиков, что он *умеет* им помочь работать, *их* выдвинуть, *их* опыт показать и учесть». Эти слова были сказаны Лениным в статье «О работе Наркомпроса» и адресовались непосредственно руководителям-коммунистам, работавшим в данном наркомате. Но ясно, что эта ленинская заповедь относится ко всем руководителям вообще: находить себе многих помощников, все больше и больше; уметь им помочь работать, их выдвинуть; только такой руководитель, организатор и воспитатель новых талантливых организаторов имеет право на руководство.

Кто склонен всю политическую работу с людьми сводить лишь к чтению лекций о происхождении жизни на земле, тот, если подсказать ему, что надо больше внимания обращать на хозяйство, с охотой совершенно откажется вообще от всякой пропаганды и воспитательной работы, только запчастями, шифером, шлакобетоном и будет заниматься. Но и тут не жди от него добра. Механическое мышление в любом деле не приводит к правильным методам.

Я слышал в одном районе, как колхозники называли своего секретаря райкома вот так, шутя, как Вениамина Павловича, «главным районным агрономом», и не сразу понял, в похвалу это было сказано или в осуждение. Может быть, за то назвали его так, что он лучше любого специалиста разбирается и в полеводстве, и в животноводстве? Оказалось, нет, за другое. Это прозвище у колхозников он получил, к сожалению, не за отличное знание сельского хозяйства, а за стиль работы.

От партийных работников сельских районов требуется знание агрономии и всех прогрессивных новшеств в этой науке, чтобы они разумно руководили людьми, сеющими хлеб. Пока секретарь райкома не изучит глубоко колхозное производство с его особенностями по разным зонам, принципы организации труда, планирования, экономику

колхозов, все новое, что дала передовая наука и колхозная практика в земледелии,— не может он стать хорошим руководителем партийной организации. У него на каждом шагу будут сомнения, колебания, грубые промахи и ошибки. Он не способен заметить ростки нового и вовремя дать им ход, так как сам еще не понимает смысла и пользы этих новшеств. Он не может давать толковых советов людям. Да и у него просто не будет авторитета, если колхозники заметят, что он профан в сельском хозяйстве.

Но само собою разумеется, что, если бы даже секретарь райкома лучше всех в районе знал колхозное производство и агрономию, все равно подменять хозяйственных работников и специалистов он не должен. Да и не выйдет из этого ничего хорошего. «Подменить» всех хозяйственников, при известной твердости характера, он сможет, но заменить — вряд ли.

Мало толку от таких методов руководства, когда секретарь райкома разъезжает по колхозам и, совершенно не считаясь с мнением директора и старшего агронома МТС, не интересуясь, что думают по этому поводу агроном колхоза и местные старые опытные хлеборобы, самолично планирует размещение культур на полях, «дает команду» начинать сеять гречиху или, наоборот, приостанавливает работы, запрещает или разрешает пересев поврежденной блохой и долгоносиком сахарной свеклы и т. п.

В среднем по размерам районе центральной области насчитывается 20—25 колхозов, две-три МТС, 50—60 тракторных бригад. Сеют колхозы по две-три тысячи гектаров. В уборку на полях района работают 100—120 комбайнов. Пользуйся секретарь райкома для передвижения по району хоть вертолетом — не успеет он за день побывать возле всех сеялок или комбайнов и лично проверить и наладить их работу. Если направить весь партийный аппарат района «уполномоченными» на уборочные и посевные агрегаты, на огороды, фермы, строительные площадки в колхозах — все равно не хватит сил. Значит, успех дела — в хороших кадрах председателей колхозов, агрономов, механиков, трактористов, комбайнеров, бригадиров, в политически-трудовом воспитании этих кадров.

У меня есть знакомые секретари райкомов, которые совершенно забросили работу с людьми, решив, что хозяйством можно заниматься «без политики».

Сидишь на пленуме райкома или на собрании районного партактива и слушаешь речь такого секретаря. Он го-

ворит подробно об очень нужных и важных в сельском хозяйстве вещах — о зеленом конвейере, об удобрительных смесях, о подкормках, о воздушно-тепловом обогреве семян, но почему же только о них и говорит? Речь первого секретаря райкома ничем, собственно, не отличается от тех речей, что произносили обычно на таких собраниях начальники районных сельхозотделов. А ведь он партийный работник. Есть же какие-то особенности в его работе, отличные от функций других должностных лиц в районе?..

Перед партийными работниками сельских районов поставлена задача — в короткий срок резко увеличить производство в колхозах зерна, овощей, мяса, молока. Но ведь райком сам не пашет и не сеет, это делают колхозники, рабочие МТС.

Я думаю, когда в обкоме партии слушают отчет секретаря райкома о выполнении всякого рода хозяйственных планов и поставок, не мешало бы так же, не менее строго, спрашивать у него, сколько он за то время, что работает в районе, вырастил в колхозах новых талантливых организаторов хозяйства, мастеров земледелия, животноводства. То есть, сколько он вырастил, воспитал таких людей, которые в свою очередь способны вырастить и двести пудов пшеницы с гектара, и пятьсот центнеров сахарной свеклы, и полтораста ягнят от ста овец, и двадцать пять поросят от свиноматки в год. Ведь это и есть строители нашего хозяйства! Как можно забывать главное в партийной работе — человека? Самый лучший, конечно, вид заботы о человеке в нашем государстве — это создать изобилие всяких продуктов и промышленных товаров. Но ведь само изобилие-то делается человеком! Мало преподать с трибуны собрания партактива правильные агротехнические советы — надо, чтоб было их кому на месте, в колхозах, выполнять!

Партийные работники в силу особых сложностей их дела стоят всегда перед соблазном залезать в функции других работников, ведомственных специалистов, чей круг деятельности более четко очерчен и ограничен. Они как бы «отдыхают» в этой ясности и конкретности чужих специальностей от своего собственного дела, настолько трудного и всеобъемлющего, что даже учебников по нему нет. По агротехнике учебники есть, по партийной работе—нет.

Один мой знакомый председатель колхоза говорил:

— Терпения у них не хватает. Вырастить во всех колхозах такие кадры не только председателей, но и бригади-

ров, заведующих фермами, которые бы совершенно не нуждались в подсказках, когда сеять хлеб и как коров доить,— это же дело долгое, одним днем его не провернешь. И она, эта работа с людьми, такая незаметная. Никак ее в сводке не отразишь. «Насколько выросли колхозные кадры в районе за истекшую десятидневку? Каков процент прироста у них смелости и самостоятельности?» Что ответишь на эти вопросы? Подбирай кадры, изучай их, возись с ними, воспитывай! Да еще не каждый секретарь райкома годится в воспитатели. Одними выговорами ведь не воспитаешь, как делают иные, тут еще что-то нужно уметь. Так проще — оседлать телефон и «давать команду» в колхозы: «Оставлять сахарной свеклы на каждом погонном метре по шести растений!», «Не позже такого-то числа всем приступить к продольной и поперечной культивации междурядий картофеля!», «Запретить уборку семенных участков пшеницы до полной спелости!» Когда перебросит такой «сам себе агроном» тракторы с комбайнами из одного колхоза в другой, так хоть чувствует, что сделал что-то за день, практически поработал.

Но это все не объясняет еще полностью вопроса.

Есть у нас категория людей, которых мы привыкли называть конъюнктурщиками. Эти люди даже партийные решения читают и понимают как-то по-своему, вдумываются не столько в прямой смысл решений, сколько в так называемый «подтекст», ищут этот «подтекст» даже в количестве строк, отведенных тому или иному вопросу.

В партийном документе, опубликованном в газете, задачи хозяйственного строительства заняли, скажем, три страницы, а полстраницы отведено вопросам партийно-политической работы. Конъюнктурщики так и понимают: значит, хозяйственными делами надо сейчас заниматься в шесть раз больше, чем политической работой.

Этим мыслителям невдомек, что настоящую политическую работу невозможно отделить от хозяйственного строительства. Также невозможно и противопоставить одно другому. Это категории не антагонистические, наоборот, неразрывно связанные едиными целями. Имеется в виду, конечно, настоящая политическая работа, а не болтовня, лишь попусту отрывающая людей от дела. Не бесхребетное культурничество, а именно политически-деловое воспитание людей на определенных ответственных участках хозяйственного строительства. Такая работа с коммунистами, активом, колхозниками, рабочими МТС, в результа-

те которой вырастают смелые, инициативные передовики производства,— наша опора, авангард во всех хозяйственных делах.

Если что и можно, в смысле вреда делу, «противопоставить» хозяйственной работе, то лишь плохую массовую работу — бездушную, формальную, для отчета, «отзвонил — и с колокольни долой».

Но болтуном может оказаться и хозяйственный работник: управляющий конторой, директор, начальник главка и даже министр. Можно и на очень практической должности «руководить» трескучими, но бессодержательными приказами, общими нудными указаниями и требованиями «мобилизовать», «усилить», «развернуть».

Так что́ лучше, а что хуже: формальная, бездушная массовая работа при деловом хозяйственном руководстве или наоборот? Можно ли тут найти какой-то эквивалент замены одного другим, если одно из двух составных хромает? От чего меньше вреда — от пустоты и невежества в речах партийного работника или от этих же качеств в приказах и распоряжениях хозяйственника?..

Право же, если допустить возможность противопоставления партийно-политической работы хозяйственным делам, можно договориться до совершенных глупостей.

Но хуже всего вот что. Когда конъюнктурщик берется за хозяйственные дела, он и здесь кидается лишь на внешне-показательную форму. И здесь он способен извратить и опошлить самую замечательную идею.

Дается сверху предложение насчет какого-то агротехнического приема, повышающего, скажем, урожайность овощей. Речь идет об одном лишь приеме, далеко не исчерпывающем всего агрокомплекса возделывания овощей, да и высокий урожай только лишь овощей еще не решает полностью задачу изобилия продуктов земледелия. Но конъюнктурщик поднимает вокруг этого предложения такой шум, будто это спасение от всех бед, ключ ко всем нерешенным вопросам колхозного строительства. Всю зиму на всех собраниях и конференциях только и разговору — о новом способе высадки овощей, в торфо-перегнойных горшочках. Очередная ударная «кампания». Но ведь этого мало — правильно высадить овощи. Надо еще суметь вырастить их, суметь их вовремя и без потерь убрать. И надо раскачать заготовительные и торговые организации, чтобы они были готовы к приему богатого колхозного

урожая, чтобы ни один центнер овощей не сгнил в кучах на бригадных дворах, чтобы в отдаленных от городов колхозах не кормили капустой и огурцами коров и свиней, чтобы все это попало в магазины и на рынки, чтобы всюду действительно было изобилие дешевых первосортных овощей. Работы здесь для районного руководства на целый год, а не на одну кратковременную «кампанию». Но... Сколько было в последнее воскресенье на рынке возов и грузовиков с помидорами и капустой и на сколько подешевели овощи в сравнении с прошлыми годами — об этом райком не отчитывается по сводкам перед обкомом. Это «трудно поддающиеся учету» вещи. И не было еще таких случаев, чтобы какого-то секретаря райкома наказали за дороговизну овощей на рынке. А сколько высажено овощей в горшочках — это легко и просто укладывается в сводку. До осени далеко, поругают ли осенью — неизвестно. А вот это сейчас на виду. За перевыполнение плана могут даже и похвалить. Стало быть, нужно и «нажимать» пока на это дело, особо не мудрствуя и не заботясь о дальнейшем, об изобилии овощей.

Живуч проклятый формализм! Видимо, еще и потому живуч, что для некоторых бесталанных руководителей — он что для слепого стенка. Уловил по известным признакам, что такому-то вопросу придается большое значение,— ну и пошел, держась за эту стенку; все внимание только этому делу, остальное — на задворки. А это «остальное» ни много ни мало — девяносто девять процентов всех очень важных и неотложных вопросов партийной работы и колхозного строительства.

Квадратно-гнездовой способ посева разных пропашных культур — большой важности дело. Но этот способ не сам по себе повышает урожайность, а через улучшение обработки междурядий. Улучшается же она потому, что здесь открываются большие возможности для механизации и тракторными культиваторами можно всюду успеть три-четыре раза за лето обработать междурядья вдоль и поперек. Почти полная механизация обработки больших, особенно на юге, площадей пропашных культур высвобождает много рабочей силы в колхозах, которую можно повернуть на другие дела: на разведение садов и виноградников, на строительство, на развитие подсобных отраслей.

Но приходилось видеть в иных районах возмутительные вещи. Пропашные посеяны квадратно-гнездовым,

междурядья же не обработаны, сорняки выше человека. Просматриваешь годовые отчеты колхозов: трудодней в полеводстве и огородничестве затрачено столько же, как и раньше, механизация не увеличилась. Для чего же весною секретарь райкома «нажимал» изо всех сил на квадраты? Квадраты ради квадратов? Ради красивой сводки: «Посев таких-то культур произведен на сто процентов квадратно-гнездовым способом»? Посеял — и на этом прекратил свои «заботы» о внедрении новой агротехники.

Такой секретарь райкома раньше, бывало, во время хлебозаготовок переключал всех и вся на очистку и вывоз зерна на элеваторы, о других срочных полевых и хозяйственных работах в колхозах запрещал и думать. Зябь в эти «штурмовые» по хлебу пятидневки и декады не пахали, озимые не сеяли, корма для скота не заготавливали — будто мы одним днем живем и в будущем году нам уже ни хлеб, ни мясо, ни молоко не потребуются. В оркестре при хорошей игре каждый инструмент издает именно те звуки, которые ему отведены в общей симфонии, и в нужное время, и нужной силы. А тут секретарь как бы схватил одну какую-то трубу, самую громкую, бас или контрабас, как они называются у музыкантов,— и дует в нее, заглушая все прочее. И мелодия получается — хоть святых выноси.

Но вот в чем главное. Чему он, такой секретарь, учит свой районный актив? Какие кадры растит у себя в аппарате и других районных учреждениях? Может ли такой партийный руководитель — сам формалист и, по сути дела, конъюнктурщик-очковтиратель — воспитывать у других людей, у своих сотрудников творческую смелость мысли, инициативу, настоящую, а не показную деловитость, честную принципиальность, самые ценные качества человека, занимающего ответственный пост на государственной службе? Вряд ли способен он воспитывать эти качества у других, поскольку у него самого-то их нет. Вблизи таких людей не создается — прибегнем к агротехническому термину — благотворный микроклимат для расцвета талантов.

Знал я еще такого секретаря обкома. Много повидавший в жизни, неплохо разбиравшийся в людях и несколько скептически-холодный в обращении с окружающими, он не любил угодников и подхалимов, едко подшучивал над ними, а не подхалимов, не «молчалиных», работников

с головой на плечах и самостоятельным взглядом на вещи, пытавшихся иногда даже возражать ему кое в чем, совершенно не терпел. С течением времени число таких дельных работников в аппарате обкома и других областных учреждениях уменьшалось. Либо они сами вынуждены были просить о переводе куда-нибудь в другую область, либо их откомандировывали, «по согласованию», в распоряжение министерств и главков. Освободившиеся штатные должности, естественно, занимались другими лицами, которые, учитывая печальный опыт своих предшественников, не решались уже ни в чем перечить секретарю обкома Лобову, держались «ниже травы, тише воды».

Не питал Лобов теплых чувств к подхалимам, с неприязнью и брезгливостью относился к «флюгерам», семь раз на неделю менявшим свои убеждения и «научные теории», и все же такие люди благополучно уживались возле него и даже численно множились. Он, Лобов, сам своей нетерпимостью к инакомыслящим и развел вокруг себя этот «холуизм», над которым порою издевался на заседаниях бюро или пленумах обкома.

Заведующий городским отделом коммунального хозяйства в порыве служебного усердия и угодничества заасфальтировал часть переулка, в котором занимал квартиру Лобов,— от главной улицы до секретарского особняка и чуть дальше, на несколько метров, чтобы только хватило «ЗИСу» развернуться по ровному. А еще метров сто переулка до другой мощеной улицы так и остались без асфальта, в колдобинах. Лобов, вернувшись из отпуска и увидев перед своим домом такой совершенно «крокодильский» факт подхалимского недомыслия, возмутился, вызвал незадачливого благоустроителя в обком, поносил его последними словами, заставил в течение суток заасфальтировать переулок до конца, вспоминал потом этот случай на сессиях городского и областного Советов, цитировал под громовой хохот зала строки Щедрина из «Истории одного города». И все же этот завкомхоз остался на своем месте, даже взыскания не получил. А заместитель председателя облисполкома по строительству — хороший работник, заботливый хозяин, которого всегда в семь часов утра уже можно было видеть на лесах какой-нибудь стройки, заслуженный, авторитетный в народе человек, командир партизанского отряда во время Отечественной войны — однажды крепко поспорил с Лобовым по поводу генерального плана восстановления и реконструкции двух городов

области, не согласился с понравившимися Лобову проектами, довел спор до Москвы, добился пересмотра одобренных в обкоме проектов и... поплатился за это трехмесячным отпуском и пособием на лечение, которых не просил, а затем переводом на другую работу, более легкую и соответствующую его слабому здоровью,— на должность директора лесостепного государственного заповедника.

Начальник метеорологической службы области Метелкин, следуя строжайшему указанию не давать в районы прогнозы погоды, не завизированные в обкоме (чтобы не «демобилизовывать» районных работников), дошел до того, что и в обком стал приносить лишь такие прогнозы, какие желательно было иметь Лобову. Если там принималось решение об увеличении площади посевов такой-то культуры, Метелкин давал прогноз, из которого явствовало, что погода для посева и роста этой культуры в весенние месяцы будет самая благоприятная. Если из обкома сыпались в районы телеграммы с требованием немедленно приступить к севу проса и гречихи, Метелкин, со своей стороны, не обращая внимания на холода и даже заморозки, предсказывал резкое повышение температуры в ближайшие дни. Если в обкоме поговаривали о том, что надо бы в этом году начать уборку сахарной свеклы несколько раньше, чем начинали ее обычно,— пойти заведомо на некоторое снижение урожая на первых убранных плантациях, потому что в сентябре корни еще растут и прибавляют в весе, но застраховаться таким образом от бóльших потерь при затянувшейся уборке,— Метелкин, в подтверждение необходимости таких мер, обещал раннюю и очень дождливую осень. Следовало бы решения принимать, исходя из обстановки, а тут прогнозы подгонялись под уже принятые и проектируемые решения.

Не то сам Лобов разгадал наконец технику составления Метелкиным его всегда приятных начальству прогнозов, не то кто-то из сотрудников бюро погоды написал на него заявление в обком,— Лобов хохотал до упаду, окрестил Метелкина «чемпионом области по холуизму», потешался над ним всласть, отвел ему целых десять минут в своем отчетном докладе на партийной конференции, опять с цитатами из Щедрина и Гоголя, сделал из него посмешище на всю область. Но с работы его все же не сняли. А начальник Управления сельского хозяйства Чеканов, который не удовлетворялся ролью простого собирателя

сводок для обкома, пытался разрабатывать какие-то новые вопросы организации колхозного производства и даже выступать со своими предложениями в печати, опытный агроном с двадцатипятилетним стажем, желанный гость в каждом районе, где люди ценили его советы и уважали за смелое обращение с шаблонами, человек, который иногда отваживался и особое мнение записать на бюро обкома,— недолго продержался на посту. Всего лишь полгода поработал он с Лобовым. При первой же возможности его откомандировали «на укрепление кадрами» в новую соседнюю область.

Умен был Лобов. Это чувствовалось и по его содержательным выступлениям на пленумах и конференциях, и по тому, как он решал вопросы на бюро, и по его проницательному взгляду на людей. Интересно, что кадры секретарей райкомов у него были подобраны действительно по деловому принципу. Тут он не терпел краснобаев и очковтирателей, мирился даже с некоторой строптивостью и самостоятельностью районщиков. Понимал, что без хороших секретарей райкомов область ему не поднять.

Но почему же он держал в областных аппаратах малоспособных работников? Почему не гнал подхалимов, терпел этот «холуизм» в своем ближайшем окружении? Чем это объяснить?.. Подхалим противен, если смотреть на него, а если не смотреть, отвернуться и только слушать ласковое журчание его голоса — совсем не противно, даже приятно? Умный спорщик раздражает, а подхалим как-то успокаивает нервы. А может быть, из ревности к чужому авторитету не выносил он присутствия рядом с собой людей с ясной головой и незаурядными организаторскими способностями? Или при всем том, что он работал сам энергично и даже как будто старался поднять область, где-то в глубине души у него было холодное равнодушие к делу, которым он руководил? И совершенно безразлично было ему, кто здесь останется за него, в случае если его переведут на другое место? Кто из его воспитанников будет вершить здесь дела за первого секретаря, кто за второго — это его нисколько не интересовало и не заботило. «После меня — хоть трава не расти». Пусть хоть Метелкина назначают заведующим сельхозотделом обкома.

Бывает и хуже, чем с Лобовым. Способный и энергичный работник, что называется, видный деятель, как бы

нарочно окружает себя бездарными, бесцветными людьми в роли своих помощников. Для того чтобы на их фоне его блистательная персона еще ярче сияла, что ли? И держит в первых заместителях, а затем рекомендует на самостоятельный пост человека, который заведомо провалит дело.

Мало этому деятелю, что его хвалили, когда он работал здесь. Хочется ему, чтобы его еще не раз вспомнили, когда он будет переведен в другое место. «Вот был у нас товарищ Н., золотая голова! А этот, что теперь на его месте, и подметки его не стоит!» Для сравнения оставляет за себя никчемного работника. В жертву тщеславию приносятся государственные интересы. Но такой «подбор» заместителей настолько уж чужд духу нашей жизни, что об этом даже как-то горько и стыдно писать.

...Вспоминается рассказ, как в некой стране неглупые хозяева одного концерна устроили испытание директорам заводов. Все директора получили одновременно отпуск, а затем, когда они вернулись, часть из них была уволена. И, как ни странно, уволили именно тех «незаменимых», без которых дела на заводе заметно пошатнулись. А те директора, длительное отсутствие которых совершенно не отразилось на работе завода (значит, подобрали хороших инженеров и приучили их к самостоятельному ведению дела), остались на своих местах, с повышенными окладами и благодарностью от компании за образцовую организацию управления производством.

Партийная работа имеет ту главную особенность, что ее не назовешь ни профессией, ни специальностью. Это выборная работа. Ведь может случиться, что районная партийная конференция и пленум райкома изберут секретарем райкома заведующего конторой «Союзпечати» или директора совхоза, если коммунисты сочтут, что именно ему по праву, по его человеческим и деловым качествам, надо бы руководить партийной организацией.

Партийная работа не специальность, и секретарь может не быть агрономом или инженером, но ему приходится руководить и агрономами, и инженерами, и врачами, и учителями, и литераторами, и художниками, и рабочими, и колхозниками.

И еще особенность: партийных работников не часто премируют и награждают орденами; производственников, специалистов — чаще. Такова уж благородная задача у партийных работников: самим оставаясь как бы в тени,

находить, выдвигать и поощрять таланты во всех областях нашего хозяйственного и культурного строительства, растить их, любоваться ими, открывать им широкую дорогу в жизнь и радоваться их успехам, как своим собственным.

Мне могут возразить, что не следует принижать роль партийных работников. Зачем же им, мол, «оставаться в тени»? Я говорю это иносказательно.

Не найдется, пожалуй, у нас в стране человека, которому неизвестно было бы имя Валерия Чкалова. А кто помнит имена его учителей-инструкторов, выпускавших Чкалова в первый самостоятельный полет? Все знают замечательного советского педагога и писателя А. Макаренко. А кто знает имена школьных и житейских учителей самого Макаренко? Кто знает имена учителей Паши Ангелиной, генерала Ватутина, Олега Кошевого? Не будь Дмитрий Фурманов писателем и не сделай режиссеры Васильевы по его книге фильм «Чапаев», мало бы кто знал сейчас про комиссара чапаевской дивизии.

Хотел бы или не хотел этого воспитатель, он всегда в силу особенностей его великой, но скромной работы несколько «в тени» рядом с теми, кого он выпускает в самостоятельную жизнь, на трудовые и боевые подвиги.

Через руки воспитателя пройдут сотни людей. Пусть десять из них выкажут незаурядные способности, а один станет большим ученым, художником, полководцем или государственным деятелем. И этот один своими подвигами «затмит» всех. Что ж, обижаться на это? Воспитатель может прославиться, лишь когда он сам в своем деле исключительный талант и к тому же способен талантливо рассказать о своей работе, как Макаренко или Фурманов.

Работа с кадрами, воспитание людей — главная задача партийных работников, потому что партия существует и работает не ради самой себя, а ради жизни всего народа.

Строитель наслаждается видом растущих заводских корпусов, новых жилых зданий, вокзалов, театров, воздвигаемых по его проектам. Энергетик, которому не дают спокойно спать огромные, не используемые до сих пор людьми и в миллионной доле силы солнечного тепла и ветра, вкладывает свою душу в новые испытательные установки. Нет большей награды для хорошего агронома, как увидеть в середине лета на полях пшеницу, выросшую вровень с

его плечом, с колосом крупным и тяжёлым, как виноградная кисть.

И партийный работник находит во всем этом радость и удовлетворение. Но первая и наивысшая радость для него — видеть рост людей вокруг себя, расцвет человеческих талантов во всем их многообразии. И от него требуется умение так руководить этими талантами, этими людьми, чтобы каждый работал в полную силу, вдохновенно, с зорким видением наших ближних и дальних великих целей.

Вот что говорил Ленин о талантах в статье «Как организовать соревнование?»: «...*организаторская* работа подсильна и *рядовому* рабочему и крестьянину, обладающему грамотностью, знанием людей, практическим опытом. Таких людей в «простонародье», о котором высокомерно и пренебрежительно говорят буржуазные интеллигенты, *масса.* Таких талантов в рабочем классе и крестьянстве непочатый еще родник и богатейший родник».

Еще раньше, в 1905 году, Ленин так говорил о молодых кадрах революционеров-организаторов:

«Нужны молодые силы. Я бы советовал прямо расстреливать на месте тех, кто позволяет себе говорить, что людей нет. В России людей тьма, надо только шире и смелее, смелее и шире, еще раз шире и еще раз смелее вербовать молодежь, *не боясь ее».*

Хороший секретарь райкома никогда не пожалуется на помощников, на свои колхозные кадры. Тем он и хорош, что умеет находить среди малоприметательных на первый взгляд людей талантливых организаторов, вожаков, больших мастеров своего дела, прирожденных строителей и загружать их трудной, но интересной, ответственной работой в полную меру их сил.

Очень нужны нам металл, хлеб, уголь, машины, строительные материалы. Мы должны стать самой богатой страной в мире, и чем скорее, тем лучше. Что бы мы ни делали, все сводится к этому — к могучему укреплению экономики нашего государства. Но решение всех хозяйственных задач — в человеке, в кадрах. Главный материал, с которым имеет дело партийный работник,— это человеческий материал. Для него это, если уж переводить на производственный язык, и материал, из которого он строит, и инструмент, которым строит. Кому что: художнику любоваться своей картиной, конструктору — своей новой машиной, а партийному работнику — людьми. И в общем

партийный работник «не в убытке». Двойная радость: и за плоды трудового творчества нашими людей, и за самих людей.

И тот партийный руководитель, который отдает всю страсть души этому делу, который любовно растит вокруг себя таланты, растит их на больших ответственных делах, где есть простор для умной и смелой мысли, растит терпеливо, не избивая за невольные ошибки, взыскивая за них с отеческой строгой доброжелательностью, настойчиво и мудро направляя эти таланты на верный путь, который именно в этом, в лепке человеческих душ и характеров, находит свое «профессиональное» наслаждение работой,— тот руководитель сам являет собой благородный и светлый, очень нужный в нашей жизни большой талант.

1955 г.

О СОВЕЩАНИЯХ, КАКИХ ЕЩЕ НЕ ПРОВОДИЛИ

В зрительном зале драмтеатра проходил областной слет передовиков сельского хозяйства. Партер, балконы — все, до последнего кресла, было занято председателями, бригадирами, животноводами, механизаторами из лучших колхозов области. Поскольку это было совещание передовиков, разговор, естественно, шел больше о достижениях. Каждый выступавший начинал с рассказа о производственных победах его фермы, бригады, колхоза и кончал обязательствами добиться еще лучших показателей.

В перерыве я вышел в сквер у театра. Подошел колхозник, видно не из делегатов слета, с мешком, одетый не по-праздничному, подсел ко мне на скамейку, скинул тяжелый мешок на землю.

— Это что ж тут за собрание идет? — спросил он, указывая на загромоздившие всю площадь у театра грузовики и легковые машины.

Я сказал ему, что за собрание.

— Передовики? Хорошо. Вон сколько машин! Народу-то привезли! А из отстающих колхозов не пускают туда представителей?

— Не знаю,— ответил я.— Вообще-то пройти можно, но куда вы свой мешок с покупками денете? Неудобно — с мешком.

— Да нет, я-то не пойду туда. Какой я представитель! Мне на вокзал надо. Домой еду. Трамвая жду. Просто — интересуюсь... О чем же они там совещаются?

— Ну, как еще больше поднять урожайность, доходы.

— Это дело. На месте никому нельзя топтаться, надо двигаться вперед. Передовики...— колхозник вздохнул.— А об отстающих там речи нет?

— В докладе была речь о них. А в прениях, конечно, передовики больше о себе говорят.

— Ну, ясно. Своя рубашка ближе к телу. Какая им печаль об отстающих. Они свои трудности перебороли...

А нас, только и знай, в газетке поругивают, да уполномоченные шумят на нас. А сюда,— он кивнул на подъезд театра,— не приглашают. Передовики... Отделились от нас, как святые от грешных.

Я спросил, из какого он района и много ли у них там отстающих колхозов.

— Точно не скажу сколько, но есть. Да вот взять наш колхоз. Как началась война, с того самого времени и не видели мы хорошей жизни. Поедешь к соседям — другое царство-государство. Денег получают помногу, горы леса навезли из Кировской области, новые дома строят. А у нас — одни долги да просрочки. Их, соседей-то наших, и война как-то стороною обошла. Не при большой дороге. А наше село было на самой передовой. Четыре раза фронт через наше село перекатывался туда-сюда. Ни одной коровы, ни одной хаты в селе не уцелело. Так и пошло с первых послевоенных лет: соседи три шага вперед сделают, а мы — полшага, они еще пять шагов, а мы — шаг. Как отстали с самого начала, так и до сих пор. То председатели были пьяницы, нечистые на руку, а теперь вот и хороший человек попался, три года уже у нас, видим, старается, ночей не спит, и башка у него вроде варит, и к людям хорошо относится, а вот — не получается. Никак не вылезет из нужды.

Показался из-за угла трамвай. Колхозник встал.

— Все с передовиками совещаются, все с ними. А кабы я сейчас вот зашел туда да попросил слова, так, гляди, и не дали бы. Засмеяли б. Куда ты, мол, в калашный ряд! Ты на эту трибуну и взойти не достоин. Тут одни передовики собрались, люди знаменитые... А что же нам, незнаменитым, делать? Как нам от нашего позора избавиться? Собрали бы нас, ну, если недостойны с передовыми колхозниками в одном помещении сидеть,— собрали бы отдельно, без почестей, без музыки, может, и не в театре, а где-нибудь за городом, в лесу, и поговорили бы с нами. Да чтоб не ругали нас, а послушали. Мы бы рассказали! Кто лучше нас знает про нашу жизнь? Никакой передовик не болеет так о нас, как мы сами. Они уже и забыли то время, когда сами копейки на трудодни получали... Второй номер. Мой. На вокзал. Ну, до свиданья!

И, взвалив мешок на плечо, он заспешил к трамваю.

* * *

...В самом деле, почему мы проводим в районах и областях только вот такие совещания — передовиков сельского хозяйства? Почему перед принятием каких-то новых решений о деревне мы держим государственный совет только с представителями передовых, лучших колхозов страны?

Из кого министерства составляют комиссии для подработки того или иного вопроса по сельскому хозяйству? Из представителей известнейших, а стало быть, богатейших колхозов страны. К голосу каких председателей колхозов прислушиваются больше руководители области, района? Конечно, к голосу выдающихся хозяйственников и организаторов, людей заслуженных, отмеченных наградами. Кто же будет принимать во внимание предложения и советы такого председателя, где урожай низкий, и скот голодает, и денег в банке на счету — ни гроша?

А почему бы и не принять во внимание?..

Разные есть отстающие колхозы. Есть такие, где надо немедля сменить руководство, председателя и бригадиров, и дело, может быть, пойдет. Но есть и другие причины отставания.

Я знаю немало хороших людей в должности председателей плохих колхозов. Послали их туда три-четыре года назад, работают они честно, добросовестно, бьются изо всех сил, но вот — «не получается». Почему? Об этом надо их самих расспросить получше.

Если бы отстающих колхозов у нас в стране был только один процент, и то мы должны принять какие-то специальные решения о них. Один процент — это сотни тысяч колхозников. Сотни тысяч людей, желающих и имеющих право, как и все, жить хорошо.

Надо бы держать совет о деревенских делах не только с передовиками сельского хозяйства, но и с отстающими.

У богатых колхозов — свои проблемы, нужды, запросы. Им — построй побольше консервных заводов невдалеке от их садов и огородов, дай стройматериалы в неограниченном количестве, оборудование для мастерских, чтоб ремонтировать технику собственными силами, дай набор новейших машин для комплексной механизации — все возьмут, деньги у них найдутся. У них и организационные задачи иного порядка. И где работы на колхозных полях и фермах

высоко оплачиваются, там колхозники не очень дорожат уже и своим подсобным хозяйством.

Перед отстающими же — другие проблемы. Валить эти разные проблемы в одну кучу — все равно что посадить за стол человека, который три дня не ел, и такого, что недавно сытно пообедал, и предлагать им одно и то же угощенье в одинаковом количестве.

Почему бы не проводить время от времени в областях и, может быть, при министерствах сельского хозяйства совещания с представителями отстающих колхозов? Не «собрания лодырей» с вручением им рогожных знамен — боже упаси! Никому не придет в голову возрождать эти осужденные в свое время идиотские формы «массовой работы». Нет смысла, конечно, приглашать на эти совещания заведомых бездельников или пропойц, кандидатов в отставку—ничего умного от них не услышишь. А пригласить бы именно вот таких председателей, бригадиров — честных трудяг, но у которых «не получается». И поговорить с ними по душам. И не надо удаляться в дремучий лес с такими совещаниями. Провести их в тех же помещениях, где и слеты передовиков созываем, но без музыки, без фанфар, без приветствий от пионеров. Очень серьезные и деловые совещания. Даже, может быть, без строгого регламента для выступающих. И, конечно, без шпаргалок, этого бича многих наших собраний. Создавать на этих совещаниях особую атмосферу дружеского участия и искреннего желания глубоко выяснить все болезни и нужды экономически слабых колхозов, чтобы люди рассказали откровенно обо всем до конца — что мешает им поднять отставшие в свое время по ряду причин и продолжающие отставать до сих пор колхозы.

* * *

Многое зависит от председателя, от его энергии, способностей, душевных человеческих качеств, многое, но — не все. Есть предел его возможностям — вот это он в состоянии осилить, сделать сам, с помощью партийной организации и колхозного актива, а это уже — вне его возможностей, ключ к решению этих вопросов не в его руках и даже, может быть, не в руках районных и областных организаций. Здесь нужны меры высшей компетенции, какие-то большие организационные изменения, что-то но-

вое в методах руководства колхозным строительством или, во всяком случае, в методах подъема экономически маломощных колхозов.

Может быть, этому «без вины виноватому», отстающему колхозу мешает продолжающееся администрирование местных властей и сельскохозяйственных органов, навязывающих ему сверху шаблонные рецепты на все случаи жизни?.. Старый, известный далеко за пределами своего колхоза председатель да еще, может быть, Герой Социалистического Труда — это фигура солидная, уважаемая, с ним считаются, он уже убедительно доказал фактами колхозных урожаев и доходов, что если иногда и «своевольничает», то — к лучшему. А у молодого председателя, недавно посланного, ничего видного еще не совершившего,— какие у него есть основания и право спорить, артачиться, делать на полях и на фермах что-то не совсем в точности так, как предписано из областного сельхозуправления или райисполкома?..

Может быть, не изжитый до конца формализм, губительный во всяком деле, а в руководстве сельским хозяйством особенно, связывает творческую инициативу колхозников, не дает возможности и посланным председателям в полную силу проявить свои организаторские способности? Может быть, местами соревнование районов и областей в выполнении планов и обязательств превращается в своего рода спорт, в погоню лишь за лучшими показателями на сегодня — без особой заботы о том, что последует завтра?.. И все, что мешает и передовикам быстрее развиваться и богатеть, с особенной силой бьет по хозяйственно слабым колхозам?

Но я не собираюсь предугадывать вопросы, которые могут быть подняты колхозниками на таких совещаниях. Не в этом цель статьи. Ни один журналист, ни один писатель, как бы пристально ни занимались они деревенскими темами, не вскроют и не охватят в своих статьях всего того, что могут рассказать сами практики колхозного строительства.

Много у нас проводится всяких собраний, совещаний, в том числе и ненужных, лишних, зря отнимающих у людей рабочее время, пожирающих огромные суммы государственных денег. Бывают совещания и просто вредные — так как они создают видимость какого-то дела. Но думается, что от таких совещаний — с представителями отстающих колхозов,— если провести их не формально, не боясь

отступления от шаблонов и искренне желая докопаться до причин неурядиц в этих колхозах, польза была бы немалая.

Ведь действительно «своя рубашка ближе к телу», и никто так много и упорно не думает о преодолении отставания, как сами отстающие.

1960 г.

РАЙОННЫЕ БУДНИ

БОРЗОВ И МАРТЫНОВ

Дождь лил третий день подряд. За три дня раза два всего проглядывало солнце на несколько часов, не успевало просушить даже крыши, не только поля, местами, в низинах, залитые водой, словно луга ранней весной, в паводок.

В кабинете второго секретаря райкома сидел председатель передового, самого богатого в районе колхоза «Власть Советов» Демьян Васильевич Опёнкин, тучный, с большим животом, усатый, седой, коротко остриженный, в мокром парусиновом плаще. Он приехал верхом. Его конь, рослый, рыжей масти жеребец-племенник, стоял нерасседланный во дворе райкома под навесом, беспокойно мотал головой, силясь оборвать повод, ржал. Опёнкин, с трудом ворочая толстой шеей, время от времени поглядывал через плечо в окно на жеребца.

Секретарь райкома Петр Илларионович Мартынов ходил взад-вперед вдоль кабинета, неслышно ступая сапогами по мягким ковровым дорожкам.

— Больше с тебя хлеба не возьмем,— говорил Мартынов.— Ты рассчитался. Я не за этим тебя позвал, Демьян Васильич. Ты старый председатель, опытный хозяин. Посоветуй, что можно делать в такую погоду на поле? Три тысячи гектаров еще не скошено. На что можно нажимать всерьез? Так, чтоб люди в колхозах не смеялись над нашими телефонограммами?.. Я вчера в «Заветах Ильича» увидел у председателя на столе собственную телефонограмму, и, признаться, стыдно стало. Обязываем пустить все машины в ход, а сам пришел к ним пешком, «газик» застрял в поле, пришлось волов просить, чтоб дотянуть до села.

— Куда там! Растворило!..

— Косами, серпами не возьмем по такой погоде? А?..

— Я, Илларионыч, не имею опыта, как по грязи хлеб убирать,— усмехнулся Опёнкин.— Наш колхоз всегда засухо с уборкой управляется... Жать-то можно серпами, а

толку? Свалишь хлеб в болото. Если затянется такая погода — погниет. Порвет, дьявол, уздечку! — Опёнкин грузно повернулся к окну на заскрипевшем стуле, распахнул створки.— Стоять, Кальян! Вот я тебе! — Увидел проходившего по двору райкомовского конюха.— Никитыч! Есть у тебя оброть? Накинь на него оброть, пожалуйста, а уздечку сними.

Мартынов подошел к окну:

— Где купили такого красавца?

— В Сальских степях. Дончак. Крепкая лошадь. Лучшая верховая порода.

— Застоялся. Проезжать надо его почаще.

— Вот — проезжаю. Вчера в совхоз «Челюскин» на нем ездил. Во мне сто десять кило. Нагрузочка подходящая.

— А чего ты так безобразно толстеешь? — Мартынов похлопал по животу Опёнкина.— На кулака стал уже похож.

— Сам не знаю, Илларионыч, с чего меня прет,— развел руками Опёнкин.— Не от спокойной жизни. После укрупнения и вовсе замотался. Три тысячи гектаров, семь бригад. Чем больше волнуюсь, тем больше толстею.

— Покушать любишь?

— Да на аппетит не обижаюсь...

Ветер задувал в окно брызги, мочил журналы, лежавшие на подоконнике. Опёнкин закрыл окно. Мартынов отошел, присел на край стола.

— А не получится опять по-прошлогоднему? — Опёнкин вскинул на Мартынова глаза, черные, умные, немного усталые.

— Как по-прошлогоднему?

— Соседи наши на семидесяти процентах пошабашат, а нам опять дадите дополнительный?

— По хлебопоставкам? Нет, насчет этого сейчас строго... Может быть, только заимообразно попросим. У тебя много хлеба осталось, а у других нет сейчас намолоченного. Вывезешь за них, потом отдадут.

— Вот, вот! — Опёнкин заерзал на тяжело скрипевшем под ним стуле.— Я ж говорю, что-нибудь да придумаете. Не в лоб, так по лбу! Нам уж за эти годы после войны столько задолжали другие колхозы! Нет на меня хорошего ревизора! Судить меня давно пора за дебиторскую задолженность!.. Тысячу центнеров должны нам соседи милые. И хлебопоставки за них выполняли, и на

семена им давали. И не куют, не мелют! Станешь спрашивать председателей: «Когда ж вы, братцы, совесть поимеете, отдадите?» — смеются: «При коммунизме, говорят, сочтемся». А по-моему,— встал, рассердившись, Опёнкин и, тяжело сопя, стуча полами мокрого, задубевшего плаща по спинкам стульев, заходил по кабинету,— по-моему, коммунизма не будет до тех пор, пока это иждивенчество проклятое не ликвидируем! Чтоб все строили коммунизм! А не так: одни строят, трудятся, а другие хотят на чужом горбу в царство небесное въехать!..

— Погоди, не волнуйся, Демьян Васильич,— сказал Мартынов.— Может, обойдемся и без займов.

— Какие займы! Говорите прямо — пожертвования. Никто и в этом году не отдаст нам из старых долгов ни грамма. Придут к вам, расплачутся, и вы же сами нам скажете: «Повремените, не взыскивайте. У них мало хлеба осталось. Надо же и там чего-нибудь выдать по трудодням, засыпать семена».

Остановился против Мартынова — высокий, грузный, на толстых, широко расставленных ногах.

— Ты не подумай, Петр Илларионыч, что я жадничаю. Почему не помочь колхозу, ежели несчастье постигло людей — град, скажем, либо наводнение? Пойдем навстречу, с открытой душой. Но если только и несчастья у них, что бригадиры с председателем во главе любят на зорьке понежиться на мягких пуховиках,— тут займами не поможешь!.. Не о своем колхозе беспокоюсь. Мы не обедняем. Еще тысячу центнеров раздадим — не обедняем. Но это же не выход из положения! Вы же никогда так не поправите дело в отстающих колхозах — подачками да поблажками!..

— Я тоже не сторонник таких методов подтягивания отстающих,— ответил Мартынов, глядя Опёнкину прямо в глаза, умные, много перевидавшие за десять лет его работы председателем колхоза.— Так мы действительно не наведем порядка в колхозах и район не поднимем... Дополнительного плана тебе не будет. Ни под каким соусом.

Опёнкин недоверчиво покачал головой:

— Это пока ты правишь тут за первого. А приедет Виктор Семеныч? Скажет: «Ну-ка, потрясти еще Демьяна Богатого!»

— Попробуем и Виктора Семеныча убедить. Это самый легкий способ, потрясти тебя, других, выполнивших досрочно план.

— Когда у него отпуск кончается?

— Если не продлят ему лечение — в субботу приедет.

— Вот с дороги отдохнет, может, часика два и пачнет шуровать!

Мартынов не ответил, отошел к окну, перевел разговор на другую тему.

— Все же плохо организовано у нас хозяйство в колхозах. Пошли дожди не вовремя — и мы садимся в калошу. А если такая погодка продлится еще недели две?.. Надо вдесятеро больше строить зерносушилок, крытых токов.

— У крестьян раньше были такие сараи — риги назывались,— сказал Опёнкин.

— Не сараи — навесы хотя бы, соломенные крыши на столбах.

— Ежели без стен — еще лучше,— согласился Опёнкин.— Продувает ветерком, быстрее просушивает... Посевные площади не те, Илларионыч. Раньше у хозяина было всего десятин пять посева. А ну-ка, настрой этих риг на три-четыре тысячи гектаров!

— Вот и я говорю,— продолжал Мартынов,— совершенно в других размерах надо все это планировать! Даем колхозу задание: построить три зерносушилки. А надо — двадцать, тридцать!.. То засуха нас бьет, то дожди срывают уборку, губят уже готовый урожай. Когда же это кончится?.. Тебя, Демьян Васильич, я вижу, это не очень волнует. Ты думаешь небось: «Мне хватило двух недель сухой погоды для уборки». Ну, знаешь, и ты не очень хорохорься. А если бы дожди пошли с первого дня уборки? Тоже кричал бы караул! Пусть это раз в десять лет случается, но и к такому году мы должны быть готовы.

Опёнкин слушал Мартынова спокойно, с улыбкой:

— Готовимся и к такому году. Из нашего колхоза десять человек третий месяц уже работают на лесозаготовках в Кировской области. Пятнадцать вагонов леса получили оттуда. Еще раза три по столько же отгрузят. Хватит там и на электростанцию, и на клуб, и на крытые тока, и на сушилки.

— У вас-то хватит!..

— Я тебе объясню, Илларионыч,— сказал, помолчав, Опёнкин,— почему в нашем колхозе работа спорится, люди дружно за все берутся. Потому что колхоз богатый, есть чего получать по трудодням и хлебом и деньгами. У нас самое тяжкое наказание для человека, когда от-

страняем его решением правления от работы дня на три.

Мартынов засмеялся:

— Объяснил! А колхоз богатый потому, что люди дружно работают.

— Да,— улыбнулся Опёнкин,— так уж оно, как пойдет колесом... А пережили и мы немало трудностей... Приехал ко мне как-то в военное время Михей Кудряшов, председатель «Волны революции», не помню уж по каким делам. Повел я его обедать к себе домой. А у меня — черный хлеб на столе. «Как тебе, говорит, не стыдно? Председатель, не умеешь жить! Не можешь для себя хотя бы организовать?» А чего — стыдно? Время было тяжелое, война. Сдали сверх плана в фонд Красной Армии полторы тысячи центнеров. Сами сдали, добровольно. Решили — переживем. Картошки в хлеб подмешаем, того, сего — выдюжим! Прошлым летом заехал я к ним в «Волну». Какой был лично у Кудряшова хлеб — не знаю, а у колхозников у всех — черный. И семян просят занять им. А у нас уж который год все белый хлеб едят, как и до войны. «Как тебе, говорю, теперь не стыдно?» Кабы себя от людей не отделял да черный хлеб ел, тогда, может, злее был бы, пуще стремился бы скорее одолеть трудности! Колхоз—не для нас только, председателей, так я понимаю, не для нашей роскошной жизни. Когда всем хорошо, то и нам хорошо...

...Долго еще думал Мартынов после ухода Опёнкина об этом человеке. Если бы все были такие председатели колхозов в районе! Вот у него пошло колесом — колхоз богатый, потому и люди хорошо работают. А в некоторых колхозах тоже идет «колесом», только наоборот: на трудодень — крохи, потому что был плохой урожай, плохо работали колхозники, а плохо работали потому, что и в прошлом году получили мало хлеба по трудодням. Тут уж получается не колесо, а заколдованный круг. Но этот круг надо разорвать во что бы то ни стало! Кто может его разорвать? Вот такие люди, которым народное дорого, как свое кровное... Мартынов был зимою в колхозе «Власть Советов» на отчетно-выборном собрании. Когда выдвинули вновь кандидатуру Опёнкина в председатели, один колхозник, выступая, назвал его: «Душевный коммунист».

Ветер сыпал в окна крупными каплями дождя, будто щебнем. Мартынов принял за день много людей — всех заведующих отделами райкома, каждого со своими вопро-

сами, районного агронома, заведующего сельхозотделом райисполкома. Оказалось, что по случаю ненастной погоды весь партийный актив был дома.

— Что-то неладно получается у нас, товарищи,— сказал Мартынов.— Такое тяжелое положение с уборкой, а мы отсиживаемся дома. Вот сейчас-то нужно быть всем в колхозах!

— А что же можно там сейчас делать? — спрашивали его.

— Спасать хотя бы то зерно, что намолочено. В кучах лежит, под дождем. Строить сушилки, крытые тока, перетаскивать туда зерно, лопатить. Машины не идут — волами возить просушенный хлеб на элеватор.

У него уже созрело решение — на что, в случае затяжки ненастья, можно и нужно сейчас поднять в районе все живое и мертвое. Он велел помощнику созвать членов бюро в девять вечера на небольшое заседание по одному этому вопросу.

В конце дня, когда Мартынов собирался уже сходить домой пообедать, в кабинет вошла Марья Сергеевна Борзова, жена первого секретаря, молодая, чуть располневшая женщина, миловидная, с широким добродушным лицом, усыпанным мелкими веснушками, с живыми, веселыми карими глазами,— директор районной конторы «Сортсемовощ».

На днях в одном колхозе Мартынову сказали, что у них третий год подряд не вызревают арбузы, убирают их осенью зелеными и скармливают свиньям. Он спросил — что за сорт? Оказалось, семена присланы с Кубани. Мартынов почувствовал завязку большого вопроса для постановки перед обкомом и Министерством сельского хозяйства и попросил Борзову составить ведомость, откуда получает их контора семена овощей, и зайти с этой ведомостью к нему.

— Вот, сделала, Петр Илларионыч,— сказала Борзова, кладя перед ним на стол исписанный лист бумаги.— Выбрала из накладных. Верно, что-то не по-мичурински получается. Есть у нас местные семена хороших сортов, их областная контора куда-то отсылает, а нам дают другие сорта. Арбузы, дыни — с Кубани, из Крыма. И помидоры — с Кубани.

— Там лето месяца на полтора длиннее. Арбузы привыкли к такому лету и растут себе не спеша,— сказал Мартынов.

Пока он просматривал ведомость, Марья Сергеевна, скинув мокрую дождевую накидку, села в кресло у стола.

— Мой-то, товарищ Борзов, сегодня приезжает,— сказала она.

— Как — сегодня? — Мартынов поднял голову.— У него еще отпуск не кончился.

— Должно быть, не высидел. Я ему отсюда посылала авиапочтой областную газету со сводками, по его приказанию.

— Если сегодня, ему пора уже быть, — Мартынов взглянул на настольные часы. — Поезд прошел.

— Вот и я думаю — каким же он приедет? Может, ночью, в час? Так то уж другое число. Он телеграфировал: «Буду двадцать третьего, целую».

— Погоди, тут мне какие-то телеграммы принесли, я еще не смотрел.— Мартынов порылся в бумажках на столе. — Да вот, есть от него: «Приеду двадцать третьего». Только без «целую».

Марья Сергеевна вздохнула:

— Опять пойдут у вас всенощные заседания? Будете ругаться с ним на каждом бюро до утра?

— Не знаю, — ответил Мартынов, — как он теперь, после ессентукских вод. Может, язва не так будет его мучить.

— А мы с ним поженились, когда у него язвы еще не было. Я-то его давно знаю. Это у него не от болезни. У обоих у вас — характеры! Коса на камень... Развели бы вас по разным районам, что ли!

— От третьего человека слышу: просись в другой район,— сказал Мартынов.— Выживаете меня?

— А я не сказала: просись в другой район. Я говорю — нужно вас развести. Либо ему здесь оставаться, либо тебе... Ну, скажи мне, Петр Илларионыч, чего вы с ним не поделили?

Мартынов усмехнулся:

— Почему меня спрашиваешь? Тебе ближе его спросить.

— Он по-своему объясняет.

— Как? Небось: был Мартынов газетчиком, борзописцем, так бы и продолжал бумагу портить. А в партийной работе он ни шиша не смыслит. Да?

— И так говорил...

Зазвонил телефон, Мартынов снял трубку, долго разговаривал по телефону. Потом ему доложили, что из

колхозов приехали пять человек за получением партбилетов, ждут приема. Борзова поднялась.

— Ладно, Марья Сергеевна, как-нибудь поговорим. Эту ведомость я оставлю у себя, а ты мне еще пришли сводку об урожаях местных сортов и привозных.

— Хорошо, пришлю... Пойду домой, похлопочу насчет обеда. Может, он все же приедет сегодня. Поезд, может, опоздал.

Выдав молодым коммунистам партийные билеты, поздравив их с вступлением в партию и поговорив с ними о делах в колхозах, Мартынов замкнул на ключ ящики стола, оделся, но успел выйти только в коридор — прошумела отъехавшая от райкома машина, на крыльцо взошел по ступенькам уверенной, хозяйской походкой Борзов, среднего роста, коренастый, с нездоровым, желтоватым лицом, в длинном, почти до пят, кожаном пальто.

— А вот и сам наконец, — сказал Мартынов, остановившись в коридоре. — Мы уж не ждали тебя с дневным. Здравствуй!

— Привет трудящимся! — подал руку Борзов.

— Трудимся. А ты что ж это Конституцию нарушаешь? Не используешь полностью права на отдых?

— Отдохнешь! — Борзов снял шляпу, отряхнул, расстегнул мокрое пальто.

— Зайдем в кабинет?

— Зайдем на минутку. Я еще дома не был... Отдохнешь! — Сняв у вешалки калоши и пальто, Борзов прошел к столу, но не сел в кресло секретаря, а сбоку на стул.— Дураки в это время ездят лечиться! Только и слышишь по радио: уборка, хлебопоставки, сев озимых. Область нашу «Правда» трижды помянула уже в передовицах как отставшую.

Мартынов тоже не сел в кресло, стал у окна. Он был выше коренастого, бритоголового Борзова, — загорелый, синеглазый брюнет, с поджарой, немного сутулой, несолидной фигурой. Разница в возрасте у них была лет в семь. Мартынову — лет тридцать пять, Борзову — за сорок.

— Сам виноват, — сказал Мартынов. — Съездил бы весною, когда сев кончали. Я тебе говорил: вот сейчас проси путевку и поезжай подлечись.

— Сев кончали — прополка начиналась. Разве из нашей беспрерывки когда нибудь вырвешься? А зимою тоже неинтересно ездить на курорты... Ну ладно, давай рассказывай, как дела?

— Когда же ты приехал? Поезд в тринадцать сорок прошел.

— Я с вокзала заезжал на элеватор. Не звонил насчет машины, подвернулся «газик» директора МТС. Проверил на элеваторе, как хлеб возят... Плохо возят, Петр Илларионыч!

— Да, можно бы лучше... До этих дождей выдерживали график.

— Как же вы могли выдерживать график, если три колхоза у вас уже с неделю не участвуют в хлебопоставках: «Власть Советов», «Красный Октябрь» и «Заря»?

— Другие колхозы вывозили больше дневного задания. «Власть Советов», «Октябрь» и «Заря» рассчитались.

— Как — рассчитались?

— Так, полностью. И по натуроплате — за все работы.

Борзов с сожалением посмотрел на Мартынова:

— Так и председателям говоришь: «Вы рассчитались»? Эх, Петр Илларионыч! Учить тебя да учить! Где сводка в разрезе колхозов?

Пересел на секретарское место, энергичным жестом отодвинул от себя все лишнее — лампу, пепельницу, стакан с недопитым чаем. Под толстым стеклом лежал большой разграфленный лист бумаги, испещренный цифрами: посевная площадь колхозов, поголовье животноводства, планы поставок. Мартынов невольно улыбнулся, вспомнив слова Опёнкина: «Два часа отдохнет и начнет шуровать».

— Да, вижу, правильно я сделал, что приехал. — Взял чистый лист бумаги, карандаш, провел пальцем по стеклу. — «Власть Советов». Сколько у них было? Так... Госпоставки и натуроплата... Так. Это — по седьмой группе. Комиссия отнесла их к седьмой группе по урожайности. А если дать им девятую группу?..

— Самую высшую?

— Да, самую высшую. Что получится? Подсчитаем... По девятой группе с Демьяна Богатого — еще тысячи полторы центнеров. Да с «Зари» — центнеров восемьсот. Да с «Октября» столько же. Вот! Мальчик? Не знаешь, как взять с них хлеб?

Мартынов с непогасшей улыбкой на лице подошел к столу.

— Я не мальчик, Виктор Семеныч. Эти шутки мне

знакомы. Но пора бы с этим кончать, право! На каком основании ты предлагаешь пересчитать им натуроплату по высшей группе?

— На том основании, что стране нужен хлеб!

Мартынов закурил, помолчал, стараясь взять себя в руки, не горячиться.

— Во «Власти Советов» урожай, конечно, выше, чем в других колхозах. Но все же на девятую группу они далеко не вытянули. И убрали они хорошо, чисто, никаких потерь. А что на двух полях у них озимую пшеницу прихватило градом — то не их вина. Почему же теперь им — девятую группу, да еще задним числом? Что Опёнкин колхозникам скажет?

— Пусть что хочет говорит. Нам нужен хлеб. Чего ты болеешь за него? Старый зубр! Вывернется!

— Знаю, что убедит он колхозников, повезут они хлеб. Но объяснение остается одно: берем с них хлеб за те колхозы, где бесхозяйственность и разгильдяйство.

Вошел председатель райисполкома Иван Фомич Руденко — в одной гимнастерке, без фуражки — перебежал через двор. Райсовет помещался рядом, в соседнем доме.

— Здорово, Виктор Семеныч! С приездом! Гляжу в окно — знакомая фигура поднимается по ступенькам. Недогулял?

— Привет, Фомич. Недогулял.

Руденко посмотрел на хмурое, рассерженное лицо Борзова, на нервно покусывающего мундштук папиросы Мартынова.

— С места в карьер, что ли, заспорили? Может, помешал?

— Нет.— Борзов вышел из-за стола, не глядя на Руденко, подвинул ему стул.— Садись. Ну, продолжай, Мартынов.

— А что мне продолжать, — Мартынов затушил окурок в пепельнице и встал. — Как член бюро голосую против.— Обратился к Руденко: — Предлагает дать девятую группу Опёнкину и другим, кто выполнил.

— Ну-ну... — неопределенно протянул Руденко. — Это надо подумать...

— Чтоб и в тех колхозах, где люди честно трудились и где работали через пень-колоду, на трудодни хлеба осталось поровну!.. Я тоже знаю, Виктор Семеныч, что стране нужен хлеб, — продолжал Мартынов. — И план районный мы обязаны выполнить. Но можно по-разному выполнить.

Можно так выполнить, что хоть и туго будет потом кое-где с хлебом, но люди поймут, согласятся: да, это и есть советская справедливость. У наших агитаторов будет почва под ногами, когда они станут с народом говорить: «Что заработали, то и получайте». И пусть рядом, во «Власти Советов», люди втрое больше хлеба получат! И нужно строить на этом политику! А можно так выполнить, что... — Мартынов махнул рукой, заходил по кабинету.

— Да, Виктор Семеныч, как бы не зарезать ту курочку, что несет золотые яички, — сказал Руденко.

Борзов сел опять за стол.

— Хорошо. Подсчитаем, что мы можем вывезти из других колхозов, не трогая этих. — Провел пальцем по первой графе с наименованиями колхозов. — Какой возьмем? Ну, вот «Рассвет». Сколько у них на сегодняшний день намолоченного зерна?

— Нет ничего, — ответил Мартынов. — Они до дождей хорошо возили, все подбирали, что за день намолачивали. Скошенный хлеб у них в скирдах. И не скошено еще процентов десять.

— Их МТС подвела, — добавил Руденко. — Дали им молодых комбайнеров, курсантов. Новые машины, а больше стояли, чем работали.

— Так. Значит, в «Рассвете» нет сейчас зерна. А хлебопоставки у них...

— На шестьдесят два процента,— подсказал Руденко.

— В «Красном пахаре» как?

— Такое же положение.

— «Наш путь»?

— Там хуже дело, — подошел к столу Мартынов.— Не скошено процентов тридцать, и скошенный хлеб не заскирдован... У них же нет председателя, — помолчав, добавил он. — В самый отстающий колхоз послали самого ненадежного человека. В наказание, что ли? За то, что завалил работу в промкомбинате?..

— Так... «Вторая пятилетка»?

— Там есть много зерна намолоченного, — сказал Руденко. — Но лежит в поле, в кучах. Надо сушить.

— Так какого же вы черта толкуете мне тут про справедливость, политику? — Борзов стукнул ребром ладони по столу. — Где хлеб? Такой хлеб, чтоб сейчас, в эту минуту, можно было грузить на машины и везти на элеватор?

— В эту минуту, положим, машиной не повезешь,—

Мартынов кивнул на окно, за которым лило как из ведра.

— Перестанет дождь — за день просохнет. А хлеб где? Те — выполнили, умыли руки, на районную сводку им наплевать. У тех нет намолоченного. Обком, думаете, согласится ждать, пока мы здесь эту самую справедливость будем наводить? Что мы реально сможем поднять в этой пятидневке? Что покажем в очередной сводке? По-ли-ти-ки!..

— А если без политики выполнять поставки, так и секретари райкомов не нужны. Каким-нибудь агентам можно поручить,— ответил Мартынов.

— Я вижу,— сказал Борзов,— что главная помеха хлебопоставкам в районе на сегодняшний день — это ты, товарищ Мартынов. Сам демобилизовался и других расхолаживаешь. «Выполнили!» Разлагаешь партийную организацию.

— Ну, это уж ты слишком, Виктор Семеныч! — задвигался на стуле, хмурясь, Руденко.

Мартынов сел, потеребил рукой волосы, откинулся на спинку стула, пристально глядя на Борзова. Загорелое лицо его побледнело. Но сказать он ничего не успел. Борзов позвонил, в кабинет вошел помощник секретаря, белобрысый молодой паренек, Саша Трубицын.

— Приехали, Виктор Семеныч?!

— Да, приехал. Здравствуй. Садись, пиши... «Всем директорам МТС, председателям колхозов, секретарям колхозных первичных партийных организаций... Безобразное отставание района в уборке и выполнении плана хлебопоставок объясняется исключительно вашей преступной беспечностью и полным забвением интересов государства...» Написал? «Предлагается под вашу личную ответственность немедленно, с получением настоящей телефонограммы, включить в работу все комбайны и простейшие орудия...» Написал? «Обеспечить круглосуточную работу молотилок... Безусловно обеспечить выполнение дневных заданий по хлебовывозу, с наверстанием в ближайшие два-три дня задолженности за прошлую пятидневку... Загрузить на хлебовывозе весь наличный авто- и гужтранспорт... В случае невыполнения будете привлечены к суровой партийной и государственной ответственности...» Подпись — Борзов. — Покосился на Руденко. — И Руденко.

Руденко махнул рукой:

— Валяй!

— Один экземпляр этой телефонограммы, Трубицын, сбереги,— сказал Мартынов.— Может, когда-нибудь издадут полное собрание наших сочинений.

Саша Трубицын остановился на пороге, удивленно-вопрошающе поглядел на Мартынова.

— Иди печатай,— сказал Борзов.— Передать так, чтоб через час была во всех колхозах!

Трубицын вышел.

— Для очищения совести посылаешь эту «молнию»? — спросил Мартынов.— Все же что-то делали, бумажки писали, стандартные телефонограммы рассылали.

— Напиши ты чего-нибудь пооригинальнее. Тебе и карты в руки, литератору,— с деланным спокойствием ответил Борзов и повернулся к Руденко, хотел заговорить с ним, спросил его о чем-то, но тот не ответил на вопрос, кивнул на Мартынова:

— Нет, ты послушай, Виктор Семеныч, что он предлагает.

— А что он предлагает?

— Вот что предлагаю,— Мартынов придвинулся со стулом к Борзову.— Жерди, хворост в лесу рубить по дождю можно? Можно. Навесы крыть соломой можно? Неприятно, конечно, вода за шиворот потечет, но можно. На фронте переправы под дождем и под огнем строили. Машину не уговоришь по грязи работать — человека можно уговорить. Вот на что нужно сейчас нажать!

— Одно другому не мешает,— ответил Борзов.

— Нет, мешает! Забьем председателю колхоза голову всякой чепухой — он и дельный совет мимо ушей пустит. «Включить в работу все комбайны». Это же болтовня — такие телефонограммы! — взорвался наконец Мартынов.— Тогда уж вали все: и озимку предлагаем сеять, невзирая на дождь, и зябь пахать.

— А мы из обкома не получаем таких телеграмм! Нам иной раз не звонят: «Почему не сеете?» А у нас на полях еще снег по колено.

— Область большая. Там — снег, там — тепло, там — дожди, там — засуха... А у нас же все на глазах!.. Знаешь, Виктор Семеныч, чего никак не терпят хлеборобы в наших директивах? Глупостей. Они-то ведь знают не хуже нас, на чем булки растут.

Борзов долго молчал. Больших усилий стоило ему придать голосу некоторую теплоту, когда он наконец заговорил:

— От души советую тебе, Петр Илларионыч: поезжай в обком, нажалуйся на меня, чего хочешь наговори, но скажи, что мы вместе работать не можем. Пусть тебя переведут в другой район. Я со своей стороны буду рекомендовать, чтоб тебя послали первым секретарем. Да в обкоме у нас обычно так и делают. Если где-то второй не ладит с первым, хочет сам играть первую скрипку и парень будто энергичный — посылают его первым секретарем в другой район, испытывают: ну-ка, покажи, брат, как ты сможешь самостоятельно работать?.. Поезжай, поговори. Когда хочешь, хоть сегодня. Дадут тебе район, может, по соседству с нами. Будем соревноваться. Руководи! Ты — с этой самой крестьянской справедливостью, а я — по-пролетарски.

— Тьфу! — не выдержал Руденко.— До чего вы тут договоритесь? По-пролетарски, по-крестьянски! Таких и выражений нет. По-большевистски надо руководить!

— И в другой район я не хочу,— ответил Мартынов,— я уж здесь узнал колхозы, людей и на первую скрипку не претендую. Плохо ты понял меня, Виктор Семеныч. Мне и в должности второго секретаря работы хватает. Но я не Молчалин, чтоб мне «не сметь свои суждения иметь».

Пошел к вешалке, надел пальто.

— Пойдем пообедаем. В здоровом теле — здоровый дух. Марья Сергеевна заходила сюда, ждет тебя, получила телеграмму... Я созывал на девять часов бюро. Не отменишь?

— Нет, почему же, — ответил Борзов. — Бюро надо провести. Начнем работать.— Позвонил помощнику: — Вызвать на бюро всех уполномоченных, прикрепленных к колхозам.

Заседание было бурное. Часть членов бюро поддерживала по многим вопросам Мартынова, часть — Борзова. Все же воздержались пока рекомендовать комиссии перевести выполнившие поставки колхозы в высшую группу. Решили повременить — как будет с погодой, с обмолотом в других колхозах.

Расходились по домам поздно ночью, под проливным дождем. Мартынов и Руденко прошли по главной улице до угла вместе.

— Ну, ты сегодня зол! — говорил Руденко.— Не даешь ему ни в чем спуску. Прямо какая-то дуэль получается у вас, бокс.

— Отвык от него за месяц,— ответил Мартынов.

— Ему, Илларионыч, из кожи вылезти, а хочется добиться, чтоб в первую пятидневку по его приезде хлеба вывезли раза в два больше, чем при тебе возили. Чтоб в обкоме сравнили: вот Мартынов давал хлеб, а вот — Борзов!.. Он и в санаторий уезжал с неспокойной душой. Как это вдруг обком перед самой уборочной отпустил его лечиться? Тебе больше доверия, что ли?..

За углом Руденко свернул налево, пошел узеньким проулком, чертыхаясь, попадая впотьмах в лужи и набирая жидкой грязи в калоши, бормоча про себя: «Не всегда, стало быть, та первая голова и есть, которая первая по чину...» Мартынов пошел дальше главной улицей к своей квартире, тоже чертыхался, оскальзываясь в грязи и попадая на выбоинах дороги в глубокие лужи, и думал: «Сколько времени, сил тратим на споры, а нужно бы — на работу! Паны дерутся, у холопов чубы трещат...»

На рассвете Мартынов поехал верхом в самый крупный из отстающих колхоз «Красный пахарь». Там он жил два дня. Собирал коммунистов, фронтовиков. Напомнил фронтовикам о более трудных днях, когда в дожди, по бездорожью несли на себе станковые пулеметы, помогали лошадям тащить пушки. Кирпич и лес, заготовленные для строительства новой конторы, посоветовал употребить на зерносушилки и крытые тока. Все бригады вышли в поле — кто подносит солому на носилках, кто зерно. Начали было строить навесы и над молотилками, чтобы попробовать молотить со скирд, но к вечеру второго дня дождь перестал. Не было дождя и ночью. Утром показалось солнце, подул прохладный восточный ветер. Установилась надолго сухая погода.

Уборка и прочие полевые работы в районе вошли более или менее в колею. Дороги просохли, вновь потянулись по ним колонны автомашин со свеженамолоченным зерном. Так-таки и получилось, что в первую пятидневку при Борзове колхозы сдали больше хлеба, чем в последние перед его приездом дождливые дни. Район выполнил план хлебопоставок в числе не передовых, но и не самых отстающих.

Однажды Марья Сергеевна Борзова сказала Мартынову:

— Чего никогда не зайдешь к нам, Петр Илларионыч, вечерком посидеть?

— Спасибо,— поблагодарил немного удивленный Мартынов. Он давно не получал от Борзовых приглашения в гости.— Вечерков-то свободных почти не бывает.

— Нет, верно, заходи. Что вам с Виктором Семенычем все спорить да ругаться? Посидим, поговорим.

Мартынов пообещал зайти, но не торопился выполнить обещание. «Мирить, что ли, собирается нас за чашкой чая?» — подумал он.

Вскоре Борзова вызвали в обком на десятидневный семинар первых секретарей райкомов, а Марья Сергеевна все же позвонила Мартынову:

— Сегодня суббота, Петр Илларионыч, под выходной разрешается раньше кончить работу. Нет у тебя вечером заседаний? В колхоз не едешь? А обещание помнишь? Ну, приходи, буду ждать.

Встретила его Марья Сергеевна принаряженная, немножко смущенная тем, что может подумать Мартынов об ее настойчивом желании видеть его у себя дома. К шелковой ее блузке был приколот орден Ленина.

— Городишко у нас такой,— говорила она, гремя посудой у буфета,— на одном краю чихнешь, с другого края слышишь: «Будьте здоровы!» Завтра же разнесут всюду: «Мартынов ходил к Борзовой чай пить, когда мужа дома не было». А мне — наплевать!

Пока Марья Сергеевна собирала на стол, Мартынов обошел все комнаты их дома. Он здесь бывал раза два в прошлом году, по приезде. В детской бабушка, мать Борзова, укладывала детей спать, рассказывала им сказки. Маленьких у них было двое — мальчик лет шести и девочка лет четырех. Старшей, Нины, девушки, не было дома, ушла, вероятно, в кино или к подругам. В зале в кресле возле пианино спал огромный сибирский кот. Во всех комнатах на стенах висели клетки со скворцами, щеглами, дроздами. Две собаки, овчарка и ирландский сеттер, стуча когтями по полу, ходили следом за Мартыновым. В углу столовой гнездился на подстилке маленький ежик. Борзов любил птиц и животных.

— За что ты, Марья Сергеевна, получила орден? — спросил Мартынов, садясь на диван.— Вижу его у тебя иногда по праздничным дням, давно хочу спросить. Партизанила?

— Нет, не партизанила. Это еще до войны было дело...— Марья Сергеевна вздохнула.— За хорошую работу на тракторе дали мне орден.

— Да? Ты трактористкой была?
— Эх, уже люди и фамилии моей не помнят!..
— Борзова?..
— Да нет, не Борзова. Моя девичья фамилия была — Громова.
— Громова?.. Вон что! Ну, прости, не знал... Та Маша Громова, что с Ангелиной соревновалась? Портреты были ваши в «Правде» рядом. Так это ты и есть?
— Маша Громова, да... Я родом из Ростовской области.
— Помню — из Ростовской области.
— Донская казачка... И Борзов там работал, в нашем районе, секретарем райкома комсомола. В тридцать восьмом году мы с ним познакомились. Я у него вторая, первая жена его умерла. Нина — это его дочка от первой жены... Ну, садись к столу... А ты, Петр Илларионыч, из каких сам краев? Чем раньше занимался?
— У меня в биографии ничего почетного нет. Неудавшийся писатель,— без скорби, почти весело стал рассказывать Мартынов.— Лет двадцать назад написал один очеркишко, напечатали его в «Комсомольской правде», и с тех пор заболел литературой. Центнера два бумаги извел на романы — ничего путного не вышло. Пошел по газетной работе. Много ездил, спецкором был. Последний год перед приездом к вам был редактором районной газеты в Н-ской области. И там не бросил писать. Сынишка знает, что я все почты жду, ответов из редакций, бежит, бывало, кричит: «Папка, иди скорее домой, там большое письмо принесли!» Эх, думаю, порадовал сынок! Лучше б — маленькое. Большое — значит рукопись назад. Спасибо, один критик честно, прямо написал: «Сочинение романов не ваше, видимо, дело. Изберите себе, товарищ, другую цель в жизни». Вот избрал — другую работу. Цель-то у нас одна у всех. Не сам избрал, предложили мне перейти на партийную работу — дал согласие.

Мартынов засмеялся:
— Много раз критиковал, ругал в газетах секретарей райкомов. Интересно, как у самого получится!..
— Виду не подаю, Петр Илларионыч,— сказала Марья Сергеевна, помолчав,— а иной раз жалею, ругаю себя последними словами: зачем бросила ту работу, ушла из колхоза? Я бы с Пашей Ангелиной еще посоревновалась! Неизвестно, про кого бы теперь больше писали!.. Как вы-

шла за Борзова, год поработала еще на тракторе и бросила. Ревновал меня к нашему бригадиру. Попусту ревновал. Нам такого назначили бригадира в женскую бригаду, выдержанного, хладнокровного — хоть молоко вози на нем на базар. Приезжаю на рассвете домой с поля — на мотоцикле ездила,— дома мне допрос: «С кем ночь провела? Ты еще вечером должна была смениться».— «С «натиком», говорю, своим провела ночь. Напарница моя заболела, пришлось за нее поработать». Идет утром в МТС проверяет — действительно ли прошлой ночью моя напарница не работала?.. Потом купили дом, хозяйство завелось, уют, покой ему нужен, когда придет домой отдохнуть... Вот так и получилось. Прогремела Маша Громова ненадолго. Это уж я тут стала просить его: дай мне какое-нибудь дело. Послали в эту контору директором. Нашли огородницу! Я в этих семенах ничего не смыслю. Я и дома, у матери, не сажала капусту. Как подросла, девчонкой еще, села на машину, только с техникой и зналась. Ну, что было, то прошло. Теперь уж мне поздно автолом, вместо румян, мазаться,— со смехом добавила Марья Сергеевна.— Разлюбит муж чумазую.

Оглядела стол.

— Чего я еще не подала?.. Хлеба-то и нет на столе. И чай забыла заварить. Вот хозяйка!.. Перебила я, извини, не договорил ты про себя,— вернувшись с кухни, сказала Марья Сергеевна.

— Да мне и договаривать нечего. Из газеты сюда попал. По разверстке. Наша область — передовая. Взяли у нас, не помню, сколько всего человек, а из того района, где я работал, двух — меня и еще одного парня, инструктора райкома. Не знаю, за какие заслуги попал сюда. Одни товарищи говорили на прощанье: «Жаль с тобой расставаться, но что поделаешь — приказано лучшие кадры отобрать для отстающей соседней области». А другие говорили: «Избавляются от тебя, Мартынов,— слишком уж развел ты критику в своей газете и на конференциях резко выступаешь»... Но, в общем, не жалею, что приехал сюда. Всюду жизнь, люди...

— Трудно тебе с Борзовым?

— Трудно...

Марья Сергеевна села за стол против Мартынова, подперла рукой щеку.

— Знаешь, зачем я тебя позвала? — Ее простое веселое лицо, с добродушными веснушками и смешливыми

морщинками под глазами, стало серьезным.— Продолжить тот разговор, что тогда в райкоме начала... Закусывай, Петр Илларионыч,— подвинула к нему тарелку с сыром, салатницу, хлеб.— Тебе чего налить? Я с Донщины, из тех мест, где виноградники разводят, у нас сухое вино пьют.

— Все равно. По своему вкусу налей.

Марья Сергеевна налила два бокала белого вина.

— Объясни ты мне — что у вас с Виктором Семенычем происходит?

Мартынов ответил не сразу.

— Это разговор большой, Марья Сергеевна... Но ты же сама бываешь на пленумах, на собраниях партактива.

— Он мне говорит: «Мартынов рвется к власти, авторитет в организации завоевывает, хочет выжить меня отсюда».

— Ты этому веришь?

— Нет, не верю.

— Напрасно,— усмехнулся Мартынов.— Да, я считаю, что партийная работа — не его дело. Постараюсь и в обкоме это доказать.

— Вон как...

— А что я авторитет завоевываю, рвусь к власти — это чепуха... Да, может, сюда порекомендуют другого товарища первым секретарем? Почему бы мне не поработать здесь вторым? Очень хотелось бы поработать с настоящим человеком, поучиться у него. Но у Борзова учиться нечему. Не обижайся, Марья Сергеевна...

Мартынов отпил из своего бокала.

— В тридцать восьмом году поженились?

— Познакомились. Поженились в тридцать девятом... Двенадцатый год живу с ним...

— Когда же вы переехали сюда с Донщины?

— Он воевал в этих краях. Был заместителем командира полка по политчасти. После освобождения области его здесь и оставили... Мы тут с ним уже в третьем районе. И все такие районы — середка на половинке. Передовым ни один из них не стал.

— Должно быть, и в тех районах был у него этот груз на ногах — отстающие колхозы. С таким грузом высоко не взлетишь. Ты скажи, Марья Сергеевна, чего ты, собственно, хочешь? Помирить нас? Так мы с ним и не ссорились, не на базаре поругались.

— Нет, я вижу, вас не помиришь... Для себя хочу понять — о чем у вас идет спор?

— Ну что ж... Если бы ты не была бывшей Машей Громовой, может, не стал бы тебе говорить всего, что скажу. Но ты не из тех дам, у которых все знакомство с деревней через молочниц. Сама из колхоза вышла.

— Ого! — усмехнулась Марья Сергеевна.— Нашел даму! Сколько раз предлагала Виктору Семенычу: «Назначь меня в комиссию по проверке качества ремонта тракторов. Уж который трактор я приму — тысячу гектаров поднимет тебе за сезон!»

— Не в том дело, что ты знаешь машины и сельское хозяйство. Я думаю, это тебе дорого, близко.

— А моя вся родня в колхозе живет. Мама, бабушка, два брата, три сестры... До сих пор письма шлют мне колхозники из нашего района, всеми радостями и горестями делятся.

— Немножко нехорошо получается,— продолжал после большой паузы Мартынов,— что без него завели разговор о нем. Но я и в глаза ему это скажу. Да и говорил уж... Если придется тебе отчитываться за сегодняшний вечер, можешь передать ему все слово в слово...

Тебе, когда ты пожила с Борзовым, больше узнала его, никогда не приходило в голову о нем такое? Вот он волнуется, хлопочет, нажимает, чтоб зябь пахали, хлеб везли, всякие планы выполняли, а близко ли к сердцу принимает он все это? Что стране нужен хлеб и нужно его очень много? Что хлеб нам понадобится и в будущем году, не одним днем живем? Что, если в каком-то колхозе не поднимут зябь, трудно придется там людям весною? Что за всеми нашими сводками и цифрами — хорошая или плохая жизнь людей? А может, он только о себе думает? Не выполним то-то и то-то — на дурном счету в обкоме будет район и он, секретарь. Пятно ляжет на его служебную репутацию.

— Страшные вещи ты говоришь, Петр Илларионыч,— ответила задумавшаяся Марья Сергеевна.

— Сама вызвала на такой разговор, теперь уж слушай... Что у нас происходит? О чем мы спорим? Мне кажется, о самом главном... Почему наш район средний? Что, все колхозы у нас средние? Если бы так, еще терпимо! Нет. Есть в районе очень богатые, крепкие колхозы и есть слабые колхозы. Вот из этих крайностей и выводим среднее. Я думаю, такой пестроты не было и в старой де-

ревне. Конечно, были в каждом селе батраки, середняки, кулаки — разно люди жили, но между селами в одной волости не было, не могло быть такой разницы, как сейчас: в одном колхозе — три миллиона дохода, а в другом, рядом,— триста тысяч. Земли поровну, и земля одинаковая, один климат, одно солнце светит, одна МТС машины дает — и такая разница! Когда же мы доберемся до причин и покончим с этой пестротой? А времени прошло немало с тех пор, как мы колхозы организовали. Война была, оккупация, разорение, но и война уже давно окончилась... Виктор Семеныч не любит, когда говорят: «Отстающий колхоз», поправляет: «Отставший!» Это, мол, не хроническая болезнь, временное явление: сегодня — отстал, завтра — догонит. Но людям-то не легче оттого, что мы формулировку уточнили,— в тех колхозах, что «отставшие» с самого сорок третьего года...

И как же мы вытягиваем отстающие колхозы? Да вот так — полы режем, рукава латаем. В прошлом году в пяти колхозах остался немолоченый хлеб на зиму в скирдах, а «Власть Советов», «Труженик», «Победа» выполняли за них поставки — и «заимообразно», и «в счет будущего года». Когда-то такие вещи называли головотяпством. Так и в передовых колхозах можно развалить дело. У лучших колхозников опускаются руки: да что же мы, обязаны век трудиться за лодырей?.. Нет, уж пусть там, в отстающих колхозах, люди до дна испьют чашу. Плохо работали? — ну, плохо и получайте по трудодням. А рядом, во «Власти Советов»,— по пяти килограммов надо выдать!.. Пусть люди почувствуют свою вину. Но и нам нужно понять наши ошибки, нашу вину. Должны же мы когда-нибудь найти для таких колхозов настоящих руководителей? Ведь все дело в председателях! Никакие наезжие сверхчрезвычайноуполномоченные не наведут в колхозе порядка, если он без головы! Из тридцати тысяч населения в районе не выберем тридцать хороших председателей?.. Интересно получается, Марья Сергеевна,— Мартынов вдруг рассмеялся, откинулся на спинку стула, потеребил свои и без того взлохмаченные волосы.— Посылаем во все колхозы уполномоченных — на это людей у нас хватает. И живут они там месяцами, все лето. И жизнь без них в райцентре идет своим чередом, все конторы пишут. Ну, раз мы посылаем человека уполномоченным, значит, надеемся, что он поправит дело, считаем, что он умнее председателя. Так, может, и оставить бы его в колхозе

навсегда? Тем паче, что его контора без него пишет не хуже, чем при нем... Между прочим, контор этих развелось у нас — пропасть! «Заготлен» и тут же рядом — «Пенькотрест». А нельзя ли их как-нибудь одной бечевочкой связать, льняной или пеньковой?.. Так вот, говорю: на гастроли в деревню людей хватает, а на постоянную работу не подберем. И навязываем иной раз колхозникам в председатели такого проходимца, какого не следовало бы и на пушечный выстрел подпускать к общественному хозяйству!..

— Может, Виктор плохо знает кадры?..

— Так с этого нужно начинать! Искать людей! Без этого — провалимся с треском!.. И на месте, в колхозах, нужно продолжать поиски. При всех новых установках насчет посылки в колхозы специалистов с высшим образованием никто же нам не сказал, что надо прекратить выдвижение!..

Зимою, когда проходили у нас отчетно-выборные собрания в колхозах, я рассказал Борзову такой случай,— продолжал Мартынов.— Это было в Н-ской области, в одном районе. Я туда наезжал, когда в областной газете работал. Был там самый отстающий колхоз «Сеятель». Уже просто не знали, что с ним делать. С десяток председателей там перебыло, и ни один не справился. Дисциплина плохая, люди на работу не идут, все на базаре торгуют, урожайность низкая, на трудодни — копейки. Взяла там верх кучка рвачей-горлохватов. Обсядут нового человека — либо споят его, в какое-нибудь жульничество впутают, либо доведут до того, что бросает все, скрывается днями от людей, ни дома не сыскать председателя, ни в конторе, где-то в поле под скирдой спит, махнул на все рукой — работайте как знаете!..

Едет в «Сеятель» уполномоченный — проводить очередное отчетно-выборное собрание. Секретарь райкома говорит ему: «Не знаю уж, кого им рекомендовать. Самого себя, что ли, или предрика? Нас там только еще не было. Присмотрись там получше к людям. Может, есть у них на месте подходящий парень?»

Заслушали отчет правления, сняли председателя — колхозники спрашивают уполномоченного: «Что ж вы никого не привезли? За кого же будем голосовать?» Уполномоченный говорит: «Больше не будем возить вам председателей. Ваш колхоз — вам и думать о председателе!» — «Так у нас некого выбирать!» — кричат. И вдруг кто-то

подал голос: «Как некого выбирать? А вон — Степка Горшок. Чем не председатель!» Шум, смех. «Степку Горшка!», «Степа, встань, покажись народу!» Но не все смеются. Многие колхозники всерьез предлагают: «Степана Горшкова!»

Степан сидит на передней скамейке — в опорках, одна штанина разорвана по колено, в милицейской фуражке,— когда-то уходил в город, служил там в милиции, потом вернулся опять в колхоз. Работал он прицепщиком в тракторной бригаде, хорошо работал, трудодней много, но получать-то по ним нечего было в том колхозе. А семья— больная жена да семеро детей.

«Степку Горшка!» — кричат. «Хоть горшка, хоть макитру — все равно!» А уполномоченный прожил в том колхозе перед собранием два дня, ходил по хатам, расспрашивал уже людей про Горшкова. Начал с табелей. Видит, вдвое больше у него трудодней, чем у других колхозников. Что за человек? Никто ему ничего плохого про Горшкова не сказал, кроме того, что с виду неказист, штаны на нем худые. Так ему за колхозной работой, может, некогда было и на базар съездить... Со смехом, с шуточками дело подходит к тому, что нужно голосовать. Горшков просит слова, встает: «Товарищи, пока не поздно, не проголосовали — подумайте получше. За доверие спасибо, но все же подумайте еще. Как бы не пришлось после пожалеть. Может, кой-кому хуже будет». И сел. Шутники не унимаются: «Не будет хуже!», «Хуже некуда!», «Валяй голосуй!» Проголосовали. Выбрали председателем колхоза Степана Горшкова.

На другой день приходит Горшков в правление принимать дела от старого председателя. Так же, как был одет, в опорках, только штанину зашил. Бывший председатель думал сдать дела быстро, как и сам принимал: вот тебе печать, вот подушечка для печати—садись, действуй, Степан. «Без глубокой ревизии не приму». Ему говорят: так была же ревизия перед самым отчетным собранием, три дня назад! «Вор вора проверял». Вызвал из района ревизора. Две недели копался, перевешали весь хлеб в амбарах, продукты в кладовых, сам каждую бумажку в бухгалтерии проверил, поднял дела и трехлетней давности,— в общем, так принял колхоз, что человек пять бывших правленцев и членов ревкомиссии пошли под суд. Потом созвал бригадиров и говорит: «Довольно вам по дворам ходить, дразнить собак, зазывать на работу. Кто не хочет

в этом году остаться без хлеба — выйдет в поле без вашего приглашения». А уже в каждой семье только и разговору о том, как новый председатель дела принимал, с жуликами расправился. Думают люди: пожалуй, теперь иначе дело пойдет, будет чего получать по трудодням. Как бы не ошибиться, дома сидя. И повалили все на работу.

С тех пор колхоз пошел в гору. Хорошо вспахали, вовремя посеяли, убрали — с урожаем, с хлебом! А когда жирок завяжется — хозяйство быстро растет! В два года «Сеятель» стал передовым колхозом в районе. Хотели было перебросить Горшкова в другой отстающий колхоз, чтоб и там наладил дело,— куда там! Колхозники — ни в какую! «Не отдадим Степана Егорыча!» Послали ходоков в Москву — отстояли.

— Это очень похоже на наш колхоз, тот, где я работала трактористкой,— сказала Марья Сергеевна.— Был у нас хороший председатель, и забрали его в район, заведующим сельхозотделом райкома. У нас там чуть проявит себя на работе председатель колхоза, так торопятся выдвинуть его в район. А мы через год прокатили нового председателя — при нем дела пошли хуже — и вынесли решение: избрать старого, Ивана Романовича Шульгу. Он в райкоме работает, а мы его выбрали, самосильно. Поехали с этим решением в обком — добились, вернули нам Ивана Романовича.

— Вот, вот! Из колхозов-то мы торопимся выдвигать стоящих работников. Будто наши учреждения существуют ради себя. Не ради себя — ради колхозов! Да будь у нас во всех отделах в райкоме партии и райсовете профессора, доктора экономических наук — положение не улучшится, если в колхозах останутся шляпы, пьяницы!..

Разговорился я как-то с этим Горшковым,— продолжал Мартынов,— о его прошлой жизни, о колхозе. «У меня, говорит, сердце изболелось, глядя, как воры, проходимцы зорили наш колхоз. Я в активе ходил, когда колхоз организовывали, кулаков выселял, мне в окна стреляли, хату мою поджигали, и я же в этом колхозе дожился до того, что сапог не стало. Всякая сволочь смеется: «Вон он, тот рай земной, Степка, что ты нам обещал,— ты уж на Адама стал похож». Сами же угробляют колхоз и еще издеваются. Эх, думаю, мне бы власть! Добрался бы я до вас!..»

К чему я рассказал про этот случай Виктору Семе-

нычу? Да не без задней мысли. И нам надо бы поискать вот таких, у которых «сердце изболелось». А кто едет в колхоз только под угрозой исключения из партии или потому, что в райцентре ему уже больше никаких должностей не дают,— грош цена такому председателю! Ну и что же? Рассказал ему — он и ухом не повел. Поехал на другой день в колхоз «Наш путь» проводить отчетно-выборное собрание — три раза заставлял колхозников переголосовывать, пока выбрали-таки этого прохвоста Камнева, которого сейчас приходится судить за падеж скота и растрату.

Мы не все знали про Камнева, когда обсуждали его кандидатуру на бюро. Знали, что в промкомбинате он не справился с работой и на маслозаводе его сняли за самоснабжение. Товарищи говорят: это дело старое, он за это понес уже взыскание, учтет на будущее время. Но там колхозники столько рассказали про него, что, конечно, нужно было не настаивать — извиниться перед собранием за свою ошибку и подумать о другом человеке. Он родом из соседнего села, его там все знают. Говорят: «На трибуне — соловей, на деле — ворона». Были заявления, что он партизанскую медаль обманом получил. Отрастил бороду и жил у родичей в другом районе, где его не знали, только всего и геройства. Да эвакуированным скотом барышничал. Но Борзов уперся, ничего не стал проверять. Есть решение бюро — надо проводить его в жизнь. Взял собрание измором. Райком-де недостойных людей в колхозы не посылает. Он думает, что от этого пострадает авторитет райкома, если люди где-то в чем-то нас поправят...

— Открытие сделал! — вдруг просиял Мартынов, встал и заходил по комнате.— Все время мучил меня вопрос: почему у нас среди партактива мало добровольцев ехать в колхозы председателями? Если даже практически рассудить: чем быть мне вечно уполномоченным в селе, разрываться между своим учреждением и командировками, так пошлите уж меня председателем! И зарплату высокую установили для таких, взятых с другой работы. Секретарь райкома столько не получает, сколько в крупном колхозе при хорошем урожае может председатель заработать. И — нет охотников. Район, думаю, что ли, здесь какой-то особенный, заклятый? У нас там это не было проблемой. Догадался наконец: Борзова боятся. Есть и здесь такие, что с удовольствием променяли бы свою канцелярию на

живую работу в колхозе, но — его боятся. Боятся: что ни сделают хорошего, все пойдет насмарку. Он тебя и группой урожайности подрежет, и выговор ни за что влепит — за то, что в проливной дождь комбайны не работали. Нет хуже для председателя колхоза, когда он не уверен, что ругать его будут лишь за дело, а помогать по-настоящему, что в своей трудной работе, где не раз, конечно, и ошибешься, он не станет жертвой произвола, самодурства... В общем, можно сделать вывод: если где-то жалуются, что лишь в порядке партийной дисциплины удается послать человека в колхоз на должность председателя,— ищи причину в самом райкоме. Может, спросишь: откуда я знаю психологию председателя? Так я же сам был председателем колхоза три года, забыл рассказать. Там и очерк свой написал. Меня тоже «выдвинули». «О, так у вас, говорят, есть свой писатель!» — и назначили меня заведующим типографией райгазеты. Оттуда и пошел по газетам.

— От твоих открытий, Петр Илларионыч, я сегодня, кажется, всю ночь не буду спать,— сказала Марья Сергеевна.— Я вот думаю, между прочим,— добавила она с невеселой усмешкой,— за что он меня полюбил? Я и девушкой не была красавицей. Мода тогда пошла такая: на знаменитых стахановках жениться. У нас и предрика женился на простой девушке, звеньевой, из первых орденоносцев, про нее тоже во всех газетах писали...

— Ну, это уж я не знаю, как у вас было,— ответил Мартынов.— Тут я тебе вряд ли помогу сделать правильные выводы.

Закурил, сел, попросил Марью Сергеевну налить ему чаю.

— Любое живое дело можно загубить, если делать его равнодушными руками, с холодной душой,— продолжал он.— Вот нам сейчас подсказали: выдвигайте в председатели колхозов специалистов сельского хозяйства, агрономов, зоотехников. Правильно! Давно пора! Ведь что получается. В промышленности, на заводах, начальник цеха — обязательно инженер, не говоря уже о директоре завода. Там кадры учат, основательно подготавливают. А ведь иной колхоз — тот же завод по объему работы: громадное полеводство, тысячи гектаров, животноводство, всякие подсобные отрасли, строительство оросительных систем, лесонасаждение. И все на самородках выезжаем. У лучшего нашего председателя, Демьяна Васильича Опёнкина, образование — три класса церковноприходской школы.

Учим мы председателей? Да, учим. Есть вот областная школа председателей колхозов трехгодичная. Дали нам на район два места, послали двух человек. Пока всех председателей пропустим через эту школу, пятьдесят лет пройдет.

Конечно, нужно побольше выдвигать агрономов на руководящие посты в колхозы. Рано или поздно к тому придем, что и бригадиры у нас будут все агрономы. Но как это сейчас делается у нас?.. У Борзова на столе лежит разнарядка: послать восемь агрономов в колхозы председателями. Есть послать! А кого послать, как послать — это его не очень волнует. Лишь бы выполнить в срок задание по количеству и отчитаться перед обкомом. Но ведь агроному, чтобы он справился с обязанностями председателя, нужно, кроме диплома, иметь и талант организатора. Он должен быть вожаком, массовиком, воспитателем народа. А в первую голову — должен быть готов послужить верой и правдой советской власти на очень трудном посту!.. А мы вот послали в отстающий колхоз Аксенова. Двадцать лет просидел человек в конторе сельхозснаба — не по специальности, счетоводом, наряды какие-то выписывал, должно быть, уже и позабыл всю ту агротехнику, что учил в институте. От трудностей колхозного строительства спасался там. Чего же хорошего дождемся от этого трухляка? Но для отчета перед обкомом годится — диплом о высшем агрономическом образовании имеет...

А от таких — много ли проку? Если парень поступил в сельскохозяйственный институт только потому, что не прошел по конкурсу в институт кинематографии, и вся его колхозная практика — выезды на уборочную в колхозы на каникулах? Мы и таких двух агрономов послали в колхозы. Но ребята мне понравились. Комсомольцы, не робеют. Много задору, свежий взгляд на такие вещи, к которым мы уже притерпелись, искренне удивляются, почему мы до сих пор, при нашей передовой науке, при нашей механизации, не берем урожаи пудов по двести с гектара... Если помочь им — может, дело у них пойдет. Но если с первого дня начать стучать кулаком по столу: «Вы же — специалисты! Вы больше других председателей знаете! Я с вас три шкуры спущу!» — не знаю, как оно с ними получится...

Очерку нет пока продолжения, так как пишется он почти с натуры. Он, может быть, вырастет и в повесть, но

для этого необходимо развитие событий в жизни. Я встречаю таких людей, слышу такие споры, как у Мартынова с Борзовым, в одном районе.

Какие решения примет обком об этом районе, как пойдут там дела дальше, как повернутся личные судьбы людей, представленных читателю в первых главах,— все это нужно еще понаблюдать в жизни. Возможно, это и будет содержанием следующих глав.

1952 г.

1

Был один из последних дней осени, может быть, последний день.

Вчера и позавчера еще показывалось солнце. В затишке, в балках, на крутых склонах, где косые лучи падали отвесно к земле, даже пригревало. Зеленая озимь, слегка присушенная утренниками, еще тянулась к солнцу. В голых рощах щебетали птицы — запоздалые перелетные стайки щеглов, зябликов. Хрупкий стрельчатый ледок у берегов речек к полудню бесследно растаивал. Еще носилась в воздухе паутина, кружились над бурьянами мошки. К ветровому стеклу машины прибило бабочку.

А сегодня с утра подул резкий северный ветер. Все замерло в полях и рощах — ни птичьего голоса, ни пастушьего окрика. Лишь мыши-полевки сновали в сухой траве, торопясь натащить в норы побольше корму. Тяжелые тучи низко стлались над землею. Вот-вот повалит снег, закружит его метелью по полям, ударят морозы...

На краю недопаханного загона стоял гусеничный трактор, «натик», как его называют ласкательно трактористы, возле него — два человека.

— Подверни к ним,— сказал Мартынов шоферу.

«Победа» съехала с дороги на жнивье, остановилась.

— Здорово, седовцы! — сказал Мартынов, выйдя из машины.

Два молодых парня, тракторист и прицепщик, грелись с подветренного бока трактора, возле не остывшего еще мотора.

— Здравствуйте...

— Почему мы седовцы, товарищ Мартынов? — спросил тракторист, круглолицый, маленького роста парень, с плутоватыми черными глазами, Костя Ершов.

— Ваш трактор похож сейчас на ледокол в Арк-

тике. Затрет его льдами, и останется здесь на зимовку.

— Пятнадцать гектаров нужно допахать,— сказал Ершов.— Все машины ушли в МТС, одни мы вот с Кузьмой страдаем тут.

— А почему стоите?

— Горючее кончилось. Развозку ждем. Мы уж давали сигнал.— Тракторист поднял с земли длинную жердь-веху с насаженным на конец снопом сухого бурьяна.— Вон выезжает из села.

— А я думал, скажешь: ждем, пока мотор остынет, карбюратор будем перетягивать,— произнес Мартынов.— Помнишь, на уборке проса я к вам приезжал?

— Помню,— вильнул глазами в сторону Ершов.— То я тогда пошутковал.

— Испытывал секретаря райкома: понимает ли он чего-нибудь в технике?..

Мартынов прошел по пахоте, нагнулся, порылся в борозде, и теплое чувство, с которым он подъехал к этим «зимовщикам», допахивавшим последние гектары в последние часы перед снегопадом, вдруг исчезло.

— Подо что пашете? — спросил он.

— Не знаем, товарищ секретарь,— ответил, пожав плечами, улыбаясь, тракторист.— Наше дело маленькое. Скажут паши — пашем, боронуй — боронуем. А что тут будет колхоз сеять — то уж ихнее дело.

— Ты разве не колхозник?

— Колхозник.

— Как же ты не интересуешься своим хозяйством? Не знаешь, что будете здесь сеять?.. И ты не знаешь? — обернулся Мартынов к прицепщику.

— Знаю,— ответил прицепщик, Кузьма Ладыгин.— И он знает. Чего зря болтаешь, Костя? Было сказано председателем: под свеклу пойдет эта земля.

— Под свеклу?.. Что же вы делаете? Нужно на тридцать сантиметров, а тут,— Мартынов еще раз нагнулся над бороздой, смерил пальцами глубину,— пятнадцати сантиметров нет.

— Я уже ему говорил,— сердито поглядел на улыбавшегося тракториста Ладыгин.— У него батька кузнец, а мать доярка, в поле не ходят. А у меня мать и сестренка на свекле работают. Может, как раз им тут и участок отведут. Заработают сахару — на два раза семейством чаю попить. Полны руки мозолей тут заработают, больше ничего!..

Тракторист молчал. Улыбка сходила с его круглого, толстощекого, загорелого лица.

— Как же ты, Ершов, так рискуешь? Ведь будут принимать участок, забракуют, заставят перепахать — горючее за твой счет...— Мартынов оглядел загон.— То вчера пахал? Там, видно, глубже. А это сегодня, с утра? Поелозил плугом.

— Он вот на что рассчитывал, Петр Илларионыч,— сказал шофер, подходя к Мартынову и указывая рукой на тучи.— На снежок.

— Не успеют принять пахоту — пойдет снег, закроет все грехи?..

— Машина не тянет, товарищ секретарь, — стал оправдываться тракторист.— Компрессии нет. Сколько уж работаю без ремонта!

— Вчера еще тянула, сегодня не тянет?..

Ершов сдвинул шапку на лоб, поскреб затылок.

— А зачем глубоко пахать, товарищ секретарь? Мы вот читали давеча в газете: один лауреат в Сибири совсем без пахоты сеет и хорошие урожаи собирает.

— Мальцев?..— Мартынов пристально поглядел на тракториста: дурака валяет или в самом деле так превратно понял агротехнику уральского колхозника-ученого Терентия Мальцева? — Во-первых, Мальцев не совсем без пахоты сеет. Не ежегодно, но пашет. И когда пашет, то глубоко, сантиметров на пятьдесят. Во-вторых, что он сеет на непаханом поле? Пшеницу, ячмень. А здесь будет свекла. Корнеплоды. Им нужна рыхлая почва. И у нас, Ершов, кой-какие поля можно не пахать. Хорошее свекловище, например. Чистое поле, сорняков нет, обрабатывали его культиваторами — тот же черный пар. Зачем его весною перепахивать? Заборони и сей пшеницу. Понятно? Где не нужно, не паши совсем. А где нужно, паши как следует.

— Это мне-то говорите «не паши совсем»? Ого! Да какие же я на это права имею?..

— Ты хозяин этих полей. Ты же колхозник.

— Хозяин?..— Ершов порылся в кармане, достал щепоть табаку и обрывок газеты, свернул толстую, в палец, цигарку, закурил.— Вон в колхозе «Новая пятилетка» бригадир один посеял в прошлом году наволоком по свекловищу тридцать гектаров — и судили человека. А урожай вышел — двадцать пять центнеров. А где перепахали свекловище — по десять. Стали убирать, колхозники ему

говорят: «Подавай на пересуждение». Подал, да что-то не слыхать до сих пор — оправдался ли? Вот так-то всыпают нашему брату хозяевам!..

Мартынов внимательно выслушал тракториста.

— Пойдем-ка вон туда, под скирду, посидим. Там теплее.

Тракторист, прицепщик, шофер и Мартынов сели в затишке на соломе.

— Послушай, Ершов. Неужели ты не заинтересован в том, чтобы ваш колхоз собирал высокие урожаи?

— Почему не заинтересован? Заинтересован...

— Зачем же безобразничаешь?..

Тракторист молчал.

— Да от свеклы-то ему интересу мало, ее по трудодням не дают,— сказал шофер.— А вот вы спросите, Петр Илларионыч, про хлеб. Есть ему расчет стараться, чтоб колхоз получил хороший урожай зерновых? Вот, к примеру, возьмем уборку. Какую пшеницу ему выгоднее убирать — где десять, скажем, центнеров, или где тридцать?

Ершов ухмыльнулся:

— Конечно, где десять центнеров — выгоднее.

— Ну-ка объясни, почему?

— А тут и объяснять нечего. Неграмотная бабка поймет... Комбайнер от умолота получает, а я — тракторист, таскаю комбайн, мое дело — гектары вырабатывать. На редком хлебе комбайн лучше работает, пошел и пошел без задержки! Перевыполняю норму, прогрессивку мне начисляют. А как заехали на такой участок, где тридцать центнеров, пшеница стеною стоит, комбайн на полный хедер не берет — вот тут и завязли! Полнормы не выработаешь. Да пережог горючего. Да если еще дождики, поляжет хлеб. Труба!..

— Да-а, — протянул Мартынов. — Десять выгоднее убирать, чем тридцать? Интересно... А пять еще выгоднее?

— Как сказать... Оно-то нам разный минимум установлен. И по два и по три килограмма на трудодень дают. Хороший хлеб — по три, похуже — по два. Так на плохом хлебе я больше трудодней заработаю. Опять же так на так и выйдет.

— Рассчитал?

— Рассчитал! — усмехнулся шофер.— Юрист!..

— Оно, если разобраться как следует,— сказал прицепщик,— так и комбайнеру невыгодно очень хороший

урожай убирать. На среднем хлебе он за то же время больше зерна намолотит.

— Факт! — подтвердил шофер.— На среднем хлебе у него все нормально идет, никаких задержек, а где тридцать центнеров, молотилка не перерабатывает — поломки да простои.

Мартынов долго молчал и вдруг крепко, с непечатным загибом, выругался.

— Дошло, Петр Илларионыч? — спросил шофер.

— Дошло,— ответил Мартынов.— И раньше об этом знал, но как-то не доходило до сердца. Куда же мы идем? Что за организация труда, при которой трактористу невыгодно выращивать высокие урожаи? В Министерстве сельского хозяйства думают об этом? Тысячи специалистов изучают колхозную жизнь. Сколько диссертаций написали, брошюр выпустили об организации труда в МТС и колхозах!.. Погоди, Ершов, давай уж проверим все до тонкости. Неужели так-таки нет у вас никакой заинтересованности в урожае? Два-три килограмма зерна на трудодень — это ваш гарантированный минимум, это вы получаете при любых обстоятельствах. Но если в колхозе вышло больше, по четыре-пять килограммов,— и вам дадут по стольку же.

Ершов и Ладыгин засмеялись.

— Чего смеетесь?

— А было ли, товарищ Мартынов, в нашем районе за все время после войны,— сказал Ершов,— чтоб дали в каком-то колхозе по пять килограммов?

— При Борзове у нас все колхозы под одну гребенку причесывали,— сказал Ладыгин.— Где и двадцать центнеров урожай, так заставят за отстающих выполнять хлебопоставки. Что же вы, не работали с Борзовым, не знаете? Вот мы, прицепщики и трактористы, и не верим теперь, что можно больше минимума получить.

— А вот на Кубани, Петр Илларионыч,— повернулся к Мартынову шофер,— иначе дело поставлено. Брат мой там учительствует. Часто мне пишет. Ни колхозы на МТС не обижаются за их работу, ни трактористы на колхозы — за обслуживание. Как-то согласованно у них идет. Вот там верят трактористы, что можно больше минимума получить! И по пяти и по шести килограммов на трудодень дают в колхозах. Кадры, что ли, там лучше?

— А может, Василий Иваныч,— ответил Мартынов,— и на Кубани еще больше бы урожаи собирали, если б

иначе оплату труда трактористов организовать?.. Что — Кубань? А у нас, в средней полосе, мало разве хороших МТС и колхозов? Но надо, чтоб они все стали хорошими!

...Подъехала горючевозка. Ершов с прицепщиком заправили баки, запустили мотор, установили плуг на нужную глубину. Машина нетяжело тянула плуг, мотор работал даже не на полный газ. Мартынов зло поглядел на тракториста.

— Нет, Ершов, не прощу тебе этого! — крикнул он, идя по жнивью рядом с трактором.— Совесть, брат, все же нужно иметь! Пришлю сюда председателя колхоза. Пусть составит акт. Не успеешь перепахать — трудодни спишут.

Ершов сделал вид, будто запорошило глаз, отвернулся, стал вытирать вспотевшее лицо черным, как его замасленная стеганка, платком.

С неспокойной душой ехал Мартынов дальше по опустевшим, притихшим, ожидавшим с часу на час зимы полям.

«Что ж это, стоять над каждым трактористом? — думал он.— Ковыряться в бороздах, проверять «компрессию», заглублять плуги? Нет, так дело не пойдет. Таких Ершовых ничем, видимо, кроме рубля и килограмма, не прошибешь... А ведь это передний край — машинно-тракторные станции! Здесь урожай делается! От одного тракториста зависят судьбы сотен людей. Он может и завалить зерном амбары, может и без хлеба оставить колхозников. Как ни удобряй, ни подкармливай, а вот такой «юрист» вспашет тебе — не вспашет, поцарапает почву,— ну и жди урожая с этого поля! От козла молока!..

Конечно, нельзя рассчитывать лишь на совесть. Надо систему оплаты труда перестраивать. Как перестраивать? Подумать надо. Неужели нельзя найти такие формы — чем выше урожай, тем больше все получат по трудодням?.. Надо написать в обком. Не любят у нас в обкоме тревожных писем. Скажут: растерялся молодой секретарь, другие работали при тех же порядках, а ему, вишь, подавай какие-то реорганизации.

А вот это я ему, Ершову, глупость сказал: «Где лучше бы не пахать — не паши совсем». Кому сказал? Рядовому трактористу. Не всякий и председатель колхоза решится на такую «самодеятельность»... У нас — свекловища, а на юге вот площади из-под кукурузы, подсолнухов.

Так называемый «зеленый пар». Умный хлебороб никогда не перепахивал «зеленый пар», хорошо обработанный, конечно. Уничтожены сорняки, задержана влага, не нужно эту почву больше тревожить. Уберет бодылки, очистит поле, пустит боронку и сеет пшеницу. В любой год будет выше урожай, а в засушливый — вдвое выше, чем по зяби. Но попробуй-ка сейчас председатель колхоза посеять по зеленым парам «наволоком»! Не успеет еще взойти пшеница, еще неизвестно, кто прав, этот ли председатель, опытный хлебороб, или те канцеляристы, что посевные инструкции сочиняли, а у прокурора уже «дело» на него — за нарушение агротехники. Точно так, как с этим бригадиром, что Ершов говорил! Если мы, районные работники, простим «нарушителю» — нас взгреют. Посмотрят по сводке — сев на сто процентов, а план весновспашки не выполнен. «Каким же вы чудом посеяли? Что-то у вас, друзья, концы с концами не сходятся... А ну, подать сюда ляпкиных-тяпкиных!»

Иногда мы так уж подробно расписываем в своих инструкциях и резолюциях: когда сеять, как сеять, как убирать, точно боимся, что колхозники без наших указаний не смогут и лошадь правильно в телегу запрячь. Будто не с хлеборобами имеем дело. Себя тратим на мелочи и разумную инициативу людей сковываем. Если не верим в способности председателя колхоза или директора МТС — не нужно держать таких. Сельское хозяйство требует гибкости, смелости, находчивости. Здесь, как в бою, приходится прямо на поле принимать решения. Год на год не похож. Заранее, из кабинетов, всего не предусмотришь. То ранняя весна, то поздняя, то засуха, то дожди заливают. Вот, скажем, затяжные дожди срывают уборку. А попробуй пустить жатки на участки, закрепленные за комбайнами! «Антимеханизаторские настроения!» Хотя всем ясно, что в такую погоду нужно бросать все, не только жатки — и косы, и серпы — на спасение урожая!

У нас не так, как в промышленности: закончен рабочий день, и можно итоги подвести, продукция налицо. Хлебороб целый год работает, пока сможет свою продукцию показать. В деревне цыплят по осени считают. И надо бы не торопиться объявлять нам выговоры за «нарушения». Терпеливее надо относиться к таким «нарушениям», когда люди хотят сделать лучше, чем предписано. Надо ругать или благодарить за урожай, а не за одну

какую-то выхваченную из целого сельскохозяйственного года «кампанию»...

«Самый страшный враг у нас сегодня — формализм,— думал Мартынов, откинув голову на спинку сиденья, закрыв глаза.— Эх, брат, Петр Илларионыч! Если хочешь по-настоящему поработать в этом районе, а не поденщину отбыть — трудно тебе придется! Много у этого самого формализма разветвлений. Формально руководить — отстающие колхозы не вытянешь. Напиши хоть сотню резолюций: «указать», «обязать», «предложить». Мелочным опекунством не заменишь настоящей заинтересованности колхозников в хорошей работе... А судьбы колхозного урожая в руках механизаторов. Но им, оказывается, выгоднее вырастить десять центнеров, чем тридцать. Вот где узел! Отсюда надо начинать распутывать. Собрать бы коммунистов-механизаторов в райком, поговорить с ними...»

— Дремлете, Петр Илларионыч? — спросил шофер.

— Нет,— открыл глаза Мартынов.— Так, задумался...

— Снег идет.

Мартынов приоткрыл окно, чтобы выбросить погасший окурок. В щель со свистом ворвался ветер. В полях потемнело. Снег валил крупными хлопьями.

— Рассчитал Костя, химик! — сказал шофер. У него было два слова, которыми он определял высшую степень хитрости: «юрист» и «химик».— В точку! К утру всю землю забелит, никто уж не будет в его бороздах копаться.

— Нет, Василий Иваныч,— ответил, помолчав, Мартынов.— То, чего мы не доделаем, никакой снег не забелит. Ни снег, ни бумажки-сводки. Придет лето — урожай покажет, как мы поработали.

— Правильно, Петр Илларионыч! Бабы говорят: толкач муку покажет.

— То-то и оно!..

Шофер включил свет. «Победа» неслась по глухому проселку, сверкая фарами, пугая рано вставших с лёжки, ошалевших от внезапной перемены погоды, первый раз в жизни увидевших снег молодых зайцев и укрывшихся от ветра в кусты у обочины дороги куропаток.

2

Даже при полной механизации будут, вероятно, такие недели и месяцы в году, когда по проселочным дорогам ни на чем, кроме обыкновенных саней, не проедешь. Сне-

гоочистители будут работать на главных асфальтированных шоссе, но не пустишь же их по всем «зимнякам», проложенным от села к селу напрямик через замерзшие речки, болотистые луга, овраги.

Метель поднялась еще днем, а сейчас было уже около девяти. Стояли безлунные ночи, в белесоватом мраке вокруг — ни одного черного пятна, ни дерева, ни телеграфного столба. Дорогу замело, править вожжами было бесполезно. Умная старая лошадь сама сворачивала то влево, то вправо, когда в сугробах под ее ногами терялся твердый накат дороги.

Мартынову и директору Семидубовской МТС Глотову благоразумнее было бы, конечно, после собрания в колхозе остаться и заночевать. Но теперь поздно было искать виноватого, кто первый сказал: «Едем!» Теперь уж надо было добираться домой.

— Но, но, Мальчик! — помахивал кнутом Глотов.

— Этому Мальчику, должно быть, сто лет,— сказал Мартынов.

— Что? — не расслышал Глотов за свистом ветра.

— Ваш Мальчик уже, вероятно, не раз дедушкой был,— прокричал ему в лицо Мартынов.

— Человек в двадцать лет — юноша. А у лошадей свой счет,— ответил Глотов.— Но, но! Пошевеливай!

Сани двигались по рыхлому, глубокому снегу натужно, толчками. Оба сидели боком к ветру.

— А еще был у нас в том районе, где я работал, такой председатель Тихон Петрович Глущенко.— Мартынов придвинулся ближе к Глотову, продолжая разговор, прерванный при переезде через замерзшую реку Сейм, где им пришлось для облегчения саней подняться на крутую гору пешком.— Работал он, этот Глущенко, когда-то секретарем райкома — не получилось у него, не справился с районом. Послали его директором МТС. С неохотой пошел. И там ничего видного не сделал. Так себе, средняя была МТС. Потом послали его председателем в крупный колхоз, самый отстающий. Отбивался, не хотел, чуть из партии его не исключили. Ну — пошел. И там-то он рванул! За два года сделал колхоз самым богатым в районе. Но знаешь, с чего он начал, этот Тихон Петрович?

Глотов что-то невнятно пробурчал в воротник тулупа.

— Начал с того, что строго-настрого запретил всем бригадирам и колхозному агротехнику принимать без него от МТС хотя бы гектар пахоты. «Я,— говорит,— знаю этих

бракоделов! Сам буду проверять качество!» В первое же лето урожай у него — вдвое выше против прежнего. С этого и пошли жить. Колхозники прямо на руках его носили. А в соседних колхозах — ругали на чем свет стоит! «Чего ж ты, когда сам был директором, не пахал, не сеял всем колхозам так, как теперь требуешь от МТС?» Вот какие дела, товарищ Глотов. А? Покурим, что ли? Доставай, у меня кончились папиросы.

Тяжело одетый Глотов, с трудом ворочаясь, отвернул полы тулупа и ватного пальто, достал из кармана пиджака пачку «Севера». Скинув рукавицы, обжигая голые руки на ветру, закурили, истратив чуть не коробку спичек.

— Может, и тебя послать председателем колхоза? А? Хотя бы на время? Чтоб полюбовался на свою работу со стороны? Так сказать, для самокритики снизу?..

— Не хватит директоров на все колхозы,— ответил Глотов.— МТС у нас в районе три, а колхозов — тридцать.

— А папиросы ты куришь не директорские,— заметил Мартынов.— Хотя что ж — по урожаю и папиросы. «Казбек» тебе даже неприлично было бы курить перед колхозниками. Не заработал.

Глотов опять что-то невнятно проворчал.

— Шутки шутками, Иван Трофимыч,— продолжал после большой паузы Мартынов,— но как же все-таки заставить вас, директоров МТС, болеть за урожай?

— А мы разве не болеем за него?

— За выработку вы больше болеете, черт бы вас побрал, а не за урожай! Гектары ради гектаров. Все равно как если бы мы стали оценивать работу какого-то завода по количеству оборотов станков. В этом году, мол, станки сделали вдвое больше оборотов, чем в прошлом, значит, завод вдвое лучше работал. А что обороты? Наплевать на них! Давай продукцию!

Глотов повернулся к Мартынову.

— В открытую дверь ломишься, Петр Илларионыч. Давно уже все решено.

— Что решено?

— С нас уже не только выработку спрашивают, но и урожай.

— Как спрашивают? «Ай-яй-яй, как вам не стыдно, какие вы нехорошие, урожай загубили!» Так? Это не спрос.

— А новые правила для участников Сельскохозяйственной выставки? Теперь МТС за одни мягкие гектары на выставку не попадет. И урожай будет учитываться.

— Ну, выставка, конечно, дело большое. А чем ты материально отвечаешь за плохой урожай? И что выигрываешь от хорошего урожая?.. «Все решено». Ничего, брат, еще не решено!.. Да ты вперед смотри, раз уж сел за кучера. Метет как! Невелико удовольствие — в поле заночевать. Хоть бы к какой-нибудь скирде прибиться.

Глотов потыкал кнутовищем в снег возле полоза:

— Дорога.

— Спокойный ты человек, Иван Трофимыч,— опять заговорил уже сердитым тоном Мартынов.— Три дня драили тебя на колхозных собраниях за невыполнение договоров, а с тебя — как с гуся вода!

— Меня драили, и я драил,— ответил Глотов.— И мне, бывало, горючее не подвозили вовремя, прицепщиков не выделяли, трактористов плохо кормили.

— Ты не выполнял свои обязательства, колхозы не выполнили — квиты? На том и помирились? А кто же должен взять верх в этом споре? Ты — представитель государственных интересов в деревне!..

Сани заехали в балку, где снегу намело метра в полтора. Лошадь остановилась.

— Не погоняй, пусть отдохнет,— сказал Мартынов и соскочил с саней.

Утопая чуть не по пояс в снегу, зашел наперед лошади, поправил перекосившиеся оглобли, ощупал гужи, хомут — и рассмеялся:

— Что это у вас за механизация?

— А что?

— Хомут вместо супони болтом с гайкой стянули. Да еще — с контргайкой.

— У нас в МТС легче железку найти, чем кусок ремня.

— А кормите коня не стружками железными вместо сена? Что-то он уже не хочет нас везти.

— Довезет. Немного осталось. Пошевеливай, Мальчик!

Выехали из сугробов на косогор, где снег сдуло ветром, поднялись выше на гребень перевала. Впереди близко показались огни — городок в степи, усадьба МТС.

— Приехали!

— Не совсем приехали. На усадьбу приехали. Хо-

чешь — ночуй здесь, в конторе, хочешь — поедем ко мне в село, еще три километра.

— Подворачивай к общежитию трактористов. Погреемся.

Из распахнувшейся двери повалил клубами пар. С крыльца сбежал парень в нижней рубахе, босиком, зачерпнул ведром чистого снега из сугроба, увидев подъехавшие сани, задержался на ступеньках, приложил руку козырьком ко лбу: со света ему не видно было, кто приехал.

— Здесь гостиница Семидубовской МТС? — спросил Мартынов, вылезая из саней.— Есть свободные номера?

— Есть, есть, товарищ Мартынов! — быстро подхватил шутку тракторист, узнав в приехавших секретаря райкома и директора МТС.— С ванной, с парикмахерской, с рестораном!

Мартынов и Глотов вошли в дом.

— Свободные номера вижу,— сказал Мартынов, оглядев нары.— А где же ресторан?

— А вот,— указал тракторист на печку, где кипело что-то в больших чугунах.— Картошку варим и печем, в разных видах. Воды не хватило, снегу подсыпаем. Через десять минут будет готово.

В большой комнате было жарко натоплено. В ней размещалось на двухэтажных нарах человек двадцать трактористов. Все работали на зимнем ремонте машин. Домой идти далеко — оставались ночевать при мастерской. В общежитии густо пахло керосином,솔яркой, пригорелой картошкой, стиральным мылом.

— Ох, не хочется дальше ехать! — сказал Мартынов, сбросив тулуп и усевшись на нары возле жарко пылавшей печки.— Здесь бы и поспать.

— Оставайтесь, товарищ секретарь,— пригласили трактористы.— Место найдем.

— Сегодня не все в сборе, трое пошли в деревню за харчами. Вот ихние купе.

— Матрацики у нас, правда, грязноватые...

— На тулупе можно поспать.

— Насчет клопов или какого прочего насекомого не сомневайтесь. Нету. Они нашего горюче-смазочного духу не выдерживают.

— Поужинаете с нами.

— И чайком угостим. Вскипел, повара́?

— Вскипел. Мойте чашки.

Мартынов взглянул на Глотова:

— Позвони домой из конторы, что задержимся тут. А то еще жена твоя подумает, что метелью нас где-то занесло.

Трактористы сдвинули два стола, застелили газетами, расставили посуду, нарезали хлеба.

— Присаживайтесь, товарищ Мартынов! Товарищ директор! С дороги горяченького!

Перевалило за полночь, поужинали, попили чаю, в печке перегорело и погасло, а Мартынов все еще разговаривал с трактористами. Кто сидел на нарах, кто, по степной привычке — садись, на чем стоишь,— на корточках перед ним или прямо на полу. Один лишь Глотов дремал, полулежа на нарах, привалившись головой к стене.

За год работы в районе Мартынов знал уже всех бригадиров тракторных отрядов и многих трактористов. Был среди ремонтников молодой бригадир Егор Афанасьевич Маслов, получивший в прошлом году районное переходящее знамя. Колхозники и трактористы уважали его за строгость, требовательность, большие технические знания, но звали Егором Афанасьевичем лишь в глаза, а за глаза — Юрчиком: очень уж молод он был, лет двадцати двух, румяный, кареглазый, чернобровый. Был здесь бригадир Николай Петрович Бережной, работавший в Семидубовской МТС со дня ее основания, капитан запаса. Был тракторист Василий Шатохин, «наш Маресьев», как звали его ребята, инвалид на протезе. Были отец и сын Григорьевы, оба трактористы. Был горючевоз Бережного, семидесятилетний старик, Тихон Андроныч Ступаков, и зимою не расстававшийся с трактористами, помогавший им на ремонте. Когда Мартынов с Глотовым вошли, Ступаков достирывал рубахи в тазу, сделанном из старого топливного бака. После ужина, развесив мокрые рубахи над печкой, и он присоединился к общей беседе, сел возле Мартынова на перевернутый таз.

— Как дела, Андроныч? — спросил его Мартынов.— Компрессия как?

— Да ничего, товарищ Мартынов.

— Кольца не пропускают?

— Пока нет... А у вас?

Трактористы засмеялись.

— Почему — у меня?

— Да вот выбрали вас первым секретарем. Как оно? Тяжеленько?

— Тяжеленько.

— В подручных легче было ходить, конечно.

— С вашей помощью, думаю, справлюсь.

— У деда — задир цилиндра,— сказал Шатохин.

— Как задир цилиндра?

— Да вот было у нас вчера вечером политзанятие, читали книгу «Экономические проблемы социализма в СССР». Так он как загнул! «А чего, говорит, с этими двумя собственностями канителиться? Переводи сразу всё на совхозы!»

— Ну-у? — Мартынов удивленно, с интересом поглядел на старика.— Чего это тебе, Андроныч, захотелось в совхоз?

— Не одному мне.

— Больше пока ни от кого не слыхал.

— А разве вы всё слышите, что люди думают? Думают про себя и помалкивают.

— Может быть... Ну-ну, почему же — в совхоз?

— Так там лучше, товарищ Мартынов. Твердая зарплата. А в колхозе не знаешь наперед, что на трудодень получишь.

— Ну, положим, не во всех колхозах не знают наперед, что получат,— сказал Мартынов.— Где доход устоялся, знают, что меньше не будет, чем прошлые годы.

— А ты, дед, знаешь совхозские порядки? — спросил Григорьев-отец.— Работал в совхозе?

— О-о! — старик махнул рукой.— Где я только не работал! И в совхозе «Гигант» в Сальских степях работал, и на Каспийском море нефть добывал, и в Донбассе шахты откачивал. Помотался по белу свету.

— Чего ж вернулся сюда?

— На родину вернулся... Под конец жизни, должно быть, каждого человека на родину тянет.

— Обмер дед...

— Обмер?

— Да, один остался. Три сына погибли на фронте. Старуху давно похоронил. Дочка замужем в Саратове... Вот с ребятами коротаю время. Помогаю им. Имел дело с машинами, немного смыслю в технике. Разобрать там чего, почистить, на место прикрутить. Тут мой и дом — с ними...

— Деда бы можно уже и в рулевые зачислить, да по теории слабоват, экзамен не сдаст,— сказал Шатохин.

— И чего вы такие прилипчивые? — сердито оглядел старик тракториста.— Ежели чего скажешь не так, как написано, а от своего соображения, так уж — загнул! Задир цилиндра!.. Я им вот чего доказывал, Ларионыч. Повидал я на своем веку всяких начальников, и директоров, и председателей. В совхозе от плохого директора вреда народу все же меньше, чем в колхозе от плохого председателя. Там, что бы ни было, рабочий свою зарплату получит. Сделал столько-то — получай столько-то, иди в магазин, покупай за свои деньги хлеб, крупу, масло — чего тебе желательно. Задержала контора зарплату — на то суд есть, профсоюз, защита рабочему человеку. А в колхозе — что посеешь, то и пожнешь. Попадется в председатели какой-нибудь обалдуй, растяпа — он и хозяйство в разор введет и людей без хлеба оставит, да и не на один год.

— Действительно, загибаешь, Андроныч,— ответил Мартынов.— «От плохого директора меньше вреда, чем от плохого председателя». Это не решение вопроса. Надо, чтобы не было ни плохих директоров, ни плохих председателей!

— Тебе ж разъяснили, Андроныч,— вступил в разговор Юрчик Маслов,— что колхозная собственность есть социалистическая собственность. Нельзя ее отбирать у колхозов, как отбирали фабрики и заводы у капиталистов.

— Это ты об этой самой про... привации?

— Об экспроприации.

— А может быть, нам не жалко с этой собственностью расстаться? Ежели нам самим не жалко отдать ее государству — чего ж сомневаться?

— Тебе не жалко, а другим, может, жалко.

— Не равняй всех по своему сознанию.

— Да переболело уже у всех! Много воды утекло! Не бегает нынче мужик на колхозную конюшню погладить свою бывшую кобылу. Он уже и забыл, что вносил в колхоз, уже и кости той кобылы сгнили!

Дед спорил горячо, но подкреплял свои философско-экономические изыскания лишь собственным житейским опытом.

— Или, может, Ларионыч,— повернулся он к Мартынову,— правительство наше опасается, что хлеборобу не по нутру звание «рабочий»? А? Так что ж тут такого

страшного? Жил я, скажу тебе, и по гудку. Загудел — вставай, собирайся на работу, загудел еще — перерыв, отдохни, позавтракай, еще раз загудел — шабаш, по домам! Что — гудок? Хорошо! Дисциплина, порядок! Трудовому человеку гудок все одно что старому солдату музыка перед сражением — дух поднимает! А для лодыря опять же подхлест! Ларионыч! Слышь! Вот мужик-единоличник гудка боялся, как черт ладана. Без гудка, мол, вольготнее, развязнее, сам себе хозяин. А разве у него дома не было своего гудка? Ежели он в страду проспал да вышел из хаты, а солнышко уже в дуба,— что соседи скажут про такого хлебороба? Засмеют! На всю округу ославят такого работничка. А жинка кочергой по спине потянет — то не гудок? Ого, еще какой! А не посеял, не скосил вовремя — чего возьмешь в левую руку? Детишки, старики на печи сидят, все просят хлеба! Это тебе что — не гудок?

Мартынов с интересом слушал деда Ступакова.

— Тихон Андроныч! — перебил старика Григорьев-отец.— А ты-то сам не забыл, что вносил в колхоз? Вклад свой помнишь? Акты бережешь? Много имущества обобществил?

— Я-то? Имущества? — оглянулся дед.— Чего спрашиваешь? Не в соседях ли мы с тобой жили?.. Какого бы я лешего обчествил, когда до самого двадцать девятого года по наймам ходил? Три курицы было да гусак с гусыней — вот и все имущество. И тех не уберег от кулацкой смуты. Пока голосовал на собрании, баба увидала, что на вашем дворе свинью смолят, а у Федьки Ковригина, слышит, корову стельную режут,— за топор и порубила им головы. Ничего я не внес в колхоз, извиняюсь. Вот эти руки,— протянул, расставив пальцы, длинные руки в синих, натруженных жилах с ороговевшими мозолями на ладонях.— Две руки, больше ничего.

— Самый передовой элемент! — засмеялся бригадир Бережной.— Ничего не имел, ни о чем не жалеет! С вещевым мешком за плечами, без лишнего груза — за партией, куда поведет! Солдат революции!..

— Кабы у нас в «Красном пахаре» в правлении такие руководители были, как Демьян Опёнкин,— с обидой в голосе закончил дед Ступаков,— я бы этими руками вдесятеро больше сделал для колхоза! Никуда бы не рыпался из родного села, не искал бы лучшего на стороне. Меня даже летуном называли. За что? Кто называл? Те, кто

колхозу не давал хода своим разгильдяйством!.. Да я бы работал — во как! Кабы знал, что мой труд — хозяйству в прибыль. И что мое заработанное не пропадет!..

— А вот будет у вас отчетно-выборное собрание — подумайте, хозяева, кого выбрать в правление, чтоб и ваш колхоз стал передовым. Сам приеду к вам на собрание.

Мартынову пришлось долго и обстоятельно разъяснять Тихону Андроновичу, что и в совхозах не делается все само собою, и там по-всякому бывает, и там нужны умные директора, честные бригадиры, дельные парторги, иначе совхоз будет приносить убытки и его хлеб обойдется государству очень дорого; что колхозы могут дать нам, если приложить ума и сил, изобилие продуктов, и к новым формам в сельском хозяйстве, к единому государственному сектору мы придем через изобилие, а не потому, что не сумели чего-то доделать в колхозах.

— Значит,— покашлял в кулак дед Ступаков,— это у меня, по-вашему сказать, левацкий заскок?

— Да, похоже немножко... Хорошо, что сам припомнил, как оно называется.

Все засмеялись.

Мартынов перевел разговор на другое:

— Как это все будет в дальнейшем — переход к единому госсектору,— этого сейчас точно, в подробностях никто себе еще ясно не представляет. Поживем — увидим. Давайте подумаем о том, как нам сегодня вытянуть отстающие колхозы? Вы валите вот всю вину на председателей. Да, от председателя многое зависит. И наша тут вина, райкома, что не помогли колхозникам до сих пор выбрать всюду хороших руководителей. Но оглянитесь-ка и на себя. Кто пашет, засевает колхозные поля? Вы, работники МТС, механизаторы. Как пашете, как засеваете? Да так, что вас кое-где колхозники стали уже называть «махинизаторами». Стыдно, товарищи! Вот об этом давайте и поговорим... Три дня ездили мы с вашим директором по колхозам, отчитывался он о выполнении договоров. Сколько жалоб на вас, сколько чертей вам насулили колхозники за ваши простои, за бракодельство! Ну, почему вы работаете как подрядчики, а не как хозяева, которым каждый лишний колосок дорог?..

— Не все работают как подрядчики! Не обижайте нас, товарищ Мартынов! — зашумели трактористы.

— А во «Власти Советов» у Демьяна Богатого два-

дцать два центнера был урожай. Кто его вырастил? Не трактористы?

— А в «Октябре», в «Заре»? Тоже почти по двадцать центнеров вышло.

— Нас обвинить — проще всего. А вы войдите в наше положение — в каких условиях мы работаем!

— Ремонт хотя бы взять. На снегу машины собираем!

— Лучше бы ремонтировали трактора — меньше было бы простоев.

— Так разве в таких условиях отремонтируешь хорошо?

— Хотите разобраться, что нам мешает работать лучше,— расскажем всё!..

...Мартынов, поглядывая на дремавшего Глотова, злился: «Какие люди, какие мысли, а он дрыхнет! Флегматик окаянный!»

— Проснись! — не выдержав, толкнул он в плечо директора.

— А? Что? — открыл глаза Глотов.

— Послушай, что ребята говорят.

— Слушал-слушал, и в сон бросило...

— Нет, верно, Петр Илларионыч,— говорил Юрчик Маслов,— два-три года можно не давать нам новых машин. Обойдемся теми тракторами, что есть. Хватит их по нашей посевной площади. Бывают ведь дни, когда дизелям просто делать нечего, стоят на приколе. Давали бы лучше нам побольше денег на строительство!

— Неладно как-то получается у нас, товарищ Мартынов,— сказал Григорьев-отец.— Дают в деревню миллиарды — в каждой МТС сколько машин, да машины какие дорогие! — и недодают каких-то там тысяч, которых как раз и не хватает, чтобы эти миллиарды работали на урожай в полную силу.

— Как в евангелии сказано: давай правой рукой так, чтоб левая не ведала,— вставил дед Ступаков.— Один министр дает комбайны, а другой министр не дает денег построить сараи для тех комбайнов, чтоб не зимовали в сугробах.

— Может, бюджет у нас очень строго рассчитан, так вот я говорю,— продолжал Маслов,— можно продать те трактора, что нам планировали, другим государствам — вот и деньги.

— Слышишь? — толкнул Мартынов Глотова.

— Слышу.

— Как твое мнение?

— А что, я согласен с Масловым... Хватит нам пока машин, надо довести до ума то, что есть. Без новых тракторов года два я обойдусь, а без хорошей мастерской — зарез! Что за ремонт, когда на дворе машины разбираем, собираем? Повозись-ка на морозе с железом! Да вот в такую погодку! Покрутятся ребята час возле трактора — два часа в кочегарке отогреваются. На пять машин всего места в мастерской. И зарабатывают они поэтому на зимнем ремонте — копейки! — Глотов оживился: — А станки наши видел, Петр Илларионыч? Старье! Барахло!.. Я уж сколько раз думал: почему у нас при такой великолепной, дорогой технике нет хорошей ремонтной базы? Все равно как бы пожалеть купить хорошую упряжь на орловского рысака-призовика. Выехали на бега, а уздечка из мочала.

— Согласен, значит, с Масловым?.. Почему же не написал в министерство: так и так, мол, отказываемся временно от пополнения тракторного парка, но просим взамен то-то и то-то: большую мастерскую, станки, хорошие общежития для трактористов, инвентарные сараи?..

— А что ж там, в министерстве, не догадываются, не знают наши нужды?

— Знают, знают... Знает цыган дорогу, а спрашивает,— проворчал дед Ступаков.

— Можно мне слово сказать, Петр Илларионыч? — поднялся бригадир Николай Бережной.— По другому вопросу. Вы вот рассказали про того парня из Олешенской МТС, Костю Ершова. Разъяснил он вам правильно: почему у нас на хорошем хлебе тракторист меньше трудодней зарабатывает. Верно, надо бы как-то иначе начислять нам трудодни. Не только за выработку, но и за урожай. И надо дать директору МТС права больше повышать нормы горючего, где нужно, смотря по земле, по урожаю. А то ведь и так бывает: поневоле человек начинает хитрить, мелко пашет, потому что перед этим у него получился большой перерасход на другом участке, на тяжелой земле, где никак не уложишься в норму. Или на таком хлебе погорел, где на четверть хедера косили. Но я вот скажу еще и про тех работников МТС, которые на зарплате. Главный агроном, главный инженер, участковые агрономы, разъездные механики, да и сам директор — они ведь тоже за урожай отвечают.

— Не тоже, а в первую голову!.. Что, Иван Трофи-

мыч,— спросил Мартынов,— никаких нет у вас поощрений по зарплате за высокий урожай?

— Никаких,— ответил Глотов.— Только за диплом и за выслугу лет — надбавка.

— Значит, если у одного директора — выслуга лет и диплом, а урожай так себе, а у другого нет диплома и выслуги лет, но прекрасный урожай, первый директор получит больше зарплаты?

— Больше, конечно.

— Да-а... Ну, тут тоже можно что-то придумать,— сказал Мартынов.— Может быть, так сделать? Вырастили в среднем по колхозам МТС десять центнеров — получай, директор, тысячу рублей в месяц или там тысячу триста. Вышел урожай пятнадцать центнеров — получай две тысячи. Двадцать центнеров — две с половиной тысячи или три. А за диплом и выслугу лет — само собою. Основное — за урожай. Так же для агрономов, механиков. Как, Иван Трофимыч? Скажем, получал ты весь год зарплату по минимуму. А потом, как убрали хлеб, подсчитали урожай — вышло двадцать центнеров. Давай-ка, министр, еще разницы тысчонок десять. А?

Глотов усмехнулся:

— Чего спрашиваешь? Конечно, больше бы старались, лучше бы работали... Бытие определяет сознание.

— Материалисты!..

Мартынов поднялся с нар, подошел к черному окну, за которым бушевала метель, постоял немного, поскреб ногтем лед на стекле.

— С какого года работаешь на тракторе, Николай Петрович? — обернулся он к Бережному.

— Да с того года, как появились у нас в товариществах первые «фордзоны». С двадцать пятого.

— Двадцать семь лет?

— Без четырех. Четыре года — на танке.

— Офицер?

— Офицер.

— И не стал после демобилизации подыскивать работу почище? Вернулся в свою бригаду?

— Та работа и есть чистая, которая тебе нравится. Люблю я это дело, Петр Илларионыч! И землю люблю — крестьянин я, хлебороб,— и к рабочему классу душа рвется. Вот так, не уезжая из родного села, через МТС, и войдешь в рабочий класс. А по должности меня не понизили. И тут у меня — пять машин.

— Да, интересная фигура у нас в селе — тракторист,— сказал задумчиво Мартынов.— Он и колхозник, он уже и рабочий...

— И председатель колхоза нас ругает, и директор МТС ругает! — засмеялся один тракторист.— И в хвост и в гриву достается нам от двух хозяев!..

— Вот это-то нас и выручает, товарищ Мартынов, что мы колхозники,— сказал Василий Шатохин.— Вроде бы и нет нам особого расчета бороться за высокий урожай, но как подумаешь: да я же сам член этого колхоза, семья моя там, жена, дети, вся родня. Свое, кровное. Как же не порадеть?..

— Мы и без вас тут, Петр Илларионыч,— продолжал Бережной,— вечером, бывает, надоест в шашки играть, заводим разговор о том, как сделать, чтоб колхозам больше было пользы от нашей работы. Полежали бы вы с нами тут на нарах ночку-две, чего-чего только не наслушались бы!.. Мы вчера вот о чем говорили. Надо бы как-то так сделать, чтоб МТС и за фактический урожай отвечала. За тот урожай, что в амбар попал. Ведь у нас в руках — вся техника. Не то время, когда на коровах пахали. На восемьдесят процентов полевые работы механизировали. Значит, теперь больше мы должны отвечать за колхозный урожай! А как у нас делается? Определяют урожайность на корню. Как его называют, «биологический» урожай. Отсюда и все расчеты с колхозами по натуроплате. Учли на корню четырнадцать центнеров. Неплохая пшеница. Стали убирать. Убираем опять же мы, трактористы, комбайнеры. Убрали, скажем, плохо, с потерями. Упустили сухую погоду, пошли дожди, хлеб полег — чисто уже не уберешь. Из четырнадцати попало в амбар только десять центнеров. Но группа урожайности та же, никаких поправок. А устанавливают эти группы по тем данным, что инспектора по определению урожайности представляют. Ничем больше эти инспектора не занимаются. Ни зябь, ни осенний сев, ни зимовка скота — ничто их не интересует. Какой будет в следующем году урожай — опять же их не касается. И наказывают их за ошибки только в одну сторону: если занизят группу. А если завысят так, что хоть и уберем мы хорошо, без потерь, а все же у колхоза после хлебопоставок концы с концами не сойдутся — за это не наказывают.

— Ну, если на то пошло! — вторично и окончательно проснувшись, встал Глотов.— Если мне и за амбарный

урожай отвечать!.. Это арифметика, что ты тут подсчитывал. Бережной: восемьдесят процентов механизации, стало быть, мы на восемьдесят процентов и за урожай отвечаем,— это филькина грамота! Что ж, по-твоему, у колхоза только двадцать процентов ответственности остается? А ты знаешь поговорку, что ложкой дегтя можно испортить бочку меда? То-то же!.. Как бы мы хорошо ни вспахали, ни засеяли, а если поле не унавожено — в нашей местности, по нашим тощим почвам урожая с этого поля не жди! А кто должен навоз возить? Колхоз. А минеральные удобрения? А подкормки? А на свекле сколько еще осталось ручного труда?.. Согласен отвечать за все: и за «биологический» урожай и за фактический. Но в таком случае — дайте мне широкие права!

— Какие — широкие права? — усмехнулся Мартынов.— В холодную сажать председателей колхозов, если не вывезут навоз?

— Нет, ты, Петр Илларионыч, не смейся. Поставь себя на мое место!

— На твоем месте, Иван Трофимыч,— сказал Мартынов,— я бы так поступил. Выработали вместе с правлением колхоза агропроизводственный план на год. Я, директор МТС, обязуюсь сделать то-то и то-то, в такие-то сроки. И сделаю, если я коммунист. Но и тебе, товарищ председатель, спуску не дам! И ты выполняй свои обязательства — точка в точку!..

— Опять Америку открываешь! — развел руками Глотов.— Есть такой договор. Называется типовой договор МТС с колхозом. В первых строках написано: договор имеет силу закона.

— Силу закона... Это значит, при нарушениях составляй по каждому пункту акт — и в суд? Где искать директора МТС, председателей колхозов? Да в суде, судятся... Нет, слышишь, что ребята говорят. К этому договору чего-то не хватает. Такого, чтобы очень заинтересовало всех вас в высоком урожае. И тебя и председателя колхоза. Так заинтересовало, чтобы некогда было вам жалобы друг на друга прокурору строчить. Потрачу полдня на жалобу, а за это время много потеряю!..

Метель утихла. Решили ехать дальше в село — ближе на несколько километров к райцентру.

Дед Ступаков сказал на прощанье Мартынову:

— Хоть ночь не поспали, зато время неплохо провели.

В прошлом году у нас в колхозе за зиму двадцать лекторов перебывало. И всё рассказывали нам: из чего произошла земля, да как началась жизнь на земле... А вот как сделать, чтоб порядку было больше на земле — ни с кем так, как с вами, на эту тему не поговорили!..

— Скажите нам, Петр Илларионыч, если это не секрет,— спросил Василий Шатохин,— за что Борзова сняли?

— А вы же читали в газете,— ответил Мартынов, надевая тулуп.

— Да в газете-то было вкратце написано: за зажим критики.

— За зажим критики.

— Мы тут слышали такое: выступил один коммунист на партактиве против него, а Борзов на другой день будто звонит в милицию: «Нет ли у вас какого-нибудь хоть паршивенького дела на него? Если нет, то заведите!»

— Был такой случай.

— Ишь ты, как зарвался человек!..

— Значит, если бы не дошел он до такого безобразия, может, и до сих пор секретарствовал у нас? — сказал Шатохин.— Не за то сняли, что неправильно районом руководил?

— Плохо, что вот так у нас бывает,— сказал Григорьев,— когда уж совсем до какой-то невыносимой подлости дойдет ответственный работник — тогда только снимают его. А может, он вообще не годился в руководители, не теми методами действовал, народа чуждался, не думал, как сделать, чтоб народу было лучше, о своей лишь шкуре думал?..

— Помню,— усмехнулся Бережной,— приехал как-то Борзов ночью в нашу бригаду. Зябь пахали. Все машины на ходу, работают. Я сплю в вагончике. Как раскричался он: «Какой ты бригадир! Трактора работают, а ты спишь!» Я говорю: «Товарищ Борзов! А что ж мне делать, когда все трактора работают? Бегать вокруг них по загонкам, высунув язык? Если все машины в борозде, ни одна не простаивает — стало быть, я, бригадир, потрудился возле них, наладил их. Могу теперь и отдохнуть». Покричал-покричал — уехал. Только и слышали мы от него: «Лодыри! Саботажники!»

— Жесткий был человек,— сказал Василий Шатохин.— Недружелюбный. Три года проработал он у нас, и нечем нам хорошим вспомнить его. Мотался по полям, как

объездчик. Увидит председателя — подъедет, отведет его в сторону, поговорит с ним о чем-то по секрету, а больше — ни с кем ни слова.

— Не довели с ним дела до конца! — махнул рукой Юрчик Маслов.— Если бы вынесли вот такое решение, подробно: за что сняли, почему сняли? — и колхозникам бы все было ясно, и тем, кто после Борзова будет работать в райкоме,— наука!..

— Это теперь очень близко нас касается, товарищ Мартынов,— кто нами руководит,— сказал дед Ступаков.— Время-то ведь какое. Не то время, когда каждый сидел в своем углу, как таракан за печкой. При царе Николае нам начальства век бы не видать! Приезжали в село только затем, чтоб недоимку из нас выколотить. Приехал и уехал — скорее бы уехал! — а жизнь своим чередом идет. Своя земля, ежели она есть, своя лошадь, опять же, ежели имеешь, свои семена: как посеял, как убрал — никому дела нет. А нынче — колхозы. Дело общее. Без вас, без партии, как же нам это общее дело-то строить? Без вас мы — ни шагу. Нынче мы очень интересуемся начальством — что за человека нам бог послал? Какой у нас, скажем, секретарь райкома или председатель исполкома? Надолго ли приехал к нам или погостить? Горячая ли душа или так себе, тепленькая? Речи от него слышим правильные, а умеет ли и дело делать? Веселый ли, смелый ли? С веселым — и нам веселее. Если смелый — опять же неплохо. Когда командир не робеет — солдаты за ним в огонь и в воду пойдут!..

Дня через три Глотов был у Мартынова в райкоме.

— Почему я от рядовых трактористов больше узнал о ваших неурядицах, чем от тебя, директора МТС? — говорил Мартынов, стоя у стола, с неприязнью поглядывая сверху на сидящего в кресле Глотова, на его седую лобастую голову, багровую шею, отечные мешки под маленькими, глубоко запавшими глазами.— Не волнует это тебя, что ли? Привык к роли подрядчика, другой роли и не хочешь играть? На второстепенной роли спокойнее?.. Обо многом я еще передумал, товарищ Глотов, после разговора с трактористами. Конечно, чтобы укрепить МТС, нужны большие капиталовложения, многое нужно. Но вот еще чего не хватает ко всему: хороших директоров! Отобрать бы лучших коммунистов на эту должность! Авто-

ритетные, образованные, хорошо знающие сельское хозяйство и, конечно, глубоко партийные, болеющие за дело люди — такими я представляю себе директоров МТС. И вот, как будут у нас настоящие директора, боюсь я, Иван Трофимыч, за тебя. Ты не выдержишь соревнования с ними. Как бы не пришлось уступить тебе свое место более подвижному человеку. Очень уж ты спокоен. Флегматик ты!

— Таков характер у меня, что поделаешь,— ответил Глотов.

— Характер? А что такое — характер? Это и есть — сам человек... Один, скажем, меланхолик. Другой — флегматик. Отчего этот меланхолик загрустил? Может быть, всем недоволен, не верит ни в свои силы, ни в силы народа? А другой равнодушен ко всему, живет по принципу: «Моя хата с краю», «Не лезь поперед батька в пекло», «Выше головы не прыгнешь».

— На твою власть — ты бы флегматиков и меланхоликов и в партию не принимал? Заглянул бы в анкету: «Вопрос: темперамент? Ответ: спокойный». Не надо таких!..

— Видишь ли, товарищ Глотов, твое спокойствие — просто политическая пассивность. Давай уж найдем этому точное название. За целый год не услышал от тебя живого слова: как улучшить работу МТС?.. А читаешь, изучаешь решения Девятнадцатого съезда! Устав партии изучаешь, обязанности и права члена партии!..

Глотов усмехнулся.

— Пассивность... А я слышал, Петр Илларионыч, как ты с трактористами разговаривал, и удивлялся твоей активности: «Что еще, по вашему мнению, нужно поправить? Что еще нужно изменить?» — будто от тебя это все зависит: завтра же последуют нужные решения, и пойдут у нас дела как по маслу. Слушал я тебя и, по правде сказать, посмеивался в душе.

— Напрасно посмеивался! Не в наших правах изменять законы, издавать новые указы, да. Но мы обязаны доводить до сведения наших руководителей все, что слышим в народе, думы народа. Твои трактористы — люди государственного ума. Они понимают, что здесь — передний край борьбы за урожай. Они думают о своей МТС и колхозах не только в служебное время, как некоторые из нас. Мы в колхоз приехали и уехали, по трудодням нам в колхозе не получать. А для них это дом. Колхоз — это

вся их жизнь, настоящая и будущая. Днем и ночью думают они о своей жизни!..

В кабинет вошла Марья Сергеевна Борзова.

— Не помешаю? — спросила она, приостановившись у порога.

— Нет, не помешаешь. Заходи. Садись.

Марья Сергеевна села на стул у окна, небрежно причесанная, какая-то осунувшаяся, с красными пятнами на щеках, будто недавно плакала. Мартынов внимательно посмотрел на нее.

— Вот женщина мучается не на своем месте,— сказал Мартынов, достав из ящика стола пачку папирос и закуривая.— Семенной конторой заведует. А бывшая трактористка. Да какая трактористка! С Пашей Ангелиной соревновалась!.. Слушай, Марья Сергеевна! Пойдешь к нему,— кивнул на Глотова,— замполитом? У них есть замполит, хороший парень, но больной, инвалид, ездить по бригадам ему тяжело. Найдем ему работу полегче. Это же твое любимое: степь, трактористы, машины!

— Что ты говоришь! — Глотов удивился.— Ее к нам замполитом? Так Виктора Семеныча-то послали в другой район... Куда его, Марья Сергеевна?

— Не послали,— ответила Борзова.— Он сам уехал. В Борисовку. Преподавателем истории в среднюю школу поступает.

— Я не знал, что он уехал,— сказал Мартынов.— Мы предлагали ему здесь работу, в сельхозснабе... Давно уехал?

— Позавчера.

— Вот, как же так? — пожал плечами Глотов.— Муж будет работать в Борисовке, а она — здесь? Это для нее неподходяще.

Борзова молчала.

— Он еще не снимался с учета,— сказал Мартынов.— Может быть, передумает?..

— Петр Илларионыч! — Борзова посмотрела на Мартынова.— Я пришла к тебе посоветоваться по очень важному делу... Для меня важному... Если ты занят, я позже зайду.

Глотов встал.

— Я пойду. Мы кончили, Петр Илларионыч?

— Нет, не кончили. Характер тебе придется менять.

— Попробуем... Если возможны в природе такие вещи.

— Бывает, бывает, Иван Трофимыч: с возрастом ме-

няется характер у человека. Посиди там немного. В два — бюро.

Глотов вышел.

— Что случилось, Марья Сергеевна? — обойдя стол и остановившись у окна, спросил Мартынов.

Борзова отвернулась к окну, губы у нее задрожали. Вместо ответа она припала лбом к спинке стула и горько заплакала. Мартынов растерянно налил из графина воды в стакан, поставил его на подоконник возле Борзовой.

— Не хочу я ехать с ним в Борисовку, Петр Илларионыч,— справившись с собою, заговорила Борзова.— Как мне трудно! Что мне делать?.. Я бы осталась здесь. В МТС я бы пошла. Я сама хотела просить у тебя другую работу. Но как же мне быть?.. Я с ним не хочу жить. Не могу! Как с ним тяжело. Я ни одному его слову не верю... С кем я прожила двенадцать лет? Дура, почему не ушла раньше? А теперь стыдно. Пока был на высоком посту, жила с ним, примирялась, а в трудную минуту, когда ему плохо, бросить? А дети? Двое у нас. Я их не брошу! И ему не отдам!.. Кого он из них воспитает? Таких эгоистов, как сам? Не отдам! Что мне делать?..

Мартынов долго молчал. Часы пробили два раза.

— Прости, Марья Сергеевна... Сейчас ко мне придет народ. У нас в два часа бюро. Если хочешь со мною поговорить об этом, я приду завтра сюда пораньше, часов в восемь. Хорошо? Приходи, поговорим.

Борзова встала.

— Нет, не уходи, посиди. Сегодня у нас на повестке вопрос: о работе МТС. Разошлем всех проводить партийные собрания. Может быть, и ты поедешь? А?

Вошли председатель райисполкома Иван Фомич Руденко, второй секретарь райкома Медведев, редактор районной газеты Посохов, Глотов, директор Олешенской МТС Никифоров, секретарь парторганизации этой же МТС разъездной механик Гришин, директор третьей МТС Зарубин. Мартынов хмуро поздоровался с ними, расстроенный слезами Марьи Сергеевны, помолчал несколько минут, собираясь с мыслями. Сел за стол, нажал кнопку звонка.

— Зови всех,— сказал он заглянувшему в дверь помощнику.— Кого еще нет?.. Товарищи члены бюро! Мы хотели сегодня заслушать доклады директоров и секретарей парторганизаций МТС. Но я думаю, давайте мы перед этим сделаем так: разъедемся по МТС и проведем там партийные собрания. Поговорим с коммунистами на месте.

Пригласим коммунистов и из колхозов. Там мы больше выясним — в чем причины плохой работы наших МТС? Все выясним — где наши недоработки, что мы сами в силах преодолеть, а в чем нужно просить помощи у областных организаций и у Москвы. Только надо приехать не за полчаса до собрания, а пожить там, по крайней мере, денек-другой. Походить, поговорить с людьми, подумать. А?.. Ну, давайте решим: кто куда поедет?..

1953 г.

В ТОМ ЖЕ РАЙОНЕ

1

На другой день, как условились, Мартынов пришел в райком пораньше, до начала работы, но Марья Сергеевна Борзова не зашла к нему. Часа в два она позвонила из дому и сказала, что уезжает в Борисовку, к мужу — посмотреть, как он устроился там, на новом месте. «Что ж, счастливого пути,— подумал с сожалением Мартынов.— Не останется она здесь. «Когда был на высоком посту, в почете, жила с ним, примирялась, а когда ему плохо,— бросить?» — вспомнил он слова Марьи Сергеевны.— Переплачет, успокоится, и будут жить по-прежнему».

А через неделю к нему в райком пришел сам Борзов. Еще накануне Саша Трубицын, помощник секретаря, сообщил Мартынову, что видел в городе Борзова с женою: приехали за вещами, переселяются в Борисовку. Борзов пришел в райком поздно вечером, когда Мартынов сидел там один.

— Здоро́во! — протянул он руку Мартынову.— Как живешь-можешь?

— Помаленьку,— ответил Мартынов, пересаживаясь из кресла на диван.— Садись.

Закурили из портсигара Борзова.

— Ты ведь не курил,— заметил Мартынов.

— Курил много лет. Бросал, опять начинал... На что намекаешь? От переживаний, думаешь, закурил?

— Не намекаю ни на что. Просто, помнится, не курил...

Борзов оглядел бывший свой кабинет. В нем не было никаких перемен. Мартынов не принадлежал к числу тех ответработников, которые начинают свою деятельность с перестановки по-своему мебели в служебном кабинете.

— Ну, как оно здесь? — пожевав мундштук папиросы, спросил Борзов.— Много ли грязи льют на меня бывшие мои подхалимы? — В его голосе слышалась напускная игривость, вызывающая не то на шутку, не то на спор.— Бывает ведь так: уехал человек, которого боялись, он уже не у власти, и тут-то начинается на ушко: «Вы знаете, он

на птицекомбинате тысячу яиц выписал за год!», «Ему из рыбхоза рыбу бесплатно возили!», «На охоту ездил на казенной машине!»

— А я таких, Виктор Семеныч,— ответил Мартынов,— что задним числом льют грязь на тебя, гоню в шею. Я им не верю. «Почему раньше молчали? Сегодня на Борзова капаете, завтра, может, меня снимут — про меня какую-нибудь сплетню пустите?» Гоню таких.

— Правильно делаешь! Это — не опора. Ищи опору среди других людей, среди тех, что не заискивают перед новым секретарем, не лезут ему в глаза.

«Совет-то дельный»,— подумал Мартынов.

Борзов был все такой же коренастый, бритоголовый, с сильными плечами и толстой шеей, не похудел, не изменился в лице. Если бы не землисто-желтоватый цвет лица, он бы выглядел просто здоровяком.

— Приехал за открепительным талоном,— сказал Борзов.— Отпустите?

— Если очень настаиваешь, отпустим,— ответил Мартынов.— Но мы и не гоним тебя. Нашли б и здесь тебе работу.

— Ну-у? Не гоните? Не рад тому, что уезжаю?.. Ты, говорят, и Марье Сергеевне предлагал тут другую работу? Ее удерживаешь или меня?..

— Что ж, Марья Сергеевна работник неплохой, жалко ее отпускать,— насколько смог спокойно ответил Мартынов.

Борзов искоса, потемневшими глазами, с недоверчивой, недоброй усмешкой поглядел на Мартынова. Однако продолжал разговор в том же шутливо-развязном тоне:

— А какую дали бы мне работу? Директором инкубатора? В сельхозснаб послали бы? На Втором Троицке? Пять километров? Покорно благодарю!.. Войди в мое положение, Петр Илларионыч. Что-то неохота ходить пешком по тем самым улицам, по которым в «Победе» ездил. Лучше уж — в другом месте, по другим улицам.

— Пожалуй, лучше,— согласился Мартынов.— Поэтому и отпустим тебя... Не поминай нас лихом.

Борзов в две затяжки докурил папиросу, пустил клуб дыма к потолку, еще раз оглядел кабинет. После большой паузы заговорил — уже серьезно, без натянутой улыбки.

— Рано ли, поздно ли,— убежденно сказал он,— вспомнят Борзова! Позовут меня опять на большую работу! Нельзя так разбрасываться кадрами. Поймут товарищи!..

Я ли не просиживал в этом кабинете ночи напролет? Сколько сил я здесь положил! Я здесь здоровье потерял!.. Позвонишь в сельсовет: «Разыщите всех председателей колхозов и бригадиров!» В третьем часу ночи. Для чего я это делал? Чтобы люди чувствовали: от этого секретаря и ночью нигде не спасешься! Я, бывало, не сплю — весь район не спит! Государству нужны на руководящих постах энергичные работники!.. Теперь тут чего хочешь наговорят про меня. Одного только не скажут: что я размазней был. Умел держать район в страхе божьем!..

— Что умел, то умел,— согласился Мартынов.

А про себя подумал: «Если б ты был неэнергичный, это еще полбеды».

— Неправильно все же записали обо мне в решении бюро обкома,— продолжал Борзов.— «Грубый зажим критики»... Не так ведь все было, как растрезвонили. Ну, позвонил я прокурору насчет этого Мухина, что обозвал меня на партактиве самодуром. Но я же не приказывал завести на него дело. Глупости! Если человек не совершал преступления — за что же его судить? Сам прокурор как-то говорил мне: «Придется привлекать Мухина за нарушение Устава сельхозартели: сено трактористам на корню продал». Я только справился — в каком положении дело, ведется ли следствие?.. Просто — время сейчас такое. Решения Девятнадцатого съезда, новый Устав. «Зажим критики является тяжким злом. Тот, кто глушит критику...» Надо было кого-то пустить под нож, в назидание другим. Попал под колесо истории.

Мартынову стало невыносимо скучно. Он зевнул во весь рот, поглядел на стенные часы:

— Половина первого. Завтра мне к восьми утра надо быть в «Заре коммунизма».

Борзов встал.

— Думал я, Виктор Семеныч, что ты что-нибудь поймешь, прочувствуешь за эти дни,— сказал Мартынов.— А ты ерунду говоришь. «Время такое». Какое? В моде увлечение критикой, что ли? И ты стал жертвой этой моды? «Попал под колесо истории». Неумно обставил дело с Мухиным — вот и вся твоя ошибка?.. А в каком положении сейчас район? По сводкам-то числимся середняками, а по существу очень запущенный район! Почему он стал таким? Чего нам будет стоить его вытянуть?..

Хотелось Мартынову высказать Борзову все накопившееся у него с тех пор, как стал он здесь первым секре-

тарем и почувствовал ответственность в первую голову за положеие дел в районе... «Три года глушил ты здесь живую мысль. С членами бюро не советовался, в мальчиков на побегушках пытался нас превратить. Подшучиваешь над подхалимами — «мои подхалимы»,— а зачем же приближал таких к себе? Доверял ответственные посты начетчикам, бездумным службистам. По образу и подобию своему выдвигал и расставлял вокруг себя кадры. Авгиевы конюшни оставил нам. Расчищай теперь!»

Многое захотелось высказать, но подумал: «Пустая трата времени! Доказывай слепому, какого цвета молоко!» — махнул рукой, пошел к вешалке за пальто.

— Ничего ты не понял! И вряд ли поймешь. И разъяснить тебе невозможно. На разных языках разговариваем.

— Погоди, не горячись.— Борзов попытался изобразить на лице иронически-снисходительную улыбку.— Не горячись! Укатают сивку крутые горки. Давай-ка присядем еще на минутку. Расскажу тебе, с чего я начинал, какие у меня были благие намерения, когда сюда приехал. И почему у меня не вышло. Могу передать тебе свой опыт.

— А ну тебя с твоим опытом!..

Пропустив Борзова вперед через порог, Мартынов погасил свет в кабинете, крикнул ночному сторожу, дремавшему в коридоре возле жарко пылавшей печи, чтоб закрыл дверь на ключ, и быстро сбежал вниз по ступенькам, обогнав Борзова на лестнице.

На улице мело. В лицо Мартынову ударил холодный ветер с колючим, сухим снегом. Он поднял воротник пальто, глубже насунул на лоб шапку и пошел домой, слыша сзади шаги Борзова, удалявшегося в другую сторону.

На том они и расстались.

В середине января установилась прекрасная погода. Легкий, безветренный мороз, солнце по утрам, неглубокий снег на улицах города.

Троицк — маленький городишко. Стоит он на сторожевом взгорье, на высотах, далеко видны вокруг села, луга в пойме реки Сейма, темные полоски лесов за холмистыми полями. Нынче Троицк — обыкновенный районный центр в сельскохозяйственной области. Все, что есть в нем, все учреждения, предприятия,— все подчинено сельскому

хозяйству, все работает на колхозы. А когда-то это была крепость на южных границах Руси. До сих пор пригороды носят название: Стрелецкая слободка, Пушкарская слободка. «Под шеломами взлелеяны, с конца копья вскормлены...» Восемьсот лет городу. Но выглядит он молодо. Новые здания на месте разрушенных в войну, скверы на площадях, молодые клены и березки в парке возле районного Дома культуры. Много молодежи — студенты пединститута. Не успели только переименовать Троицк как-нибудь по-новому, в Зерноград-на-Сейме, или Хлебодаровск. Вероятно, потому, что с урожаями здесь было неважно.

В воскресенье Мартынов встал поздно, в половине двенадцатого,— накануне вернулся из района перед рассветом. На столе, возле тарелок с приготовленным для него завтраком, лежали три записки. От сына: «Ушел на лыжах, большой кросс, скоро не ждите»; от жены: «Ушла к портнихе. Пожалели тебя будить, позавтракали без тебя. Если пойдешь гулять, встретимся в парке»; и от двоюродной сестры, которая выполняла у них в доме обязанности хозяйки: «Я на рынке. Остынет чай — подогрей на плитке».

Мартынов позавтракал, оделся и вышел на улицу, защелкнув за собою дверь на английский замок. Ночью слегка припорошило, свежий белый пушок покрыл старый наст, глазам было больно от ослепительного сияния чистого снега. В райкоме Мартынов, не раздеваясь, просмотрел у дежурного принятые ночью телеграммы, в кабинет не зашел. Сегодня ему хотелось отдохнуть, побродить по городу, освежиться.

На главной улице, по дороге к парку, у бывшей квартиры Борзова его окликнул знакомый голос:

— Петр Илларионыч! Что же проходишь и не здороваешься?

Мартынов оглянулся. На крыльце дома стояла Марья Сергеевна в меховом пальто и белом вязаном платке, натягивала на руку варежку.

— Не ожидал уж увидеть тебя здесь... Здравствуй. Приехала? Забрать последние вещички?

— Приехала... Гуляешь! И я вышла на воздух подышать. Как тут скользко!..

Мартынов взял Борзову под руку, свел ее со ступенек.

По улице, круто спускавшейся к Сейму, между машинами и подводами, с бешеной скоростью, угрожая сшибить

зазевавшегося пешехода, проносились салазки. Ребята, тормозя ногами, склонившись набок, лихо заворачивали на углах. Мартынов, погрозив кулаком нарушителям правил уличного движения, перевел Борзову под руку на другую сторону улицы.

— Побывала у него в Борисовке,— начала рассказывать Марья Сергеевна,— и вот приходится остаться здесь. Буду здесь жить. Не прогоните? Квартира-то эта мне с ребятами велика, пусть горсовет сделает из нее две квартиры, еще кого-нибудь вселит... Обещал послать меня в МТС? Что ж, пойду. Тогда и жить там буду, в Семидубовке, совсем откажусь от этой секретарской квартиры.

— Да что ты о квартире! Никто тебя не выселит, живи... Что у вас произошло?

— Что произошло?..

На торговой площади из-за угла универмага вышла быстрой легкой походкой женщина в черном пальто с меховой опушкой внизу, в серой каракулевой шапочке и белых фетровых валенках. Она помахала Мартынову издали рукой, указала жестом в сторону парка, крикнула: «Сейчас приду!» — и скрылась в дверях магазина.

— Кто это? — спросила Марья Сергеевна.

— Моя жена,— ответил Мартынов. — У портнихи была. Вероятно, не хватило материалу на какие-то оборочки, побежала купить.

— Твоя жена?.. Когда она приехала?

— Да уж дней десять как дома.

В парке были протоптаны дорожки. Густо посаженные низкорослые деревья срослись кронами над аллеями. Мартынов задел шапкой ветку, снег посыпался на них.

— Пойдем на ту дорожку, там деревьев нет.

— Так что случилось? — спросил Мартынов, когда они прошлись два раза взад-вперед мимо установленного на пьедестале танка — памятника погибшим при освобождении Троицка танкистам.— Ты ушла от него?

— Ты знаешь, Петр Илларионыч,— горько усмехнулась Марья Сергеевна,— он сам облегчил мне задачу. Я-то, дура, колебалась: в такую трудную для него минуту, если и я, жена, покину его... А он этой минуты ждал. То есть не ждал, конечно, чтобы его сняли. Но раз уж так вышло... У него в Борисовке старая привязанность. С тех пор еще, как он там работал. По возрасту-то не старая, моложе меня. Лаборантка на элеваторе. Говорили мне, когда мы уже здесь жили: если Виктор Семеныч зво-

нит, что заночевал в дальнем сельсовете, так и знай — заехал через границу, в Борисовский район, проверяет на элеваторе по квитанциям, какой район сдал больше хлеба за пятидневку. Не верила... Ну что ж — убедилась. Приехала в Борисовку, и пришлось остановиться в гостинице. Она, эта женщина, уже у него живет.

— Вот как!.. Был у меня — ни словом не обмолвился о семейных делах.

— И мне здесь не сказал. Оттягивал до последнего. Знала бы — я бы не ездила туда срамиться...

Мартынов взглянул на замолчавшую Борзову, увидев на ее глазах слезы.

— Не горюй! Не пропадешь без него.

— Да не горюю я! — с жаром ответила Марья Сергеевна.— Противно мне!.. Все поняла! Давно его тянет к ней, но не решался бросить меня, пока занимал такой высокий пост. Как же! Люди осудят. До обкома дойдет. Другим — пример! Руководитель должен быть безупречным в быту. Сам читал тут лекции о семье, морали. А теперь ему нечего терять!..

— Что-то не так,— сказал Мартынов.— Он ведь уверен, что недолго пробудет в опале. Говорил мне: «Рано ли, поздно — позовут меня опять на руководящую работу». Если метит снова в секретари — ему невыгодно еще чем-то замарать свою репутацию... Может быть, он в самом деле очень любит эту женщину?

— Может быть... Так бы и сказал, по-человечески. А то ведь я осталась виновата. Всем будет говорить: «Она мне первая изменила». Оправдание.

— Ты — виновата? — Мартынов остановился на дорожке.

— Помнишь, когда пришел ты к нам вечером, я сказала: «Городишко у нас такой: на одном краю чихнешь — с другого края слышишь: «Будьте здоровы!» Ему сразу донесли. Он мне тогда — ни слова. Только спросил: «Чего Мартынов приходил?» Я сказала: «Сама позвала его. Хотелось от него узнать — о чем вы все спорите».

— Ну?..

— Ну, вот тогда не ревновал, приберег до времени. А сейчас все припомнил: «Вижу, что у вас с Мартыновым пошло на лад. Как только я из дому — Мартынов на порог. Стало быть, и мне нужно подумать о другой жене». Такую сцену ревности закатил!

— Какая чепуха! — Мартынов покраснел.— Чего ж он

молчал?.. Да врет он, не ревнует! Почему мне не сказал? Был в райкоме, сидели с ним на диване. Взял бы пресс-папье да стукнул меня по голове. Ишь, Отелло какой!..

— Не ревнует? — Марья Сергеевна большими серьезными глазами посмотрела на Мартынова.— И это — не от души?

Прошлись еще раз по аллее от танка до входной арки.

— А дети? — спросил Мартынов.

— Договорились так: Нина, его дочка от первой жены, осталась с ним, а малышей мне отдал. Очень просил, чтобы старший, Миша, с ним остался. Детей он любит. Я не уступила... Обещал: «Буду помогать». А зачем мне его помощь. Сама, что ли, не воспитаю их?..

Сзади послышались быстрые шаги. Звонкий голос произнес: «Разрешите присутствовать?»

Мартынов, улыбнувшись, ответил: «Пожалуйста!» — и обернулся. Стройная черноглазая женщина, с выбившейся из-под шапочки на лоб прядью черных вьющихся волос, шутливо взяла «под козырек», сдвинула пятки валенок — щелчка не получилось.

— Пожалуйста, присутствуй. Познакомьтесь — моя жена, Надежда Кирилловна. Марья Сергеевна Борзова, бывшая Маша Громова. Я писал тебе о ней.

Женщины, пристально взглянув друг другу в глаза, не снимая варежек, обменялись рукопожатием.

— Вы только парк обошли? — сказала Надежда Кирилловна.— А я в этом городе новосел. Я тут еще ничего не видела. Пойдемте вниз, к речке, на каток.

Долго гуляли в этот день по окрестностям города Мартынов с женою и Марья Сергеевна. Побывали в логу, где лыжники прыгали с трамплина, исходили вдоль и поперек, по колено в снегу, дубовую рощу за рекой, посидели у замерзшего Сейма на бревнах, приготовленных для строительства нового моста. Марья Сергеевна узнала о жене Мартынова — кто она и что.

— Война помешала закончить институт,— рассказывала Надежда Кирилловна.— Надо было заново поступать, а я уж и не собиралась. А потом посмотрела на его литературные увлечения — думаю: может, человек на этом и свихнется, а как же я с сыном?.. Достала старые учебники, подготовилась, выдержала на второй курс. Вот —

доучивалась в Краснодаре. Специальность у меня хорошая, вкусная. Садоводство и виноградарство. Только садов здесь, в районе, мало. А виноградников совсем нет. Что ж, будем разводить, товарищ секретарь, а? Или вам сейчас не до винограда? Не до жиру, быть бы живу? Пшеничку еще не научились хорошо выращивать?

— Погоди ругать за пшеничку. Дай срок. Вот подготовимся как следует к весне!.. Как узнала она в институте, что я пошел на партийную работу,— обратился Мартынов к Марье Сергеевне,— такие нежные письма стала мне писать! Давняя ее мечта, чтоб я бросил газету. А приехала — начинает с критики!..

— Особых нежностей я тебе, положим, не писала. Написала, что художником можно быть не только в литературе. Сам своего призвания не понимаешь! Сочинишь рассказ — читать невозможно, хуже протокола. А послушаешь, как ты иной раз, под настроение, речь произнесешь на собрании о заготовке кормов для скота,— это же поэма! Вергилий!

— Ладно, Вергилий... При чем тут мои литературные увлечения? Это я настоял, чтобы ты закончила институт. Жалко, училась, училась — и бросила. Да и трудно нам было жить на одну мою зарплату.

— Трудно, конечно. Ты же вместо корреспонденций романы писал. А их никто не печатал. Да переезжали с места на место три раза в году. Кадушки, ведрушки, горшки, корыто,— только наживешь, обзаведешься хозяйством — бросай все, наживай сызнова!..

— Вот ведь какая,— Мартынов опять тронул за локоть Марью Сергеевну.— Вспоминает: три раза в году переезжали. А у самой — цыганская натура. Век бы кочевала по белу свету... Когда я работал собкором областной газеты, хотел написать новеллу «Жена корреспондента». О ней. Я тогда был влюблен в нее по уши.

— Вот как! А сейчас — уже не по уши?..

— Пожила бы подольше в Краснодаре — я бы тебя совсем забыл.

— Ну, не забыл бы!..

— Не перебивай. Я расскажу Марье Сергеевне про наши мытарства... Приезжаем мы с нею в какой-то пятый или шестой по счету район. Чемодан, рюкзак — все наши пожитки. Она просит меня: «Давай хоть здесь поживем спокойно. Полегче критикуй начальство. У тебя характер скверный. Ты всегда видишь только плохое». Это она ведь

неправду сказала, что я не писал корреспонденций. Писал. Не часто, но — крепко. Не только в том районе читали мои статьи, где я жил. После каждой статьи — решение бюро обкома. Так ли, не так, подтвердит комиссия или, может, загладит, но решения не миновать. «Тебе, говорит, всегда только недостатки в глаза бросаются. А ведь у них здесь, наверное, есть и достижения».— «Да мне, говорю, и самому уже хочется немножко отдохнуть. На этот раз мы, кажется, в хороший район попали. Побывал в райкоме, райисполкоме — товарищи веселые, приветливые. Съездил в два колхоза — богато люди живут». Ликует! Наконец-то! Начинает белить новую квартиру, картинки развешивает по стенам... Проходит неделя, другая. Замечает — я что-то помрачнел, неспокойно сплю по ночам. «Что с тобой?» — «Да ничего». Еще проходит неделя. «Что же ты молчишь, ничего не рассказываешь о районе?» — «Да знаешь, говорю, разобрался я поглубже — не так уж хорошо здесь, как сначала мне показалось. Руководители здесь народ бывалый, умеют товар лицом показать. В одной МТС у них колхозы богатые, всех гостей туда возят, все планы за счет этих колхозов выполняют. А есть одна МТС — туда они и сами раз в году заглядывают. Старая болезнь — очковтирательство».— «А с урожаями как?» — «На отдельных участках — рекорды, а в общем — неважно». Еще проходит неделя, я ей рассказываю, где был, что видел... Вдруг она как хлопнет рукой по подушке! «Так какого же ты черта мне тут в постели на ухо шепчешь? Почему не напишешь об этом в газету? Там же, в области, небось считают этот район передовым?» — «Напишу, говорю. Поезжу, посмотрю еще — напишу. Только ты больше никаких картинок не развешивай по стенам. Как бы не пришлось их опять убирать». Обо мне в редакции сложилось мнение, что я неуживчивый человек, не умею ладить с местным руководством. «Напишу... Укладывай вещички в чемодан».— «А долго ли мне их, говорит, уложить? Голому одеться — только подпоясаться».

Мартынова рассмеялась.

— А помнишь, как нас в одном районе — в каком это, в Сизовском, да? — с хлебом-солью встречали?

— В Сизовском. Только что в колокола не звонили. Как же! Корреспондент областной газеты приехал на жительство. Человек опасный!.. Там в торговых организациях жулики засели, я потом большое дело там раскрыл. Подъехали к дому — зимою, на грузовике,— вещи сброси-

ли, я ее оставил одну, пошел на почту передать в редакцию срочный материал. Прихожу поздно ночью, она сидит в пустой квартире и плачет. «В чем дело?!» — «Да тут без тебя что было! Двадцать посетителей справлялись о твоем здоровье. Один пришел из торга, хотел оставить мне корзину с продуктами. Другой — из потребсоюза: «Проголодались небось с дороги? Вот вам тут закусить и погреться». Машину торфу привезли нам, дров на растопку. Спрашиваю: «Сколько платить?» — «Бесплатно, из уважения. Забота о живом человеке...» Да что же это такое? Купить тебя хотят, что ли? Дураки, негодяи!..» Сидит на полу, как узбечка, поджав ноги,— мебели в квартире еще не было никакой,— и ревет белугой. «Я, говорит, не стерпела, кому-то, кажется, еще и по шее дала»...

Прощаясь с Марьей Сергеевной, Мартынов спросил:

— Так как же насчет Семидубовской МТС? Пойдешь?

— Тяжело мне будет работать с Глотовым,— ответила, подумав, Борзова.— Какой-то он закоснелый человек.

— А может быть, и ему душу разбередим?.. Ведь с двадцать девятого года коммунист. Первые артели организовывал. В трудное время вступил в партию. Почему он стал таким обрюзгшим примиренцем? Надо разобраться!.. Мы порекомендуем избрать тебя и секретарем парторганизации.

— Что ж, будешь помогать, Петр Илларионович,— пойду,— сказала Марья Сергеевна.— Вот только за последние годы много появилось машин новых марок. Нужно их изучить. Какой же я руководитель, если хуже тракториста в машине разбираюсь?.. Мне бы бросить все эти дамские маникюры да надеть опять комбинезон. Показала бы, что можно выжать из нашей техники!

— Это тебе нетрудно — освоить новые машины. Но прежде всего — человек.

— А что же я — не люблю людей? Не среди людей выросла?

— Значит,— по-деловому закончил разговор Мартынов,— завтра на бюро и обсудим. Приходи в райком к двенадцати.

Марья Сергеевна не сразу вошла в дом, долго стояла на углу, на перекрестке улиц, глядела вслед уходящим, оживленно о чем-то разговаривающим Мартынову и Надежде Кирилловне...

2

Мартынов принимал в райкоме посетителей.

Саша Трубицын принес и положил ему на стол большой список.

Первой зашла в кабинет известная в районе звеньевая-пятисотница, старуха лет шестидесяти, Суконцева Пелагея Ильинична, из села Речицы. Усевшись в глубокое кресло — из-за стола выглядывала только голова ее в шерстяном платке,— маленькая, щуплая, с живыми черными глазами, она стала излагать суть дела.

— Это что ж такое творится у нас в Речице, товарищ секретарь райкома? Прямо как у тех лесовиков, что как загуляли на масленой, так аж на второй неделе поста опамятовались. «А не заехали ли мы уже в великий пост, греховодники?» Ну, у тех хоть по неграмотности календаря не было, до батюшки в село пришлось посылать гонца, чтоб узнал, который день они пьют без просыпу. А у наших-то календари есть!.. Самого председателя как кинулись искать третьего дня по всему селу — печать на какую-сь бумажку приложить,— так аж нынче утром нашли на мэтэфэ, в силосной яме, чуть тепленького.

— С чего это у вас пошло такое гулянье?

— Престолы! Престолы, товарищ Мартынов!.. Так совпало: нынче у нас в Речице престол, а через три дня — в Подлипках. Сёла — рядом. То подлипкинцы ходили к нам гулять, то наши повалили туда в гости. Не успели прохмелиться — в Сорокино престол. А в воскресенье — престол в Горенске. Да когда ж оно кончится? Я уж смотрела-смотрела да думаю себе: надо властям, что ли, заявить про такое безобразие. Я в колхозной ревкомиссии состою. Ежели что плохое случится — и с меня спросят. Скот ревет, непоеный, корма на животноводстве не подвозят. Прошлой ночью свиньи семь поросят задавили. По недогляду. Свинарок на дежурстве не было.

— Неужели так много у вас в Речице религиозных?

— Какая там религия! — махнула рукой старуха.— Была бы причина погулять. Не все ж работать, надо и повеселиться. А по какому случаю? Да святого Пантелеймона нынче! Ну, давай — за святого Пантелеймона!..

Из разговора выяснилось, что старуха сама неверующая. В девятнадцатом году белые повесили ее мужа. В селе была подпольная большевистская организация, в которой состоял и ее муж. Донес на них поп — жена одного из

подпольщиков проболталась на исповеди. Повесили двенадцать человек.

— Это ж как допустимо им, пастырям духовным, людей предавать? — возмущенно говорила Суконцева.— Согнали все село на площадь смотреть, как наших мужиков казнили. И батюшка туда же, с крестом. Вот тогда-то меня и отвратило от них, долгогривых! И иконы в печке пожгла! «Не убий»,— учат. А сами что делали?.. Я еще смолоду насмотрелась на ихнюю святость. Жила в городе у попа в прислугах. Встает он утром, идет ко мне на кухню, без рясы, в подштанниках: «Пелагея! Нет ли там у нас чего-нибудь — от всех скорбей?» — «Нету, говорю, батюшка. Матушка все, что не допили вы вчера с отцом дьяконом, спрятала в шкаф под замок и ключ унесла».— «А то, что у тебя в бутыли?» — «То, говорю, батюшка, денатурат, примус разжигаю».— «Налей-ка стакан да принеси моченой капусты». Налакается денатурату — идет в церковь, в алтарь, обедню служить!.. Отвез матушку в больницу, на операцию, и с первого же дня начала к нему ходить одна прихожанка, такая пышная дама, в шляпке, кольца, браслеты. Придет она — батюшка мне сует двадцать копеек: «Ступай, Пелагея, погуляй по городу». А куда я пойду? Зима, мороз, девчонка молодая, из деревни, ничего не знаю, где там что, солдат боялась. Выйду за ворота и стою, замерзаю, до полуночи, покуда эта барыня от него уберется... Чего ж я тебе, старому козлу, буду про свои грехи рассказывать, когда ты во сто раз грешнее меня? Да ну их к лешему!..

Вернулись опять к вопросу о престольных праздниках.

— Это ж у вас такая беда небось не только в Речице? — сказала старуха.

— Не только в Речице,— подтвердил Мартынов.— Беда действительно. Но что же делать?.. Видимо, антирелигиозная пропаганда у нас хромает?

— Вам лучше знать, что у вас хромает. Хромает — подковать надо.

Суконцева помолчала.

— А я так думаю, товарищ Мартынов, не от религии это, а оттого, что людям погулять хочется. Вы ж того не учитываете, что человек не машина. Работу требуете, а как людям лучше отдохнуть, повеселиться — об том не беспокоитесь... Спросите у нас любого человека: а что это за святой Пантелеймон, которого сегодня в церкви поминали? А в Подлипках — на святого Кирилла престол. Что они за

люди были? Как жили, чем прославились? За что их в святые произвели? И почему так устроено, что в одном приходе престол на такого-то святого, а в другом — на такого-то? Никто не знает и не сможет объяснить. Бессмысленно водку пьют — и больше ничего!..

— Так, может, провести нам разъяснительную работу — о происхождении престольных праздников?

— А! Вы не смейтесь! Может, я своей старой головой и не так чего придумала, а все ж послушайте меня. Надо с этими поповскими праздниками советскими праздниками бороться!

— Клин клином вышибать!

— Ага! Надо в каждом колхозе свой колхозный праздник людям дать! Вот, скажем, наш колхоз называется именем товарища Буденного. А в Сорокино — колхоз Чапаева. Еще где-то у нас в районе, слыхала, есть колхоз имени Валерия Чкалова. Эти люди известны старому и малому, знаменитые люди! Посмотреть бы по святцам: когда там Симеона, Василия?

— Так зачем же по святцам, уж если на то пошло,— улыбался Мартынов.— В святцах день ангела. По биографии надо смотреть — день рождения.

— Ну, день рождения. И в этот день, значит,— праздник по всему колхозу! А святого Пантелеймона — долой! Провести собрание, доклад сделать людям про нашего именинника, про его житие, заслуги. Может, и телеграмму отбить самому Семену Михайловичу: «Приезжайте к нам в гости на праздник».

— Всюду в свой день рождения он не успеет побывать. Колхозов имени Буденного у нас в стране, вероятно, сотни.

— Не приедет — письмецо нам пришлет, и за то спасибо.

— А не получится, Пелагея Ильинична,— сделав озабоченное лицо, с трудом сдерживаясь, чтоб не рассмеяться, сказал Мартынов,— что будут в одном колхозе праздновать Симеона, в другом Василия, в третьем Климентия,— опять же пойдут друг к другу в гости всем селом, потеряют месяц и число?..

— Нет, товарищ Мартынов! — доказывала свое старуха.— Вот вы приглядитесь сами: все же на советские праздники у нас безобразия куда меньше! День Победы, к примеру. Не легко она досталась нам — победа, кровь лилась рекою. Либо Октябрьская революция — народ власть брал в эти дни, за коммунизм боролся. Понимают

люди. Да и совестно же нам, если, скажем, товарищ Буденный дознается опосле, что мы тут без меры за его здоровье нахлебались, и отпишет нам: «Что же вы, товарищи колхозники, мое честное имя позорите? На мои именины у вас коровы стояли целый день недоеные!» Этого мы не допустим! Сам народ в сознание войдет, что в такой день неприлично пьяному в кувете валяться!..

— А ведь она очень большой вопрос подняла! — сказал Мартынов Трубицыну после ухода Суконцевой.— Клин клином вышибать! В старых церковных праздниках много было своеобразной красоты, поэзии. Религиозные праздники не все такие бессмысленные, как престольные. Страстная неделя, вербная неделя, троица, святки, крещенье, масленица. А Ивана Купала — еще со времен язычества? Ряженые народные гулянья, венки на воде, песни подблюдные... Вытеснить старые праздники из быта, ничем их не заменив,— трудно. Надо создавать новые, красивые, поэтические праздники. Тут есть над чем и комсомолу поработать. День урожая, День тракториста, Праздник песни. А те дни, когда в школах заканчиваются экзамены, парням, девушкам вручают аттестаты зрелости? Это тоже можно сделать народным праздником, Днем молодежи, что ли. Да мало ли что можно придумать!

...Комсомолец Николай Терехов, шофер из колхоза «Власть Советов», где председателем работал Опёнкин, пришел в райком к секретарю с практическим предложением: как в два счета ликвидировать взяточничество.

Он работал раньше на грузовой машине, а когда колхоз купил в воинской части старый «газик», стал возить председателя на «газике». Тут-то и наболел этот вопрос — о взяточничестве.

— Душа уже не терпит, Петр Илларионыч,— говорил шофер Терехов.— Как едем в город, в какой-нибудь снаб, так везем в машине мешок яблок, либо свиной окорок, либо пару гусей. Я уже говорил Демьяну Васильичу: «Как комсомолец, отказываюсь такие грузы возить!» Ну, опять же и председателя винить нельзя. Не для себя достает — для колхоза. Нам и гвозди нужны, и кровельное железо, и запчасти, и немало нам всего этого нужно. Хозяйство большое! Не добудем — все дело станет. Там в гутапе один кладовщик есть, ну, негодяй, до чего же обнаглел! Приедешь к нему с пустыми руками — и разговари-

вать не хочет! «Нет таких подшипников». А как ты его проверишь — есть или нет? Он же не допустит тебя в склад, копаться на полках. А привезешь чего-нибудь — с пол-оборота все найдет, выпишет без задержки. Брали вагоны на железной дороге, картошку в Таганрог возили — и там опять же не обошлось без подмазки. Когда же мы эту болячку ликвидируем, Петр Илларионыч? На моих глазах Демьян Васильич, честный человек, тоже в преступника превратился. Его же давно судить пора, если строго по закону! А за что судить? Надо и в его положение войти. Он — хозяйственник. Вы же первый с него спросите, если у него в хлебопоставку машины будут стоять без резины... Хапуги проклятые, ненасытные! Государственным добром торгуют! Я бы их!.. А знаете, как это дело можно изжить? Ехали мы вчера вечером с Демьяном Васильичем из города, я и надумал. Сейчас у нас как по кодексу законов? И тот отвечает, кто взял взятку, и тот, кто дал. Оба — преступники. Значит, у них круговая порука, один другого не выдаст. Потому и трудно разоблачить того, кто берет. И берет он смело: знает — не донесут. А надо сделать так, чтобы тот, кто дал взятку, не отвечал перед судом. Не от хорошей жизни он дал. Разбить надо круговую поруку! И — кончится сразу! А, ты, мол, даешь да еще свидетеля подставишь, шофера своего либо грузчика, тебе — ничего, а меня в тюрьму загоните? Иди ты подальше со своими гусями! Никто не решится взятки брать. Да еще про старые дела немало расскажут те, кому приходилось их давать!..

Мартынов исписал листок в настольном блокноте и пообещал Терехову, что его предложение особой докладной запиской пошлет в Москву, в Министерство юстиции.

Следующим вошел в кабинет ветеринарный фельдшер из села Круглого, кандидат партии Кусков.

— Мне по роду моей работы часто приходится объезжать колхозные фермы,— начал Кусков.— Лечу скот, в разных колхозах бываю и вижу, где как дело поставлено. Вы не задумывались, товарищ Мартынов, над таким вопросом: нужны ли нам эти, как их называют, кормодобывающие бригады, не подчиняющиеся заведующим фермами? Кто их выдумал?

— По инструкции создали их. Погодите минутку.

Мартынов встал, прошел к двери, распахнул ее.

— Не скучно вам здесь сидеть, товарищи? — обратился он к ожидающим очереди.— Чтобы не думалось вам, что секретарь пустяками, может, занимается, а вам приходится ждать,— заходите все, веселее вам будет. У нас не секретный разговор. Послушайте, о чем говорим. А кто хочет со мною с глазу на глаз — придется немного подождать, пока других отпущу. Заходите!

В кабинет вошло человек семь, среди них трое, которым разговор о животноводстве был небезынтересен: председатель колхоза, секретарь парторганизации другого колхоза и зоотехник.

Мартынов сел за стол.

— Продолжай, товарищ Кусков. Что говоришь — не нужны кормодобывающие бригады?

— Не нужны! За зимовку скота отвечает один бригадир со своими людьми, а корма заготавливает ему другой бригадир, другие люди. И валят вину друг на дружку: «Ты не обеспечил ферму кормами на зиму!» А тот: «Вы не умеете наши корма использовать!» Сущая обезличка, товарищ Мартынов!

Присутствовавшие в кабинете председатель колхоза и зоотехник выразили полное согласие с Кусковым:

— У семи нянек дитя без глазу!

— Вододобывающие бригады еще бы организовать, чтоб за водопой третий бригадир отвечал!

— Надо передать тех людей, что в кормодобывающих бригадах числятся,— продолжал Кусков,— в полное подчинение заведующему фермой или завживотноводством, и пусть они, животноводы, сами себе подвозят, заготавливают корма. Так лучше будет, товарищ Мартынов! И людей, и тягло, и инвентарь, какой есть,— все передать им. Чтоб один начальник полностью за все животноводство отвечал — и за заготовку кормов, и за содержание скота. Не будут тогда кивать Иван на Романа, а Роман на Петра!.. И слово-то какое выдумали: кормодобывающая! Добыть — это я понимаю: выпросить, либо украсть, либо из-под земли достать, как уголь или нефть. А чего ж добывать-то сено? Оно — сверху. Если посеял клевер, суданку, так добудешь сено. Скосить, заскирдовать вовремя — вот и есть корма, добыл без громких слов.

— Что ж,— заключил Мартынов,— в пятницу у нас будет районное совещание животноводов. Обсудим ваше предложение, товарищ Кусков. Предложение, мне кажется, дельное...

Грузный, широкоплечий седой человек, с могучей, атлетической шеей, остриженный «ежиком», в старомодном длинном, в обтяжку, пиджаке придвинулся со стулом к столу, привстав, протянул Мартынову через стол широкую, как малая саперная лопатка, руку.

— Житель вашего района, пенсионер, бывший цирковой борец Андрей Кожемякин.

— Слышал, слышал, как же! — воскликнул Мартынов, с опаской вкладывая руку в ладонь Кожемякина.— Знаю, что есть у нас в районе такая знаменитость. Мальчишки однажды на базаре мне показывали: «Вот Кожемякин идет!» Садитесь, Андрей...

— Маркович.

— Что-то не часто видно вас в городе?

— В Озерках живу. В глушь забрался.

— На отдых? Как Поддубный? Поддубный, кажется, в Ейске жил на пенсии?

— В Ейске. Он-то родом был сам не из Ейска — с Полтавщины. А Озерки — родина моя. Домишко там у нас. Сад посадил, пасекой обзавелся. Вот привозил сегодня на базар мед продавать... Поддубного вспомнили?.. Между прочим, могу похвалиться — встречался с Иваном Максимычем на ковре. Правда, положил он меня на шестнадцатой минуте. А кого он не клал? Эх! Были богатыри!..

Старик, заметив, что собравшиеся у секретаря райкома люди и сам секретарь не прочь послушать его, стал рассказывать о своих встречах на ковре, о поездках по разным странам, о победах сильнейшего борца мира Ивана Поддубного, о европейском чемпионате 19... года, в котором он сам вышел победителем. Мелькали французские, турецкие, немецкие, английские имена борцов, забытые и полузабытые ныне. Вошел второй секретарь райкома Медведев, хотел что-то спросить у Мартынова и тоже заслушался, уселся на диван.

— Когда же вы бросили борьбу и сколько вам сейчас лет? — спросил Медведев.

— Лет мне сейчас шестьдесят пять. (Все сидевшие в кабинете заулыбались, переглянулись: попадись в «двойной нельсон» такому старику!) А с манежа я ушел в тридцать шестом году. Работал в Мухине, на механическом заводе. В военное время эвакуировался с заводом на Урал. Там еще в заводском клубе немножко тренировал молодежь по французской борьбе,— сейчас-то она называется классической, а после войны совсем пошел на отдых. При-

ехал в Озерки к своим родителям — отец мой с матерью еще живы были.

— А чего вы вздохнули, Андрей Маркович: «Были богатыри»? — спросил Мартынов.— И сейчас у нас есть хорошие борцы.

— Есть, есть... Я-то к вам, товарищ секретарь, по делу пришел.

— Слушаю вас.

Мартынов придвинул к Кожемякину коробку папирос.

— Спасибо, не курю. Никогда не занимался. Считаю, что легкие человека приспособлены для вдыхания чистого воздуха, а не дыма, не в обиду вам, курящим, будь сказано.

Старый борец гулко, басом, откашлялся, окинул взглядом всех сидевших в кабинете.

— Ехал я сюда на колхозной машине и по пути, в селе Кудинцево, обратил внимание на такую картину: в одном дворе на крыше хаты — мельничный жернов. По размеру — пятерик, пудов двадцать пять. Как же он туда попал? Не святым духом, конечно,— люди его туда втащили. Кто? Зачем?.. И вспомнилась мне моя молодость, как мы в Озерках по ночам гуляли, разбойничали. И ворота, от нечего делать, от одного двора к другому переставляли, и амбары переносили. Силушки много, дури еще больше! А то, бывало, уснет хозяин летом во дворе на телеге на сене, мы возьмем его с телегой на руки, чтоб не разбудить стуком — и в речку на мелководье. Так, должно быть, и в Кудинцеве жернов на крышу попал. Гуляли ребята, пока улица разошлась, проводили девушек по домам, ночь длинная, спать не хочется,— чего бы еще такого сотворить? А давайте-ка вот этот жернов кому-нибудь на крышу втащим! Пусть потом хозяин попробует снять его оттуда! Попыхтели, должно быть, пока втащили!.. А не лучше бы эту силу молодецкую на полезное дело направить?

В дверь заглянул высокий парень в лыжной куртке, с русыми, пышными, зачесанными назад волосами, с двумя авторучками в нагрудном кармане.

— Ну-ка, зайди,— кивнул ему Мартынов.— Этот вопрос, кажется, и тебя касается. Познакомьтесь. Наш секретарь райкома комсомола. Товарищ Кожемякин, бывший чемпион...

— Знаю, знаю! — перебил Мартынова вошедший парень.— Был в Озерках, показывали мне и дом, где он живет. Здравствуйте! Рыжков.

— Не обращайте внимания на его спортивный костюм,

Андрей Маркович,— сказал Мартынов.— Для фасону носит. Спортом не занимается. Погряз в бумажках. Ни разу не видел его на лыжах. Организу-уют, организу-уют всё товарищи! Кроссы, велопробеги, а сами не принимают участия. А вам бы вот, комсомольцам, в первую очередь райкомовцам, поучиться у товарища Кожемякина классической борьбе! Не в каждом районе найдешь такого учителя!

Широкое, скуластое, с мелкими оспинками лицо старого борца расплылось в улыбке.

— Товарищ секретарь! Да вы же угадали мои мысли! Я за этим к вам и пришел!.. Хочу переселиться из Озерков в город. Надоело уж мне что-то с огородом да пасекой возиться. Хутор — двенадцать дворов, до села далеко. Могу переехать сюда, если пожелаете. Сын у меня механиком в Олешенской МТС работает. Отдам ему всю домашность. А себе куплю здесь домишко. Только дайте мне занятие! Допустите меня к вашим школам. Буду ребятам борьбу преподавать. Могу и по самбо тренировать. А это же, знаете, какая борьба!

— Самооборона без оружия,— сказал Рыжков.— Особенно разведчику полезно знать самбо.

— Да, да, молодой человек! Очень полезно! Из разных видов борьбы отобраны приемы. И джиу-джитсу, и бокс, и монгольские приемы, и индейские. Каждый должен знать их. Чемпион-то не из каждого выйдет, но для себя нужно знать, для дела. Вдруг какой-то бандит на вас набросится — как его обезоружить, чтоб он и глазом моргнуть не успел? Или — как в разведке часового снять без шума, без выстрела?..

— Небось сколько нас тут есть: один, два, три...— пересчитал Медведев сидевших в кабинете,— от всех отбились бы приемами самбо?

— А выходите!..

Дружный хохот остановил увлекшегося старика, направившегося уже на середину комнаты, на ковер.

— В другой раз как-нибудь, Андрей Маркович! — смеясь, сказал Мартынов.

Старый борец, молодецки подкрутив усы, сел на место.

— А все же, товарищи руководители, нужно думать и о будущих чемпионах,— продолжал он.— Вы меня спросили, Петр Илларионович, отчего я вздохнул? Да вот — вспомнили Поддубного. Говорите — и сейчас есть хорошие борцы. Есть, но все же про таких богатырей, каким был

Иван Максимыч, еще не слыхать. Так надо же их выращивать! Учить, тренировать нужно молодняк, который сызмальства силу и способности проявляет! Сам Иван Максимыч признавался, что от упражнений и борьбы стал втрое сильнее, чем был отроду. Мне, товарищ секретарь,— почти умоляющим тоном закончил старый борец,— и жалованья за это не нужно. По-любительски буду работать. Очень уж я соскучился по этому делу! Под старость даже как-то хуже стало. Так все в памяти прояснилось!.. Сам уже не могу выйти на манеж, так хоть на других полюбуюсь. Передам молодежи свое. Что ж мне его — в могилу уносить?..

Мартынов поглядел на Медведева, на секретаря райкома комсомола.

— В школьных программах нет таких часов,— сказал Медведев,— чтобы можно было в учебное время борьбой заниматься.

— Как же нет! — возразил Рыжков.— А часы для физкультуры?.. А впрочем, я думаю, надо сделать иначе. Надо при клубе организовать кружки. В вечернее время. Если поздно придется домой возвращаться, Андрей Маркович, вас комсомольцы будут домой провожать, чтобы кто-нибудь в темном переулке вас не обидел.

Мартынов спросил у секретаря райкома комсомола:

— А тебе, Рыжков, известно, что в Лиственничном произошло?

— Нет, не знаю, Петр Илларионыч, что там произошло.

— Плохо, что не знаешь. В Лиственничном трое учеников средней школы спутались с бандитами, участвовали в поджогах и грабежах. Прокурор мне сегодня утром докладывал. Серьезный сигнал.

— Так я же говорю, товарищ секретарь, сегодня жернов на крышу втащат, а завтра скирд подожгут!

— Да, одними политзанятиями молодежь не заинтересуешь...

— Учителя вот жалуются, Петр Илларионович,— продолжал Кожемякин,— что мальчики шумят на уроках, балуются. А я им все про спорт толкую: «Пусть побольше на переменах шумят! Пусть там они свою силу расходуют! Чемпионаты, соревнование за первенство! Дайте разгуляться силе молодецкой — в другое время, в другом месте, не в классе, не за партой. Тогда и на уроках будет тишина!»

— Договорились, Андрей Маркович! — встал, крепко, двумя руками, пожал руку Кожемякину Мартынов.— Пе-

реезжайте из своих Озерков в райцентр. В чем будет нужна вам помощь — поможем. И вы нам поможете. Не во всех районах есть чемпионы Европы. Уж из этого-то мы сумеем извлечь для себя пользу! Может, и нас вот с товарищем Медведевым подучите на всякий случай самбо?..

— А все же, товарищ секретарь райкома,— остановившись на пороге, приоткрыв уже своим могучим плечом дверь, сказал Кожемякин,— как-то у нас за последнее время насчет чемпионов ослабло. Не про борьбу говорю, а вообще... Помните, как было до войны? Валерий Чкалов — через Северный полюс. Вслед за ним — Громов. Девчата на Дальний Восток без посадки несколько тысяч километров пролетели. Папанин — на льдине. Коккинаки в гору лез, мировые рекорды покрывал. На стратостатах до седьмого неба добирались. Вот они, русские богатыри!.. Может, это только мне запомнилось потому, что у меня такая азартная душа? Всю жизнь на том провел: кто кого? Нет, вся Россия переживала! У радио толпы собирались. Газеты нарасхват. За папанинской льдиной целый год следили. Все ребятишки в зимовщиков играли. Интересная жизнь! А почему же сейчас затихло? Что у нас, нынче Чкаловых нет? Быть не может, есть они! И техника куда посильнее! Теперь уж можно без посадки подальше залететь! На планету Марс пора лететь!.. Каналы, колхозы, то, се? Так надо бы и этому внимание уделять. Вот о молодежи мы говорили. А это тоже влияет на молодежь — геройство, романтика! Опять же — первенства нам нельзя упускать! А то вдруг какой-нибудь черт возьмет да и махнет на эти планеты раньше нас?..

— Урожайный у нас сегодня день на людей,— сказал Мартынов, возвращаясь к столу.— Ну что ж, от борьбы и полетов на Марс — к нашим районным будням?.. Чья очередь?

— Моя, товарищ Мартынов,— отозвался мужчина лет сорока пяти, заведующий мастерскими колхоза «Искра», он же секретарь колхозной парторганизации, сам по профессии кузнец, Герасим Иванович Храпов.— Вот об этих самых буднях... Наш вопрос тоже жерновов касается, про которые этот борец рассказывал. Только с другой стороны... Почему этот жернов в Кудинцеве валялся не на своем месте, не на мельнице был? Так в Кудинцеве ж мельница уже лет десять как не работает!.. Товарищ Мартынов, товарищ Медведев! Вот мы на большие дела замахиваемся, всякие планы строим, чтобы и то было в деревне,

и то было, мечтаем, чтоб со временем деревня с городом поравнялась, а самого маленького, простого для удобства жизни — нету! Мельниц в селах нет! Негде колхозникам муки себе смолоть. В Сухановский район возят — за восемьдесят километров. Ближе нету мельницы.

— А почему вы, товарищ Храпов, пришли с этим вопросом в райком? — спросил Мартынов.— Дело хозяйственное. Почему не в райсовет?

— Посылали мы в райсовет протокол общего собрания,— махнул рукой Храпов.— И я лично от себя писал письмо товарищу Руденко. Не только про наш колхоз, а вообще — какое нынче положение с мельницами. Ответили нам: «Ваши жалобы пересланы в облисполком»... Мой отец, товарищ Мартынов, был мастер по мельничным установкам, большой специалист, и я с детства ходил с ним по селам, помогал ему. Где строили мельницу, где ремонтировали, где жернова наковывали. Сколько было мельниц в округе — ни одна наших рук не минула. Уж я-то знаю, что было здесь, как было. И как теперь стало. Об этом я и писал товарищу Руденко. Было — в каждом селе не ветряк, так водяная мельница, а то и две-три. У кого и лошади нет — взял мешок на плечи, отнес, смолол. Близко, удобно. А сейчас одна мельница на район осталась в райцентре. По два месяца ждали люди очереди на помол. Закрылась на ремонт — и вовсе беда. Хоть в Сухановский район, говорю, вези. Да хоть по десять килограммов на трудодень давать колхозникам — мало радости людям, если негде смолоть! А сколько фуража зря переводим! Разве можно цельное зерно скармливать скоту? В навоз зерно идет. И половины нет той питательности, что в муке...

— В самом деле,— откинувшись на спинку стула, задумался Мартынов,— почему у нас мельничное хозяйство пришло в такой упадок?..

— Почему? А я расскажу вам, товарищ Мартынов, почему... Мельницы были кулацкие. Кулаков ликвидировали, а мельницы как-то к порядку не произвели. То колхозам их передавали, то трестам, то другим организациям. Не было хозяина. Опять же — глупости всякие. Скажем, плохо идут в области хлебозаготовки или семенные фонды не засыпаны. Распоряжение: закрыть мельницы! Чтоб зерно не утекало, чтоб не перемололи, часом, лишнее зерно, которое можно в заготовку сдать. Закрываются мельницы, специалисты уходят кто куда, оборудование портят, растаскивают. Объявление: можно пустить опять

мельницы. А там уже пускать нечего и некому. И гарнцевым сбором прижимали. Хороший ли урожай, плохой ли, много ли дней в году работала колхозная мельница или, может, больше стояла, чем работала, а гарнец — сдай, сколько начислено! Выгоднее совсем закрыть мельницу, чем работать. Вот так оно и заглохло дело... А как же можно в сельском хозяйстве без мельниц? Если даже одна большая вальцовая мельница на район — и то мало! В каждом колхозе надо иметь мельничку — для хозяйства, хотя бы простого помола. Не водяную, так ветрячок. А где торфом богаты — локомобиль поставить. Но сейчас, должно быть, и заводов таких нет, где бы оборудование для маленьких мельниц выпускали?..

Я, товарищ Мартынов,— продолжал Храпов,— и кузнец, и по мельничному делу мастер, могу камень наковать, веретено установить. Я и колесник и плотник... Вот еще в чем беда у нас. Одни старики остались в колхозах по мастерству. Помрут — нету смены им. Молодежь нынче прямо на большую технику прет, в МТС, на трактора, комбайны, а к ремеслу как-то уже не то рвение. Что ж, МТС, конечно, дело великое, там вся механизация. Но и коня в колхозе надо уметь подковать! И колесо ошиповать, и сани смастерить, и избу срубить! И эту самую мельницу установить!.. Какую бы тут работу провести, товарищ Мартынов, с народом, как бы рассказать, доказать, что это дело, мол, тоже нужное? Чтоб и к ремеслу у молодежи не пропадал интерес?.. Может, выставку такую сделать в районе — лучшие работы лучших колхозных мастеров? Прославить этих мастеров в газете, премии им дать?..

Продолжать прием Мартынову не пришлось, хотя среди тех, с кем он еще не говорил, тоже, вероятно, были пришедшие в райком не по пустякам. Позвонили из обкома: срочно выехать в Л-ский район, к часу дня, на кустовое совещание первых секретарей райкомов «по вопросу зимних мероприятий по повышению урожайности».

Второй секретарь Медведев увел Храпова и остальных, кого не успел принять Мартынов, в свой кабинет.

— Чем только не приходится заниматься секретарю райкома партии! — сказал Мартынов, застегивая пальто и втаптывая валенки в калоши. Шутливо перекрестился на стенные часы.— Господи боже, дай мне такую голову, чтоб вмещала все, что за день услышишь, увидишь! У министра и то, должно быть, работа проще, чем у секретаря райкома. Там — одно ведомство, выпуск такой-то продукции. А тут—

и хозяйство, и идеология, и классическая борьба, и здравоохранение, и революционная законность, и детские сады!.. А все же работа у нас в райкоме интересная! Чем сложнее — тем интереснее!..

3

Провожая Марью Сергеевну Борзову на работу в Семидубовскую МТС, Мартынов давал ей такой совет:

— Когда подъезжаешь или подходишь в поле к колхозникам — подходи с опаской, бойся их.

— Зачем же бояться?

— Пойми меня правильно. Может, я не так сказал, не подберу слово... Не их бойся — себя. Не робей, но чтоб все же было в сердце беспокойство: сумею ли поговорить с народом не впустую, а так, чтобы надолго след остался? Понимаешь меня?

— Кажется, понимаю...

— У нас, партийных работников, обязанности как будто несложные. Мы не врачи, не агрономы, не инженеры, не специалисты, в общем. За рабочим столом у нас никаких инструментов, кроме пера и чернил. И в поле выйдешь — ни рулетки в руках, ни гаечного ключа, ни теодолита. Чем работать? Одно орудие у нас — слово. Грубо выражаясь, языком работаем. Но языком можно по-разному работать! И дьячок языком работает... Слово — вещь неосязаемая. Ни металл, ни дерево, ни зерно. Но наше слово может стать и металлом и зерном! Смотря какое слово... И зерном и металлом может стать,— но может стать и ширмой для бездельников. Собрал людей, отбарабанил доклад,— грамотному человеку не так уж трудно прочитать по бумажке то, что слово в слово выписал из «Блокнота агитатора»,— подсчитал количество выступивших — активность достаточная, ставит птичку в плане работ: «Мероприятие проведено». А подвинуло ли это «мероприятие» жизнь хоть на сантиметр вперед?

Вот еще что мне иногда приходит в голову,— продолжал Мартынов.— Опять же насчет встреч с народом... Скажем — секретарь обкома. Область большая, ведь он за всю свою жизнь не успеет побывать во всех колхозных бригадах. Разве только так: «здравствуйте-прощайте». Так не нужно! Так лучше к колхозникам не показываться. Но он должен суметь побывать в одной бригаде так, чтоб люди три года вспоминали и всем рассказывали: как он

с ними разговаривал, что сделал у них, чем помог. Главное — что сделал. Чтобы не просто вспоминали его шутки и что он в ответ какому-то местному острослову отмочил, а вспоминали бы его стиль работы! Другим руководителям, большим и маленьким,— в пример!.. Каждая наша встреча с народом — это слово, которое должно быть обязательно воплощено в дело. Бойся бесплодности, пустоты!..

— Когда я сама была трактористкой,— сказала Марья Сергеевна,— то видела и таких руководителей, что по-настоящему людей боятся. Приедет иной начальник из района и идет мимо вагончика в поле, подальше, колоски рвет, зерно щупает, подзовет учетчика, дневную выработку запишет, плуги, культиваторы целый час с таким интересом рассматривает, будто первый раз их видит. А нас, трактористов, зло берет: чего ж ты от нас, живых людей, к мертвому железу убегаешь?..

— Инженеры человеческих душ...

— О ком ты? — спросила Борзова.

— О нас с тобою. Партийные работники — инженеры человеческих душ.

— Насколько мне помнится,— возразила Марья Сергеевна,— это было сказано о писателях.

— Ничего. Писатели не обидятся, поделятся с нами этим званием. К нам оно тоже подходит. Во всяком случае, партработники *должны быть* инженерами человеческих душ!.. А кадры, Марья Сергеевна, и в МТС и в колхозах нужно искать поглубже. Не всегда они — на виду. Если бы кадры дефилировали прямо по улицам перед нашими окнами, целыми толпами, чего проще — зови, выбирай, кто тебе больше понравится, и посылай на любую работу. В том-то и дело, что хороший человек сам не придет к нам и не скажет: «Я — хороший. Давайте мне ответственный пост». Искать надо кадры. Если бы их так легко было находить и не было бы трудностей с кадрами — вообще не было бы у нас уже никаких трудностей!..

Спустя неделю, встретившись с Мартыновым на сессии райсовета, Марья Сергеевна сообщила ему:

— Интересный человек есть у нас в Марьине, Петр Илларионыч! Дорохов, не слыхал о таком? Работал когда-то председателем колхоза «Родина» и, говорят, очень хорошо работал, при нем этот колхоз гремел. Еще в сороковом

году окончил заочно агротехникум. С войны пришел майором.

— Где же он сейчас?

— В Марьинском лесничестве. Лесник. Почему он не попал после войны опять в «Родину» председателем — он сам тебе расскажет, если вызовешь его. Целая история! Из партии его исключили, судили. Десять лет, кажется, дали. Верховный Совет помиловал. Но как его там, в колхозе, вспоминают! Как отца родного!

— Что ж,— сказал Мартынов,— я завтра утром буду в Марьине. В лес оттуда километра три. «Газиком» проедем? По пути заеду в Семидубовку, захвачу тебя или Глотова. Посмотрим, что за Дорохов. За что его судили?

— За дуэль.

— Что-о?..

— Так мне люди говорили, не знаю точно. Надо, в общем, все выяснить подробно.

— Ладно, поедем выясним.

«Газик», взрывая буфером свежевыпавший глубокий снег на лесной дорожке, подъехал к одинокому жилью лесника, остановился у закрытых высоких тесовых ворот. Шофер просигналил два раза и заглушил мотор.

В старом темном лесу было сумрачно, тихо. Величественные дубы, «озимые», с засохшими, но не опавшими листьями, чуть слышно шелестели верхушками. Огромная ель у самой избы склоняла на крышу отягченные снегом разлапистые ветки.

Дверь рубленой избы приоткрылась, женщина в наспех накинутом платке с порога всмотрелась, крикнула кому-то через двор:

— Вася! Охотники приехали!

Из сарая вышел высокий человек лет сорока пяти в стеганке и ушанке, с вилами, открыл ворота, впустил «газик» в огороженный плетнем двор и, лишь когда машина остановилась у порога избы, заглянув в нее, поинтересовался — кто к нему приехал.

— А, товарищ Мартынов! — Скупо улыбнулся.— Товарищ Глотов! Ошиблась жена. Кажется, не охотники.

— Знаете меня? — спросил Мартынов, вылезая из машины и протягивая руку.

— Знаю. Видел вас в городе на Октябрьском митинге.

— А я вас не знал. Приехал познакомиться. Товарищ Дорохов?

— Дорохов. Что ж, милости прошу — в избу.

В чистой комнате, со свежевымытым полом, с репродукциями картин Репина и Левитана из «Огонька» на стенах, было уютно, тепло, но темно — от черных веток ели, свисавших на окна. На столе горела семилинейная керосиновая лампочка. От самовара пахло перегоревшими еловыми шишками. Мартынов, Глотов, шофер и Дорохов — сурового вида мужчина, с лохматыми русыми бровями и такими же русыми усами,— сидели за столом. Жена Дорохова в другой комнате, в кухне, рубила солдатским ножом-финкой в деревянном корыте тыквы на корм свиньям.

Дорохов взял поллитровку, в которой оставалось немного водки, поглядел на свет.

— На слезы оставили. Давайте уж допьем.

Разлил водку по стопкам.

— Закусывайте грибами. Вот еще штука — моченый терн... Чем хороша лесная жизнь, уж этого добра — грибов, ягод всяких — пропасть! Рыбы здесь в речке, не полениться — каждый день будешь со свежачком. Охота хорошая, особенно в перелет, на Чистом озере. Между прочим, знаю место, где волки держатся, два старика и два переярка. Можно обложить. Если занимаетесь этим делом, товарищ Мартынов, приезжайте с ружьем — организуем облаву.

— Да надо бы как-то вырваться к вам сюда на денек, отдохнуть.

— Тихо здесь у вас,— сказал Глотов.

— Не всегда тихо. В бурю ух как шумит лес! Земля стонет. Вот эта ель так качается — того и гляди угол избы свернет. И рубить — жалко. Красавица!..

Дорохов налил всем чаю, подвинул на середину стола тарелку с сотовым медом:

— Кушайте. Тоже — своего производства.

Мартынов с аппетитом выпил два стакана чаю, устало откинулся на спинку деревянного крашеного дивана.

— А говорили мне, товарищ Дорохов, что вас судили за дуэль.

— Какая дуэль! — угрюмо усмехнулся Дорохов.— С чего бы это я стал старые офицерские обычаи возрождать? Да и не тот случай, когда на дуэль вызывают. Просто — убийство, самое настоящее. Я и на суде так говорил: «Разбирайте мое дело как убийство. Если он случайно жив остался — то мне не в оправдание. Если бы та женщина не подтолкнула меня, я бы ему попал куда нуж-

во! На таком расстоянии, на пятнадцать метров, я из хорошего пистолета в гривенник не промажу».

— Какая женщина? Жена?

— Нет...

— Так ты уж расскажи нам все по порядку, Дорохов,— сказал Глотов.— Что за человек, как вы с ним встретились, из-за чего это у вас получилось?

— Да, видно, придется рассказать...

Дорохов оторвал угол газеты, которой поверх скатерти был застлан стол, свернул толстую цигарку, прикурил от лампы.

— Встретились мы с ним в поезде, когда ехал я домой после демобилизации. Фамилия его Калмыков, четыре звездочки было на погонах — капитан. Разговорились,— оказывается, в одной дивизии служили и даже в одном госпитале лежали, только в разных отделениях. И ехать нам по пути: мне в Марьино, ему в Соломенский район, двадцать километров дальше... Пришли мы со станции пешком в село. Устали, напрямик шли без дороги, снег глубокий, по колено. Часа два было, солнце по-зимнему уже — к закату. Ему уж сегодня домой не дойти. Ну, где бы нам тут заночевать?

— У тебя что — никого родных не было в Марьине? — спросил Глотов.

Дорохов помолчал:

— Были. Жена была... Не эта. Первая жена. Но к ней я не пошел. А больше родных не было... Там, в Марьине, как перейдешь мост, жила одна наша колхозница, Полина Егоровна Черноусова, тетя Поля мы ее звали. До войны работала кухаркой в тракторной бригаде. Долго работала, лет семь. А после освобождения, когда восстановили МТС,— года два, да пока и война кончилась, работала бригадиром тракторной бригады. Вы должны бы ее знать, товарищ директор.

— Нет, не знаю, не слыхал.

— Да, вы сюда позже приехали... Вот к этой тете Поле мы и завернули с капитаном. Обрадовалась, захлопотала! Я же у них председателем был до войны. Затопила печку, курицу стала ловить в сенях. «Да что мы, говорю, фрицы, чтоб твою последнюю курицу сожрать?» Не дали ее зарезать. В хате бедность, сорок четвертый год. Топчаны немецкими травяными мешками застланы, стол из снарядных ящиков, консервные банки вместо тарелок. Так меня эта бедность резанула по сердцу! Они хорошо жили, Чер-

ноусовы, два сына ее работали в бригадах, трудодней до тысячи имели семьею, одного хлеба получали тонн по пять... Сварила она щей, картошки, самогону принесла. И у нас был спирт, консервы. Сели обедать. Она нам рассказывает, что они переживали тут при немцах, кто был в партизанах, кого повесили, кого расстреляли, как разорили колхоз и с чего они начали после освобождения, как тракторы из выбракованных деталей собирали, как она подучилась на месячных курсах и сама села на машину — некому было больше, старики да детишки остались... Спросил я ее про жену. Подтвердилось, о чем мне на фронт писали. «Ну что ж, говорю, тетя Поля, мы у тебя здесь и заночуем. А завтра подумаю — где жить, как жить...»

И вдруг этот мой попутчик, капитан Калмыков,— его развезло, прилег на лавке, но, видно, не спал, слушал,— поднимается, перебивает наш разговор. Я ж его совсем не знал — кто он, что он. Случайно встретились в дороге. Красная звездочка на шапке, серая шинель, а что под той шинелью?.. Хлопнул он еще полстакана спирту и такое понес! «Слушаю я, говорит, вашу беседу и вижу, что вы тут после такой разрухи на двух клячах двадцать лет будете сельское хозяйство восстанавливать. А можно быстренько его восстановить!» — «Как быстренько?» — спрашиваем его. «А так. Раздать ту землю, что у вас гуляет под бурьянами, хозяевам, кто сколько поднимет,— каждый бы для себя постарался!» Тетя Поля смотрит на меня: что за человека ты ко мне привел? Наш офицер, а что говорит!.. «А чем же стараться? — спрашивает.— Голыми руками?» — «То-то и оно, что остались вы с голыми руками. И тракторы не ваши, чужие. А лошади где? Хозяин бы своих лошадок сберег! В лесу, в буераках прятал бы, пока фронт пройдет! Свое, кровное!.. Эх, дали бы мне волю! Сто гектаров сам посеял бы! Для начала!» — «У тебя, говорю, капитан, в Соломенском районе поместье, что ли?» — «Вот оно — поместье!» Взял на колени мешок, стал копаться в нем. Выкладывает на стол золотые часы, портсигар золотой, какие-то брошки. «Вот, говорит, для начала!.. За эти часы взял бы пару волов; может, еще и с телегой. За эту штуку — сеялку, веялку, полный прицепной инвентарь! А вот — дамские, обратите внимание на отделку, эти камешки не простые! За эту вещичку мешок денег дадут! — Хохочет.— Что, майор? Есть для начала?» — «Вполне,— говорю я.— Тут такое кадило можно раздуть!» — «То-то же!.. На хозяйство бы это все пере-

вести! А деньги — что. Деньги — пропить, прогулять!..» — «Не у всех же такое богатство,— говорит тетя Поля.— А мне с чего начинать? И коровы нет!..» — «Ко мне пойдешь. Прокормлю! Не одну такую, как ты, прокормлю! Возле сильных хозяев и вы не пропадете!» Смотрю я на тетю Полю — стоит она возле печки, прислонилась к стене, лицо белее мела. А он все копается в мешке. «Вот, говорит, «вальтер» трофейный... Пойдем, майор, постреляем во дворе в цель?» — «Я, говорю, свой «ТТ» в госпитале сдал».— «Из этого постреляем». Вынул обойму, пересчитал патроны. «Четыре штуки. Хватит».— «Идем, говорю, постреляем». Сгреб он со стола в карман часы, брошки, накинул шинель, пошел, шатается. «Во что будем стрелять?» — спрашиваю. «Возьми консервную банку». И тетя Поля накинула шаль — за нами. Укрепил я банку на дереве, в ветках, против заката, отсчитал двадцать пять шагов. Стал он на черте. И ведь как пьян был, а взял оружие в руки — весь как-то подобрался, напружинился, перестал даже шататься. Первым выстрелом — прямо в центр донышка, вторым — туда же, чуть расширил пробоину. «Метко, говорю, стреляешь, капитан!» — «Неплохо. Давай ты». Я взял у него пистолет, отошел в сторону. «Ну, говорю, ты в банку, а я тебе в пуговицу попаду. Вон в ту, с левой стороны». Тетя Поля как закричит, бросилась ко мне с порога. «Эти люди, говорю, колхоз, как самое святое, берегут! А ты!.. Ее — в батрачки?.. Застрелю гадину, чтоб от вас, таких, и племени не было!» А тетя Поля на руке у меня висит. Выстрелил — вот сюда попал, под ключицу. Рана была большая, много крови вытекло, так что тете Поле пришлось бежать в больницу за врачом, унесли его туда на носилках... Да, я два раза стрелял, у нас же четыре патрона было. Опять она помешала мне прицелиться — погон с шинели сорвал ему второй пулей.

Вот и все. Вот так у нас получилось. Утром меня арестовали. Сидел до суда. Отобрали партбилет, ордена. Потом судили. Приговорили на десять лет. Я обжаловал в Верховный Совет. Описал подробно все, как было. Показания Черноусовой были на суде. Оттуда затребовали мое дело. Через месяц пришло помилование. Пытался в партии восстановиться. А у нас до Борзова был секретарем райкома товарищ Слепченко. Больше всего на свете не любил дебоша, пьянства. Если человек вообще дело завалил, но по характеру смирный, непьющий,— это ничего, прощал. Не восстановили меня здесь. Писал в Москву.

Вызывали два раза, а я лежал больной, очень тяжело болел после фронта, полгода с постели не вставал. Настя вот меня выходила, с ложечки кормила. Не мог выехать. Так дело и заглохло за давностью... Предложили мне эту работу — пошел. Лес сторожу... Колхозники в «Родине», когда там дело не сладилось при новом руководстве, выбрали было меня опять заочно в председатели, до райкома дошло — там не согласились. Для укрепления парторганизации послали туда коммуниста. Вот так я здесь и присох... Еще чайку по стакану? Настя! Самовар остыл.

Жена Дорохова, маленького роста, полная, с некрасивым, изрытым оспинками лицом, унесла самовар на кухню.

— А не знаете, где сейчас этот Калмыков? — спросил Мартынов.

— Знаю. Живет в Соломенском районе, в селе Гришино. Моя первая жена оттуда родом...

Дорохов нагнулся, пошарил рукой под диваном, вытащил оттуда еще поллитровку, ударом ладони вышиб пробку, разлил водку — гостям в те же небольшие стопки, себе в чайный стакан, залпом выпил. Мартынов с удивлением посмотрел на него.

— Если уж на то пошло,— после недолгого молчания заговорил Дорохов,— расскажу вам все до конца — откуда пошли такие слухи, будто я из ревности хотел его застрелить... Первая жена моя, Ольга, когда я воевал, была в партизанском отряде в Каменских лесах. И там она сошлась с одним удальцом, Гришкой Соболевым. Красавец парень. Председателем сельсовета в Михайловке работал. Под стать ей. Она тоже красивая женщина.— Дорохов оглядел стены, где, вперемешку с репродукциями из «Огонька», были развешаны фотографии.— Хотел вам показать ее карточку. Не осталось ни одной, Настя все пожгла... Вот об этом мне и написали на фронт. Недолго она жила с ним. Вскружил ей голову, но все же она сама разобралась в нем. Бросила его. Он там и с другими женщинами путался. Да и удальство-то его было дурацкое, показное. А обо мне прошел слух, что я погиб под Киевом. Пришел один наш солдат домой в первые месяцы войны и рассказал Ольге, что сам видел, как меня хоронили. Было такое, да. Несли уже меня к братской могиле, но в последнюю минуту заметили, что я дышу,— вместо могилы в медсанбат отправили. Оттуда в тыл, за Волгу, вывезли. Потом я опять на фронт попал...

— Так что, если разобраться, товарищ Дорохов,—

вставил слово шофер,— может, она, жена ваша бывшая, и не виновата?

— Может, и не виновата... А Гришку Соболева повесили немцы. Рассказывали мне партизаны: вдвоем с таким же отчаюгой сделали налет в Христофоровке на спиртозавод. И, может, удачно обошлось бы у них — часть охраны перебили, остальных загнали в караульное помещение и предупредили, чтобы не выходили до утра: заминированы, мол, все двери и окна,— если б сами не напились там, как свиньи. Чуть тепленьких взяли их немцы утром у одной гулящей бабы. Вот... В ту ночь, как случилось у нас это с Калмыковым, Ольга приходила ко мне. Тетя Поля забежала к ней, сказала, что я вернулся... Сижу один в пустой хате за столом — тетя Поля ушла в больницу,— на полу кровь, перевязывали его в хате, «вальтер» на столе, хмель меня как-то сразу разобрал, уронил голову на руки — и заснул после всего. Чую — в ноги холодом от двери тянет. Поднял голову — Ольга на пороге. «Вася, родной, говорит, прости меня!» Ни словом не упрекнула: что ты, мол, здесь наделал? — должно быть, тетя Поля рассказала ей все в подробностях. Вытерла тряпкой кровь на полу. «Пусть тебя, говорит, хоть в тюрьму — и я с тобой!» — «Не нужна ты мне, говорю, ни здесь, ни в тюрьме». И еще приходила она ко мне, когда уже меня освободили, звала домой. Просила, чтоб выслушал я ее — что с нею было, как было. Не стал я слушать. Закаменело как-то сердце. У нее от Гришки и ребенок был, умер в лесу. Уехала она к родным в Соломенский район. Хату закрыла на замок, мне ключ прислала. Я потом, когда поступил сюда в лесники, пустил в свою хату квартирантов... И вот там уже, в Соломенском районе, сошлась она с Калмыковым. Как они познакомились — не знаю. Он там сначала на лесном складе работал, проворовался, как-то выкрутился. А сейчас просто существует под видом инвалида, пенсионера. Построил себе дом кирпичный, полный двор свиней, гусей, огород, «Москвичом» обзавелся. Как она, партизанка, с этой сволочью сошлась?.. Или, может, с обиды, с тоски, что я ее не простил? Хоть к черту в омут! Выходит, я ее погубил?.. Или — назло мне: «Вот ты его убивал, да не добил, а он теперь — мой муж!»

Дорохов налил еще всем водки, себе опять — больше. Мартынов покачал головой, отодвинул стопку.

— Вот отсюда, товарищ Мартынов, и пошли слухи, что у меня с Калмыковым дуэль была из-за жены. Слышали

люди звон, да не знают, откуда он. Сплетнями обросло. Знают, что я чуть не убил его, знают и то, что он сейчас с моей женой бывшей живет... А на суде он говорил, будто я на его драгоценности польстился. Хозяйка, мол, моя сообщница. «Это, говорит, честные трофеи, я не советских граждан грабил, а у фашиста взял, которого сам убил». А от этих слов, насчет батрачек, отказался... Вот так и живу. Жизнь себе испортил из-за этого гада!

— Про вас, товарищ Дорохов, в «Родине» люди говорят, что вы до войны почти не пили,— сказал наугад Мартынов: он еще не разговаривал с колхозниками «Родины» об их бывшем председателе.— Не слишком ли вы стали здесь увлекаться этим зельем от скуки?

— Слишком, слишком! — сердито заговорила, выйдя из кухни, Настя.— Хоть вы его поругайте, товарищ Мартынов! Редкий день обходится, чтоб не напился к вечеру. Ольгу, что ли, не может забыть, красавицу свою? Или в село его тянет, к людям?

— Могу бросить,— твердо сказал Дорохов и тоже отодвинул стакан.— Нужно будет для дела — совсем брошу!

— Да,— кивнул Глотов,— если бороться с этим зельем, скажем, в колхозе, то председателю первому нужно бросить. Ты же и не учуешь, от кого в рабочее время водкой несет, если сам хоть сто грамм выпьешь.

— Председателю?..— Дорохов взглянул в глаза Глотову, Мартынову.— Вот что... За этим приехали, товарищ Мартынов?

— А как — есть желание?

— В колхоз?.. Что ж, скажу прямо — согласен. Ежели считаете, что я уже довольно наказан... Пойду! В какой угодно колхоз пойду! Самый отстающий колхоз дайте! Соскучился я по живому делу!..

Мартынов помолчал.

— Подумаем, товарищ Дорохов.

— А что это за тетя Поля, что тебя подтолкнула? — спросил Глотов.— Бригадиром у нас, говоришь, работала? Где она сейчас? Как работала? Что за женщина? Расскажи-ка подробнее.

— Черноусова, Полина Егоровна. Сейчас в Марьине живет. Хату продала — она у нее от бомбежки почти развалилась, отремонтировать силы не было,— при сельпо на квартире живет, уборщицей в сельпо работает. В самое трудное время была бригадиром в МТС. А потом ваш предшественник, директор, товарищ Христич с главным

механиком ее крепко обидели. При сборке машины трактористы забыли в картере ключ. Запустили мотор — ключ попал под шатун, побил поршень, коленчатый вал. Что-то много вычли у нее из заработанного за ту машину. Чуть не во вредительстве ее обвинили. Ушла из МТС, поступила в сельпо... Женщина — золото, я вам скажу, товарищ Глотов! Что характер, что руки! Способности к технике я у нее еще до войны замечал, когда она была кухаркой у трактористов. Бывало, чистит картошку, а сама все видит, слышит — как трактористы машины разбирают, как какую деталь называют, для чего она служит, эта деталь. Подучилась на курсах — сама стала трактористкой.

Дорохов вдруг неожиданно рассмеялся:

— Приезжаю я как-то к ним в бригаду, смотрю — что за механизация? Тетя Поля бросает в цилиндр куски теста, ребята берут поршень, вставляют в цилиндр, нажимают и снизу — вермишель тоненькими колбасками вылезает. Оказывается, это она придумала. Накрошить ножом лапши на такую артель — дело нелегкое. Облюбовала старый блок, показала ребятам, как заделать снизу цилиндр, сколько дырочек в дне провертеть, как его на станок установить, обмыла старый поршень и соорудила пресс. Час работы — на неделю запас вермишели!..

— Что ж, разыщем и тетю Полю. Ну, спасибо за угощение хозяйке и хозяину! — сказал Мартынов, прощаясь.— И хозяйке, должно быть, наскучило здесь, в глуши.

— А, не говорите! — махнула рукою Настя.— Не захотела бы и грибов этих, и ягод!.. Я в большом хозяйстве привыкла работать, за общественным болеть, а не за своей крохоткой. Опять же тут — ни кино тебе, ни собрания никакого!.. Я в «Родине» дояркой работала. Меня в сорок первом к ордену представляли, на выставку утвердили, в Москву собиралась поехать, да война все перекорежила...

— На мое место легче найти человека, товарищ Мартынов,— сказал Дорохов.— Какого-нибудь любителя природы, охотника. На любителя тут — рай земной!

— В раю волки не воют,— засмеялась Настя.— А тут как устроят концерт в Кривом логу! Ну, до чего ж интересно, скажите, товарищ Мартынов, воют! С переливами как-то, на разные голоса. Чисто песни играют!..

Дорохов, без шапки и стеганки, и жена его, в одном платке, проводили гостей за ворота, и пока машина не скрылась за поворотом лесной дороги, в гуще дубов, стояли у плетня, смотрели вслед ей.

В дороге Мартынов сказал Глотову:

— Расскажи все Марье Сергеевне. Пусть разыщет эту тетю Полю. Подумайте,— может быть, стоит вернуть ее в МТС? А я в «Родине» разузнаю о Дорохове, как он работал. Если верно хороший организатор, честный парень, порекомендуем его опять туда. Колхоз надо вытягивать. Куценко не справляется. И к тому же по последней ревизии с кассой у него нечисто... Подумаем и о его партийном деле. Трудно будет восстановить, много времени прошло. Может быть, заново пусть подает?.. А насчет Ольги — тут мы ему, пожалуй, ничем не поможем...

Марье Сергеевне не пришлось долго искать в селе тетю Полю. Первая женщина, у которой она спросила, встав с саней возле конторы Марьинского сельпо, где живет уборщица сельпо Черноусова, и оказалась сама Полина Егоровна Черноусова.

— Из МТС? Ко мне?.. Собралась было на почту посылку от дочки получить... Ну ладно, пойдемте в хату.

Полине Егоровне было лет под пятьдесят. Высокая, в меру полная женщина, быстрая в походке, ловкая в движениях, из тех, видно, про которых говорят, что у них на работе «все горит в руках». Жила она во дворе сельпо, в маленькой рубленой пристройке к зданию магазина,— одна комната.

Женщины как-то легко и просто разговорились, когда Полина Егоровна узнала, что ее гостья тоже бывшая трактористка — знаменитая Маша Громова.

— Давно я не была в Семидубовке,— говорила Полина Егоровна, прибирая в комнате, одергивая занавеску на окнах.— Года три не была. Нету дела туда... Ну, как оно там при новом директоре?..

— Люди нужны нам, Полина Егоровна,— приступила к делу Борзова.— К весне хотим организовать женскую тракторную бригаду. Я уже выяснила: в колхозах много есть бывших трактористок. И, говорят, хорошо работали. Со стажем трактористки. Да вот и вы бригадиром были, бросили, ушли из МТС. Разве вам здесь интереснее?.. Скоро получим двенадцать новых тракторов «ДТ», гусеничных. Незнакомы с этой маркой? Хорошие машины. И придется сажать на них новичков. А что поделаешь? Посадить курсанта на старую машину, изношенную, с капризами,— с нею он вовсе не справится. И из новой ма-

шины он и половины не выжмет того, что опытный тракторист выжал бы!

— Куда мне в моих летах на трактор? — сказала Полина Егоровна.— Для чуда, что ли? Одна такая — на всю область людям на удивление. Старая баба — на тракторе едет!

— Ого, старая! Мне ваши бывшие трактористки рассказывали: «Если уж тетя Поля одной рукой не сорвет ручку с места, значит, перетянули подшипники».

Женщины засмеялись.

Полина Егоровна присела у стола, помолчала с минуту, перебирая в пальцах бахрому вязаной скатерти:

— Какой уж тут интерес, Марья Сергеевна, на моей теперешней работе! Полы мою в конторе, в нужнике, простите за выражение, чистоту навожу, печки топлю. Живу так, лишь бы где-то при месте быть. Кабы ничего другого не умела!.. Может, нехорошо я сделала, что ушла из МТС, но, скажу вам, и так, как со мною поступили,— тоже нехорошо! Отплатили мне за мое старание! Чурки с глазами, бездушные!.. Как нам было трудно в первую весну после немцев! Двадцать машин собрали кое-как. Горючего не хватало. Из старых бригадиров только двое вернулись. Пришли по ранению на поправку, ну, тут уж мы стали просить военкомат, чтоб оставили их совсем, бронь им дали, без них бы нам пропадать. Все — неопытные, девчата, ребятишки. У меня в бригаде был Миша Брагин, в армии сейчас он. По годам уже и не дите, шестнадцать лет, но такое малюсенькое — за рулем не видать. Если выпадет ему в ночную смену заступать — и сама не отхожу от машины, душа болит за него. Весна была холодная, ветры, одежонка на нем плохая. Сядешь где-нибудь под скирдой и наблюдаешь. Гудит мотор, движется огонек — пашет, значит, Миша. Смотришь: остановился огонек, и мотор заглох, так и знай — заснул. Подойдешь — трактор стоит, фонарь горит, они оба с прицепщиком залезли под теплый мотор погреться и заснули там. Растормошишь, растолкаешь — еще немного поработает. Эх! Прогонишь его в вагон, а сама — за руль. Станешь будить его на зорьке — холодно, вагон аж качает от ветру, он кутается с головою в свой драный кожушок, брыкается: «Мама! Мама! Не буди, я еще немножко посплю». Да я же тебе не мама. Его мать немцы расстреляли. Всех жалеть — что ж оно получится, когда же мы вспашем, посеем?.. Вот с такими орлами мы тут и поднимали хозяй-

стве. Два лета и еще одну весну поработала я бригадиром. До полной победы, пока и фронтовики стали возвращаться... И тут случилось это несчастье у нас. Разбили мотор. Ключ оставили в картере. Каких я только слов не наслушалась! И срывщица сева, и враг народа! Не вошли в мое положение. Да я перед тем, как мы ту машину собрали, три ночи не спала. Я там в картере не только ключ — голову свою могла забыть! Удержали с меня за ремонт чуть не все, что за весну заработала. Потому и поступила я вот сюда, в сельпо. Жить-то чем-то нужно. Дочка при мне была, ученица. И в МТС нечего получать, и в колхозе уже не заработаешь — пол-лета прошло. А тут было тогда — хоть буханку хлеба без очереди в магазине возьмешь.

— Ох, тетя Поля, поверьте мне, сейчас бы так с вами не поступили! — Борзова, протянув руку через стол, тронула за локоть Полину Егоровну.— И секретарь райкома у нас другой, и директор МТС товарищ Глотов,— он-то, конечно, с недостатками старик, но тракториста не обидит... А эту скатерть вы сами вывязали?

— Сама... Работа-то у меня какая. До света встану, подмету, поскребу порожки, затоплю печи, а еще что делать?.. Нравится? У нас таких ниток в продаже нет. Это мне дочка из Ленинграда прислала нитки. Студентка, учится там.

— Красивый рисунок.

— А вы сами не рукодельница?

— Как вам сказать... Некогда этим заниматься. Вот когда работала директором «Сортсемовощи», училась вязать. Работа спокойная, посетителей мало. Закроемся с бухгалтершей в моем кабинете и вяжем.

Тетя Поля пристально поглядела на свою гостью:

— А я где-то вас видела, Марья Сергеевна. В правлении сельпо, кажись. Вы сюда приезжали по каким-то семенам... Вы не товарища Борзова супруга?

Пришлось Марье Сергеевне рассказать тете Поле и о своих личных делах — как получилось, что Борзов уехал в другой район, а она осталась здесь.

...Разговор у женщин, затянувшийся до вечера, закончился тем, что тетя Поля дала согласие поработать еще года два в МТС.

— Это вы правильно придумали — девчат на машины сажать. Надо, надо приспосабливать их к этому делу! В случае чего, ежели эти оглоеды, что войною грозятся,

опять, как Гитлер, такую кашу заварят, мужики, что ж — на то они и мужики: «По ко-оням!» А бабам — хозяйство беречь... Но все же возраст у меня уже неподходящий, Марья Сергеевна. И силенка не та, и одышка. Поработаю временно, пока смену себе в бригаде подготовлю. Подучу девку, приведу к вам, скажу: «Вот вам бригадир, ручаюсь за нее, как за себя!» А мне уж тогда — на пенсию, что ли? Или — опять трактористам щи варить?..

Директор МТС Глотов и секретари райкома одобрили возникшую у Марьи Сергеевны идею: организовать в Семидубовской МТС женскую тракторную бригаду.

В воскресенье Марья Сергеевна и Глотов приехали в колхоз «Родина», где в клубе собралось человек двадцать бывших трактористок — из Марьина и соседних сел. Были среди них и молодые женщины, и пожилые, и девушки.

По разным причинам бросили они машины. Та вышла замуж, мужу не понравилось, что она редко дома бывает; у той родился ребенок; ту обидел колхоз расчетом: выдал по трудодням гнилое зерно; той досталась очень старая, изношенная машина, а директор этого не учел, не повысил норму горючего, за перерасход удержали триста рублей; ту отпугнули грубость, ругань бригадира; та, может, и продолжала бы работать, если б одни девушки были в бригаде, а то бригада смешанная, парни-охальники пристают, поработать с ними год — потом и жениха не найдешь.

На этом совещании, неожиданно для Марьи Сергеевны, флегматичный Глотов вдруг произнес вдохновенную речь о поэзии механизированного труда.

— Женихи, конечно, дело для вас, девчат, большое, отпугивать их от себя не следует. Поэтому мы идем вам навстречу и создаем исключительно женскую бригаду. Ну, может, какой-нибудь водовоз у вас будет мужчина, только всего. Старый дед вроде меня. Это не опасно. К такому женихи не приревнуют. И в бригадиры подберем женщину. Вот Полину Егоровну назначим бригадиром. Стало быть, насчет матерщины вопрос тоже отпадает. Этих похабных слов от нее вы не услышите. Как, Полина Егоровна? Или сможешь загнуть не хуже мужика?

— Что вы, товарищ директор! — покраснела тетя Поля.

— Вот, значит, соберется у вас своя женская компа-

ния. Тишь и гладь — как на базаре... А работать вам теперь будет легче. Машины у нас сейчас хорошие. Почти обновился тракторный парк. Таких гробов, что только горючее жрут, уже нет. За расчетами колхозов с трактористами мы нынче следим строго, и райком нам помогает. Обещаю вам твердо, что с заработком никого не обидим! И еще скажу вам по секрету: дела здесь, в колхозе «Родина», должны бы пойти на лад. В следующее воскресенье у вас будет отчетно-выборное собрание. Райком рекомендует вам бывшего вашего председателя товарища Дорохова.

Женщины, марьинские колхозницы, зашумели:

— Давно просим Дорохова!

— Пять лет у нас работал, во как колхоз поднял!

— Грамотный, образованный, хозяйство понимает.

— Не грубиян, с народом советовался.

— При нем и вагончик был хороший у трактористов, и кормили хорошо.

— Насчет вагончиков я вам скажу, девчата,— продолжал Глотов,— что это еще не предел нашей заботы о трактористах. Вот тут говорили замужние женщины: редко приходится бывать дома, мужья обижаются. Так и мужчине-трактористу опять же плохо быть все лето в отрыве от семьи. Хороший полевой вагончик — это уже дело пройденное. Нынче, при нашем транспорте, у нас есть возможности возить на машинах смену домой, если трактора далеко от села работают, и опять же привозить обратно в бригаду. Этот вопрос мы продумаем!

Так какие же препятствия остаются, товарищи женщины? Единственно — было бы ваше желание освоить новую технику. Да как вы могли бросить такую почетную специальность? Неужели вам в горшки заглядывать интереснее, чем заглядывать на тысячи гектаров? Тракторист — самая главная должность в селе. Тракторист — великан, богатырь, вот кто есть тракторист нынче в колхозе! Вспахать тысячу-полторы гектаров в переводе на мягкую пахоту — это что такое? Махина! Вот что может сделать один человек, когда у него в руках техника! Тысяча гектаров! Это вам не чулок связать, не портки мужу выстирать!

— Так от портков никуда не денешься, товарищ директор! — возразила одна трактористка.— Все одно в дождь либо как подменят тебя на день, прибежишь с поля домой — и за портки!

— Одно дело,— с пафосом продолжал Глотов,— когда портки являются у тебя, так сказать, основным в жизни, а другое дело, когда, кроме портков, есть...— замялся, подыскивая нужное слово.

Ему помогла закончить другая трактористка, немолодая женщина, вдова, и под общий хохот, закрывшись шалью, спряталась за мощные плечи сидевшей впереди Полины Егоровны.

— Да,— не смущаясь продолжал Глотов,— вижу, что мужчину вам в бригадиры давать нельзя. Не вы от него, а он от вас наслушается разных словечек!..

— Да что вы нас корите горшками да портками, товарищ директор,— заговорили женщины.— Будто мы все в домоседок превратились? Мы в колхозе работаем!

— Это не работа, а преступление! Все равно, как бы к дизелю прицепить двухкорпусный плуг с «фордзона» и гонять его порожнем. А он может двенадцать корпусов потянуть! Та в детяслях нянькой, та в звено пошла, на деляночках с сапкой копается, та телефонисткой на почте заделалась. Одна, говорят, здесь, в «Родине», даже в крысоловы определилась, грызунов в амбарах травит. Подходящее для трактористки занятие! Да как вам самим не тошно? Неужели не просит душа простора?.. «Развернись, плечо, раззудись, рука!» — как писал поэт Кольцов! Вся колхозная степь, а не деляночка, не телефонная трубка — вот ваш масштаб жизни!..

Из двадцати бывших трактористок, собравшихся в клубе, восемь девушек и женщин заявили о своем желании вернуться на машины. Тут же, в их присутствии, директор написал приказ об организации новой тракторной бригады в Семидубовской МТС, под номером семнадцатым, и о назначении бригадиром этой бригады Полины Егоровны Черноусовой.

К весне все должны были освежить свои технические знания, пройти переподготовку на курсах и практику в ремонтных мастерских.

Вечером, после заседания бюро, на котором в числе других вопросов было принято к сведению сообщение Глотова и Борзовой об организации женской тракторной бригады в Семидубовской МТС и предложено и другим директорам подумать о возвращении на машины старых трактористок, Мартынов задержал Глотова в своем кабинете.

— Виделся я в обкоме с бывшим секретарем Кружилинского райкома, где ты до войны работал директором МТС,— сказал Мартынов.— Очень тебя хвалил. Одна из лучших в области, говорит, была МТС... Ну почему у нас Семидубовская МТС сейчас — средненькая? Почему ты, Иван Трофимыч, в последние годы хуже стал работать? Почему, прямо скажем, уши опустил?

— Уши я не опустил, Петр Илларионыч! — твердо ответил Глотов.— Я сам колхозы создавал, первые тракторные колонны организовывал! Я сотни таких колхозов видел, где жизнь уже — сад цветущий, то, о чем старым революционерам на царской каторге лишь мечталось!.. Я тоже, как Дорохов, пулю пустил бы в того, кто задумает колхозный строй подорвать!.. Но очень уж много развелось у нас возле колхозного строя бюрократов!

— Устал с ними бороться?

— Так не поборешь их! Не в моих силах.

— Ой ли?..

— Ну, если, скажем, в области спланируют чего-нибудь так, что все твое к чертям насмарку,— что я сделаю?.. Или — приехал какой-нибудь представитель. Ты тут все тщательно продумывал, расставлял, увязывал, как разные работы сочетать, чтоб ничему не в ущерб, чтоб и на будущий год нам с хлебом быть. А он — слушать ни о чем не хочет! Давай ему только то, за чем его послали. Ему лишь свое выполнить, командировку отметить да поскорее домой, в баню, к жене. Приказывает, угрожает! Так на кой леший я здесь нужен, директор? Садись в мое кресло и командуй за меня!

— Больно податлив! Первому встречному свое кресло уступаешь! Тебя Центральный Комитет посадил в это кресло!.. А ты не пробовал жаловаться на таких гастролеров в обком, в Цека?

— До бога высоко, до царя далеко.

— Вот за эту поговорку тебе выговор следовало бы влепить!

— Валяй до кучи. Их у меня есть уже штук пять. От Борзова, от Слепченко. От тебя еще не было... Дураков, дураков, Петр Илларионыч, и на пушечный выстрел нельзя допускать к сельскому хозяйству! Нет худшего оскорбления для трудящегося человека, как труд его в ничто превратить! А мы это частенько делаем. В позапрошлом году весною Борзов с уполномоченным обкома заставили меня свеклу в грязь сеять. Дожди, растворило почву в

кисель, выждать бы денек-два, пусть солнце блеснет, ветерком чуть продует,— нет: «Сей, не то на бюро вытянем, партбилет положишь!» Им, видишь ли, к двадцать пятому надо во что бы то ни стало в сводку эту свеклу включить. Да я же старый хлебороб, с десяти лет землю пашу, что ж вы издеваетесь над землею и надо мною? Не будет здесь урожая!.. Ну что ж — посеяли двести гектаров. Заелозили, замазали почву, после дождей сразу — жара, засушило, взялась земля коркой, как цементом поле залито,— ни одно семечко не дало всхода. Пришлось пересевать. По сорок центнеров взяли там свеклы, вместо двухсот по плану. Порадовали людей урожаем!.. В деревне такому человеку, что ничего не понимает в сельском хозяйстве и понимать не хочет, дать такому человеку власть — все равно что сумасшедшему в руки оружие вложить. Он тебе наделает делов!..

— Хуже бывает, Иван Трофимыч,— заметил Мартынов.— Иногда и знает человек сельское хозяйство, прекрасно понимает, что не то делает, а все же делает — противное своей совести.

— А что его заставляет идти против совести?

— Что заставляет? Это большой вопрос... Как говорится: «Страха ради иудейска», так, что ли?

— Да страх-то откуда взялся?.. Молчишь?

— Молчу. Сам об этом думаю: откуда страх взялся?.. А все же, Иван Трофимыч, как бы ни было, ничто не мешает тебе работать в МТС лучше со своими людьми.

— Работал... Было и у меня соревнование, флажки, рекордами гремели. Я бьюсь, стараюсь, убеждаю ребят лучше работать: «Ваш ударный труд оценят по заслугам, не пропадет ваше!» А потом из-за каких-то дуроломов и колхозы без урожая остаются, и мои трактористы больше минимума не получают. Только и награды, что в приказе благодарность им объявишь...

— До войны, говоришь, хорошо работал?—продолжал, помолчав, Глотов.— Что — до войны. Другая была обстановка. И мы другими были. До войны и я двух сыновей растил. В каждой семье — радость, довольство... А вот как пришли мы сюда, на эту окровавленную землю, в сожженные села, вдовы, сироты,— тут надо по-особому, душевно как-то к народу подойти! Тут уж каждый бюрократ, шкурник — вдесятеро стал нам страшнее!..

— Это все верно,— сказал Мартынов.— Умные ты слова говоришь. А все же нытик ты, Иван Трофимыч! И па-

никер! «Бюрократы, бюрократы!» А бороться с ними и не пытаешься. Свое кресло уступаешь им!.. Ну как ты боролся с ними? Вслед им черта шепотом пускал? Кукиш в кармане показывал?..

— Ты меня не обижай, Петр Илларионыч! — Глотов встал, багровый, взволнованный, и на глазах его даже блеснули слезы.— Я старый член партии. «Нытик!» «Паникер!» Еще, может, оппортунистом назовешь? Ты меня спросил: «Почему хуже работаешь? Устал, что ли?» Я тебе по-честному признался: устал. Вот от всего этого, о чем тебе рассказываю, устал. От безалаберщины! И от канцелярщины, от бумажек! Не то, вижу, делается, не так бы нужно! Почему политотдельские времена забыли, когда бумажек почти не писали и не заседали, но зато с народом работали?.. И оттого устал, что в райкоме помощи не было. То не помощь, когда тебя зовут на бюро лишь для разноса за какой-то «срыв». А почему срыв, отчего срыв — никто не хочет разобраться!.. Устал, говорю, да. На первый вопрос ответил тебе. Но ты же меня не спросил: «А как дальше будешь работать?» Спросил бы — я б тебе и на этот вопрос ответ дал... С тобою буду работать, Петр Илларионыч! Свежим ветром подуло у нас в районе, как ты заступил за первого. Без лести говорю тебе это. Только вот боимся все за тебя: не укатали бы сивку крутые горки!..

— От Борзова на прощанье слышал эти слова и от тебя слышу,— нахмурился Мартынов.— Какие горки? Еще спрашиваешь, откуда взялся страх! Вот вы сами такие и выдумываете себе страхи! Собственной тени стали пугаться.

— Ну, положим, когда запишут тебе строгий выговор в личное дело,— это уже не тень...

Глотов мягко, как-то необычно для его тяжелого, оплывшего, неподвижного лица, улыбнулся, тронул за плечо Мартынова:

— Ладно, не сердись, Илларионыч! Так, по глупости сказал... А меня не торопись сдавать в архив. Устал — это еще не дуба дал. Устал, отдохнул — и дальше пошел!..

4

В Доме культуры проходило собрание районного партийного актива.

Доклад об итогах недавно состоявшегося пленума об-

кома сделал председатель райисполкома Руденко: Мартынов, простуженный, осипший, с обвязанным шерстяным шарфом горлом, не мог громко говорить, а второй секретарь райкома Медведев был в отпуску.

Собственно говоря, доклад был не сделан, а прочитан, и поручить читку можно было любому человеку, даже техническому секретарю, лишь бы голос у чтеца был звучный. Или даже можно было совсем, для экономии времени, не читать — заранее отпечатать доклад в сотне экземпляров и разослать всем приглашенным на собрание.

Пленум обкома обсуждал два вопроса: о состоянии массово-воспитательной работы в колхозах области и мерах подъема и развития животноводства. О решениях пленума по этим вопросам и докладывал Руденко: полтора часа монотонного чтения, ни на минуту не оторвался от текста, подготовленного для него работниками райкома и райисполкома, ни разу не поднял головы, не глянул в зал перед собою. В зале кто дремал, кто шептался с соседом, кто — в задних рядах — украдкой покуривал в рукав.

Мартынов сидел в президиуме злой, нервно вертел в пальцах карандаш, бросал на Руденко исподлобья свирепые взгляды.

Вопросов к докладчику не было. Записавшихся в прениях — только два.

Первым выступил инструктор райкома Николенко. Все десять минут, положенные ему по регламенту, он перечислял недостатки в работе колхозных партийных организаций его куста: там не проводятся по три месяца собрания, там растеряли агитаторов, там не выпускают стенгазету, там коммунисты пьянствуют на престольные праздники. Как будто в этом только и заключались его обязанности: ездить из колхоза в колхоз и старательно фиксировать все «упущения», «сигнализировать» о них членам бюро райкома. Его речь не улучшила настроения Мартынова.

После Николенко он предоставил слово колхознице Гончаровой, заведующей свинофермой.

В зале погасло электричество, и, хотя собрание проходило днем, за столом президиума на сцене было темновато — обмерзшие, запорошенные снегом окна пропускали мало света. Женщина читала речь по бумажке, мучительно запинаясь на каждом слове:

— «Наши достижения... результат упорного... труда и высокосознательного отношения... исключительно большое внимание... мы уделяем выращиванию поросят... опорос производится в чистом... продез... инфицированном станке... Применяя обильное и разнообразное... кормление свиней... и молодняка, создавая для них благоприятные условия, мы добились... получения от свиноматок здорового и жизнеспособного приплода... Сейчас мы ставим перед собой... задачу... и тем самым повысить... доходность от животноводства».

Запиналась она даже в таких местах речи, где предполагался подъем, пафос.

— «Развернув живой... живое... соревнование, мы обязуемся...»

Под конец выступления она перепутала листки, сбилась, растерялась и, так и не договорив фразу, сошла вниз.

В президиуме все сидели, потупив головы от неловкости.

Мартынов встал, чтобы объявить перерыв.

— Есть здесь секретарь парторганизации «Дружбы?» — простуженным, сиплым голосом спросил он.

— Я,— поднялся в задних рядах мужчина в офицерской шинели без погон.

— Это ты, товарищ Мостовой, сочинял речь для нее?

— Я... С председателем колхоза.

— Потрудились!.. Лучший животновод в районе, сделал ферму образцовой, на это у нее хватило способностей, а выступить здесь, рассказать о своей работе — на это, боитесь, способностей не хватит?.. Не смущайся, товарищ Гончарова, что плохо выступила. Это не тебе стыд, это нам стыд... Прежде чем объявить перерыв, я вот что хочу сказать, товарищи.— Мартынов покосился на сидевшего в президиуме инструктора обкома, предчувствуя стычку с ним. У него с этим инструктором, Голубковым, часто приезжавшим в их район, были давние нелады.— Давайте так договоримся: кому нечего дельного сказать, пусть лучше не выступает здесь, не отнимает время у себя и у других. Нам не нужна активность для отчетности: «На собрании выступило столько-то процентов присутствующих». А о чем говорили, для чего говорили? Николенко вот пересказал здесь свою докладную записку, которую мы читали уже три дня тому назад. Партактив собирается для делового обсуждения вопросов, а не для

речей ради речей. Объявляется перерыв на пятнадцать минут.

Расходились покурить как-то не сразу, в недоумении.

Голубков, задержав Мартынова на сцене, сказал:

— Ты что, Петр Илларионыч, нездоров? Температура? Ну шел бы себе домой, в постель. Есть тут члены бюро, без тебя проведем. Хочешь сорвать партактив? «Не умеете выступать — не выступайте».

— Не так же я сказал, товарищ Голубков!

— С профессорами, что ли, имеешь дело? Здесь в зале — половина колхозников. Зачем ты их запутиваешь? Эта Гончарова — она же малограмотна! Ей нужно помочь!

— А я не для малограмотных сказал это,— отмахнулся Мартынов.— Для очень грамотных! Для тех, что мозоли на языках понабивали себе на таких собраниях!

— Непонятно,— пожал плечами Голубков.— Не знаю, что из вашего партактива получится. Как бы не пришлось Руденко сразу после перерыва делать заключительное слово.

— Может быть, и придется... Для тебя, Николай Архипович, это, конечно, большая неприятность. Чрезвычайное происшествие в твоем кусту! Собрание партактива сорвалось! Два человека только выступило. Как докладывать обкому? Тем более, что сам присутствовал.

— Думаю, что это и для тебя не очень большая приятность.

Подошел Руденко. Мартынов бросил ему:

— Черт бы вас побрал, таких читателей лекций о вреде табака!

— Петр Илларионыч! — взял его за плечо Руденко.— Ведь не было времени подготовиться!

— Пять лет работаешь в районе. Людей знаешь. И умеешь ведь поговорить с людьми! Пересказал решение обкома. Да его уже без тебя все успели прочитать! А своих мыслей — ни одной!.. Какой доклад, такие и прения!

— Иссякло мое красноречие. Пятый день разные заседания! Я думал, ты будешь делать доклад, а тебя угораздило заболеть.

После перерыва, несмотря на предупреждение Мартынова, первым выступил оратор именно из таких, с мозолями на языке, Коробкин, заведующий отделом райисполкома по сельскому строительству. Без пламенных речей Коробкина в районе не обходилось ни одно собрание.

Долговязый, в длинном черном драповом пальто, с высоким (за счет лысины) лбом, грозно размахивая руками над столиком для тезисов; он выкрикивал каждую фразу, как лозунг на площади перед многотысячной толпой. От его голоса вздрагивали и позвякивали стекляшки на люстре под потолком.

— Товарищи! Корма — это основа животноводства! Но некоторые товарищи упорно не желают этого понять, преступно недооценивают заготовку кормов для животноводства!..

Вол — это, товарищи, рабочее тягло! Рабочее тягло нужно беречь!..

Свинья дает нам, товарищи, мясо, сало, кожу, щетину! Свинья очень полезное животное! А как мы относимся к свиньям? По-свински, товарищи!..

Животноводство, товарищи, нуждается в теплых благоустроенных помещениях. Корова, товарищи, в тепле и чистоте дает больше молока, чем на холоде, в грязи! А некоторые председатели колхозов недооценивают строительство коровников!..

Переходя к массово-политической работе с колхозниками, я должен здесь, товарищи, со всей прямотой сказать, что мы плохо работаем с колхозниками!..

Стенная газета, товарищи,— это печать. А печать — это острейшее оружие нашей партии! Но во всех ли колхозах у нас выпускаются стенные газеты? Нет, товарищи, не во всех колхозах у нас выпускаются стенные газеты!..

Мартынов морщился, как от сильной головной боли.

— Это же нужно уметь,— просипел он на ухо сидевшему рядом с ним Руденко,— десять минут болтать и ни слова путного не сказать!..

В зале зашумели:

— Зачем выходил на трибуну, товарищ Коробкин?

— Что ты сказал нам полезного?

— Что свинья дает сало!

— А корова молоко!

— Просили же по делу выступать, а не отнимать зря время у нас!

Мартынов постучал карандашом по столу:

— Кто следующий?

Минут пять длилось тягостное молчание. Никто не просил слова. Казалось, действительно на этом и придется закрыть собрание. Голубков, бросив возмущенный взгляд на Мартынова, с треском отодвинул стул, под-

нялся, ушел за кулисы курить. Видимо, и Мартынов в эти минуты чувствовал себя неважно... Но вдруг в зале поднялась одна рука, другая, третья. Человек пять сразу попросили слова.

...На клубную сцену, к столу президиума, грузно ступая по лесенке, поднялся председатель колхоза «Власть Советов» Демьян Васильевич Опёнкин. Не спеша расстегнул пальто, достал из кармана пиджака очки, тетрадь, протер стекла очков полой пиджака, развернул тетрадь, откашлялся.

— Это у меня не тезисы, товарищи,— начал Опёнкин.— Это дневник председателя колхоза. То есть лично мой дневник. Я записываю сюда каждый день — где был, что делал. Ежели меня когда-нибудь за развал работы потянут к прокурору — это мое оправдание. Прокурор прочитает, поймет и посочувствует. Скажет: «Удивляюсь, товарищ Опёнкин, как ты все же успевал что-то делать в колхозе!»

При настороженном внимании зала Опёнкин продолжал, перелистывая тетрадку:

— Вот давайте подсчитаем — на котором это я уже заседании сижу за полмесяца и сколько их еще будет до конца месяца?.. Второго был пленум обкома. Я — член обкома. Вызвали, поехал. Два дня заседали, потом депутатам облсовета велено было сразу, не уезжая домой, остаться на сессию. Остался. Еще два дня. Дорога туда-сюда — в общем, неделю дома не был. Потом — здесь в районе: пленум райкома, сессия райсовета, сегодня вот партактив. Короче сказать, за эти полмесяца я был в колхозе всего два дня. Так это еще не все. Послезавтра сессия нашего сельсовета, мой доклад: об итогах сессии облсовета. Двадцатого по плану партсобрание в колхозе, тоже итоги пленума обкома будем обсуждать. Теперь еще посчитайте, товарищи, сколько раз в месяц вызывают председателя колхоза на бюро, в исполком. А там еще какие-нибудь комиссии. Да ведь мне времени не остается дома работать! А заседания все по вопросам: как улучшить дело, как то поднять, то укрепить. Но когда же поднимать и укреплять, если на разговоры об этом все наше время уходит?.. Партсобрание — закрытое, пленум, конечно, закрытый, партактив — закрытый, на сессию тоже только депутаты приглашаются. А речь ведем о том, как с народом работать. Закроемся в четырех стенах и убеждаем друг дружку, что надо лучше с народом работать!..

Так можно, товарищи, до чего-то нехорошего докатиться! Самообманом занимаемся. Двадцать заседаний в месяц — вот работа кипит! А заседания-то все закрытые, сами себя тут агитируем! А общие собрания колхозников в некоторых колхозах раз в году проводятся, от отчета до отчета!..

Опёнкин, вообще редко выступавший на пленумах и активах, на этот раз разошелся:

— Я не возражаю, товарищи, посидеть в этом зале и час, и два. Послушать, скажем, хороший доклад, лекцию о международном положении, что ли. Пусть знающий человек расскажет нам, чего мы сами не успели прочитать или, может, в чем не сумели разобраться. Он нам расскажет — мы потом людям передадим. Но когда вот тут товарищ Коробкин доказывает нам, что свинья животное полезное!.. Этого же невозможно терпеть! А что греха таить, и на областных заседаниях немало приходится слушать таких речей. Выйдет человек на трибуну и тарахтит, тарахтит, как по коробке! После станешь вспоминать: о чем же он говорил? Да ни о чем! Все вот такое же: «мобилизовать усилия!», «поднять на высоту!» Иногда и председатель не остановит. Кричат уже все: «Довольно!», «Регламент!» — а он тарахтит. Будто ему сдельно за каждое слово платят. А мы сидим в зале и думаем: а кто же наше время оплатит? Пятьсот человек сидят здесь — сколько ты нашего времени загубил! Пересчитать бы его на человеко-часы! Шоферов за холостые пробеги милиция штрафует. Там — тонно-километры. Тут — человеко-часы. Тоже ценность немалая! И некому штрафовать этих расхитителей времени.

Опёнкин сошел вниз под одобрительный смех в зале и аплодисменты.

И почти все, кто выступал после Опёнкина,— а выступило еще человек десять, так что по «цифровым показателям» собрание партактива прошло «на уровне»,— почти все говорили о том, как вредно отражаются на работе обилие заседаний, долгие словопрения, келейность обсуждения таких вопросов, какие нужно решать с народом.

Редактор районной газеты Посохов, сидевший в президиуме позади Мартынова, усмехаясь, нагнулся к нему через спинку стула:

— До чего же страшна сила инерции, Петр Илларионыч! Смотри-ка, задал ты тему для разговора — о вреде пустословия,— и уж который человек об этом говорит, по-

вторяют друг друга!.. «Еще одно заседание относительно искоренения всех заседаний!»

Секретарь райкома комсомола Рыжков говорил:

— В древние времена в Спарте считалось доблестью, если человек сумел в двух-трех словах высказать то, что другой и в часовую речь не уложит. Не следовало бы нам возродить эти спартанские традиции?

Ему бросили реплику из зала:

— А сам не уложился в регламент, тринадцатую минуту уже говоришь!

Выступил секретарь парторганизации колхоза «Дружба» Мостовой, тот самый, что сочинял речь для заведующей свинофермой, и резонно, с фактами отчитал работников аппарата райкома за канцелярские методы руководства.

— Приезжает к нам в первичную организацию инструктор райкома. Что он проверяет, чем он интересуется? Когда партсобрания проводили, какие вопросы обсуждали. Опять же — сколько человек выступило в прениях, достаточна ли была активность. Ну, протоколы прочитает — грамотно ли написаны. План работы спросит — какие читки, беседы в бригадах наметили, проводим ли их? А что в нашей жизни изменилось после этих собраний — это его не интересует! Вот в такой-то бригаде проводили беседу о решениях пленума. А как оно там после этого пошло дело? Лучше ли стали работать колхозники? Может, новые передовики в этой бригаде появились? Соревнование закипело? А ежели никакого сдвига — как же вы, товарищи, проводили беседы? Чего-то, значит, не довели до сознания. А ну-ка, пойдемте вместе, еще поговорим с людьми, и я вам помогу! Так бы нужно. Но у нас так не делается. Бумажки, бумажки!.. Как говорится: можешь и не уметь работать, умей отчитаться гладко по бумажке — и все будет в порядке! Сами вы, товарищи райкомовцы, приучаете нас к этому! А вы, товарищ Мартынов, видимо, совсем не занимаетесь своими инструкторами. Прямо через их головы, по крутой траектории, достаете в колхозы. Хотите, чтоб в колхозах был порядок, а до сих пор не навели порядка в своем аппарате! Под носом у вас, в самом райкоме, и бюрократизм и канцелярщина — все то самое, за что и нас ругаете!..

Мартынов почесал затылок. Что верно, то верно. До самого близкого у него как-то «не дошли руки». Не собирал он ни разу инструкторов, не беседовал с ними по

душам, не учил их на практике живым методам партийной работы. Отношение секретарей к работникам аппарата райкома оставалось старое, по привычке — как к обычным «уполномоченным», которых всего проще и удобнее посылать в колхозы потому, что они всегда под рукой.

И выступила еще раз, уже без шпаргалки, Гончарова. Женщина, собравшись с мыслями, просто и интересно рассказала, благодаря чему их ферма стала образцовой. Рассказала, как они перевезли из села дома́ всех работников фермы, и там, в десяти километрах от села, образовался целый новый поселок, люди обосновались на жительство прочно, обзавелись садами, держат много птицы на хуторском приволье, и за последние годы из ее свинарок ни одна не ушла с фермы; рассказала, как добилась — не без скандала в правлении колхоза,— что учеников с их хутора, детей свинарок, теперь ежедневно возят в село в школу на санях. Рассказала, как она, чувствуя ответственность не только за производство, но и за хорошую жизнь колхозников в ее бригаде, организовала людей, и прошлым летом в свободное время они своими силами восстановили плотину на речке у старой мельницы. Колхоз с помощью шефов-железнодорожников электрифицировал ферму и хутор — теперь у них там и свет и радио, по вечерам работает школа для взрослых, все свинарки учатся на зоотехнических курсах; сообщила, что полученные в премию деньги от областного управления сельского хозяйства они решили затратить на экскурсии — все свинарки за зиму по очереди побывают в лучших колхозах области, посмотрят там порядки в животноводстве, может быть, переймут оттуда для себя хороший опыт.

— Вот теперь нам понятно, товарищ Гончарова! — сказал Руденко.— Дело, стало быть, не только в дезинфекции и культурном опоросе? Можно было подумать, что тебя только свиньи интересуют. А ты — со свинарками работаешь! Тут-то и корень успеха!..

Мартынов не выступал на этом собрании. Не потому, что потерял голос,— как-нибудь прохрипел бы. Видимо, не все еще обдумал, чем ответить Опёнкину и другим коммунистам, которых сам же вызвал на сегодняшний откровенный, взволнованный разговор. Так нельзя проводить собрания, как проводили до сих пор. А как можно?

Проект решения, подготовленный в аппарате райкома,

читал заведующий отделом пропаганды и агитации Жбанов. Читал без малого час.

— Черт побери! — сгорбившись, опустив голову на руки, выругался Мартынов.— Не посмотрел перед собранием их сочинение. Ну и насобачились же пудовые резолюции писать!..

В проекте решения, в так называемой «констатирующей части», в сотый раз констатировалось то, что констатировалось и в решениях прошлых пленумов и партактивов: отставание такого-то участка, запущенность такой-то работы. Эти страницы были просто списаны из старых резолюций. Но и в «постановляющей части» мало было свежих, новых слов. И эта часть подозрительно смахивала на что-то очень много раз уже читанное с этой трибуны, перед таким же собранием. Все то же: «обязать», «обратить исключительное внимание», «направить усилия», «поднять на должную высоту». В проекте было охвачено буквально все, чем только ни приходится заниматься райкому партии и первичным парторганизациям: и радиофикация, и колхозная самодеятельность, и наглядная агитация, и борьба с эпизоотиями, и ремонт дорог.

После проголосования проекта «за основу» Мартынов внес — опять к удивлению и возмущению Голубкова — предложение: сократить его раз в десять.

— В самом деле,— сказал он,— следовало бы, как вот говорил здесь Опёнкин, наказывать тех товарищей, которые не щадят нашего времени!.. Кто его будет читать, такое решение на пятьдесят страниц, в колхозных парторганизациях?

За сокращение проекта в десять раз взметнулся лес рук.

Голубков встал, хотел, видимо, что-то возразить Мартынову, но раздумал, махнул рукой...

Впопыхах никто не внес никаких изменений и добавлений к проекту.

Так, почти со скандалом, и закончилось собрание партактива.

Схватились Голубков с Мартыновым уже вечером, в райкоме.

— Мне неудобно было обрывать и поправлять тебя, первого секретаря, там на собрании, — говорил Голубков.— Но это же черт знает что, товарищ Мартынов! Ты

воспитываешь у коммунистов неуважение к партийным документам, к нашим решениям!

— Именно из уважения к партийным документам,— отвечал теряющий самообладание Мартынов,— нельзя писать так резолюции! Топим главное в словесной воде! Двадцать раз «исключительное внимание»! А что же на самом деле требует исключительного внимания?.. Это вы, вот такие канцеляристы, превращаете партийные документы в пустую бумажку! Наш грех — у нас инструкторы плохо работают. Но и ты же, когда приезжаешь к нам, обращаешь исключительное внимание только на бумажки: как решения написаны? Это для тебя наши товарищи такие всеобъемлющие резолюции пишут. Чтоб, боже упаси, не придрался к чему-нибудь! «А где же стенная печать? Где работа среди учителей? Стало быть, вы этими вопросами не занимались?» — «Нет, шалишь, не придерешься! Занимались! Вот тут все написано. В десяти решениях эти пункты записаны!»

— Ты увел собрание партактива от основных вопросов! — стоял на своем Голубков.— Вы по существу и не обсудили итоги пленума обкома. Видите ли, сомнения у них появились: не слишком ли часто проводим пленумы, собрания? Не слишком ли много заседаем? Эти собрания — школа коммунистического воспитания!

— Они должны быть школой коммунистического воспитания,— отвечал Мартынов.— Какое собрание, как провести его! Если тебе поручить провести собрание, боюсь, что не та школа получится!

— Вот ты провел сегодня актив так провел!.. Я доложу, что, вследствие неподготовленности, твоего мальчишества, несерьезного отношения к делу и еще черт знает каких заскоков, ты сегодня почти сорвал партактив!

— Валяй докладывай! — Терпение у Мартынова лопнуло, и он стал убирать бумаги со стола в сейф.— Докладывай! Только поскорее. Время — к весне, пусть новый секретарь хоть успеет с районом познакомиться... Но только я не думаю, товарищ Голубков, что в обкоме все такие... как ты. Разберутся!..

Утром Руденко заглянул к Мартынову домой. Мартынов, Надежда Кирилловна и сын их, Димка, завтракали в столовой.

— Присаживайтесь, Иван Фомич,— придвинула к столу четвертый стул Надежда Кирилловна.

— Спасибо,— отказался Руденко.— На работу иду. Такого случая не было, чтоб жена выпустила меня из дому голодным.

Присел на диван:

— Не жалеешь, Петр Илларионыч, о вчерашнем?

— Нет, не жалею. Будь что будет!..— Мартынов допил чай, протянул стакан жене за добавкой.— Вот послушай, Фомич, до чего это доходит. Димка! Расскажи, что ваша пионервожатая на прошлом сборе говорила.

Димка, мальчик лет десяти, очень похожий на отца, такой же синеглазый, черноволосый, встал из-за стола, потянулся к окну, где на ручке переплета висел его ученический портфель с книжками и тетрадями.

— Она нам сказала: «Не надо, ребята, смущаться, когда выходите на трибуну. Это не речь: два слова — и назад. Надо долго говорить. Кто научится долго говорить, тот будет большим начальником, когда вырастет».

Мартынов и Руденко расхохотались.

— Смеемся, а в общем не смешно — грустно,— сказал Мартынов.

Надежда Кирилловна, убирая со стола, вопросительно взглянула на мужа:

— О чем у вас речь? «Будь что будет!» Опять что-то начинается?

— Да ничего особенного, Надя,— успокоил Мартынов жену.— Повздорил с инструктором обкома. Он, конечно, напишет докладную записку секретарям, кой-чего переврет, сгустит краски. Но и я же могу дать объяснение.

— Вот сушитель мозгов, этот Голубков! — покрутил головой Руденко.— И зачем держат таких на партийной работе?

— Это он был у вас уполномоченным обкома, когда Глотова заставили свеклу по грязи сеять? — спросил Мартынов.

— Он, он! С Борзовым у них контакт был. В четыре руки кулаками по столу стучали!

На улице, по пути в райком (райисполком помещался в том же дворе, в другом доме), Руденко говорил Мартынову:

— А Демьян правильно поднял вопрос! Двадцать закрытых заседаний в месяц, а колхозные собрания — раз в год. Как же мы работаем? Что это за работа? Есть

над чем призадуматься! И проводим мы свои заседания зачастую так, будто обряд какой-то справляем. Для формы. «Да выступи, скажи чего-нибудь! Надо же активность проявлять!» И выступают, и болтают «чего-нибудь», лишь бы считалось, что собрание проведено. Иной раз просто стыдно, когда сидишь на таком собрании!

— Согласен с Демьяном? А в заключительном слове ничего не сказал об этом.

— Так мы итоги пленума обсуждали, а не вопрос о количестве заседаний.

— Осторожничаешь, Фомич!.. Все видят, чувствуют, что нельзя дальше так, а сказать не решаются. Эх вы, друзья-помощники! Пусть Мартынов начинает? На чужом лбу шишку видеть приятнее, чем на собственном?..

Подошли к райкому.

— А почему ты не дал хода письму Храпова насчет мельниц? — спросил Мартынов, занеся уже ногу на ступеньку.— Вот ругают нас, райкомовцев, за то, что мы слишком много хозяйственными вопросами занимаемся, за советские органы работаем. Поневоле приходится, раз вы сами ничего самостоятельно не решаете! Это же интереснейшее дело для вас! Провести подробное обследование, поставить вопрос перед областью о состоянии мельничного хозяйства. И свои ресурсы надо выявить — что мы сами в силах сделать. Привыкли за райкомом как за нянькой ходить!

— Обследовали уже. На следующем исполкоме стоит этот вопрос,— ответил Руденко.— Прежде чем кричать, спросил бы. Не с той ноги встал? Голубков расстроил тебя, а на первом встречном зло срываешь.

Через неделю Мартынова вызвали в обком партии.

Он сидел у заведующего сельхозотделом со своими перспективными планами, когда туда позвонили из приемной первого секретаря и пригласили Мартынова зайти.

Секретарь обкома в этой должности, в разных областях, пребывал уже лет десять. Пожилой, за пятьдесят, участник гражданской войны, а в Отечественную войну — член Военного совета одной из армий на юге. Небольшого роста, сухощавый, с непокорным, молодившим его чубом прямых русых волос, то и дело спадавших на лоб. Страстный любитель, как говорили о нем, парусного спорта и

охоты: все выходные дни проводил либо на Монастырском озере, на водной станции, либо в Чугуевских лесах.

Это у Мартынова была первая встреча с ним, первый большой разговор, не считая коротких встреч на пленумах и на двух заседаниях бюро обкома: когда снимали Борзова и второй раз — когда его, Мартынова, рекомендовали первым секретарем райкома.

— У вас, Алексей Петрович, это, может быть, не так наболело, как у нас, низовых работников,— говорил Мартынов.— А нам, поверьте мне, это уж невтерпеж! Вам меньше приходится видеть плохие собрания.

— Ты что хочешь сказать,— недовольно поморщился секретарь,— что мы, обкомовцы, жизни не знаем, оторваны от жизни?

— Нет, я не это хочу сказать... Если вы приезжаете на собрание и видите, что оно идет вяло, люди выступают без души, лишь бы только чего-то для протокола наговорить,— вы же не выдержите, вмешаетесь, разожжете страсти! Повернете, в общем, собрание куда нужно. При вас — собрание хорошо прошло. А вот как оно без вас прошло бы — этого же вы не могли видеть!

— Хитер, вывернулся! — рассмеялся секретарь обкома.— Пей чай.— Придвинул к Мартынову стакан крепкого чая с лимоном.— Больше, прости, у нас в обкоме посетителей ничем не угощают. Возьми печенье.

— Ну, у нас в райкоме и чаю для посетителей нет,— сказал Мартынов, разламывая печенье над стаканом.— Ваш финсектор на это денег нам не дает... Между прочим, Алексей Петрович, раз уже заговорили о финсекторе. Дело небольшое, но все же три тысячи висят на моей шее...

— За что?

— Мы в декабре проводили у себя День механизатора. Надо было премировать лучших трактористов и комбайнеров. А денег в МТС нет. Что делать? Продали райкомовскую кобылу, по решению бюро. Она нам не нужна была. Две машины в райкоме, в райисполкоме четыре лошади, да и кобыла-то уже старая, и упряжи на нее нет. Продали в лесничество для объездчика. А ваш инструктор из финсектора составил на меня акт: «Не имели права продавать! Лошади, как и все имущество райкомов, числятся на балансе обкома». Но мы же ее не пропили, ту кобылу! Не на банкет деньги истратили. Купили пять штук часов, отрез на костюм, велосипед. Хорошо провели праздник! Принародно вручали премии!..

— Счета есть?

— А как же! И счета и расписки от тех, кого премировали.

— А в следующий раз — надумаешь свекловичниц премировать, что будешь продавать? «Победу»?.. Ладно, напиши заявление, оставь помощнику. Разберем.

Секретарь обкома раскрыл папку с бумагами, перелистал их.

— Так вот, товарищ Мартынов, я прочитал протокол вашего нашумевшего собрания партактива...— Он долго молчал, нахмурившись. Мартынов перестал отхлебывать чай, осторожно, чтоб не звякнуть ложечкой, отодвинул стакан.— Вот выступление Опёнкина... Вот еще выступления председателей колхозов... Неглупо... Но я с ними не согласен. Они, как хозяйственники, сугубо практические люди, всё переводят на человеко-часы, в этом видят зло — в потере времени. А я, как партийный работник, вижу зло в другом... Самое страшное — не в потере времени... Если в организации такие болтуны, как ваш Коробкин, не в единственном числе, во что они могут превратить наши партсобрания? В школы пустословия?..

У Мартынова радостно забилось сердце.

— Алексей Петрович!..

— Погоди... Коробкины всерьез думают, что вот это и есть самая настоящая наша работа — произносить изо дня в день такие речи: «Корма — это основа животноводства!», «Свинья — полезное животное!» Создается *видимость* работы. Одни кричат так, что стены дрожат, другие бубнят эти же слова по бумажке — цена их речам одна. Пустословие — это душевная отрава, усыпляющий сознание дурман... Люди думают, что они действительно делают что-то нужное, полезное обществу. Что они таким образом *руководят*, воздействуют на колхозную жизнь. Отсидел на заседании шесть часов, и совесть его чиста — он сегодня славно поработал! Слушал речи о необходимости усиления массово-воспитательной работы в колхозах, сам выступал до хрипоты в горле, уставший идет домой пообедать, отдохнуть. А ведь это не работа — паразитическое приспособление к жизни. Убегание от настоящей работы в разговоры, болтовню о работе... Когда это пустозвонство становится специальностью, профессией некоторых наших товарищей — вот что самое опасное!..

Секретарь говорил ровным голосом, медленно, с боль-

шими паузами, как бы проверяя вслух перед самим собою и Мартыновым мысли, давно выношенные.

— Партсобрание, актив, пленум — не самоцель. Собрание мы проводим не ради самого собрания, а ради того, чтобы после него коммунисты ринулись в бой! В работу бы ринулись засучив рукава. Коллективно решаем дела большой важности, вскрываем недостатки нашей работы. На партсобраниях молодые коммунисты учатся впервые выступать с речами, убедительно, логично излагать свои мысли. Учатся ораторскому искусству. Чтоб потом выступать перед народом. Это тоже дело нужное: каждый коммунист должен быть пропагандистом, агитатором... Но не у Коробкиных же они должны учиться!

— В том-то и дело, Алексей Петрович! — сказал Мартынов.— Показная активность! Собрание проведено, выступления были, протокол написан — форма соблюдена. В чем, в чем, но уж в партийной работе формализм совершенно невыносим! С нас берут пример и комсомольцы и пионеры. Формализм бюрократизму — родной брат. А у Ленина в одном письме сказано: если что нас погубит, то именно бюрократизм. Этого-то мы, конечно, не допустим. Но Ленин предупредил нас, какая это серьезная опасность!..

Два коммуниста, два секретаря посмотрели друг другу в глаза долгим, изучающим взглядом. Им предстояло работать вместе, и, может быть, не один год. Секретарю обкома было приятно совпадение их мыслей, Мартынову более чем приятно — радостно.

Секретарь обкома, пройдя по кабинету, остановился у большого окна, из которого с четвертого этажа открывался широкий вид на пригородные заводские новостройки, на заснеженные поля с перелесками на горизонте. Мартынов тоже встал, подошел к нему.

— А слово «оратор» — вообще-то слово неплохое,— сказал секретарь обкома.— Ораторское искусство — очень нужное нам искусство! Жаль, что оно в последнее время стало как-то принижаться. Все речи читаем по бумажке... Помнишь тридцатые годы? Хотя ты, пожалуй, тогда мальчишкой был...

— В тридцать втором в комсомол вступил. И то с нарушением Устава: года еще не выходили.

— Не пришлось организовывать первые колхозы? Ну, мне те времена очень памятны! Если бы мы тогда перед крестьянами бубнили речи, уткнувшись носом в бумаж-

ку,— вовлекли бы мы их в колхозы?.. Жесточайшая проверка была для руководителя. Не найдешь доходчивого к народу языка, не умеешь с людьми разговаривать, не увлечешь их за собою словом, делом, личным примером — и месяца не удержишься на своем посту, провалишься!.. Суесловие искореняй, товарищ Мартынов, но само слово «оратор» в обиду не давай! Это слово не для насмешек. Все старые революционеры были ораторами. Учить надо коммунистов этому искусству. Настоящих ораторов нужно ценить, как всяких художников своего дела!.. Да, насчет Голубкова. Больше он к вам не приедет. Это уже он не из первого района привозит нам жалобы на местное руководство, которые против него же оборачиваются. Мы его не оставим на партийной работе. Другому инструктору дадим ваш куст... Справился у нас в отделах со всеми делами? Ну что ж, поезжай домой.

Секретарь обкома пожал руку Мартынову.

— На днях приеду к вам в район. Побываем с тобою на «плохих собраниях», *которых я не видел,* подумаем, как сделать их хорошими... Да, поменьше бы надо агитировать друг друга, а побольше — живой работы с народом. Но ведь можно и слет передовиков, скажем,— самое живое дело, народ! — провести так, что пользы не будет ни на грош. Зачитать без огонька доклад, заготовить заранее всем речи — вот и казенщина, формализм!.. А ты горяч, товарищ Мартынов! Не укатали бы сивку крутые горки!

Мартынов даже вздрогнул, услышав опять эти слова. Не удержался, сказал секретарю обкома, что уже в третий раз слышит от разных людей это предостережение.

— А что же, пословица, и в применении к нам правильная,— ответил секретарь.— Я же не говорю: укатают, а — не укатали бы. Горки-то есть, чего нам на них глаза закрывать. Вот этот самый формализм с родным братцем бюрократизмом да еще всякие их родственнички — вот и горки... Ты, может быть, думаешь, что мне здесь легче? Выше должность — больше власти, больше силы в руках? Оно-то так. Силы больше, но и горки круче. В другом все масштабе. И у нас есть свои Коробкины. Да какие! Ваши нашим и в подметки не годятся. Им еще учиться да учиться у наших! Прямо — гроссмейстеры суесловия!.. Предложишь ему на бюро высказать точку зрения по какому-то вопросу — по персональному делу, что ли,— он встает и начинает метать громы и молнии. Интонация, глаза,

жесты! Если слушать его издали, куда слова не долетают, можно подумать, что он выносит смертный приговор человеку. А он всего-навсего предлагает «указать». По интонации — Савонарола, обличитель пороков, а по смыслу речи — либерал, потатчик перерожденцам. Либо обсуждаем вопрос: согласиться или не согласиться с министерством по поводу такого-то строительства, не слишком ли растянуты сроки, может, изыщем резервы? Опять же он, при стенографистке, произнесет такую речь, которую потом, в случае чего, можно будет истолковать и так и этак. Не выдержим сокращенные сроки, и намылят нам шею — скажет: «Я предупреждал, как бы не обвинили нас в мальчишестве! Вот — стенограмма!» Похвалят за хорошие темпы — он и к этому примажется. Он был в основном «за»! И даже попытается всунуть свою фамилию в список на ордена. Артисты! И скажу тебе, Мартынов, трудновато таких артистов развенчивать. У них и стаж, и безукоризненная анкета, и диплом, и солидная осанка, и многолетнее пребывание в номенклатуре. И — связи. К сожалению, и в наше время не обходится без покровительства. У иного в Москве в каком-то могучем аппарате — приятель, свояк. Тронь его — телеграммы, звонки: «Представьте объяснения!», «На каком основании?» Докажешь, что это ничтожество, беспринципная, прости за выражение, сопля, избавишься от него,— глядишь, через некоторое время он выплывает в другой области, в той же должности!..

Секретарь обкома проводил Мартынова до двери.

— Пустословие — это еще не все, товарищ Мартынов. Это, так сказать, частность, признак обывательского отношения к партийной работе... Вот, скажем, в области готовятся к партийной конференции. Для настоящих коммунистов это подготовка к серьезному, большому событию в партийной жизни области. А сколько обывателей посвоему переживают эту подготовку: будут или нет *большие перемены*, то есть останется ли первый секретарь на своем посту? А какие наметки по отделам? Слоняются по кабинетам, шушукаются, разнюхивают: «Останется ли *наш* завотделом? Говорят, ему уже предлагали какую-то хозяйственную работу?.. Ну-у! Значит, другой будет... А меня как бы на периферию куда-нибудь не заслали. Эх, дурак, не дал согласия, когда предлагали банно-прачечный комбинат! Баня — это все же в городе. Как загонят в Грязновский район, к черту на кулички, вторым секре-

тарем!..» Их не волнует, какое влияние окажет партийная конференция на жизнь области, какие будут после нее сдвиги, поправятся ли дела в отстающих колхозах. Их волнует лишь одно: как эти большие или малые перемены отразятся на их бренном существовании? Не сорвут ли их с насиженных мест? Не понизят ли в ранге, зарплате? Столоначальники!.. А в общем не подумай, товарищ Мартынов, что я плачусь тебе в жилетку. Я не жалуюсь на трудности. Я только говорю, что обывательщина в разных формах проявляется и трудновато с нею бороться. Трудно, но — не невозможно. А раз можно с нею бороться — давай бороться!..

1953 г.

СВОИМИ РУКАМИ

1

В районе, где работал Мартынов, было тридцать колхозов.

В сентябре 1953 года состоялся Пленум Центрального Комитета КПСС, приковавший внимание всей страны к деревне. Но, естественно, решения этого Пленума не могли сразу же, немедленно сказаться на урожае, экономике колхозов, так как сельскохозяйственный год к тому времени был уже почти закончен.

В районе все еще была большая пестрота: доходы и стоимость трудодня в колхозах сильно разнились.

Было в районе пять по-настоящему передовых, богатых колхозов: «Власть Советов», где председательствовал Опёнкин, «Красный Октябрь», «Заря», «Большевик», «Спартак» — там председателями работали такие же старые, опытные хозяева, болельщики колхозного дела. Круто пошел в гору колхоз «Родина», куда райком послал бывшего лесника Дорохова. Выдвигался в передовые еще один колхоз — куда два года тому назад поехал, истосковавшись по земле, инструктор райкома партии Рязанцев, агроном по образованию.

Колхозов пятнадцать было средних. Председателями в них работали люди честные, трезвые, им нужно было только больше помогать, учить их всяким полезным новшествам.

В район прибывали из городов специалисты сельского хозяйства и неспециалисты — по зову партии.

Приехал из Москвы — из Министерства черной металлургии — инженер Долгушин, член партии с 1925 года, с назначением на должность директора Семидубовской МТС, на место старика Глотова. Кто-то там в отделе кадров министерства, заглянув в анкету Глотова, в графу «образование», решил, не справившись, как он работает, что его необходимо немедленно заменить инженером. Мартынову удалось отстоять Глотова (разговаривал по телефону с секретарем обкома и даже с заместителем министра

сельского хозяйства). Если в решениях сентябрьского Пленума ЦК сказано, что директоров-практиков, не имеющих высшего образования, можно оставлять на месте лишь в порядке исключения, то Глотов, по мнению Мартынова, и был именно таким исключением. За прошедшее лето Мартынов убедился уже, что Глотов может и хочет лучше работать, старик будто стряхнул с себя десяток лет, его МТС быстрее и лучше других справилась с уборкой, дала высший по району урожай, перевыполнила план вспашки под зябь. Кроме того, в Семидубовскую МТС уже прислали двух новичков на должности главного инженера и заведующего ремонтной мастерской, совершенно не знакомых с сельским хозяйством: одного — с железнодорожного транспорта, другого — с резинокомбината.

Долгушина послали в Надеждинскую МТС, где директор действительно не справлялся с работой.

Приехали два специалиста из аппарата Управления сельского хозяйства. Одного из них направили главным агрономом в Олешенскую МТС, другого порекомендовали в колхоз председателем. Перетрясли районные учреждения, высвободили из них несколько агрономов, зоотехников — всех послали на постоянную работу в колхозы.

И все же в районе оставалось колхозов семь, где надо было, не откладывая дела в долгий ящик, укрепить руководство, сменить председателей. Семь колхозов — немалая часть района по земельной площади и по населению — все еще прозябали на четырех-пяти центнерах урожайности, в безденежье, по уши в долгах. Надо было принимать какие-то крутые меры, чтобы вытянуть их.

По первым морозам Мартынов поехал в один из таких колхозов, в «Борьбу», самый отдаленный колхоз района, куда в иную погоду, в бездорожье, через топкие болота и залитые водою ольшаники и не доберешься ни на чем. Мартынов за время своей работы в районе бывал во всех колхозах по многу раз, бывал он и в «Борьбе», но все как-то проездом. На этот раз он, оставив все дела в райкоме на Медведева, прожил здесь три дня, ночевал не у председателя, а у колхозников, осмотрел все хозяйство, переговорил с десятками людей; вызвав из МТС ревизора, провел как бы следствие о причинах тяжелого положения в колхозе, не гнушаясь и сбором письменных заявлений, и очными ставками — для облегчения работы прокурору.

Уехал он из «Борьбы» потрясенный, взбешенный,

до глубины души взволнованный тем, что увидел и услышал.

...Сколько раз приходилось Мартынову слышать от рядовых колхозников:

— Эх, товарищи руководители, не все вы знаете, что делается у нас в колхозах!..

— По одним сводкам нашей жизни не узнаешь!

— Все узнать — пуд соли с нами надо съесть!..

Кучка негодяев в «Борьбе» превратила колхоз в свою вотчину. Разложившимся пьяницам и жуликам было не до хозяйства.

Что бы ни выросло на полях, восемь ли центнеров зерна, четыре ли центнера,— для членов правления, бухгалтера и председателя ревизионной комиссии хватало тех «фондов», что оставались после хлебосдачи в амбарах и кладовых. Прошлой зимой, когда на фермах падал скот от бескормицы и колхозникам для их коров не выдали ни клочка соломы, у председателя и правленцев во дворах стояли стога наилучшего клеверного сена. За кур, гусей и баранов, съеденных на попойках, отвечали лисы и волки. У членов правления числилось «под отчетом» по пять — семь тысяч: это уже, сверх взятого из кассы и кладовых без учета и отчета, такие хищения, что и бухгалтер-сообщник не смог утаить.

Мартынова поразило, что колхозники никуда не писали, не жаловались на безобразия в колхозе. Потом он понял, почему не жаловались.

В «Борьбу» часто приезжал уполномоченным по разным кампаниям заместитель председателя райисполкома Федулов, большой любитель охоты и рыбной ловли. Всякий раз при отбытии его домой председатель колхоза Маркин организовывал на колхозном пруду рыбалку с ухой и выпивкой и на прощание запихивал в кабину райисполкомовского «газика» большую плетенку, доверху наполненную живыми карпами и карасями. Видя, что районное начальство в дружбе с их председателем, колхозники и не решались жаловаться в район. Несколько писем, посланных в областную газету, попали на расследование к тому же Федулову. Как же он мог дать ход этим жалобам, если ему самому, для строительства нового дома в городе, двери, оконные рамы и резьбу на крыльцо делали плотники в «Борьбе», бесплатно, по нарядам Маркина, из колхозного леса?.. Долго пришлось Мартынову вытягивать у колхозников слово за словом, пока, наконец, они убеди-

лись, что секретарь райкома всерьез хочет докопаться до причин разорения колхоза и не выдаст их на расправу Маркину и его собутыльникам.

Мартынов даже не представлял себе всего многообразия способов зажима критики и запугивания колхозников в таких забытых богом и районными руководителями глухих углах. Пока суд да дело, пока разберут твою жалобу (да еще по совести ли разберут), а тут председатель или бригадир со счетоводом так прижмут тебя, что света белого невзвидишь. И наряды будут давать тебе самые невыгодные по оплате работы, и табеля запутают так, что в конце года не досчитаешься половины трудодней и ничем не докажешь, что они у тебя были, и какие-нибудь старые грехи припомнят, оштрафуют в пятикратном размере за то колесо, что в прошлом году поломал, когда лошадь, испугавшись машины, перевернула воз.

Рассказывали колхозники: соберутся иной раз председатель, завхоз, бригадиры, одуревшие от беспробудного пьянства, сядут под чьей-нибудь хатой на завалинке и соображают, как бы похмелиться. Смотрят — корова подошла к колхозному стогу, ковыряет рогами сено. Есть зацепка. Загоняют корову на бригадный двор, отряжают гонца за хозяйкой: «Ну-ка, тетка Настя, плати пятьдесят рублей за потраву социалистической собственности»,— и тут же пропивают гуртом эти деньги. И опять сидят, высматривают: не подойдут ли еще чьи-нибудь телок или корова к стогу?

А если надо попросить соломы перекрыть хату или лошадь съездить на базар — без пол-литра к бригадиру не ходи, это уж тут стало законом. Какие взятки? Просто — магарыч, по старому крестьянскому обычаю. Магарычами сопровождались и продажа сена на корню служащим и рабочим, и нарезка огородов колхозникам, и прием в колхоз, и перевыборы председателя. Только в последнем случае раскошеливались не колхозники, а правление. Дважды избирался Маркин в «Борьбе» председателем, и всякий раз после закрытия собрания слово предоставлялось бухгалтеру. Тот выходил наперед с туго набитым портфелем и раздавал всем проголосовавшим полноправным членам колхоза по десятке — на двести граммов.

Мартынов не верил своим ушам. Его мучили жгучий стыд, сознание глубокой вины перед колхозниками. Не было «сигналов» из колхоза?.. Сами виноваты, что отбили

у колхозников даже охоту жаловаться. И инструкторы райкома приезжали сюда много раз, но, видимо, кроме оформления протоколов партсобраний, ничем другим не интересовались.

В «Борьбе» было двенадцать коммунистов — не маленькая партийная организация. Секретарь Могутный, он же начальник сельской пожарной команды, не мог активно бороться с пьянством, так как сам был грешен по этой части. Однажды в воскресный день прокатил по селу на дрожках-бегунках без колес: пока выпивал в хате у одной знакомой вдовы, мальчишки пооткручивали гайки на осях.

Председатель Маркин, завхоз Шарапов были членами партии, оба с 1947 года. Могутный жаловался Мартынову на районного прокурора:

— Пробовал я, товарищ Мартынов, прибрать тут кой-кого к рукам. Даю прокурору дело. Вот у Шарапова — на шесть тысяч растрат и всяких переборов. А прокурор говорит: «Не могу привлекать его, пока он не исключен. Такой порядок. Исключайте его из партии, тогда будем судить». Да как же исключать? Ты дай нам основание, подведи статью такую, чтоб и самые закадычные друзья-приятели не осмелились его защищать! Так и торгуемся. Я говорю: «Сначала заведите дело, потом исключим». А прокурор: «Сначала исключите, а я потом с ним расправлюсь». Как-то оно нескладно получается у нас, товарищ Мартынов. Если б беспартийный такое преступление совершил — судили бы его. С коммунистом же — тянем волокиту, и так и этак дело пересматриваем. Хотя оправданий ему нет никаких.

Из двенадцати коммунистов в «Борьбе» настоящих колхозников было меньше половины. Остальные все состояли «при должности»: кто весовщиком, кто заготовителем в сельпо, кто финагентом. Жены их имели меньше всех трудодней, ни одна не выработала минимума.

Были и неплохие коммунисты в колхозе: два рядовых колхозника братья Максимовы, бригадир строительной бригады Кульков, звеньевая Федотова, ветеринарный фельдшер Шумилов, член партии с 1924 года — ленинского призыва. На последних выборах правления они голосовали против рекомендованных уполномоченным кандидатур, доказывали, что, если доверить этим прощелыгам колхоз еще на год, они вконец его развалят. Уполномоченный Федулов расценил их выступления на собрании как

направленные к срыву выборов, а старика Шумилова предупредил, что он может поплатиться партбилетом за организацию в колхозе «антипартийного блока»...

2

Поздним вечером в райкоме сидели Мартынов, Медведев и Руденко.

Мартынова после поездки в «Борьбу» несколько ночей мучила бессонница, он даже заметно похудел, под глазами легли синие круги. Но в этот вечер он был оживлен, почти весел,— долго обдумывал, что делать с такими колхозами, как «Борьба», но, видимо, уже что-то решил.

— В других наших неблагополучных колхозах тоже в какой-то стадии те же болезни, что в «Борьбе»,— говорил Мартынов.— Тут-то и причина всех неурядиц! Где в руководстве колхоза пьяницы, шляпы, там и ворам привольно орудовать. А чаще всего бывает: эти самые разгульные пьяницы — они же и воры... Нашего прокурора Нечипуренко бы председателем в «Борьбу»!

— Он не в нашей номенклатуре,— возразил Медведев.— Юриспруденция. Мы не вправе послать его председателем.

— Коммунист, член нашего райкома,— как же не вправе? Того не вправе послать в колхоз, другого не вправе — кто же в первую очередь кадрами коммунистов распоряжается?..

Мартынов долго молча сидел за столом, повернувшись к окну, пуская дым от папиросы в открытую форточку, и, когда начал говорить, не глядя на Руденко и Медведева, говорил как бы сам с собою — мысли вслух.

— Этой осенью дела у нас пошли лучше. Сентябрьский Пленум. Такие хорошие решения. Народ поднялся. Озимые посеяли вовремя. Всюду вспахали под зябь полностью, чего у нас давно не было. Весною с севом будет легче... Старые трактористы вернутся на машины. За зиму сделаем много. Весенний сев проведем хорошо. Будут сдвиги... Но если кто-нибудь попытается сразу же, после первых успехов, ударить в литавры по поводу блестящего выполнения решений Пленума — ох, как это вредно для дела! Эти решения еще выполнять да выполнять! До самой сути мы еще и не добрались... Кому выгодно поднять преждевременно шум о наших успехах? Тому, кто хочет, чтобы поскорее закончилась эта «кампания» укрепления кадров

в деревне. Уже, мол, все сделано. Всюду прекрасные секретари райкомов, умницы директора МТС, а председатели колхозов — прямо академики! Скорее бы угомонились, кончали эти пертурбации с кадрами,— чтоб его самого, не дай бог, не послали в деревню. Вот кому выгодно...

Главного мы еще не сделали. Кадры, кадры. В этом — все!.. Я считаю, Иван Фомич и Василий Михалыч,— круто повернулся в кресле Мартынов,— то, что мы сделали пока в районе,— это полумеры. Ну что мы сделали? Вытащили часть агрономов из контор, направили их в колхозы. Из области прислали нам несколько человек на работу в село — и все. Хотим отыграться на специалистах и на этих товарищах, приехавших из городов? И будем их спустя месяц вызывать на бюро и требовать коренного перелома?.. А из партийного актива кого мы послали в колхозы? Ведь в первую голову ответственны за тяжелое положение в отстающих колхозах мы, местный партийный актив, члены райкома. Да и не только потому ехать нам в колхозы, что мы допускали ошибки. Не в наказание. Ведь в райком на конференции избрали лучших коммунистов. Из райкома и надо брать кадры... Для таких колхозов, как «Борьба», нужны крупные фигуры. Там железной рукой надо наводить порядок... Распустим, Фомич, райком, райисполком, закроем кабинеты на замки, лучших своих работников отдадим в колхозы. А?..

Развалившийся на диване в усталой позе Руденко пошевелился.

— Тогда уж и нам с тобою идти в председатели. Закрывать так закрывать! Как в гражданскую войну закрывались комсомольские комитеты. Надпись на дверях: «Все ушли на фронт!»...

— Нет, без шуток... Не подумайте, что я действительно собираюсь ликвидировать районные организации. У меня есть план: как и колхозы укрепить, и район пополнить новыми кадрами. Держу кое-что на прицеле.

— Что?

— А вот что. Когда мы с тобою останемся без заведующих отделами, а райком, может быть, даже без второго секретаря,— Мартынов бросил быстрый испытующий взгляд на Медведева,— тогда у нас будут основания просить область, чтоб подбросили нам хороших работников. Да, нету никого, оголили все учреждения. Может, наглупили мы, перегнули палку, но что поделаешь, послали уже товарищей в деревню. Бейте нас, если наглупили, но

теперь уж их не вернешь назад. Колхозная демократия. Избраны уже на законных собраниях. Перегнули, каемся, но что же теперь делать? Выручайте нас, давайте нам людей в районный аппарат. Вот. Понятно?.. А когда область укрепит кадрами районы за счет своих учреждений и у обкома будет законная причина просить ЦК о том же. Пусть дают в область больше людей из центральных аппаратов, из разных министерств. Так оно и пойдет — волнами, перекатами сверху вниз: из районов в колхозы, из области в районы, из Москвы в область — все ж ближе к деревне...

— Значит, и меня хотите выдвинуть в председатели? — криво усмехнувшись, сказал Медведев.

Мартынов нахмурился.

— Почему же, Василий Михалыч, иронизируешь: «выдвинуть»? Вот до тех пор, пока мы не сломим такого пренебрежительного отношения к должности председателя колхоза,— вспылил он,— ничего у нас не выйдет. В самих себе, оказывается, надо ломать это аристократическое пренебрежение... Ну, оставайся ты в райкоме за первого, а я пойду в колхоз. Надо же кому-то начинать.

— А есть в этом необходимость, чтобы нам именно начинать?

— Есть! Именно потому, что ты усмехаешься, когда говорим: самое почетное дело сегодня — быть председателем колхоза. Ты — усмехаешься. А чего же от других требовать? Черт побери! Директор завода — должность уважаемая, авторитетная. И ты, Василий Михалыч, небось не обиделся бы, если б тебе предложили пост директора Магнитки. А колхоз с пятью тысячами гектаров земли, это что — не масштабная работа?.. Да, именно нам надо начинать. Не тебе, так мне... Что молчишь, Фомич? Спишь?

— Нет, не сплю. Думаю,— отозвался Руденко.

— Согласен со мною?

Руденко помолчал.

— Иван Фомич боится, как бы ты и до него не добрался,— с той же нехорошей, кислой усмешкой сказал Медведев.— Он меня жалеет. Если он проголосует за то, чтобы мне в колхоз ехать, я же скажу: «И Руденко посылайте председателем, что ж он, меньше меня, городского учителя, знает сельское хозяйство?..»

— Ну, братцы,— встал Мартынов,— если мы, члены бюро, будем вот так в молчанку играть, друг друга «жалеть», тогда иначе сделаем. На партактиве будем решать.

— Партактив неправомочен решать за райком,— возразил Медведев.

— Ничего. Дело не в форме — в существе. Надо же как-то ломать лед.— Мартынов сделал пометку в настольном календаре.— Созовем партактив восемнадцатого, в пятницу. Я сделаю доклад о ходе выполнения решений сентябрьского Пленума. Минут двадцать дадите мне для доклада, больше не нужно. И приступим сразу к практическим делам.

Часа в два ночи Руденко позвонил Мартынову на квартиру:

— Спал, Илларионыч? Прости, что разбудил. А мне не спится... Оделся бы, вышел, а? Походим, поговорим. Дело есть. До утра? Боюсь, до утра передумаю, а сейчас, если скажу тебе, значит — все, отрезал!

Не совсем проснувшийся Мартынов что-то невнятно ответил на вопрос жены, куда он уходит, оделся и вышел на улицу. Руденко ждал его уже у ворот. Пошли по скверу.

— Знаешь, почему я промолчал, Илларионыч? — заговорил Руденко.— Медведев не та фигура, с которой нужно начинать. Странный он какой-то человек. Вот уж год работает у нас — ничего о нем не скажешь ни хорошего, ни плохого. Был учителем, кому-то вздумалось выдвинуть его на партийную работу. Какие у него к этому обнаружились таланты? Спрашивал я про него товарищей из Низовска. И там, в горкоме, ничем особенным себя не проявил. Аккуратист, резолюцию грамотно напишет, лекцию прочитает — это он умеет. Не знаю, как ты считаешь, но, по-моему, колхоза он не потянет. Не организатор. Да и сельского хозяйства не знает.

— Год работает в сельском районе.

— Ну, видишь ли, кой-чему поверхностно он за это время научился, но такого знания, как у хлебороба, изнутри — у него нет.

— Как же мы Долгушину, не хлеборобу, доверили МТС? Тринадцать колхозов?

— У Долгушина, я уж заметил, мертвая хватка на все новое. Он ночь просидит за брошюрами о возделывании сахарной свеклы, а утром со старым агрономом уже поспорит, по каким предшественникам ее лучше сеять и какие посевы можно, а какие нельзя букетировать. Долгушин хочет работать в деревне. А у Медведева душа

к ней не лежит. За год не было случая, чтоб он остался где-то в колхозе заночевать. Блох боится. Зачем же его — в колхоз?..

— К чему ты речь ведешь? За этим только и вызвал меня среди ночи, как девушку на свиданье? О Медведеве рассказать? Я его не меньше тебя знаю.

— Не о Медведеве хочу рассказать — о себе... Если нужно, как ты говоришь, лед ломать, давай я выступлю на партактиве и попрошу послать меня в колхоз. Дайте мне один из самых отстающих, но чтоб были там возможности, земли много, чтоб было, в общем, где развернуться. «Вехи коммунизма» дайте или «Память декабристов». За год не ручаюсь, не сделаю, время нужно. А через два года весь район будешь возить к нам на экскурсии.

Мартынов остановился, взял Руденко за плечо, повернул его лицом к себе:

— Серьезно, Фомич?

— Серьезно, Илларионыч.

— Ну, спасибо, друг!.. Ох, как это важно сейчас: лучших из лучших коммунистов послать председателями колхозов! Ведь нам теперь все дано, о чем мечтали мы. Дело теперь — в методах руководства...

— Ладно, еще меня будешь агитировать! Это у меня, брат, уже не первую ночь подушка под головой вертится. Тоже не раз думал: не так мы решаем вопрос о кадрах, как сентябрьский Пленум требует! И еще скажу тебе по совести: не удовлетворяет меня работа в райисполкоме. Может, не хватает мне кругозора, не по плечу эта должность, но с тобою мне очень трудно. Не выскочишь поперед тебя. Только надумаешь провернуть что-нибудь новое, а ты уже это дело обмозговал, у тебя уже конкретные предложения. За чужой головой хоть и легче жить, но скучно... Не вышел из меня хороший глава Советской власти, сам чувствую. Так — придаток к райкому. Член бюро для голосования. В общем, не по Сеньке шапка. А сейчас, как я понимаю, Советы нужно укреплять. Все разъедутся по местам, в райкоме и заседания не с кем будет проводить. Да и не нужно там часто заседать. Девяносто процентов тех хозяйственных вопросов, что решали на бюро, надо решать в исполкоме — смело, ответственно! Ну, я этого не охвачу, честно признаюсь... А колхоз — это мое кровное. И бригадиром был, и полеводом, и председателем сельсовета. Урожаи собирал по

двадцать центнеров, когда полеводом работал... Решено, поеду в колхоз!

— Решено-то решено... А я с кем останусь?

— Действуй по намеченному плану. Звони в область, кричи: «Караул! Остались без председателя райисполкома, видите, что делаем,— никого не жалеем для колхозов. Давайте нам теперь кого-нибудь из областных работников»... Вот только у меня, Илларионыч, одно затруднение. Тут уж ты мне помоги...

— В чем затруднение?

— Жена... Не говорил еще с нею. Не знаю, как она к этому отнесется. Варвара Федоровна сама крестьянка, колхозница... Тут, видишь, в чем дело — нет у нее никакой специальности. Будь она учительница или врач — сразу нашли бы ей место и работала бы там в селе, без нареканий. А без специальности, что ж — придется ей в поле ходить. А как иначе? Что колхозницы скажут: «Жены начальников не работают, а нас заставляете!» Она-то у меня не старуха, не инвалид. В тридцать девятом году рекорды ставила на вязке снопов. И сейчас, как вытянет меня на наш огород, картошку окучивать, я рядок пройду, она — три. Но не знаю все же, что она отпоет мне насчет колхоза. Характер у нее, ты знаешь, не ангельский... Давай вместе поговорим с нею? Вот на ком испробуй свои агитаторские таланты!.. Только не говори, что я сам напросился. Скажи, что это по решению бюро, если откажусь — худо мне будет. Тут-то она, конечно, призадумается. Будет, конечно, кричать: «Если моего Ивана в колхоз, тогда и этого пузана Куркова посылайте! И этого лоботряса Коробкина!» Всех переберет. Может, и до тебя доберется. В общем, приходи вечером к нам. Поужинаем вместе. Она любит, когда к нам гости приходят, при гостях добрее становится.

Вечером на квартире у Руденко, за ужином, Мартынов издалека завел речь о необходимости укрепления руководящих колхозных кадров:

— Помнишь, Иван Фомич, какие были орлы председатели колхозов в первые годы коллективизации? Или, может, потому, что я сам тогда был мальчишкой — все люди вокруг казались мне богатырями? Нет, на самом деле, в то время выбирали председателями колхозов лучших сельских активистов. Энтузиасты! Вожаки! Орга-

низаторы! Потом многие из них пошли на выдвижение. Торопились их выдвигать. Смотрят: э, нет, этот человек слишком хорош для колхоза, надо дать ему работы помасштабнее. В район его, в область!.. «Слишком хорош»!.. Вот из нынешних стариков председателей, знаменитых на всю страну, многие удержались на месте только потому, что всячески сопротивлялись «выдвижению» — до скандала! «Пригрелся в теплом уголку! Не хочешь расти? Боишься ответственности?» Да где же еще больше ответственности, как не в колхозе, где от твоей работы зависит благополучие тысяч людей? И разве рост только в том заключается, чтоб с каждым годом на чин выше подниматься? Можно бригадиром быть всю жизнь и беспрерывно расти — все лучше и лучше работать, больше брать богатств от земли, науку, культуру внедрять в производство!..

— Правильно говоришь, Петр Илларионыч,— соглашался Руденко.— В старой армии, говорят, бывало, десять-пятнадцать лет командовал офицер батареей, и не спешили делать его командиром полка. Кто же ведет огонь в бою по врагу, как не батарея? Вот там-то и нужны мастера! И он, этот офицер, так знает свое дело! Будет спать пьяный в стельку, крикни ночью: «Противник там-то, отметка такая-то!» — не раскрывая глаз, правильно подаст команду.

— Почему же, Фомич, измельчали у нас местами кадры председателей колхозов? — продолжал Мартынов, подавая чашку Варваре Федоровне, разливавшей чай из старинного, семейного, ведра на два, самовара.

— Ну, почему. Сам же говоришь — «повыдвинули» многих. А сколько хороших председателей погибло в Отечественную войну на фронте и в партизанах? Лучшие люди ведь и на фронте в первых рядах шли. Опять же — мало внимания обращали на учебу колхозных кадров.

— Я думаю, Фомич, через некоторое время мы добьемся, что должность председателя колхоза станет самой почетной на селе! — сказал Мартынов.— Позором будет считаться, если человек не сгодился в председатели. Как же так — был ответработником крупного масштаба, а народ не доверяет тебе колхоза? Те, которых мы будем рекомендовать в председатели, уже не самого колхоза будут бояться, а как бы их там колхозники не прокатили на вороных!

— Да, да! И еще вот что может случиться, мать, слышишь? — Руденко тронул за плечо жену.— Кто сейчас

артачится, не хочет идти в председатели — ошибется! Это не кампания, этому делу конца не видно. Укрепим кадры председателей колхозов — возьмемся за бригадиров. Сегодня отказываешься от колхоза — завтра тебе бригаду предложат.

— Так и будет,— подтвердил Мартынов.— Раз уж решено брать с больших постов лучших работников и посылать их в деревню — на полпути не остановимся. И бригады будем укреплять хорошими коммунистами.

Варвара Федоровна, женщина лет сорока, сухощавая, но широкая в кости, смуглая, с суровыми, резкими чертами лица, густыми черными бровями, крутым подбородком, резала хлеб, подкладывала варенья в розетки, спокойно перехватывая убеждающие, «агитирующие» взгляды Руденко и Мартынова.

— А что, мать,— откашлявшись, голосом, сиповатым от неуверенности в благополучном исходе их мирной застольной беседы, сказал Руденко,— может, и мне взять колхоз?.. Что нам — привыкать к сельской жизни? Пусть ее другие боятся, а мы в деревне родились и выросли. А?.. Пока не поздно.

— Почему — пока не поздно? — спросила Варвара Федоровна.

— Да вот, говорим, пока не дошло дело до бригады.

Вопреки ожиданиям Руденко, ничего особенного не случилось.

— Бригады боишься? Не бойся! — махнула рукой Варвара Федоровна.— Как видно, к тому идет, что скоро вам, таким руководителям, колхозники и звена не доверят. Куриной фермы не доверят!..

Мартынов и Руденко переглянулись.

— Чего вы тут старались, целый час мне разъясняли: «Председатель колхоза — самая почетная должность!», «Лучших коммунистов надо послать председателями!» Коробкину, Жбанову разъясняйте, да их женам, белоручкам, что маникюр каждую субботу наводят!.. Думаешь, Иван, я не знаю, что ты дал согласие на колхоз?

— Ты знаешь? Откуда? Кто тебе рассказал?..

— Да ты же сам и рассказал.

Руденко молча, в недоумении, развел руками.

— Вот за что хорош муж у меня,— обратилась Варвара Федоровна к Мартынову.— Если приглянется ему какая женщина, еще не успеет согрешить, только подумает, а я уж знаю — ночью во сне все выболтает. Или

болезнь это у него, или, может, тяжело ему работать в райисполкоме, перегрузка на мозги — всю ночь бредит. Да ты мне, Иван,— круто повернулась к мужу,— целую неделю уже спать не даешь! Только и слышу: «Если мы не возьмем это дело в свои руки — кто ж возьмет?»... «Мы виноваты — нам и исправлять»... Истинно так! Вам исправлять. Ты тут шесть лет в райисполкоме сидишь, всех пересидел. А много ли пользы принес колхозам? У вас в руках и власть и законы, да что-то вас не очень слушают. Заседаете, постановления пишете, телефонограммы бьете — как об стенку горохом! Кто ж будет выполнять ваши постановления в таких колхозах, как «Красный пахарь», куда нас, городских домохозяек, посылали осенью свеклу копать? Этот обормот Анучкин? Ни шалашей у них в поле, ни воды не подвозят, не заботятся о людях, негодяи! Из ваших постановлений цигарки крутят. Расписываете их, трудитесь — для кого? Тумба бездушная сидит в председательском кресле, сивухой насквозь провоняла. Гнать их поганой метлой, таких паразитов, разорителей колхозной жизни! А вам самим — на их место садиться... Езжай в колхоз, бери какой потруднее — может, совесть у тебя успокоится, не будешь по ночам за голову хвататься.

— А ты? — спросил Руденко, не совсем еще доверяя такому быстрому согласию жены.

— Езжай, говорю. Попутный ветер! И мне не стыдно будет от баб. Пойдешь на базар курицу купить, слышишь, колхозницы говорят: «Вот Руденчиха, председательша, ходит, ищет курочку пожирнее, щупает. Откуда же им быть жирными, когда кормить нечем».

— Но ты-то поедешь со мною в колхоз? — повторил свой вопрос Руденко.

— А что ж, думаешь, развод дам?.. Чтоб ты там на какой-нибудь молоденькой звеньевой женился?

— Поедешь? Ну, смотри... Учти, Варя, что мне, как председателю колхоза, неудобно требовать от других дисциплины, если моя жена не будет ходить в поле. У тебя ж больше нет никакой специальности. Там тебе придется физической работой заниматься.

— А здесь я какой работой занимаюсь, умственной, что ли? Подштанники тебе стираю — головою?.. Черт рыжий! — вскипела наконец Варвара Федоровна (у Руденко действительно волосы были цвета золота девяносто шестой пробы).— От кого слышу про физическую работу! Пугает меня! Да кто же у нас дома этой самой физической

занимается? Ты, что ли, заседатель? Вот они, руки,— кинула перед собою на стол вверх ладонями руки, большие, сильные, натруженные, в царапинах и мозолях.— Вот! А тебе свои мозоли и показать неудобно — не на том месте... Кто за зиму десять кубометров дров переколол? Выйдет утром, расколет одно полешко, кряхтит, пыхтит: «Ох, поясница болит, почки, седалищные нервы, радикулит...» Избаловались, изнежились в теплых кабинетах! Кто сарай перекрыл толем? Ты, что ли? Кто погреб вырыл? Кто картошку копал, возил?.. Там на поле хоть отметят мой труд. Я там еще не один рекорд поставлю! Орден, может, заслужу. А тут — целый день мотаешься как угорелая, и никто твою работу в грош не оценит. Хоть бы когда-нибудь щи мои похвалил: «Ну, Вареха, молодец, щи хорошие ты сегодня сварила!»

Мартынов в веселом изумлении пожал плечами:

— Фомич, как же это получается? Боялся — что скажет Варвара Федоровна?.. Настроения собственной жены не знаешь!

— Откуда же ему знать мое настроение, Петр Илларионыч! — с горячим укором сказала Варвара Федоровна.— Я уж и не помню, когда мы с ним по душам о чем-нибудь таком жизненном поговорили. Уходит рано, приходит поздно, либо книжку читает молча, про себя, либо — спать. Выйдет какое-нибудь постановление правительства — едете в колхозы, собрания проводите, а с нами об этих делах не беседуете. Ну, мы и сами грамотные, читаем газеты, разбираемся, что к чему... Может, вы думаете, что нам, женам, неинтересно, что у вас в районе делается? Не знаем, кого за что покритиковали? Не переживаем за вас? Не хотим вам помочь? Эх вы, умники-разумники!.. Пойдем в колхоз. Только одним моим Иваном, Петр Илларионыч, не отбудете! Тут многие товарищи геморрои да ишиасы поналживали на заседаниях. Туда их, в село! Пораньше вставать, пешечком по полям — на свежем воздухе все болячки заживут!..

На прощанье Мартынов спросил у жены Руденко:

— Все же скажи, Варвара Федоровна, почему ты считаешь, что мы плохо руководим районом?

— А то хорошо? — с вызовом ответила Варвара Федоровна.— Сколько у вас таких колхозов, где и в этом году дадут на трудодень граммы? Я смотрела сводку! Да когда ж это кончится? Разве ж можно с этим мириться, пусть даже в одном только колхозе останется такое безо-

бразие! И там ведь — живые люди! В среднем, подсчитываете, по району выдали столько-то. Это все равно как бы, к примеру, вот я живу очень хорошо, а моя соседка, вдова, больная, очень плохо,— значит, можно считать, что в среднем мы с соседкой живем хорошо? Нет, чужой юбкой своей наготы не прикроешь!.. Дожидались сентябрьского Пленума! Сейчас только спохватились, начинаете посылать в колхозы стóящих людей, а не шантрапу всякую, самогонщиков! А о чем раньше думали? Не могли дойти до этого своим умом?..

— Да видишь ли, Варвара Федоровна,— возразил Мартынов,— если бы мы раньше затеяли то, что хотим вот сейчас сделать, нас, возможно, назвали бы загибщиками. Да и сейчас не знаю еще, как пойдет...

Руденко вышел проводить Мартынова за ворота.

— Ну, уговорили Варвару Федоровну,— сказал Мартынов.

— Уговорили!..

И оба расхохотались на всю улицу так громко, что в доме напротив открылась форточка и чья-то любопытная голова высунулась поглядеть — что там за веселье такое, возле квартиры председателя райисполкома, среди ночи?..

3

На собрании районного партийного актива Мартынов даже не использовал отведенных ему по регламенту двадцати минут — докладывал ровно семнадцать минут.

— Решения сентябрьского Пленума вы все читали. Нет надобности их пересказывать. Плохо мы выполняем решения Пленума. Не выполнили до сих пор главного: не укрепили все колхозы отборными кадрами. Давайте подумаем, как это сделать. И сделать, не теряя больше ни одного дня. Вот колхозы,— Мартынов зачитал список,— где, по нашему мнению, нужно немедленно сменить председателей.

Он рассказал собранию о положении дел в колхозе «Борьба».

— Кто может навести там порядок? Человек решительный, преданный делу колхозного строительства, честный, настоящий коммунист. С его помощью мы оздоровим там и партийную организацию.

— Там этих разложившихся повыгонять надо! — раздались голоса из зала.

— Для чего они примазались к партии?..

— На рядовых работах их проверить — достойны ли они называться коммунистами?

— Давайте приступим сразу к делу,— заключил Мартынов.— Выберем комиссию для подработки проекта решения, и пусть эта комиссия, невзирая ни на какие высокие посты, продумает: кого из нашего партийного актива следует послать в колхозы на постоянную работу. Предлагаю в состав комиссии: Опёнкина, Руденко, Глотова, Медведева...— Мартынов назвал еще трех председателей колхозов, редактора районной газеты Посохова, секретаря райкома по зоне Олешенской МТС Кольцова, нового директора Надеждинской МТС Долгушина.

Проголосовали.

— Созыв за товарищем Опёнкиным. Пока сделаем перерыв минут на сорок. Далеко не расходитесь. А потом откроем прения уже по проекту.

— Эх,— крякнул, улыбаясь, усевшись в кресло, толстяк Опёнкин, когда комиссия удалилась из зала в отдельную комнату.— Сколько раз участвовал я в таких комиссиях, но на этот раз, кажется, буду писать резолюцию с удовольствием! Наконец-то делом занялись!

— Одобряете, Христофор Данилыч? — обратился Мартынов к директору Надеждинской МТС Долгушину.

Долгушин, черноволосый, с проседью, с цыганскими глазами (кто-то в роду у него был из цыган), с глубоким рваным шрамом на щеке, искривившим рот, сняв пиджак, аккуратно повесив его на спинку стула, подтянув рукава свежевыглаженной рубашки, присел к столу.

— Вполне одобряю, Петр Илларионыч! Я, директор МТС, отвечаю не только за свой тракторный парк — отвечаю за все колхозы нашей зоны. Отвечаю даже больше, чем вы, первый секретарь райкома,— и в уголовном порядке отвечаю. Так дайте же мне хороших председателей колхозов, на которых я бы мог положиться!

— «Мне дайте»,— прошептал на ухо Глотову Медведев.— Ишь ты! Министерская привычка. Он думает, вероятно, руководить колхозами путем приказов. А председателей — поставить на положение своих помощников.

— Пиши, Демьян Васильич,— начал диктовать Руденко: — «Собрание партактива считает необходимым для успешного выполнения решений сентябрьского Пленума ЦК КПСС послать ряд руководящих товарищей в отста-

ющие колхозы... Собрание принимает к сведению заявление товарища Руденко о его желании поехать в любой колхоз на постоянную работу в качестве председателя...»

— Вот это здорово! — воскликнул с восхищением Глотов.— Ход королем!

— Так, так, Фомич! — склонив голову набок, скреб пером по бумаге Опёнкин.— Был колхозником — и опять в колхоз. От земли взят, в землю изыдеши. Хорошее дело! Валяй! Бери «Вехи коммунизма», по соседству, посоревнуемся!..

— О причинах, побуждающих меня идти на работу в колхоз, я доложу товарищам на собрании,— сказал Руденко.— Пиши дальше.

— Пиши,— стал диктовать Мартынов: — «Собрание считает также, что для пользы дела следовало бы поехать на постоянную работу в колхозы коммунистам...» Посохов! — обернулся он к редактору районной газеты.— Фотоаппарат при тебе? Будем фотографировать добровольцев и ночью же — в номер. Весь завтрашний номер — о добровольцах!.. «Следовало бы поехать товарищам...»

После небольшого раздумья Мартынов и члены комиссии стали называть фамилии. В список попали: заведующие отделами райкома Жбанов и Быстров, райпрокурор Нечипуренко, заведующий райфо Курков, начальник милиции Сазонов, управляющий госбанком Щукин, директор ликеро-водочного завода Юрьев, зампредрайисполкома Федулов, судья Грибов, секретарь райкома комсомола Рыжков, заведующий отделом сельского строительства Коробкин, инспектор по определению урожайности Бывалых, директор мясокомбината Корягин, заведующий районо Плотников и инструктор райкома партии Николенко.

— Так это у нас добровольцев набралось даже больше, чем нужно,— сказал Опёнкин, подводя черту.

— Добровольцев? А ты не шути. Вот поговорим с ними по душам — и будут добровольцами.

— Больше, чем нужно, это не беда — в запасе будут.

Просмотрели еще раз список. Опёнкин, зачитывая фамилии, давал каждому короткую, но меткую характеристику.

— Жбанов... Неврастеник. Не умеет спокойно с людьми разговаривать. Колхозницы кричат, а он еще пуще. Какой-то он тонкокостный, вроде этих остфризских бруцеллезных коров. Выдержит ли в деревне — без теплой

уборной? Сядет на ветру — и воспаление легких схватит... Щукин — гож, пойдет! Из колхозных бухгалтеров выдвинулся в управляющие госбанком. Уж он-то колхозные финансы знает! Будет беречь колхозную копейку. А меня бы — на его место, в госбанк. Вот бы я его прижал безналичными расчетами!.. Сазонов. Давно бы надо было послать его председателем! Бывший тракторист и председателем колхоза работал, майор, три ордена Славы,— чего его занесло после войны в милицию? Да я же наблюдал за ним. Как увидит новый трактор, дизель, дрожит весь — так хочется ему землю пахать!.. Юрьев. Редкий человек. Директор ликеро-водочного завода и не пьет. Говорит, только в воскресенье перед обедом — сто грамм перцовки. Побольше бы с такими твердыми характерами в колхозы!.. Коробкин. Ну, зачем этого пустозвона? В колхозе же надо дело делать. Как его жизнь протекает? В райисполкоме за него люди работают, а он — вечный уполномоченный. Безответственное занятие. Ходит за председателем колхоза и зудит: «Надо нажать! Мобилизовать!» А запрети ему болтать, брось его в гущу массы, заставь самого мобилизовывать — он же пропадет, как голый на морозе!

— Оставим его пока в списке, для проверки — как он сам к этому отнесется,— сказал Мартынов.— Надо же нам наконец и маски снять с некоторых «активистов». Двух зайцев убьем.

— Судья Грибов. Толковый дядька. Спокойный. Смотрит на человека — насквозь его видит. Двадцать лет в партии. Поймет, что сейчас нужно всем на передовую идти... Рыжков. Конечно, в колхоз его! Такому молодому парню с этих лет засесть в канцелярии? Надо же и практически поработать, свежим воздухом подышать. Есть в комсомоле второй секретарь? Вот второй останется пока за него... Бывалых? Да-а... «Солдат» партии. Мне про него рассказывали наши соседи, черемшанцы. Его уже возили раз в колхоз, когда он в их районе работал. Так он что заявил там, на собрании! «Что ж,— говорит колхозникам,— я солдат партии, подчиняюсь решению райкома. Выбирайте меня председателем. Зарплату будете платить вы, из колхозной кассы, а сельского хозяйства я не знаю, не специалист, колхоз ваш угроблю, так что, может, денег только на зарплату мне и хватит». Не выбрали. Ухарь! Не специалист. А к нам приехал на должность инспектора по урожайности. Как же так? Опреде-

лить правильно урожайность по корню сможет только опытный хлебороб!..

— Тоже оставим, для проверки,— сделал отметку в списке Мартынов.

— Федулов...

— Этого отведем,— сказал Мартынов, и вся комиссия согласилась с ним.— Тут уж нечего проверять. Покровительствовал ворам в «Борьбе». Из партии будем гнать! И опубликуем решение в газете. Покажем всем, что надо оберегать колхозы от таких, нечистых на руку, как от чумы!..

Когда огласили проект решения партактива и список намеченных к посылке на постоянную работу в колхозы, в переполненном зале Дома культуры минуты три стояла гробовая тишина. Первым нарушил тишину районный прокурор Нечипуренко.

— Та-ак,— протянул он неестественным, сдавленным голосом, будто у него что-то застряло в горле.— Значит, ликвидируем райцентр! В том числе и органы юстиции? К коммунизму подошли? Отмирание государства?..

— Вот теперь давайте откроем прения,— оставив его реплику без ответа, сказал Мартынов.— Есть пища для разговора. Не вообще будем рассуждать о новом подъеме сельского хозяйства, а решим здесь — что мы должны сделать для этого подъема. Сделать собственным трудом, руками, а не языком.

Слово попросил Руденко.

Он заметно волновался, не от робости перед большим собранием — сто раз выступал он с речами перед такими собраниями,— а от сознания важности минуты, важности принятого им решения.

— Я, товарищи, действительно сам, без всякого нажима со стороны бюро райкома, заявил о своем желании пойти работать в колхоз председателем,— начал он.— Что меня заставило?.. Если бы я стал здесь говорить вам, что мне в городе жить надоело, очень хочется переселиться из города в село, что иду я в колхоз с восторгом,— это было бы вранье... Кхм, кхм...— Прокашлялся, отпил воды из стакана.— Не знаю, как через несколько лет: может, тогда меня и клещами не вытянете из колхоза, когда сделаю уже там что-то видное, но сейчас, сказать честно, сам себя тяну за шиворот туда.

Редактор районной газеты Посохов, неплохой рисо-

вальщик, тут же набросал дружеский шарж для «Колючки»: Руденко тянет одной рукой за шиворот, другой подталкивает себя в спину вперед по дороге, по направлению стрелки-указателя на столбе — «В колхоз!» Через пять минут рисунок уже висел в фойе, приколотый к фанерной доске для всеобщего обозрения во время перерыва.

Руденко продолжал:

— В общем, не с таким удовольствием еду в колхоз, как к теще в гости на блины. Я ведь поеду не во «Власть Советов», не в «Красный Октябрь», на готовое, а в какой-то колхоз из тех, о которых тут товарищ Мартынов говорил. Придется поработать очень напряженно. На первых порах и за хозяйственника и за прокурора. Это я все ясно себе представляю — как будет трудно. И вижу, что надо сделать, чтобы стало легче. Поднять материальную заинтересованность колхозников — и пойдет дело, завертится машина. Но для того, чтобы осталось в колхозе много хлеба после поставок, надо вырастить высокий урожай. А высокого урожая можно добиться лишь в том случае, если люди очень хорошо поработают, веря, что их труд не пропадет. Но в тех колхозах, где мы слишком долго держали в руководстве бездельников, люди потеряли веру в трудодень, потому и работают плохо. Видите, как оно запуталось, дело. Ее надо укрепить, эту веру в трудодень! Иначе мы не вытянем такие колхозы!.. Так вот, почему же я, товарищи, невзирая на трудности, решил идти работать в отстающий колхоз? Да потому, что, если мы только будем изучать решения сентябрьского Пленума на наших партсобраниях, этого мало. Разъяснять их колхозникам — дело очень нужное, но и этого мало. Так можно в культурников превратиться, если только читать постановления да разъяснять. Эти решения ЦК партии надо выполнять!

Руденко справился с волнением, голос его окреп, звучал сильно, слова падали в зал весомо, убедительно.

— Решения Пленума ЦК — прекрасные, все колхозники это почувствовали. Но думают про себя: решения Пленума хороши, да вот наши районные руководители не подведут ли? Не сыграют ли с нами в испорченный телефон? Знаете такую игру? Пока от первого человека до последнего дойдет слово — уже не то слово, что было вначале сказано. Нас-то, думают колхозники, взяло за живое, а вот их, деятелей наших, взяло ли? Способны они

выполнить то, что ЦК партии от них требует? Короче говоря, к решениям сентябрьского Пленума нужно еще, чтобы люди поверили нам, местным руководителям, что мы беремся за дело всерьез. Что нам тоже, как и тем, кто живет, кормится от земли, очень хочется, чтобы ни в одном колхозе не было тощих колосков на полях, пустых трудодней! Вера в своего ближайшего руководителя, в его партийную душу — великое дело! Отсюда и трудовой подъем и урожай — все! Надо самым видным в районе людям идти в колхозы!.. А насчет того, как это, не унизительно ли нам, ответработникам районного масштаба, спуститься из района в село, я так думаю: сегодня тот масштаб самый большой и почетный, где труднее всего!

Собрание, среди участников которого было много низовых колхозных работников, проводило Руденко одобрительным гулом и громкими аплодисментами.

— Так держать! — выкрикнул с места секретарь партийорганизации колхоза «Власть Советов» Демченко, моряк в отставке, главный старшина, участник обороны Севастополя.— Правильные слова, Фомич! Берите, товарищи, пример с него, не стесняйтесь!

В передних рядах поднялся коммунист с 1918 года Поликарпов, пенсионер, очень дряхлый старик,— его-то уж лично вопрос о посылке в деревню не касался.

— Товарищ Мартынов! А вы все же не ответили товарищу прокурору насчет отмирания государства. Как же мы обойдемся без председателя исполкома, без начальника милиции? Совсем, что ли, их не будет?..

В наступившей тишине внятно прозвучал голос инспектора по определению урожайности Бывалых, сидевшего где-то в середине:

— Помесь анархизма с народничеством...

— Так, начинается,— шепнул Мартынов усевшемуся на свое место Руденко и встал.— Что говоришь, Бывалых? Это ты насчет проекта решения?.. Нет, народничество тут ни при чем. Укрепление связей с народом — это не народничество, в том смысле, как знаем его из истории партии. И анархизма тут никакого нет. Я же не сказал еще, как мы думаем переставить кадры. Районные учреждения мы ликвидировать не собираемся, мы их будем укреплять. Анархизма тут нет... А вот меньшевизм, товарищ Бывалых,— карандаш, который Мартынов вертел в пальцах, хрустнул и сломался,— меньшевизм не мешает вспомнить. Большевики отличались от меньшевиков тем, что мень-

шевики лишь болтали о революции, а большевики ее делали...

— Так это же было сказано о революции,— возразил звучным баритоном несмутившийся Бывалых.

— О революции, да... А сейчас, спустя тридцать шесть лет после революции, ты считаешь, можно уже не проводить различия между болтовней и делом?..

Секретарь райкома комсомола Рыжков, сильно волновавшийся с той минуты, как услышал в проекте решения свою фамилию, порывисто вскочил, поднял руку:

— Можно мне, товарищ Мартынов?.. Революция была давно, товарищи, я ее не помню. Вернее, меня тогда на свете еще не было, когда была революция. Но я думаю, что и на долю моего поколения работы осталось немало... Мне двадцать пять лет. У меня отец был коммунист с подпольным стажем. Два старших брата погибли в Отечественную войну. Но разве они все сделали за меня? Раз партия требует, чтобы нам быть сейчас на передовой линии, где трудно,— надо идти! Если колхозники не доверят мне по молодости колхоз — возьму бригаду. Прошу считать меня добровольцем!..

И когда утихли аплодисменты в зале, Рыжков, весело, во весь рот улыбнувшись, повернулся к президиуму:

— Ну, что — на этот раз не перерасходовал регламент? По-спартански выступил?

— Коротко и ясно! — одобрительные голоса из зала.

— А насчет того, кто займет мое место в райкоме, я не беспокоюсь. Есть заместители. Да если бы я сегодня помер — нашли бы парня на мое место?..

— Не помирай!

— Живи, Вася, сто лет!

— К нам его, Петр Илларионыч, в «Восход», секретарем парторганизации! Он уже вырос из комсомола.

— Погодите, товарищи! — поднял руку Мартынов.— Кого куда — это мы уже потом решим, на бюро. Я отвечу для ясности — что мы думаем насчет районных учреждений.

Он доложил собранию свой, «засекреченный» пока, план — то, о чем рассказывал уже Медведеву и Руденко: как он будет просить в обкоме кадры после того, как всех посланных в колхозы товарищей изберут там председателями.

— Я думаю, что нас поддержат, подкрепят кадрами. Но если даже на какое-то место нам не дадут из области

человека, право же, обойдемся своими людьми, теми, что есть у нас. Куда труднее,— доказывал Мартынов,— подобрать хороших председателей колхозов, нежели заполнить те бреши, что образуются в районном аппарате. Свято место не будет пусто! Ну вот взять хотя бы тебя, Андрей Семеныч,— обратился он к прокурору Нечипуренко.— Сколько лет ты работаешь в районе?

— Пять лет,— хмуро ответил прокурор, согнувшись на стуле, упершись локтями в колени, опустив голову,— видимо, тяжело и напряженно обдумывал проект решения партактива.

— Так, пять лет. А сколько ты из этих пяти лет прожил в колхозах уполномоченным по разным кампаниям?.. Да не меньше трех лет!

— Не меньше,— буркнул Нечипуренко.

— Но ты же не вешал замок на прокуратуру, когда уезжал в колхозы? Кто за тебя работал? Аппарат, заместитель. Так, может, кто-то из твоих помощников тебя и заменит совсем? Да и институты у нас ежегодно выпускают молодых специалистов, в том числе и юридические вузы. Может быть, какой-то молодой прокурор приедет на твое место. Но кому же, как не тебе, старому районщику, идти в колхоз? Изучил хорошо район, сам из крестьян, сельское хозяйство знаешь не хуже агронома. А какой эффект будет, пойми! Тут уж колхозники скажут: да, крепко берутся наши руководители за подъем сельского хозяйства — даже прокурора послали председателем колхоза!.. А кроме всего прочего, Андрей Семеныч, тебе действительно нужно освежиться. Притупились у тебя и глаз и чутье. Нужно тебе, как Антею, прикоснуться к земле, чтоб набраться сил. Я настаиваю, чтобы ты пошел председателем именно в «Борьбу». Там ты увидишь и плоды собственной деятельности на посту блюстителя закона. Такие вещи увидишь, что сразу у тебя и злости, и энергии, и бдительности прибавится на двести процентов!..

Нечипуренко переменил позу, разогнулся, откинулся на спинку стула, обвел глазами стены, потолок, вытер ладонью мокрый лоб, вздохнул, но ничего не ответил Мартынову.

Прения продолжались.

Заведующий орготделом райкома Быстров так же коротко, как Рыжков, сказал: «Надо — так надо, пойду», порекомендовал на свое место заместителя из инструкторов и попросил лишь учесть, что у него трое детей учатся

в старших классах, послать его в такое село, где есть десятилетка.

Судья Грибов заявил:

— Я, товарищи, выбрал профессию судьи случайно, не могу сказать, что пошел на это дело по призванию. Просто захотелось после демобилизации доучиться. Уже не молод был, но все же решил получить законченное образование. Учиться я мог только заочно — два года после фронта лежал, залечивал раны. Думал, может быть, на всю жизнь останусь калекой. Поэтому и выбрал такую сидячую специальность. Да и в юридический легче было поступить. А сейчас я здоров, ездить, ходить по полям могу. Дела нашего участка можно временно передать судье второго участка. Много, правда, работы у нас, трудновато будет одному. Но я думаю, что, если сильнее бороться с преступностью там, на месте, всюду повыгнать из колхозов воров,— работы здесь у следователей и судей значительно убавится. А колхозное дело я знаю. Был до войны инструктором сельского райкома. Да и фронт многому научил — батальоном командовал. Думаю — справлюсь.

— Ну, тут уж, мне кажется, мы немножко перегибаем,— сказал Глотов.— Как же так, судья—это же выборная должность, его народ выбирал, тайным голосованием!

— А должность председателя райисполкома разве не выборная?

— Ничего, можно, давай и судью!

— С желанием идет человек — хороший будет председатель!

Попросил слова бывший районный агроном Филатов, посланный еще месяц тому назад на работу в отдаленный колхоз имени Ворошилова (куда поехал он с большой неохотой).

— Вот вы, товарищ Мартынов, правильно решаете о других, а свою супругу устроили на работу в пригородный колхоз, без отрыва, так сказать, от домашнего уюта. А почему бы ей не поехать агрономом-садоводом в «Память Ленина» или в «Рассвет»? Туда, подальше — за сорок километров! Там тоже большие сады. Как-то оно нехорошо получается. Народ поговаривает.

Ему ответили:

— Ничего народ не поговаривает, товарищ Филатов, это ваши выдумки! Как же быть иначе? Товарищ Мартынов работает секретарем райкома, живет здесь, а жену услать в «Память Ленина»? Разбить семью? Как раз здесь

ей и место, в пригородном колхозе. Все понимают, что иначе им устроиться нельзя. И работает Мартынова хорошо, колхозники довольны ею.

Другой агроном-коммунист из колхоза «Передовик», Сычев, добавил с места:

— Демагогия! Не следовало бы вам, товарищ Филатов, на таком серьезном собрании выступать с глупостями!

Мартынов ответил:

— Если нужно будет для дела, я готов, товарищи, тоже поехать председателем колхоза в любое село. И жена, конечно, поедет со мною. Дня не промешкаем. Если потребуется — поедем.

— Не требуется пока!

— Дельный секретарь райкома — вот кто нам требуется! Оставайтесь на своем месте.

— Не слушай его, Петр Илларионыч! Пустое!

— Ничего плохого народ о тебе не говорит. Никакой хитрости не видим в том, что определил жену в Слободку. А что ж вам, на самом деле, разводиться?

— Веди собрание, не обращай внимания!

Хорошо выступили управляющий госбанком Щукин, инструктор райкома Николенко, начальник милиции Сазонов, заведующий районо Плотников. Можно было надеяться по их искреннему тону, что у них слова не разойдутся с делом, что они действительно, как и говорили перед собранием, поняли сердцем, где сейчас место настоящего коммуниста, и приложат все силы, чтобы сделать те колхозы, куда их пошлют, передовыми.

После них попросил слово и прокурор Нечипуренко.

— Ты знаешь, товарищ Мартынов,— начал он, обтирая скомканным мокрым носовым платком могучую шею и грудь через расстегнутый ворот рубахи,— я немножко тугодум. До меня не сразу доходит. Мне нужно время — обмозговать... Но вот посидел я тут, послушал — пожалуй, можно сделать так, что и колхозы укрепим кадрами, и райцентр не ликвидируем. Возможно, и не будет тут нарушения...

— Нарушения — чего? — перебил его мягко Мартынов.— Ей-богу же, слушай, Андрей Семеныч, то, что мы сейчас делаем, записано в решениях сентябрьского Пленума ЦК! Надо только вдумчивее их прочитать. На сентябрьском Пленуме дали нам первый звонок. Неужели же нужно ждать еще второго звонка, потом третьего? «Оце нам!»

Нет, не нужно ждать, пока в шею толкнут: «Оце ж вам, сукины сыны, ваш поезд отправляется, чего же вы сидите?» В крайнем случае на мое место пришлют работника из областной прокуратуры. Там штаты большие. А насчет того, что я с расхитителями социалистической собственности не боролся, что у меня чутье притупилось, тут ты не совсем прав, товарищ Мартынов. Не было разве таких случаев, когда совершил коммунист преступление и надо его судить, а вы, райком, не исключаете его из партии — строгий выговор ему с последним предупреждением. Борзов тут три года покрывал одного крупного вора на мелькомбинате. Сколько я с ним спорил! Конечно, нужно тщательно проверять поступившие на коммуниста материалы. Да, кстати сказать, как и на всякого гражданина. Но было время, когда мы особенно осторожно подходили к таким материалам на коммунистов. Классовая борьба, кулачество, белогвардейщина — мало ли чего эти враги могут наклеветать на нашего парня? И сейчас нужно очень тщательно разбираться, где правда, где наговор. Но если уж точно установлено, что залез в государственный или колхозный карман,— зачем же такого миловать?.. Один мерзавец, растратчик до чего обнаглел! Я завожу на него дело, а он мне заявляет: «Значит, хотите меня в тюрьму упрятать? Неужели вам какие-то несчастные десять тысяч дороже хорошего коммуниста?» Ну ладно, в «Борьбе»-то я порядок наведу! Прошу считать и меня добровольцем.

Инспектор по определению урожайности Бывалых сказал:

— Пойду в колхоз, если Москва разрешит такие эксперименты.

Директор мясокомбината Корягин заявил, что у него обострился аппендицит и он не может ехать сейчас в колхоз, должен лечь на операцию, чему очень удивились присутствовавшие на собрании коммунисты-врачи из районной поликлиники — на здоровяка Корягина у них даже не было заведено «истории болезни», никогда не жаловался он ни на какие боли.

Отмолчались на собрании только Жбанов и Коробкин. Однако когда поставили на голосование проект решения, в котором были и их фамилии,— подняли руки «за».

И в конце собрания — опять не в обычном порядке, уже после принятия решения — с заключительным словом выступил Мартынов.

— Все вы, товарищи, бывали в колхозах уполномоченными по многу раз, село знаете, колхозное строительство для вас дело не новое. Но одно дело, когда вы приезжали туда временно, когда ваши семьи, квартиры были где-то далеко в городе, когда кто-то больше вашего отвечал за неполадки, а вам в конце концов можно было от этих неполадок и уехать домой, отдохнуть там. С глаз долой — из сердца вон. И совсем другое дело будет, когда вы разъедетесь по колхозам на постоянную работу. Навсегда. Ну, может быть, и не навсегда, не до самой смерти, неизвестно, как у кого сложится дальше жизнь, но, во всяком случае, не на день и не на два. Нужно ли вас утешать, что, мол, ничего, привыкнете, со временем даже понравится?.. Попадаются у нас в газетах статьи, написанные в таком утешительном тоне: «В Н-ском районе специалисты сельского хозяйства и товарищи из партактива не хотят ехать на работу в колхозы. Какое заблуждение! Сколь благородна их миссия! Сколь хороша жизнь на лоне природы! Сколь полезен для здоровья деревенский воздух!» В одной статье, помнится, утверждалось даже, что щи, сваренные в деревне в русской печи, вкуснее, чем те же щи, сваренные в городе на газовой плите.

В зале смеялись. Мартынов продолжал, без улыбки, серьезно:

— Авторы таких статей смахивают на попов из «Армии спасения». «Какое заблуждение! Сколь прекрасна жизнь среди полей и лесов!» Евангелистские проповеди! Не так надо разговаривать с людьми, едущими в отстающие колхозы. Надо разговаривать по-мужски, прямо, откровенно, не боясь напугать трудностями. А деревня пугливых и не любит, не нуждается она в пугливых... Так вот, говорю, совсем другое дело, когда вы теперь разъедетесь по колхозам на постоянную работу. Первая мысль у вас будет, когда вы приедете в колхоз и окинете взглядом все вокруг: «Навсегда...» Другими глазами посмотрите на то же самое село, глазами человека, которому здесь жить. И куда лучше станете работать, чем работали, будучи уполномоченными! Некому давать теперь указания, установки — самому себе! И товарищ Николенко не будет уже теперь привозить в райком из своего куста «мешок недостатков» и считать, что на этом его роль закончена. Никуда не денешься от этих недостатков, сам и должен их изживать... Вам самим жить в колхозе и семьям вашим, женам, детишкам,— и для них нужно постараться.

Мартынов поглядел на сидевшего в первых рядах Долгушина, на главного инженера Семидубовской МТС Чумакова, на агрономов, присланных из области.

— Вот тут у нас есть товарищи, приехавшие к нам на работу из Москвы, из областного центра. Вероятно, и их резнула по сердцу разница между той жизнью, что оставили они где-то в городах, и тем, что увидели в наших селах. Что же, эту разницу мы сгладим. Но сгладить ее можно только собственными руками! Район наш пока не передовой, и область не из самых богатых, не Кубань, средняя область. И посылаем мы не в такие колхозы, где уже миллионные доходы, дома под железом, «Победы» в правлении. Там уже дело налажено. Если бы всюду было так, то мы бы уже и не нуждались в кадрах. Посылаем в отстающие колхозы, где ничего этого пока нет. Но — будет. Будут и коттеджи с ванной и душем, и асфальтированные тротуары, и мичуринские сады, и собственные колхозные санатории, и Шекспир в сельском Доме культуры. Будет, если сделаем. Но делать это все нужно своими руками! Вот когда это дойдет глубоко до сознания каждого — работа у нас закипит! Своими руками... Завтра в десять утра — заседание бюро. Приглашаются все, кто в этом списке. Утвердим решение партактива и договоримся, кого куда, на какую работу будем рекомендовать.

Собрание разошлось не сразу. Разбившись на кучки в зале и коридорах, долго еще обсуждали отдельные выступления, спрашивали Коробкина и Жбанова, почему они отмолчались, посмеивались над аппендицитом директора мясокомбината Корягина и дружескими шаржами в «Колючке».

Посохов с фотоаппаратом выскочил за Мартыновым на улицу.

— Петр Илларионыч! Там товарищи просят, чтоб я отпустил их в парикмахерскую побриться. Обещают прийти через час. Можно?

— Кто просит?

— Жбанов, Нечипуренко, Сазонов...

— Не отпускай! Снимай так, небритых, а то еще кто-нибудь раздумает. И — в номер! И в областную газету передай материал... Хотя нет, туда погоди передавать. Сообщим, когда уже выберут всех в колхозах. Не отпускай никого! Снимай так. Прокурора рассмеши, чтоб улыбнулся. Очень уж у него мрачный вид.

4

Хорошо, как и ожидал Мартынов, принял народ в колхозах посылку на село видных районных работников. Всюду на выборных собраниях колхозники, уже читавшие в местной газете отчет о районном партактиве, чуть ли не овации устраивали добровольцам. Лишь кое-где были заминки.

В колхозе «Красный пахарь», куда сам Мартынов возил рекомендовать в председатели заведующего районо Плотникова и где он встретил старого знакомого Тихона Андроныча Ступакова, горючевоза тракторной бригады, колхозники не то чтоб возражали против смены руководства (возражать было нечего, старого председателя привлекали к уголовной ответственности за бесхозяйственность и растраты), а просто выступления пошли по другой линии.

Начал опять же дед Ступаков:

— Помните, товарищ Мартынов, как вы приезжали к нам в общежитие трактористов и зашла у нас речь о совхозе и вы сказали, что это я, как говорится, загнул? Вроде бы это только у одного меня желание в совхоз, а больше вы ни от кого таких речей не слыхали. Так вот послушайте, что вам целое собрание скажет — не я один.

Колхозники зашумели:

— Согласны все, хоть сегодня!

— Против товарища Плотникова мы ничего не имеем, может, он хорошим председателем будет, да лучше бы перевели на совхоз!

— К Андрею Макарычу будем проситься! Пускай принимает нас со всем имуществом! Отделение пусть сделает у нас.

— Все равно наши отходники из каждого двора у него в совхозе работают.

— Осталось только законно оформить.

— В совхозе — твердая зарплата.

— Там и порядки другие. Дисциплина! Потому и урожаи у них, и коровы по пять тысяч литров молока дают!

— Уж там бригадир не выйдет на работу пьяным.

— Оно-то и колхоз наш можно поднять при хорошем руководстве, но и насчет совхоза — не возражаем.

— Слыхали, Петр Ларионыч? — поднялся опять Ступаков.— Это уж не я один — народ говорит. Да вы у нас тут ни одного возражающего не найдете! Чего ж возражать? Если, скажем, сделать у нас отделение совхоза —

живи на том же месте, огород при тебе, корова, поросенок, все, как и было, а работай в совхозе, на зарплате. За эти деньги купишь хлеба, и больше они ни на что и не нужны, приварок свой, остальное — на одежду, обувку. Чем не жизнь? Были колхозники, станем рабочими — так это ж лучше, все ближе к коммунизму! А насчет этой самой... моби-ли-зации или как?.. нацилизации...

— Экспроприации,— подсказал кто-то.

— Во-во! Об этом вы не сомневайтесь. Не будем в обиде, если наше колхозное имущество в совхоз перейдет. Верно говорю, давно уж забыли люди, что они обобществляли, когда сходились в колхоз. Никто не бережет тех актов. И опять же, что уже гуртом нажили в колхозе, постройки там какие, инвентарь,— пусть и это переходит в совхоз. Рано или поздно все равно ж придем к тому, что все будет одного хозяина — народное!

— Если это, может, не по закону — просто забрать у нас наше колхозное имущество,— пусть государство его выкупит.

— Да оно ведь и мы должны немало государству по всяким долгосрочным кредитам. Может, никому ничего и не придется приплачивать.

Колхоз «Красный пахарь» находился в полуокружении землями крупного животноводческого совхоза «Челюскин». Хозяйство там велось образцово, директора совхоза Андрея Макаровича Кулебякина знали по всей округе как хорошего организатора, образованного, талантливого агронома, строителя. Рабочие совхоза на глазах у колхозников ежегодно, при любой погоде, даже в засуху, убирали прекрасные урожаи хлебов и кормовых трав. В совхозном клубе, куда собиралась по вечерам молодежь из окрестных колхозов, все стены были увешаны дипломами и почетными грамотами, присужденными совхозу за хозяйственные достижения. Поголовье скота на фермах росло, возводились новые постройки, совхозу требовалось все больше рабочих, и много колхозников из «Красного пахаря» работало уже там, в порядке отходничества, не порывая пока совсем с колхозом.

Человек пятнадцать выступили на собрании после Ступакова, и все говорили о том, что можно бы присоединить их колхоз к совхозу «Челюскин», преобразовав его в отделение совхоза.

— Насчет других колхозов ничего вам не скажем, товарищ Мартынов,— заключил один колхозник,— не знаем,

как там народ настроен, а про себя вот говорим — согласны. Ежели только по этой части сомнения: как, мол, понравится ли нам, если станем мы рабочими? — а чего ж, понравится! Где рабочий класс, там порядку больше.

Мартынов договорился с колхозниками так: ни в коем случае не ослаблять работу по укреплению колхоза, обновить руководство (Плотникова избрали председателем единогласно), продолжать работать на Уставе сельхозартели, как и раньше, а тем временем, если уж здесь назрело, вынести постановление общего собрания, что все колхозники единодушно просят присоединить их хозяйство и земли к совхозу «Челюскин» и сами желают стать рабочими совхоза, и послать это постановление в Москву, в Совет Министров.

В другом колхозе, «Памяти декабристов», с Мартынова семь потов сошло, пока он добился решения собрания о снятии старого председателя, горького пьяницы. И против нового председателя колхозники не возражали — Мартынов рекомендовал собранию члена райкома, управляющего госбанком Щукина,— и старого, Грищенко, не хотели снимать. Грищенко, бывший летчик-истребитель, капитан запаса, с орденскими колодками в три ряда, сидел за столом президиума и всем своим жалким видом подтверждал, что дальше его никак нельзя оставлять на ответственной работе в колхозе,— опухший с тяжелого похмелья и,. кажется, успевший уже «заложить» с утра, сонный, небритый, безучастный ко всему, что происходило в зале колхозного клуба.

— Нельзя его снимать, товарищ Мартынов! — доказывали колхозники.— Ведь хороший человек был! Простой, обходительный. А колхоз наш как поднял! Первые два года он так работал, что мы за него богу молились, чтоб ненароком не забрали его от нас на другую должность. Ночей не спал, мотался по полям, по фермам. Уговорит, докажет, расскажет человеку, закоренелого лодыря в сознание введет!

— С таким председателем нам — жить и помирать не надо!

Мартынов недоумевал:

— Поднял колхоз — и сам же его и посадил?..

— Что верно, то верно. Посадил... Теперь вот опять попали в самые отстающие.

— Значит, надо снять его с поста председателя, как

не оправдавшего доверия народа. Кто за это предложение?..

В зале не поднималась ни одна рука. Женщины всхлипывали, утирали кончиками головных платков глаза.

— Жалко человека, товарищ Мартынов! Как же так — снять? Позор ему какой!

— Сколько сил положил на наше хозяйство!

— А водки выпил еще больше!.. Нет, товарищи! Пьяницы причинили столько вреда колхозному делу, что мы должны поднять всенародный гнев против них! И уж оставлять их в руководстве мы не намерены нигде! Ведь, говорят, дня не бывает, чтоб ваш председатель не напился? Да он и сейчас, полюбуйтесь, пришел на собрание в нетрезвом виде.

— То старый хмель, товарищ Мартынов.

— Проспиртовался. Если б он теперь и бросил, так еще с месяц бы дух из него выходил.

— Кто за то, чтобы Грищенко снять?

И опять — никакого движения в зале, две-три руки за снятие, вздохи, всхлипывания...

— Товарищ Мартынов! Да ведь мы сами человека испортили,— заговорила одна колхозница.— Сами испортили, мы виноваты, а теперь заставляете нас голосовать против него!.. Колхоз большой, нас много — он один. Там крестины, там поминки, там свадьба, там новоселье. А у нас совести нет, зовем его: «Да зайди, Николай Андреевич, уважь, не погребуй нашим хлебом-солью!» Того не понимаем, что, если он у каждого выпьет по стакану, сколько же это получится? Мы — бессовестные, вот кто, а не он! Вот он и привык к этому зелью так, что теперь дня не может без него прожить!

— Там свадьба, там крестины, а там подводу дай съездить на базар,— опять пол-литра ему на стол?..

Весь зал возмущенно загудел:

— Нет, чего не было, того не было!

— Напраслину на него не возводите, товарищ Мартынов!

— Такими делами он не занимается!

— Не взяточник!

Мартынов немного смущенно, виновато покосился в сторону клевавшего носом за столом Грищенко.

— Прошу прощения. Значит, просто честно — спился?

— Честно, честно!

— Только пьет, больше никаких грехов за ним не водится!

— Но, вероятно, кто-то этим у вас в колхозе пользуется,— продолжал Мартынов.— Раз председатель вечно пьян, хоть и сам не безобразничает,— другим раздолье.

— Что раздолье, то правда ваша. Как говорится: гуляй, черти, пока бог спит!

— Петушиную ферму организовали.

— Какую петушиную ферму?

— Да это у нас тут у одного бригадира компания собирается, в карты играют под деньги, в «петушка». Мы их прозвали «петушиная ферма».

— Вот к этим-то, на «петушиную ферму», без пол-литра не ходи, если в чем нужду имеешь!

— Для нас поросят продажных нет, а себе по свинке и кабанчику в счет трудодней выписали!

— Колхозное сено пропили!

— Которое пропили, которое погноили. Некому было присмотреть за кормачами. Сметали стога так, что в дожди до самого исподу протекло.

— Вот, все это происходит потому, что колхоз ваш — без головы,— настаивал Мартынов.— Такое положение дальше терпеть нельзя.

— Эх, товарищ Грищенко, Николай Андреич! — хлопнув шапкой по скамейке, с горечью и болью в голосе сказал один колхозник.— Ежели б ты с самого начала не пошел в тот первый дом, куда тебя позвали,— все было бы в порядке! Сказал бы, мол: извиняюсь, не могу, медицина запретила, и не приставайте ко мне, капли в рот не возьму,— так бы и привыкли люди к тому, что ты, стало быть, непьющий, и не обращали бы на тебя внимания. А раз пошел к одному, то надо уж и к другому, и к третьему,— не то обидятся. Как же так, мол, товарищ председатель, у таких-то на свадьбе гулял, к таким-то на именины ходил, а наше новоселье не хочешь почтить? Вот тут-то тебя и закружило. Слабость твоя! Не выдержал характера!

— А не выдержал — значит, не годен я в председатели,— встал проснувшийся Грищенко.— И нечего вам тут время терять. Голосуйте. Сам буду голосовать за то, чтоб сняли меня... Потерял скорость... Верно говорю, товарищи. Я уже стал для вас вроде обледенения на крыльях, тяну колхоз вниз... Выбирайте вот товарища Щукина!.. Я его знаю по госбанку. Ругался с ним. Хозяин! Во!.. Всё...

И, тяжело качнувшись, сел опять, почти плюхнулся на стул.

Мартынов, подумав, уточнил свое предложение:

— Наказывать мы его не будем. Человек болен, его надо лечить. Есть специальные больницы для таких больных алкоголизмом. И попробуем вылечить, вернуть его к нормальной жизни!.. Давайте запишем так: «Освободить товарища Грищенко от должности председателя колхоза и направить его на лечение». Вот так. Не снять, а — освободить... А новому председателю, товарищу Щукину, если выберете его, это — серьезное предупреждение! Выдержать характер — с самого начала! И вы, товарищи колхозники, тоже сделайте для себя выводы. Не докучайте ему своим гостеприимством. «Не введи во искушение». Тоже — с самого начала! Не зовите его в посаженые отцы, в кумовья. Справляйте свои свадьбы и новоселья без председателя. Действительно, таким колхозом, как ваш,— восемьсот дворов,— можно не только человека, слона можно споить!..

Так, со смехом и со слезами, колхозники все же проголосовали за освобождение Грищенко и выбрали председателем колхоза Щукина.

Жбанов поехал секретарем парторганизации в Олешенскую МТС, Бывалых — председателем колхоза. Оба не торопились перевозить свои семьи из райцентра: один, видимо надеясь на то, что высшие инстанции не санкционируют перемещения его в колхоз с поста инспектора по определению урожайности, другой — неизвестно на что, может быть, на постепенное выдвижение со временем опять на какую-нибудь районную должность.

Директора мясокомбината Корягина, видимо, кто-то из знакомых с медициной «проконсультировал», как симулировать острый приступ аппендицита. Скорая помощь увезла его в больницу. Там ему сделали операцию, аппендицита не обнаружили, вырезали червеобразный отросток слепой кишки, зашили живот и сказали: «Ну, теперь, как отлежитесь после операции, можете смело ехать в самый неблагоустроенный колхоз, где даже фельдшерского пункта нет: полная гарантия, что аппендицита у вас никогда не будет».

Коробкин на другой день после собрания партактива пришел в райком к Мартынову бледный, осунувшийся, похудевший за одну ночь.

— Не могу, Петр Илларионыч, не могу!..— простонал он, присев к столу, опустив голову, нервно потирая ладонью восково-желтую лысину. Казалось, и лысина его, обычно блестевшая, точно лакированная, сегодня как-то потускнела, сморщилась.— Не могу... Я сойду с ума там. «Навсегда»!.. Поймите по-человечески! Кто к чему приспособлен... Может быть, это у меня болезнь. Что-то, может быть, еще в детстве потрясло меня на всю жизнь... Эта осенняя грязь, эти долгие зимние ночи при керосиновой лампе, вой собак. Такая тоска!.. Я не могу без ужаса подумать об этом. Я там потеряю и сон и аппетит. Просто тяжело заболею и выйду из строя. Не принесу никакой пользы...

Мартынов удивленно моргал глазами, слушая Коробкина. До чего же жалки были слова и вид этого представительного детины, всегда такой уверенной походкой входившего в кабинеты, с таким апломбом выступавшего на пленумах райкома: «Некоторые председатели колхозов преступно недооценивают значение строительства силосных башен. Я предлагаю указать товарищам на недопустимость срыва строительства силосных башен!..» Как его оглушило! Действительно, пошли такого слабонервного в отстающий колхоз — припадки начнут его бить.

— От керосиновых ламп есть спасение,— сказал Мартынов.— Электростанцию построишь. Тебе не привыкать строить. Ты же заведовал отделом строительства.

— Не шутите, Петр Илларионыч!.. Не только в керосиновых лампах дело. У меня вообще отвращение ко всему укладу деревенской жизни. Это у меня — в крови. Меня всегда тянуло в город, к рабочему классу!..

— Постой, постой, товарищ Коробкин! Почему — в крови? Насколько мне помнится — я смотрел твою учетную карточку,— ты же сам из крестьян, вырос в деревне?

— Из крестьян, да... Но я не думал навсегда оставаться в деревне. Я даже не ходил за плугом. Я не умею лошадь в телегу запрячь. Когда я вступил в комсомол, мне сразу дали должность делопроизводителя в сельсовете. Потом заведовал паспортным столом. Ушел от отца, жил на квартире в культурной семье, у ветфельдшера. Чисто, уютно. И когда меня приняли в партию, я тоже в колхозе не работал. Пошел по госстраху, потом был председателем сельпо, директором инкубатора, заведовал мельницей. Потом, после пожара, когда мельница сгорела, меня взяли

в район... Петр Илларионыч! — взмолился Коробкин.— Пошлите меня на учебу в областную партшколу.

— Боюсь, что теперь тебе придется все же поработать в колхозе. С учебой погодим.

Коробкин засунул руку за борт пиджака, дрожащими пальцами вытащил что-то из внутреннего кармана, положил себе на колени, накрыл ладонью.

— Что это? — спросил Мартынов.

— Если так... В таком случае... Я вынужден. Если вы не входите в мое положение...

— Что ты вынул из кармана?

Коробкин показал Мартынову партийный билет.

— Поймите, Петр Илларионыч, мне нелегко решиться на этот шаг. Но я вынужден... Не могу!.. И жена моя ни за что не поедет в колхоз. Что же нам — разводиться? Я пятнадцать лет с нею живу, дети есть...

— Ну что ж, раз сам отдаешь...— Мартынов вынул из крепко сжавшихся, точно сведенных судорогою пальцев Коробкина партийный билет, открыл сейф, положил его туда, замкнул на ключ.— Пока на сохранение. На бюро все же мы тебя вызовем.

И, желая до конца изведать этого человека, сделал усилие над собою, изобразив на лице нечто вроде сожаления о случившемся, стал расспрашивать Коробкина участливым тоном:

— Ну, а что же ты думаешь делать дальше? Чем будешь жить? Понимаешь, товарищ Коробкин, ведь теперь нам неудобно оставлять тебя на руководящей работе в райисполкоме.

— Сам знаю, что неудобно... Что ж, найду работу. Все же человек я грамотный, имею опыт... Не та, правда, зарплата будет... Жена у меня бухгалтер, при месте. Дом свой. Сад у нас хороший... Проживем.

Мартынов встал, прошел по кабинету.

— К рабочему классу, говоришь, тебя тянуло? Почему же не поехал еще в молодости, комсомольцем, в Магнитогорск? А здесь у нас в Троицке — какие же заводы?.. К чернильнице тебя тянуло, а не к рабочему классу! Волостной писарь!.. Легко с партбилетом расстался.

И — не выдержал. Подошел к двери, резким толчком локтя распахнул ее, осиплым, сорвавшимся голосом негромко сказал:

— Уходи, шкура!..

Коробкин, сгорбившись, сразу укоротившись на целых полметра, вздрагивая спиной, выскользнул в дверь.

Его исключили из партии на первом заседании бюро. На том же бюро исключили и Федулова. В этой фигуре, при ближайшем рассмотрении, тоже ничего сложного не оказалось. Тоже «волостной писарь», к тому же еще и жулик. Как выяснилось, кроме леса для постройки дома в городе, много еще всякого добра потянул он из амбаров и кладовых колхоза «Борьба» — «по себестоимости». И глушил все сигналы о неблагополучии в этом колхозе, поступавшие в райисполком Федулова исключили из партии и отдали под суд. Разбор дела Корягина о симуляции аппендицита пришлось отложить до выхода его из больницы.

Через неделю во всех колхозах, где намечено было сменить руководство, выбрали уже новых председателей. Руденко, Грибов, Николенко сразу перевезли и семьи на новое местожительство. В районных учреждениях за выбывших товарищей работали пока временные заместители.

Много получил Мартынов в эти дни телеграмм, много было звонков из областного центра и даже из Москвы.

— Товарищ Н. состоит в нашей номенклатуре. Как же вы без согласования с нами перевели его на другую работу?

— На какую другую работу, давайте уточним. На очень важную работу. Мы же его не газированную воду послали продавать. На передний край послали — председателем колхоза.

— Самоуправство!..

Когда голос в телефонной трубке переходил на крик, Мартынов говорил:

— Жалуйтесь на нас в ЦК. Мы так поняли решения сентябрьского Пленума: лучших людей — в колхозы. Если неправильно поняли — поправят нас. Жалуйтесь, жалуйтесь, не теряйте времени.

После чего обычно разговор обрывался и трубки на обоих концах провода клались на вилку аппарата.

Поздно ночью — Мартынов был дома, собирался уже ложиться спать — раздался звонок, которого он давно ждал. Телефонистка предупредила: «Будете говорить с секретарем обкома».

— Алло!.. Ты, Мартынов?
— Я вас слушаю, Алексей Петрович!
— Как живешь?
— Ничего, спасибо.
— Здоровье как? Семейство?
— Все в порядке.
— Дуги гнешь, говорят?
— Нет, Алексей Петрович, такого производства у нас в районе нет. Колеса делаем, хомуты шьем, кирпич выжигаем, а дуги не делаем.
— Я говорю: гнешь дуги, как медведь... Ты чего там с кадрами натворил?
— А-а...
Слышимость в телефоне была такая резкая, что жена Мартынова, Надежда Кирилловна, и не желая, все равно подслушала бы разговор. Взглянув на серьезное лицо мужа, приложив руку к сильно забившемуся сердцу, она опустилась на диван рядом с ним.
— Тут на тебя, брат, у нас в обкоме жалоб — целая куча.
— Почему целая куча, Алексей Петрович? Большинство товарищей поехало в колхозы добровольно. На что же им жаловаться?
— Ну, не куча, есть, в общем, письма... Так как ты думаешь дальше жить — без председателя исполкома, без прокурора?..
Мартынов начал было подробно излагать свой план — секретарь обкома перебил его:
— Ладно, понятно... Будете просить у нас кадры? Ну конечно, я так и подумал, сразу догадался, когда мне рассказали. Раскусил. Знаю уже тебя немного... Председателя райисполкома мы вам дадим. Знаешь, кого? Начальника Управления водного хозяйства Митина. А? Главного водолея области. Это по должности его так прозвали, а на самом деле — толковый парень. На его место попросим министерство прислать человека. Прокурора тоже дадим, кого-нибудь из областного аппарата. Мы тут тоже, пожалуй, разошлем народ в районы, может быть до второго секретаря включительно. В некоторых районах надо нам укрепить руководство... Это все хорошо, правильно, товарищ Мартынов. Но вот тут есть жалоба на тебя: неколлегиально ты это как-то сделал, без решения бюро.
— Как — без решения бюро? Мы потом утвердили это все на бюро. В бюро у нас девять человек, Алексей Петро-

вич, а на партактиве было двести человек. Мы предварительно посоветовались с партийным активом района. Чем плохо?

— Так, так... Значит, потом рассмотрели этот вопрос на бюро?

— А как же!

— Но почему же, товарищ Мартынов, я узнаю обо всем этом не от тебя лично, а от своего аппарата, из писем ваших обиженных? Почему, когда ты задумал эту операцию, не сказал мне сразу? Не позвонил? Боялся? Чего?

— Да нет, Алексей Петрович, я не боялся...

— Но все же сомневался — разрешим ли? Давай-ка, мол, для верности поставлю обком перед фактом. Да?.. Напрасно молчал столько времени. Ведь и в других районах нам нужно укреплять колхозные кадры. Вы нашли форму, как лучше двинуть это дело. Надо поделиться с другими. Ты — старый газетчик, а ну-ка распиши это все для нашей газеты — как проходил у вас партактив... Когда пришлешь? Завтра? Хорошо.

Надежда Кирилловна заглянула смеющимися глазами в лицо мужу, запустила пальцы в его густые волосы, взлохматила их. Тот нетерпеливым жестом слегка отодвинул ее.

— Слушай, товарищ Мартынов...

— Я слушаю.

— Вот мы тут будем тоже делать передвижку кадров. Кого в районы, кого из районов... Если мы заберем тебя в обком, а?

— Как — в обком?

— Ну как — на работу в обком. Подберем тебе что-нибудь по плечу. Не инструктором — покрупнее дадим работу. А? В обкоме ведь тоже люди нужны.

— Ну вот!..— вырвалось у Мартынова.

— Что — «ну вот»?

— Да зачем же меня срывать с района? Я еще тут ничего не успел сделать. Нет, нет! Ни за что!..

— Подумай.

— И думать об этом не хочу! Не буду думать!

— Зачем же так капризно отвечаешь? Ты не девушка, тебя не замуж сватают.

— Простите, Алексей Петрович. Не пойду я в обком. Никуда из района! Если только, может, снимете меня... Мы тут говорили как-то с товарищами: когда офицер мно-

го лет батареей командует — батарея стреляет хорошо. Зачем же меня так быстро выдвигать в область? Я еще района не освоил... Нет, Алексей Петрович, прошу вас — оставьте меня здесь. Только стало дело налаживаться! Мне ведь тоже хочется сделать что-то в районе своими руками... Нет, нет! Не надо. Очень прошу!..

— Не хочешь?.. Эх, брат, если бы ты знал, как мне трудно в обкоме!.. Ну ладно, спи спокойно. Не будем тебя пока трогать. Привет супруге!

— А вот она тут рядом со мною сидит. И вам привет передает.

— Спасибо. Может быть, я найду в ней союзницу? Вместе уговорим тебя?..

— Нет, не хочет, крутит головой.

— Значит, оставить тебя навечно командовать батареей?.. Тоже не совсем правильно. А кто же будет дивизиями, армиями командовать?.. Тридцатого — пленум обкома. Получил телеграмму? Приезжай пораньше, зайдешь ко мне перед пленумом, потолкуем обстоятельно о кадрах — какое тебе требуется подкрепление, на какие должности... С огоньком работаешь, товарищ Мартынов. Молодец. А хитрить не надо. В таких делах ты всегда найдешь у нас поддержку. Ну, спокойной ночи. Всего доброго!

— До свиданья, Алексей Петрович!

Надежда Кирилловна, сияя от радости, крепко обняла мужа и поцеловала.

— За что? — спросил Мартынов, вытирая тыльной стороной ладони губы.

— Ни за что... За то, что все хорошо кончилось!

— А, за это! Значит, если б выговор мне влепили, не поцеловала бы?

— Дурень! — рассмеялась Надежда Кирилловна.

— Вот-вот! Чего еще скажешь?.. Секретарь обкома не поругал, а от нее слышу: «Дурень».

— Критика снизу, товарищ секретарь! Похвалили его, предложили в газету написать о собрании!.. Зазнаетесь, кажется?

И долго еще Мартынов и Надежда Кирилловна разговаривали о событиях последних дней, подшучивали друг над дружкой, болтали о всяких пустяках, возбужденные и радостные оттого, что все закончилось благополучно и можно ждать завтрашнего дня без особых треволнений.

И утром, лишь только проснулся Мартынов и подошел к окну, откуда открывался вид на крутой спуск к реке, луг и молодые березовые рощицы за рекой и села на далеком взгорье,— первые его мысли были о ночном разговоре с секретарем обкома.

— Нет, нет, никуда мы отсюда не поедем. Лет пять хотя бы пожить. А, Надя? Полюбился мне этот городишко, район. Надо поработать здесь. Так поработать, чтобы люди потом добрым словом поминали нас!..

1954 г.

1

В конце февраля Мартынов, директор Надеждинской МТС Долгушин, председатель колхоза «Власть Советов» Опёнкин и новый председатель райисполкома Митин ехали из К-ска в Троицк, возвращаясь с пленума обкома.

Мартынов уступил место впереди толстяку Опёнкину, иначе Долгушин, Опёнкин и Митин, тоже крупный, полный мужчина, не уместились бы втроем на заднем сиденье «Победы». Ехали с приключениями: застревали в балках, оборачивались на полном ходу задом наперед, на горки толкали машину. Всю дорогу в ветровые стекла хлестал крупный дождь.

Стояла странная, необычная для средней полосы зима. В ноябре и декабре давили сильные морозы, выпало много снегу. А с января пошли дожди, чуть не каждый день ливни, по-летнему бурные, тучевые. В ночь под Новый год была даже гроза. Хлеборобы тревожились за озимые. Дожди вперемежку с морозами превратили снег на полях в толстый слой льда, под которым озимые задыхались.

Выехали из города в два часа и к вечеру не проехали и половины пути. Шофер Василий Иванович рано зажег фары. От напряжения лицо его покрылось мелкими капельками пота, он скинул шапку и то и дело вытирал рукавом стеганки лоб. Дорогу плохо было видно за дождем и туманом, поднимавшимся в низинах от нерастаявшего снега. Местами ехали по лужам воды, перед буфером вздымались фонтаны, задок заносило в кюветы. На ночь оставалось ехать еще километров шестьдесят, по льду и воде, при фарах. И было впереди опасное место, которое особенно беспокоило шофера,— Долгий Яр под Анастасьевкой, большой подъем с крутым обрывом у самой дороги.

— Можно бы на Кудинцево объехать, кабы знать, что там мост целый,— бормотал Василий Иванович, вытирая шапкой вспотевшее изнутри стекло.— Может, закончили уже ремонт. А тут как мы на гору выберемся?..

— Подтолкнем,— угрюмо отозвался Мартынов.

— Далеко толкать! Целый километр!..

Опёнкин — по привычке старого председателя колхоза использовать для сна каждую свободную минуту на заседаниях и в дороге—дремал, откинувшись головой на спинку сиденья. Долгушин рассказывал Митину что-то из своей московской жизни. Мартынов молчал, отвернувшись, глядя в окно, за которым, вырванные из темноты боковым отсветом фар, изредка показывались то скирда соломы на полевом току, то одинокий столб на развилке дорог со стрелкой-указателем расстояния до ближайшей деревни...

Мартынов вспоминал вчерашний разговор с секретарем обкома — не очень приятный разговор, с оттенком выговора ему.

Еще в декабре Крылов, побывав в Троицке, поездив с Мартыновым по району, посоветовал ему ввести в колхозах с нового года ежемесячное денежное авансирование колхозников. Мартынов согласился, что дело это хорошее, пообещал секретарю обкома обсудить его предложение с председателями колхозов, но сам как-то не очень загорелся, и кончилось тем, что авансирование ввели только в трех колхозах. Мартынову даже подумалось тогда, что секретарь обкома забегает вперед, увлекается нереальными на сегодня вещами. Ежемесячное авансирование, полагал Мартынов, можно вводить лишь в самых богатых колхозах, с устойчивыми доходами, без риска, что окажешься в конце года вралем перед колхозниками и не покроешь всем годовым фондом распределения выданных месячных авансов.

Крылов после пленума зазвал Мартынова к себе в кабинет и сердито отчитал за потерю времени.

— Три месяца прошло после нашего разговора, и ты, по существу, ничего не сделал! Я пощадил тебя и не распушил на пленуме только потому, что ежемесячное авансирование еще никем не декретировано. Это наше местное начинание, нельзя ругать человека за невыполнение того, чего по закону с нас еще не требуют. Эх! Понадеялся на тебя, как на руководителя, не лишенного чувства нового. Подвел, подвел, товарищ Мартынов! Ведь дал слово, что сделаешь. Я бы с другими секретарями райкомов договорился.

Мартынов, оправдываясь, стал высказывать свои опасения, что в колхозах с неустойчивым доходом рановато еще вводить такой порядок оплаты трудодней. Секретарь обкома перебил его:

— Если бы авансирование касалось только самых богатых колхозов, это было бы не так важно для нас. Я вижу здесь именно один из рычагов, который поможет нам поднять отстающие колхозы!

Только теперь, при вторичном разговоре с Крыловым, после довольно резкого упрека в консерватизме, Мартынов понял до конца мысли секретаря обкома, «диалектику» его предложений.

— В отстающих колхозах упала материальная заинтересованность колхозников в общественном труде,— вот тут-то и надо применить авансирование! — говорил Крылов.— Именно там, где есть опасение, что годовой доход будет низок, надо пойти на «риск», чтобы поднять трудовую активность. И председателей колхозов мы заставим этим ежемесячным авансированием в двенадцать раз лучше работать!

— Почему в двенадцать раз? — спросил Мартынов.

— По количеству месяцев в году.

«Да,— думал теперь Мартынов, сожалея, что сразу «не дошло» до него,— это, конечно, намного повысит ответственность каждого председателя. Грубо-арифметически— в двенадцать раз. То он один раз, после первого января, с бухгалтером костяшки подбивал, а то каждый месяц будет следить за движением хозяйства. Раз в году распределить доход — это очень уж спокойная жизнь, фаталистом можно стать. Что уродит, мол, то и пожнем. Легче всего свалить на бога неудачи. А уж если пообещал людям по три рубля на трудодень за такой-то месяц, тут само дело заставит председателя вертеться вьюном!.. Поеду в один колхоз, засядем вместе с правлением и с карандашом в руках подсчитаем все возможности. Все до копейки, что можно выкроить в хозяйстве для авансирования. Составим месячные приходо-расходные сметы. Молока за месяц каждая доярка должна надоить столько-то, а все вместе столько-то. Свиней на ферме должно быть откормлено столько-то, да такого-то веса. Пилорама стоит, не работает, а стройтрест в городе нуждается в досках — взять подряд на распиловку. Старики слоняются по селу без дела, а все мастера — кто корзины плести, кто веники вязать,— засадить всех за работу. Лишнее тягло, что простаивает и зимой и летом, пустить на извоз, на лесозаготовки. Да мало ли откуда можно выбить живую копейку! И уж если колхозники твердо усвоят, что для получения такого-то аванса за такой-то месяц нужно обязательно выполнить приход-

ную смету, тут все станут контролерами да ревизорами. Доярка Марья не надоила за месяц положенного количества молока—к ответу Марью перед народом, на собрание! «Срываешь нам план, отщипываешь от нашей мартовской трешки гривенники!» Не только ревизионная комиссия, весь народ будет контролировать! И на работе это так скажется, что в конце года потом к той трешке еще, может, столько же добавят... Да, неладно получилось. Консерватором обозвали, и поделом! Не текучка ли стала заедать тебя, Петр Илларионыч? Теряешь вкус к таким новшествам!..»

Были вчера еще неприятности у него.

Мартынов перебрал в памяти разговор в редакции областной газеты, куда он заходил после пленума.

— Заставь дураков богу молиться...— вслух сказал Мартынов.— Придется еще одну статью писать.

— О чем ты? — проснулся Опёнкин.

— Оказывается, товарищи,— обратился ко всем Мартынов,— у нас в области завелась уже «мартыновщина». Пишут об этом в редакцию областной газеты.

— Как это понимать?

— «Мартыновщина» — сиречь головотяпство в подборе колхозных кадров.

— Что, что?..

— В Верхно-Никольском и Подгорном накуролесили с кадрами. Сделали по нашему примеру, и ничего у них не вышло. И колхозы не укрепили, и учреждения оголили.

— Как же это получилось? — Долгушин повернулся к Мартынову.— Интересно!

— Интересно, да. Клянут меня там люди. Сам читал. Возмущенные письма от колхозников, сельских учителей, коммунистов... В Верхне-Никольском прочитали ту мою статью, что я написал после собрания партактива, и сделали точь-в-точь по-нашему: послали председателями колхозов и предрика, и прокурора, и начальника милиции, и управляющего госбанком, и судью. Но управляющий госбанком у них горький пьяница и исключался из партии за многоженство; начальник милиции — страстный охотник, тридцать пять зайцев убил за зиму и успел уже сгноить в колхозе пятьсот центнеров семенной пшеницы; прокурор — юноша двадцати трех лет, из горожан, в сельском хозяйстве, как вот Демьян Васильевич в индийском балете разбирается; а судья на двух протезах, полуслепой, через дорогу не перейдет без поводыря и к тому же болен тубер-

кулезом. А в Подгорненском районе поехали под шумок председателями те, которым уже в райцентре не улыбалось получить должность. И совсем прекратили в этих районах выдвижение кадров в самих колхозах.

— Но ты разве писал в своей статье, что надо брать кадры только из районных учреждений? — спросил Митин.

— Нет, не писал. Может, как раз в этом и ошибка моя, что не написал, сколько у нас выдвиженцев работают председателями: Дорохов — в «Родине», Самойлова — в «Красном Октябре» из бригадиров выдвинули, Григорьев — в «Искре», бывший тракторист. Мы же сочетаем одно с другим.

— Так как же можно называть «мартыновщиной» этакое обыкновенное тупоумие? — пожал плечами Долгушин.— Вы-то при чем, если кто-то где-то натворил глупостей?

— По-моему, ни при чем. Я писал для тех, у кого есть голова на плечах. О дураках не подумал, каюсь. Выпустил таких из виду. Полагал, что это само собою разумеется — надо продолжать и местные кадры выдвигать и специалистов направлять в колхозы.

— Дело же в принципе,— заметил Митин,— а не в том, чтобы скопировать в точности.

— Прокурор прокурору рознь,— сказал Опёнкин.— Мы своего послали в колхоз не по чину, а по его хлеборобской душе. А у них в Никольском, может, свои председательские таланты скрывает уполномоченный Министерства заготовок или начальник политотдела железной дороги. Район крупный, при железнодорожном узле, там поискать — найдешь кадров даже больше, чем нужно, необязательно посылать в колхоз больного судью, которому три дня до смерти осталось.

— Вот и надо это все разъяснить,— сказал Мартынов.— Придется мне еще раз писать в газету.

— А как? В какой форме? — спросил Митин.— Ты же не секретарь обкома, чтоб поправлять ошибки в других районах.

— Ту первую статью я написал по предложению Алексея Петровича. Не подумайте, что хотел прославиться как инициатор некого «мартыновского движения». Он мне два раза звонил. Нужно было, чтобы я рассказал для всей области, как мы провели партийный актив. Ну, а теперь опять надо писать. Раз моя фамилия становится нарица-

тельной: «По методу Мартынова наломали дров». Какой же это мой метод?.. Жаль, когда был у товарища Крылова, не знал еще про эти письма, я бы поговорил с ним. Приедем — позвоню ему по телефону.

За косыми потоками дождя перед машиной в неярком свете фар забелели хаты.

— Ровно половину проехали. Ногаевка,— сказал шофер.— «Шесть сестер»,— кивнул он на огромное дерево — липу, распростершую могучую ветвистую крону над окраинными строениями придорожного села. Казалось, что это одно дерево с густым сплетением веток — летом под его листвою в тени укрылась бы целая рота солдат,— но это были шесть лип, выросших ствол к стволу, в родственных объятиях. Так и прозвали их проезжавшие через село путники, всякий раз любовавшиеся этим чудом природы: «Шесть сестер».

— Может, заночуем здесь?..

— А к утру, думаешь, улучшится дорога? — отозвался Опёнкин.— Дождь, видно, на всю ночь зарядил. Нет, уж лучше ехать.

Мартынов зажег свет в машине, вынул из кармана пальто исписанный листок бумаги, развернул:

— Вот взял в редакции одно письмо, анонимное. Подписано: «Группа коммунистов». Вероятно, кто-то из тех писал, кого наметили послать в колхоз. Пишет: «И если товарищ не может ехать на постоянную работу в колхоз по какой-либо причине, по слабости здоровья или потому, что не чувствует призвания работать в сельском хозяйстве, то его сразу причисляют к лику «коробкиных» и отбирают у него партбилет. Так можно без партии остаться, всех переисключаем... И опять же получается, что мы навязываем колхозникам в председатели людей со стороны, нарушаем колхозную демократию. Я думаю («я» — это группа-то пишет!), что наши руководители поторопились с подражанием Троицкому райкому. Этого Мартынова и редактора, который напечатал его статейку, по головке не погладят».

— Не чувствует призвания в колхозе работать. Ишь ты! — усмехнулся Опёнкин.— А в партию вступал по призванию? Небось, когда подавал в партию, писал в заявлении: «Буду выполнять любые задания, готов отдать жизнь за идеи коммунизма!» Портфельщик какой-то пишет, не обращай внимания, Илларионыч.

— Вообще-то, Петр Илларионыч, в вашей статье — я

уж после, когда прочитал ее в газете, думал об этом —есть скользкие места, к которым можно придраться,— заговорил Долгушин с сердитым выражением на лице.— Вот вы там бросили, помнится, такую фразу: «Те бреши, что образуются в районном аппарате, куда легче заполнить, чем подобрать хороших председателей колхозов». Но ведь из аппаратов взяли не технических секретарей, а ответственных работников. Значит, вы их цените ниже председателей колхозов? В колхоз — самого крепкого человека, а на пост председателя райисполкома можно кого-нибудь и послабее? Недооценка руководящей роли районных организаций! Нигилизмом попахивает! Или вы считаете, что колхозы с хорошими председателями просуществуют и без районного руководства?

Сердито-грубоватое выражение лицу Долгушина, будто он не разговаривал спокойно, а всегда спорил или огрызался, придавал глубокий шрам на щеке, искрививший его рот. Странно контрастировали с этой застывшей на губах презрительно-злой гримасой глаза его, черные, цыганские, внимательно всматривающиеся в собеседника, чуть подернутые грустинкой, умные, добрые глаза.

— Та-ак... Еще где там, по-вашему, в статье нигилизм? — нахмурившись, покосился Мартынов на Долгушина.

— Потушите свет, Петр Илларионыч,— попросил шофер.— Совсем не вижу дороги, когда в машине свет горит.

Мартынов щелкнул выключателем.

— Я не сказал, что это, *по-моему,* нигилизм,— продолжал Долгушин.— Вот еще уязвимое место... Речь в вашей статье шла только о председателях колхозов. Не об укреплении колхозных парторганизаций, не о бригадирах, заведующих фермами, специалистах, а только о председателях. Значит, председатель — единственно важная фигура в колхозе? Культ председателя!

— Ого!

— Да, да. И к тому же вы как-то перевернули с ног на голову обычную, нормальную ступенчатость выдвижения кадров. Вы писали: «Мы послали на работу в колхозы районных работников и ждем, что на их места нам дадут товарищей из области, а обком пусть просит работников из центральных аппаратов». Стало быть, вы предлагаете передвижку кадров сверху вниз. Но всегда было так, что кадры росли снизу вверх. Да иначе какой же это рост, если не снизу? Я не работал в деревне, но, вероятно, обыч-

но лучших организаторов из села выдвигали в район, из района — в область. Так ведь? А в армии? Пополнение кадрами идет от командиров взводов, рот к командирам батальонов, полков, дивизий, отнюдь не в обратном порядке. Да вот я из своей практики работы в промышленности знаю: если на должность директора какого-нибудь небольшого заводишка в захолустье присылают проштрафившегося работника из министерства, он смотрит на свое назначение как на ссылку, работает спустя рукава, с пренебрежением к такому ничтожному участку и все мечтает, как бы удрать снова в столицу. А выдвинь директором этого заводика хорошего мастера из местных — это для него рост, движение вперед, новые масштабы, он будет работать в полную силу, с увлечением. Видите, Петр Илларионыч, сколько спорных положений в вашей статье.

Мартынов с настороженным интересом слушал директора Надеждинской МТС, человека, безусловно, умного, образованного, начитанного, но во многом для него еще не понятного. Долгушин попал к ним на должность директора МТС с большой работы в Министерстве черной металлургии, и в районе многие были убеждены, что неспроста попал. Сам Мартынов с трудом перебарывал подозрение, что Долгушин в Москве где-то в чем-то провинился. Велика сила привычки. Не так уж много приходилось Мартынову видеть людей, по доброй воле менявших должности с высокими окладами и удобства жизни в больших городах на деревню.

— Христофор Данилыч, на самом деле считаете мою статью путаной? Я в статье описал только то, что мы сделали. Значит, по-вашему, мы наломали дров? Но ведь вы же тогда на партактиве, если мне не изменяет память, были согласны с нами.

— И сейчас полностью согласен,— ответил Долгушин, улыбаясь одними глазами и с той же неизменной отталкивающе-презрительной гримасой на губах.— Согласен полностью. Не вижу никакого нигилизма в вашей передвижке кадров. Я говорю: это может показаться кой-кому нигилизмом или головотяпством. Догматикам, формалистам. Могу и объяснить, почему я с вами согласен.

Долгушин, помолчав минуту, продолжал развивать мысли, не сегодня, видимо, пришедшие ему в голову:

— Да, сейчас мы все внимание направили на укрепление кадров председателей колхозов. Действительно, это главная фигура в колхозе, и «культ» тут ни при чем.

Но сама жизнь выдвинет перед нами и другие задачи. Одно потянет за собой другое. Представьте себе, что все председатели колхозов у нас будут прекрасные хозяйственники, с хорошим образованием, талантливые организаторы. На две головы выше тех председателей, которым мы сейчас даем отставку. Вот такие,— Долгушин показал рукой, коснувшись пальцами потолка кузова машины.— А райком, значит, должен быть еще выше? Еще на голову, на две выше? Конечно. Таких председателей нужно уже учить не азбуке колхозного строительства, а вершинам этой науки. Согласитесь, Петр Илларионыч, что вот таких председателей колхозов,— Долгушин опять коснулся рукой потолка кузова,— может не удовлетворить нынешний стиль работы некоторых районных организаций. Уполномоченных к ним не следует посылать, чтоб ходили за ними по пятам, подсказывали, когда начинать пахать, сеять. Неграмотного лектора такой председатель может, пожалуй, и в шею погнать из колхоза. Да и агронома иного поучит творческому отношению к делу. И легче с такими председателями, но и труднее. Руководить ими труднее будет. А? Как вы думаете, товарищи?

Мартынов, переглянувшись с Митиным, кивнул головой.

— Мы и сейчас уже это испытываем.

— Вот, вот! Руководить такими председателями, что много знают, много умеют,— надо самому знать еще больше, видеть дальше, чем они видят! Значит, придется укреплять и районное звено. В общем, Петр Илларионыч, чего вы не договорили в своей статье, сама жизнь договорит. Не останутся районные работники в обиде, что о них забыли. Начнут и вашего брата подтягивать «к уровню»!.. А возражения насчет обратной передвижки кадров тоже нетрудно опровергнуть. Мне в Московском комитете, когда вызвали меня для направления в МТС, прочитали одно место из статьи Ленина «О продовольственном налоге». Помните, где говорится о перемещении некоторых работников с центральной работы на местную? Там Ленин вспоминает польскую войну, когда не боялись отступать, как он говорит, от бюрократической иерархии, перемещать членов Реввоенсовета на низшие места. И теперь, говорит Ленин, почему бы не переместить некоторых членов ВЦИК и членов коллегий на уездную и волостную работу? Не настолько же мы «обюрократились», чтобы смущаться этим. Найдется много центральных работников, которые охотно пойдут на это. И дело хозяйственного строительства очень

выиграет от этого. Не помню дословно, но смысл таков. Значит, естественное выдвижение кадров снизу может благополучно сочетаться в некоторых случаях с такими нарушениями «бюрократической иерархии». К тому же,— добавил Долгушин,— вы не проштрафившихся районных работников послали в колхозы, а хороших коммунистов. Таких, что сами поняли, где их настоящее место.

— А вообще-то за все время Советской власти слишком много мы навыдвигали работников снизу вверх,— сказал Опёнкин.— На кой-какие кресла, что освобождаются сейчас в учреждениях, можно бы совсем никого больше и не сажать. Или хотя бы повременить, присмотреться хорошенько: а как оно, не будет большой беды, если эту должность совсем упразднить? Вот же инспекцию по определению урожайности ликвидировали как класс — и ничего, живем не хуже, как и жили.

— Аппараты у нас разбухли непомерно,— согласился Долгушин.— То, что намечено сейчас по сокращению аппаратов и передвижению оттуда людей на производство, я думаю, это только начало большого государственного дела. Очень трудного дела! Сопротивление ему будет яростное. До сих пор, сколько мы ни сокращали, заметных результатов не видно. В одном учреждении сократят штаты, в другом раздуют, из одной графы штатного расписания вычеркнут работника, в другую впишут — и опять все по-старому.

Дорога за селом пошла лучше — старый, запущенный грейдер с почти заровнявшимися кюветами. Разбитый лед перемешался с талым снегом и песком. Машина не скользила. Шофер Василий Иванович попросил у Мартынова папиросу, закурил, откинулся на спинку сиденья, отдыхая.

— Штаты нужно сокращать так, как при товарище Дзержинском беспризорников ловили,— сказал он.— Я тогда работал шофером в нашем уездном наробразе, знаю, отвозил их в детские колонии.

— А как их ловили? — поинтересовался Опёнкин.

— В одну ночь сразу во всех городах. Кинутся из Белгорода в Харьков — и там их ловят. В Курск — и тут на них облава. Некуда податься!

Все засмеялись.

— Значит, рекомендуешь в один день по всему Советскому Союзу, во всех учреждениях, на столько-то процентов?

— Ну да. Чтоб без перебежек...

— Всякий раз, когда мы заводим речь о сокращении аппаратов, мне кажется, что мы не добираемся до главного,— вступил в разговор Митин.— Ведь не только в каком-нибудь маслопроме сидят лишние писаря. В самих партийных и советских органах много ненужных должностей. Ей-богу, у меня в райсовете столько работников, что иной раз приходится придумывать, чем их всех занять, чтоб не зря жалованье получали. А в области! Насмотрелся я там чудес, когда работал по орошению. Сколько параллелизма, лишней суеты! И в обкоме партии, и в облсовете одни и те же отделы, одними вопросами люди занимаются, одинаковые решения готовят, только там подписи и печать обкома, а там — облсовета. Или вот учреждение — облплан. Во всех отделах облсовета есть плановики, в областном Управлении сельского хозяйства есть своя плановая группа и еще, кроме того, облплан. Тридцать человек изнывают от тоски, некуда день убить. Вот и планируют, сколько должны сдавать колхозы кож крупного рогатого скота поквартально, при таком-то проценте падежа.

— Можно мне еще слово сказать? — оглянулся на Мартынова Василий Иванович, пожилой человек, далеко уже за пятьдесят, седой, шофер с тридцатилетним стажем.— Еще хочу сказать о штатах... Я в нашем райкоме партии работаю с тридцать первого года. «Студебеккер» был у нас тогда легковой, напополам с райисполкомом. Откуда он взялся у нас, не знаю, должно быть, еще в революцию у какого-то помещика отобрали. Секретаря райкома возил и предрика. И жалованье мне платили сообща — половину райком, половину рик. Так вот, ежели припомнить то время, легче или труднее было работать районным руководителям? Район был большой, потом его разукрупнили, два района из него сделали. Коллективизация только начиналась, все еще не построено, не налажено. Раскулачивание проходило, банды были. Каждую ночь то в одном селе, то в другом какое-нибудь происшествие. Труднее, по-моему, было тогда работать. И сколько ж было народу в райкоме? Ну, секретарь, конечно. Тогда не называли еще первый или второй, просто секретарь. Заместителем у него был зав... забыл, каким отделом.

— Заворготделом,— подсказал Опёнкин.

— Так, заворг его звали. Ну, культпроп еще, тот больше по массовой работе, с докладами выступал. Потом еще была у нас по женской работе, женорг, товарищ Змиевская,

рябая, некрасивая, трубку курила, как калмычка. Еще пара инструкторов, управдел, он же и на машинке печатал, конюх при выездных лошадях, ну и я, стало быть, шофер, пол-единицы, так меня и звали шутейно: в райкоме звали Василием, а в райисполкоме Иванычем. Вот и весь аппарат. Работали, не гуляли. Управлялись. Для перекурки, правда, времени мало оставалось. Так же и в райисполкоме, лишних не было. Раз, два — и обчелся. Райисполком помещался в том доме, что сейчас пионерам отдали. Кабинет председателя и три комнатки небольших — все там умещались. Работы было больше, а работников меньше.

— Правильно,— подтвердил Митин.— У меня отец работал в те годы председателем Ясновского райисполкома, я всех помню, кто к нам в гости приходил. На Первое мая все сотрудники за одним столом усаживались. А сейчас, если мне пригласить на праздник в гости мой аппарат, надо иметь в квартире такой зал, как в Министерстве иностранных дел для приемов. Четырнадцать отделов. Два освобожденных заместителя! Зачем они нужны?..

Мартынов только кивал головой и изредка вставлял в разговор слово-два, соглашаясь с тем, что говорили Василий Иванович, Долгушин и Митин. Он уже не хмурился, посматривая на Долгушина: директор Надеждинской МТС достаточно ясно изложил свои взгляды на вопросы, одинаково, оказывается, волновавшие их.

— И главное зло тут, по-моему, даже не в том,— сказал Мартынов,— что мы расходуем лишние миллионы рублей на зарплату управленческим работникам. Это материальные убытки. Но мы расплачиваемся за раздутые штаты еще и другим, что дороже всяких денег. Мы портим людей. Десять человек должны подписать какую-то важную бумажку, и никто не решается первым сказать «да» или «нет». Прячутся один за другого. Есть кому и за кого спрятаться. Перестраховка и безответственность — вот к чему привыкают люди там, где громадные штаты. Сокращение аппарата нужно в первую очередь для него же, для аппарата! Для улучшения его работы!

— А коллегиальность? — легонько толкнул Мартынова локтем в бок Долгушин.

— Вот у нас и коллегиальность некоторые поняли так, как в Верхне-Никольском мою статью,— сердито возразил Мартынов.— Шиворот-навыворот поняли! Согласовывать и увязывать до бесчувствия — так поняли коллегиальность. Пять человек на такую работу, где и один может

справиться. Это уже не коллегиальность, а коллективная бестолковщина!

— Я не совсем еще вошел в курс дела,— сказал Долгушин,— но кажется мне, что даже у нас, на самом низу, в МТС много лишних людей в администрации.

— Да, если посчитать, на сколько прибавилось штату во всех наших трех МТС, пожалуй, больше окажется, чем было раньше в райсельхозотделе,— кивнул Опёнкин.

— Но тогда все специалисты жили в райцентре, а теперь все же ближе к колхозам спустились,— заметил Митин.

— Еще ближе надо бы кой-кого спустить! Прямо в колхоз, на трудодни!

— Ну, тебе дай волю, Демьян Васильич, ты бы и самого секретаря райкома перевел на трудодни.

— А что? Чем плохо? И секретаря райкома, и председателя райисполкома. Не на трудодни, но все же надо как-то увязать вашу зарплату с колхозной доходностью. Чтоб был вам интерес лучше руководить колхозами!

— Демьян Васильич давно мне об этом толкует,— сказал Мартынов.— Вообще-то резонно. В одном районе колхозники получают по пяти рублей на трудодень, в другом — по полтиннику, а зарплата для районных работников одинаковая. Выходит: производственники все на сдельщине, а руководители на поденной оплате.

Минут пять ехали молча. Шофер вдруг рассмеялся.

— Чего ты? — спросил Опёнкин.

— Да вспомнил один случай. Как мы на том «студебеккере» ездили... Запчастей к нему не достать, резина латаная-перелатаная. Двадцать километров проедешь — десять раз баллоны накачиваешь. Света не было, а по ночам ездить приходилось частенько. Фонарь «летучую мышь» вешал на радиатор. А однажды такой был случай. Едем мы с секретарем райкома ночью из Семидубовки. На заднем сиденье у нас заврайфо товарищ Некрашевич. Верх на кузове у этого «студебеккера» был кожаный, толстая кожа, в палец толщиной, с носорога, должно быть, или с того зверя, что в воде живет, как его...

— С бегемота,— подсказал Митин.

— Вот, с бегемота. Толстая, но трухлая, потрескалась вся от давности, в дождь даже кое-где протекало. Вот едем мы, пассажиры мои дремлют, а, знаете, когда люди рядом с шофером спят, и ему трудно со сном бороться.

Едем, дорожка неважная, поперек паханого поля, яма на яме. Секретарь райкома похрапывает, завпайфо носом в спину мне клюет, и у меня глаза стали слипаться. Ка-ак подбросит нас на колдобине, думал, вот тут наша катафалка и рассыплется на кусочки! Нет, едем дальше, даже мотор не заглох. Едем и слышим с секретарем: хрипит кто-то, голос откуда-то загробный, не то из-под машины, не то сверху: «Сто-о-ойте-е!» Что такое? Оглянулись, смотрим и не поймем, что случилось. Товарищ Некрашевич вытянулся во весь рост, стоит, плечами уперся в потолок, а головы не видать. Оказывается, его так подкинуло на той колдобине, что он головою тент пробил, а кожа хоть и гнилая, но твердая, толстая, взяло его под жабры и не пускает голову назад, руки в машине, а голова снаружи, повис и хрипит оттуда, со двора: «Сто-о-ойте-е!..» Вот какое было происшествие. После этого в райкоме без смеху смотреть не могли на товарища Некрашевича. Пришлось ему просить перевод в другой район.

Посмеялись. Разговор с делового перекинулся на разные воспоминания.

Опёнкин стал рассказывать, как он работал в товариществе по совместной обработке земли, еще до сплошной коллективизации, трактористом на «фордзоне»; как они выжимали из этой американской техники все, что можно было выжать: и пахали «фордзоном», и косили, и молотили, и мельницу крутили, и свадьбы гуляли, украшая трактор разноцветными ленточками и цепляя к нему целый поезд телег; как владельцы «фордзонов» устраивали на районной выставке в День урожая тракторные гонки и как он однажды завоевал первый приз на таких гонках — детекторный приемник и четвертную бутыль водки.

Митин, оказалось, в прошлом был летчиком гражданского воздушного флота и мелиоративный институт окончил уже после того, как его отчислили из авиации по нездоровью — сердце стало шалить. Он рассказал несколько случаев из своих полетов: как однажды попал в сильную грозу и чуть не погиб; как сажал машину на деревья в лесу, когда отказал мотор и небольшая высота не позволила дотянуть до поля за лесом.

Проехали еще одно село, Василий Иванович заговорил было опять о ночлеге, его никто не поддержал.

Дождь не утихал. По балкам бежали ручьи, как весной. За селом спустил баллон. Шофер промок до нитки, пока сменил скат. Мартынов заставил его снять стеганку и

верхнюю рубаху, дал ему свое пальто. В машине было жарко от печки. Поехали дальше.

Из Долгого Яра машина выбралась своим ходом лишь до половины горы. Подъем пошел круче, колеса забуксовали на ледяной, омытой дождем дороге, «Победа» дергалась из стороны в сторону и не подвигалась вперед ни на сантиметр, даже как бы сползала понемногу назад, вниз. Слева от дороги показывался в свете фар молодой березовый лесок, справа, за редко расставленными полосатыми столбиками, чернел глубокий обрыв.

Как ни уютно было в теплой машине, под непромокаемой крышей, надо было вылезать на дождь и толкать.

— Эх, погодка! — открыв дверцу, прокричал Опёнкин.— У кого папиросы в кармане, советую выложить. А ты сиди, Илларионыч. Хоть ты не мокни. Сиди для груза, сцепление будет лучше.

Втроем стали подталкивать «Победу», оскальзываясь на льду в темноте, падая в лужи. Натужно ревя мотором, по метру в минуту машина двигалась вперед.

— Идет, идет! — поддавая могучим плечом под задок кузова, покрикивал нараспев Опёнкин.— Раз, два, взяли-и! Еще разок! Иде-ет! Еще раз! Недалечко!..

И тут вдруг навстречу с бугра, из-за поворота узкой дороги, блеснув фарами, высунулся грузовик. Громадная пятитонная машина шла на хорошей скорости, и зад ее забрасывало по льду то вправо, то влево. Водитель ее либо принял в попутном селе граммов двести «от сырости», либо ни рулевое управление, ни тормоза уже не слушались его на скользком спуске — машина неслась с горы прямо на буксовавшую у края дороги «Победу». Опёнкин, Митин и Долгушин еле успели отскочить в сторону. Рев мотора пятитонки, звон бьющегося стекла, скрежет железа... Последнее, что слышал Мартынов, теряя сознание от удара обо что-то головой, был отчаянный крик Василия Ивановича: «Что же ты делаешь, бандит? У меня же люди...» — и «Победа» покатилась по крутому откосу, несколько раз перевернувшись, в глубокий, метров пятьдесят, яр. А грузовик с залепленными снегом и грязью номерами и без фары сзади, пройдя немного «юзом» и чуть не сорвавшись тоже в обрыв, выровнялся, свернул опять на дорогу и скрылся под горою за поворотом, в темноте.

...Пока Опёнкин с Долгушиным выносили из яра живых, дышавших, но не приходивших в сознание Мартынова и Василия Ивановича, Митин добрался до ближайшей

деревни на горе, взял там в колхозе лошадей с повозкой и примчался к месту аварии. В ту же ночь Мартынова и шофера доставили в районную больницу.

Василий Иванович, с проломами черепа и разбитой грудной клеткой, умер ночью в больнице на операционном столе. Мартынов к утру очнулся. У него были переломаны ноги, руки и ключицы. Врачи за жизнь его не опасались, но пролежать в больнице, в гипсе и бинтах, ему предстояло несколько месяцев.

Не вовремя и надолго вышел Мартынов из строя.

2

Вторым секретарем в Троицком райкоме партии работал Василий Михайлович Медведев. К нему и перешли временно обязанности первого секретаря.

Дел Медведев от Мартынова никаких не принимал, напутственных слов не выслушивал — врачи с неделю не допускали к Мартынову никого, кроме жены,— обстановка в районе ему была известна, просто пересел из своего кабинета в кабинет первого секретаря и оттуда стал разговаривать по телефону с директорами МТС и председателями колхозов уже более требовательным и строгим голосом, нежели позволяло ему раньше его скромное положение второго секретаря.

Медведев долгое время не то не находил себе места среди других руководителей района, не то неуверенно чувствовал себя в малознакомой сельской обстановке — был он тем «пятым колесом» у машины, без которого ехать можно и которое возят лишь про запас, на случай аварии. Молчаливый, с неизменной предупредительной улыбкой на лице, когда к нему обращались, вежливый, обходительный, как будто даже слабохарактерный, он иной раз с утра до вечера просиживал в райкоме за подготовкой очередной лекции или чтением полученной райкомовской библиотекой новой литературы, и за целый день его никто не беспокоил ни телефонным звонком, ни посещением. Коммунисты из колхозов, приезжая в район по разным делам, заходили к нему лишь в том случае, когда, кроме него да дежурного по общему отделу, в райкоме больше никого не было.

Медведев окончил педагогический институт в 1939 году и успел поработать учителем в своем родном городе Низовске до войны всего один год. Первые месяцы Отечественной войны он провел на фронте, был ранен под Смо-

ленском, около года пролежал в госпитале в Саратове, потом, встретив в городском военкомате родственника, устроился туда делопроизводителем, там и находился до конца войны. Демобилизовавшись, вернулся в Низовск, к матери, поработал немного на старом месте учителем, а затем получил назначение на должность директора семилетки.

Учился Медведев в свое время в школе и институте отлично. Не пропало для него и время службы в Саратовском горвоенкомате: много читал, посещал вечерние курсы марксизма-ленинизма. В Низовске вскоре обратили внимание на образованного коммуниста, точного в формулировках, с хорошей памятью на цитаты, способного прочитать лекцию на любую тему: «О диалектическом и историческом материализме», «О противоречиях между американским и английским империализмом», «О коммунистической морали и этике». Его зачислили в лекторский актив. В школе у него дела шли неплохо, успеваемость была приличная, никаких жалоб из школы от учителей и учащихся в городские организации не поступало. Молодой, статный, благообразный, с высоким лбом философа, всегда чисто одетый, в толстых очках с золотой оправой, директор школы Медведев становился все более заметной фигурой в городе. Через год-полтора его взяли на работу в горком партии пропагандистом, а еще через год он стал заведующим отделом агитации и пропаганды и был избран членом бюро горкома.

Прошлой весною его вызвали в обком и спросили, не хочет ли он переехать в Троицкий район, к Мартынову вторым секретарем? Медведев слышал от работников обкома о Мартынове, что это человек с тяжелым характером, заносчивый, что к нему хорошо относится первый секретарь обкома и он поэтому зазнался; что из-за него «полетел» опытный старый кадровик Борзов, что с ним нелегко сработаться, что он третирует работников своего аппарата, что вообще держится на своем месте лишь до «больших перемен» в области и прочее. Подумав, Медведев дал согласие. Отказываться от такого быстрого продвижения на партийной работе не следовало. А насчет «больших перемен» в обкоме действительно ходили тогда упорные слухи: Крылова хотели забрать будто бы в Москву, в аппарат ЦК.

Но и Крылов остался пока на месте, и Мартынова никто не собирался снимать. И у Медведева, вопреки ожи-

даниям, за все время, что он работал в Троицке, не было крупных стычек с Мартыновым. Сам Медведев старался всегда обойти спорные вопросы, чаще отделывался молчанием на бюро или осторожно присоединялся к большинству, когда уже было ясно, как поделятся голоса. Да и Мартынов не проявлял недобрых чувств к нему, не «зажимал» и не третировал его.

Не было стычек, но не было у них и душевной близости. Мартынов не очень загружал его колхозными делами, больше требовал от него помощи по части партийной учебы, лекционной пропаганды, работы с интеллигенцией. В хозяйственной жизни района ближайшим его советником был Руденко, а после него новый предрайисполкома Митин. Часто Мартынов то с Руденко, теперь с Митиным засиживался в своем кабинете до поздней ночи. Медведева не звали, да и сам он не заглядывал к ним «на огонек», даже когда шел мимо райкома домой из кино или с какого-нибудь собрания. Не очень интересовали его эти беседы, мечты вслух о будущем района, строительство в тиши ночной «воздушных замков». Если какие-то вопросы назрели, можно о них и днем поговорить, в официальном порядке, на заседании бюро или исполкома райсовета.

Руденко однажды пошутил: «На Кавказе часы проверяют по реву ишаков, а у нас их можно проверять по приходу товарища Медведева на службу и уходу домой — каждый день минута в минуту!»

Когда зимой перед памятным собранием партактива Мартынов, раздумывая, как «сломать лед», завел разговор с Руденко и Медведевым, что надо бы кому-то из них начинать, и Медведев отделался кислыми шутками,— понял Мартынов, что, если нажать и заставить его все-таки подать заявление о посылке в колхоз, толку из этого не будет. С тех пор он просто как бы не стал замечать Медведева. Встречался и разговаривал с ним только по делу. Не мог забыть того ночного разговора в райкоме и перебороть в себе неприязнь к Медведеву. По должности были они людьми самыми близкими друг к другу — первый и второй секретари, а по душе — чужими.

И вот случилось, что Медведев на неопределенное время стал первым секретарем Троицкого райкома партии.

И, как бывает иногда с такими, как будто не уверенными в своих силах, на вид мягкими и деликатными людьми, лишь сел Медведев за стол первого секретаря, как

появились у него и крик, и стук кулаком по столу,— возможно, от этой самой неуверенности,— и такие выражения в телефонную трубку, что у девушек на почте уши краснели, и начальственная осанка, и первые признаки молодого, еще не окрепшего, не развившегося по-настоящему самодурства.

Троицкие коммунисты наблюдали за ним с удивлением, не веря своим глазам и ушам: наш ли это тишайший, добрейший Василий Михайлович Медведев, не подменили ли человека?..

Недели за две до начала полевых работ проходил пленум райкома. Обсуждался вопрос о весеннем севе. Это был первый пленум, который самостоятельно проводил Медведев. Доклад сделал Митин. Развернулись, как всегда, прения.

Выступил инструктор райкома по зоне Надеждинской МТС Зеленский и рассказал, что делается в колхозах, где четыре месяца тому назад были выбраны новые председатели. В его группе было три таких колхоза: «Борьба», где председателем работал бывший райпрокурор Нечипуренко, «Вехи коммунизма», куда поехал Руденко, и «Рассвет», где выбрали председателем бывшего инспектора по определению урожайности Бывалых.

Зеленский рассказал много хорошего о работе первых двух председателей, взявшихся за дело энергично, с душою, и обрушился на Бывалых, который, по его мнению, просто саботировал: тонко придерживался такой грани, чтоб и не потерять партбилет за полный развал дела, но и чтоб не держали его там долго, чтобы все же удрать из колхоза не позднее лета.

Говорил Зеленский и о предстоящем весеннем севе, о посевах кукурузы и закончил свою речь в смысле внутренней логики вообще-то правильно, но по форме выражения так, что кой-кому резнуло ухо:

— Все же, товарищи, нам нужно продолжать укреплять колхозные кадры, а таких бездельников, где они еще остались, гнать в шею! И тогда мы справимся со всеми нашими задачами! Кадры решают все! С хорошим председателем, с хорошими бригадирами никакая кукуруза не страшна!

В зале засмеялись, а Медведев, строго нахмурившись, не сводя глаз с усевшегося на место Зеленского, тут же

вышел из-за стола к трибуне и «дал отпор» его выступлению.

— Что хотел сказать товарищ Зеленский этими словами: «никакая кукуруза не страшна»? Значит, по его мнению, кукуруза — культура страшная? С нею страшно, опасно иметь дело? Да, такой вывод можно сделать из его слов. Он не сказал об этом прямо, но это мы уловили между строк. Видимо, товарищ Зеленский против решения Цека и обкома!..

Сразу же после закрытия пленума Медведев позвал членов бюро в свой кабинет, чтобы обсудить «антипартийное» выступление Зеленского.

Растерявшийся Зеленский не знал, что и сказать в свое оправдание.

— Да я же ничего, товарищ Медведев! Я же не против кукурузы. Зачем вы цепляетесь к слову?

За него вступился Нечипуренко — он, Руденко и Жбанов оставались еще членами бюро до очередной партийной конференции.

— Что мы тут делаем из мухи слона? К чему такая архибдительность? Ничего антипартийного не вижу в выступлении Зеленского! Ясно же, что он хотел этим сказать. Что хороший председатель справится с этой культурой, сумеет и посеять сколько нужно, и убрать, и засилосовать. А плохой председатель завалит это дело. Факт! И есть еще у нас такие председатели!

Бывшего прокурора поддержал Руденко:

— Зачем нам глаза закрывать на правду? Действительно, кукуруза — новая у нас культура, нет еще у нас опыта, как ее выращивать. Если от нее хозяйству большая выгода, то и трудности будут большие, особенно на уборке. Время подойдет и сахарную свеклу копать, и зябь пахать, и озимые сеять. Траншей надо много вырыть под силос, облицевать их. Куча работы! А товарищ Зеленский вот сообщает, что в «Рассвете» по-прежнему половина колхозников сидит дома, семена некому чистить. Какая же там будет кукуруза? Ее же обрабатывать некому будет. А если и уродит, так осенью до ума не доведут, не уберут, не засилосуют. Я так понял Зеленского: чтоб был в колхозе хороший урожай, нужен хороший председатель. Правильно сказано! О чем спорим? Не все наши добровольцы работают на совесть. И Корягин в «Пятилетке» тоже воет на луну, поглядывает, как бы махнуть через тын. Аппендицит вырезали — теперь на сердце жалуется, в обморок уже два

раза падал на заседании правления. Не на то порох тратим, Василий Михайлович! Не Зеленского бы нам тут распинать, а подумать о таких колхозах, что с ними делать. Стоит ли держать там дальше в председателях этих нытиков припадочных?..

Митин и другие члены бюро тоже не нашли повода, чтобы «распинать» Зеленского. Медведев остался в меньшинстве. За его предложение объявить выговор Зеленскому голосовали только он и Жбанов.

Закрыв заседание бюро, Медведев встал, рывком отодвинул кресло, вышел из-за стола, повернулся к окну и стоял молча, не оборачиваясь и не прощаясь, пока все разошлись.

Руденко и Нечипуренко, пройдя длинный темный коридор и выйдя на крыльцо, переглянулись с невеселой усмешкой и разом тяжко вздохнули: «Охо-хо-хо...» Руденко пропел сквозь зубы, застегивая крючок под воротником овчинного полушубка: «Начинаются дни золотые-е...»

Нечипуренко сразу поехал домой на попутном «газике» Долгушина, а Руденко постоял немного, подумал, зашел в магазин, купил банку клубничного варенья и пяток лимонов, разыскал во дворе райкома своего конюха с санями и подъехал к больнице, где лежал Мартынов, большому красивому, в готическом стиле дому, принадлежавшему некогда князю Барятинскому, в сосновом парке на окраине Троицка. Врачи допускали уже к Мартынову посетителей, и редкий день у него обходился без гостей из колхозов.

До поздней ночи стояли сани Руденко в затишке под каменной оградой больницы, конь, привязанный вожжами к телеграфному столбу, подбирал, нагибаясь и позвякивая удилами, брошенное ему под ноги сено, сторожко поводил ушами, прислушиваясь к глухому гудению проводов в вышине на сыром мартовском ветру, а конюх, опорожнив перед дальней дорогой четвертинку и закусив домашним салом, сладко храпел на санях под двумя тулупами.

Ушел Руденко от Мартынова, наговорившись вдосталь обо всех районных делах, лишь когда дежурная сестра стала уже гасить свет в палатах. Закурив папиросу, умащиваясь поудобнее в санях, спиною к ветру, оглядываясь на высокое, со шпилями, исчезавшее в темноте за поворотом дороги здание больницы, Руденко бормотал про себя: «Нас — на передовую, а сам — в медсанбат... Непорядок,

непорядок! Угораздило же тебя, Илларионыч! Кого оставил за себя? Хлебнем мы, кажется, с этим ортодоксом горячего до слез!..»

3

Особенно трудно пришлось без Мартынова директору Надеждинской МТС Долгушину. В сложный переплет попал этот человек в свою первую деревенскую, за пятьдесят с лишним лет жизни, весну...

Из всех горожан, приехавших на работу в Троицкий район, Долгушин был, пожалуй, самым «высокопоставленным» по должности, занимаемой до посылки в деревню,— заместителем начальника главка в Министерстве черной металлургии. В его учетной карточке значились такие посты: уполномоченный Наркомтяжпрома на крупном строительстве на Востоке, директор завода в Донбассе, заместитель директора треста. В гражданскую войну он служил в ЧОНе (части особого назначения), был в комсомоле с 1918 года, в партию вступил в 1925 году.

Среди других приехавших в деревню специалистов Долгушин повел себя необычно. Не обращался в райсовет за помощью насчет жилья, снял себе комнату, пока был еще без семьи, в доме одного бригадира на усадьбе МТС, получил сразу же в госбанке причитающийся ему долгосрочный кредит и стал понемногу закупать лес и прочие материалы для строительства собственного дома в Надеждинке.

Медведев заметил тогда Мартынову:

— Хочет показать, что приехал к нам навсегда и не думает о возвращении в Москву. Пыль в глаза пускает. Как будто нельзя продать дом в случае, если будет отсюда удирать. Еще заработает на этом доме тысяч пять.

На что Мартынов неопределенно пожал плечами.

— Поживем — увидим. Ему уже пятьдесят четыре года. Он мне говорил: «Много шатался по свету, а теперь уж буду устраиваться так, чтоб здесь и доживать на пенсии, когда выйду по старости в тираж». Посмотрим, как будет работать. Зачем заранее плохо думать о человеке.

А работать оказалось нелегко. Знал Долгушин, когда ехал в деревню, что ему предстоят большие трудности, но такого все же не ожидал.

Надеждинка была одной из тех забытых министерством и областью молодых, организованных после войны на

голом месте МТС, которым как дали в первом году тракторы, прицепной инвентарь, несколько изношенных станков для ремонтной мастерской и мизерную сумму денег на самое необходимое обзаведение, так с тех пор и не отпускали больше ни копейки на капитальное строительство. Тракторы, комбайны, сеялки, культиваторы — все зимовало в снегу, да и ремонтировалось почти на снегу, если не считать сарая, крытого соломой, с жердевыми необмазанными стенами, куда можно было загнать на ремонт сразу не больше трех тракторов.

О Надеждинке забыли, да и сам бывший, последний перед Долгушиным, директор МТС Зарубин не очень старался напоминать о ее существовании, чтобы не нажить себе лишних хлопот в виде строительства новой мастерской или общежития для трактористов. Зарубин был бесцветной личностью, из тех руководителей, о которых в народе после их снятия «ни сказок не рассказывают, ни песен не поют». Единственное, чем вспоминали Зарубина,— поразительное незнание им дорог в зоне своей МТС. За три года, что пробыл директором, он запомнил дорогу только в колхоз «Верный путь», где его жена работала акушеркой, да еще в один-два самых богатых колхоза, хотя и сам водил «газик». Однажды заехал в тракторную бригаду, стал ругать трактористов за то, что плохо пашут, а те смотрят на него с удивлением: откуда ты взялся у нас, такой начальник? Оказалось, не в свою бригаду попал, по ошибке в соседний район заскочил. Ни дорог в колхозы не знал, ни своих трактористов в лицо.

Кроме того, Зарубин не отличался большой точностью в сводках областным организациям. После уже, когда Долгушин стал немного разбираться в тракторах, а Зарубина отозвали из района и он уехал по торговой части куда-то на Камчатку, Долгушин обнаружил, что семь дизелей в числе принятых им ходовых машин, деньги на ремонт которых получены и уже израсходованы, нуждаются не в капитальном даже, а в восстановительном ремонте.

Принял он МТС с арестованным счетом в госбанке, с двухмесячной задолженностью по зарплате рабочим и служащим, с перерасходованным лимитом горючего, без ремонтной базы, с почти голой усадьбой. Даже лампочку над письменным столом в обшарпанном директорском кабинете Зарубин выкрутил, как собственную, и унес домой.

Чем больше знакомился Долгушин с положением в МТС, тем сильнее негодовал и недоумевал. Однажды, уже

перед весною, он зашел в райком к Медведеву и высказал ему свое возмущение.

— Вот только сейчас, Василий Михайлович, когда растаяли сугробы, я вижу все хозяйство МТС, вижу наш инвентарь и в каком он состоянии. И я просто поражаюсь: как Петр Илларионыч, вы и товарищ Руденко — он тогда был председателем райисполкома,— как вы отпустили с миром из района Зарубина. Ведь за такие дела расстреливают! Это же государственные миллионы!

Медведев выслушал его с неудовольствием.

— Не с того начинаете, товарищ Долгушин. Этим не поправите положение, что будете валить вину на предшественника. Пора уже самому что-то сделать видное и МТС. Для того вас и послали туда, чтобы вы наладили дело.

— Сам знаю,— отвечал Долгушин,— что это не бог весть какая доблесть охаивать все, что было до тебя, и в этом искать оправдание сегодняшним непорядкам. Но, знаете ли, то, что я увидел, переступает всякие границы терпимого. Не могу молчать об этом. Если я поработаю в Надеждинской МТС года три и в таком виде стану передавать ее новому директору — и меня нужно будет судить как вредителя... Два года тому назад МТС получила пять новеньких льнокомбайнов, хотя, как вам известно, льна мы не сеем ни гектара. Какой-то растяпа, если не хуже, заслал их в нашу область вместо другой области — Псковской, может быть, не знаю, где лен сеют. И Зарубин ничего не сделал, чтобы эти льнокомбайны перебросили куда следует. Не писал в министерство, не обращался ни в областное управление, ни в обком, никуда. Поставили их на усадьбе МТС на проходном месте, кому нужны гайки, болтики — идут, откручивают, и сейчас от этих комбайнов остались одни скелеты. Новые машины, каждая стоит десятки тысяч рублей. А жнейки! Я принял в числе прочего инвентаря двадцать конных жнеек. Они были переданы под сохранные расписки в колхозы. На прошлой неделе я проверил в четырех колхозах, где эти жнейки, в каком они состоянии. И следа от них не нашел! В «Коммунаре» только видел на поле колеса и раму от одной нашей жнейки. Оказывается, их в колхозах растащили по частям и употребили на ремонт своих жнеек. Боюсь, что все двадцать постигла такая участь. Из пяти новых зерновых комбайнов, полученных в прошлом году, два, как мне доложил главный инженер, требуют уже капитального ре-

монта. Да что ж это такое? И человек, который отвечает перед государством за эти миллионы, благополучно, с партийным билетом, уехал в другую область на новую работу!

— Он был не в нашей номенклатуре. Не мы ведаем перебросками таких работников.

— «Не мы ведаем»... Он коммунист, Василий Михайлович, и мы коммунисты! — возражал Долгушин.— Ведь он же где-то и там, на Камчатке, будет губить народное имущество, разваливать дело! Скажите просто: умыли руки. Не захотели затевать скандала. Надо выносить решение, а потом отстаивать его перед областью, Москвой. Пусть уж убирается от нас с богом. Где угодно пусть вредит государству, лишь бы не в нашем районе... Я не понимаю, как можно было за три года ничего не построить на усадьбе! Трактористы за пятнадцать километров ходят из сел на ремонт тракторов. Три-четыре часа поработают и идут домой. Нет общежитий. Не давали ему средств на капитальное строительство, так можно было что-то сделать, хоть немного, своими силами, хозяйственным способом, мобилизовать как-то народ! Собрал бы жен трактористов — осенью, когда еще было тепло,— привез бы их на усадьбу: «Вот смотрите, в каких условиях ваши мужья ремонтируют тракторы»,— и они бы, в порядке воскресника, обмазали глиной этот сарай, что мы называем мастерской. Чтоб хоть снегом станки не засыпало.

Медведев, перелистывая бумаги на столе с видом очень занятого человека, которому не до лишних разговоров, кисло усмехнулся:

— Ну вот посмотрим, посмотрим, как у вас пойдут дела, как вы там будете мобилизовывать народ.

— Я прошу, товарищ Медведев,— твердо сказал Долгушин,— не только смотреть, как у меня пойдут дела, но и помогать мне.

— Вот как! — поднял голову Медведев.— Значит, вы считаете, что райком вам не помогает?

— По совести сказать, пока что помощи я видел мало,— сказал Долгушин, глядя в толстые стекла очков Медведева, за которыми нельзя было разобрать ни цвета его глаз, ни их выражения.— Когда вы мне звоните и требуете, чтобы к такому-то числу был закончен ремонт последних тракторов, нельзя сказать, чтобы вы раскрывали передо мною какие-то новые перспективы, которых я сам еще не видел. Я был бы круглым идиотом, если бы не

понимал, что перед весенним севом полагается отремонтировать весь тракторный парк. Но как инженер, имевший дело с машинами, я знаю, что тракторы должны быть не только в срок отремонтированы, но и хорошо отремонтированы. Мне уже известно, что в прошлом году Зарубин первым по области рапортовал об окончании зимнего ремонта тракторов, а на весеннем севе у него половина машин стояла... Когда я сижу на заседании бюро райкома и три оратора подряд называют меня человеком, лишенным чувства ответственности, не дорожащим государственными интересами, непонимающим, недооценивающим, неуважающим, несознающим и так далее,— не могу и это признать помощью. Вряд ли это может кого-нибудь окрылить в работе. Я выхожу из райкома просто в недоумении: зачем же меня, такого ничего не понимающего бездельника, назначили директором МТС...

— Насколько мне помнится, бездельником вас еще никто не называл,— сказал Медведев.

— Хуже! Преступником называли!.. — рассмеялся Долгушин.— И не кто иной, вы сами называли, Василий Михайлович! Когда вы говорите на бюро, не указывая на меня пальцем, что Надеждинская МТС преступно срывает ремонт тракторов, то кто же все-таки там этот первый и главный преступник? Конечно, я, директор МТС.

Медведев, выпрямившись в кресле, начал нервно постукивать согнутыми пальцами по столу.

— Ну, это вы, дорогой Христофор Данилович, бросьте! Этого мы вам не позволим! Не удастся! Не выйдет!

— Что?

— Вам не удастся лишить нас, райком партии, права руководить! Требовали и будем требовать от всех наших коммунистов ответственности в выполнении государственных заданий! Не вы руководите районом, а мы! А в какой форме требовать, это уж разрешите нам знать. У нас не институт благородных девиц, в выражениях мы не стесняемся. И исключений не делаем никому. Для нас все директора МТС и председатели колхозов равны. Мы не будем смягчать форму наших требований для некоторых товарищей, принимая во внимание их высокое положение в прошлом.

Долгушин пожал плечами.

— Дело не в прошлом моем положении, а в настоящем... Я помню первый наш разговор, в этом же кабинете,

с товарищем Мартыновым и с вами, когда я приехал. Мне была обещана помощь.

— Какой же вы еще хотите помощи?

Долгушин помолчал минуту.

— Я прошу вас, товарищ Медведев, усилить политическую работу в нашей МТС. У нас есть зональный секретарь товарищ Холодов, ему надо помочь нащупать главное. Он, может, человек и не пустой, но как-то не нашел еще себе места. То он пытается встать надо мною в роли начальника политотдела, то превращается в мою тень, ездим вместе, и он повторяет вслед за мною те же слова, что я говорю колхозникам. Было бы бестактно, если бы я стал учить его, как ему следует построить свою работу. А вам это можно и нужно сделать... И еще прошу вас: займитесь колхозными парторганизациями.

Медведев снял очки, протер носовым платком стекла. Глаза его были опущены, глядели в чуть выдвинутый ящик стола. Лицо, обычно свеже-розовое, с приятным матовым оттенком кожи, словно припудренное, покраснело. Одна бровь подергивалась.

— Да? Вы советуете нам заняться колхозными парторганизациями? — насколько смог спокойно сказал Медведев.— К вашему сведению, мы всегда ими занимались и занимаемся. Этого от нас требуют обком и Цека. Мы не ждали ваших указаний по этому поводу... Насчет Холодова я запишу и проверю, что у вас там получается, кто над кем пытается встать.— Медведев сделал пометку в настольном блокноте.— А колхозы вообще-то не ваша печаль, товарищ Долгушин. Знайте свой тракторный парк, комбайны, трактористов, прицепщиков и не лезьте, куда вас не просят.

— Нет, простите, товарищ Медведев,— тоже подчеркнуто спокойно возразил Долгушин,— я не собираюсь уподобиться бывшему директору Зарубину, который не знал дорог в колхозы. Я буду знать эти дороги, буду ездить по ним, уже езжу. В решениях пленумов Цека записано, что машинно-тракторные станции отвечают за все колхозное производство, за урожай, за надой молока, за настриг шерсти. И не только за производство. Заготовки, строительство, учеба колхозников — за все отвечает МТС. Как же я могу не лезть в колхозы?.. Я не знаю, Василий Михайлович, как вы занимаетесь колхозными парторганизациями, но я встречаюсь кое-где с такими фактами, что у меня с непривычки, после работы в промышленности,

волосы дыбом встают. На заводе ведь не бывает, чтоб половина коммунистов, состоящих в парторганизации, болталась без определенных занятий и не принимала никакого участия в производственной жизни. Можно ли себе представить, чтоб там собирались на партийное собрание и обсуждали вопросы жизни завода коммунисты, не имеющие никакого отношения к заводу, к производству? Праздношатающиеся коммунисты? Начальники без портфелей? Этого на заводе не бывает и быть не может. А в колхозе «Рассвет» у товарища Бывалых именно так обстоит. Там четыре бывших председателя колхоза, снятых за всякие провинности, бывший заготовитель, бывший кладовщик. На рядовые работы не идут, слоняются по селу без дела, ожидают, пока подвернется еще какая-нибудь должность, хотя бы экспедитора в сельпо или заведующего паромом. Что же это за парторганизация? А на секретаря Чайкина у меня в МТС уже десять жалоб от колхозников. Он заведует молочносливным пунктом. Обсчитывает колхозников на процентах жирности... Вы спрашиваете, товарищ Медведев, чем мне еще нужно помочь. Не мне — колхозам нужно помочь. Если мы хотим добиться большого подъема в массах колхозников, то надо же в первую очередь коммунистов поднять. Так всегда было в нашей партии — коммунисты шли в авангарде.

— Спасибо за сообщение,— Медведев склонил голову в вежливом полупоклоне.— У нас в плане работ на апрель записано: провести через нашего инструктора обследование работы парторганизации колхоза «Рассвет» и заслушать на бюро отчет секретаря товарища Чайкина. Как видите, и без вас информация к нам поступает. Ваши новости не первой свежести.

— Тем хуже! Чего же вы терпите там такое положение?

— А что прикажете сделать? Снять секретаря? Исключить из партии бывших председателей? Избиение учинить? Кто нам утвердит такое решение?..

— Не знаю, кто утвердит. Поговорить надо с этими неработающими коммунистами. Если не проймет, может быть, придется и исключить кой-кого из партии. Надо разобраться, во всяком случае, с этой парторганизацией!..

— Разберемся. А вы, товарищ Долгушин, во всяком случае, учтите, что с вас, директора МТС, мы в первую очередь все же будем спрашивать за работу тракторов, за качество сева, за сроки выполнения спущенных вам про-

изводственных планов, а не за воспитание коммунистов и не за колхозные избы-читальни. Не отвлекайте наше внимание в другую сторону.— Тут голос Медведева сорвался наконец на крик.— И колхозы мы вам на откуп не отдадим! Райком партии руководил и будет руководить колхозами! Мы свои обязанности знаем! А вы, товарищ директор МТС, знайте свое место!..

Министерские привычки...— бормотал Медведев дрожащими губами, вытирая платком потное лицо, поглядывая на дверь, закрывшуюся за Долгушиным.— Хочет превратить свою МТС в удельное княжество! Райкому указывать!.. Парторганизации, наши инструкторы — это, видите ли, для него, ему в помощь!.. Подсобные службы... Ну, погоди, мы собьем с тебя спесь! Шелковым станешь! Будешь навытяжку вставать вот перед этим столом, в этом кабинете!

А Долгушин, усаживаясь в доставшийся ему по наследству от Зарубина, видавший виды, с разнокалиберными скатами, погнутыми, дребезжащими открылками и дырявой, облезлой фанерной будкой, директорский «газик», думал, пожимая плечами: «Или просто не умен, хотя и считается в районе образованным марксистом, или...»

А что еще «или», и самому Долгушину было пока не ясно.

Вот так с самого начала сложились у него отношения с Медведевым.

Вторая трудность была у Долгушина — полное незнание сельского хозяйства. Не знал и не понимал он первое время в сельском хозяйстве ничего решительно, до смешного. Есть горожане, выходцы из деревни, которые хоть в далеком детстве гоняли лошадей в ночное или воровали на бахчах арбузы. Долгушин ни в детстве, ни в юности, ни в зрелом возрасте никакого дела с деревней не имел. Узнал он немного деревню, лишь когда в отрядах ЧОНа гонялся за бандами. А после он видел ее только из окна вагона, едучи куда-либо железной дорогой.

Долгушин вырос в семье мелкого кустаря-лудильщика на Волге, в городе Вольске. Дед его, цыган, был изгнан из табора за то, что сошелся с русской женщиной. Отец, по наружности тоже цыган, был оседлым уже с рождения. И Христофор вышел лицом в деда. Часто на базаре цыгане, приняв Долгушина за соплеменника, заговаривали с ним на своем языке, но он в ответ лишь разводил руками и смеялся: не знал ни слова по-цыгански.

Жена Долгушина была по происхождению крестьянка, до восемнадцати лет жила в деревне, пахала, боронила, вязала снопы. И вот к ней-то первое время, когда она еще жила в Москве, Долгушин и обращался частенько за консультацией по разным сельскохозяйственным вопросам.

Поздно ночью, оставшись один в конторе МТС, он вызывал почту и заказывал номер своей московской квартиры.

— Люда? Здравствуй! Разбудил?.. Ну, как живешь?.. Коля пишет? А от Нади есть письмо?.. Ну хорошо, хорошо... Дом? Пока только навез кучу бревен. Не скоро, пожалуй, отстроюсь. Придется тебе переезжать пока на квартиру... Да вот так, как и я живу, у хороших людей... Ничего, ничего, перетерпим. Весна на носу, сама понимаешь — не до строительства мне сейчас... Милочка, вот у меня к тебе вопрос. Перерыл все справочники, нашел разные породы коров: сентимен... симментальскую, костромскую, холмогорскую, ярославскую, швицкую, шорт-горнскую, бестужевскую, остфризскую, а яловой не нашел. Часто слышу и не знаю, что это за порода — яловая?.. А?..

Из далекой Москвы доносился в трубке сначала сонный и недовольный, а затем повеселевший, смеющийся голос:

— Дружок мой, это не порода. Это нестельные коровы.

— Как?.. Давай по буквам. Никифор, Елена, Степан, Терентий, Елена, Леонид, мягкий знак... Так. А что значит — нестельные? Которые уже не ходят с телятами? От которых отняли телят?..

В трубке слышался хохот.

— Ох ты, господи, и зачем только таких городских пижонов назначают директорами МТС!..

— Ну ладно, брось смеяться, ты мне объясни по-человечески.

— Это небеременные коровы. Понятно тебе? Такие, что или вообще почему-то не способны давать приплод, или перегуливают.

— Ага, понятно. Не желают рожать, чтоб фигуру не испортить. И молока, конечно, такие красавицы дают меньше?..

— Меньше, меньше. Совсем не дают!

— Так, учтем... Милочка, вот еще вопрос. Какими машинами шаруют сахарную свеклу? Не вижу никаких ша-

рообразных орудий на нашей усадьбе и спрашивать людей как-то неловко. Тут уже одного главного инженера в соседней МТС прозвали «зябликом» за то, что сказал: «зябликовая пахота»... А-а, вот что такое шаровка. Понятно... А это правда, что куры могут нести яйца и без петухов? Не разыгрывают меня колхозницы? Я вот на одной птицеферме здесь видел одних кур... Правда?.. Ну, спасибо. Нет, пока все. Хочу поездить дня два по колхозам, тогда еще будут вопросы... Какие отношения с начальством? Да так себе... Ничего, наладятся... Почему поздно звоню? После двенадцати ночи — по дешевому тарифу. Ну, отдыхай, спи. Прости, что побеспокоил. Целую. До свидания!

Но Долгушин зря опасался, что к нему может пристать какое-нибудь смешное прозвище, вроде «зяблика». Люди в МТС видели, что он берется за дело по-честному, всерьез, приехал в деревню не в гости, и охотно шли ему на помощь в изучении сельского хозяйства. Никто и не думал потешаться над его городской «необразованностью». Все знали, что он инженер-металлург, был, возможно, большим специалистом в промышленности, а что не пришлось ему повидать, как сеют и убирают хлеб, что ж тут удивительного. Так сложилась жизнь человека — все по городам, заводам, по металлу. Колхозники, простой народ, очень деликатны и чутки к новому, приехавшему к ним на работу человеку, будь он трижды горожанин, если только видят, что он действительно хочет жить и работать в деревне и всерьез интересуется их исконной земледельческой профессией, не ленится встать на зорьке, пройти пешком по полям, не гнушается похлебать с ними полевого супа «кандёра» и не зажимает нос надушенным платком, переступая порог свинарника. Пожилые колхозники помнили и двадцатипятитысячников-рабочих, и политотдельцев, которые поначалу тоже не знали сельского хозяйства, но были хорошими организаторами и с задачами, поставленными перед ними партией, справились успешно.

Добровольных учителей у Долгушина нашлось очень много. Даже шофер Володя, с которым он ездил на «газике», молодой парень, только что отслуживший действительную в армии, часто останавливал, без просьбы директора, машину среди пути, молча выходил на обочину дороги и подзывал к себе Долгушина.

— Вот тут, Христофор Данилыч, вспахано под зябь просто так, без предплужников. Видите — гребни корне-

вища сверху. А вот это — с преджплужниками. Как слитая пахота, и вся дернина уложена на дно борозды. Можно чуть тронуть бороной, в один след, и сеять. А вот это мы называем — огрех. Заснул, должно быть, тракторист и поехал с плугом не туда. Вон какую балалайку бросил. А вот это — перекрестный сев, озимая пшеница. Видите — и так и так рядки. А делается это вот для чего.

Володя садился на корточки и начинал чертить сухой бурьянинкой по земле, показывая, как размещаются семена в почве при обычном севе и при перекрестном, как увеличивается площадь питания для каждого зернышка и устраняется угнетение одного растения другим. И хотя Долгушин знал уже о таком способе сева от своих агрономов и из литературы, он терпеливо выслушивал и эти объяснения молодого своего наставника, чтобы не отбить ему охоту рассказать в другой раз, может быть, и такое, что ему, Долгушину, было еще не известно. Володя окончил в армии школу шоферов и там же прослушал курс лекций по агрономии, готовясь по возвращению домой поступить в сельхозтехникум. Но домашние обстоятельства — болезнь матери и маленькие братишки и сестренки — не позволили ему уехать на учебу. Пошел работать в МТС шофером.

За зиму Долгушин если еще не на пратике, то все же хоть в теории овладел основами земледелия и животноводства. Дни у него были до отказа заполнены деловой сутолокой на усадьбе МТС, вызовами в область, в район, отчетами, сводками, заседаниями, совещаниями. Если Долгушина вызывали в областной центр, он прихватывал с собою и кого-нибудь из своих специалистов, агронома или зоотехника, чтобы всю дорогу в поезде, туда и обратно, десять часов, в разговоре с ним выуживать из его знаний необходимое и полезное для себя. На сессии райсовета Долгушин подсаживался в задних рядах к какому-нибудь старому опытному председателю колхоза и, если выступления ораторов были неинтересны, все шептался с ним, расспрашивал, как он ведет хозяйство, какие культуры в какие сроки высевает, как при нехватке леса думает обернуться со строительством и т. п.

Для сна Долгушин оставлял четыре-пять часов в сутки. Завалил свою квартиру учебниками, сборниками агрономических статей, читал и перечитывал ночами нужные книги по нескольку раз, занося все непонятное в особый вопросник для консультации со своими специалистами или

с женой, при очередном телефонном разговоре с нею. Даже из художественной литературы в Когизе внимание Долгушина в первую очередь привлекали книги с сельскохозяйственными названиями: «Жатва», «Урожай», «Комбайнеры», «Глубокая борозда».

Инженер-металлург, старый коммунист, Долгушин отнесся к своему переезду на работу в деревню как к боевому приказу партии. За тридцать лет пребывания в партии он привык только так принимать ее поручения: как приказ, который надо выполнить беспрекословно, даже не заикаясь о трудностях, не щадя себя, думая лишь о деле, отодвинув все остальное на задний план.

Неладно складывались отношения у Долгушина и с Управлением сельского хозяйства.

Ему, свежему человеку из промышленности, выработавшийся в этом областном учреждении стиль руководства машинно-тракторными станциями показался просто пародией на руководство.

За зиму у него в МТС перебывало десятка два всяких ответственных работников из областного управления. Бог знает, зачем они приезжали. Ответственными они числились лишь по штатной ведомости там у себя, в учреждении. Здесь же, «на поле боя», они были обыкновенными сборщиками сводок и не решали самостоятельно ни одного вопроса, ни большого, ни малого. «Что делать с этими семью «ДТ-54», на ремонт которых еще Зарубин получил и израсходовал деньги?» — «Не знаем». — «Как быть, если глубокая пахота по системе Мальцева потребует горючего больше против норм? Дадите добавочные лимиты?» — «Не знаем».— «Планировать ли в колхозах на весну новые лесозащитные насаждения? Будет ли финансироваться это дело?» — «Не знаем».— «Можно колхозам отказаться от договоров с Водстроем, который дерет бешеные деньги за строительство колодцев, и бурить скважины собственными силами, если найдем специалистов и оборудование?» — «Не знаем».— «Вернут нам комбайны, которые в прошлом году отправили на уборку на Восток? Планировать их ремонт? Или заменят их новыми?» — «Не знаем».— «Ну, сможете хотя бы помочь нам достать шифер на крышу новой мастерской, если поставим стены своими силами?» — «Не знаем».

Пустая трата времени на разговоры с такими «ответственными» начальниками...

Бумаг из областного управления в МТС стали слать

меньше, чем раньше. При Зарубине дневная почта весила до килограмма, при Долгушине уменьшилась граммов до трехсот-четырехсот. Зато стало больше телефонных звонков из разных отделов. Редкий день обходился, чтобы директора не вызвали к телефону раз семь-восемь только из областного управления, не считая районных организаций. Настойчивый и сердитый голос требовал лично директора, его разыскивали по всей усадьбе. Он прибегал, запыхавшись, в контору, но оказывалось, что нужны всего лишь сведения о количестве вывезенного навоза за последние два-три дня после десятидневной сводки — для какого-то неочередного доклада обкому.

Долгушин терпел, терпел — шесть-семь таких звонков, и рабочий день пропал начисто! — а потом установил в общей комнате бухгалтерии второй телефонный аппарат, спарил его со своим и завел такой порядок: при звонке трубку поднимал кто-нибудь из работников бухгалтерии, спрашивал, кто звонит и откуда. Если звонил кто-нибудь из колхоза, то без дальнейших расспросов стучали в стену Долгушину, и он брал трубку и разговаривал. Если же звонок был из областного управления, то первый подошедший к телефону сотрудник обязан был подробно расспросить, по какому вопросу хотят говорить, и, в зависимости от характера вопроса, направить позвонившего либо к главному агроному, либо к зоотехнику, либо к главному инженеру, либо просто к статистику. И выяснилось, что в большинстве случаев нетерпеливых и грозных областных начальников вполне мог удовлетворить цифрами из своей неразлучной потертой и замызганной папки Онуфрий Артемьевич, статистик МТС.

С этим спаренным телефоном получился как бы бюрократизм, но необычный — снизу, по отношению к вышестоящему органу. И действительно, в областном управлении сельского хозяйства за директором Надеждинской МТС в первые же месяцы его работы утвердилась репутация заядлого бюрократа.

Однажды ему позвонил заместитель начальника областного управления.

— Это директор Надеждинской МТС?

— Да.

— Говорит Федоров. Можете назвать несколько фамилий лучших трактористов, отличившихся на зимнем ремонте тракторов?

— Нет, не могу.

— Что?!

— Не могу назвать фамилий.

— Почему?

— Не знаю фамилий трактористов.

— Какой же вы директор МТС, если не знаете фамилий своих трактористов? Как вас там держат?

— Вот так и держат. Нет пока лучшего на мое место. Терпят.

В кабинете Долгушина рядом с ним сидел зональный секретарь Холодов. У него глаза на лоб полезли от такого разговора. На столе лежал только что подписанный Долгушиным приказ, в котором он объявлял благодарность десяти лучшим трактористам-ремонтникам. Холодов потянулся одной рукой к телефонной трубке, другой — к списку трактористов. Долгушин спокойно отстранил его.

— Так что же будем делать, товарищ директор? — гремел раздраженный голос в трубке.— Мне, что ли, приехать к вам и самому на месте узнать фамилии лучших ваших ремонтников? И вам их потом сообщить?

— Приезжайте, будем рады. А скажите, товарищ Федоров, вы знаете фамилию директора Надеждинской МТС?

— Как? Не понимаю. А... что вы этим хотите сказать... товарищ... Долгушин?

— Да, Долгушин. У вас в области директоров МТС меньше, чем у меня трактористов. Здравствуйте, Виктор Николаевич. Мы, кажется, не поздоровались с вами.

— Здравствуйте... Христофор Демьянович.

— Данилович. Ну, неважно. Вспомнили мою фамилию? Ну и я запомнил фамилии трактористов, могу вам назвать их. Записывайте. Торопов Семен Ильич... По буквам: Терентий, Ольга, Роман, Ольга...

Не от хорошей жизни прибегал Долгушин к таким крутым мерам «воспитания» начальства, и эти крутые меры в свою очередь не способствовали улучшению его жизни. Все же в руках Федорова и других начальников были и лимиты, и кредиты, и снабжение, какое ни есть, там и шифер, и лес, и цемент. А «ласковое теля двух маток сосет». Не научил никто Долгушина этой мудрости с детства, а под старость уже поздно было учиться. Да и характер его не принимал таких мудростей...

В довершение всего и Холодов стал дуться на Долгушина. Медведев сдержал свое обещание поговорить с Хо-

лодовым и помочь ему составить план работы, но поговорил так, что получилось, будто Долгушин приходил в райком с жалобой на бездеятельность зонального секретаря. Холодов стал чаще выезжать в колхозы самостоятельно, без директора, но с этих пор завел у себя на квартире особую тетрадку, вроде дневника, куда по вечерам заносил все обнаруженные безобразия в колхозах и МТС. Не всегда рассказывал он об этих безобразиях Долгушину, не для сообщения директору вел учет им. В этой же тетрадке он отвел место и для самого Долгушина, для всех его «трюков», вроде спаренного телефона и разговора с заместителем начальника областного управления. Ничего хорошего эта «особая папка» Холодова не предвещала.

До Мартынова стали доходить в больницу самые разноречивые слухи о директоре Надеждинской МТС. Рассказывала ему о Долгушине, что слышала от людей, и жена. Были у него и Руденко, и Грибов, и Щукин, и Рыжков. Редактор районной газеты и Саша Трубицын показывали ему письма, полученные в райкоме и редакции из Надеждинской МТС, с подписями и анонимные. Одни корреспонденты называли Долгушина актером, позером и бюрократом, другие горячо вступались за него, считали его настоящим коммунистом, а бюрократами называли тех, кто стал ему с первых дней работы в МТС чинить препятствия. Показал ему как-то Трубицын и донесение Холодова Троицкому райкому (копия обкому КПСС) о «художествах», как тот писал, директора Надеждинской МТС, где с большой точностью были перечислены все ошибки и промахи, совершенные Долгушиным за время его работы в МТС.

Мартынов передал Медведеву записку через Трубицына, попросил Медведева зайти к нему в больницу.

— Знаешь, Василий Михайлович,— сказал Мартынов,— я думаю, нам нужно бы для пользы дела перевести Борзову из Семидубовской МТС в Надеждинку к Долгушину. На ту же работу — секретарем парторганизации МТС.

— За Марьей Сергеевной дважды уже приезжал ее муж из Борисовки. Уговаривает ее вернуться к нему.

— Да?.. Почему — вернуться? Не она ведь ушла от него, он отсюда уехал без нее и не принял ее, когда она ездила туда.

— Не знаю, как у них было. Зовет, в общем, в Бори-

совку. Он опять пошел в гору. Заместителем председателя райисполкома работает. А сейчас там председатель болеет тяжело, отправили его на лечение — Борзов третий месяц сидит в райисполкоме за хозяина.

— А, вон что. И, вероятно, посоветовали ему исправить свою бытовую ошибку? Разошелся с этой лаборанткой, чтобы не портила ему анкету, и зовет назад Марью Сергеевну с детьми?.. Ну и как она? Собирается переезжать?

— Ничего пока не заявляла нам.

— А если не заявляла, что ж... Вот, я думаю, надо бы сделать так. В Семидубовке зональный секретарь Кольцов — сильный работник. С Глотовым у них ладится. Старик тоже из тех коммунистов, что интересы партии на мелочи не разменивают. В общем, там у нас благополучно. Сработаются. А вот у Долгушина с Холодовым что-то не получается. Дело пахнет не контактом, а конфликтом. И кто прав, кто виноват — трудно пока разобраться. Оба для нас люди новые. Надо бы туда еще нашего проверенного работника. Марью Сергеевну туда — секретарем парторганизации.

— А в Семидубовку кого секретарем?

— Там можно из местных коммунистов выбрать.

— Нехорошее это дело — перебрасывать часто людей с места на место. Она в Семидубовке успела без году неделю поработать. Ну, если настаиваешь, поговорю с нею и обсудим на бюро,— согласился не очень охотно Медведев.

Прощаясь с Мартыновым, осторожно коснувшись кончиков пальцев его правой забинтованной руки, лежавшей поверх одеяла, Медведев заметил с некоторым неудовольствием:

— А вообще-то, Петр Илларионович, ты же сейчас на бюллетене. Чего беспокоишься? Лежал бы себе, почитывал романы. Я тебе пришлю двухтомник О'Генри, американские рассказы. Вчера взял в Когизе. Занятные рассказы.

— Литературы-то у меня хватает.— Мартынов повел левой рукой вокруг себя, указывая на белые больничные табуретки, заваленные газетами и журналами.— Да, ты прав,— усмехнулся он.— Я на бюллетене и формально, так сказать, не у дел. В отставке на неопределенное время. Вы вообще можете к черту послать меня с моими советами. Пока я болен — ты первый секретарь. Но давай, Ва-

силий Михайлыч, без формализма. Заходи ко мне почаще. Ум — хорошо, два — лучше... Или думаешь, что я уже из больницы не вернусь на старое место? Привыкаешь к самостоятельности? Не знаю, может быть, и не вернусь. Месяца два еще проваляюсь. Воды за это время много утечет. А там — как обком решит.

Марья Сергеевна, узнав, что это рекомендация Мартынова, и будучи тоже наслышана о Долгушине как об интересном человеке, дала согласие на переезд в Надеждинскую МТС. Через неделю она уже была избрана там секретарем парторганизации.

4

Из райкома позвонили в МТС Холодову и сказали, что Медведев требует представить ему к двенадцати часам дня социалистические обязательства на весенний сев всех бригадиров тракторных бригад и трех-четырех трактористов от каждой бригады.

Бригадиры по случаю последних сборов перед выездом в поле были все на усадьбе МТС. Были здесь и трактористы. Холодов разыскал Марью Сергеевну и вместе с нею быстро «оформил» понадобившиеся Медведеву сведения. Перед тем как передать их по телефону в райком, они зашли к Долгушину, показали ему список трактористов, взявших обязательства.

Долгушин, внимательно прочитав бумажку, усмехнулся, отложил ее в сторону, придавил пресс-папье.

— В десять часов, говорите, позвонили? И потребовали представить к двенадцати часам? И вы уже это дело провернули? Быстро, быстро!.. Марья Сергеевна! Когда вы были трактористкой, вы тоже вот так необдуманно давали соцобязательства? Называли первую пришедшую в голову цифру?

Борзова покраснела.

— Я, Христофор Данилыч, если обещала вспахать за сезон столько-то гектаров, то все учитывала, как именно я это смогу сделать. И сколько обещала, столько и вырабатывала.

— Все учитывали, говорите? А когда ж эти ребята,— Долгушин провел пальцем по списку,— успели все учесть? Они же это вам на ходу говорили, а вы на ходу записали... Григорий Петрович! — обратился он к Холодову.— Если эти сведения нужны товарищу Медведеву лишь для

формы, то можете, конечно, их передать сейчас. Я-то их не подпишу. Не вижу смысла и пользы в этих взятых с потолка цифрах. Если же это нужно для дела, то прошу вас поговорить с Медведевым и убедить его подождать до завтра. Сегодня я занят, а завтра мы соберем трактористов и потолкуем с ними обстоятельно. Целый день для этого отведем, если ничто не помешает.

Холодов ничего не сказал, взял свой список, сунул в полевую сумку, которую носил всегда на ремне через плечо, и пошел в соседнюю комнату звонить по телефону. Медведев разрешил представить сведения завтра.

На другой день у конторы МТС спозаранку кипела работа: трактористы вынесли из конторы табуретки и брились-стриглись прямо под открытым небом, на легком утреннем морозце. Предприимчивый надеждинский парикмахер, узнав о собрании механизаторов в МТС, сообразил, что в это утро ему представится там возможность хорошо подзаработать. Всем известны уже были новые порядки, вводимые директором Надеждинской МТС. Долгушин не раз делал замечания трактористам в шутливой форме, но довольно неприятные и надолго запоминающиеся,— приходившим на собрание в грязном виде, с небритой неделю бородой, а чуть выпивших просто выпроваживал из своего кабинета; за появление же в нетрезвом виде на работе строго наказывал, штрафовал. Не всем нравились такие «московские» порядки, кое-кто и за это поругивал Долгушина бюрократом.

Трактористы торопили парикмахера:

— Ты пó разу брей, Варфоломеич, а то не успеешь всех обработать. Вишь, какая очередь.

— Почище пройди один раз, без огрехов, и хватит — следующего!

— Нету, товарищи, калькуляции на такое бритье — пó разу. Как с вас деньги получать? Скажете: бреет наполовину, а берет деньги полностью.

— Вот законник! Это же с нашего согласия.

— Не бойся, не потребуем жалобную книгу.

— А кто вас знает?

— Нет, уж если один раз брить, пусть и плату берет в половинном размере!

— Вот видите, есть несогласные.

Парикмахер кинул взгляд на свои ручные часы, на ожидающих очереди бородатых трактористов.

— Да, всех не успею привести в порядок. Могу для

ускорения дела дать вам две бритвы. Есть умеющие бриться самостоятельно?

— Есть, есть!

— Вот вам и помазок. Мыло я видел у вас в конторе на умывальнике. А вместо зеркала — вон ледок в кадушке с водой. Которые фронтовики — обойдутся таким зеркалом. За амортизацию инструмента на пол-литра мне.

— Много на пол-литра!

— И как ты, Варфоломеич, догадался прийти к нам сегодня?

— Прямо бог тебя к нам послал!

— Это я ему вчера сказал, что у нас собрание.

— Смышлен, смышлен, Варфоломеич!

— И сам подработал, и нас выручил.

— А не то опять бы кой-кому досталось!

— Как тогда директор на Михаила: «Вы что, говорит, в артисты записались? Для киносъемок партизанскую бороду отращиваете?»

— А к Селихову пристал: «Какое у вас несчастье дома случилось?» Тот не поймет, про какое несчастье спрашивает. «Дети у вас померли или жена тяжело болеет? Почему так себя запустили? Так,— говорит,— древние народы траур по покойникам справляли: разрывали на себе одежду и голову пеплом посыпали».

— Ваське дал трояк из своего кармана на бритье.

— А Васька, не будь дурак, пошел домой, побрился сам, а за ту трешницу кружку пива выпил.

— Не взял я у него трешницу! Еще чего не хватало! Будто я по бедности не брился. У меня тогда на щеке, вот тут, чирий сидел.

— Пусть построит нам сначала баню, а потом спрашивает культуру!

— Может, еще прикажет галстуки прицепить к этой робе?

— Это ему, мать его, не в Москве в министерстве по паркету ходить! Посмотрим, каким сам станет, пока сев закончим! Может, еще грязнее нашего коростой обрастет!

Ровно в девять часов Марья Сергеевна позвала всех в кабинет директора. Тот тракторист, что обругал Долгушина, дольше всех, однако, обтирал сапоги соломой, наваленной для этой надобности у крыльца. В небольшую комнату, именуемую кабинетом, снесли все лишние лавки, табуретки и стулья из конторы и заполнили ее так густо, что дверь из бухгалтерии в кабинет можно было приот-

крыть лишь с трудом, спрессовав, не жалея сил, уместившихся против нее на длинной лавке трактористов.

Долгушин сидел за столом не только гладко выбритый, но и со следами пудры на лице, в темно-сером, хорошо выутюженном, отличного покроя костюме, в сорочке с белоснежным воротничком, с аккуратно вправленным под шерстяной джемпер галстуком. Выглядел он гораздо моложе своих пятидесяти четырех лет. Даже густая проседь в пышных черных волосах не старила его. Он был, видимо, совершенно не расположен к полноте. По легкой, подтянутой фигуре его можно было принять за вышедшего в запас старого офицера-строевика, хотя в армии он после гражданской войны не служил. Щеку разорвало ему осколком бомбы не на фронте, а при эвакуации одного донбасского завода на Урал.

У края стола сидел Холодов, в военном кителе без погон, красивый мужчина лет сорока, чуть начавший лысеть блондин с темными бровями, бывший сотрудник областного управления МВД.

Подперев щеку рукой, Долгушин посмотрел на усевшихся трактористов, на список, лежавший на столе перед ним, и открыл совещание.

— Вот вы, товарищи трактористы, вчера брали социалистические обязательства на весенний сев, и меня удивило несовпадение между этими цифрами и вот этими.— Он ткнул пальцем в список взявших обязательства и в ведомость производственных заданий тракторным бригадам.— Семен Васильич! Как это получается? По производственному заданию ты должен закончить весновспашку и сев ранних яровых в восемь рабочих дней, а в обязательстве стоит шесть дней? Значит, у тебя есть возможность раньше закончить сев? Может быть, у тебя еще один трактор где-то припрятан? Или открыл какой-нибудь секрет, как повысить выработку машин? Чего ж ты не признался нам, когда мы составляли задания бригадам?..

Бригадир седьмой тракторной бригады Семен Чалый, молодой парень лет двадцати пяти, не сразу сообразил, что это к нему обращается по имени-отчеству директор, и, помедлив минуту, встал.

— Никакого секрета мы не открывали... Это же, товарищ директор, так...

— Как «так»? — вцепился Долгушин.

— Ну, это же необязательно. Это так, для газеты...

— Необязательное обязательство! — рассмеялся Дол-

гушин, и все сидевшие в кабинете заулыбались, кроме Холодова и Марьи Сергеевны.— Вот вы как привыкли брать соцобязательства!

— Конечно, это же добровольно, вроде как наше обещание постараться. А законный план тот, что вы нам дали. За тот план спросят с нас... Нам товарищ Холодов сказал, что надо назвать срок поменьше, чем в производственном задании записано.

— Ну и ты, значит, бухнул: в шесть дней посеем! А сам не надеешься в шесть дней управиться?

— Нет, не надеюсь. Весновспашки дюже много. Чем пахать? Если бы вы хоть один колёсник нам заменили дизелем.

— Замены не будет. Машины все распределены. Общая нагрузка у тебя даже ниже средней по МТС. Так, ясно... А ты, Андрей Ильич,— обратился Долгушин к другому бригадиру,— тоже давал свое соцобязательство «так»?

Поднялся бригадир Андрей Савченко, фронтовик, ради собрания не только побрившийся дома, но и подшивший к гимнастерке белый подворотничок и прицепивший орденские колодки.

— Нет, Христофор Данилыч, мы с ребятами это дело обсудили. И с председателем колхоза договорились. Надеюсь, что при таком председателе, как у нас сейчас товарищ Руденко, не придется нам стоять из-за семян или воды. Я не наобум сказал. Сможем в шесть дней управиться с ранними колосовыми. Конечно, не считая плохой погоды, ежели, скажем, дождь перебьет.

— Понятно. В шесть рабочих дней... А как же ты все-таки рассчитываешь поднять выработку против запланированной? За счет чего? Расскажи-ка нам подробно.

— За счет чего?.. Да вот подобрали хороших прицепщиков, не пацанов, таких, что спят на плугах и на пашню сваливаются. Заправляться горючим и водою будем только в борозде, есть уже развозки, лошадей нам выделили с ездовыми. И как рассчитали мы с председателем, через неделю в аккурат будет полнолуние. Такими светлыми ночами на наших полях вполне можно сеять. Лишь бы агроном не запретил. Но я за своих трактористов ручаюсь, что посеют не хуже, чем днем. И сеяльщики у нас мужики самостоятельные, можно доверить им ночную работу.

— Хорошо. Мы с главным агрономом приедем, посмотрим ваш ночной сев. Но ты дал обязательство за всю

бригаду. А что трактористы твои скажут? Кто тут есть из твоих трактористов?

Поднялся богатырской комплекции, с пышущими жаром пухлыми щеками и большим животом тракторист Дудко.

— Посеем, Христофор Данилыч, за шесть дней. Отремонтировали трактора так, как никогда еще мы их не ремонтировали. И товарищ Руденко обещается хорошо кормить нас. Завтра кабана колют. А знаете, в здоровом теле и дух здоровый.

— После свинины?.. Тебе,— Долгушин раскрыл один из блокнотов на столе, искоса заглянул в него,— Иван Поликарпович, должно быть, вредно есть свинину. На сердце не жалуешься?

— Ого! — засмеялись трактористы.— У него сердце как у воронежского битюга!

— В прошлом году еще в футбол играл!

— Он на жену только жалуется!

— Почему на жену?

— А не слушайте их, товарищ директор! — смущенно ухмыльнулся Дудко.— Дурочку валяют. Издеваются надо мной, что жену себе взял не по росту. А чего они знают про мою жену? Что с того, что маленькая? Вовсе я не жалуюсь на нее.

Дудко, не зная, что еще сказать, затянул потуже пояс на штанах, вобрав живот, от чего полные щеки его еще ярче заполыхали румянцем, и опустился на лавку.

— Сколько у тебя детей, Андрей Ильич? — спросил Долгушин у Савченко, переждав смех.

— Четверо, с маленьким.

— Уже четверо? Родила жена?

— На прошлой неделе. А откуда вы знаете, Христофор Данилыч, что у меня жена собиралась родить? — удивился Савченко.

— Директор обязан все знать, что у него в МТС делается,— усмехнулся Долгушин.

— Уже всех нас по батюшке знают,— подал голос кто-то на задней лавке.— А от товарища Зарубина только и слышали — по матушке.

— Как здоровье жены? Благополучно разрешилась?— продолжал расспрашивать Долгушин бригадира.

— Благополучно. Здорова. Уже работает по домашности.

— Значит, за детей спокоен? Будет в доме хозяйка, мать?.. Слышал я, товарищи, такую хорошую пословицу:

домашняя дума в дорогу не годится. Верно сказано? А ваш выезд в поле на всю весну — это же все равно что отправиться в дальнюю дорогу.

— Дом меня не тревожит, Христофор Данилыч,— отвечал Савченко. Подумав, добавил: — Этот дом, что здесь. А вообще-то есть беспокойство. Об другом доме.

— О каком другом?

— Отец наш живет у моего меньшого брата, в Челябинске. Поехал к нему в прошлом году погостить и заболел там. И пишет мне, что очень ему там плохо. Невестка — женщина безжалостная, такая, что только о себе думает, о нарядах да гулянках. Валяется он там без ухода, иной день и супу горячего не похлебает. А брат все в разъездах, в экспедициях, он по геологии работает. Забрать бы надо отца оттуда домой, но кто ж поедет за ним? Мне невозможно отлучиться. Зимою ремонтом был занят, теперь вот посевная начинается. И жену с маленьким не пошлешь. А без провожатого он один не доедет, такую даль. Боюсь, помрет отец и не увижу его больше. Может, вы бы помогли? Если бы как-нибудь договориться, чтоб дали ему оттуда сиделку в дорогу? Я бы ей и билет оплатил в оба конца.

Долгушин посмотрел на Марью Сергеевну, та понимающе кивнула головой и вытащила из своей дамской сумочки маленькую записную книжку.

— Попробуем помочь тебе,— сказал Долгушин.— Вот Марья Сергеевна, секретарь парторганизации, сделала себе заметку. Напишет в Челябинский областной здравотдел, попросим, чтоб отправили твоего отца домой с сиделкой. Должны бы уважить нашу просьбу. И в Цека профсоюза напишем. Поможем... А больше ничего такого нет? Колхоз рассчитался с тобою и с трактористами? Хлеб есть?

— Рассчитались полностью. Вот уже теперь, при товарище Руденко.

— С нами не рассчитались, товарищ директор,— поднялся один тракторист.— Колхоз «Рассвет». Дает нам прелую пшеницу, такую, что и куры клевать не станут, а мы не берем. Мы хорошую пшеницу убирали, а что колхозники погноили ее в кучах на токах — при чем мы? Себе пусть гнилую берут по трудодням, а нам пусть дают хорошую.

— Погоди, Селихов,— остановила его Марья Сергеевна.— Не перебивай. Дойдет до вас очередь.

— Значит, точно рассчитал, Андрей Ильич? — продолжал Долгушин.— В шесть дней можешь закончить сев?.. Рассчитал — и молчишь. А производственное задание тебе на восемь дней. Двойная бухгалтерия получается. Нехорошо. Да садись, чего ты стоишь. За сокрытие резервов в промышленности, знаешь, нашего брата, руководителей, не хвалят... Ну, а ты как, Игнат Сергеич? — глянул Долгушин на бригадира Зайцева, работавшего в колхозе «Рассвет». Тот поднялся с лавки.— Сиди, сиди! Тоже давал обязательство?

— Давал.

— Сколько дней?

— А я не помню. Там товарищ Холодов записали...

Трактористы засмеялись.

— Вот это здорово! Давал обязательство и сам не помнит, на сколько дней!

Зайцев угрюмо поглядел на трактористов.

— Чего ржете? Потому не помню, что это есть одна голая бумажная писанина. Хоть шесть, хоть семь дней скажи — все одно не выполним. Куда нам уложиться в срок! Полмесяца нам долбаться с севом колосовых, а если еще дожди будут перепадать, то и целый месяц.

— Почему у бригадира такое паническое настроение? — нахмурился Долгушин.—В наших руках растянуть или сократить сроки сева.

— Кабы только в наших! Вы, товарищ директор, не знаете еще колхозной работы. Вам показывается, будто вы на заводе, где все в руках этого инженера или рабочего, который к машине поставлен. Нет, у нас маленько не так.

— Да уж разобрался, что не так.

Зайцев все же встал: так ему удобнее было говорить.

— Вот на нас, трактористов, валят всю ответственность за урожай. В ваших руках, мол, техника, вы, механизаторы, всю главную работу на полях делаете своими машинами. Мэтэес — фабрика зерна. Оно-то так, конечно. Похоже маленько на фабрику — дым идет. Только порядку нет такого, как на фабрике. Вот ежели мы, к примеру, пашем, культивируем, стараемся как лучше разделать землю, а колхоз дал негодные семена. Вот тебе и урожай! Либо навоза нет у них, скота не развели, нечем удобрять поля, либо вот, как Селихов говорит, готовое зерно погноили. Вот тебе и фабрика!

— Это я знаю, товарищ Зайцев, что над колхозным

урожаем у нас пока два хозяина. Но ты все же объясни, почему целый месяц собираешься сеять?..

— Ну, не месяц, меньше. Это я сказал, если дожди будут нам мешать... С прошлого года беру пример. Как было у нас в прошлом году? И сами ездили «Универсалом» за водой, и поля очищали под пахоту, и сами за прицепщиков работали. Какая она работа, ежели день за сеялкой, а ночь за рулем? Не было у нас ни вагончика, ни кухарки. За харчами домой за десять километров бегали. Опять же, хлынет ливень, негде ребятам обсушиться, расползлись по домам; назавтра с утра хорошая погода, можно бы запускать машины, а они только к обеду в бригаду соберутся. Сколько у нас вот так, дуро́м, пропало золотого времени! И в нынешнем году в этом колхозе, Христофор Данилыч, никаких перемен против прошлого не намечается. Опять те же полеводческие бригадиры, самогонщики, бездельники, что все лето под скирдами в карты резались. Будем, значит, опять загорать без прицепщиков и без горючего. Новый председатель там ни рыба ни мясо. Ничуть не лучше старого. Тот был малограмотный и пьяница, так хоть видели его колхозники в поле, хоть глаза мозолил, покрикивал кой-когда на людей. А этот три раза на неделе ездит к жинке в Троицк, покажется в колхозе, как молодой месяц, на час — и закатился. И зачем было посылать этого Бывалых председателем колхоза? Там народ так соображает, что Бывалых не справился на районной должности и это ему сделали вроде как последнее испытание: годится ли он вообще в ответственные работники? Оно-то не вредно, конечно, такой опыт сделать, может, его нужно проверить так, чтобы и партийным билетом больше не козырял, но это же все на колхозе отражается! Время-то идет! Вот он уже там четвертый месяц, весна на носу — и никакого сдвигу! Если верно, что районные организации хотели испытать его, то пора бы уже кончать с ним. Все ясно. И надо, пока не поздно, искать другого председателя... А есть там один человек, член партии,— поднял бы колхоз, дать ему только права в руки!

— Кто? — спросил с интересом Долгушин.— Я там знаю кой-кого из коммунистов.

— Артюхин, Филипп Касьяныч. Не приметили? Старичок такой, с бородкой, в очках, но еще крепкий. Он там у них сейчас на рядовой работе, по ремеслу — кадушки делает, ведра починяет. Человек он вообще замордованный. Пробовал бороться с этой шайкой-лейкой, что колхоз про-

пивают, так они ему подстроили штуку. Загорелся ночью телятник — а Филипп Касьяныч был тогда заведующим на животноводстве,— ни печку там не топили в тот день, ни корма не варили, и загорелся. Много погибло телят, и помещение сгорело. Выезжала комиссия, установила, что не было у него там каких-то предохранений против пожара,— припаяли ему, в общем, по суду что-то много тысяч, до сих пор выплачивает. И опять же он не унялся, еще написал письмо в Москву, в Цека. Все описал, что у них в колхозе творится. А у этих бандитов дружок-приятель был на почте, перехватил, должно быть, письмо, не пошло оно в Москву. Через сколько там дней едут колхозники с поля, стучат Артюхину в ворота: «Касьяныч! Там в Гадючьей балке твоя корова лежит, дошла уже. Голова порубана топором». Вот так помыкался-помыкался человек— и согнулся. Что сделаешь один против них? Постукивает себе молоточком, обручики набивает, книжки по вечерам почитывает. А дельный старик. Грамотный. У него там дома и Ленина сочинения, и Карла Маркса, и Льва Толстого. Когда он заведовал животноводством, порядок был на фермах! Все делалось по науке, кормов в достатке, падежа не знали. Вот я и говорю: кабы этого Филиппа Касьяныча выбрали председателем, он бы повел дело не так! Только, может, сам не захочет, откажется. Надоело ему уже своей головой рисковать.

— Не знаю Артюхина,— сказал Долгушин.— Может быть, вы, Григорий Петрович, знаете его?

Холодов отрицательно покачал головой.

Долгушин задумался.

— Ты вот, Игнат Сергеич, негодуешь на пьяниц в «Рассвете», а говорят про тебя, что ты и сам грешен по этой части. Говорят, крепко зашибаешь.

— Не крепко, это неверно...

Зайцев, пожилой человек, с сединой на висках, с худым, морщинистым лицом, смущенно потупившись, мял в руках шапку.

— От хорошей жизни не запьешь, товарищ директор... Был за мной грешок. Прошлым летом товарищ Зарубин два раза застал меня в поле выпившим. Так по какой причине я выпил? По той причине, что нет порядку. Трактора стоят, людей нам не обеспечили, бригадиры магарычи за ворованное сено пропивают, никто об урожае не беспокоится. Ну и сам... Упадешь духом и выпьешь с горя... А ежели на то пойдет, чтобы бороться с этим, то обещаю

вам в рабочее время не пить. За выходной, конечно, не ручаюсь.

— Хорошо. Запомню твое обещание.

Долгушин внимательно посмотрел на Зайцева.

— А у тебя есть корова, Игнат Сергеич?

— Есть. Корова и телок. Свинья есть.

— Не боишься, что вот этот наш разговор про шайкулейку станет известным в колхозе и твою корову постигнет та же участь, что корову Артюхина? Или хату спалят?..

— Все может быть, товарищ директор... Как не бояться. Боюсь. Но и терпеть уже невмоготу! — Зайцев поднял голову.— Один посовался было — замолчал, другой будет молчать — что ж оно получится? Читаем газеты, кругом после постановления Цека жизнь пошла в гору, а у нас как в стоячем болоте!

— Ты коммунист?

— Нет, беспартийный... Коммунисты там примирились. А которые и сами замешаны... Есть там один тип, не коммунист, простой колхозник, Кашкин, «демократом» его зовут по-уличному. Когда-то давно, еще до коллективизации, все выступал на сходках: «Я за демократию! За братство, за равенство!» А сам у родного брата в голодный год за пуд муки хату купил; народный суд потом отменил эту куплю-продажу, как кабальную сделку. Вот этот «демократ» любит там коммунистов опутывать! Пасека у него большая, сад, рыбу вентерями ловит, всегда есть у него выпить-закусить. И уж если кого подобьет на грязное дело и привезет себе коммунист украдкой охапку сена или соломы, так этот Кашкин потом, вокруг того коммуниста, себе десять возов сена натаскает!

Долгушин, склонившись к Холодову, сказал ему тихо:

— Вот как, Григорий Петрович, переплетается наше эмтээсовское с колхозным! А Медведев говорит мне: не лезьте в колхозы. Как же не лезть? И наша тракторная бригада не может работать в полную силу, если такое творится в колхозе!

Холодов молча, как бы соглашаясь, кивнул головой.

— Ну, теперь еще расскажи нам, Игнат Сергеич, про свою бригаду.— Долгушин откинулся на спинку стула.— Насчет колхоза ясно. Ну, а как ты сам подготовился к севу? В каком состоянии машины? Как качество ремонта? Обкатал машины, испробовал? Как с прицепным инвента-

рем? В чем имеешь нужду? Какие у тебя претензии к нашей мастерской, к главному инженеру?

Зайцев рассказал, чего недостает ему из инвентаря, какие нужны запасные части. Беседу с ним Долгушин завершил так:

— Значит, главное, что нам нужно сделать поскорее,— навести порядок в колхозе «Рассвет». Так?

— Так, Христофор Данилыч. Дальше терпеть нельзя.

— Порядок наведем.

Холодов вскинул глаза на Долгушина и тотчас опустил их. На губах его скользнуло нечто вроде улыбки. Его поразил самоуверенный тон директора.

— Наведем порядок. И если не будет тебе никаких помех со стороны колхоза, за сколько дней сможешь управиться с ранними колосовыми?.. Ты же старый механизатор, Игнат Сергеич, двадцать лет стажа, не одну, а три собаки съел на этом деле! И трактористы у тебя как будто неплохие.

— На трактористов не обижаюсь. Есть двое без практики, с курсов, ну ничего, подучим...

— Так за сколько рабочих дней?..

Зайцев сел, вытащил из внутреннего кармана пиджака, будто из-за пазухи, замасленную ученическую тетрадку, где у него было выписано количество гектаров весновспашки, культивации, сева, нормы сменных выработок, раскрыл ее и долго молча шевелил губами, что-то подсчитывая про себя.

— На таких условиях,— улыбнулся наконец Зайцев и решительно хлопнул тетрадкой себя по колену,— могу, Христофор Данилыч, подписать обязательство на семь рабочих дней!

— Вот это деловой разговор! Без паники. Твердо?

— Твердо! Лишь бы вы свои обещания выполнили.

— Жми руку.— Долгушин встал и потянулся через стол.— Марья Сергеевна! Разбивай, за свидетеля.

Борзова, под громкий смех трактористов, сильно рубанула ребром ладони по черным от въевшегося в поры кожи масла, заскорузлым, толстым пальцам бригадира, крепко сжавшим небольшую белую руку директора.

— Так и запишем... Бригада номер девять. Бригадир Зайцев. Сев ранних колосовых за семь рабочих дней.

Целый день продолжался такой разговор директора с трактористами. Было выяснено все: и обнаруженные в последние дни недостатки ремонта машин, требующие не-

медленного устранения, и обстановка в колхозах, и взаимоотношения тракторных бригад с полеводческими, и характер, слабости отдельных трактористов и бригадиров, и их семейные дела. Для себя Долгушин, кроме того, много узнал нового о сельскохозяйственной технике и особенностях предстоящих посевных работ в каждом колхозе. Лишь обдумав и обговорив все, бригадиры со своими трактористами брали и подписывали социалистические обязательства на весенний сев.

— А теперь,— подвел Долгушин итоги собрания,— давайте условимся, что будем в своей работе следовать такому правилу: обещал — сделай! Я всю жизнь провел среди рабочего класса на заводах. Там люди дорожат словом, привыкли слово товарища считать реальной вещью. Там не дают обязательства «просто так», для газетки, как понял было это дело товарищ Чалый. Такие обязательства — это болтовня, липа. Болтовню будем изгонять из нашей жизни беспощадно! Я не для того потратил день на разговоры с вами, чтобы этот список с вашими обязательствами завести в красивую рамку, повесить вот тут и любоваться им. Я буду требовать выполнения обязательств. И поскольку мы здесь всем нашим собранием выяснили, что обязательства эти не фантастические, вполне реальные, мы, руководство МТС, пересмотрим производственные задания бригадам. То, что взято в обязательствах, будет записано и в производственные задания. Не к чему нам вести этот двойной счет — один для дела, другой для болтовни. Будем отныне заниматься с вами здесь, в Надеждинской МТС, только делом! Есть возможности сократить сроки сева ранних колосовых — сократим. И еще запланируем дополнительно какие-то работы тракторному парку на эти дни. Вот видите, как это важно — выполнить свое обязательство! На нем будут построены все расчеты. Не выполнит один, не выполнит другой — подведете МТС, сорвете все расчеты. А МТС — это твои товарищи, друзья по работе, это большой рабочий коллектив. Не подводить товарищей, не бросать слов на ветер; дав слово, помнить его как присягу! Самый опасный в обществе человек, слову которого нельзя верить. Пустую болтовню долой из нашей МТС! Вот так будем жить с вами, друзья.

Хотя всех разморило от жары и духоты в переполненном кабинете, ни один тракторист не задремал на этом необычном собрании, продолжавшемся — с небольшими

перерывами для куренья — часов шесть. С кем бы ни вел разговор директор, слушать этот разговор было интересно и поучительно всем.

— Много вы им наобещали, Христофор Данилыч,— сказал Холодов, открыв форточку и закуривая, когда трактористы, захватив с собою скамейки и табуретки, на которых сидели, вышли из кабинета.

— Так же, как и они нам,— ответил Долгушин.— И чтобы они свои обещания сдержали, нам надо сдержать свои. Очень прошу вас, Григорий Петрович, заняться колхозом «Рассвет». Думается мне, что вам там найдется работа и по вашей бывшей профессии следователя.

— Возможно,— согласился Холодов.

— Не кажется ли вам, дорогие товарищи,— сказал Долгушин, надевая пальто и шапку, весело поглядев на Марью Сергеевну и Холодова, довольный, видимо, удачно проведенным собранием трактористов,— что я сегодня отбил у вас кусок хлеба?

— Да, нашу с Григорием Петровичем зарплату за сегодняшний день надо перечислить вам,— ответила в тон ему, шутливо, но все же смущенно Марья Сергеевна.— Такое собрание трактористов нам нужно было провести вчера! Я сегодня, слушая вас, многое поняла.

Но Холодов не сдавался:

— А соцобязательства в основном остались те, что мы записали. По двум бригадам только изменили,— сказал он, запихивая свои блокноты в туго набитую разными документами полевую сумку.— Цифры были правильные.

— Души не было в тех цифрах, Григорий Петрович!— горячо возразила ему Борзова, не думая в ту минуту, что критика — вещь не всем приятная и что рискованно называть бездушной работу старшего по должности товарища.

Разошлись из конторы МТС в разные стороны. Долгушин пошел пообедать на свою квартиру, к бригадиру Смородину, который жил тут же, на усадьбе, за мастерской, в бывшем поповском доме,— в поповском потому, что сама МТС обосновалась на бывшей церковной площади, и контора стояла как раз на месте разобранной немцами в войну для ремонта моста через Сейм старой деревянной церкви. Холодов поехал на «газике» в Троицк, в райком, докладывать о проведенном собрании трактористов. А Марья Сергеевна пошла в село, где жила тоже пока на частной квартире, у одной бывшей учительницы, пенсионерки, которая охотно присматривала за ее детьми,

когда она отлучалась из дому. Надо было постирать белье себе и ребятам, наварить, напечь им чего-нибудь побольше — перед выездом с тракторными бригадами в поле на посевную.

5

Холодов не выехал в «Рассвет» ни на другой день, ни на третий. Ему мешали разные, как он говорил, «оперативные дела»: он выполнял какие-то срочные поручения райкома, собирал сведения, составлял ведомости, передавал их по телефону и лично отвозил в Троицк, задерживаясь там всякий раз до ночи.

Посевная началась недружно. Почва плохо подсыхала из-за ночных заморозков. Местами, где на южном склоне можно было уже кое-как пахать и сеять, тут же, через перевал, на северном склоне плуги по самую раму утопали в грязи и тракторы буксовали в борозде. Но все же гектаров по пять-семь кое-где в колхозах удавалось посеять за день.

Холодов посоветовал Долгушину не давать пока сводок в район о таком выборочном севе.

— Почему? — удивился Долгушин.

— Потому, что с первой же сводки нам зачтут начало сева. И если мы потом даже закончим сев раньше других МТС, все равно будет считаться, что мы сеяли не семь-восемь рабочих дней, а двенадцать-пятнадцать.

— Черт возьми! — сказал Долгушин.— Мы с вами, Григорий Петрович, вместе начали работать в сельском хозяйстве. И моложе вы меня лет на пятнадцать. Но откуда у вас такой житейский практический опыт? Я бы ни за что не догадался!

— Передадим ли мы в район сводку или не передадим, все равно в область она оттуда не пойдет до начала массового сева.

— Да?.. В область не пойдет?

— Но внутри района будут считать, что мы начали сев такого-то числа.

Долгушин подумал.

— Значит, можем очутиться на последнем месте в районе по севу?.. Но как же так: посеяно уже почти двести гектаров — и молчать?.. Ладно, дело товарища Медведева передавать или не передавать сводку в область, а мы в район передадим. Не будем копить гектары про запас. В конце концов, Григорий Петрович, первенство на

севе еще ничего не решает. Дело в урожае. Из сельскохозяйственных пословиц мне очень нравится одна: цыплят по осени считают.

В колхоз «Рассвет» поехал на второй день массового сева сам Долгушин.

Он был еще мало знаком с работой колхозных животноводов и поэтому решил в первую очередь побывать на фермах. Молочная ферма «Рассвета», свинарники и птичник были по пути, на этой стороне реки Сейма, дорога на паром и в село пролегала как раз мимо животноводческого поселка. Долгушин выехал из дому, чуть забрезжило на востоке. Он хотел поприсутствовать при утреннем доении коров — нигде, никогда не видел он еще, как это делается.

Делалось это в «Рассвете» самым обычным путем — руками. Ни доильных аппаратов, ни автопоилок, ни подвесных дорог на ферме не было. Тем не менее присутствие директора МТС, которого доярки видели уже однажды у себя в колхозе на собрании, странным образом сразу же сказалось на количестве надоенного молока.

Первым заметил смятение среди доярок шофер Володя, ходивший с директором по коровнику в качестве консультанта.

— Да где же он, наш Голубчик? — закричала одна доярка.— Девки, Харитон еще не пришел? Это он у Дашки Караваихи зорюет. Пригрела его под мышкой. Куда молоко сливать? Посуды нет.

Другая доярка, тоже обеспокоенная, вышла из коровника, вытирая руки полой синего халата, надетого поверх стеганки, взобралась на кучу навоза и закричала в сторону села:

— Эге-ей!.. Харито-он Иваны-ыч! Эге-ей!.. Что-сь маячит возле парома, кажись, он идет,— сообщила она, вернувшись в коровник.— Чертов пропойца! Когда он уже нажрется той водки, чтоб она ему в брюхе загорелась!

— Что ты, Пашка, сдурела? Чего желаешь человеку! — укоризненно покачала головой одна доярка, самая старая из всех и, должно быть, сдержанная на язык.

— А докуда ж нам мучиться с таким заведующим? Бог не берет его от нас, пусть сатана заберет! Сколько ни говори ему, ни доказуй: того надо, другого надо,— ничего не делает! С утра помнит, к обеду уже забыл. Похмелился,

чертики заиграли в голове, уже какая-сь сорока пригласила его ночевать, чуб накручивает, сапоги начищает — до коров ли ему?..

— Чего, девушки, бросили доить? Посуды не хватает? — подмигнув Долгушину, спросил Володя.

— Да надо бы еще бидона три...

— А вчера куда сливали? Хватало посуды?

— Обходились...

— Чем же вы таким питательным накормили коров, что сегодня молока прибавилось?

— Чем питательным? А вон посмотри, что в яслях. Тем и накормили. Соломой пшеничной.

— И больше ничего не давали?

— Силосу еще давали немного. Сена давали. Вон, видишь, какое. С осени еще попрело на лугу, в воде. Его и не едят коровы.

— С чего ж прибыло молока?..

Доярки угрюмо молчали.

— Может, ваши коровы начальства испугались? Так с испугу или от какой другой помехи корова дает меньше молока.

Володя обернулся к директору.

— Соображаете, Христофор Данилыч? Вчера им хватало посуды, а сегодня, при вас, не хватило. Значит, или недодаивали, или прямо на землю...

Доярка, которую звали Пашей, обвела сердитым взглядом подруг.

— Чего ж молчите, девчата? Так и говорите, правду говорите: недодаивали. И на землю шло молоко. Верно, так и было. Так разве ж мы виноваты?..

— А куда его девать, раз посуды не хватает? — зашумели доярки.— В подол, что ли?

— В сапоги бы сливали, так нам сюда и сапог не дают. Вот в чем бродим по грязи! — выставила одна доярка ногу в стоптанном дырявом валенке, из носка которого торчали тряпки и солома.

— Привезли в сельпо резиновые сапоги, так их враз расхватали мужики, которые охотники да рыболовы, а нам опять нету!

— Сколько было в колхозе этих бидонов в прошлом году! Чи побили их, чи поворовали?

— Самому председателю уже заявляли насчет посуды, и тот мер не принимает!

— А тут еще возчик у нас такой, с принципом: что за-

берет за один раз на телегу, то везет, а другой раз ехать не хочет.

— Как зовут вашего заведующего? — спросил Долгушин.

— Бесфамильный.

— Как?

— Фамилия у него такая — Бесфамильный. А по-уличному зовем его «Голубчиком». Поговорка у него за каждым словом: «Вы, мои голубчики»... Да вот он идет сам.

К коровнику приближался медленной развалистой походкой, подкручивая пышный рыжий ус, высокий мужчина лет сорока пяти, в галифе, черной сатиновой стеганке и шапке-капелюхе с опущенными, неподвязанными наушниками. Хромовые сапоги его были начищены действительно до зеркального блеска, и весь его вид — сытая, плотная фигура, лоснящееся, румяное лицо — говорил о том, что человек хорошо выспался, успел уже, вероятно, позавтракать и вообще доволен жизнью.

«Колхозный альфонс Харитон Голубчик»,— отметил про себя Долгушин.

Остановившись метрах в десяти от коровника, Бесфамильный окинул хозяйским оком двор и закричал зычным голосом:

— Эй, девки, голубчики, что ж вы делаете? Сколько разов приказывал вам! Манька! Куда ж ты объедья бросаешь, тудыть твою!..— и осекся, увидев за углом коровника знакомый «газик» директора Надеждинской МТС.

Бросив быстрый взгляд в темный со двора проем двери коровника и заметив там среди столпившихся доярок две мужские фигуры, Бесфамильный подтянулся, вынул руки из карманов и подошел к Долгушину почти строевым шагом.

— Здравствуйте, товарищ директор! — пахнул он в лицо Долгушину густым винным перегаром.— Приехали нас навестить? Ночевали в колхозе или прямо из дому? Раненько, раненько вы встаете!

— Кто рано встает, тому бог дает,— тряхнул Долгушин своим запасом деревенских пословиц.

— Приехали к нам, товарищ директор, на нашу работу полюбоваться, а у нас опять незадача — посуды не хватает. Дойку бросили,— сказала старуха доярка.— Куда ж молоко сливать?

Недодоенные коровы беспокойно метались в стойлах,

мычали. Доярки зло, исподлобья поглядывали на заведующего.

— Это что за новости — посуды не хватает? — удивился Бесфамильный.— А вчера хватало?

— Вчера хватало, мы уже выяснили. По случаю приезда директора МТС надоили три лишних бидона,— Володя улыбнулся.— Вот бы вам, Христофор Данилыч, ничего не делать, ездить только по фермам и присутствовать, когда коров доят. Глядите, процентов на тридцать прибавилось бы молока. Без лишних кормов, без концентратов.

— Где ж вам посуды взять?..— Бесфамильный, сдвинув шапку на лоб, почесал затылок.

К коровнику подошел колхозник, по виду ездовой, с кнутом,— вероятно, тот самый, «с принципом», о котором говорили доярки, инвалид на деревяшке, поздоровался.

— Приехал, Тюлькин? Где твой драндулет? — обратился к нему заведующий.

— А там,— указал колхозник кнутом куда-то за коровник.

— Ну-ка, голубчик, смотайся в село, поищи там еще бидонов несколько. Пройди по нашей улице. У Гашки Кузьменковой, кажись, есть один. У Феньки Сорокиной видел вчера, сушился на плетне. Чертовы бабы, берут, ездят на базар, а не приносят в кладовую. И к моей там загляни... Живо, голубчик, духом! Одна нога здесь, другая там! — и сам расхохотался над своей шуткой.

Колхозник, недовольно бормоча, заковылял на деревяшке за сарай, к повозке.

— Сколько у вас коров на ферме? — спросил Долгушин Бесфамильного.— Всего, фуражных?

Заведующий подумал с минуту.

— Всего, значит, так... семьдесят восемь коров у нас.

— А сколько доится?

— Сколько доится?..

— Сорок две коровы доим сейчас,— подсказала Паша-доярка.

— Так мало? Остальные что же — еще не отелились? Яловые? — храбро продолжал Долгушин задавать такие вопросы, в которых сам еще недавно был не силен.

— Есть которые и не растелились. А есть и вообще негодные к госпроизводству.

— Как? К чему негодные?

— К госпроизводству,— важно повторил Бесфамильный.— Так называется у нас по зоотехнике.

— В зоотехнике есть термин — воспроизводство стада,— пояснил Володя.

— Догадываюсь,— кивнул Долгушин.— Проще сказать — держите на ферме коров, которые вообще не способны давать приплод?

— Неспособные, да. По два-три года уже не телятся.

— Зачем же вы их держите? У вас же молочная ферма, а не мясная.

— Ставил вопрос на правлении. Сдать бы надо их в мясопоставку, чтоб и корма на них не переводить.

— Но действительно ли все они бесплодны? Специалисты осматривали их? Может быть, не случали их?

— Нет, случали, как же.

— Учет ведете при случке? Какая корова покрыта, какая не покрыта?

— Да, и учет ведем.. А вообще я, товарищ директор, на быков надеюсь... У нас хорошие быки-делопроизводители. Три быка. Вот стоят, посмотрите. Сам выбирал в совхозе. Цементальской породы.

Долгушин не выдержал, рассмеялся.

— Нет, у вас тут, товарищ Бесфамильный, какая-то особенная зоотехника! Такого я еще не слышал!..

— Так мы называем,— обиженно надулся заведующий.

— Бык-производитель,— поправил его Володя.— Эх ты, животновод! Делопроизводители в канцеляриях сидят.

Долгушин с Бесфамильным и Володей молча прошли взад-вперед по длинному, грязному, с дырами-просветами в соломенной крыше коровнику, постояли возле быков, возле одной коровы крупного мясного экстерьера, которая, как объяснил заведующий, за всю свою уже немолодую жизнь не дала ферме ни одного теленка. Скот был нечищеный, тощий. Доярки кучкой ходили следом за ними.

— Ох! Харитон Иваныч, голубчик ты наш! — тяжело вздохнула Паша.— На быков, говоришь, надеешься?.. А скажи, какой доярке у нас лучше: у которой все коровы отелятся или у которой половина яловых?

— Конечно, для общего дела лучше, чтоб у нас не было яловых коров,— ответил Бесфамильный.

— Я тебя не про общее дело спрашиваю, а про доярок!.. Товарищ директор! — вскипела наконец Паша и, покраснев от волнения, горячо жестикулируя, стала говорить: — Послушайте, товарищ Долгушин, как у нас

делается. Все вам расскажу! А вы,— кинула взгляд на доярок,— скажете, верно ли я говорю или брешу. Вот за мною с позапрошлого года закреплено десять коров. Как и за всеми. У каждой у нас тут по десять коров. Мои коровы прошлой весною все были покрыты, сама последила, пастуху пол-литра поставила, чтоб следил. Зимой, в феврале, в марте, все отелились, как одна. Десять телят. А куда их девать? Телятника приспособленного нету. Тыкаемся с этими телятами по всем куткам. Пять телят взяла к себе в хату, а больше некуда. Другим вот тут, за кладовкой, отгородила место. Возилась с ними, пока трое телят пали. Одного теленка отдала в колхоз от своей коровы на то место, а двое вот теперь на моей шее.

— Как на вашей шее?

— А так, что грозятся вывернуть с меня при отчетном годе за телят из тех денег, что по трудодням заплатят. Видите, какие порядки! Теперь слушайте дальше. Все мои десять коров потелились, всех десять дою. Работы, значит, мне больше? А вот вам Катька Архипова. У нее тоже десять коров. Как она их там случала, не случала, не знаю. Четыре коровы у нее всего отелились. Четыре теленка. Выходила их без забот, без хлопот, все живые, передала их телятницам, никакого ей убытку. И теперь всего четыре коровы доит. А трудодень что мне, что ей — одинаково!

— Верно говорит Зайцева! Кто шесть коров доит, кто восемь — всем трудодень!

— Зайцева? — навострил ухо Долгушин.— Вы Зайцева? Не жена ли нашего бригадира?

— Жена.

— Она самая. Жена Игната Сергеича,— подтвердили доярки.

— Ну, будем знакомы. Как вас по батюшке?

— Никитишна. — Зайцева улыбнулась. — Прасковья Никитишна. Мне про вас Игнат рассказывал, как вы там в мэтэесе кой с кого дурь выгоняете. Вот бы еще у нас тут!..

— Так почему же вам одинаково начисляют трудодни? Разве вы не получаете дополнительной оплаты за надой молока?

— Какая же дополнительная оплата, когда мы плана не выполняем. А чем его выполнять? Какие у нас корма? Сами видите. Разве это сено? Его только на подстилку, гнилье такое! А чтоб там жмыху какого или картошки дать коровам — этого у нас и в помине нет. На смех под-

нимут тебя на собрании, ежели о концентратах заговоришь. Но все же мы считаем, товарищ директор, это неправильно!

— Что?

— Да вот, что поровну трудодни пишут. Пусть мы плана не выполняем, а все же кто десять коров доит, кто четыре — разница? Нам говорят: ухаживает доярка все равно за всем десятком. Так одно дело кормить, а другое дело еще и доить! Какой же нам интерес не допускать, чтобы коровы яловели? Я за своих поставила пастуху поллитра, чтоб случал, а Катька, может, за своих поставила два пол-литра, чтоб не случал!

— Ничего я ему не ставила, пустое мелешь! — озлилась Катерина Архипова.— Что я, вредительница какая, чтоб нарочно коров портить? Так пришлось, что мои не огулялись.

— Может, и пришлось так, кто его знает. Но все одно неправильно, что нам с тобою плата ровная!

— Об этом начальники наши знают, как нам платить! Ты тут своих законов не установишь!

— На быков, значит, надеетесь, товарищ заведующий? — Долгушин взял под руку Бесфамильного и прошел с ним несколько шагов по коровнику к выходу.— Если так будете на них надеяться, скоро совсем останетесь на своей ферме без госпроизводства. Я еще нигде не видел в хозяйстве таких идиотских порядков — прошу не обижаться. Это же просто какое-то самоубийство! Оказывается, колхоз платит дояркам не за надои молока и сохранение телят, а за то, чтобы не было на ферме ни телят, ни молока!

— Не я эти порядки здесь заводил, товарищ директор. До меня тут сто заведующих перебыло. Не мною это началось, не мною и кончится.

— Да как сказать... Началось не вами, а кончится, может быть, вами.

— И вообще обзывать нас адиётами хватает тут кому и без вас! — вдруг обиделся Бесфамильный и, высвободив руку, отошел от директора.— Приезжают товарищи из района, из области. Есть над нами начальники. А вы валяйте в свою мэтэес и там командуйте!

— Да, товарищ Бесфамильный, я у вас тут никакой не начальник,— не повышая голоса, наружно спокойно, раздумчиво сказал Долгушин.— Таково уж мое положение: отвечаю за все, что делается в колхозах, а распоря-

жений, приказов вам здесь давать никаких не могу. Но есть еще начальник и над вами, и надо мною — народ. Народ может приказать и вам и мне. Может и совсем оставить нас министрами без портфелей. Вот к этому начальнику и придется, пожалуй, обратиться.

— У вас здесь на животноводстве был когда-то заведующий Артюхин Филипп Касьянович. Кто из вас работал при нем на ферме? — спросил Долгушин у доярок, когда Бесфамильный вышел из коровника и стал что-то делать у колодца, поправлять и укреплять столб журавля, который и без того достаточно прочно стоял на своем месте.

— А вы знаете Касьяныча? — заговорили доярки.

— Как же, многие при нем работали. И я работала, и Настя вот работала, и Марья.

— Вот то был заведующий! Хозяин!

— На быков не надеялся!

— У меня и сейчас похвальная грамота висит в красном углу, что при нем получила от партийного комитета из области!

— Премии нам давали. По пятьсот литров молока дополнительной оплаты получали!

— Курсы тут были на ферме, обучали нас по зоотехнике.

— Горькими слезьми плачем о Касьяныче, кто помнит, как он здесь руководствовал!

— А вы чего спрашиваете про него, товарищ директор? Может, думка есть — назад его к нам повернуть?

— Не пойдет он. Обидели человека!

— Вон на том месте стоял телятник, что сгорел. Вот там, где куча самана. Подожгли какие-сь головорезы. А его потом затягали по судам.

— И в колхозе эти наши фулиганы на него злобились, и власть — на него же. Разобрались, защитили человека!

— А кто эти ваши хулиганы?..

Доярки замолчали.

— Да есть такие...

— Кто?

Женщины, поглядывая друг на дружку, молчали. Катерина Архипова взяла метлу, стала подметать проход между стойлами, другая доярка отошла к коровам.

— Вот так у нас всегда! — махнула рукой, горько усмехнувшись, Зайцева.— Промеж собою шумим, лютуем,

готовы на мелкие кусочки их растерзать, а как до дела — языки прикусили!

— «Кто, кто»! Чего у нас спрашиваете, товарищ Долгушин? — выступила вперед, отважившись, доярка, которую звали Марьей.— Целый час вы разговаривали с Голубчиком. Либо вам еще не ясно, что он за человек? Наш колхозный объедала, опивала! Трутень в нашем бабьем рою! Может, кому неловко про него так говорить,— Марья бросила вызывающий взгляд на Катерину Архипову,— а я скажу! Он ко мне ночевать не ходит, я его яешней с салом не кормлю, у меня свой мужик есть. Вот вам один такой безобразник! Живут в свое удовольствие, а на хозяйство им наплевать!

— И на фронте сумел как-то отвертеться от передовой.— К Долгушину подошла другая доярка.— Всю войну где-то в тылу огинался.

Женщины заговорили враз:

— Наши там головы положили, а он трофеи собирал! В трофейной команде был начальником!

— С такой мордой! Туда бы инвалида какого-нибудь, в тыл, а ему — пулемет на горбу таскать!

— Пять аккордеонов привез из Германии! А еще там всякого добра — на тридцать лет продавать и работать не надо!

— Должно быть, какой-то начальник за трофеи и в партию его там принял. Задобрил кого-то.

— Его выгоняли уже раз из партии, перед войной. И судить надо было, да как-то замотали. По пьяному делу одного бригадира ножом пырнул. И два центнера меду у него в кладовой не хватило. Нет же, опять партейным пришел с фронта! Оправдался!

— Когда вот такие там заседают, так неохота и идти к ним в правление с какой-нибудь жалобой.

— Кому жаловаться?..

К коровнику подъехала, дребезжа пустыми бидонами, телега. Ездовой сердито закричал, не слезая с нее:

— Эй вы, мокрохвостые! Забирайте свои бидоны! Растащат посуду по всему селу, а я ездий, собирай! Кто мне полтрудодня запишет за лишнюю работу? А ну, живей поворачивайтесь! Когда я теперь доберусь до завода? И молоко ваше к черту прокиснет!

— Хоть бы уж ты не орал на нас, Тюлька! — зло замахнулась на него метлой Катерина Архипова.— Одно слово — Тюлька, а орет тоже, как начальник!

— А как же,— зашумели доярки,— начальник над слепой кобылой!

— Вожжи в руках — значит, начальник!

— Ежели ты еще, Тюлька, будешь обзывать нас такими словами, гляди, как бы эти вожжи по тебе не походили!

— А чего, простое дело: штаны спустим и так тебя почешем, что и правнукам закажешь над бабами изгаляться!..

Ездовой Тюлькин, опасливо поглядывая на разъярившихся по неизвестной ему причине доярок, понимая, что, если они вздумают привести свою угрозу в исполнение, ему от них не отбиться — директора МТС и шофера, стоявших в глубине коровника, он не заметил,— сразу притих и, чего, видно, никогда не бывало, даже слез наземь и сам стал выносить из кладовой и устанавливать на телегу полные бидоны.

Женщины с цибарками разошлись по коровнику додаивать ревущих в стойлах коров. Долгушин и Володя, попрощавшись с доярками, поехали дальше.

«Вот тебе и яловая порода! — думал Долгушин, пытаясь на тряском ходу «газика» записать в блокнот кое-что из разговора с доярками.— Сколько вокруг этой породы новых новостей открывается!..»

Решение провести в этом колхозе открытое партийное собрание пришло к Долгушину уже перед вечером.

Часа в три дня пошел сильный дождь, густой и обложной, надолго, на весь остаток дня, пожалуй, и на всю ночь. Тракторы остановились, народ повалил с поля домой в село. Можно было созвать собрание без ущерба для посевных работ.

— Проводились ли здесь, в колхозе, открытые партийные собрания? — спросил Долгушин у инструктора райкома по зоне Надеждинской МТС Зеленского.

— Никогда, должно быть, не проводились,— ответил Зеленский.— Сколько ни проверял я у них протоколов — все закрытые и закрытые собрания. А знаете, почему закрытые? Не потому, что секретные вопросы обсуждают. Стыдятся народа! Боятся приглашать на свои собрания колхозников!

С зональным инструктором Зеленским Долгушин встретился еще утром, едучи с фермы в полевые бригады. Зеленский шел из Надеждинки напрямик, полями, по не просохшей еще местами стерне, волоча по пуду земли на сапогах, в сером прорезиненном плаще, со свертком газет

в кармане плаща и папкой под мышкой — типичный вид «уполномоченного». Он рассчитывал провести в «Рассвете» два дня — для изучения работы партийной организации на весеннем севе. Долгушин пригласил его в машину.

Зеленский бывал уже в «Рассвете» много раз.

— Нечего мне тут уже изучать,— говорил Зеленский.— Для чего изучать? Делать что-то надо с этим колхозом, а не изучать! Что мы, диссертации будем писать на тему о недостатках? Я уже десять докладных вручил Холодову об этом колхозе, а он их к делу подшивает. Что тут изучать? Я знаю, как они расставили коммунистов, сам был у них на собрании. Все прикреплены к бригадам. Но толку-то от таких прикрепленных!.. Вот приедет к колхозникам Егор Трапезников — есть тут такой член партии, был и заведующим мельницей, и председателем сельсовета, и председателем колхоза; отовсюду выгоняли его за всякие грязные дела, а теперь живет спекуляцией. Всю осень брал в автоколонне машины, скупал у колхозниц картошку и возил ее в Донбасс. Придет в бригаду и станет разъяснять колхозникам решения Пленума, убеждать их честно и добросовестно трудиться. А им тошно смотреть на него, противно его слушать! Чья б мычала, а твоя молчала. У самого за прошлый год пятнадцать трудодней, и у жинки всего трудодней десять. Такие агитаторы только на нервы людям действуют. У них и Харитон Голубчик числится агитатором. Тоже — разъясняет народу, как надо жить, трудиться.

Долгушин с Зеленским побывали в полеводческих бригадах, на парниках, в колхозных мастерских. Нашли и Филиппа Касьяныча Артюхина. Старик оказался не таким уж запуганным, как говорил о нем на собрании трактористов бригадир Зайцев. Он откровенно высказал свои соображения о делах в колхозе, дал обстоятельные характеристики всем членам правления, новому председателю Бывалых, местным коммунистам.

Зеленский, парень простой, без начальнического гонора, умеющий вовремя и скрепить разговор острым словцом, и шутку пустить, располагал к себе людей. Колхозники рассказали ему и Долгушину о своей жизни много такого, чего другим «представителям», возможно, и не стали бы рассказывать. Видимо, и о Долгушине прошли уже всюду хорошие слухи как о директоре, не на шутку взявшемся наводить порядки в МТС и отстающих колхозах.

В третьей полеводческой бригаде они не нашли на поле бригадира коммуниста Милушкина, бригада начала сев без него. Милушкин в воскресенье справлял именины и все никак не мог протрезвиться. Во второй бригаде с утра не было прицепщиков, потом, когда они пришли, оказалось, что вывезли непротравленные семена. В первой бригаде некому было убирать с поля прошлогоднюю солому. Сами трактористы приспособили к «натику» волок и стягивали ее на дорогу, вместо того чтобы пахать трактором. Зайцев был прав. Такая расхлябанность с первых же дней полевых работ не предвещала ничего хорошего в смысле сроков сева.

В тракторной бригаде повариха, молодая девушка, комсомолка, рассказала Долгушину и Зеленскому, как правление назначило ее зимою старшей птичницей и почему она сбежала с той работы.

— Как-то мы на нашем комсомольском собрании стали говорить: почему это никого из комсомольцев у нас не посылают на животноводство? Разве нету нам доверия или мы такие неспособные? Записали в протокол, передали секретарю парторганизации товарищу Чайкину. Потом, слышим, было у них заседание правления. Зовет меня товарищ Бывалых: «Назначаем, тебя, Кострикина, старшей птичницей. Принимай птичник и с завтрашнего дня приступай к работе». Ладно. Пошла я туда, посчитала кур. Выписала корму на неделю. Помощницей у меня — девочка одна, сирота, глухонемая и немножко не все дома, но работать может. А до меня там была старшей птичницей Крутькова, жинка одного нашего бригадира. Заболела, положили ее в больницу на операцию. Потому и назначили меня, что место освободилось.

Приезжает ко мне на птичник завхоз Мамченко. «Ну, смотри, Клавдия, чтоб все в порядке было. Вон берданка висит, вот тебе два патрона, вот так надо заряжать, вот за это дергать. Если будут лисы поблизости ходить — стреляй! Работай, говорит, доверяем тебе это дело. А продукция чтоб была на уровне». И не поняла я его с первого разу — про какой такой уровень он говорит! «Постараюсь, говорю, кормов только давайте побольше». Приезжает он еще дня через три. «Сколько вчера вечером сдала яиц в кладовую?» — «Двести тридцать штук». — «А сегодня сколько собрала?» — «И сегодня, говорю, около того — двести двадцать семь. Может, какая где-то не в гнезде снеслась, не нашла еще». — «Как приедет Тюлькин,

отдай ему сто двадцать штук, остачу придержи пока, до особого распоряжения. Сложи в сундучок и замкни на замок». Приезжает опять через несколько дней: «Ты ж чего меня не слушаешь? Зачем все яйца сдаешь! Сказано тебе — держи на том же уровне. Сколько у Лукерьи была сдача?» Посмотрели мы тетрадку, что осталась от Крутьковой,— сто, сто десять яиц принимал от нее Тюлькин. «Вот и ты,— говорит,— около этого сдавай, на яйцо больше, на яйцо меньше. А то — в особый фонд. Разберемся потом. Что ж нам, ревизию теперь назначать, почему у Крутьковой такая была сдача, а у тебя такая? Женщина в больнице лежит, может, при смерти, а мы тут дело на нее будем заводить?»

Иду я как-то из дому на птичник селом, тем краем, за оврагом, слышу — у Милушкиных гулянка. Танцы, песни. Орут! И товарищ Чайкин там, на гитаре бренчит. И Мамченко там. Все там. Про товарища Бывалых не скажу, его голоса не слыхала. Вечером, по-темному — я уже все позапирала и спать ложилась в сторожке,— прибегает Петька Мамченкин с кошелкой. «Батя сказали, чтоб ты дала сотню яичек из особого фонда». Отсчитала ему сотню. «Батя говорили: и себе можешь взять десятка два, это тебе премия от правления». Потом на масленой у Бесфамильного собрались. Там компания побольше была. Две сотни яиц им дала и пять петушков зарубала... Поработала две недели и вижу: если на таком уровне держать, то и комсомольский билет свой потеряю тут и еще, может, чего похуже будет. Отказалась. «Не могу, говорю, работать там. У меня мама больная, возле нее надо ночью кому-то быть, не могу ночевать на птичнике». Сдала кур Надьке Филипенковой, невестке нашего бухгалтера. Не знаю, у нее теперь — на каком уровне...

— И не заявляла никому об этом? — возмутился Зеленский.— Молчала? Факты на руках — и молчала! Или, может, тебе пригрозили, чтоб молчала?

— А кому заявлять? Чайкину? Так он же с ними лег, с ними встал. Одна чашка-ложка. К товарищу Бывалых не добьешься. Пошла как-то к нему, а он меня выгнал.

— Как — выгнал?

— В правлении, когда ни заглянешь, там люди всегда, неудобно при людях рассказывать. Я пришла к нему вечером на квартиру. Он лежит на диване в полосатой пижаме, слушает патефон. «Я, говорит, на квартире не принимаю по колхозным вопросам. Я здесь отдыхаю от ваших

дрязг. Приходи в правление по вторникам и четвергам от десяти до двенадцати». И прямо взял меня за руку и вывел из комнаты. Очень был сердитый. Может, по дому взгрустнулось, жена, детишки вспомнились, в Троицк к ним захотелось, а тут я как раз не вовремя, со своим заявлением...

— Колхоз — дело общественное, тут в одиночку не украдешь, обязательно компания нужна,— объяснял Долгушину «механику» воровства колхозный кузнец Тихон Кондратьевич Сухоруков.— Это Егор Трапезников здесь целую шайку развел, когда еще был председателем. На рынок полномоченным по колхозной торговле назначил жинкиного родича Ваську Жмакова. По полгода жил в городе, и кто его там проверит, что почем продавали, ежели на базаре цены каждый день меняются? Объездчиком в поле держали пьянчугу Мишку Святкина, который за литру водки голый по селу среди бела дня пробежит. А зерно ночевало в кучах на всех токах, и сторожей не было. И шофером на машине работал Мамченкин брат родной, Степка. Люди, может, не скажут, а кабы ту машину допросить, на которой Степка ездил, она бы рассказала, сколько тонн пшенички перевезла в город на мельницу, сколько муки из той пшенички Васька Жмаков на базаре продал! А бухгалтер у нас тоже гусь хороший. Бывший снятый заведующий сберкассой, в денежную реформу дружкам-приятелям незаконно сто тысяч обменял. Пьют же сукины сыны до умопомрачения! От водки болеют, водкой лечатся, водкой все дела вершат. Один пьет с баловства, другой со страху, что рано ли, поздно придется отвечать, а третий — от стыда, ежели еще остался стыд. Сами пьют и кого хочешь возле себя споят. Приезжал прошлым летом следователь из Троицка, так они его так накачали на прощанье, что тот и портфель с бумагами по дороге потерял.

Старик Артюхин рассказал о «методах» зажима критики.

— Про телятник ничего не известно, может, и случайно загорелось, из мужиков, может, кто заходил да бросил цигарку. А корова моя, конечно, не сама себя зарубила. А то есть еще у них такой способ — оклеветать человека. Вот тут одного колхозника у нас, Грачева, довели, что хоть в петлю лезь! Задал Грачев вопрос на отчетном собрании: для какой цели Егор Трапезников с Бесфамильным целую скирду сена не заприходовали, продать

собирались или по домам развезти? А Трапезников на него: «Ты власовец, изменник родины, какое имеешь право на собрании голос поднимать?» Так и прицепилось к нему — «власовец». Создали комиссию, следствие вели. И я был в комиссии. Никаких материалов нет на Грачева. Ни в эмгэбэ, ни в военкомате. Сущая клевета! Что Грачев в плену был — это известно. Пять лет пробыл в лагерях, в немецких и американских. Это все знают. Документы есть у него от наших органов, прошел проверку. А насчет власовца сам Трапезников пустил слух: будто кто-то на фронте говорил ему, что видел Грачева у власовцев. Так они и делают! Сказал человек слово — сразу же ему кляп в рот! А не клеветой, так другим доймут. Нарядами могут донять. Есть в колхозе такие работы, что давно уже видно всем: не годятся нормы. Какой бы ни был хороший работник — и двадцати соток не натянет за день, хоть пуп тресни! И не пересматривают. Нарочно! Чтоб было чем наказывать людей за критику. Выступил на собрании — вот тебе наряд на неделю на такую работу, где ноль без палочки получишь.

Доярка Зайцева, которую Долгушин встретил еще раз в селе, когда они с Зеленским шли из мастерских к конторе, говорила:

— Мы уже так и привыкли понимать, что не все то идет от партии, что наши здешние партейцы делают. Слышим Москву по радио — вот то партия с нами разговаривает, то ее голос. Читаем газеты, постановления Цека — это партии слова. А на своих перестали уж и внимание обращать. Раз ты говоришь одно, а делаешь другое — какой же ты партеец? Хоть вы и считаете Харитона Бесфамильного коммунистом, а мы его все одно за члена партии не признаем! Нас эти поганцы не собьют с того пути, куда нас Цека зовет, не потеряем мы из-за них веру свою. Но все же трудно нам, колхозникам, хозяйство поднимать, когда вот такие люди у нас руководствуют!

Разговоры с колхозниками так разволновали Долгушина, что он, пожалуй, и не смог бы уже уехать сегодня ни с чем, не начав немедленно, сейчас же, что-то делать для оздоровления колхоза.

И Зеленский был настроен на решительные меры. Зеленский говорил:

— Некоторое время назад у нас в сельском хозяйстве была круговая порука плохого. Станешь критиковать какого-нибудь председателя, а он говорит: «Чего вы ко мне

привязались? Вон у соседей, в «Красном пахаре», еще хуже, чем у нас!» А в «Красном пахаре» говорят: «И мы не самые первые от заду, в «Рассвете» еще хуже». Вот так и прятались друг за друга. А теперь нам надо создать круговую поруку хорошего! Все тянут в гору, а кто-то тормозит. Где осталось еще вот такое, как здесь, надо всеми силами наваливаться на него и приканчивать! Облаву надо делать на плохое, как на волка! Брать его под перекрестный огонь!

— Круговая порука, да! Именно круговую поруку создать! — Долгушину очень понравилось это выражение, он несколько раз повторил его.— Руденко, Щукин, Нечипуренко, Грибов — все взялись за дело честно. Мы могли бы за год нашу МТС со всеми колхозами зоны вытянуть в передовые! А этот Бывалых нож в спину нам всаживает. Предатель! Волчью облаву — на такое плохое! Правильно!

Рассказал Зеленский, между прочим, Долгушину и о себе, как он попал в партийные работники.

В партию он вступил на фронте в сорок третьем году. После демобилизации его, двадцатипятилетнего парня, капитана запаса, райком послал председателем кустпромартели «Геркулес». Но ему не пришлось там ломать голову над новым для него делом, изучать производство пива, халвы, джемов. В артели за него работал технорук, а он сам зиму и лето был уполномоченным в колхозах. Потом, при Борзове, его взяли в райком инструктором. Это было продолжением все той же кампанейщины, вечных разъездов по колхозам в качестве «толкача». Меньше всего приходилось ему в этих командировках заниматься партийной работой. Обижался Зеленский и на Мартынова — за его невнимание к работникам аппарата райкома. У Мартынова все заботы ушли в кадры председателей колхозов, видимо, кроме хороших председателей, ему больше никого и не нужно. На аппарат смотрел тоже как на порученцев и на писарей. Есть кому расследовать жалобы и отвечать на бумажки обкому — и ладно. Не учил он инструкторов, как построить работу, чтоб интереснее им было жить на свете, чтоб видели они хоть какие-то результаты сделанного ими. Вообще до партийных организаций, до рядовых колхозных коммунистов у Мартынова не дошли руки.

Когда организовывали зональные группы, Зеленский сам напросился в Надеждинскую МТС — все же ближе к

живому делу, к народу. Но и здесь настоящего удовлетворения не получил.

— Надоело уже мне, Христофор Данилыч,— говорил он,— ходить вот так, пешим апостолом, из колхоза в колхоз. Четыре колхоза у меня — значит, ни за один как следует не отвечаю. Да и что я могу сделать своими советами? Должность у меня очень уж бесправная. Где хорошо в парторганизации, там и без меня обойдутся, а где плохо, как вот здесь, в «Рассвете», моих прав не хватает, чтоб улучшить положение. Что толку давать Чайкину советы? Ему надо коленом в одно место! Я бы больше пользы принес, если бы сел где-то секретарем колхозной парторганизации. Хотя бы здесь, в «Рассвете». Нет у нас освобожденных секретарей — ладно, не надо зарплаты, на трудоднях. Считали бы за мною всю культурно-массовую работу, учебу колхозников, и за это — трудодни.

Найдя в Долгушине внимательного слушателя, Зеленский охотно делился с ним своими мыслями.

— Очень много у нас стало работников в партийных аппаратах. Если всех посчитать — по нескольку человек на колхоз придется. Но все они какие-то разъездные, командировочные. А еще — советские работники, заготовители всякие, земельные работники. Гастролируем по колхозам. И так как маршруты не согласованы, то иной раз в каком-нибудь звене, что при большой дороге работает, человек десять представителей за день побывает. Десять женщин работают с тяпками, и — десять уполномоченных за день. Там машины и из области, и из района, и из МТС, и на линейке кто-то подъедет, и пешим ходом подойдет, вроде меня. И даже не то раздражает людей, что много ездит к ним начальников. Пусть бы ездили, да дело делали. Но дела-то и нет. Безобразий в колхозе куча, и все мимо проскакивают. Не серьезно все как-то, по верхам. «Давай-давай!» Можно представить себе, сколько проехало начальников по полям «Рассвета» за все послевоенные годы, а в колхозе что творится!.. Был бы я здесь один-единственный партийный работник, в должности секретаря парторганизации, и никаких больше уполномоченных, и мне легче было бы работать, чем вот сейчас, когда нас слишком много да по пятам друг за дружкой ходим. По крайней мере, не пришлось бы краснеть перед народом за гастролеров и оправдывать как-то наши раздутые штаты. Но думается мне, что все же к тому идет: кончать будем эти командировки. Сажать

каждого прочно на какой-то участок, и чтоб дело делали! А из наших райкомовских инструкторов, да и из обкомовских тоже, много бы вышло хороших секретарей колхозных парторганизаций! Председателей в колхозы подбираем, а об этих кадрах еще и не подумали!..

Вот после таких разговоров и почти целого дня езды по бригадам Долгушин с Зеленским и решили на свой страх и риск созвать вечером в колхозе открытое партийное собрание. Зеленский по лютому настроению Долгушина догадывался, какое именно он хотел провести собрание: вывести на чистую воду всех разложившихся, а коммунистов, не связанных с колхозными «объедалами» и «опивалами», но и не боровшихся с ними, заставить почувствовать свою ответственность за судьбу колхоза.

Секретарь парторганизации Чайкин стал было возражать против собрания, без подготовки, в рабочий день. Его убедили тем, что дождь все равно сорвал работы в поле и люди все дома и что от него или от председателя колхоза не требуется обширного доклада — надо сделать лишь короткое сообщение о ходе полевых работ. Зеленский добавил:

— Непременно надо провести собрание! Иначе план работы парторганизации на этот месяц останется невыполненным. У вас же только одно собрание было. А знаешь, как Василий Михайлович требует, чтоб все запланированные мероприятия выполнялись? Поедешь, товарищ Чайкин, отчитываться на бюро двадцать третьего, это тебя, может, только и спасет, если на плане работы будут всюду стоять мои галочки: «выполнено».

Бывалых, только к концу дня появившийся в колхозе — ездил по каким-то делам в район,— пытался безуспешно дозвониться в райком Медведеву, сообщить ему, что директор МТС занялся в колхозе не своим делом, посягает на функции партийных органов. Один раз ему ответили, что Медведев вышел, потом — что у Медведева представители из области и он просил его пока ни с кем не соединять, наконец, девушка на почте сказала, что грозой поврежден провод и связи не будет до утра. Холодова тоже не оказалось в МТС. Отменить скоропалительное партийное собрание было некому.

Зеленский, прихватив с собою для порядка секретаря парторганизации, поехал на директорском «газике» по всем бригадам, фермам.

Если бы колхозников оповестили, что созывается обыч-

ное общее колхозное собрание, сходились бы долго и пришло бы, пожалуй, как всегда, человек сто — из семисот членов колхоза. Но когда народ узнал, что состоится партийное собрание, открытое, и принять участие и даже выступить на нем приглашаются все желающие, что приехал директор МТС и собрание, видимо, будет по очень важным вопросам,— к восьми часам вечера — на дворе было еще совсем светло — в клуб пришло человек четыреста. Двенадцать членов и кандидатов партии и четыреста беспартийных колхозников.

Сообщение о ходе сева сделал Бывалых. Зеленский рассказал, что́ видели они с Долгушиным днем в бригадах. Никаких перемен, все то же, что было здесь осенью, прошлым летом.

И начались прения... Выступили все, с кем Долгушин разговаривал днем, и еще много незнакомых ему колхозников. Подпималось сразу по десятку рук — просили слова у председателя собрания Артюхина. Разговор с сева перешел на общее положение в колхозе. Началось собрание в восемь часов вечера, а закончилось в два часа ночи.

Все высказали колхозники, что накипело у них. В последнее время, видимо, каждый много передумал, что же делается в колхозе. Всюду вокруг жизнь на их глазах круто пошла в гору, а они в своем «Рассвете» остались как в поле обсевок. Шайка бессовестных мазуриков захватила в свои руки главенство. Потому и отпала охота у людей работать. Говорили колхозники о коммунистах, о каждом, кто чего, по их мнению, стоит. Говорили и о таких, что стали общипанными воронами, а были орлами. Бригадир Милушкин вступал в партию в партизанском отряде. Человек кровью своей доказал преданность партии. У немцев в гестапо был. Под пытками ни слова не сказал о партизанских базах. Из-под расстрела бежал. Что же сейчас случилось с ним? Кто его опутал? Говорили о Бывалых. Чистоплюй, барин. Приехал в колхоз как на дачу. Семью не перевозит, больше в Троицке бывает, чем здесь. Раньше девяти утра в правление не является, и боже упаси потревожить его на квартире по какому-нибудь срочному делу! Компании с этими «объедалами» он не водит, но что толку. И не трогает их, не мешает бесчинствовать. Просто не хочет человек работать в колхозе, и наплевать ему на все, что здесь творится.

Долгушин в конце собрания, подводя итоги, сказал:

— Такое могло случиться с вашим колхозом только

потому, товарищи колхозники, что вы позабыли свои хозяйские права. Колхоз — это ваш дом, ваше общественное хозяйство, и хозяин этому дому — вы, общее собрание колхозников. А у вас в последние годы, говорят, с трудом удавалось созвать даже годовое отчетное собрание. Не идете на собрание, не желаете пользоваться своими правами. В жизни всякое может быть. Может случиться, что в райкоме будет худо с руководством, в партийной организации будет худо, как сейчас. Но при всем этом, что бы ни было, вы хозяева своему колхозу. За вами остается право сойтись вот таким собранием и прогнать в три шеи тех, кто ведет ваше общественное хозяйство к развалу, а вас — к копеечным доходам. Всегда, при любых обстоятельствах, это — ваше неотъемлемое право!

Когда подошли к принятию решения, Долгушин предложил первым пунктом исключить из партии Бывалых: за полное бездействие в течение четырех месяцев, за попустительство врагам колхозного строя, за намерение удрать из колхоза, ничего не сделав для его подъема.

За исключение Бывалых проголосовали семь членов партии, и за ними в зале поднялся еще целый лес рук. Секретарь собрания, писавший протокол, вопросительно поглядел на Долгушина, Зеленского.

— Ничего,— сказал Долгушин,— можно отметить в протоколе, что и столько-то беспартийных присоединилось к решению партсобрания. Это учтется.

Зеленский подсчитал поднятые руки — четыреста три.

Исключили из партии Трапезникова и Бесфамильного. Отстранили от руководства парторганизацией Чайкина. Выборы нового секретаря решили согласовать с райкомом, отложили до следующего собрания. И записали в решении, что новое руководство должно продолжить и довести до конца очищение партийной организации от примазавшихся шкурников и социально опасных людей.

А затем тут же, с тем же составом, открыли общее собрание колхозников. Собрание сняло с должности председателя колхоза Бывалых и распустило правление, как не заслужившее доверия народа.

Кандидатуру нового председателя назвали сами колхозники: Артюхин. Видимо, люди знали с хорошей стороны и любили этого старого коммуниста: выбрали его почти единогласно, человек десять только воздержалось от голосования. В новое правление, кроме Артюхина, вошли до-

ярка Зайцева, комсомолка Кострикина, Грачев, кузнец Сухоруков и бригадир Милушкин.

Зеленский сказал Долгушину, что будет просить в райкоме, чтоб его освободили от работы в зональной группе и рекомендовали секретарем парторганизации в колхоз «Рассвет».

На другой день с утра нельзя еще было начинать полевые работы, но к обеду, когда просохло и загудели тракторы, народу в бригады вышло столько, что у бригадиров даже и нарядов на всех не хватило; пришлось часть людей из полеводческих бригад отослать на строительство в село и на парники.

Ничего ужасного не случилось из-за того, что сменили председателя и все правление в разгар весеннего сева. Новый председатель Артюхин знал как пять пальцев все хозяйство колхоза, поля, людей, ему не требовалось много времени, чтобы войти в курс дела. На севе это отразилось лишь самым благоприятным образом. В первую же пятидневку колхоз «Рассвет» показал такие темпы полевых работ, что можно было уже не опасаться затяжки сева на целый месяц.

Тем не менее Долгушину попало за это партийное собрание и самовольные выборы нового правления в «Рассвете». Да еще как попало!..

6

Представители из области, что сидели в райкоме, когда Бывалых пытался созвониться с Медведевым, были один из секретарей обкома партии Масленико в и заместитель председателя облисполкома Рыбкин.

Они задержались в районе на несколько дней, ездили с Медведевым в колхозы, приехали и в Надеждинскую МТС. И здесь, в кабинете Долгушина, при закрытых дверях, в присутствии лишь Холодова (Марья Сергеевна была на поле в тракторных бригадах), завязался, слово по слову, разговор о партийном собрании в колхозе «Рассвет».

— Что-то вы, товарищ директор, очень чистенько выглядите,— заметил Рыбкин после нескольких обычных вопросов: о количестве работающих в борозде тракторов, о ходе сева, о подкормке озимых.

— Чистенько выгляжу? — Долгушин удивился замечанию Рыбкина и даже провел ладонью по гладко выбритой щеке.— Это, вероятно, потому, что каждый день умываюсь.

— По вашему костюмчику не похоже, чтобы вы близко соприкасались с тракторами.

Долгушин был одет в недорогой, расхожий, купленный в местном сельпо костюм из полушерстяной ткани «под коверкот», сшитый не очень ловко, но хорошо выутюженный. Как всегда, был в довольно свежей сорочке, при галстуке, повязанном с каким-то особым «столичным» шиком. За его спиной на вешалке висела новая, еще не потертая и не замызганная стеганка защитного цвета, в которой он недавно приехал с поля. На ногах желтые модельные туфли — забегал на квартиру пообедать и успел переобуться. Шапку Долгушин носил лишь зимой, в морозы, остальное время года ходил с непокрытой головой, красуясь пышными, черными с проседью кудрями.

— Разрешите, товарищ Рыбкин, понимать ваши слова буквально,— ответил Долгушин.— Близко соприкасаться с тракторами — это значит разбирать, собирать моторы, залезать под картер. Но зачем же мне это делать? У нас есть главный инженер, заведующий мастерской, разъездные механики, бригадиры. Не обязательно мне обтирать полой этого пиджака магнето и свечи. Стараюсь обходиться без подмены специалистов.

— Колючий вы человек,— переглянувшись с Медведевым, сказал, улыбаясь, Масленников, добродушный на вид толстяк в широком сером макинтоше и зеленой плюшевой шляпе.

— Не всегда колючий,— не согласился Долгушин.— Только при виде опасности.

— Какая же опасность вам угрожает сейчас?

— Да вот разговор начинается с замечаний, почти выговора. Настраиваюсь на оборону. Мне ставят на вид, что у меня нос не в мазуте. Директор-белоручка — это я уже слышал от некоторых товарищей. Однако менять свой стиль работы не собираюсь! Под трактором вы меня никогда не увидите, даю слово! Заставлю это сделать кого нужно, но сам не полезу.

— Все-таки большой оригинал у нас директор МТС в Надеждинке! — залился тихим смехом Рыбкин, маленького роста человек, с большой лобастой головой.— Вы первый раз его видите, Дмитрий Николаевич? — обратил-

ся он к Масленикову.— А в управлении сельского хозяйства он уже стал притчей во языцех. Никто, говорят, не хочет брать командировку в Надеждинскую МТС. Ему — слово, а он в ответ — двадцать. Ужас навел на людей!

— Не знаю, кто на кого наводит ужас,— Долгушин пожал плечами.— Прав моих не хватает, чтобы навести ужас на вышестоящий орган. А вот я уже получил пять взысканий в приказах начальника областного управления.

Долгушин положил руки на стол перед собой и стал загибать пальцы.

— За перерасход ремонтного фонда выговор — раз. Хотя виноват не я, а бывший директор — очковтиратель Зарубин. За непринятие на должность заведующего ремонтной мастерской рекомендованного из области инженера — два. Хотя этот человек здесь, в кабинете, упал на колени и умолял, чтобы я под каким угодно предлогом не принял его, вернул назад, домой, к семье. У него, говорят, жена красавица, и он боится, что она не переедет сюда с ним. И оставлять ее одну в городе надолго не решается. Зачем нам такие нежные домоседы? Это уже два выговора?.. За вывоз удобрений из Каменского района, где колхозы их не брали...

— Не трудитесь считать, товарищ Долгушин,— перебил его Масленииков.— У нас не вечер воспоминаний. Нас интересует не прошедшее, а то, что делается у вас сегодня.

— Это прошедшее, Дмитрий Николаевич,— сказал Долгушин,— не вековой давности. К сожалению, это и прошедшее и наше настоящее. Это и есть та обстановка, в которой приходится работать нам, новым директорам. Директора новые, а методы руководства машинно-тракторными станциями старые... Я начал здесь с укрепления трудовой дисциплины и повышения ответственности каждого работника станции за его участок работы. Мне пришлось уволить из МТС двух закоренелых бездельников, агронома и механика. Беспробудное пьянство, вранье в донесениях, всякие пакости в коллективе. Выгнали их. Двум бригадирам на ремонте я за частые опаздывания на работу объявил выговор. И мне поставлено на вид, что я разгоняю кадры и администрирую. Двух человек уволил — по законной причине, и профсоюз согласился с моим приказом — и дал по выговору двум человекам — это сочли администрированием. А мне одному за пять месяцев пять

выговоров из области закатили! Да на бюро райкома дважды записывали: «поставить на вид», «строжайше предупредить». Если я администрирую, то это лишь десятая часть того администрирования, которое испытываю на своей собственной шкуре! За что же меня наказывать?.. Помоему, я заслуживаю даже благодарности — за стойкость характера и выдержку. За то, что не переношу на своих подчиненных полностью тех методов руководства, что обрушиваются на меня самого.

Долгушин усмехнулся пришедшему в голову сравнению и добавил:

— Нахожусь в положении буфера между руководящими организациями и трактористами. Принимаю на себя все удары, но не передаю их дальше с той же силой, стараюсь по возможности смягчить.

Масленников хмурился, а по лицу Медведева скользила легкая сдержанная улыбка. Он, видимо, доволен был тем, что Долгушин произвел неприятное впечатление на секретаря обкома.

— Хотите, Дмитрий Николаевич, скажу вам все, что думаю о стиле руководства нами, низовыми работниками, со стороны вышестоящих организаций? — разошелся Долгушин.— Я ведь новый человек в вашей области, мне коечто, может быть, даже виднее на свежий глаз, чем старожилам.

— Ну, ну, говорите, послушаем,— кивнул головой Масленников.

— Поражает меня, с одной стороны, простите за выражение, гнилой либерализм по отношению к тем, кого нужно гнать из партии, к прохвостам, примазавшимся — я уже видел таких в нашем районе немало,— а с другой стороны, бурное администрирование над людьми, честно работающими, но в чем-то, может быть, иногда и ошибающимися. Негибкие, дубовые методы руководства. И тому, чье место в тюрьме,— выговор, и тому, кто не по злому умыслу ошибся,— тоже выговор. Какой-то общий стандарт. Партийные и административные взыскания как единственная форма воспитания низовых работников. Очень упрощенная и облегченная система руководства. По такой системе можно руководить и не напрягая особенно мозги. Но ведь в том и отличие работников умственного труда...

Из бухгалтерии постучали в стену. Долгушин снял телефонную трубку. Звонил Руденко из колхоза «Вехи коммунизма».

Холодов, встретившись взглядом с Маслениковым, повел искоса глазами на Долгушина, чуть заметно кивнул головой в его сторону, как бы говоря: «Какой бюрократ, полюбуйтесь! Не берет трубку, пока из той комнаты не постучат».

— Вот так, Дмитрий Николаевич. Я недавно работаю в деревне, для меня здесь многое еще непонятно,— кончив разговор по телефону и положив трубку, продолжал Долгушин.— Я не знаю, каково положение было здесь в первые годы коллективизации. Может быть, это увлечение администрированием идет еще с тех времен? Когда в деревне была жестокая классовая борьба, когда к руководству колхозами пробирались кулаки, председатели прятали хлеб в «черных амбарах», саботировали решения партии? Когда без большого нажима не проходила ни одна кампания? В то время многие строгости, вероятно, оправдывались чрезвычайной обстановкой. Так вот, может быть, с тех пор по инерции и повелись у нас эти излишества в администрировании? Все еще с некоторым недоверием относимся к местным кадрам? Нужно и не нужно — грозим, стращаем, нажимаем...

Помолчав немного в раздумье, Долгушин добавил:

— Нет, это, конечно, полностью не объясняет вопроса. Помнится, в те времена не было такой примиренческой середины: и тем и другим по выговору. С чужаками и шкурниками, пробравшимися в партию, не нянчились. Были периодические чистки партии...

— Вы кончили, товарищ Долгушин?

Масленииков снял шляпу, положил ее на стул, потер ладонями пухлые, круглые колени.

— Надо отдать вам должное, человек вы последовательный. Все, что рассказывали о вас товарищи, и то, что я сейчас услышал сам, все это — продолжение одной линии. Вы против какого бы то ни было вмешательства сверху в дела вашей МТС.

Долгушин, широко раскрыв глаза, попытался было возразить.

— Погодите. Мы вас слушали терпеливо.

Маслеников тяжело повернулся на заскрипевшем под ним стуле, выпрямил спину. Добродушно-сонливое выражение сошло с его красного округлого лица. В уголках большого рта появились жесткие линии. Подбородок стал каменным, чуть выдался вперед. Долгушин же как-то сник, отвернулся, стал глядеть в окно. Этот новый человек из

верхушки областного руководства, с которым он до сих пор ни разу еще близко не встречался, сразу потерял для него интерес.

— Да, да, вы восстаете против нашей социалистической системы руководства и управления хозяйством. Вы хотите, чтобы райком и областные организации не давали вам никаких директив, чтобы вам здесь была полная свобода действий. Не выйдет, дорогой товарищ Долгушин!

— Не выйдет! — подтвердил, протирая очки носовым платком, сурово нахмурившись, Медведев.— Руководили и будем руководить! Ослабить организующую и направляющую роль партии никому не удастся!

Маслеников поднялся, откинул ногой стул к стене и тяжелыми шагами, от которых задребезжали стекла в окне, стал ходить из угла в угол по тесному кабинету.

— Выговоров, видите ли, много ему записали! Областные организации администрируют! Обижают, унижают человека! Лучше надо работать, вот и меньше будет выговоров!.. Да откуда вы, собственно, взялись у нас, такой самостийник? Кто вас выдвигал, рекомендовал на ответственный пост в деревню? Надо все-таки,— Маслеников остановился перед Медведевым,— проверить, запросить Московский комитет. Как он там работал в главке?

Кровь бросилась в лицо Долгушину.

— В райкоме партии лежит моя учетная карточка. Там вся моя жизнь записана — где и как я работал,— сказал он, подняв голову.

— Да знаем мы, как у нас иногда учетные карточки заполняют! Хотят избавиться от ненужного человека — и отпускают его с чистым личным делом, лишь бы уехал поскорее. Скатертью дорожка! Выдвижение, называется! А у этого «выдвиженца» десять выговоров было!

— Помнит свекруха свою молодость — и невестке не верит,— вырвалось у Долгушина.

— Что?..

— Сами, что ли, выдвигали так коммунистов из своей парторганизации, по разверсткам Цека?..

— Вы с кем разговариваете, товарищ Долгушин? Не забывайтесь! — почти крикнул на него Медведев.

— Разговариваю с секретарем обкома, которого высокое положение обязывает тем более вести себя достойно и не оскорблять незаслуженно коммуниста.

Изумленный Маслеников не нашелся что ответить, постоял немного у стола, глядя в упор на Долгушина, гром-

ко крякнул, как после хорошей стопки водки, и принялся опять ходить по кабинету. Неловкая пауза тянулась несколько минут.

— Интересно получается, что вот он,— заговорил Маслеников, указывая через плечо большим пальцем на Долгушина,— протестует против повседневного оперативного руководства сверху машинно-тракторной станцией, а сам в то же время — за очень широкие права директора. Права директивных организаций ему хотелось бы поубавить, а свои — раздуть до бесконечности! Ко мне не лезь никто, не признаю над собой никаких начальников! А я буду лезть всюду, буду командовать колхозами, как мне вздумается!

— Именно этого он и добивается — полной бесконтрольности и диктаторства в зоне своей МТС,— сказал Медведев.— Вы очень правильно подметили, Дмитрий Николаевич!

— Вообще товарищ Долгушин любит заниматься не своим делом,— подал голос Холодов.— Вызывает, например, рабочего, члена партии, и начинает беседовать с ним: «Я говорю с тобой как с коммунистом». Кто вас обязывает, Христофор Данилыч, говорить с ним как с коммунистом? Говорите просто как с рабочим, а как с коммунистом мы сами с ним поговорим!

Сказано это было так неудачно, что Долгушин, как ни грустно было ему в эти минуты, даже улыбнулся. Рыбкин откровенно засмеялся, покачал головой. Маслеников досадливо махнул рукой на зонального секретаря.

— Не об этом речь, товарищ Холодов! Вы нетипичный пример привели. В вашей МТС директор взял на себя вообще все функции зональной группы!

— Что вы имеете в виду, товарищ Маслеников? — спросил Долгушин.

— Да вот хотя бы это знаменитое партийное собрание, что вы провели здесь на днях без ведома райкома в одном колхозе.

— А, вот что. Ну, по этому вопросу я готов держать ответ где угодно. С этого бы и начинали — ближе к делу,— а не с моего чистого костюма.

Долгушин открыл ящик стола, достал оттуда три исписанных тетрадочных листа бумаги.

— Вот посмотрите, передали мне вчера из этого колхоза «Рассвет». Заявления о вступлении в партию. Простите, Григорий Петрович,— он взглянул на Холодова,— не успел вручить их вам — не видел вас со вчерашнего

дня. Секретаря парторганизации там сейчас пока нет, а товарищ Зеленский, видимо, где-то в другом колхозе своего куста, и заявления передали прямо в МТС. Одно — от Прасковьи Зайцевой, лучшей, как я успел заметить, работницы у них на животноводстве. Другое — от кузнеца Тихона Сухорукова. Третье — от колхозницы Надежды Ивановны Прониной, матери погибшего на фронте Героя Советского Союза. Три заявления о вступлении в партию от рядовых колхозников. Вот что происходит там сейчас, после этого собрания. А вообще в районе, насколько мне известно, за последние годы очень мало было принято в партию колхозников. Единицы. Так, товарищ Медведев?

Заявления пошли по рукам. Особенно долго и внимательно, одобрительно покачивая головой, читал их Рыбкин. Маслеников, прочитав, передал заявления Холодову.

— Это все хорошо, товарищ Долгушин, но вы не отвечаете прямо на вопрос: кто вам, директору МТС, хозяйственнику, дал право подменять партийные органы? Вы там сняли секретаря колхозной парторганизации, исключили из партии председателя колхоза, учинили новые выборы правления, черт знает что натворили и все это самовольно, не испрашивая ни у кого разрешения на эту операцию!

— Во-первых, не я снимал и исключал,— напрягая все душевные силы, чтобы сохранить спокойствие, ответил Долгушин.— Я вносил предложения, а решало партсобрание. Во-вторых, и товарищу Медведеву и товарищу Холодову давно было известно о положении в этом колхозе. Я несколько раз просил их заняться «Рассветом». Время шло, упустили зиму, приступили наконец уже к севу. А вы лучше меня знаете, что посеешь, то и пожнешь. Если колхоз провалит сев, весь хозяйственный год загублен. Еще, стало быть, на год оставим там людей без урожая, без хлеба, без денег. Пришлось ехать туда самому. И то, что я увидел там на месте, что услышал от колхозников, в чем убедился собственными глазами,— это уже было последней каплей. Тут я, простите, забыл о своих правах, хватает или не хватает их для созыва такого собрания, тут я действовал просто как коммунист.

— Просто как коммунист! Ха! — Маслеников продолжал сотрясать стены тяжелыми шагами.— Да вы понимаете, что вы там чуть ли не чистку партии учинили? Где, в каких инструкциях записано, чтобы на открытом партий-

ном собрании ставился вопрос об исключении из рядов партии коммунистов?..

— У них там беспартийные даже голосовали,— добавил Холодов.— В протоколе записано.

— Даже голосовали? Еще лучше! Старый член партии, не знаете Устава партии, в которой состоите!

Долгушин поднялся, подошел к окну, распахнул его — в кабинете было душно и сильно накурено, атмосфера сгущалась во всех смыслах,— присел на подоконник.

— Если я ошибся по форме, то неужели вас, Дмитрий Николаевич, совершенно не интересует существо дела? Почему вы начинаете с формы, а не с главного: что было в колхозе и что вынудило меня к таким действиям? Разве вы не согласны, что тех мерзавцев действительно нужно было гнать с позором из партии? Воров, спекулянтов, пропойц? Сейчас там, за эти дни после собрания, еще много нового раскрылось. Развязались языки. Стали люди говорить обо всем, не боясь. Уже известно, и кто телятник спалил. Дело кончится судом над целой шайкой бандитов! Но я думаю, что и по форме все было сделано правильно. То, что мы вынесли на открытое партийное собрание такие вопросы,— именно это и помогло там начать оздоровление обстановки. Вы что, боитесь подрыва авторитета партии? Так в этом же и сила и авторитет партии — в связи ее с народом! Когда мы открыто говорим о своих промахах и болезнях, на глазах у людей очищаемся от всякой дряни — это лишь поднимает доверие народа к партии.

— Может быть, для связи с народом и пленумы и партийные конференции наши предложите проводить открыто?

— Да, да! — подхватил Медведев.— Вообще растворить партию в массах! Отсюда один шаг и до ликвидаторства!

Долгушин чувствовал, что его слова падают в вату, но все же продолжал говорить.

— Буду доказывать где угодно, что и с Бывалых поступили правильно! Нельзя в таких случаях формально подходить к делу. Человек, мол, недавно только послан председателем, как же его снимать, а тем более исключать из партии? Ну, а если с посылкой его в колхоз действительно ошиблись? Что ж, теперь людям так вечно терпеть последствия этой ошибки? Недавно послан, да, но уже успел показать себя во всей красе. Нет надобности еще три года к нему присматриваться. Человек может и в один

день вдруг раскрыть свои душевные тайники — в трудной обстановке. Как трус или перебежчик на фронте. Бросил винтовку, поднял руки — вот и все уже ясно.

— Я думаю, товарищ Долгушин,— перебил его Маслеников,— придется все же вытащить вас с этим делом на бюро обкома.

— Зачем же меня «вытаскивать»? Позво́ните — сам приеду.

— Райкома вы, как видно, совершенно не боитесь. Вероятно, здесь сказываются ваши прошлые московские масштабы работы. Но вам и на обком наплевать! Вы даже забыли, что председатели колхозов — в областной номенклатуре!

— Эх, Дмитрий Николаевич! Если бы вы тогда со мной в «Рассвете» походили по фермам, бригадам, поговорили с колхозниками, посидели на том собрании, и вы бы забыли, в чьей номенклатуре Бывалых!..

Долгушину вдруг стало невыносимо обидно за себя, за те хорошие, светлые чувства, с которыми он ехал из Москвы на постоянную работу в деревню, за то немногое еще пока, что он успел сделать в МТС и колхозах.

— Выражения у вас, товарищ Маслеников!..— сказал он с горькой усмешкой.— «Вытащим на бюро». В какое-то пугало превращаете бюро обкома! А мне бы хотелось приезжать в обком, как в дом родной, за советом, помощью, теплым, ободряющим словом...

Долгушин соскочил с подоконника, заметив, что Маслеников, переглянувшись с Медведевым, взялся было за шляпу.

— Нет, погодите! Я еще имею кое-что вам высказать. Вы здесь предъявили мне тяжкое обвинение, что я вообще против какого бы то ни было руководства со стороны директивных органов. Такие вещи нельзя оставлять без ответа. Ведь это же все равно, что обвинить меня в эсеровщине, скажем, или оппортунизме. О ликвидаторстве уже говорилось... Присядьте, Дмитрий Николаевич, еще на минутку. Я не вижу вашей машины во дворе. Вы же отпустили шофера пообедать?

Долгушин сел за стол, вытащил из ящика несколько толстых тетрадей в клеенчатом переплете, полистал их.

— Не часто мы видим у себя в МТС секретарей обкома. Много рассказал бы я вам. Это мои дневники. С первого дня начал записывать все, что видел, узнавал, думал. Но это надолго разговор. Я вижу, вы торопитесь...

Долгушин, вздохнув, спрятал тетрадки обратно в стол, задумался.

Хотя он среди собравшихся в кабинете людей находился в положении лица подначального, тем более провинившегося, которому делают выговор, обязанного больше слушать, чем говорить, невольно все же как-то получалось, что разговор вел он. И даже, когда он умолкал на минуту, ждали, что он еще скажет. Самая тема разговора и упорство Долгушина заставляли его слушать. И неприятно было то, что он говорил, и все же слушали.

— Сколько встает перед нами каждый день таких вопросов, с которыми нам самим трудно справиться или где нам нужен дельный совет! Не знаю, есть ли еще человек на свете, который бы так горячо желал, чтобы им руководили, как желаю в эту весну я! Но руководили по-настоящему!.. Вот трактористов мы зачислили в штат МТС. Но разве этим и кончается превращение колхозника-механизатора в настоящего рабочего?.. А хозрасчет? Вероятно, машинно-тракторные станции будут скоро переводить на хозрасчет, надо же наконец взять на карандаш себестоимость продукции. Но хозрасчет в условиях нынешнего сельского хозяйства, такой вот двойной ответственности за урожай и работников МТС и колхозников, это совершенно не похоже на промышленность... А севообороты? А вопрос о переднем крае в колхозах?..

— Это еще что за передний край? — спросил Масленников.

— Как на фронте передовая проходит извилисто, а не всюду ровно по линеечке, так и в колхозах сейчас передний край нового не на одной черте. В нашей зоне двенадцать колхозов, и все разные по своему уровню организованности, дисциплины, культуры. Этот колхоз вряд ли еще справится с такой-то задачей, а другому она как раз по плечу. Для одного колхоза это увлекательная мечта, рывок вперед, для другого — скучный, пройденный этап. Давать сейчас одинаковые задачи всем колхозам — все равно что собрать в лекторий людей с разным образованием: и за три класса, и за десятилетку, и за два курса университета — и начать читать им всем лекции о методе меченых атомов в химии. Опёнкин во «Власти Советов» дошел уже до расщепления атомного ядра, этому можно уж и за антипротоны браться. А кой-кому следует таблицу умножения хорошенько повторить. «Власть Советов» может сегодня приступать уже к строительству сов-

города на месте старого села. На текущем счету у них свободных средств три миллиона. Круглосуточные детские ясли, детсады, Дворец культуры, радиоузел, водопровод, колхозный санаторий — на все хватит у них сил. Этот колхоз может уже в полной красе показать всем новую жизнь нашей деревни. Пора ему уже блистать не только высокими урожаями и образцовыми коровниками, а именно счастливой жизнью людей! На могучие плечи Опёнкина — и ношу богатырскую! А где-то в другом колхозе надо добиваться пока еще хорошего выхода на работу и хозяйского отношения колхозников к общественному добру... Даже болезни у отстающих и у передовиков неодинаковые. Сегодня мы распутываем этот клубок преступлений в «Рассвете», а завтра надо что-то делать с колхозом «Спартак».

— А что случилось в «Спартаке»? — осведомился Медведев.

— Ничего особенного, Василий Михайлович, кроме того, что колхоз свернул с социалистического пути, куда-то на купеческий путь.

— Что-о?..

— Да, так. Колхоз этот у вас считали много лет благополучным. Поставки выполняют, на трудодень выдают прилично, миллионеры — чего еще надо? И товарищ Мартынов, естественно, редко туда заглядывал, и вы, очевидно, полагаете, что в «Спартаке» районным руководителям не над чем ломать голову. Побольше бы, мол, таких хозяйственных председателей, как Золотухин. Мне тоже, когда я приехал сюда, расхвалили этот колхоз. По десяти рублей на трудодень дали, семь автомашин имеют, у председателя — «Победа». А недавно я там был, посмотрел хозяйство, посидел вечер в бухгалтерии и разобрался в источниках колхозных доходов. Животноводство у них средненькое, урожаями не блещут. Выезжают на некоторых прибыльных вещах — на чесноке, конопле, клубнике. И умеют продать свой товар. Куда что повезти, чтобы выгоднее продать, этому их учить не надо. Как в бюро погоды сходятся из разных областей Советского Союза метеосводки, так у Золотухина на столе в кабинете каждый день свежие телеграммы — где что почем на колхозных рынках. Но этого мало, что свои продукты продают. Оказывается, колхоз содержит в разных городах целый штат агентов по купле-продаже всего, что под руку попадется. Накупили лошадей в Ставропольщине, перегнали в Татарию, продали

втридорога, заработали на этой операции двести тысяч рублей. В Казахстане покупали баранов, в Харькове торговали молдавским вином, в Ленинграде — кубанским рисом. Это уже похуже, чем просто коммерческие загибы в колхозной торговле. Самое настоящее барышничество... Вы, товарищ Медведев, ломитесь в открытую дверь: «Руководили и будем руководить, не отдадим колхозы никому на откуп!» Никто не посягает на ваши права. Руководите, пожалуйста. Очень просим! Не упускайте из поля зрения и такие колхозы, как «Спартак». Ведь в конце концов все наши хозяйственные планы — для социализма, для воспитания социалистического человека. Нам не все равно, каким способом наживают председатели эти миллионы. Что там за парторганизация в «Спартаке»? Как позволяют коммунисты Золотухину заниматься такими вещами? Декларируете свое право на руководство, а сами не руководите по-настоящему. Избегаете трудных, щекотливых вопросов, выбираете, что полегче. Если интересоваться только сводками по текущим кампаниям, не много узнаешь о жизни колхозов. Очень отстает у нас работа партийных организаций от уровня хозяйственных дел!..

— Значит, вас не удовлетворяет работа наших партийных органов? — с самокритичным смиренным выражением на лице сказал, покачивая головой, Масленников.— Линия райкома, обкома?

— Насчет линии, Дмитрий Николаевич, ничего не могу вам сказать,— ответил Долгушин.— Я ее пока не видел. Первый раз разговариваю с членом бюро обкома. Но думаю, что ваш лично стиль руководства директорами МТС — это еще не линия обкома.

Во дворе просигналила машина.

— Ну, довольно, поговорили! — Масленников резким взмахом руки оборвал разговор, встал, застегнул макинтош, надел шляпу.— В общем, так, товарищ Долгушин. С севом у вас неважно. Многие МТС, позже приступившие к массовому севу, догоняют уже вас по выработке на трактор. Есть факты недоброкачественной пахоты, перерасхода горючего, нарушения трудовой дисциплины. Сделаем так, Василий Михайлович. Подождем до конца сева, подытожим все и поставим его отчет. Или на бюро райкома, или, может быть, у нас в обкоме. Вот так. Там поговорим обо всем. До свидания! Советую все же вам, товарищ Долгушин, меньше философствовать, а больше заниматься практическим делом. И именно вашим кров-

ным делом — тракторным парком, ремонтом комбайнов, механизацией ферм. С колхозом «Рассвет», товарищ Медведев, я думаю, надо все же довести дело до конца. Бывалых и секретаря парторганизации, которого сняли, вряд ли нужно восстанавливать там, поскольку за ними действительно имеются грехи. Присмотритесь, как будет работать новый председатель, помогите ему. Если этот зональный инструктор очень настаивает на переводе в колхоз, рассмотрите его заявление. И займитесь колхозом «Спартак». Как же это получается, что вам неизвестны такие факты? Колхоз покупает и перепродает скот! Укажите председателю на недопустимость! До свидания, товарищи! Желаю успехов!

Долгушин, как гостеприимный хозяин, вышел проводить гостей на крыльцо. Стоял, пока отъехали, глядел вслед. Машина быстро скрылась за поворотом дороги, спускавшейся под гору к реке, но долго еще курилась в той стороне над улицей пыль и истошно визжала чья-то собака — видимо, попала под колесо.

«Подытожим все» прозвучало откровенной угрозой. Мало ли можно подытожить промахов и ошибок в огромном хозяйстве МТС, в ее восемнадцати тракторных бригадах за все время весеннего сева? Особенно когда этих промахов ждут и не очень стараются предостеречь от них человека.

7

Теплым майским днем Марья Сергеевна шла полевой дорогой из Арсеньевки в Березняки. Она так рассчитала свое время, чтобы успеть сегодня побывать еще в тракторной бригаде Семена Чалого, а к вечеру добраться домой, в Надеждинку. Завтра рано утром отправляли машину в райцентр — она хотела съездить на полдня в Троицк, свезти дочку на рентген в поликлинику.

На полях цвела весна. Молодая озимь на уцелевших от вымерзания участках, еще не тронутая сушью и жарой, жила, играла под солнцем переливами чистой, яркой зелени и, когда налетал ветер, уже «пробовала голос», чуть начинала шуметь своей стрельчатой густой гривкой; но солидно покачиваться невысоким ершистым стебелькам еще не удавалось, ветер гнал по ним пока не волны, а мелкую зыбь. Чернели квадраты свежей, дымящейся пахоты. Над полевыми болотцами кувыркались,

сшибались в воздухе, падали чуть не наземь и вновь взмывали вверх с стенящим криком чибисы. И в небе и на земле беспрерывно, не умолкая ни на минуту, пели жаворонки. Солнце сияло нестерпимо ярко, весь купол неба над головой излучал потоки света, пушинки, поднятые ветром вверх с какой-то отцветшей еще прошлым летом старой травы, вспыхивали в небе искорками. Глазам было больно от этого сплошного сияния вокруг.

У поворота дороги к стану тракторной бригады Чалого Марья Сергеевна увидела эмтээсовский «газик». Задок был приподнят на домкрате, снятое колесо валялось рядом. Вокруг машины похаживал Холодов. Володя, подстелив стеганку, лежал на боку под нифером, силился привернуть какую-то гайку.

— Две беды, Григорий Петрович,— сказал Володя, кивком головы здороваясь с подошедшей Марьей Сергеевной.— Баллон-то мы починим, а вот это, видите? — Он постучал ключом по железу.— Так нельзя ехать. Не привертывается гайка до конца, резьба на болту забита.

— Нельзя ехать? А что ж ты дома думал?

— Я и дома думал, Григорий Петрович, что этому калеке давно пора в утиль, на переплавку. Одно отрегулируешь — другое не годится.

Холодов с сердцем плюнул. Володя вылез из-под машины, задумчиво повертел в руке болт с гайкой, оглянулся вокруг. Вдали, километрах в четырех, у небольшого леска, виднелся полевой вагон бригады Чалого. Возле вагона маячило что-то вроде автомашины с высокой будкой.

— Придется сходить к трактористам,— сказал Володя.— Ничего другого не придумаешь. А вы здесь отдохните. Может, у них есть такой болт. Или нарежем резьбу на этом. Вон к ним и походка, кажется, приехала.

— Ну, иди, чего ж раздумываешь! Да скорее справляйся, некогда нам тут загорать!

Володя зашагал прямо через пахоту к вагону. Холодов отошел с дороги к старой, прошлогодней развороченной скирде, откинул с кучи носком сапога заплесневевшие, гнилые комья, докопался до чистой соломы, бросил на нее плащ, сел, позвал Марью Сергеевну:

— Садись, отдыхай... Вот так и работаем! Транспорт называется. Гроб с музыкой! Да и тот делим пополам с директором. Как милости, просишь машину в колхоз выехать. И ты тоже — секретарь парторганизации МТС,

а ездишь по бригадам одиннадцатым номером. Хождение в народ!

— Ох, Григорий Петрович,— сказала Марья Сергеевна, садясь рядом с Холодовым на плащ,— сколько нас здесь, начальников, да если еще каждому машину, что ж это получится? Целой автоколонной будем ездить. Зачем мне машина? Я ушла из дому на несколько дней, вчера ночевала в пятой бригаде, позавчера — в восьмой, наговорилась там с ребятами вволю. Делаю свое дело не торопясь, шофер меня не ждет, горючее не трачу. Гораздо лучше так, спокойнее. А пройти пешком из колхоза в колхоз — вместо прогулки. Я вот за это время, что работаю здесь, похудела на восемь килограммов — это мне только на пользу. Не нужно и на курорты ездить. Будто молодые годы вернулись. Опять хожу по полям, степным воздухом дышу, трактористы вокруг меня, свои люди. Жить стало интереснее!..

Марья Сергеевна, загорелая, с выбившимися из-под косынки растрепанными ветром каштановыми кудряшками, по-здоровому похудевшая, вся какая-то окрепшая, выглядела действительно намного моложе своих тридцати семи лет. Одета она была в легкий летний ситцевый сарафан, пальто держала на руке. Холодов покосился на голое плечо Марьи Сергеевны, почти касавшееся его, скользнул взглядом по ее ногам в парусиновых тапочках, полным сильным икрам, снял фуражку, вытащил из нагрудного кармана кителя расческу и зачесал назад, на небольшую лысину, светло-русые, длинные, шелковистые волосы.

— Что делала в пятой бригаде? — спросил он.

— Решения Пленума читала ребятам, кто в подсмене был. Хорошего агитатора подобрала я там, Григорий Петрович! Василий Лукашов, тракторист, комсомолец. На каждый пункт решения у него факт из жизни: «А у нас в колхозе вот так-то делается», «А я вот говорил с нашим агрономом, и у нас можно это сделать». Вообще, я думаю, надо нам поломать этот порядок — назначение агитаторами людей по должности. Всюду у нас в бригадах агитаторами учетчики. Они, мол, самые грамотные и не работают на тракторе, им удобнее всего проводить читки и выпускать боевые листки. А может, у этого учетчика совсем нет пропагандистских способностей? Надо назначать тех, кто сможет поднять людей на живое дело!

— Это правильно,— согласился Холодов.

— Оформила у них партийно-комсомольскую груп-

пу,— продолжала рассказывать Марья Сергеевна.— Для начала обсудили на собрании вопрос о себестоимости центнера натуроплаты. Приезжал наш плановик, по моей просьбе, и рассказал ребятам подробно, из чего складывается эта самая себестоимость. С большим интересом слушали его! Все как-то по-хорошему призадумались: вот что мы теряем на горючем, на лишних перепашках, на пустых переездах. Много было вопросов. Я думаю еще раз поговорить с ними, и можно будет с этой бригады начать соревнование в МТС за снижение себестоимости урожая.

Холодов раскинулся на соломе в вольной позе, расстегнув китель. Закинув руки за голову, запел, фальшивя: «Дывлюсь я на небо...» Оборвав песню, повернулся на бок, опершись на локоть, пристально посмотрел в лицо Борзовой, на ее миловидный профиль с небольшим, чуть вздернутым носом, полными губами и мяким округлым подбородком.

— В четырех бригадах у нас есть девчата и женщины,— говорила Марья Сергеевна, нагнув голову и натянув на лоб косынку от бьющего прямо в глаза солнца, вертя в пальцах длинные соломинки, сплетая из них кнутик.— И в колхозах есть бывшие трактористки на других работах. В Семидубовке мы организовали женскую тракторную бригаду. Хорошо работают! Надо бы и здесь нам сколотить такую бригаду. Получим новые машины. Трактористки есть, согласны, я уже говорила с ними. Бригадира только надо подобрать хорошего, лучше бы из женщин. Вот присмотрюсь еще к одной трактористке, Кате Быковой. Машину знает отлично, пятый год работает.

Солнце припекало по-летнему. Жаворонки заливались. В затишке за скирдой жужжали пчелы. Пахло ранними полевыми цветами.

— Как живешь, Марья Сергеевна? — спросил вдруг Холодов.

— Что? — не поняла Борзова.— Я же вам рассказываю, чем занималась эти дни.

— Я тебя про личную жизнь спрашиваю. Не собираешься в Борисовку переезжать?

— Если б собиралась переезжать, не пошла бы сюда на работу... Не люблю я, Григорий Петрович, когда меня об этом спрашивают. Я уж начинаю забывать о своей прошлой жизни.

— Все же трудно тебе жить одной, без мужа. Женщина ты, как говорится, в самом соку.

Холодов приподнялся, сел, оглянулся по сторонам — километров на пять вокруг в степи ни души, Володя скрылся в лощинке за перевалом,— придвинулся плотнее к Марье Сергеевне, положил ей руку на тугое, налитое плечо.

— Чего вы, Григорий Петрович? — удивленно спросила Борзова, отстранившись от Холодова и сбросив его руку. Посмотрела на него внимательно, в глазах ее заиграли веселые искорки.— А-а. Я думала, вы какого-то жучка сняли у меня с плеча. Это вы хотели меня обнять?..

— Да. Чего отодвигаешься? Нас никто не видит. Дай руку. Сними косынку, тебе так лучше. А знаешь, ты женщина в основном довольно красивая. И, видно, с огоньком. Таких мужчины любят.

Даже в эту минуту в голосе внезапно почувствовавшего расположение к Борзовой зонального секретаря звучали привычные начальнические интонации.

Косынку Марья Сергеевна сняла, положила на колени (какая женщина не сделает чего-то, когда ей говорят, что *ей так лучше?)*, но руку Холодову не дала.

— Чего это вы так сразу, Григорий Петрович? Никогда таких слов от вас не слыхала. Давно в Троицке не были? Надо перевозить семью в Надеждинку.

— А, брось ты о семье! Не к месту разговор! — отмахнулся Холодов.— У меня, может, с семьей положение не лучше твоего. Не холост, не женат. Еле уговорил жену приехать в Троицк на время, а о селе и слушать не хочет. Такая мещанка!.. Так ты мне не ответила на вопрос, трудно жить одной, без мужчины?

— А вы можете мне помочь?..

— Могу, конечно!..

Красивое, каменно-строгое лицо Холодова как-то обмякло, тонкие губы повело в улыбке. Оказалось, и он умеет при позволяющих обстоятельствах улыбаться.

— Слышишь, как птички поют? Все живое жизни радуется. Весна! А ты у нас как солдатка-бобылка.

Положив руку на колено Борзовой, добавил:

— Как говорил Пушкин: «И тайный цвет, которому судьбою назначена была иная честь...» Забыл дальше.

Полагая, что на этом можно и закончить лирическое вступление, Холодов крепко обнял Борзову и притянул к себе. Но поцеловать не удалось. Губы его встретили не

лицо Марьи Сергеевны, а кулак, небольшой, но достаточно твердый, чтобы умерить его пыл.

Вырвавшись из объятий Холодова, Марья Сергеевна, рассерженная, покрасневшая, вскочила, отошла от него на два шага, повязала косынку, стряхнула с сарафана приставшие соломинки.

— Получили?.. Вон у вас на губе кровь, вытрите. Если подойдете ко мне, еще съезжу. Лучше сидите там, успокойтесь.

Холодов благоразумно остался сидеть на соломе.

— Чего это вам взбрело в голову? Вот уж никак не подумала бы!.. «Одна ты у нас, как солдатка-бобылка». Заботу проявляете о своих сотрудниках?.. Не утирайтесь рукавом, запачкаете китель.

— Чтоб это осталось между нами. Слышишь? — хмуро сказал Холодов.

— Да уж в стенгазету не напишу.

— Что бы ни произошло между мужчиной и женщиной, это не должно отражаться на их слубежных отношениях. Всякие бывают случайности. Понятно?

— Да не отразится, говорю, не бойтесь! — Марья Сергеевна уже отсердилась, и в голосе ее слышался смех.— Не в моем вы вкусе, Григорий Петрович, не обижайтесь. Многого вам, на мой взгляд, не хватает. И вообще... Рассказала бы я вам, как наша сестра смотрит на вашего брата, да надо в бригаду идти.— Подхватила брошенное на соломе пальто.— Думаете, если видный мужчина, то женщины, особенно одинокие, прямо так и тают перед ним?.. Не всякий тот мужчина, что штаны носит. До свиданья!

И, что досаднее всего было Холодову, отойдя шагов на двадцать от скирды, Марья Сергеевна вдруг стала хохотать. Хохотала до слез, утирая глаза уголком косынки, споткнулась о кочку, поглядела на него, расхохоталась еще громче. Холодов поднялся, ушел за скирду, но и там долго еще слышал ее звонкий удалявшийся смех.

В палате, где лежал Мартынов, было тихо, прохладно, уютно от развешанных по стенам вышитых ковриков и картинок в рамочках и не слышно было даже запаха лекарств; открытое окно выходило в сад, старый, тенистый, деревья густо цвели, и аромат яблоневого цвета перешибал запахи всяких больничных дезинфекций. Палата

была на две койки. Больной со второй койки ушел погулять в сад, задернув постель одеялом.

Ключица и рука у Мартынова уже заживали, но перелом ноги оказался тяжелым, и ему еще не разрешали никаких движений, раза два в день только осторожно переворачивали его на бок, чтоб не належал на спине пролежней. Он сильно похудел в больнице, смуглое, обычно со здоровым загаром лицо как-то посерело, под глазами легли тени, кадык на тонкой, мальчишеской шее выпирал остряком.

Марья Сергеевна сидела в плетеном кресле у койки и осматривала палату. Шестилетняя дочка ее, Верочка, взобравшись на подоконник, перелистывала журналы, сосала леденцы, которыми угостил ее Мартынов.

— Нигде в больнице не видела такой обстановки,— сказала Марья Сергеевна, указывая на кружевную скатерть на тумбочке и вышитые коврики на стене над койкой.

— Это жена натаскала из дому,— ответил Мартынов.— Разрешили ей обставить палату по-своему. «Если не позволяете, говорит, забрать его домой, так я сделаю, чтоб здесь ему хоть немного было похоже на дом».

— Часто бывает у тебя Надежда Кирилловна?

— Каждый день заглядывает. Когда идет на работу в «Прогресс» или домой.

— Не шали, Верочка, сиди тихо. Ты ножками стену оббиваешь... Привозила дочку на рентген. Зимою в Семидубовке переболела воспалением легких, а тут начала чего-то кашлять. Наш участковый врач посоветовал проверить на рентгене. Нет, ничего, все благополучно. Вообще она слабенькая здоровьем. Если дадут мне отпуск хотя бы в конце лета, съезжу с ребятами на Черное море, там она поправится. Сестра у меня в Севастополе, замужем за моряком...

С домашнего разговор перекинулся к делам в МТС, к Долгушину.

— Попал в район большой человек, надо бы радоваться, что хорошего директора прислали нам, а у нас такое с ним получается, что, боюсь, выживут его из МТС,— говорила с грустью Марья Сергеевна.— За каждым шагом следят, так и ловят, чтоб на чем-нибудь его подсидеть. Говорит мне как-то Холодов: «Ты проверь, у него, кажется, третий месяц уже членские взносы не плачены». Я проверила по ведомости — да, третий месяц пошел.

Сказала Долгушину — тот за голову схватился. «Первый раз, говорит, за тридцать лет, что состою в партии, такой случай со мною! Вот что значит замотался!» Тут же уплатил. А Холодов стал пенять: «Зачем сказала ему? Секретарь не для того существует, чтоб напоминать членам партии об уплате членских взносов, сами должны знать. Пусть бы истек третий месяц, мы бы тогда проучили его на партсобрании!» Вот в какой обстановке работает человек. Боюсь за него. И в области уже нажил себе недругов. Говорит всем в глаза прямо, что думает, не оглядываясь, нравятся его слова или не нравятся...

— Да, характер у него, видно, такой, что жить ему нелегко,— сказал Мартынов.

— А у тебя лучше характер? — усмехнулась Борзова.— Не знаю, как бы у вас с ним было, если б ты работал сейчас в райкоме. Он бы и тебе наговорил всяких неприятностей.

— За что?

— Мало ли за что. За твои упущения... Да нет, я шучу. Ты бы не стал обижаться на него за критику. И не дрожал бы так за свой авторитет, как Медведев. Если Медведев станет председателю колхоза говорить, что вот надо бы сделать то-то или то-то, а председатель ему в ответ: «Да вот посоветуюсь с товарищем Долгушиным, что он скажет»,— это Василию Михайловичу прямо нож в сердце! К директору МТС охотнее идут люди за советом, чем к нему, секретарю райкома! Как это пережить?.. Не понимаю я, Петр Илларионыч, взрослые люди, коммунисты, на ответственный пост поставлены,— как можно из-за какого-то мелочного самолюбия забывать о деле? Ну вот взять меня. Молодой партийный работник, да и по возрасту Долгушин почти на двадцать лет старше меня. Он в партию вступил, когда я еще вот такой была,— кивнула на дочку.— Был на крупной работе, заводы строил, людьми руководил. Почему бы мне не поучиться у него? Именно у таких людей нам и учиться. Он из тех коммунистов, что живут для народа, все силы отдают работе. И как его полюбили у нас, Петр Илларионыч, трактористы! А поначалу встретили с недоверием. Шрам этот у него, вечно гримаса такая презрительная, как у бюрократа, будто ему с людьми разговаривать противно. И цыган к тому же. Не верили, что цыган всерьез возьмется за сельское хозяйство. Ему бы чем-нибудь торговать или

руководить ансамблем песни и пляски. Но теперь уже все убедились, что если б таких директоров побольше, то, может, и не хромало бы у нас сельское хозяйство. И любят его, и уважают, и боятся. Председателей колхозов так прибрал к рукам, что некоторые было взбунтовались. Потребовал, чтоб из всех колхозов представляли ему ежемесячные сведения: какие суммы числятся у председателя и членов правления под отчетом. Даже Опёнкин обиделся: «Это же вам, товарищ Долгушин, не совхоз, и я вам не управляющий отделением, чтоб отчитываться в деньгах перед директором! Наши деньги, не ваши!» И я было подумала, что тут Христофор Данилыч немножко перегнул, но он показал приказ министра сельского хозяйства — оказывается, право такого финансового контроля директору МТС дано, только никто из бывших директоров им не пользовался. И выявил уже таким способом двух растратчиков — экспедитора в «Заре» и завхоза в «Активисте». Один за восемь тысяч не мог отчитаться, другой — за двенадцать. Не все, конечно, люди у нас полюбили Долгушина. Вот этим растратчикам, ясно, любить его не за что. В самой МТС тоже не всем угодил, есть очень недовольные им.

Марья Сергеевна стала рассказывать о партийном собрании в колхозе «Рассвет».

Мартынов выслушал ее и сказал:

— Об этом собрании я уже знаю. Один колхозник рассказывал мне.

— Кто?

Мартынов повел глазами в сторону пустой койки.

— Больной из «Рассвета» лежит здесь со мной, Сухоруков. На прошлой неделе привезли с переломом руки.

— Сухоруков?.. Погоди-ка, это, кажется, их кузнец? Так он в партию подал заявление. Говорил он тебе?

— Да, подал. Говорил. Все рассказал, что там было. Как Долгушин налетел коршуном на их жуликов.

— Ну как думаешь, Петр Илларионыч,— забеспокоилась Марья Сергеевна,— верно ли, что он там чего-то неладно сделал? Ведь это ему сейчас ставят в вину. Из обкома приезжали товарищи. Но как ему там было удержаться? До чего довели колхоз!..

Мартынов долго молчал.

— Дело вообще-то рискованное. Созвать весь колхоз на открытое партийное собрание! Коммунисты потонули в этом море беспартийных. Получилось действительно

что-то вроде чистки партии... Но, может быть, эту парторганизацию и стоило почистить таким способом? Положение чрезвычайное — и меры чрезвычайные!.. Я осенью в «Борьбе» почти с подобным положением столкнулся, но все же не решился на такой шаг. А подумывал!..

— Вот я и говорю, Петр Илларионыч, у него больше опыта работы в партии, он лучше нас с тобой понимает, что и как нужно сделать,— сказала простодушно Борзова, не задумываясь, радует ли Мартынова, что в районе появился человек с более смелой, чем у него, хваткой и глубже вникающий в колхозную жизнь.

— Очень уж ты восторженно рассказываешь о нем,— заметил Мартынов.— Какой-то идеал коммуниста. Ты секретарь парторганизации, тебе нельзя такими влюбленными глазами смотреть на директора, а то еще проглядишь какие-нибудь ошибки.

— Ему шестой десяток, в него-то я не влюблюсь, слишком велика разница в годах,— не смущаясь, ответила Марья Сергеевна.— Думаю, что он не идеальный человек, Петр Илларионыч, но и я не виновата, что ничего плохого за ним пока не замечаю.

Борзова рассказала о предвесеннем собрании трактористов.

— Конечно, мы с Холодовым как бюрократы отнеслись к соцобязательствам. А Долгушин нам наглядно показал: вот как надо проводить массовую работу! И Холодову, по-хорошему, надо бы только спасибо сказать за науку, а не злиться. То же самое и с Медведевым происходит... Нехорошо говорить это тебе, больному, волновать тебя, но ты, должно быть, и сам уже знаешь, слыхал от других. Оставил ты нам за себя работничка, Петр Илларионыч! Осчастливил район!

— Не я его вытребовал сюда. Его обком рекомендовал.

— Ты с ним полтора года работал бок о бок, должен был изучить человека.

— Работал, ну что ж. Никаких особенных грехов не замечал. Так себе, ни рыба ни мясо.

— Вот и стал этот «ни рыба ни мясо» первым секретарем! Конечно, ему трудно, ответственность, первый год в такой большой роли. Так надо же советоваться с коммунистами, привлекать к себе на помощь актив. А он орет на тех, у кого должен учиться! Так орет, будто всех мудрее, один он понимает все, а вокруг него — несмышленыши.

Хоть и разные они люди с моим супругом бывшим, но методы их что-то очень схожие.

— Значит, меня ругаете за Медведева?..

— Видишь ли, Петр Илларионыч, можно много лет проработать в районе, много хорошего сделать, но надо же, чтобы это хорошее и закрепилось. Тебе самому разве не жалко, если кто-то после тебя загубит твои начинания?.. Он уже всех председателей колхозов против себя настроил. Не очень и мне приятно, когда хожу по колхозам и слышу, что у нас в районе опять борзовщиной запахло. Фамилию мою треплют. Надо паспорт переменить! На девичью фамилию. А Долгушина он прямо поедом ест. Но и тот не дает спуску Медведеву. Требует, и правильно, конечно, требует: «Отвыкайте от старых методов руководства. Ведь в промышленности такого не бывает, чтобы кто-то пришел на завод и без ведома директора и главного инженера стал переставлять по-своему станки в цехах. В промышленности этого нельзя делать, почему же можно это делать в сельском хозяйстве? Вы едете в колхоз и даете там какие-то распоряжения по хозяйству, о которых я, директор МТС, ничего не знаю. Да и с кем вы там, в райцентре, консультируетесь? У вас же там и специалистов не осталось, все специалисты теперь у нас, в МТС».

Мартынов закинул руку за голову, потянул подушку за угол, неловко повернувшись, поморщился от боли.

— Чего тебе? — нагнулась к койке Борзова.

— Подбей, пожалуйста, подушку чуть повыше. Вот так, спасибо... Ох, как мне надоело здесь лежать!

— Что ж поделаешь, надо лежать. Хорошо, хоть жив остался и на поправку дело идет... А сколько времени тебя еще продержат здесь?

— Месяц, говорят, надо еще вот так вылежать, а потом начну учиться ходить на костылях.

— Христофор Данилыч забрал семью вашего погибшего шофера в Надеждинку,— сказала Борзова.— Жену устроил на работу в мастерскую, к шлифовальному станку, а старшего сына отправил на курсы комбайнеров.

— Да?.. Сколько у него детей осталось?

— Два сына и четыре дочки. Большая семья... А ты и не знал, сколько детей у вашего шофера?

— Да как-то не приходилось спросить.

Борзовой показалось, что смугло-серое лицо Мартынова чуть покраснело.

— Сердечный он, Долгушин, широкой души человек,—

сказала она, глянув на Мартынова с легкой укоризной.— Хватает его и на большое государственное дело, и не пройдет мимо чьей-либо нужды... А Виктор Семеныч мой, когда, бывало, стану упрекать его в черствости, отвечал: «Я делаю такое дело, что сразу тысячам людей добро принесет. Мне некогда думать о единицах». И мне иногда казалось, что он прав. Я, маленький человек, колхозница, недавняя трактористка, смотрела тогда на секретаря райкома как на бога.

— Ну, а как наши посланцы работают? — перевел Мартынов разговор на другое.— Как Руденко? Прокурор?

— Прокурор по-прокурорски и начал. Да ему и колхоз достался не лучше «Рассвета». Довел до конца ту ревизию, что ты еще назначил, наши ревизоры там целый месяц копались. Был суд, показательный процесс. Человек пять пришлось и там исключить из партии. Ничего, работает Андрей Семеныч, не хнычет! Как перемучился на том партактиве, так с тех пор, может, хоть и тоскует по своей прежней канцелярии, но виду не подает. Со злостью взялся за дело. Но заявил у них на колхозном собрании так: «Работаю у вас три года. Обязуюсь поднять колхоз, догнать доход до пяти миллионов и вырастить за этот срок из местных кадров хорошего председателя себе на смену, такого, что будет работать не хуже меня. А сам дослужу несколько лет в органах юстиции и — на пенсию, рыбу удить». А Руденко срока не устанавливал, тот прямо сказал: «Буду работать у вас председателем до смерти, если сами не прогоните». Варвара Федоровна взяла свекловичное звено. Молодец у него жена, Петр Илларионыч! Если бы у всех начальников были такие жены! Никакого форсу, и не жалеет и не вспоминает, что была городничихой. Да и здоровье позволяет ей работать в поле. Не всякий мужчина поднимет такой мешок с зерном, какие она ворочает возле сеялок. Иван Фомич там начал с бытовых вопросов. Продал председательскую «Победу» — это не «Победа» у них была, а позорище, колхозникам на трудодни ничего не давали, а председатель ездил на «Победе»,— продал ее и оборудовал за те деньги детские ясли в бригадах. Очень это понравилось колхозникам! Вагон хороший сделал для трактористов, выделил строительную бригаду для ремонта хат, таких, что совсем уж плохи, а стоимость ремонта — в рассрочку на три года. Правильно начал.

— Про других тоже говорят, что хорошо пошли у них дела,— сказал Мартынов.— Письма были от колхозников

в райком, хвалят новых председателей, приносил мне Трубицын. В общем, можно считать, что двоих только послали неудачно — Бывалых и Корягина. Ну что ж, и этих теперь проверили до конца. Правильно исключили из партии Бывалых. Ведь о нем не скажешь, что он не сумел вытянуть колхоз. Он же и не пробовал. Пальцем не пошевелил! Не думаю, чтоб бюро райкома не утвердило решения парторганизации. А?

— Да Медведев, когда хочет какой-то вопрос по-своему решить, не полностью созывает бюро, только тех, кто не будет ему возражать.

— Работать не умеет, а ловчить уже научился?.. А Митин как работает? Как у него с Медведевым?

— Ездит все по району, в кабинете сидеть не любит, степной человек. Ругается за лесопосадки — почему забросили это дело. Депутатов сельских Советов собирал у нас, про которых много лет уже не вспоминали. Взялся за дело как будто крепко. А как у них с Медведевым — не поймешь. На бюро не ругаются, а что бывает, когда они вдвоем остаются,— это нам неизвестно.

— Чем дольше лежу я здесь, тем реже Медведев заходит ко мне,— сказал Мартынов.— Да и Митин что-то стал забывать. Отвыкают от меня... Вот так уехать из района, где столько сил положил, и года через два никто уж тебя и не вспомнит. Спроси колхозников: «А кто такой у вас был Мартынов?» — скажут: «Да приезжал какой-ся начальник на зеленой «Победе», может, то и Мартынов был».

— Нет,— покачала головой Борзова,— тебя, Петр Илларионыч, здесь не скоро забудут.— Засмеялась.— Председатели-то эти новые, во всяком случае, долго тебя будут помнить!..

Девочка давно уже слезла с подоконника, перелистала и те журналы, что лежали на табуретках, походила по палате, подошла к матери, потерлась о ее колени, заглянула в глаза, захныкала потихоньку.

— Заскучала, Верочка? — Марья Сергеевна взяла дочку на колени.— Час посидела и уже заскучала, а дядя Петя сколько времени здесь лежит и не скучает.

— Скучаю, положим,— возразил Мартынов,— но не реву. Спусти ее, Марья Сергеевна, через окно в сад, пусть побегает. Видишь там больного, высокий такой, халат на нем по пояс, рука на перевязи? Вот это мой товарищ, Тихон Кондратьич. Он ей покажет соловьиные яички. Рассказы-

вал мне вчера, что нашел в кустах соловьиное гнездо.

Верочка запросилась в сад. Борзова, перегнувшись через подоконник, спустила ее, взяв под мышки, на землю.

— Больше всего злится Медведев, когда Долгушин станет говорить, что в районе запущена партийная работа,— продолжала рассказывать, вернувшись на место, Марья Сергеевна.— Но ведь это же правда. И ты, Петр Илларионыч, партийными организациями не занимался. Что за состав парторганизации, лицо колхозных коммунистов, как они работают в колхозе, какой у них авторитет в народе — до этого ты не добрался. В секретарях ходили случайные люди. Председателей колхозов ты всех знал, конечно, и по имени-отчеству, и знал, какой у кого характер, а секретарей парторганизаций, признайся, ты так не знал. Верно?

Мартынов молчал.

— Это же действительно показательная цифра — за три года в нашем районе вступило в партию рядовых колхозников всего четыре человека. Принимали служащих, учителей, агрономов, а от рядовых колхозников не было заявлений.

— А как же ты работала в Семидубовской МТС? — сердито возразил Мартынов.— Около года там работала, и не принимали в партию трактористов.

— Да и я как-то не придавала значения этому делу... Долгушин правильно говорит: коммунисты в колхозах ближе всех к народу, без них мы колхозные массы не поднимем. Колхозники ждут от них примера. А пример может быть всякий — и хороший и плохой. И в том и в другом случае пример коммунистов сильно влияет на колхозников. Плохая парторганизация в колхозе — это не просто пустое место, это большой вред для колхоза. Коммунисты не работают в поле — чего ж с нас, беспартийных, спрашиваете? Коммунисты пьянствуют, тащат общественное добро — нам, значит, и подавно можно. А Медведев так и взовьется, как услышит от Долгушина о партийной работе. Долгушин ему: «Займитесь, Василий Михайлович, наведением порядка в колхозных парторганизациях, очень вас прошу!» А Медведев: «Не указывайте нам! Сами знаем, чем нам заниматься!» Ему представляется, будто Долгушин в каких-то личных интересах добивается помощи себе как директору МТС. Да ведь МТС существует и работает для колхозов! Долгушин просто хочет, чтобы мы все с разных сторон били в одну точку. Он из тех

коммунистов, которых на какую работу ни поставь — будут делать свое дело только по-партийному. Он не может думать о хозяйстве, не думая о воспитании людей. Когда бывает в колхозе, и работой комсомольцев интересуется, и в клуб зайдет, и в детские ясли. На партийном собрании он у нас поднял вопрос о создании кружка художественной самодеятельности из сотрудников МТС. Так Медведев потом острил, назвал его на бюро «директором Надеждинской МТС по культпросветработе»... Удивляет меня, Петр Илларионыч, как вот такие истуканы попадают на партийную работу? За какие доблести выдвинулся Медведев в партийный аппарат? Ведь партийная работа — это самое главное, выше всего! А теперь вот побыл он секретарем райкома, что бы дальше ни случилось, эту должность ему уже запишут, теперь уж он в номенклатуру попал, так в ней и останется. Не у нас, так в другом районе будет сушить мозги людям.

— Любимое выражение Руденко: «сушители мозгов»,— заметил Мартынов.

— И старика Глотова. Это я у Глотова научилась, когда в Семидубовке работала.

Марья Сергеевна встала, подошла к окну, посмотрела — белое платьице Верочки мелькало в кустах в глубине сада, невдалеке от нее ходил больной в коротком халате, с рукой на перевязи,— вернулась к койке, села опять в кресло.

— Я вот, Петр Илларионыч, по своей бабьей простоте думаю иногда: почему у нас на выборных собраниях, на конференциях так уж строго придерживаются списка? Нужно выбрать в бюро или в комитет пять человек или там тридцать — столько и в списке стоит; не успеют зачитать его, уже кто-то вскакивает: «Подвести черту!» А что страшного, если б еще было записано лишних человек пять? Было бы из кого выбрать самых достойных. Это тот спешит «подвести черту», кто боится другой кандидатуры рядом с тобой, кто не уверен, что хорошо работал и заслужил доверие людей. Если б при нашем тайном голосовании да еще как-то свободнее составлялись эти списки, меньше бы таких Медведевых попадало в партийные органы... И вообще, если бы как-то заставить наших руководящих работников больше дорожить доверием масс. А как заставить?.. Секретарь райкома, конечно, не станет отчитываться в своей работе на колхозных собраниях, на то есть партконференции. Но он же и депутат райсовета, член

исполкома. Вот пусть как депутат объедет пяток колхозов и отчитается перед избирателями. И пусть люди свободно говорят, пусть запишут даже в протокол, как они его работу оценивают. А то ведь у нас привыкли только перед верхами отвечать. Таких случаев не было, чтобы народ разжаловал, скажем, председателя облисполкома. Вот они и не очень-то оглядываются на низы, на колхозников. Все равно, мол, не от вас зависит наше благополучие. Ругайте нас про себя сколько влезет, нам от вашей критики по-за углами ни холодно, ни жарко!..

Мартынов закрыл глаза, но не спал: видно было по нахмуренным, сведенным к переносице бровям и наморщенному лбу, что думал о чем-то.

— Ну, я тебя совсем заговорила,— спохватилась Марья Сергеевна.— Пришла к больному человеку и тараторю, тараторю! Чего ты хмуришься? Может, чем огорчила тебя?..

— Крылов не был за это время у нас?

— В нашей МТС не был, а в Троицке — не знаю. Маслеников приезжал к нам. Метал громы-молнии на Долгушина.

— А, Маслеников! — махнул здоровой рукой Мартынов.— С Голубковым два сапога пара. Это такой же грех на душе Алексея Петровича, как на моей — Медведев. Ведь тоже кандидат на высокий пост, в случае, если Крылова заберут от нас. Что удивительно, Крылов даже неплохого мнения о Масленикове. Исполнительный, мол, работник. Большой пробивной силы. Как будто у нас, районщиков, дубовые головы и нам надо пробивать черепа, чтоб внушить какие-то новые мысли... Ну, ладно, довольно об этом. Расскажи о себе. Как живешь? Квартиру тебе в Надеждинке дали?

— А мне там, Петр Илларионыч, и не нужна отдельная квартира. Я нигде лучше не устроюсь, как у этой учительницы. Занимаю у нее две комнаты, одинокая старушка, подружилась с моими ребятами, присматривает за ними, когда меня дома нет.

— Что слышно о Викторе Семеныче? В Борисовке не была? По последним сведениям, доходившим до меня, он там уже председатель райисполкома?

— Был. А по самым последним сведениям — послали его председателем колхоза.

— Да?..

— Да, писала мне одна борисовская знакомая. Провели

у них перед весенним севом такой же партактив, как у нас, и послали человек десять председателями колхозов.

— Борзова — в колхоз?..

— А что, думаешь — не справится?

— Не знаю... Может, это и на пользу ему пойдет. Он ведь никогда не был на такой работе, где уже некому посылать телефонограммы... А вообще интересное время настало, Марья Сергеевна, а? Посылаем человека с большим стажем ответственной работы в колхоз и сомневаемся: справится ли? Ведь это же колхоз! А раньше доверяли ему руководить целым районом. Поняли наконец, какая это серьезная штука — *один* колхоз! Может быть, он там, на низу, испытает на самом себе методы руководства, похожие на его собственные. Борзов — в борьбе с борзовщиной. Любопытно!..

Помолчали.

— Почему ты не оформишь развод? — спросил Мартынов.

Марья Сергеевна тяжело вздохнула.

— О детях никак не решим. Все просит, чтоб отдала ему мальчика. Детей он любит. И они скучают по нем. Невозможно им еще объяснить, что у нас произошло, почему не живем вместе. Верочка все канючит: «Ну поедем к папке, поедем!» Душу рвет!..

— Но надо же все-таки вам кончать это. Не собираешься же ты вековать соломенной вдовой? Вышла бы еще замуж.

— За кого?.. В Долгушина я не влюблюсь, уже говорила. А ты на мне не женишься, у тебя Надежда Кирилловна есть.

Мартынов принял это за шутку, засмеялся.

Марья Сергеевна посмотрела на него долгим серьезным взглядом, встала, отошла к окну.

— Не знаешь ты ничего, Петр Илларионыч, не рассказывала я тебе,— заговорила она тихо, изменившимся голосом, стоя боком к нему, глядя куда-то в глубь сада.— Ведь это ты мою жизнь так повернул. Не узнай я тебя, может, и до сих пор жила бы с Виктором. Я бы многого не замечала в нем, если б не знала тебя... И он, может, не ушел бы к той женщине.

Под окном послышался детский голос:

— Мама, я уже нагулялась. Возьми меня, мама!

Борзова втащила дочку в комнату.

— Ладно! Хоть бы уж ты не спрашивал меня про лич-

ную жизнь. Живу! Хорошо живу. Спасибо, что послал меня на интересную работу. Вот и все! Пойдем, Верочка. Скоро автобус отправится в Надеждинку, поедем домой. А твой Димка тебя проведывает?

— Был утром. И вечером еще забежит, после школы.

— Вон я оставила там на табуретке корзиночку. То тебе.

Марья Сергеевна взяла правую, больную руку Мартынова, несильно пожала ее.

— Поправлялся бы ты скорее!..

Нагнувшись, поцеловала его в щеку.

— Больного можно...

Вымощенная камнем дорожка к выходу со двора больницы огибала корпус как раз под окном палаты, но Марья Сергеевна не задержалась у окна. Мартынов услышал только быстрые ее шаги, шлепанье по каменным плитам маленьких ножек девочки.

— Мама, ты быстро идешь, я не поспею за тобой! — захныкала девочка.

Марья Сергеевна подхватила дочку на руки и почти побежала к калитке.

Кузнец Сухоруков, высоченный, худой, усатый мужчина лет сорока пяти, в коротких, чуть ниже колен, больничных кальсонах и халате, по длине походившем на нем скорее на куртку, пришел из сада к вечернему чаю. Сиделка Люба только что разнесла по палатам кружки с чаем и булочки.

— Нагулял аппетит, а пищи маловато,— сказал Сухоруков, опустившись на койку.— Что тут этой закуски! — Повертел булочку.— Слону дробина.

Мартынов молча раскрыл тумбочку и жестом пригласил товарища по палате подойти и взять из его запасов, что ему желательно.

— Да и у меня тут еще осталась передача,— ответил кузнец. Достал из своей тумбочки кусок сала, стал резать его тупым больничным ножом, помогая здоровой руке локтем другой, забинтованной.— Неудобно с одной рукой жить. Кабы мою ногу тебе, а твою здоровую руку мне, вот бы мы с тобой были люди, Илларионыч. А чего ж это Любка убежала? Ты ж на спине не поужинаешь. Помочь тебе повернуться?

— Не надо, потом. Она еще придет.

Соловьи гремели во всех кустах вокруг больницы.

— До чего же, Илларионыч, у этих соловьев получается похоже на нашего брата. Вот сейчас они поют и еще будут петь какое-то время. Пока, значит, ухаживает за своей любезной, поет, заливается, и когда она сидит на яичках, а он рядом с нею, тоже — развлекает ее, поет. А как вылупятся птенцы, пятеро, шестеро, да все жрать хотят, пищат, рты разевают, кормить их надо, мотается бедняга соловей, добывает им пропитание, козявок, букашек ловит весь в мыле и сам не жравши,— тут уж ему не до песен, бросает петь до будущей весны. В аккурат как и нашему брату, отцам.

Сухоруков сходил в кубовую за добавкой чая, взял предложенное Мартыновым печенье.

— Вот и у меня шестеро их. Сейчас-то немножко легче стало. Дочку выдал замуж, старший сын поступил на работу. А как были все маленькие — ох, не до песен!.. А парнем я был — любитель. Без меня и улица не улица. Куда тебе баян! Голос у меня был,— кузнец откашлялся,— не хуже, как у Козловского. Кабы записали тогда мои песни на пластинку, можно бы теперь сравнить. Тенор. Не одна девка от моего голоса горько плакала. И сейчас могу, но уже не то. На фронте горло застудил. Чего молчишь, Илларионыч? Задумался? Это к тебе Борзова приходила, та, что у нас в мэтэесе работает?

— Она.

— Должно быть, чего-то нехорошее рассказала? Работа неладно идет? То не твоя вина, если без тебя чего-то там в районе хуже сделают.

— Да нет, выходит, Тихон Кондратьич, моя вина,— возразил Мартынов.

— Это ж почему так?

— Почему?.. Ты рассказывал, что и машинистом на молотилке работал?

— Работал по началу коллективизации на старых кулацких молотилках. Теперь-то их и не осталось в нашем мэтэесе.

— Как у хорошего машиниста должна быть настроена молотилка? Чтоб не лазить ему там всякую минуту с молотком и ключом, чтоб крутилось, вертелось само, нигде ничего не заедало, не задирало, не скрипело. А ему сидеть в холодке и цигарку покуривать. Так?

— Вон ты к чему. Это-то верно... Где ж это Любка? Должно быть, в пятой палате, у того больного, что с операции принесли. Дай-ка я добуду тебе свежего чайку, да

поешь все же, подкрепись. Пища, она, знаешь, помогает человеку всякую болезнь перебарывать.

Косой лучик солнца упал в окно, медленно пополз по стене, все выше и выше к потолку. По этому лучу, не глядя на часы, Мартынов узнавал время. Было около семи. Скоро солнце скроется за высокими деревьями сада, начнет постепенно темнеть. Соловьи защелкают еще громче и дружнее, в их хор вступят «ночники», которые молчат днем. Придет с обходом дежурная сестра, посидит немного, расскажет больничные новости. Похолодает, придется закрыть окно. Может быть, забегут на минутку жена, сын. Если будет хороший накал лампочки, удастся дочитать «Землю золотых плодов». Так день за днем, вечер за вечером. А где-то там в это время, в селах и на полях района, идет своим чередом, шумит, бурлит жизнь. Без него... Черт бы побрал ту февральскую ночь, Долгий Яр и того лихача на грузовике!..

Поужинав и улегшись опять на спину, Мартынов подозвал кузнеца и выкурил с ним по папиросе.

— Почему ты, Тихон Кондратьич, не подавал раньше заявления в партию? — спросил Мартынов.

Кузнец вынул из пальцев Мартынова окурок, отнес его и свой окурок в коридор, выбросил их там куда-то, вернулся, сел на свою койку.

— Что тебе ответить?.. Как в таких случаях говорится: не созрел политически.

— Это ты брось. Политически ты, вероятно, и пять лет назад был такой уже, как сейчас. Давай рассказывай откровенно.

— Откровенно?..

У кузнеца было характерное лицо: длинное, горбоносое, с острыми скулами и впалыми щеками. Черные усы он подстригал щеткой. Глаза щурил, словно все время смотрел на огонь.

— Главная причина, Илларионыч, почему не подавал долго в партию,— малограмотный я. Три зимы походил в школу — вот и вся моя наука. Прочитать книжку могу и пойму все, что написано, ежели русскими словами, без этих всяких ситоуций, а пишу, как курица лапой. Дюже некрасивый у меня почерк.

— Значит, первая причина — плохой почерк?

— Да. Глянь на руку.— Тихон Кондратьевич показал растопыренную огромную пятерню.— Руки у меня возле горна задубели, мне карандаш в пальцах удержать все

одно, что тебе блоху кузнечными клещами поймать. Думаю: вступлю в партию, поставят меня на должность, как же я с таким почерком бумажки буду подписывать? Людям на смех.

— Разве обязательно, как в партию, так и на должность?

— Да так оно выходило, что вроде бы обязательно. Глядишь: кто ни вступит из наших сельчан в партию, всех на должность определяют. Того в сельпо, того в заготовители, того в сельсовет, того в дорожные начальники. А я на должность не стремлюсь, мне мое ремесло нравится, ничего в жизни другого не надо, был бы порядок в колхозе да платили бы хорошо по трудодням. В партию мне желательно, а на должность не хочу. Но думаю, значит, у них так заведено. Вступлю — и могут мне приказать в порядке партийной дисциплины: бросай свое горно, бери-ка пóртфель. А мне он ни к чему, пóртфель. Я не лезу в начальники. Потом уже один член партии, Филипп Касьяныч, которого у нас сейчас председателем выбрали, объяснил мне: нету такой установки, чтобы обязательно всех коммунистов распихивать по канцеляриям; это, мол, тут наши писарчуки сами такое развели. Гнушаются простой крестьянской работой, хоть яйца собирать с кошелкой по селу, лишь бы не в бригаде работать. Вот, значит, по нежеланию выдвижения в начальство не подавал я долгое время в партию.

— Одна причина. А еще?

— А еще, по-честному сказать тебе, Илларионыч, как завелась у нас в колхозе эта грабиловка, да смотришь — и половина коммунистов замешана там, вот тут-то и отшибло нас, многих, которые, может, давно бы уже были в партии. Думаешь: напишу я заявление, а кому его подавать? Чайкину в руки, этому губошлепу с гитарой, что все полы в хатах каблуками попробивал? А кто будет принимать, голосовать? Голубчик, Трапезников? Нет, повремею...

Тихон Кондратьевич подсел поближе к Мартынову, в плетеное кресло, взял у него еще папиросу.

— Говорят, Илларионыч, чужая душа — потемки. Человека узнать — пуд соли надо с ним съесть. В больших городах, конечно. Там бывает и так: работают двое в одном цеху, на работе каждый день встречаются, и за всю жизнь друг у дружки дома не побывают, не знают даже, где кто живет. А у нас в деревне все на виду: и как рабо-

тает человек, и что у него дома делается, и какое к людям отношение — все нам известно. Вот расскажу тебе про Егора Трапезникова, этого самого, что исключили у нас из партии.

Кузнец прикурил, пустил густую струю дыма в открытое окно, помолчал.

— Разве товарищ Ленин для того затевал революцию, чтобы стать самому правителем в России и длинные рубли за это получать? Он же был не из бедного классу. Отец его директором по училищам был, в дворянство их произвели. Ленину с его головой, с его наукой и в старое время министром быть! А захотел бы — капиталами ворочал бы, заводами управлял, а там, гляди, и себе завод построил, не хуже того Форда, и на это хватило бы у него ума. И жил бы припеваючи, в шампанском бы купался, на золоте ел. Нет, отказался от всего! Пошел по ссылкам, по тюрьмам. За народ! Не для себя лично добивался он улучшения жизни, а для народа! И когда уже при советской власти стал он главой правительства, и тут для себя копейки лишней не брал от государства. Читал мне Филипп Касьяныч, как Ленин кому-то там в Совнаркоме выговор строгий объявил за то, что жалованья ему прибавили на триста рублей, не спросясь его самого. Вот какой был Ленин! Вот для чего он партию создал и сам в нее вступил — для народа!.. Теперь расскажу про Трапезникова. Егор Фомич старше меня на десять лет. Происхождения он самого что ни есть беднейшего. Земли у них было до революции полдесятины, а нахлебников — человек девять. В гражданскую войну он и в Красной Армии был. Я, конечно, не участвовал, мне в революцию было восемь лет. Но рассказывали мне про него наши мужики, которые с ним служили. Зайдет у них там на фронте, бывало, разговор об этой самой революции, из-за чего идет война белых с красными и какая жизнь будет после войны, Егор и говорит: «А вот так и будем жить — поменяемся местами. Мы будем жить, как помещики, а они — как мы жили. Сказано ведь, что революция — это есть переворот!» Вот о чем ему, значит, мечталось — местами поменяться! Товарищи ему станут доказывать: «Это ты политически неверно говоришь. На заводе капиталист один, а рабочих тыщи. Помещиков в губернии, может, сотня, а бедняков миллионы. Местов ихних для нас не хватит, ежели поменяться». Егор: «На всех не хватит, ну, а я себе местечко как-нибудь захвачу».

Пришли мужики с гражданской, поделили землю. Получил Егор свой пай, кредит взял в банке на лошадь — вцепился в хозяйство зубами и когтями! Работал как чумовой, день и ночь, ни воскресенья, ни праздников не признавал, аж когда лошадь уже ног не тянет, тогда и себе даст немного отдыху. Еще тогда звали его в селе коммунистом, но, может, только за то, что в бога не верил, на пасху пахал. Года два-три подвезло ему с урожаем — купил вторую лошадь. Потом стал приарендовывать землю у тех бедняков, что сами не могли ее обработать без тягла. Пошел наш Егор Фомич в гору! Дом построил новый, скота завел порядком. Третью лошадь купил, еще больше стал сеять, поденщиков брал на косовицу. Но постоянных батраков не держал, остерегался все же, чтоб сельсовет его не подвел под классовый элемент. В лишенцах ходить — радости мало.

Вот так и жил до самой коллективизации. Конечно, в те времена он о партии и не думал. Вступать в партию? Зачем, для чего? От работы только будут отрывать на собрания, да членские взносы еще платить. Вся душа его ушла в хозяйство. Потом стал у нас в селе колхоз. Ну, некуда деваться — и Трапезников вступил. Первые годы работал рядовым. Но уже не было у него того рвения, что раньше, когда единолично землю пахал. Смотришь на него, как он вполсилы мешок с семенами берет,— раньше, бывало, сам поднимал, присядет, крякнет только — и мешок на плече, а теперь обязательно зовет кого-нибудь, чтоб подали,— не тот стал Егор Фомич! Нету той хватки, того жару! И вот тут он, должно быть, и стал размышлять насчет дальнейшей жизни. Раз уж повернуло, мол, на колхозы, единоличному хозяйству крест, то нет теперь никакого расчету в навозе копаться. Надо как-то приспосабливаться и себе какой ни есть портфель добывать. Слышим, подал наш Егор Фомич в партию. И как вступил в партию, тут уж он больше за плугом не ходил. То весовщиком, то кладовщиком, то объездчиком. По начальству, в общем, пошел. Вот что привело Трапезникова в партию. Мы-то знаем его натуру. Хоть и из батраков, но душа у него кулацкая.

До войны председателем его не выбирали — получше были у нас коммунисты. А как погибли на фронте старый председатель и лучшие бригадиры, а он вернулся из эвакуации — тут и он стал на виду. На бесптичье и кулик соловей. Бригадиром назначили, потом год в завхозах по-

ходил, потом и председателем стал. Три года был председателем до укрупнения. Ну и что ж хорошего сделал для людей? Ничего! Для себя только старался. Тут уж он как дорвался до власти, охулки на руку не положил! Поначалу понемногу тянул, а потом расставил родичей и приятелей по амбарам, фермам, и сколько они там наворовали колхозного добра — вот, может, теперь только на суде выяснится!.. И уж так привык к доходному месту, что как не выбрали его при укрупнении председателем — на рядовую работу уже не пошел.

Кузнец покрутил головой, засмеялся:

— Гарантированный минимум!.. Придумали же, сукины сыны!

— Что? — спросил Мартынов.

— Да вспомнил ихнее выражение... Ничего не делает Егор в колхозе с тех пор, как не председатель. За прошлый год двадцать трудодней отломил. А живет припеваючи. Картошку возил в Донбасс на паях с одним колхозником, Кашкиным. У того свояк в автоколонне. Всю осень спекулировали картошкой. На том партийном собрании, когда товарищ Долгушин к нам приезжал, спрашивают колхозники у Трапезникова: «Можно ли члену партии заниматься спекуляцией?» А он: «Мы не спекулировали, мы свою картошку возили. Если соседка попросит и ее мешок прихватить, какая же это спекуляция?» — «Да что, у вас с Кашкиным десять гектаров ее было? Раза два возили свою, а потом чужую. Скупали здесь у колхозниц и возили туда продавать». Приперли его. Одна кричит: «У меня купили пять мешков!» Другая, третья подтверждают: «И мы продали им свою картошку!» — «Да мы не покупали, у нас был договор с людьми».— «Какой договор?» — «Установили гарантированный минимум. Берем у женщины картошку и выплачиваем ей по рублю пятьдесят копеек. Может, мы там и дешевле продадим, себе убыток, но чтоб ее, значит, не обидеть, устанавливаем твердую оплату».— «А если по пять рублей продадите, ей все равно— по рублю пятьдесят?» Вот обормоты!

Тихон Кондратьевич, видя, что Мартынов слушает его очень внимательно, продолжал рассказывать.

— А есть у нас люди, Илларионыч! Какие люди! В партию бы их — было б кому направлять колхозную жизнь!.. Есть у нас звеньевая Ксения Панкратова. В самое тяжелое время, когда ничего на трудодни не получали и

все бросали работать, она, бывало, уговорит двух-трех женщин из своего звена и идет в поле. Смеются над ними, проходу не дают: «Ударницы! За идею коллективизации — на своих харчах!» Так они, чтоб не слыхать этих насмешек, стали по ночам ходить на свой участок. Ночи были светлые, лунные, хорошо видать рядки на свекле, они и работают себе до вторых петухов. И как ни плохо было с урожаем, все же в звене Панкратовой свекла всегда лучше всех. Это ли не коммунистки? Есть парень, Гриша Зубенко, ездовой при лошадях. Все его сверстники поразбеглись — кто на железную дорогу, кто на сахзавод, кто в совхоз, а он как пришел из армии в сорок шестом году, как взял пару лошадей молодых, трехлеток, так и до сих пор на них работает. И не то, чтоб какой-нибудь недотепа или с придурью, которого на производство не возьмут. Парень как парень, грамотный, при здоровье. Ему по его ухватке и на заводе цены не было бы. Лошади у него всегда сытые, справные, сбруя починена, повозка в порядке. Позапрошлой зимой возил корма на фермы. Морозы стояли лютые, метели, и не было такого дня, чтоб отказался, не поехал за сеном. Ногу приморозил, и то не признавался, пока аж улеглись метели и навозили запас кормов дней на несколько. Говорил мне Гриша: «И я бы в город подался, ничего плохого нету в том, чтоб колхознику стать рабочим: всегда из деревень шли люди на заводы, и на новостройки вербуют рабочую силу по деревням. Но в это время не могу. Буду вроде как дезертиром. Перед батей совестно». Может, приметил, когда едешь в Степановку большаком, стоит там при дороге каменный столб, остряком, звезда на нем высечена? На том месте кулаки в двадцать девятом году убили отца Гриши Зубенко. Комсомольцы есть у нас хорошие. Вот эта девушка, Клава Кострикина, что отказалась воровать на птичнике яйца для ихних банкетов. В правление колхоза ее сейчас выбрали. Правильно выбрали! Что с того, что молодая, девятнадцать лет всего? Когда зачиналась коллективизация, из такой молодежи-то и был самый актив!

— А почему ты сам, Тихон Кондратьич, не ушел из колхоза в МТС или в город? — спросил Мартынов.— Тебе-то уж и подавно работать бы где-нибудь на производстве — специальность в руках.

— Так я же один кузнец в колхозе, Илларионыч! — ответил просто Сухоруков.— На мне там все хозяйство держится. Как мой сынишка читал книгу про индейцев:

«Последний могикан». Вот и я остался один на весь укрупненный колхоз. В Ореховке кузнец помер, в Степановке бросил ковать по старости. И молодежь не обучили. Ну, уйду и я из колхоза, что ж оно получится? Все дело станет. Кто бороны в порядок приведет, прицепы к тракторам поделает, жнейки отремонтирует? Кто Грише Зубенко колесо ошинует, лошадей перекует? Ручка на веялке у баб отломится — и то некому починить. Уйду я — весь колхоз из-за меня пострадает. Нет уж, видно, мне в колхозной кузне и век свековать.

— А рука?

— Рука заживет. Доктор обещается, что через месяц будет как новая. Это я не в кузне покалечился, плотники угостили меня. Помогал им стропила на крышу поднять, а они не удержали бревно — и по руке. Раньше не ушел из колхоза, а теперь и вовсе не к чему уходить,— продолжал Сухоруков.— Мы было сойдемся — я, Зубенко, Ксения Панкратова, еще такие колхозники, которые работали, не бросали,— и разговариваем промеж собою: нет, все же в дураках останемся не мы, а те, что над нами насмехаются! Не может быть, чтоб допустили наш колхоз до развалу!.. Я тебе скажу, Илларионыч, как ни худо было, а колхоз мы не ругали. Такого сомнения не было в народе, что, мол, колхоз — это неправильно, ничего не выйдет, надо к единоличной жизни повернуть. Об этом не жалели, что сошлись в колхоз. Но за непорядки ругались последними словами! И своих правленцев ругали, и вам, районным руководителям, доставалось, и повыше кой-кому.

— Ругали поделом, но почему же молчали столько времени, не обращались в райком? Директору МТС рассказали все, а ко мне не обращались. Ну вот ты хотя бы. Почему не закрыл на день свою кузницу и не приехал в Троицк? Не рассказал вот это все, что здесь я от тебя узнал?..

Кузнец смущенно почесал затылок.

— Разве там у вас, в райкоме, как пустят тебя в кабинет на десять минут, перескажешь все? То заседания у вас, то телефоны, такая суета. Тут мы уж сколько времени вместе лежим, никто нам не мешает, целую неделю рассказываю тебе про наш колхоз, и то еще не все рассказал... Знаешь, Илларионыч,— махнул он рукой,— мы столько повидали у себя уполномоченных, таких, что дальше правления носа не казали и ни с кем, кроме председателя, не разговаривали, что уже не всем начальникам верили.

Про тебя поначалу хороший было слух прошел в народе. А вот за этого нового председателя, за Бывалых, очень мы были недовольны на райком! Тут ты, можно сказать, сам себе подорвал авторитет. В такой пострадавший колхоз дали такого никчемного человека! Бюрократ бюрократом, и уши холодные! Думаем: не иначе товарищ Мартынов с этим Бывалых приятели. Ну, и куда ж жаловаться?..

Мартынов даже задвигал плечами и головой на подушке — так ему захотелось встать. Он начал объяснять кузнецу «стратегию» райкома (сколько раз уж объяснял он ее многим людям!), почему среди других посланцев из партактива оказались и такие типы, как Бывалых.

— Надо было проверить их на деле! А за Руденко колхозники нас не ругают. За Грибова не ругают. Какой он мне приятель, этот Бывалых?..

— А не слишком ли горячо жестикулируете, товарищ секретарь? — послышался женский голос.— Может, попробовали бы еще пошагать по палате?

За окном стояла Надежда Кирилловна, положив подбородок на нижний переплет рамы. Она, вероятно, поднялась на цыпочки — подбородок смешно выдался вперед, нос задрался кверху.

— А, Надя! Заходи.

— Я на минутку. Димка не забегал?

— Утром был.

— Он после школы пошел с ребятами ловить рыбу на Сейм. Был у меня в саду, сказал, что на обратном пути зайдет за мной, и не зашел. Уже темно, а нет его. Беспокоюсь.

— Значит, хорошо клюет. Задержался.

И лишь только Надежда Кирилловна успела отойти от окна, чтоб пройти к мужу в палату через приемную, на подоконник, подброшенная снизу на веревочке, шлепнулась порядочная низка окуней, по стенке заскреблось, показалась взлохмаченная, без кепки, голова мальчика, а через секунду и сам он уже сидел на подоконнике. Его путь в палату оказался короче, и, когда вошла мать в накинутом на плечи халате, Димка с кузнецом, сидя на корточках посреди комнаты, уже пересчитывали окуней на кукане.

— О! Земля треснула, и чертик выскочил! Он уже здесь! А вот за то, что ты ходишь сюда без халата, тебе, Димка, когда-нибудь влетит от врача.

— ...двадцать один, двадцать два, двадцать три. И вот этого бубырика можно присчитать. Здорово клевало! Никогда в жизни еще так не клевало!.. Мама! А для чего надевают халат? Если я принес на себе каких-нибудь микробов, то разве они не вылезут из-под халата? Я же весь не закроюсь, все равно щелки останутся. Это не от заразы, а так. Лишь бы что-нибудь белое было на плечах. Ну, накинь на меня папино полотенце.

— Рассуждение вполне реалистическое,— удовлетворенно кивнул Мартынов.— Не будет формалистом, когда вырастет.

— Тоже мне борцы с формализмом! Да еще рыбой напачкал на полу.

— Ничего улов,— сказал Тихон Кондратьевич.— Килограмма два будет. Были бы у меня обе руки справные, мы бы сейчас с тобой, парень, выпросили на кухне чугунок, развели в саду костер и такой полевой ушицы сварили бы из свежачка!..

— Вот больные! Начнут еще тут кухарить. Хотите ухи — я вам дома сварю и принесу.

— Не откажемся,— сказал Мартынов.— Нас здесь ухой не кормят. Только лаврового листику побольше и перцу.

— Да уж знаю, как уху варят. Ну, Димка пришел, тогда я посижу здесь немного.— Надежда Кирилловна уселась в кресло.— А ты беги домой. Нечего до полуночи шататься. Экзамены на носу, сидел бы больше за учебниками. Ужинайте с тетей и ложитесь спать.

— Боюсь, Димка,— сказал, улыбаясь, Мартынов,— что наша веселая и деятельная мать станет под старость ворчливой.

— Тоже того боюсь,— вздохнул Димка.

Надежда Кирилловна рассмеялась.

— Так и мучаюсь с ними,— обернулась к Тихону Кондратьевичу.— Мужики! Вдвоем против одной женщины.

— Дочку надо еще,— сказал кузнец.— Вот и вам будет подмога.

Димка взял рыбу и тем же путем, через окно, выбрался из палаты. Попрощался уже со двора.

— Спокойной ночи, папа! Скажи маме, каких тебе книжек нужно, я завтра принесу.

Сухоруков пошел в соседнюю палату посидеть там до отбоя, чтобы дать мужу с женой поговорить наедине.

Надежда Кирилловна одернула простыню под Марты-

новым, поправила одеяло, вынула из своих волос гребенку и причесала его. Нахолодавшие руки ее пахли какой-то душистой травой или древесным соком. Одета она была как колхозница-щеголиха на работе — в короткой, сшитой по фигуре, перехваченной в поясе стеганке, в небольших, по ноге, запыленных сапогах, в яркой, цветастой косынке, повязанной назад.

— Весна,— вздохнула она,— а ты лежишь. Какие ночи! Воздух такой густой и сладкий, хоть на хлеб его намазывай! Про соловьев уж не говорю, ты их и отсюда слышишь. Как у нас в старом саду хорошо! Никогда еще не видела такого сильного цвета на деревьях. Яблони стоят, как невесты в фате.

— Или как медсестры в операционном зале в белых халатах,— сказал Мартынов.

— Ну, сравнил! Больничные образы. Запомнилась бедному операционная! Боюсь только заморозков. Жаль, если такой цвет погибнет. Сегодня целый день развозили перегной и солому по саду в кучки. Все наготове. Прогноз опасный. Завтра не приду домой, останусь ночевать в саду в сторожке. Если потянет на мороз, будем окуривать. А саженцы мои уже оживают. Но не все принялись, на некоторых сухие почки.

— Еще рано. Отойдут.

— Скоро клубникой тебя угощу, есть уже завязь.

Надежда Кирилловна рассказала мужу о севе в колхозе «Прогресс», о последних колхозных новостях. Рассказала о своих селекционных работах в саду. Взгляд ее упал на плетеную соломенную корзиночку, стоявшую за книгами на табуретке.

— У тебя сегодня кто-то был? Кто это принес? Какая хорошенькая корзиночка! И ручки связаны ленточкой. Это женщина принесла. Погоди-ка, у кого я видела такие корзиночки, кто их умеет плести? Сейчас вспомню... Марья Сергеевна?

— Она.

— Чего она там принесла?

— Не знаю. Посмотри.

Надежда Кирилловна развязала шелковую голубую ленточку, стала вынимать из корзиночки свертки.

— Пирожные. Лимоны. «Мишки». Коробка «Казбека». Пастила. Сыр. Копченая колбаса... Зачем это? Как будто ты здесь голоден, некому позаботиться о тебе.

— Не обижайся, Надя. Это уж так принято — прино-

сить что-нибудь в больницу. Найдется здесь кому съесть.

— Вот еще букетик фиалок...

В коридоре послышались шаги, стоны. Несли что-то тяжелое — вероятно, больного на носилках. Прошлепала босыми ногами санитарка. Где-то раскрыли дверь другой палаты, и оттуда доносились громкие стоны. За стеной надсадно закашлялся больной, которому всегда становилось хуже к ночи,— теперь будет кашлять всю ночь. Больница есть больница, не только соловьиное пение услышишь, лежа в палате. Да и окно в сад уже закрыла снаружи проходившая по двору дежурная сестра.

— Скорее бы уж разрешили забрать тебя домой,— сказала Надежда Кирилловна.— Там тебе спокойнее будет.

Она взяла прочитанные книжки, салфетки и платки для стирки, пустую баночку из-под варенья, спросила, чего ему принести завтра, вспомнила: «Ах, да, ухи сварить из Димкиных окуней!» — поцеловала мужа и пошла. На пороге оглянулась, грустно улыбнувшись, помахала рукой...

Вошел кузнец, посидел немного на своей койке, скинул халат, лег.

— Два дамских поставил мне этот, что с забинтованной головой, обгорелый,— сообщил он.— Ну и сильны эти пожарники в шашки играть!

Пришла дежурная сестра Тамара Васильевна, пожилая, лет за пятьдесят, мощного телосложения женщина, которую все больные звали не «сестрицей», а «мамашей», повернула Мартынова на бок, помассировала ему бедро, рассказала, кого привезли сегодня к ним, кого выписали, какое меню на завтра утвердил главврач.

— Хорошо стало у нас, Петр Илларионыч, с тех пор как вас к нам привезли,— зашептала она доверительно, склонившись к Мартынову.— Сегодня главврач собрал весь персонал и говорит нам: «Вы же понимаете, кто у нас лежит в больнице! Не простой больной — секретарь райкома! Вот он скоро начнет ходить на костылях — неизвестно, куда ему захочется заглянуть. Может, и на кухню заглянет, и на склад, и ко мне в кабинет. Я ему не могу запретить: не простой больной. Надо, чтоб везде был порядок, чтоб все блестело, сияло!» Ремонт у нас сейчас идет полным ходом, белье стали лучше стирать, повар лучше готовит, санитарки тише ругаются. Почаще бы такие большие начальники попадали к нам в больницу!

И сама спохватилась, что сказала неладное, рассмеялась, всплеснула руками.

— Ой, что это я говорю, дуреха? Не подумавши ляпнула! Нет, если б порядки остались такие, как при вас, а вам бы уже поправиться и дома быть!..

Спросив Мартынова, не нужно ли ему чего на ночь, Тамара Васильевна уложила его опять на спину, укрыла одеялом, погасила свет.

Отбой. Темнота. Колеблющийся на стене луч от далекого уличного фонаря. Кашель и стоны за стеной. Глубокое, с присвистом, дыхание спящего кузнеца. Мысли...

Долго лежал с закрытыми глазами Мартынов, пока из всего услышанного, передуманного за день стало выступать главное, как в густом тумане выступают очертания деревни или леса, когда подходишь ближе к ним.

«Много заделано, да мало сделано — вот как получилось у тебя, Петр Илларионыч,— пришел Мартынов к горькому выводу.— Разбросанно работал, не подыскал ключа к самому главному. Старое, негодное ломал, а новое, хорошее в систему не привел. Увлекался одним — забыл другое. Тот подъем, что виден в колхозах,— это результат работы пока небольшой группы людей. Для настоящего же, резкого и крутого подъема надо привести в движение всю массу колхозников. Этого не было сделано. В районе тридцать тысяч колхозников. Армия. Может быть, авангард оказался невелик для такой армии? Да, конечно. Он сам, даже с этими новыми хорошими председателями, не мог поднять всю массу народа... Если бы все было приведено в движение, не осталось бы на карте района до последнего дня таких позорных белых пятен, вернее, черных пятен, как «Рассвет». До последнего дня! Без него уже «дошли руки» других людей до этого колхоза...

Какая все же огромная махина — район! Сколько людей — и хороших, и так себе, и плохих. И просто пока не знакомых, не известных, не узнанных. Как та звеньевая, что выходила ночами полоть свеклу, как Гриша Зубенко, о которых рассказал сегодня кузнец... Немало и он сам нашел таких людей в колхозах, но как-то не закрепил с ними связи, не познакомился ближе, не сошелся проще, роднее...

Да, самое главное упустил он из виду — колхозные партийные организации. Вот кто может повести за собой всю массу колхозников — рядовые колхозные коммунисты! Если они действительно коммунисты... В этом, в здоровых партийных организациях, залог прочности дела. Больше будет в партии рядовых колхозников, по-настоящему

болеющих о хозяйстве и своей колхозной жизни,— сотни зорких глаз будут следить за тем, чтобы эта жизнь шла по верному пути! Никакой райком, никакой обком сам за всем не уследит без рядовых коммунистов!.. Если бы все партийные организации в районе были связаны по-настоящему с народом, а он и все работники райкома крепко связаны с колхозными коммунистами,— куда лучше бы шли дела! Район бы стал за эти годы действительно передовым!..

Второй его грех — Медведев. Какая-то дурацкая щепетильность, боязнь, что за ним окончательно закрепится дурная слава «разгонщика кадров», помешали ему своевременно поставить вопрос перед секретарями обкома о Медведеве. Видел же он, что Медведев совершенно неподходящий для партийной работы человек. Обыватель, заучившийся цитатчик, «служащий» в райкоме. Видел — и молчал. Примирился с тем, что в райкоме, по существу, нет второго секретаря, пустое место. Вот теперь за его молчание расплачивается своими боками целый район!..»

Порывом ветра донесло с центральной площади городка из уличного динамика арию князя Игоря: «О, дайте, дайте мне свободу, я свой позор сумею искупить!..»

— Тьфу, черт! — выругался вслух Мартынов.— И музыка, как по заказу!..

«Много заделано — мало сделано. Партия, партия и еще раз партия — вот ключ ко всему!.. И вот появился в районе человек, который взялся доделывать его недоделки. Что ж, спасибо ему. По всему видно, этот Долгушин — большой человек. И председатели колхозов из Надеждинской МТС реже стали ездить к нему в больницу с тех пор, как Долгушин вошел там в курс дела. С ним, с директором МТС, решают все трудные вопросы... Так, значит, теперь он, Мартынов, уже не «первая голова» в районе? Что же делать, если он вернется из больницы на старое место в райком? Как будут они работать с Долгушиным? «Два медведя в одной берлоге»? Уживутся ли? Кому у кого занимать ума и умения руководить людьми? Не придется ли одному медведю вылезать из берлоги?..»

8

До кузнеца Сухорукова с Мартыновым лежал в палате учитель из Семидубовской средней школы, а еще раньше — колхозный бухгалтер. И после Сухорукова вторая

койка не пустовала — с ним положили одного рабочего райпромкомбината. Новые люди — новые темы для разговоров, новые вопросы для раздумья. Ходячие больные из других палат часто заглядывали к нему решить какой-то спор или просто побеседовать.

Ни звонков из обкома, ни телеграмм, ни заседаний. Лежи и думай... Тут только, в больнице, понял Мартынов, что и для мозговой работы требуется время и более или менее спокойная обстановка. В сутолоке райкомовских будней, где все соображаешь и решаешь на бегу, мелькнет иной раз новая мысль — как крысиный хвостик из норы покажется — и тут же исчезнет. Не удержал ее сразу, не додумал до конца — завтра забудется. А здесь лежи на спине, смотри в потолок и тащи эти ускользавшие было когда-то мысли «за хвостик», сколько тебе нужно!

По старой журналистской привычке Мартынов записывал эти мысли в блокноты. Заносил туда и всякие меткие выражения, услышанные от собеседников, их рассказы. Для этого пришлось учиться писать левой рукой, да еще лежа, примостив блокнот к стопке книг на табуретке у койки,— трудное дело! Но свободного времени у него хватало, можно было записывать не торопясь, хоть по одному слову в минуту.

Вот некоторые заметки из его блокнотов.

«Он из тех людей, которые дважды об одну и ту же кочку не спотыкаются». Хорошо сказано! Самая лучшая характеристика, какую только можно дать человеку!»

Приписано другим карандашом, вероятно, через несколько дней:

«Хотелось бы и себе заслужить такую характеристику в народе».

«Из разговоров с бухгалтером Корзинкиным.

Мы наложили на систему организации и оплаты труда колхозников столько латок, что под ними уже не видно самой системы, как бывает под заплатами на зипуне не видно того основного материала, из которого сшит зипун. По таким-то культурам — особое постановление, особый расчет, за то-то — такие-то привилегии, там — дополнительная оплата, там — премия,— а где же основная оплата обыкновенного колхозного трудодня? Иной раз по дополнительной оплате колхозник получает больше, чем по трудодням. Надо отодрать все латки и посмотреть — оста-

лось ли под ними что-нибудь от самого зипуна? Или, может быть, надо весь зипун шить заново?»

«Приезжал лектор в Семидубовку с путевкой райкома читать лекцию на тему: «Есть ли жизнь на других планетах?» Народ собирался медленно, и лектор с заведующим клубом успели раз пять сходить в закусочную. Пока началось, завклубом был уже так хорош, что объявил собравшимся: «Сейчас товарищ из района прочитает вам лекцию о загробной жизни». Кто же это приезжал? Надо выяснить».

«Некрасов:

Кто живет без печали и гнева,
Тот не любит отчизны своей».

«Оказывается, еще Герцен называл идиотским закон, одинаково карающий и взяточника и взяткодателя, так как это связывает их круговой порукой молчания».

«Помню выражение этого Масленикова: «Пропустите сегодня за ночь через бюро человек пятнадцать председателей колхозов по хлебопоставкам!» «Пропустите»! Как будто у нас какой-то санпропускник!»

«Жизнь человека — целый роман, а мы иногда пытаемся втиснуть ее в несколько строчек решения об этом человеке, в докладную записку».

«Учитель Сорокин:

Раньше бывало, если у кулака сын учился в городе в гимназии, то от хозяйства все же не отрывался, на каникулы приезжал домой и отрабатывал отцу вдвое расходы по учению. Пахал, косил, возил снопы наравне с батраками. А сейчас иногда получается так. Девушка, дочь колхозников, потомственных хлеборобов, заканчивает в селе десятилетку и не умеет сено грести, снопы вязать. Восемнадцать лет парню, вырос в колхозе на маминых трудоднях,— с грехом пополам лошадь запряжет, заставят его телегу смазать — жмет ключом гайки в одну сторону, не знает, что на левой стороне левая резьба на осях».

«Хвалим человека: «Напористый товарищ! Энергичный!» Только по этим качествам иногда и судим о человеке: «Годится! Силен! Потянет!» А куда потянет? Разве при Николае Втором не было энергичных чиновников?».

«Юлиус Фучик: «Герой — это человек, который в решительный момент делает то, что он должен сделать».

«Социализм отличается от капитализма, кроме всего, еще тем, что здесь общество, в противоположность капиталистическому, берет на себя ответственность за личную судьбу каждого человека».

«Колхозы для нас не только производители хлеба, мяса, молока, овощей и прочего. Колхоз — это люди, полторы, две тысячи людей, которые хотят жить хорошо. Не для упрощения лишь хлебозаготовок создали мы колхозы, а для самих крестьян, для улучшения их жизни. Мы, партия и советская власть, взяли на себя ответственность за судьбы нашего крестьянства, обещали им в колхозах справедливую, материально обеспеченную, культурную жизнь и мы должны добиться этого всюду!»

«Критика должна стать у нас безвозмездной» (пожарник Костин)».

«А народ наш сейчас уже не удивишь и не напугаешь высоким чином. Разговор двух больных из седьмой палаты: «Что ты говоришь?! Разве так можно его ругать? Он же депутат!» — «Депутат? Ну что ж, значит, плохой депутат. Ошиблись, когда голосовали за него».

«Все же холуй и угодник урожая не сделает. Урожай скорее сделает строптивый и колючий председатель, спорщик, «нарушитель», а не такой что: «Чего извольте?»

«Но что же все-таки нам делать с Советами? Кричим о параллелизме, о том, что партийные и советские органы занимаются одними и теми же делами, что райкомы подменяют райсоветы, а где же выход, по какому направлению должна пойти перестройка? Давать бо́льшую самостоятельность Советам? Укреплять права и авторитет советских органов? Как укреплять?.. Об этом еще надо думать и думать!..»

«Только слабый, неуверенный в себе, в своем авторитете руководитель может бояться политической активности масс, инициативы, демократизма».

«Председатель «Искры» Федосей Григорьев сказал библиотекарше: «Зачем нам книжки читать? Все, что надо делать, нам райком подскажет». Вот как привыкли! Ах

ты ж, Федосей! Погоди, поправлюсь, я тебе подскажу, что делать!»

«Это огромной важности задача и дьявольски трудная: направить на производство тех людей, что высвободятся из сокращенных управленческих аппаратов и всяких ненужных ликвидированных учреждений. Таких людей будет много, среди них и высокопоставленные в прошлом. Я бы создал что-то вроде резерва, как в армии, и томил бы их там на минимальном содержании, на «тыловом пайке», пока сами не запросились бы в колхозы и на заводы».

«Шутки шутками, но, видимо, придется открывать какие-то особые учебные заведения, без ограничения приема по возрасту, где человек, ничему не научившийся пока, кроме как «руководить», мог бы и в сорок лет приобрести какую-нибудь полезную производственную специальность. И надо это дело ставить с большим государственным размахом. Иначе мы не вылезем из этих бюрократических проблем».

«Фельетон в стихах Степана Олейника:

ДА КАКИЕ Ж ТО МУЖЧИНЫ?

Я хочу в связи с уборкой
Вспомнить малость про мужчин,
Проберу их речью горькой
Неспроста, не без причин.
    У соседей все мужчины —
    Кто за жнейкой, кто на ток.
    А у нас — не та картина:
    Видно, сила им не впрок!
На собранья ходят дружно.
(А особенно — в буфет!)
Но когда работать нужно,
Будто их в артели нет.
    В страдный день с утра до ночки,
    Пусть там ливень или зной,
    В поле белые платочки,
    А фуражки ни одной!..
Возле дуба чешут спины,
А вокруг кипит страда.
То ли это не мужчины?
То ли нет у них стыда?
    Тут работа с жаром, с пылом,
    А они как индюки.
    — Вон, глядите, тот верзила
    Чинит сети у реки.
Тот — учетчик (глянуть любо:
С метром шествует раз в день).
Тот — оратор, тот — завклубом,
Тот в саду сидит, как пень...

Мы в полях, мы у машины,
Им — поспать бы да поесть...
Да какие ж то мужчины?
Бабы — вот они и есть!
Бабы, бабы! — хоть и носят
Широченные штаны,
А не грузят и не косят,
Юбку просят у жены...— и т. д.

Здорово! Надо перепечатать в районной газете. А размер стиха такой, что можно петь, как песню. Попросить какого-нибудь композитора, чтоб положил на музыку. Да чтоб девчата во всех колхозах разучили! Пусть ходят по селу и поют под окнами у тех, кто «возле дуба чешут спины». Вот такая песня действительно «строить и жить помогает», она сработает в колхозах за полсотни уполномоченных! Молодец Степан Олейник, спасибо ему!»

«Инициатива и дисциплина. Самостоятельность и подчинение приказам сверху. Как это совместить? Где тут «дозволенные пределы», где грань, за которую нельзя переступать, чтоб не получилось вообще анархии? Не знаю, пока не совсем ясно. А ясно ли это тем товарищам, которые так часто стали упоминать сейчас слово «инициатива» во всех газетных передовицах?..»

«Черт возьми, а все же этого мало от председателя колхоза — чтобы он был честным человеком и не пьяницей! Надо же еще уметь и хозяйничать на тысячах гектаров, и руководить людьми! Вот в «Рассвете» выбрали Артюхина. Я его совсем не знаю. Может быть, он честнейший старик, но хватит ли у него этого самого уменья?.. Учить надо председателей. Не все ведь такие «от бога» талантливые, как Опёнкин. А Грибов, Сазонов, Плотников, Нечипуренко? Тоже ведь — не агрономы и не зоотехники. По происхождению-то все мужики, хлеборобы, но этого сейчас мало — старых навыков. Было ведь и раньше такое. Рядом два помещичьих имения, одинаковые земли, равноценные угодья. Одно имение дает крупный доход, там хозяйство поставлено на научной основе, у другого помещика все валится, земля тощает, скот дохнет, годового дохода от имения не хватает на один хороший кутеж в Москве. Но всех председателей разом на трехгодичные курсы не пошлешь, да и время не ждет. Значит, надо учить их «на ходу», дома, в работе. Кто должен учить? Мы, конечно, районные руководители. Стало быть, мы сами

в первую очередь должны все это отлично знать — и кормовые рационы, и всякие системы севооборотов, и колхозную бухгалтерию... Культура руководства».

«Учить новому. Открывать новые перспективы. Но не надо учить людей тому, что они и без нас отлично знают: что вспаханную землю надо засевать, а созревший хлеб надо косить. Нельзя руководить колхозами точно так же, как руководили двадцать лет назад — путем проведения «хозяйственно-политических кампаний». Мы иногда перед народом бываем похожи на ту излишне заботливую мамашу, которая никак не может примириться с фактом, что сын ее давно вырос, что он уже с усами, женить его пора. Все хочется ей по-прежнему кормить его с ложечки и водить по улице за ручку».

«А это как совместить — единоначалие и демократию? Талант, властность, ярко выраженная индивидуальность человека и — коллегиальность?..»

«Если писатели — инженеры человеческих душ, то до какого ранга? Распространяются их права на души больших начальников? Если распространяются, то почему нет у нас в романах среди главных персонажей министров хотя бы? Алексей Александрович Каренин у Толстого — крупный был чин!»

«Ленин о коллегиальности: обсуждение — сообща, а ответственность — единолична. Вот как. А у нас частенько бывает наоборот: сам решит, а ответственность потом в случае неудачи сваливает на других».

«Некоторые товарищи полагают, что высокий авторитет того учреждения, где они работают (райком, обком), возместит их собственное невежество, нежелание думать».

«Надо кончать с этими рывками в нашей работе, однобокими увлечениями какими-то далеко не главными и не решающими дела частностями. Нужны планомерность и комплексность мероприятий и настойчивость в доведении начатых дел до конца. Настойчивость, но не упрямство, если в чем-то ошиблись».

«А с очковтирательством надо бороться, как с чумой, проказой! Сколько бед причинила нам трусливая, угодливая, лживая информация!»

«Вот что говорил Ленин о Советах: «...необходимо разграничить гораздо точнее функции партии (и Цека ее) и Совласти; повысить ответственность и самостоятельность совработников и совучреждений, а за партией оставить общее руководство всех госорганов вместе, без теперешнего слишком частого, нерегулярного, часто мелкого вмешательства».

«Судя по печати, местами идет опять укрупнение, местами разукрупнение колхозов. Но мы уж у себя больше не будем ни укрупнять, ни разукрупнять. Довольно! Опять ломать границы колхозного землепользования, еще больше запутывать севообороты, которые и так запутаны до безобразия?.. Больной из четвертой палаты говорил: «С этими постоянными ломками живем будто на разорванной улице при большой дороге. Нет уюта в нашей колхозной жизни. Как на вокзале или на постоялом дворе, все меняется, одни уходят, другие приходят, люди на чемоданах спят, гудки, шум, суета». Нет, довольно! Пусть люди хоть привыкнут немного к названиям своих колхозов».

«А старик Глотов, помню, говорил как-то: «Мечтаю дожить до того дня, когда на моих глазах завершится хотя бы одна ротация севооборота в колхозах».

«Я, думаю, в некоторых районах продолжают укрупнять колхозы потому, что секретарю райкома проще иметь дело, скажем, с десятью председателями, чем с двадцатью. Ради личных удобств районного руководства это делается».

«Самым нужным для нас из всех укрупнений (совершенно безболезненным, не связанным ни с какими ломками внутри колхозов) было бы укрупнение районов и МТС. Тут мы уже подошли бы как-то практически к сокращению наших аппаратов. Могучие штаты районных учреждений распространили бы по крайней мере свою деятельность на большее количество колхозов. Но и здесь у нас какая-то неразбериха. «Левая рука не ведает, что делает правая». Начали поговаривать об укрупнении районов, а области разукрупняем. Разукрупнили Воронежскую область, Курскую, Ростовскую. Области были по размерам средние, ничего такого гигантского, в смысле территории, не представляли. Не Красноярский край. Территория вполне позволяла хорошо руководить всеми районами.

Если где неважно шли дела, то не в территории причина. Зачем понадобилось выделять из них еще новые области? Увеличивать вдвое на то же количество колхозов партийный, советский аппараты?»

«Не могу читать наши сатирические журналы! В фельетоне — возмутительнейшие факты, самодурство и произвол, доходящие до уголовщины, читаешь и зубами скрипишь: да что ж это такое делается, за это же расстрелять мало мерзавцев! А потом появляется: «По следам наших выступлений...» «Произведено расследование, факты подтвердились, виновным объявлено по выговору». От такой «сатиры» с счастливыми концовками пользы ни на грош! От нее даже вред. Она убивает у людей веру в силу советской печати и вообще в успешность борьбы с бюрократизмом и прочими нашими болячками».

«Применяем мягкие, милые, безобидные формулировки, когда речь заходит о зажимщиках критики. Записываем иногда в решении: «Товарищ Н. болезненно реагировал на критику...» А эта «болезненность» заключается в том, что он за деловое критическое выступление на собрании уволил, как самовластный «хозяйчик», наплевав на все советские законы, рабочего с завода, да еще позвонил на другой завод директору: «Не принимай такого-то, если придет: демагог и склочник!» Какой «болезненный», несчастный человек! Нервы не в порядке, потому и не терпит критики! Подлечить надо на курорте за казенный счет!»

«А. А. Жданов ругал наших философов за то, что они не разработали в своих теоретических исследованиях вопрос о большевистской критике и самокритике, как могучей движущей силе социалистического общества. Да, нам нужны такие философские разработки, но еще больше нужны практические действия в помощь развертыванию критики. Несколько громких дел за зажим критики, с преданием, может быть, суду. И уж, во всяком случае, предусмотреть, чтобы ответственные работники, снимаемые с должности за зажим критики, впредь *навсегда* лишались права занимать руководящие посты. Надо, чтобы уважительное, внимательное отношение к критике снизу стало атмосферой, климатом нашего государства!..»

«А вообще-то вопрос об единоначалии и демократии решается просто. Умному человеку власть нужна не ради

власти, а ради того, чтобы делать, пользуясь своими широкими правами, хорошие дела».

«Власть ради развития демократии. Парадокс? Нет. Настоящий руководитель именно о том и заботится, чтобы общественная жизнь кипела ключом, чтобы вокруг него росли, поднимались люди, расцветали таланты. Власть свою он направляет на борьбу с плохим, властью же, данной ему, поддерживает все здоровое, хорошее в нашей жизни».

«Вот Долгушин, видимо, из тех директоров-единоначальников, которые не употребят свои права во вред народу».

«Хорошо сказал этот комсомолец агроном Шорин, что заходил ко мне с Нечипуренко: «Своей ответственностью за судьбу родины, революции, социализма я равен любому, самому высокопоставленному нынешнему авторитету — разница в возрасте и масштабах работы особого значения здесь не имеет». Надо познакомиться с этим парнем поближе».

«А между прочим, это очень серьезный вопрос — о возрастном составе наших кадров! На моих глазах секретари райкомов стареют. Сейчас средний возраст секретарей райкомов по нашей области, вероятно, так где-то между сорока и пятьюдесятью; ближе, пожалуй, к пятидесяти. Мне тридцать семь, и как посмотрю на своих коллег — я чуть ли не самый молодой. А через две пятилетки средний возраст секретарей райкомов будет — под шестьдесят? А потом под семьдесят? И в колхозах мало выдвигаем молодежи на руководящую работу. А как было в гражданскую войну, в начале советской власти, в первые годы коллективизации? Аркадий Гайдар в семнадцать лет был командиром полка! Щорс в двадцать четыре года командовал дивизией! Двадцати-двадцатипятилетние парни заворачивали в ревкомах, организовывали колхозы. Нет, что-то неладно у нас сейчас с воспитанием молодежи и с отношением к ней».

«В США молодежь развращается голливудскими фильмами, а у нас многие ненормальности в среде молодежи — от канцелярской скуки в комсомоле».

«Собственно, молодежь у нас попадает на руководящую

работу, но тут уже тоже выработался какой-то штамп выдвижения. Иной засидевшийся в комсомольском комитете «переросток», которому перевалило на четвертый десяток, иначе и не представляет себе дальнейшей своей жизни, как переход на партийную работу. Имеет, так сказать, на это преимущественное право, специализировался уже на произнесении речей, проведении пленумов, конференций. Выдвигаем молодежь, да, но — из ограниченного круга «избранных», отмеченных уже печатью более или менее руководящей номенклатуры. Бывшего секретаря горкома комсомола — на заведование отделом в обком партии и т. п. Вряд ли можно назвать таких «выдвиженцев» свежими кадрами. У них есть уже опыт работы с массами? Есть, конечно. Но — какой работы? Может, это только опыт — писать резолюции и читать речи по бумажкам?»

«Так что молодость — это еще не все. Блеск в глазах и розовые щеки — еще не признак живой комсомольской души. Зародыш карьеризма может появиться у человека в очень раннем возрасте. Есть ребята, как говорится, из молодых, да ранние. От такого «раннего» чинуши в государственном или партийном аппарате вреда не меньше, как и от старого бюрократа».

«Еще — об инициативе. Всякий приказ, всякое обязательное хозяйственное предложение — сверху — это уже есть как бы некоторое подавление инициативы местных работников. Но кто поручится, что *наша* инициатива — самая лучшая, и поэтому ее нельзя «подавить»? Может, действительно нам нужно занять ума у соседей? Ведь разумное предложение сверху тоже основывается на чьей-то хорошей инициативе, это — аккумулятор многих ценных предложений, идущих снизу, это «циркулярное» распространение какого-то полезного, родившегося в определенном колхозе или районе новшества, до которого люди в других местах не успели еще додуматься. Инициатива более перспективная с помощью государственных органов побеждает инициативу менее перспективную. Естественный процесс!.. Да, но все это будет так, все будет хорошо и нормально при одном лишь непременном условии: если предложение действительно правильное, действительно выражает собою назревшую жизненную необходимость и стоит на твердой реальной почве, в смысле возможностей его осуществления».

«Нечипуренко рассказывал, как в том районе, где он работал до войны, держали одного коммуниста-«штрафника» в районном активе — специально для отвода от себя критики. Штук пять выговоров у него было, раз десять перебрасывали с места на место и все же держали на ответственной работе — для критики. На партконференциях весь огонь обрушивался на этого деятеля за его безобразия. Не было бы его — какого-нибудь другого стали бы критиковать».

«Датская пословица, Андерсен Нексе: «Шагает шире, чем позволяют штаны».

«А в общем, если об инициативе только кричать, декларировать ее, не подкрепляя декларации практическими делами, то из этого можно сделать очередную вселенскую говорильню».

«Да, но все ли у нас такие начальники, как Долгушин? Которым смело можно давать широкие права? Нет, не все. Как же быть в тех случаях, когда человек может во вред народу употребить свою власть? Вот тут-то и нужны сильные низовые парторганизации! Да чтоб побольше было в них рядовых производственников. Рабочему нечего терять, он как «заведовал» станком или кузнечным молотом, так и будет им заведовать, не на этом, так на другом заводе. Конечно, могут и рабочего прижать за критику, но все же, у кого меньше привилегий, тот не так дрожит за свое благополучие. Смелая, здоровая критика — и своевременная сигнализация с места, если с начальником творится неладное. Надо добиться путем каких-то крепких государственных мер, чтобы критика у нас стала действительно «безвозмездной».

«Здоровые низовые партийные организации, народный контроль — вот самое верное средство от самодурства, беззакония, комчванства».

«И — поиски такой организационной системы, при которой и незадачливый начальник не мог бы так уж много напакостить. Чтобы его глупости, по крайней мере, не били по карману трудящегося человека».

«Думается, надо продолжать поиски такой системы хлебопоставок, которая бы надежно гарантировала колхозникам, что при высоком урожае они хлеба по трудодням

получат гораздо больше. Надо, чтоб колхозники твердо знали наперед, что же останется у них из валового сбора зерна на внутрихозяйственные нужды — если не в центнерах, то хотя бы в процентах от фактического урожая. Почему мы так упорно придерживаемся ныне действующей старой системы, которая тоже уже вся в заплатах, как тот зипун? И которая — что греха таить — смахивает на продразверстку, если учесть всякие дополнительные закупы. В прошлом году четыре раза давали нам план! Нет ничего вреднее для сельского хозяйства, как «дерганье» колхозников с хлебом. Мало радости, когда читаешь в газетах осенью рапорты областных организаций: «Сдача хлеба сверх плана продолжается». Значит, опять деревню лихорадит, опять у нас неустройство в самом главном деревенском вопросе — в вопросе о хлебе. Закупом можно все смазать, снивелировать, можно, как и раньше было, свести передовой колхоз до положения отстающего — по выдаче хлеба на трудодень. Подрываем материальную заинтересованность. У колхозников нет стимула для борьбы за высокий урожай. Хорошо ли, плохо ли будешь работать — все равно получишь на трудодень те же полтора-два килограмма, что и в отстающих колхозах стали уже получать люди. Конечно, по закупу колхозу платят больше денег, чем за зерно по госпоставкам, но все же не настолько, чтобы у колхозников сейчас совершенно уже отпал интерес к натуральной части стоимости трудодня».

«Понятно, что непредвиденные стихийные бедствия в каких-то районах страны заставляют нас брать дополнительно хлеб из других, более благополучных районов, отсюда и три-четыре плана. Но думается, что можно найти такую систему, при которой недосбор хлеба, против предполагаемого, в одном месте автоматически перекрывался бы бо́льшими поставками в другом месте, причем на законном основании, совершенно безболезненно для этих других районов».

«С натуроплатой МТС получается так. Ставки-то твердые, да не связаны с урожаем. Колхозы платят за гектар пахоты столько-то килограммов зерна. Но ведь можно и хорошо вспахать землю, а все последующие работы провести так скверно или несвоевременно, что урожай будет загублен. Не надо далеко ходить за примерами: одной лишь плохой уборкой можно загубить все. И получается: в од-

ной МТС урожай 30 центнеров, в другой, рядом, только 10, колхозы же платят зерном за пахоту да и за все другие работы — одинаково. Одинаково, потому что все эти отдельные работы расцениваются в отрыве от конечных результатов сельскохозяйственного цикла — урожая».

«Возражение против такой системы госпоставок хлеба — в процентах от урожая — может быть лишь одно: это, мол, игра вслепую, государство не сможет заранее спланировать, сколько будет в этом году заготовлено хлеба: тут надо идти на риск — либо выиграешь, заготовишь хлеба больше, чем обычно, либо проиграешь. Думаю, что неверно назвать это «игрой вслепую». Если взять фактический урожай прошлого года и подсчитать известные проценты от него — пятьдесят процентов, что ли, или сорок,— вот это и будет ориентировочный план заготовок на текущий год. Меньше хлеба не получим. А больше — можем получить. «Риска» здесь нет никакого. Определенно будем в выигрыше. Главный выигрыш — твердая уверенность колхозников в завтрашнем дне. Люди будут точно знать, что такая-то доля урожая останется в их распоряжении для хозяйственных нужд и раздачи по трудодням. Эта гарантия поднимет дух колхозников, они будут гораздо лучше работать. Хорошая работа обеспечит высокий урожай. А из высокого урожая в свою очередь и государство получит больше хлеба — в процентных отчислениях».

«По пятьдесят процентов — это, конечно, грубо-примерный расчет. Может быть сорок и шестьдесят, может быть тридцать и семьдесят. Важен принцип — в процентах от урожая, причем амбарного, фактически собранного. Детали, разумеется, требуют тщательной разработки. Ищите, товарищи экономисты, ищите да обрящете!»

«Нужно же наконец нам осуществить по-настоящему ленинское указание о том, что коммунизм надо строить не на энтузиазме непосредственно, а при помощи революционного энтузиазма, сочетая его с личной материальной заинтересованностью каждого работника в росте продукции, в повышении производительности труда! Ленин смело и честно признал ошибочность продразверстки, когда увидел, какой вред она приносит. Надо и нам сейчас решительно и без промедления изгнать из наших заготовок все,

что еще хоть в какой-то мере смахивает на продразверстку».

«Учитель Сорокин:

Мы пришли в нашей жизни к интересному конфликту — в вопросе о молодежи. И конфликт этот идет не от каких-то недостатков нашего строя, а, наоборот, от его положительных сторон. Некоторые из рабочих и крестьян, когда свершалась революция, мечтали: «Ну, мы отмучались в шахтах, котельных, на пашне за сохой, зато детям нашим теперь уже не достанется этого испытать. Из кожи вылезем, но добьемся детям высшего образования! Будут наши дети инженерами, профессорами, артистами, художниками, директорами, пойдут по чистой работе, им-то уж другая жизнь предстоит». Так оно отчасти и вышло. Вот мы иногда ругаемся: много развелось у нас чиновников, служащих в разных нужных и ненужных учреждениях. А кто они? Это же те дети рабочих и колхозников, что получили образование. Очень плохо, что у нас много лет прививался через семью, да и через некоторых горе-педагогов взгляд на образование как на средство получения чистой должности — и только. «Учись, Васька, негодяй! Ты же с такими плохими отметками ни в какой институт не поступишь! Колхозником хочешь остаться? Быкам хвосты крутить?» Жили мы как-то сегодняшним днем и не заглядывали в будущее. Считалось доблестью, если парень хорошо учился в десятилетке и успешно сдал экзамены в институт. И комсомол таких хвалил, ставил другим в пример. А на того парня, что после десятилетки дома остался, смотрели даже с презрением. «Дурак! Сколько лет учился, и без пользы! Прицепщик — со средним образованием!» Этакий старомужицкий взгляд на школу: ходить в школу, бить обувь, тратить деньги на учебники — надо же, чтоб потом это окупилось хорошей должностью. Учился парень — значит, должен стать писарем, не меньше. А что же здесь постыдного, если прицепщик со средним образованием? С каждым годом у нас все более сложные машины появляются. Посмотришь на свеклокомбайн, на кукурузный комбайн — да это же целый завод на колесах! Чтоб такой машиной управлять, нужен чуть ли не инженер! Очень хорошо, если бы все трактористы и комбайнеры были у нас со средним образованием! А дальше как будет? Мы же не ограничиваем для молодежи возможности получения образования. В институты труднее стало

поступать не потому, что мало институтов, а потому, что слишком много желающих учиться. Больше, чем нам нужно инженеров, бухгалтеров, адвокатов, архитекторов. А как будет при коммунизме? Рядовые работы ведь останутся и при коммунизме. А пути к образованию будут еще шире. Но разве образование нужно человеку только для чистой должности? Да ведь образованному человеку интереснее жить на белом свете! Расширяется круг вещей, доступных его пониманию, его интересуют и литература, и искусство, и философия. Ему есть о чем поговорить с друзьями, с женой, которая, будучи девушкой, может быть, училась с ним в одной школе. Образование нужно просто для себя, для души, для полноты жизни! Для духовной жизни человека! Чтобы не кротом слепым существовать на земле!»

Приписано Мартыновым через несколько дней и подчеркнуто красным карандашом:

«Да, этот молодежный вопрос — очень большой вопрос! Это — будущее нашего государства. Только самый распоследний эгоист, такой, что «после меня хоть потоп», не задумывается о молодежи... А я комсомолом не занимался. Тоже «не дошли руки». Посмеивался только, что у наших комсомольцев бюрократизма развелось побольше, чем у их «старших братьев». Смешочками дела не поправишь. Надо как-то практически помогать им выбираться из нудной канцелярщины, из этого мертвящего все живое, как суховей, формализма!»

9

Но оказалось, что в таком колхозе, например, как «Власть Советов», где двенадцатый год председательствовал Демьян Васильевич Опёнкин, никакого, собственно, «молодежного вопроса» и не существовало.

Долгушин, когда начинал свое знакомство с колхозами Надеждинской МТС, интересовался всем: и сколько свадеб сыграли за год, и сколько детей в селе родилось, и возвращаются ли домой демобилизованные солдаты, и куда деваются выпускники десятилеток. Заходил к колхозникам домой — не по выбору, а просто так, на какие хаты глаз глянет,— любил обстоятельно побеседовать с хозяевами обо всем: и кто это у них на фото, и кто вот это, и как жили они до войны, и что было здесь при немцах, и о бюд-

жете семьи, и о детях, присутствующих и отсутствующих. Заглядывал как бы невзначай — попить воды или расспросить дорогу к правлению колхоза, а уходил из этого дома уже своим человеком, хорошим знакомым, к которому при случае в Надеждинке можно было и в гости завернуть.

Когда он приехал первый раз во «Власть Советов», глубокой осенью, село ему не приглянулось. Старое русское село, обычное для средней полосы: избы густо прилепились одна к другой, улицы кривые, на холмах, посреди села глубокий яр, крыши все соломенные, мало деревьев. Но от избы к избе тянулись электрические провода, и приятно удивило его, что до глубокой ночи, часов до двенадцати, почти всюду светилось. Его, городского человека, больше всего удручал в деревенском пейзаже в иных местах мрак, в который погружалось село часов с семи вечера и до утра. Сразу видно, что главное удовольствие там у людей зимою — сон.

Целый день осматривал Долгушин хозяйство колхоза: скот на фермах, силосные сооружения, электростанцию, мельницу, теплицы. А на другой день сказал Опёнкину: «Все ясно, Демьян Васильевич. Хозяйство у вас прекрасное, колхоз богатый. Давайте теперь посмотрим: к чему это все. Как вы этим богатством пользуетесь, как люди живут». И они пошли по селу, к колхозникам.

Прочная привязанность людей к родному селу, к своему колхозу — вот что прежде всего бросалось в глаза. Не все мужчины, уходившие на фронт, остались в живых, но кто остался — все вернулись в колхоз. Среди полеводческих бригадиров было два старших лейтенанта; племенной конефермой заведовал майор в отставке; строительной бригадой руководил капитан, бывший командир саперной роты; на огородах закладывал парниковое хозяйство главный старшина морфлота; колхозный автопарк был вручен командиру танка, лейтенанту; за бухгалтерским столом в конторе сидел майор интендантской службы, начфин дивизии, инвалид на протезе. Свои знаки различия и старые мундиры все берегли для парадного случая. В клубе Долгушин видел групповую фотографию, снятую в колхозе в День Победы,— Опёнкин с бригадирами, членами правления и завфермами. Группа смахивала скорее на командный состав полка, нежели на колхозный актив, от звездочек на погонах, орденов и медалей в глазах рябило. Один Опёнкин стоял в штатском пиджаке со своей скромной единственной партизанской медалью на груди. Сколько ни

припоминали колхозники, перебирая подряд все дворы в селе, так и не назвали ни одного фронтовика, который бы застрял где-то на какой-то легкой работе, вроде заведующего буфетом, и не вернулся из армии в свой колхоз.

Была ли это просто крестьянская любовь солдат-колхозников к своей извечной земле, селу, где они родились и выросли, к земледельческому труду «на лоне природы» и нежелание менять приволье деревенской жизни на городскую тесноту и сутолоку? Вряд ли только это. Многие фронтовики еще в армии знали из писем от родных, что председателем в их колхозе работает честный, хозяйственный человек, что колхоз сразу же после освобождения от немцев пошел в гору и по трудодням люди получают столько, что ни в каком буфете не заработаешь. Образовался тоже «заколдованный круг», но совсем иного порядка, нежели в некоторых других колхозах: фронтовики возвращались из армии домой потому, что в колхозе было хорошо, а дела в колхозе еще больше улучшались оттого, что прибывало мужчин и сколачивался крепкий актив.

И в этом колхозе, как и в других, было много вдов, война и здесь оставила свои непоправимые последствия — осиротевшие семьи. Но время шло, дети, которым в начале войны было лет по шесть, семь, стали уже взрослыми людьми. Среди молодежи убыль мужчин не так была заметна. Количество свадеб в селе приближалось уже к «довоенному уровню». В подворных сельсоветских списках появилось много новых молодых семей и новых жителей, родившихся в последние годы. «Если поработать над этим вопросом,— серьезно заявил секретарь сельсовета,— то можем догнать по приросту населения, в процентном отношении, Китай».

Во «Власти Советов» Долгушин встретил немало молодежи, окончившей десять классов и оставшейся работать в колхозе. Были в колхозе и свои специалисты, окончившие техникумы: электрик, лесомелиоратор, ветфельдшер. На медпункте работала врачом местная жительница, молодая женщина, бывшая колхозница. Среди учителей средней школы были тоже «свои» колхозники. До этого Долгушин знал уже из рассказов людей и собственных наблюдений, что в некоторых случаях молодежь уходит даже из богатых колхозов. Что тому причиной? «Не единым хлебом жив человек»? Культуры мало еще в селе? Нет таких перспектив для личного роста, как в городе?

Колхоз «Власть Советов» тоже не блистал пока осо-

бенной культурой быта: не было еще в селе асфальтированных тротуаров и троллейбуса. Но то простое и небольшое, что надо было делать, чтобы молодежи, да и всем колхозникам жилось интереснее, правление колхоза делало: не жалело денег на колхозную библиотеку, на художественную самодеятельность, на клуб, на учебу колхозников. Два хороших человека, два энтузиаста, молодая девушка-библиотекарь и музыкант-любитель, заведующий сельским отделением связи, бывший полковой капельмейстер, сумели привить людям любовь к тому, чем сами увлекались. Не было в колхозе дома, где бы не читали книг, и очень много завелось среди колхозников музыкантов и певцов самого разного возраста, от школьников до дедов. В селе было два оркестра, духовой и струнный. Хор «Власти Советов» ездил на областной смотр. Был и драмкружок, участвовало в нем человек пятьдесят, ставили чуть ли не каждое воскресенье новые спектакли.

Опёнкин рассказывал Долгушину:

— Один представитель сделал нам замечание, что мы, дескать, разжигаем в колхозе собственнические тенденции — за то, что мы особое внимание обратили на помощь молодым семьям. Были у нас одинокие парни, из остатков тех семей, что разорила война, поженились, а жить в зятьях им не нравится. Все вроде как на квартире, у жинкиной родни из милости. Мы им помогли отделиться. Живите самостоятельно, собственным домом. Дали им хорошие усадьбы, выделили лесу для построек, провели несколько воскресников, гуртом поставили на ноги. Живите, укореняйтесь, будьте родоначальниками новых дворов в селе. Я этому представителю ответил, что такой вид собственности не страшен, когда колхозница свою хату белит, а муж ее по-хозяйски обносит плетнем усадьбу. То страшнее, когда все дворы разгорожены и у людей руки не поднимаются на своем же доме крышу починить.

Опёнкин был по-настоящему талантливым хозяйственником. И он не упускал возможности поторговать с выгодой на колхозном рынке, и он не прочь был использовать какую-то временную доходную «ситуацию», но никогда не строил он своих хозяйских расчетов только на этих случайных вещах.

— В первый год, как меня выбрали здесь председателем,— рассказывал он,— мы даже вениками торговали. Посеяли два гектара веничного проса, старики зимою навязали веников, а мы их продали облпотребсоюзу на пят-

надцать тысяч рублей. Все годится в хозяйстве. Можно и на конопельке отхватить миллиончик, пока эта культура пользуется привилегией, можно и маком поторговать, и стригуновским луком, и махоркой. Все полезно, что в колхозную кассу полезло. Но увлекаться этим — боже упаси! А вдруг завтра по твоему примеру все колхозы нажмут на мак? И домохозяйки в городе не возрадуются, ежели на рынке, кроме мака, не будет ничего, и ты шиш получишь от своей коммерции. Нет, на это нельзя делать ставку. Если сумел сегодня взять на чем-то временном крупные деньги, надо опять же вкладывать их в развитие тех отраслей, на которых никогда не прогоришь. В животноводство надо вкладывать, в коров, в свиней! Хорошее животноводство — вот где самые верные деньги! Молоко, мясо, сало, бекон, масло — это дело вечное, всегда был спрос на эти продукты и будет.

Свои взгляды на капитальное строительство Опёнкин излагал так:

— Очень важно уловить момент, когда именно можно и нужно начинать большое строительство в колхозе. В ином колхозе не навели самого малого порядка на животноводстве, нет постоянных кадров, нет кормов, а затевают сразу строить кирпичные коровники под шифером. Ухлопают сотни тысяч, залезут по уши в долги — и никакой отдачи в хозяйстве от этого строительства. Скот стоит голодный, грязный, только и удовольствие коровам, что вода сама течет в поилки, а на асфальтированных дорожках навозу по колено, удои низкие. Как человек одевается, по порядку,— сначала наденет нижнее, потом брюки, сапоги, пиджак, так и хозяйство, по-моему, надо поднимать. Если сначала сапоги наденешь, как же потом в них штаны заправлять? Когда средств еще мало, тут-то и нужен точный расчет — куда их в первую очередь вложить, чтоб был от тех денег оборот в хозяйстве, а с того оборота уже дальше дела делать. Больно смотреть, как иной председатель, чуть войдет во власть, начинает швырять направо и налево сотнями тысяч. Без денег худо, никакой мудрец ничего не сделает без них, но и с деньгами можно по-разному обернуться. Одному председателю дай для начала двести тысяч, а другому дай миллион, и может так случиться, что первый председатель с тех двухсот тысяч через три года три миллиона наживет, а другой загонит сразу все средства в тупик, в строительство, откуда никакого оборота, так и останется при одних шиферных кры-

шах и автопоилках. На брюхе шелк, а в брюхе щелк. Если животноводство слабое, не дает дохода, но все же какие-никакие постройки есть, скот не под открытым небом — надо о кормах позаботиться, людей хороших подобрать на фермы; те коровники, свинарники, что есть, подремонтировать, утеплить, пережить еще какое-то время под соломенными крышами, но обязательно добиться от ферм продуктивности, дохода. А с того дохода начинать уже и капитальное строительство. Но опять же, если построили образцовый коровник, надо, чтобы и удои молока поднялись. а иначе для чего же и строили его? Для красоты только? В хорошем помещении лучше условия для ухода за скотом, а от хорошего ухода должно больше продукции быть, ясное дело! Не только силос и концентраты — и шифер должен прибавку молока давать! Так надо поставить дело, чтоб и самое строительство в несколько лет окупилось повышенным доходом от животноводства. Золотое слово «оборот»! Уметь надо каждый рубль в хозяйстве истратить так, чтобы он через какое-то время колхозу трешницей, а то и пятью рублями обернулся!.. Вот и были у нас тут чудеса, когда все строительство в колхозах планировалось сверху. Дают району: построить в этом году столько-то новых коровников, свинарников, птичников, а район механически разверстывает по колхозам. Да откуда вам известно, что этим колхозам именно сейчас приспело время начинать капитальное строительство? И какое вы имеете право так грубо распоряжаться колхозными средствами? Деньги-то колхозные, правление и общее собрание колхозников — хозяин этим деньгам. Если у председателя есть голова на плечах, дайте ему самому думать этой головой! Ему на месте виднее, куда лучше вложить сейчас средства, чтобы в оборот их пустить, а не в тупик загнать, не заморозить их мертвым капиталом на много лет.

Опёнкин интересно воспитывал колхозный актив. Вот как во «Власти Советов» избирали правление — не первый год уже.

Обычно повсюду в колхозах в правление избирают всю начальствующую «головку»: бригадиров, заведующих фермами, председателя, завхоза. Получается не правление, а колхозный «генералитет». Бригадиры контролируют сами себя. Соберутся на заседание правления, и некому покритиковать их со стороны, все бригадиры связаны общей принадлежностью к «генералитету». Опёнкин предложил

отступить от этих традиций. Совсем необязательно, чтобы все бригадиры были членами правления, и ни в каком уставе не записано, что правление колхоза должно состоять исключительно из руководящих лиц. Стали избирать правление из пятнадцати человек, три-четыре человека из руководства, остальные — рядовые колхозники из разных бригад и отраслей. Такой состав правления колхоза оказался более тесно связанным с массой колхозников, чем штатные «начальники», лучше знающим настроение и нужды рядовых колхозников. Член правления в бригаде не подменял бригадира, но мог, отведя в сторонку, чтоб не подрывать его авторитета, сделать ему какое-то замечание, дать совет. На заседания правления ворвалась жизнь, горячие споры, безбоязненная критика. Колхозники поправляли ошибки своих бригадиров, невзирая на их лейтенантские и майорские чины.

На очередном отчетно-выборном собрании обычно избирался новый состав правления — не потому, что старые члены правления плохо работали и потеряли доверие, а чтобы приучить и других людей к управлению хозяйством. Колхоз был большой, семь полеводческих бригад, две садово-огородные, две строительные, четыре фермы; одних демобилизованных офицеров не хватало на все руководящие должности, да и колхоз все же не стрелковый полк; иная женщина, не знакомая с тактикой ведения уличных боев, но надоившая от закрепленных за нею коров уже не одну сотню тысяч литров молока, может быть, справится с заведованием молочной фермой не хуже участника штурма рейхстага. И вот из этих рядовых колхозников, прошедших школу управления хозяйством, проверенных на деле, выдвигали потом и бригадиров, и завфермами, если где-то требовалось укрепить руководство. Управленческий актив колхоза подобрался, таким образом, из разных людей: и фронтовиков, и женщин, и стариков, и молодежи.

Сильно было влияние Опёнкина в колхозной партийной организации. Вступил он в партию в 1927 году, еще когда был трактористом первого в Троицком районе товарищества по совместной обработке земли, и с тех пор, третий десяток лет уже, ни на один день не отрывался (исключая время немецкой оккупации, партизанщину) от колхозного строительства. Работал он и бригадиром тракторного отряда, когда в Семидубовке организовалась МТС; был и полеводом в своем родном колхозе в Олешенке, и завхозом в другом колхозе, и секретарем парторганизации

в третьем. Сколько повидал он по району разных председателей колхозов с разными «стилями» работы! Сколько колхозов на его глазах от этих разных «стилей» либо круто шли в гору, либо скатывались в число самых отстающих, бесхлебных и безденежных. Было на чем поучиться трудному искусству управления большим общественным хозяйством — и на чужих ошибках, и на собственных.

В 1943 году, сразу после освобождения, райком партии порекомендовал Опёнкина председателем в колхоз «Власть Советов». Первое время ему пришлось быть там и секретарем партийной организации. От некогда большой парторганизации осталось три коммуниста. Потом стали возвращаться фронтовики, старые коммунисты и вступившие в партию в армии. Секретарем парторганизации избрали главного старшину морфлота Демченко, у которого после тяжелой операции желудок совершенно не принимал спиртного. Избрали его, конечно, не только за это достоинство, а за то, что он хорошо работал как бригадир огородной бригады и от других коммунистов требовал в первую очередь образцовой трудовой книжки. Верно взятая с самого начала линия в партийной работе оберегала парторганизацию от белоручек и болтунов, росла она за счет настоящих передовиков, которые, и вступив в партию, не стремились уйти с поля или фермы в какую-нибудь канцелярию, оставались на своих местах и старались, получив партбилет, работать еще лучше.

Опёнкину и Демченко нетрудно было воспитывать молодых коммунистов, для этого им не надо было придумывать какие-то особые формы воспитательной работы и произносить длинные речи-проповеди на собраниях. В их личной работе и жизни не было фальшивой поповской раздвоенности на слова и дела. Колхозники не помнили дня, ни зимою, ни летом, чтобы солнце застало председателя колхоза и секретаря парторганизации в постели. Первые два года Опёнкин жил в землянке, как и многие колхозники, у которых немцы при отступлении сожгли избы, и построил себе дом, когда уже почти все семьи были водворены в новое жилье. Ни килограмма меда, ни охапки сена не выписал он себе сверх того, что причиталось.

Партийная организация во «Власти Советов» выросла до двадцати восьми человек. В колхозной комсомольской организации было около ста парней и девушек. Комсомольцы брали во всем пример с коммунистов. И Долгушин убедился здесь, что в богатом и здоровом колхозе

нет никакого особого «молодежного вопроса». Смена старикам растет хорошая, трудолюбивая, отношение к «простым» работам в поле и на животноводстве уважительное, молодежь не бежит из сельского хозяйства, располагается жить в родной деревне прочно и надолго. Не часто можно услышать в других местах, а здесь он услышал, и даже не от одного парнишки школьного возраста: «Кем хочешь быть?» — «Колхозником».

И еще — очень продуманно, по-человечески правильно был решен во «Власти Советов» вопрос обеспечения потерявших трудоспособность стариков и инвалидов. Старость — по закону природы, к сожалению, завтрашний день каждого человека. Молодежи несвойственно преждевременно задумываться о старости, но человеку пожилому, особенно одинокому, нет-нет да и придет в голову: «Ну ладно, сейчас-то мне в колхозе живется неплохо, есть еще сила в руках, трудодней у меня много, и трудодень в колхозе не пустой, а что будет, когда уже не смогу по старости работать или заболею? У рабочих и служащих есть пенсии, а меня здесь кто докормит до смерти?» В иных колхозах старикам давали продукты из специального фонда, если после госпоставок и первоочередных отчислений оставалось из чего создать такой фонд. Бывало, это снабжение стариков и инвалидов носило характер подачек из милости. Выпросит какая-нибудь престарелая бабка у председателя пол-литра масла и десять килограммов муки — ее счастье, в добрую минуту, значит, подвернулась. Да еще скажет ей председатель, подписывая накладную: «Вечером придешь в кладовую получить, а то понесешь днем через село, все узнают, что выписал я тебе продукты, припрутся все просить. Как вы мне, черти старые, надоели!»

Опёнкин повернул дело по-иному. Назначенная правлением комиссия разработала нечто вроде колхозного положения о пенсиях: с какого возраста считать стариков и старух нетрудоспособными, сколько начислять им трудодней, в процентах от средней выработки за те годы, когда они еще участвовали в колхозных работах, как брать в расчет состав семьи и т. п. Это дополнение к Уставу утвердили на общем собрании, и оно стало законом их жизни. Старикам и инвалидам трудодни записывали в книжку одновременно со всеми колхозниками, и получали они по трудодням продукты и деньги из общего фонда распределения. Жить в колхозе, при таком твердом поряд-

ке обеспечения нетрудоспособных, стало спокойнее и уютнее не только старикам — всем.

Была у Опёнкина особенность — не любил он газетчиков, на областных совещаниях убегал от них, неохотно «давал интервью» и в колхозе принимал корреспондентов не слишком хлебосольно — чтобы не зачастили к нему.

— А ну их, этих писателей! — отмахивался он.— Они меры не знают. Как насядут на один колхоз либо на какого-нибудь передовика, как начнут восхвалять да возносить — не отстанут, пока не испортят человека.

Может быть, вследствие прохладных отношений Опёнкина с областными и приезжавшими из Москвы журналистами, колхоз «Власть Советов» реже хвалили в печати, чем он того заслуживал, и его лучшие передовики были несколько обойдены славой по сравнению с передовиками других видных колхозов, но Опёнкина это не огорчало.

— Вот только и поработаем спокойно, пока еще не растрезвонили о нас на весь Советский Союз,— говорил он.— А как, не дай бог, прогремим, вроде Дубковецкого или Прозорова, как поедут к нам одна за другой делегации — американцы, индусы, французы,— то уже будет не работа, а сплошная сельскохозяйственная выставка, и я из председателя в экскурсовода превращусь, буду с киём ходить и диаграммы показывать, а на поле — хоть волк траву ешь!..

У Долгушина, после того как он обстоятельно познакомился с колхозом «Власть Советов», был большой разговор с Опёнкиным о будущем.

— Хоть вы, Демьян Васильевич, и боитесь чересчур громкой славы, но все же двигаться вперед надо и даже побыстрее, чем двигались вы до сих пор,— говорил Долгушин.— Денег у вас в колхозе и у колхозников достаточно, чтобы начать по-настоящему перестраивать деревенскую жизнь. Колхозные ребята у вас в обиде на телят и на поросят.

— Почему — в обиде? — не понял Опёнкин.

— А вот почему. В телятниках и свинарниках у вас площадь, кубатура, свет, вентиляция — все рассчитано по научным нормам. Строите прогулочные дворики, откормочные площадки, ванные — чтоб молодняк рос здоровым, упитанным. А в избах колхозников есть эти нормы света и воздуха? Это по-научному, когда семья в шесть, семь душ живет в одной комнате? Колхозные коровы у вас пьют воду из автопоилок. А колхозница, чтобы чаю со-

греть, идет по воду к колодцу, а колодцев с хорошей водой всего два на все село. Кому же лучше живется у вас — коровам или колхозницам? Телятам или ребятам?

— А телята — это наше колхозное добро,— возразил Опёнкин.— Нельзя бесхозяйственно к нему относиться. Доход от животноводства поступает нам, колхозникам. Нам же польза от того, что телята и коровы у нас в хороших условиях.

— Конечно. Без хорошего помещения и ухода не получишь высокой продукции. Это понятно. Но все же как-то странно получается, что у животных их условия жизни — применительно, конечно, к их потребностям — обставлены куда культурнее, чем у хозяев этих животных — людей. Разве так и должно быть вечно? Ведь все же мы на лошадях ездим, а не лошади на нас! Коровы для нас, а не мы для коров! Я думаю, Демьян Васильевич, ваши животные в благодарность за человеческое к ним отношение накопили уже достаточно денег колхозу, чтобы у их хозяев дома были просторные, многокомнатные, с нужной кубатурой воздуха. Можно бы уже начинать вам строить новую деревню. Это не те, конечно, капиталовложения, что немедленно дадут оборот. «Трешницу на рубль» тут, может быть, не получите, но получите другое — хорошую жизнь людей. Разве четыре килограмма пшеницы и пятнадцать рублей на трудодень — предел всех потребностей колхозника? Засыпать хлебом чердаки, и пусть гнилые балки рушатся людям на головы?

Опёнкина не пришлось особенно уговаривать. Он был не из тех мужиков, что мечтали сало с салом есть. Он и сам уже давно подумывал о переустройстве села, да не знал, с какого края взяться за это огромное дело. Денег из колхозных средств для начала можно было выделить миллион, да в каждой колхозной семье был отложен на сберкнижке для строительства нового дома не один десяток тысяч — дай только материалы, транспорт, мастеров.

Зимою Опёнкин усилил заготовки леса из Кировской области, где отводили ему делянки для разработок. Обсудили вопрос о строительстве нового села на общем колхозном собрании. Все колхозники были согласны хоть сейчас приступить к делу. Для начала решили построить кирпичный и черепичный заводы. Облисполком пообещал помочь оборудованием. Начали проектирование жилых домов, нового большого клуба с залом на семьсот мест, парка культуры и отдыха со стадионом, детсада, круглосуточ-

ных и круглогодовых детских яслей, радиоузла, гаража на двадцать машин, водонапорной установки для села и новой бани. Сверх всего Опёнкин предложил не пожалеть еще сотню тысяч рублей и построить хорошую мастерскую с слесарным, токарным, столярным и кузнечным цехами, оборудовать ее станками и инструментом и передать сельской средней школе — пусть учат в этой мастерской школьников старших классов, попутно с общеобразовательной программой, разным техническим специальностям, которые в наше время механизации пригодятся парням, на какую бы отрасль сельского хозяйства их ни потянуло.

Предложение Опёнкина о строительстве мастерской навело Долгушина на мысль, что и МТС может помочь школам в политехническом обучении — со своими новейшими сельскохозяйственными машинами и кадрами опытных механизаторов. В зоне Надеждинской МТС было еще две средние школы. Долгушин договорился с директорами школ насчет летней практики учеников в МТС при тракторных бригадах. Председатели колхозов, на территории которых находились эти школы, Золотухин и Нечипуренко, узнав о затее Опёнкина, пообещали и у себя выяснить возможности строительства школьных мастерских.

Пока Мартынов размышлял, лежа в больнице, о «молодежном вопросе», в районе начали уже практически кое-что делать для правильного решения этого в общем-то не очень запутанного вопроса.

10

Почему случилось так, что Медведев, молодой и неопытный еще руководитель партийной организации, сразу перенял все самое плохое, что только можно было перенять от некоторых других, опытных, но отнюдь не заслуживающих подражания руководителей? Работать он еще не умел. Несколько упрощая вопрос, можно сказать, что он в равной мере не умел еще совершать ни хороших, ни дурных поступков, и тому и другому ему предстояло учиться. Почему же дурное он постиг скорее и успешнее, чем хорошее?

Когда человек покупает себе в магазине комиссионных вещей одежду, он выбирает из чужих костюмов тот, который ему по плечу. Несомненно, Медведев встречал в своей жизни разных руководителей. Видел он, вероятно, и таких, у которых достоинства и недостатки переплелись, как

пшеница с травой-березкой на засоренном поле. Есть такие сложные натуры. Талантливый организатор, умеющий вдохновить и поднять на какое-то важное дело все живое и мертвое, и в то же время — самодур, грубиян, честолюбец. Лично смелый в решениях человек, но — совершенно не терпящий рядом с собою других смелых и самостоятельных. Массовик, блестящий оратор, рубаха-парень (пока разговаривает с народом на собраниях), а в стенах своей канцелярии — зажимщик критики и глушитель инициативы. Искренний враг и гонитель аракчеевщины, во всем! — кроме собственной сферы деятельности. Сам не лакей и не подхалим, но не противник угодничества и подхалимажа со стороны своих подначальных. Вот из этой «сложности» натуры некоторых знакомых ему руководителей Медведев и выбирал, вероятно, для подражания то, что было ему «по плечу», на что хватало его способностей, чему проще было подражать. Недостатки, таким образом, возводились в превосходную степень, а достоинства оригинала, с которого снималась копия, полностью выпадали. Выпадали потому, что тут уж, чтобы перенять их хоть частично, нужен все же какой ни есть талант.

Вот так и получилось, что Медведев, став во главе районной партийной организации, воспринял все распространенные пороки плохих секретарей райкомов, и среди них наиболее чреватый последствиями порок — равнодушие к людям. Председатели колхозов и директора МТС были для него не товарищами по работе, а лишь промежуточными рычагами для нажимания на них и выполнения на местах спущенных сверху директив. О рядовых колхозниках уж и говорить нечего — на них он смотрел только как на виновников «срыва» того-то или того-то.

За время весеннего сева Медведев успел так прославиться всюду своей грубостью, что им уже в колхозах матери стали пугать детишек:

— Вон погоди, приедет на зеленой «Победе» тот дядька в золотых очках, что на нас в поле кричал, я ему расскажу, как ты балуешься!..

Флегматичный Глотов показался вначале Медведеву человеком безответственным. После нескольких осечек с Долгушиным, который за словом в карман не лез и при нападках на него давал отпор, Медведев стал наседать больше на Глотова, ездил чаще всего в колхозы Семиду-

бовской зоны. Старик принимал указания Медведева, в открытые споры не вступал, если Медведев приказывал пускать бороны по мокрой зяби, со своей стороны тоже давал распоряжение бригадиру налаживать и заводить машины, но лишь только райкомовская «Победа» скрывалась за бугром, останавливал тракторы и продолжал делать все по-своему. Трактористы, народ сообразительный, называли такие действия своего многоопытного, умудренного жизнью директора «тактикой мирного неповиновения». Бывало и хуже. Если Медведев очень уж нажимал, чтобы начинали сеять в холодную почву просо или кукурузу, грозя за промедление карами, Глотов давал указание бригадирам обойти загоны сеялками по разу и на этом пока прекратить, а сам сообщал в район, что посеяно тридцать — сорок гектаров (чтобы открыть сводку и этим успокоить Медведева), а после этого еще несколько дней не сеял, выжидал теплой погоды. Это уже было: борьба с преступлением методом преступления же, но не столь губительного своими последствиями для урожая, как посев поздних культур в непрогретую почву. Лавируя так и сяк, невозмутимый, спокойный на вид Глотов сумел все же выдержать хорошее качество обработки земли и наилучшие сроки сева всех культур.

На севе кукурузы Медведев приехал в колхоз «Родина», где председателем работал Дорохов, бывший лесник. У большой проезжей дороги на хорошо разработанном поле сеяли специальной сеялкой, с мерной проволокой, точно по квадратам. Присутствовал на севе и директор МТС. У Медведева за время его поездок по колхозам стал уже вырабатываться глазомер. Он окинул взглядом поле.

— Но это же не вся ваша кукуруза. Здесь будет всего гектаров пятьдесят. Где еще сеете?

Дорохов указал рукой.

— Вон там, за той лесополосой.

— Поедемте туда.

— Туда сейчас не проедем на машине,— замялся Глотов.

— Почему?

— Там мостик через речку неисправный, провалимся. Надо ехать через село, назад, кругу давать километров пятнадцать.

— Да вот же накатанная дорога, прямо в ту сторону. Куда же ездят по ней? Свежий машинный след.

Дорохов переглянулся с Глотовым.

— А может, уже исправили. Я давеча говорил бригадиру...

Поехали на другое поле. Мост оказался починенным и, как видно, уже давно, свежая стружка на бревнах настила успела потемнеть. Кукурузу на этом поле, укрывшемся между оврагами и лесополосой, сеяли обыкновенными сеялками — междурядья положенной ширины, но рядок сплошной, не гнездами.

Медведев схватился за голову.

— Это что ж такое делается? Где же у вас тут квадраты?..

— Не беспокойтесь, Василий Михайлович,— ответил ему Глотов.— Квадраты здесь будут еще лучше, чем на том поле. Потерпите до первой культивации.

— Как — потерпеть?..

Дорохов стал объяснять:

— Когда появятся всходы, мы пустим тракторные культиваторы и вдоль и поперек рядков. Ножи сами прорежут поперечные междурядья на нужную ширину, а те растения, что останутся, будут как бы гнездом, получатся правильные квадраты.

Медведев уничтожающе мерял Дорохова взглядом.

— Ваша собственная выдумка?.. Что ж, придется судить за грубое нарушение агротехники на севе кукурузы. Самой ценной зерновой и фуражной культуры!..

— Погодите, Василий Михайлович,— вмешался Глотов.— Если его судить, то меня надо судить в первую очередь. Это не его выдумка. Это я ему посоветовал так посеять. Вся Кубань так сеяла до войны кукурузу, и получались прекрасные квадраты. Я же ее знаю очень хорошо, эту культуру, имел с нею дело, три года работал на Кубани управляющим отделения совхоза. Квадратно-гнездовых сеялок тогда еще не было, сеяли ее простыми зерновыми сеялками, сплошным рядком, а потом прорезали поперек культиваторами и так и обрабатывали вдоль и поперек. Те же квадраты. Только называли тогда букетировкой.

— Ни в каких агроправилах вы не найдете такого способа!

— Да, нету в агроправилах, не знаю почему, а способ хороший, при нехватке нужной техники,— продолжал настаивать Глотов.— Вот мы выждали наилучшее время для посева и за два дня все это поле засеем. Через неделю уже всходы будут. А руками сеять — на десять дней ра-

стянем, до суши. Здесь у них, правда, пойдет лишних семян килограммов по пять на гектар. Но семена у них есть. В «Родине» колхозники давно сеют кукурузу на усадьбах, в каждом дворе она есть, собрали семян даже с излишком. А вот с рабочей силой у них вопрос стоит остро. И специальных сеялок для квадратно-гнездового не хватает еще у нас. Им есть смысл потратить и десять килограммов лишних семян на гектар, лишь бы вовремя посеять и не снимать людей со всех работ сюда для ручной посадки.

— Значит, квадраты появятся только после первой культивации?

— Будут квадраты,— уверял Дорохов.— Как рассказал мне Иван Трофимыч, я подумал, подумал: конечно, получатся квадраты. Приезжайте, Василий Михайлович, недели через две, посмотрите, какие будут здесь квадраты.

— Через две недели? А сегодня как мне сообщить об этом посеве? Вы знаете решение обкома? Весь посев кукурузы должен быть произведен только квадратно-гнездовым способом! Сегодня же это еще не квадраты? Как мне в сводке писать?

— Напишите: посеяно столько-то гектаров *будущими* квадратами.

— Вы еще собираетесь, кажется, шутить, товарищ Дорохов? — грозно повысил голос Медведев.

— Какие уж тут шутки,— угрюмо ответил Дорохов, отворачиваясь, глядя себе под ноги, чтобы не встречаться глазами с Медведевым.— Кукурузы вы заставляете сеять много, трудности с нею без специальной техники будут большие, да если еще вы не даете нам соображать своей головой, как ее лучше посеять и обработать,— тут уж нам не до шуток!..

— Вот что у вас тут завелось! Оказывается, у вас тут свой Совет Министров? Сами себе издаете обязательные постановления! Ну, погодите, дорогие друзья! Созовем пленум райкома, там поговорим обо всем, подведем итоги сева! Извиняюсь, товарищ Дорохов, я все забываю, что вы беспартийный. Вас-то мы на пленум не пригласим. Но вот директор МТС старый коммунист! Учит беспартийных председателей заниматься очковтирательством! Обманывать райком партии! Мостик, видите ли, у них неисправный! У дороги сеют кукурузу квадратно-гнездовым, а там — как попало, туда, мол, секретарь райкома не заглянет! Но и на вас, товарищ Дорохов, мы найдем управу! Не позволим и вам безобразничать! Воздадим и вам по

заслугам! И поставим на ваше место человека, который способен правильно понимать политику партии на данном этапе!..

Вот так приезжал Медведев в колхозы. Малейший проблеск самостоятельной мысли казался ему злостным нарушением дисциплины. Сам же он не осмеливался никогда ни на волос отступить от областных директив, не решался даже подумать, что есть, возможно, при сложившихся условиях, какое-то другое, лучшее решение вопроса.

Люди после его отъезда долго ошалело качали головами:

— Как же с таким секретарем жить?..

До пленума райкома Медведев успел ожесточить против себя всех председателей. Что-то должно было неминуемо произойти.

И когда наконец пленум собрался — в середине июня, в междупарье — поначалу это было нечто похожее на судилище над доброй половиной председателей колхозов и директорами МТС. Доклад Медведева состоял из протокольного перечисления всех ошибок и упущений, обнаруженных лично им и работниками райкома в колхозах за время весеннего сева и начала прополки. Соответственно тяжести совершенных ошибок виновные обзывались «саботажниками», «срывщиками планов», «дезорганизаторами» и даже «вредителями колхозного строя». Долгушин попал в разряд «государственных нахлебников».

С Надеждинской МТС Медведев начал свой доклад, ею и закончил. Нужды нет, что колхозы Надеждинской зоны выделились на весеннем севе организованностью работ и что и по животноводству, надоям молока, откорму свиней именно этим колхозам принадлежали лучшие показатели. Медведев припомнил Долгушину все его грехи, начиная с того дня, как тот впервые переступил порог директорского кабинета: и перерасход ремонтного фонда, и аварию с дизелем в мастерской, и зафиксированное актом пожарного инспектора нарушение правил складирования горючего, и незаконное израсходование денег МТС на покупку минеральных удобрений для колхозов, и выборы нового правления в «Рассвете». Особенно же навалился Медведев на Долгушина за то, что в зоне Надеждинской МТС было за время сева, как выявила специальная комиссия, больше всего случаев повторных перепашек.

— Дорого обойдется ваш хлеб государству, товарищ

Долгушин, если будете дважды пахать каждый участок!— гремел Медведев с трибуны.— Вы там, в Надеждинке, к середине лета все годовые лимиты перерасходуете! В трубу вылетите!

По этому делу Долгушин давал объяснение Медведеву еще до пленума — почему в МТС так много случаев перепашек:

— Вы думаете, в прошлом году в Надеждинке меньше было брака на пахоте? В других МТС меньше брака, чем у нас? Не меньше. Но здесь сложились уже такие дурные традиции — не выносить сора из избы. Колхозный бригадир принимает плохую пахоту, не составляя актов на бракоделов, потому что, если он рассердит трактористов, те тоже предъявят ему счет: тогда-то простояли полдня без воды, тогда-то семян не подвез, тогда-то прицепщиков не дал. Круговая порука безответственности: ты меня не трожь, и я тебя не трону. Конфликты улаживались домашним путем: пол-литра с нарушителя агротехники, и все. Мы решили предать гласности такие факты. Колхозы не должны страдать от недобросовестности трактористов. Наша вина, нам и отвечать. Мы сами выводим на чистую воду бракоделов, и колхозы просим не жалеть их. Акты на перепашку подписывает наш главный агроном. Но нельзя же делать из этого вывод, что МТС стала хуже работать. Брака у нас сейчас не больше, чем было раньше,— меньше. Больше стало случаев выявления этого брака и наказания виновных. Но это же разные вещи!

Объяснение не удовлетворило Медведева, и на пленуме он целых двадцать минут говорил об этих перепашках.

— Так всякий сумеет получить высокую урожайность, если дважды пахать землю! Но сколько будет стоить нам этот урожай? Или вы привыкли, товарищ Долгушин, по своим московским масштабам, бросаться миллионами на ветер? Безобразие! Не работа, а сплошной брак! А на уборку будете просить добавочные лимиты горючего? Государство для вас — дойная корова?..

То, что долго нарывало, прорвало наконец на этом пленуме.

— Стриг черт свинью — визгу много, шерсти мало,— так начал свою речь в прениях рассвирепевший флегматик Глотов.— Как нам это надоело, товарищ Медведев! Крик, крик, крик: «Срывщики!», «Саботажники!» Получается, что вроде ты один в районе за Советскую власть, а мы все какие-то враги народа. Новый ты человек в райо-

не, молодой секретарь, а за такую старину принимаешься, что нам, пожилым, она уже все печенки и селезенки проела! В тридцать седьмом году ты, видно, мальчишкой еще был, голубей гонял, но если б тогда уже был в силе, ого! — чего бы ты по тем временам натворил!.. Чего ты взъелся на товарища Долгушина? Человек работает во всю силу. Года еще нет, как он стал директором МТС, а уже мне, старому хлеборобу, есть чему у него поучиться! Цека отобрал таких людей нам в помощь. Рабочий класс шел навстречу деревне и в тридцатом году, и сейчас идет. Только тогда тот двадцатипятитысячник Давыдов простым слесарем был, а сейчас нам инженеров дают. Понять надо по-человечески: товарищу Долгушину нелегко было на шестом десятке ломать жизнь, привыкать к деревне после Москвы, переучиваться с металлурга на хлебороба. А как ты ему помогаешь, как поддерживаешь его настроение? Так поддерживаешь, что, был бы он послабее характером или из тех коммунистов, которым партбилет только для блага жизни нужен, давно бы уже под каким-нибудь предлогом удрал обратно в Москву! Вот он сейчас прослушал твой доклад, и вид у него такой, будто мыла наелся. И меня тоже что-то тошнит. Разве ж это руководство? Я просил тебя как-то: помоги нам перейти на круглогодовой ремонт тракторов, мы сами не можем решить этого дела, тут надо ломать порядок финансирования ремонта и снабжения нас запчастями. Что ты сделал? Поставил этот вопрос перед областью, министерством? Звонил куда, писал? Ничего не сделал! Ты даже боишься этот вопрос поднимать самостоятельно! А вдруг это какая-нибудь ересь — «круглогодовой ремонт»? Ты надсмотрщик и погоняло, вот кто ты есть, товарищ Медведев, а не руководитель, секретарь райкома!..

Руденко, тоже обозлившийся до предела, говорил:

— Брось эти методы, Василий Михайлович! До тебя тут уже кое-кто пытался такими методами районом управлять и доуправлялись до того, что вот пришлось нам, членам бюро райкома, идти председателями колхозов. Ты с Борзовым не знаком, с Виктором Семенычем, что был у нас тут четыре года секретарем райкома? Посмотреть на вас — вроде как ты его меньшой брат. Ежовые рукавицы и страх — это для нас не открытие, верно Глотов сказал. Другое требуется сейчас, товарищ Медведев: учить людей думать своей головой, воспитывать в них смелость, честность перед партией и своей совестью. А смелость не

палкой воспитывается. Отстаешь ты от жизни! Как на охоте случается: по старому следу пошел. Не убьешь на этом следу зайца, след-то еще позавчерашний!..

Грибов говорил о работе на сводку, на рапорт:

— Вы назвали председателей колхозов вредителями, но больше всех вредите урожаю вы, товарищ Медведев! Дорого обходятся колхозам ваши фельдфебельские методы! Вот мы — я, Руденко, Плотников, Опёнкин — не испугались ваших угроз, сумели посеять всё в свое время. А поезжайте теперь в те колхозы, где председатели не выдержали, посеяли кукурузу в холодную почву,— что там сейчас? Черное поле, стебелек от стебелька на десять метров, и всходов там уже не прибавится. И это все ради сводки, ради того, чтобы побыстрее отрапортовать об окончании сева, выслужиться. А теперь вы небось не показываете в отчетах эти погибшие посевы кукурузы? Площадь кукурузы, что вписана в сводку, ни в коем случае не должна сократиться! И не разрешаете колхозам пересевать погибшую кукурузу другими культурами. Заставляете эти лысины подсевать кукурузой же, вручную. Сколько это займет времени? Месяц будут еще колхозницы там ползать по рядкам! А когда эта кукуруза теперь взойдет? Что из нее получится? Вот где самое настоящее преступление! Вы своими «командами» погубили тысячи тонн урожая!..

— Один красивый рапорт о весеннем севе,— говорил Нечипуренко,— еще ничего не решает. Целое лето впереди! Да и рано посеять — это еще не значит хорошо посеять. Такие секретари райкомов, как ты, Василий Михайлович, заставляли председателей колхозов соревноваться — кто быстрее запряжет. Воспитывали лихачей, кучеров, а не хозяев! Кто наловчился быстро запрягать, с шиком подавать карету к крыльцу — тот и «передовик»! Но ведь гораздо важнее не то, кто как запрягает, а кто сколько потом грузу везет!..

Председатель райисполкома Митин сказал:

— Боюсь, Василий Михайлович, что мы останемся без помощников, если будем налегать исключительно на административные меры. Отступится народ от нас.

Борзова говорила:

— Вот вы, Василий Михайлович, делаете все то, что и товарищ Мартынов до вас делал: и совещание передовиков созывали, и собрание механизаторов, и партактив, а пользы от этих собраний — никакой! И доклад, и вы-

ступления — все как нужно, форма та же, а за душу никого не берет. Сидят люди и слушают: «вы должны», «вы обязаны», «надо мобилизоваться»... Лишь бы отчитаться перед обкомом, что провели такое-то количество совещаний. Если у вас нет вкуса к партийной работе, то лучше бы вам по-честному признаться, что вы это дело не любите. Может, вы больше пользы принесли бы на таком месте, где не с живыми людьми приходится иметь дело, а с какими-нибудь документами, архивами? А так же ведь нельзя: должность первого секретаря райкома партии любить, а партийную работу не любить.

Выступал и Опёнкин.

— Товарища Долгушина уважает народ. Он умеет работать с людьми, а у тебя, Василий Михайлович, такого уменья нет, в этом вся причина, потому ты и злобишься на него. Но нет! Такого директора мы тебе на расправу не дадим! Осень придет — урожай покажет его работу. Я многих директоров МТС перевидал на своем веку, это, может, первый настоящий директор, которого председатели колхозов и без приказа слушаются. Слушаются потому, что он, прежде чем нам чего-то предложить, и у нас совета спрашивает. Такие люди нам в районе нужны!..

До такой степени коммунистам было уже невмоготу — вспомнились и Борзов, и некоторые его предшественники,— так возмутил и разозлил всех «прокурорский», казенный (и угрозы даже читал по бумажке) доклад Медведева, что когда заведующий отделом пропаганды райкома вышел с проектом решения, его сразу же остановили вопросами:

— Сколько страниц?

— То же самое, что и в докладе мы уже слышали?

— Нового ничего?

Поднялся Рыжков, секретарь партийной организации «Борьбы», бывший секретарь райкома комсомола, и предложил вместо этой заготовленной, видимо, Медведевым же резолюции принять другое, короткое решение: «Объявить секретарю Троицкого райкома партии товарищу Медведеву выговор за возрождение в районе борзовских методов руководства колхозами».

И за предложение Рыжкова проголосовали почти все члены райкома.

На третий день после пленума в райком приковылял на костыле выписавшийся из больницы Мартынов.

В жаркий полдень на улицах городка было пусто. У райкома Мартынов встретил Рыжкова с перевязанной щекой, приехавшего в Троицк рвать больной зуб.

— Что ж это вы, умники, натворили? — хмуро спросил его Мартынов.— Какой-то небывалый пленум. Таких решений по докладу секретаря о весеннем севе, вероятно, еще нигде не принимали.

— Да так как-то получилось, Петр Илларионыч,— смущенно оправдывался Рыжков.— Очень уж надоело нам все это!

— Решение, в общем-то, половинчатое, куцее решение,— пожал плечами Мартынов.— До конца всего не договорили... Вы подумали о том, что после такого случая ему невозможно здесь работать?

— Ничего мы не думали. Пусть теперь обком думает!.. А может, и думали,— хитровато подмигнул вдруг Мартынову Рыжков.— Вот это самое и думали: что теперь, после такого скандала, он у нас не останется!..

Медведева не было в райкоме — выехал куда-то. Не заходя в кабинет, Мартынов от Трубицына позвонил в обком. Там из секретарей он застал только Масленикова. Доложил, что выписался из больницы, что совсем уже здоров, немного только побаливает нога, но ходить на костыле и ездить в машине уже может, врачи разрешили. Спросил: приступать ли ему к работе в райкоме или, может быть, есть уже какое-то другое решение?

Маслеников ответил, что никакого другого решения пока нет, что, если здоровье ему позволяет, надо начинать работать, оформив свое возвращение на пост первого секретаря через бюро райкома.

— Давай, давай приступай! — повысил голос Маслеников, сразу беря деловой тон в разговоре уже не с больным человеком, а с возвращающимся к своим обязанностям секретарем райкома.— Нажми на молоко! С четвертого места на девятое съехал район за последние пятидневки. Лукашевцы вас обогнали. Позор! С ремонтом комбайнов у вас неважно. Там у вас Долгушин все мудрит, на качество ссылается, будто мы не требуем хорошего качества ремонта! Само собою разумеется, что надо ремонтировать и быстро и хорошо! Да разберись в ближайшие дни, товарищ Мартынов, кто там у вас партийную организацию баламутит? Что это за дикий случай на пленуме райкома? Как можно без согласования с обкомом допускать такие вещи? Кто выносил это предложение?

Кто голосовал? Какой-то цирк устроили! Безобразие! Мальчишество! Мы думали, что у нас в Троицке зрелая партийная организация! Хоть это случилось и в твое отсутствие, но с тебя ответственность не снимается! Твое воспитание!..

— Разберемся, Дмитрий Николаевич,— ответил ему Мартынов.— Много тут, кажется, накопилось такого, что придется как следует разобраться. А насчет воспитания не торопитесь меня ругать. Надо еще посмотреть — за что же ругать? Когда коммунисты выступают так, как на этом пленуме выступали, критикуют секретаря, о котором в обкоме еще не предрешен вопрос, не боятся, что им худо будет, если он останется на месте, не дрожат, в общем, за свою шкуру,— я думаю, это неплохое воспитание. Во всяком случае, я доволен, если тут есть результат и моей работы.

11

Так соскучился Мартынов в больнице по степному приволью, солнцу, людям, что в первые дни, не засиживаясь в райкоме, почти не заглядывая в свой кабинет, все ездил в колхозы, на поля. А в полях было хорошо! В начале весны обстановка складывалась тяжело, бо́льшая часть озимых погибла от февральской гололедицы, но их пересеяли, быстро и хорошими культурами, яровой пшеницей, ячменем; шли дожди, дули влажные, мягкие западные ветры, и сейчас яровые почти догоняли в росте озимую пшеницу на уцелевших участках. Хороши были всходы сахарной свеклы. Заметно бросалась в глаза всюду лучшая обработка почвы против прошлых лет, особенно на массиве Надеждинской МТС. Можно было ожидать неплохого урожая.

Прихватив в новый вездеход Долгушина, который остался без колес, так как старый его «газик» окончательно рассыпался, а областное Управление сельского хозяйства, в наказание «за непочитание родителей», не торопилось дать ему новую машину, Мартынов ехал по полям колхоза «Вехи коммунизма».

— Завернем к нашему главному инженеру? — спросил его Долгушин.

— Это куда же?

— В тракторную бригаду, к Андрею Ильичу Савченко. Помните такого человека?

— Бригадира? Как же, помню. Давайте завернем. А почему вы называете его главным инженером?

— Потом расскажу.

На бригадном стане было тихо и малолюдно. Один трактор стоял разобранный — какие-то части с него увезли в мастерскую для ремонта,— кухарка у костра чистила картошку, два тракториста окапывали землею бак для горючего, в вагончике сидели бригадир Савченко и председатель колхоза Руденко, и между ними шел спор — не спор — крупный разговор.

Поздоровались. Савченко продолжал горячо доказывать председателю:

— Разве ж это работа? Два трактора пашут пар на Лужках, за три километра отсюда, один свеклу мотыжит в пятой бригаде, черт те где, за пять километров, два кукурузу культивируют в разных местах, за лесом и вон там, возле Сейма, а к вечеру им придется переезжать на ту кукурузу, что на прифермском участке. И свекла у нас в пяти местах, и пар клочками по всем полям. Где бы я ни стал вагоном, все равно не соберешь машины в кучу. Кухарка понесет обед трактористам — пятнадцать километров избегает по полям со своими кастрюлями! Вот вам тут все — и экономия горючего, и техобслуживание!

— О чем разговор? — спросил Мартынов.

— Все о том же, Петр Илларионыч,— ответил Руденко.— О севооборотах.

— Если мы не наведем порядка на полях,— сердито говорил Савченко,— тогда покупайте мне вертолет, чтоб я успел за сутки побывать возле всех машин!

— А почему же ты, Андрей Ильич,— заметил Долгушин,— ничего не говоришь о засоренности почвы, о разрушении структуры? Разве только в том беда, что тебе и кухарке далеко бегать от трактора к трактору? Учу и учить буду всех вас, работников МТС: не отрывайте наших механизаторских забот и печалей от урожая!

— Так это, я считаю, всем ясно, что без правильного севооборота мы и урожая хорошего не получим! — сказал Савченко.— Что говорить, вот на моих глазах, за то время, что работаю в Надеждинской МТС, земля стала хуже родить. Раньше тут у стариков была поговорка: «Два дождя в маю — и на агротехнику наплюю!» А теперь, я замечаю, эта поговорка уже недействительная. Мало двух дождей в мае месяце. Пусть даже весь май льют дожди, а если в июне засуха, хлеба не будет. Озимые, может,

выйдут, а яровые погорят. Земля стала неструктурной, комочков нет, распыленная, как зола, не держит влагу. На такую землю чуть не каждый день нужен дождь и в мае и в июне — тогда только будет хороший урожай.

— Прав Савченко, и вы правы, Христофор Данилыч,— соглашался Руденко.— Без севооборотов мы допашемся до ручки! Знаешь, Илларионыч, как тут пахали, сеяли? Уборка срывается, какие-то культуры еще не убраны, а надо уже озимую сеять. Выбирают свободные участки и сеют где попало. Так же и под зябь пахали. Где чистая стерня, свезли солому — там пашут, где не свезли — там бросают. А потом весною, которые культуры поценнее, те размещают по зяби, что второстепенное — по весновспашке. Я в ужас пришел, когда наша агрономша еще зимою составила карту полей. Восемьдесят семь участков! И квадратами, и клиньями, и кругами, и гитарами, и балалайками! Укрупняли колхозы, чтоб увеличить и земельные массивы, чтоб был простор машинам, а тут размельчили участки и совершенно уничтожили севообороты! Что же это получается?

— Что получается? — усмехнулся Мартынов.— Об этом ты, Фомич, спроси бывшего председателя Троицкого райисполкома товарища Руденко, у которого, кстати, был и районный отдел сельского хозяйства с огромным аппаратом специалистов.

— А этих специалистов,— взвился Руденко,— не спрашиваясь товарища Руденко, товарищ Борзов посылал уполномоченными в колхозы! Что мог сделать районный землеустроитель, если он все лето сидел уполномоченным в одном колхозе? Да и вообще тогда не очень-то считались с райисполкомом и с его специалистами, нет, давай уж о прошлом не вспоминать, а то много насчитаем виноватых!..

Мартынов увидел в вагончике на полке книги, поднялся, поглядел на корешки. Среди брошюр по сельскому хозяйству и художественной литературы отдельной стопкой были сложены учебники для старших классов средней школы.

— Кто это у вас в школу ходит? — спросил он у Савченко.— У вас же в Надеждинке нет вечерней средней школы. Да и занятия уже всюду закончились.

Савченко замялся.

— Да это так... Для повторения. Когда свободное время есть...

Руденко стал рассказывать Мартынову о делах в колхозе:

— Все оказалось гораздо труднее, чем представлялось мне, когда я шел в колхоз. Помнишь наши речи на том партактиве? «Сделаем своими руками!» Одних благих намерений мало, чтобы поднять хозяйство, когда приходишь на пустые амбары и пустую кассу. Ведь я же, кроме долгов, ничего не принял от Гусельникова. Колхозники-то мне верили, что я пришел сюда работать, не мух ловить, но все же присматривались: а как он сумеет в таком положении обернуться?.. Обернулся. Теперь уже легче. Скоро урожай начнем убирать, уже видим его. Свинины продали на восемьдесят тысяч и еще пятьдесят голов на откорме. За свеклу получаем уже по контрактации. Начиная с марта авансы даем по два рубля. Но чего мне это стоило! — Руденко снял кепку, потеребил свои рыжие волосы, покрывшиеся каким-то странным пепельным налетом, будто ему припудрили голову — потускнело золото.— Видишь? Седеть начал. Это все за прошлую зиму...

Страшно было, Илларионыч,— говорил Руденко.— Боялся позора. Вдруг сорвусь? Здоровый мужик, сорока пяти лет, с большим опытом руководящей работы — и не справлюсь с колхозом?.. А пуще всего жены боялся, Варвары Федоровны. От колхозников, в случае чего, можно удрать, скрыться с глаз, и из района можно, на худой конец, уехать. На Камчатку можно завербоваться, где тебя еще не знают. Но от жены-то никуда не скроешься! А она у меня такая — уважает меня, пока есть за что. А случись, выгонят из колхоза, она же меня и за мужа не признает! Скажет: «Никчемный ты человек! Речи только произносил, других учил, а сам работать не умеешь. Болтун! Коробкин ты!»... Стал я осматривать хозяйство после того, как выбрали меня председателем. Пошел на птичник. Штук пятьсот кур было там. Прихожу, смотрю: стоит возле птичника что-то похожее на лошадь, скелет в коже. Стоит, расставив ноги, от ветру качается, но не падает. Должно быть, ноги закостенели на морозе так, что и упасть уже не может. Спрашиваю девчат-птичниц: «Что это у вас такое?» Они замялись. «Да вот дали нам еще при старом председателе на птичню лошадь».— «Для чего дали?» — «Воду возить, корма». Обошел я этот экспонат со всех сторон, посмотрел — почти уже и не дышит, по глазам только можно заметить, что живая лошадь, чуть мигает веками. «Ой, врете, говорю, девчата!

Что на ней можно возить? А где же ваша сбруя, повозка?» Признались они. Дали им эту выбракованную лошадь, чтоб они ее убили — у них и ружье было на птичнике — и сварили мясо для кур, а им страшно ее убивать, ждут, пока сама издохнет. Две недели уже не кормят и не поят ее, а она все стоит. Пристрелил я ее. Спрашиваю: «А еще какие корма есть?» — «Да вот там привезли с мельницы два мешка отходов — одна пыль». Вот, думаю, так мы, районные организации, и планировали развитие подсобных отраслей в колхозах! Обязательно имей птицеферму на столько-то кур! А чем кормить? Потом посмотрел поголовье свиней. Страшные были свиньи! Зайдешь в свинарник — мечутся, голодные, как тигры в клетках. Станут на задние ноги, положат рыла на дверцы и орут. Того и гляди какая-нибудь за ухо тебя хватит! Сделали мы расчет, каких маток оставить на племя, сколько молодняка сберечь для роста поголовья, а сколько можно сейчас откормить и продать, чтоб и госпоставки покрыть, и на базаре, может, поторговать. Отобрали группу. А кормов у нас уже немножко завелось. Вот Христофор Данилыч помог, навозил нам эмтээсовскими машинами жома с сахзавода, выпросили у Опёнкина заимообразно сто центнеров ячменя. Золотухин пообещал нам картошки до нового урожая. Стали кормить свиней. И тут вдруг среди зимы ураганом сорвало крышу с свинарника. Там и крыша была вся в дырьях, гнилые стропила того и гляди рухнут, а тут совсем снесло, начисто. Вот в ту ночь-то мне и посыпало голову пеплом. Снег валит, морозы тридцать градусов, а свиньи под открытым небом. Законно ли, незаконно сделали мы, не знаю, но другого выхода не было: роздали свиней для откорма колхозникам по дворам. Вот тебе три головы, вот корма по нашей норме, чего не хватает — добавь, откормишь до такого-то веса — получай себе одну свинью, а две в колхоз. Больше, конечно, мы так делать не будем, но что можно было другого придумать? За трудодни никто не соглашался кормить, потеряли люди веру в трудодень. Пришлось заплатить свининой. Все же сорок голов откормили до хорошей кондиции, отвезли на поставки и на рынок. Потом продали «Победу» — те деньги пошли на детясли. На молочной ферме стали наводить порядок, послали туда заведующим хорошего парня, комсомольца. От молока появились деньжата. Прошлогоднюю коноплю довели до ума, продали хоть не первым сортом, но все

же — деньги. Покопался в бухгалтерии — обнаружил дебиторов: тот должен колхозу за работу наших людей на элеваторе, тот сено для своей организации косил на наших лугах. Ну-ка, друзья, платите, не доводите дело до суда. Так и пошло и пошло. И крупные суммы, и по мелочам. Теперь уж редкий день обходится, чтоб не было поступлений в кассу. Можно уже как-то дышать. Иной раз даже и не поймешь, откуда берутся деньги. Капают и капают!..

Руденко в этом месте своего рассказа помог словам выразительным жестом.

— Раньше было здесь в хозяйстве вот так,— он развел руками в стороны,— а сейчас у нас пошло вот так,— сделал руками широкое обратное собирательное движение.

— Ясно,— кивнул головой Мартынов.— Бухгалтерия простая и понятная.

— Но знаешь, Илларионыч,— продолжал Руденко,— вот только теперь, когда сам снизу все просмотрел, вижу я, как много трудностей у председателя колхоза! И не только в безденежном колхозе. Мы же никогда не спрашивали у председателя, как он сумеет построить или приобрести что-либо. Сделай, и все! Ну, теперь я узнал, как это — «сделай»!.. Мы совсем забыли простое, благородное слово: «купил». Только и слышно «достал», «добыл», «вырвал», «отхватил». Такой-то колхоз достал, говорят, запчасти для жнеек. Что это значит — «достал»? Неужели мы в нашей богатой стране не можем как следует организовать торговлю хозяйственными товарами для колхозов? За каждой чепухой гони машину в облсельхозснаб! Да и там никогда ничего не захватишь. Надо, чтобы в каждом районном центре был хороший магазин, где бы продавали колхозам всё — от конных жнеек, сепараторов, телег, хомутов до камер и покрышек на машины и кровельных гвоздей. Свободная торговля, без разнарядок и без блата! Никак не могу я согласиться с тем, что у нас нельзя организовать широкую продажу колхозам хозяйственных товаров! Привыкли валить все на «нехватку» и валим вот уже сколько лет! Взять хотя бы автотранспорт. Ведь как-никак все же не стоят в колхозах машины без колес, ездят. Но в «снабах» наших никогда не купишь по-честному резины. Откуда же она «добывается»? Есть, стало быть, в натуре эта резина? Есть. И подшипники есть, и горючее, и мешковина, и кабель для электропроводки. И все это в конце концов дохо-

дит до потребителя. Но только по каким каналам!..

— Ты знаешь, Иван Фомич, я уже устал писать письма по таким вопросам,— сказал Мартынов.— Ты сам человек грамотный. Пиши, брат! Пиши в «Сельское хозяйство», в «Правду». Не носи эти мысли за пазухой.

Когда собрались уже ехать дальше и вышли из вагончика, Мартынов взял Руденко под руку и отвел его немного в сторону.

— Ну, а все же, как настроение, Фомич?..

— Настроение?..— Руденко посмотрел по сторонам на поля, на село за Сеймом, на тракторный вагон, поскреб небритый подбородок.— Да вот уж я теперь убедился, что за год можно только фундамент заложить. Если получим нынче хороший урожай и выдадим прилично на трудодни, это не все. Все самые знаменитые колхозы, что гремят по Советскому Союзу, это те, где председатели по пятнадцать-двадцать лет работают. И Демьян во «Власти Советов» двенадцатый год уже трудится... Строиться буду, Илларионыч! — решительно сказал Руденко.— Беру кредит и этим летом начну строить себе дом в колхозе. Вот мое настроение и мои планы. Брехуном перед партией никогда не был. Не для того я шел в колхоз, чтоб только сдвигов добиться. Неужели моя голова не сработает за другие председательские головы? И у меня она ведь не соломой набита... Сейчас вызывать «Власть Советов» еще рановато, это было бы нахальством с нашей стороны, посмеются только люди. Но с будущего года начну соревноваться с Опёнкиным.

Беседуя с Руденко, Мартынов краем уха слышал обрывки разговора Долгушина с бригадиром Савченко:

— ...Заело на прогрессиях, Христофор Данилыч! Решаю задачки — не выходят.

— Я и сам-то их уже нетвердо помню, эти прогрессии. Прочитай еще раз учебник.

— ...Трудно, Христофор Данилыч! Редкий день выберется час-два свободного времени.

— Отпуск дадим, я уже тебе говорил!..

По пути в следующий колхоз Мартынов спросил Долгушина:

— О каких это прогрессиях вы толковали с Савченко?

— А вот это и есть, Петр Илларионыч, наш будущий главный инженер! — сказал Долгушин.— Никому пока не говорю и ему не говорю ничего, но готовлю его на эту должность. Вы хорошо знаете Савченко?

— Знаю, как одного из бригадиров. В прошлые годы он ничем особенным в Надеждинке не выделялся.

— Да, человек он незаметный, в глаза не бросается... Знаете, чем он меня заинтересовал еще зимою, на ремонте? Сумел так наладить уход за машинами и профилактику в своей бригаде, что когда пригнали в мастерскую его тракторы и осмотрели, оказалось — ни одна машина не нуждается в капитальном ремонте. Рекордами он не гремел, да и в колхозе было такое положение, что трактористы сами и свеклу убирали, и семена чистили. Но по экономии запасных частей, по расходу горючего, по сменной выработке — это лучшая бригада в МТС. У Савченко себестоимость гектара пахоты в два раза ниже нашей средней себестоимости. Вот вам и незаметный! Прекрасно знает машины всех марок, любит технику. Капитан запаса. В последние месяцы войны командовал батальоном. И образование у него, если посчитать все: и семилетку, и школу лейтенантов, и военно-технические курсы,— почти среднее. Вот я насел на него, чтобы он сдал экстерном за десятилетку. Изыщу возможности предоставить ему для подготовки отпуск месяца на два. И потом определим его на заочное отделение института механизации сельского хозяйства. Время сейчас такое, что без диплома его не утвердят в должности главного инженера. Но если он будет студентом-заочником, то уже есть шансы. Да если еще вы поддержите нас перед областью...

— Я пока еще не знаю, за что нужно снимать вашего нынешнего главного инженера,— сухо заметил Мартынов.— Со мною никто об этом не советовался.

— Зачем снимать? Он ведь временно исполняет обязанности главного инженера. Заведовал ремонтной мастерской, туда и вернется. Уверяю вас, Петр Илларионыч, с Савченко мы не ошибемся. У него необычайные способности в механике. Послушает пять минут чужую, незнакомую ему машину — и можете смело по его заключению составлять дефектную ведомость. Кроме всего, он просто хороший человек. А мы на эту сторону дела как-то мало обращаем внимания, когда выдвигаем кого-либо на руководящую работу. Я знаю его семью, жену, детей, старика отца, которого мы помогли ему перевезти из Челябинска. Хороший, добрый сын и любящий, строгий отец. Главный инженер в МТС — большая фигура. Не только с моторами имеет он дело — с людьми. Если он сам порядочный человек — и на производстве, и в домашней жиз-

ни,— ему и других легче воспитывать... Может быть, это старое мое заблуждение, но я никак не могу согласиться, что мы, хозяйственники, должны заниматься только центнерами, кубометрами, запчастями, неодушевленными, в общем, предметами, а в воспитании наших подчиненных можем целиком положиться на партийные органы: это, мол, за нас сделают другие товарищи. А если в этом партийном органе люди занимаются тоже только центнерами и кубометрами?..

В «Борьбе» секретарь парторганизации Рыжков, после разговора о хозяйственных делах, шутливо приложил руку к козырьку кепки: «Товарищ секретарь райкома, разрешите обратиться к директору МТС?» — и начал спрашивать у Долгушина совета, как лучше им организовать в колхозе работу учеников старших классов в летнее время — создать особые бригады школьников или влить их в колхозные производственные бригады? И как быть, если некоторые ученики, с расчетом выбора будущей профессии, захотят работать не в полеводческих бригадах, а на фермах? Ведь там штаты постоянные и лишних работ нет. Нельзя ли учеников брать на фермы подсменными? В полеводческих бригадах как дождь, так люди отдыхают, общий выходной, и зимою у всех достаточно свободного времени, а на животноводстве работа круглогодовая, ни в дождь, ни в снег перебоя нет, пора подумать о регулярных выходных для всех работников животноводства. Вот в летнее время можно подменять школьниками то ту, то другую доярку или свинарку. И для штатных животноводов облегчение, и для молодежи это будет как бы стажировка.

Председателю колхоза Нечипуренко, присутствовавшему при этом разговоре, стало неловко за Мартынова, и он сделал замечание Рыжкову:

— Что ж ты, Василий, при живом секретаре райкома обращаешься с таким делом к товарищу Долгушину?

Но Мартынов сделал вид, что бестактность Рыжкова его нисколько не обидела.

— Вот еще, субординацию какую-то выдумали. Мы не в армии.

А в «Рассвете» сам Мартынов с большим интересом слушал, как Долгушин рассказывал председателю колхоза Филиппу Касьянычу Артюхину о постановке экономического учета в промышленности, подводя речь к тому, что и в колхозах невредно было бы заняться наконец подсче-

том прибылей и убытков и себестоимости продукции.

— Вот Золотухин в «Спартаке»,— говорил Долгушин,— как будто способный хозяйственник. Даже слишком способный — до сих пор не может согласиться, что ему правильно объявили на партийном собрании строгий выговор за барышничество. Но вот и он, при всей его изворотливости, ведет хозяйство вслепую, а в цифры вникать не любит. Наш инструктор-бухгалтер поработал у них в колхозе две недели, и там выяснилось много интереснейших вещей. Племенная конеферма, например, которой так гордился Золотухин, в течение ряда лет, кроме похвальных грамот с выставок да убытков, ничего им не дает. Видимо, коневодство выгодно лишь в больших размерах, а держать маленькую ферму, вроде любительской, нет никакого смысла. Овцы тоже не дают им дохода. Кончать надо с этой старой крестьянской привычкой — не считать, во что обходится вырастить овцу или получить ведро молока! Что, мол, считать эту солому, сено — не купленное, свое! Да, свое, и труд колхозников свой, но это же «свое», если его повернуть на другое дело, может быть, даст колхозу куда больше дохода?.. Вы, Филипп Касьяныч, всего лишь два месяца как выбраны председателем, только начинаете хозяйствовать. Так давайте сразу отказываться от кустарщины и ставить дело на научную ногу. Я пришлю и к вам нашего бухгалтера. Пусть вместе с вашими счетоводами выявит себестоимость каждого вида колхозной продукции. Это для начала, чтоб у вас была полная картина состояния хозяйства. А потом вместе подумаем, на что приналечь, какие стороны хозяйства двинуть вперед. И как те отрасли, которые нужно сохранить, из убыточных сделать доходными. Я, занимаясь колхозными балансами, выяснил для себя еще одну примечательную вещь. Чем крупнее животноводство в колхозе, тем дешевле себестоимость продукции. Это лишний раз доказывает, что нам нужны в колхозах большие фермы. Совсем необязательно иметь в каждом колхозе фермы всех видов животных, от кроликов до орловских рысаков. Не надо распылять силы. Если разводить в колхозе птицу, то это должна быть действительно птицефабрика, а не каких-то жалких три сотни кур — только для отчета, что есть птицеферма. Пятьдесят коров в крупном колхозе — это декоративное стадо, а не промышленное. Очень дорого обойдется колхозу молоко, пусть даже по три тысячи литров даст каждая корова. А пятьсот коров — это деньги!

— Ну конечно,— согласился Артюхин,— пятьсот коров дадут больше дохода, чем пятьдесят.

— Нет, Филипп Касьяныч, вы поймите меня правильно,— доказывал Долгушин.— Здесь доход возрастает не в простой пропорции. Пятьсот коров дадут дохода больше, чем пятьдесят, не в десять раз, а раз в двадцать! В крупном животноводстве больше условий для механизации — значит, меньше людей будет занято на уходе за скотом. Гораздо дешевле обойдется строительство водокачек, силосных траншей да и самих коровников — в расчете на одну голову. Если бы речь шла только о том, что две коровы дадут молока больше, чем одна, то нечего и доказывать, это всем ясно. Две коровы дадут больше молока, чем одна — и себестоимость молока будет ниже! Вот в чем дело! Тут-то и начинается прибыльное ведение хозяйства!

— Дошло, Христофор Данилыч,— кивнул головой Артюхин.— Я читал в книжке, что в Америке если уж мясное животноводство — так мясное, если молочное — так молочное. Имеет фермер, скажем, триста голов мясного скота — и ни одной молочной коровы. Ему выгоднее для своего питания купить пять литров молока в магазине, чем тратить время на дойку коровы.

— Да. И учтите, что это молоко привезено в магазин не его соседями. Все фермеры в округе ведут так хозяйство. Ни у кого не найдешь ни стакана собственного молока. Оно попало в магазин откуда-то издалека. Вот это и называется специализацией сельского хозяйства. Мы не можем в такой степени специализировать свое хозяйство, нам не так легко перебрасывать скоропортящиеся продукты из одного конца страны в другой, как это делают американцы при их дорогах и транспорте. Но все же надо бы и нам придерживаться правила: лучше меньше всяких ферм в колхозе, да покрупнее. Это как поточное производство в промышленности. Только поток дает самую низкую себестоимость!

Старик Артюхин и Мартынов были еще мало знакомы. А у Долгушина с Артюхиным, как заметил Мартынов, установились уже близкие отношения. Рассказывая о своих хозяйственных начинаниях, о трудностях, с которыми он встретился, о людях колхоза, Артюхин обращался больше к Долгушину, как к человеку, который хорошо знал, что было здесь в колхозе раньше, и сам, собственно, был виновником происшедших перемен. Минутами, увлекшись разговором, оба забывали о третьем собеседнике.

Подошел Зеленский, новый секретарь колхозной парторганизации, стал рассказывать о последнем партийном собрании, на котором приняли в партию еще двух рядовых колхозников, и тоже больше рассказывал Долгушину, главному как бы для него авторитету в решении вопросов колхозной жизни, работы с людьми.

Мартынову вдруг стало не по себе. Под предлогом, что у него сильно разболелась голова и ему надо минут десять подремать в тишине, он пошел, ковыляя костылем, к машине, сел на заднее сиденье в угол, привалившись плечом к борту, и так и сидел целый час, молча, закрыв глаза, не перекинувшись ни словом с шофером, пока Долгушин вышел из конторы.

Поехали на поле к свекловичницам. И там Долгушина встречали в каждом звене как старого знакомого. К нему обращались и за советами по агротехнике — правильно ли агроном предложил им такую-то смесь удобрений вместо такой-то для подкормки,— и за разъяснениями по поводу нового закона о поставках, и со всякими бытовыми нуждами. Одна колхозница, отведя его в сторону, долго рассказывала о своих домашних неурядицах и просила его, чтобы он как-нибудь заехал к ним, поговорил с дочкой, образумил ее: влюбилась в пьяницу и развратника, который на пятнадцать лет старше ее, двух жен уже бросил, за трех детей алименты платит! Хочет выходить за него замуж. Что это за жизнь будет у нее? Сама, дура девка, лезет в петлю.

Долгушин по крайней мере половину встречавшихся в поле женщин называл без особого напряжения памяти по имени, а то и по имени-отчеству.

— Завидую вам, Христофор Данилыч! — сказал Мартынов, когда они поехали дальше, уже к повороту на надеждинский грейдер.— Как вы натренировали память! Вероятно, знакомы с какой-то особой системой мнемоники?

— Нет, никаких систем мнемоники я не знаю,— ответил Долгушин.— Просто записывал в тетрадку, кого как зовут, наших трактористов, звеньевых, доярок. Я и сейчас ее с собой вожу,— Долгушин похлопал по внутреннему карману пиджака,— но уже не так часто в нее заглядываю. Припомнишь, при каких обстоятельствах встречался с человеком, в каком колхозе, его наружность, как он работает, какое-то словечко, что он сказал тебе,— и тут само встает в памяти и его имя. Это, знаете, очень хорошо действует на колхозников, когда называешь их по име-

ни-отчеству. К ним — уважительно, и они к тебе так же.

— А почему вы, Христофор Данилыч, не перевозите семью из Москвы? — спросил вдруг Мартынов.— Вот это-то нехорошо действует на людей! Плотников и Сазонов, оказывается, тоже до сих пор не перевезли свои семьи из Троицка — по вашему примеру. На первом же бюро поставим вопрос о них! Но надо полагать, что разговор зайдет и о вас.

— Почему не перевожу семью из Москвы? — удивился Долгушин.— Видите ли, мне очень трудно собрать свою семью даже в Москву, не говоря уже о переселении всех в Надеждинку... Один сын у меня майор, служит на иранской границе, другой — дипломат, в Индии. Дочь на Дальнем Востоке, замужем за судовым механиком. Осталась только жена. Вчера получил от нее письмо — грузит вещи малой скоростью и на днях выезжает ко мне.

— Простите, я не знал, какая у вас семья,— пробормотал Мартынов.— Если дети живут самостоятельно, то конечно...

И еще, после долгой паузы, Мартынов спросил Долгушина:

— Все-таки хотите строиться в Надеждинке?

— Не только хочу, а уже сельсовет дал усадьбу, и мне туда привезли лес и кирпич. На днях начнут класть фундамент. Думаю к зиме справить новоселье,— ответил Долгушин.

— Не советую,— сказал Мартынов.

— Почему? — возразил Долгушин.— Мне ведь тоже хочется как-то уютнее обосноваться. Не жить же все время на квартире. Жена моя очень любит возиться с цветами, с огородом... Думаете, будут разговоры? Я уже это предвидел и во избежание всяких кляуз даже машины для перевозки стройматериалов брал не в МТС, а в автоколонне. И рабочих беру на стороне.

— Дело не в кляузах...

— А в чем же?

Мартынов так долго молчал после каждой фразы, как будто ему очень трудно было продолжать начатый разговор.

— Руденко я посоветовал строить себе дом в «Вехах коммунизма». Это его место. Ему, может быть, действительно придется там поработать лет десять... А вам не рекомендую затевать стройку в Надеждинке. Ваше положение там не прочно.

— Выгонят-таки?..

— Не выгонят, а выдвинут. Наши коммунисты выдвинут... Вот будет у нас через месяц районная партийная конференция, меня, как слабого работника, освободят, а вас изберут секретарем райкома.

— Шутите, Петр Илларионыч? — Долгушин с любопытством поглядел на Мартынова.

— Какие шутки!..

Долгушин спокойным, ровным голосом стал говорить, положив руку на спинку переднего сиденья и загибая пальцы:

— Во-первых, это чепуха. Какой вы — слабый работник? Дай бог, чтобы все секретари райкомов у нас были такими слабыми! Кого прокатят на конференции на вороных, так это, возможно, Медведева. Во-вторых, я достаточно знаю порядок выборов наших партийных органов, чтобы не бояться никаких случайностей по отношению к своей персоне. Прокатить кого-либо «случайно» на конференции еще могут, но выбрать секретаря без рекомендации сверху — вряд ли. А мнение обо мне сложилось в области такое, что можно не ждать подобных рекомендаций. В-третьих, я приехал сюда не для того, чтобы меня перебрасывали, как мячик, с места на место. Я и года еще не поработал в МТС. В-четвертых, я хозяйственник и никогда не был...

— А в-пятых, поживем — увидим! — оборвал его почти грубо Мартынов.

Долгушин, поняв, что Мартынов чего-то нервничает, пожал плечами и замолчал.

Совместная поездка в колхозы и этот разговор не сблизили Мартынова с Долгушиным. Встречаясь, они всякий раз чувствовали какую-то неловкость, будто были в чем-то виноваты друг перед другом. Долгушину казалось, что Мартынов действительно боится критики на предстоящей партийной конференции и какой-либо неожиданности при выборах. А Мартынов очень жалел, что дал повод Долгушину для таких подозрений. Чтобы поправить дело, он сказал однажды Долгушину:

— Сам буду агитировать, Христофор Данилыч, за вашу кандидатуру.

— Ей-богу, не пойму вас, Петр Илларионыч, шутите вы или всерьез говорите? — Долгушин в недоумении развел руками.— Если не шутите, то еще хуже! Тогда это просто никчемный и пустой разговор. Взбрело ему в голову,

что он плохой секретарь райкома! Ребячество какое-то!

— Отнюдь — плод размышлений зрелого мужа, не ребенка.— Мартынов выжал на своем похудевшем лице улыбку.— Весьма долгих размышлений.

— Вы плохо выглядите, Петр Илларионыч, у вас нездоровый вид. Вам надо было после больницы поехать на курорт, еще подлечиться, а не приступать сразу к работе.

— Наоборот, я чувствую себя сейчас, как никогда, способным горы свернуть!

— Так в чем же дело?..

— Вы знаете, что такое гамбургский счет?

— Что-то смутно помню. Где-то читал.

— В старое время у борцов был обычай — раз в несколько лет съезжаться в Гамбург и бороться без публики, при закрытых дверях, просто так, для себя, для души, чтобы узнать, кто же из них действительно сильнее.

— Еще что скажете?.. Ну, я старше вас по партийному стажу, по житейскому опыту, но что из этого? Какой я секретарь райкома? Загляните в мою анкету. Я нигде никогда не был на партийной работе. Даже секретарем первичной парторганизации не был.

— А разве нам в наших *выборных* партийных органах нужны какие-то особые запатентованные специалисты по партийной работе? И должна ли быть вообще такая специализация? Ведь сами коммунисты выбирают свое партийное руководство. А вдруг на сей раз не выберут этакого «специалиста»? А он ничего больше другого делать не умеет? Вы думали когда-нибудь об этом, Христофор Данилыч? Или вы не имели за последнее время свободных дней и ночей для раздумья, как я в больнице?..

Мартынов послал в обком первому секретарю письмо с просьбой назначить ему день для приезда и разговора по неотложным делам. Через несколько дней Крылов вызвал его телеграммой.

12

В этот приезд секретарь обкома Алексей Петрович Крылов показался Мартынову не то несколько отяжелевшим, не то каким-то более суровым и официальным, чем был он раньше. И вообще за те месяцев пять, что Мартынов не видел его, Крылов заметно постарел, как-то поблек, обрюзг. Он болел зимою, плохо было с сердцем, и врачи

запретили ему временно любимый его вид отдыха — охоту и рыбную ловлю. В каком-то месте разговора Крылов поднялся из-за стола, прошел по кабинету, остановился возле календаря, посмотрел на него, пробормотал: «Суббота сегодня»,— и тяжело вздохнул. В глазах его на минуту появилось выражение скуки и усталости. «Тоскует по своим озерам и лесным трущобам»,— подумал Мартынов.

Но, кроме всего, Мартынов заметил, что Крылов стал каким-то успокоившимся или ищущим спокойствия.

— Мы дождались прекрасных решений по сельскому хозяйству — того, о чем мы с тобой, товарищ Мартынов, могли лишь мечтать несколько лет назад,— говорил Крылов.— Одно снижение налогов и поставок с колхозников чего стоит! Мы боялись об этом и заикнуться, а правительство и без наших ходатайств пошло на этот шаг. А какие решения о кадрах, о материальном и техническом снабжении! Ты можешь думать обо мне, что я заболел казенным оптимизмом, но, право же, у нас сейчас есть все основания смотреть на жизнь куда веселее!

— А я никогда не смотрел на жизнь мрачно,— вставил Мартынов.

— Я недоволен нашей печатью,— продолжал Крылов.— Разворачиваешь номер областной газеты — материал на три четверти критический. Там недостатки, там непорядки, там преступления. Нельзя же так односторонне освещать жизнь. Да, скажем прямо, до сентябрьского Пленума трудно было найти в деревне хорошие образцы и партийной работы, и хозяйственного руководства. Но с тех пор прошло уже немало времени. Уже есть большие сдвиги. Сейчас нам надо уже не столько бичевать недостатки, сколько утверждать то новое, хорошее, что появилось у нас!

— Я знаю по своей газетной практике, Алексей Петрович,— сказал Мартынов,— что очень трудно отделить одно от другого — бичевание недостатков от утверждения хорошего. Это взаимосвязано. Мне, например, никогда не удавалось написать статью о чем-нибудь хорошем, чтобы тут же не разозлиться на плохое.

Мартынов повел глазами по сторонам, осматривая кабинет первого секретаря обкома, в котором ему не так уж часто приходилось бывать — за время работы в Троицке всего лишь третий раз сидел он здесь. Полуспущенные голубые шелковые шторы задерживали бьющие прямо в окна солнечные лучи, мягко рассеивали свет. Огромный,

чуть не на весь кабинет, толстый ковер приятно пружинил под ногами — будто почва на старом высохшем торфянике. В углу медленно, с чуть слышным тиканьем ворочался под стеклом футляра-шкафа бронзовый маятник больших часов. Тихо журчали два вентилятора: один на сейфе, другой на столе. Но кроме них, видимо, еще какие-то электрические приборы охлаждали воздух — в кабинете было прохладно, как в мраморных подземных залах московского метро... И Мартынову вдруг вспомнилось, как однажды на фронте его, командира стрелковой роты, вызвали с передовой, чуть ли не прямо из боя, в штаб дивизии для нового назначения. Он побрился, почистил сапоги, подшил свежий подворотничок, но стираной гимнастерки в запасе не оказалось, и он пришел в штаб с белой от соленого пота спиной, с бурыми пятнами на рукавах от крови похороненного вчера, скончавшегося на его руках замполита. Штаб дивизии расположился в поросшей молодым дубняком балке в блиндажах, вырытых на косогоре. И тут была война, жужжали зуммеры телефонных аппаратов, офицеры с озабоченными лицами перебегали из блиндажа в блиндаж с какими-то пакетами и картами, и сюда изредка долетали снаряды тяжелой немецкой артиллерии, и несколько раз за день слышалась предупреждающая команда наблюдателей: «Во-озду-ух!» — но все же здесь было куда тише и не пахло так солдатским потом, гарью стреляных гильз, испражнениями и еще чем-то гниющим там впереди, за проволочными заграждениями, откуда подувал ветер, как пахло всем этим в окопах передовой стрелковой линии. Начальник штаба пил чай не из алюминиевой кружки или консервной банки, а из настоящего стакана с серебряным подстаканником. В блиндаже начальника связи Мартынов даже заметил под койкой прикрытую газетой эмалированную посудину специального назначения. И из наивных расспросов некоторых молодых офицеров, о том, что делается там, понял он, что кое-кто из этих щеголеватых, с безукоризненной выправкой военных имеет смутное представление о настоящем бое, настоящей войне... Этого нельзя было сказать о командире дивизии. Когда Мартынов предстал перед генералом, с первых же его слов он почувствовал, что разговаривает с человеком, который съел с солдатами не один пуд соли и видел смерть в глаза, вероятно, тысячу раз. И не мудрено. Этот генерал начинал свою армейскую службу с должности рядового стрелка на турецком фронте в пер-

вую мировую войну, был ефрейтором, унтер-офицером, командиром эскадрона в гражданскую войну, командиром полка в финскую и, наконец, на тридцатом году службы дотянул до генерала. Но и в этом чине он ежедневно не меньше трех-четырех часов проводил в частях, в окопах на передовой, чтобы не забывать солдатскую жизнь и не отрываться от нее; слышал перед собою близкие пулеметные очереди и обонял весь букет запахов обжитого в долговременной обороне бойцами переднего края — все то же, что слышал и обонял он, будучи еще ефрейтором. Видимо, генерал был не только храбрым солдатом, но и мудрым человеком и знал, что отрыв на длительное время от трудностей, которые несет на переднем крае народ, иной раз притупляет у начальника способности чутко улавливать настроение людей, обрывает те душевные нити, что незримо связывают его волю, чувства, устремления с чувствами и волей подчиненных ему рядовых бойцов.

Крылов говорил:

— Все дано нам, что мы просили и чего не просили. Теперь надо работать! Меньше разговоров, больше дела! Ваш район как-то странно лихорадит. То вы в первой пятерке по полевым работам и молоку, то вдруг окажетесь где-то на десятом или двенадцатом месте. А у вас есть все данные к тому, чтобы прочно занять первое или одно из первых мест в области. Секретарь райкома молодой, энергичный, хорошие кадры председателей колхозов — что вам, не под силу такая задача? Прости, я забываю, что ты последние месяцы не работал... Ну, как сейчас твое здоровье? С костылем все же не расстаешься?

— Здоровье ничего. Скоро и костыль брошу... А не кажется вам, Алексей Петрович, что у нас осталось еще много нерешенных вопросов по сельскому хозяйству? Я написал вот что-то вроде «Писем из деревни». Начал писать еще в больнице, а кончил вчера дома. Посмотрите.— Мартынов положил на стол перед Крыловым довольно толстую папку.

— Хорошо, почитаю на свободе.— Крылов открыл папку, полистал странички.— Много стали нам писать в последнее время. Пишут и доярки, и свинарки, и учителя, и железнодорожники, и водопроводчики. У каждого какие-то государственные предложения, советы.

— Я думаю, это хорошо, что много пишут. Одна дельная мысль в письме — и то уже ценность.

— Конечно, неплохо, что пишут. Но надо же и прак-

тическим делом заниматься... Вот у тебя — сколько это отняло рабочего времени?

— Я в больнице лежал...— напомнил Мартынов.

— Прости, забываю... Сорок восемь страниц. Это все, по-твоему, нерешенные вопросы?

Крылов захлопнул папку, отложил ее на край стола.

— Егозишь ты что-то, товарищ Мартынов. Ну чем ты недоволен? Чего тебе еще надо?.. Меньше уже надо заниматься всякими прожектами, а на той реальной основе, что создалась у нас, бороться за крутой подъем сельского хозяйства. Тот будет из нас лучшим мыслителем-философом и радетелем государства, кто сумеет получить больше молока, больше мяса, больше зерна! Вот что нам нужно сейчас для благосостояния народа! Конкретное практическое дело, а не маниловские мечты вслух о красивой жизни!

Мартынов слушал Крылова, угрюмо нагнув голову, и чувствовал, как кровь приливает к его щекам и он краснеет, но не от стыда.

— Я не отрываю человеческие вопросы от производства зерна и молока. Это все для подъема колхозов! Не сам райком ведь пашет землю и доит коров...

— С чем приехал, кроме этой папки? — резко спросил Крылов, так что Мартынов невольно вздернул голову.— Ты писал, что хочешь поговорить о положении в районе. Что за положение там у вас?

«И вот с этим самым Алексеем Петровичем, в этом же кабинете у нас однажды был совсем другой разговор! — подумалось Мартынову.— Как он меня тогда поддержал, когда Голубков донес на меня, будто я сорвал собрание партактива! Как он меня понял с полуслова, с каким гневом говорил о своих областных «гроссмейстерах» пустозвонства! Помог мне додумать до конца то, о чем я лишь догадывался... Что сделалось с ним? Хотя его, конечно, можно по-человечески понять. Больше десятка лет работает уже секретарем обкома, в других областях и у нас, и все в трудных условиях. Ему уже хочется поскорее бы увидеть полный порядок всюду и сплошное довольство. Хочется нового «Кавалера Золотой Звезды» почитать, только получше написанного и уже про наши дни. А тут опять о недоработках, неполадках, неурядицах. Надоело ему уже это все хуже горькой редьки!.. Устал? Укатали сивку крутые горки?..»

— Я приехал, Алексей Петрович,— начал Марты-

нов,— во-первых, просить вас поскорее решить вопрос о нашем втором секретаре. Вы слышали, какой у нас был пленум райкома?

— Слышал. Докладывали мне. Странный пленум.

— Да. То же самое и я сказал, когда узнал о решении пленума. У членов райкома не хватило духу освободить товарища Медведева от обязанностей секретаря.

— А твое мнение — надо освободить?

— Конечно. Вообще не надо было и выдвигать его на партийную работу.

— Еще один, не угодивший тебе?..

— Ну нет! — тряхнул головой Мартынов.— Теперь я этого не буду бояться. Думайте что хотите о моем характере, а мне положено все-таки заботиться о районе, поскольку я там секретарь райкома. Перетерплю личные неприятности ради интересов дела. Был раньше кисейной барышней, стеснялся говорить с вами о Медведеве, чтоб не подумали нелестно обо мне, но больше ею не буду!

Крылов пересел из-за стола на широкий кожаный диван и Мартынова пригласил сесть рядом.

— Иди сюда, садись. Неудобно разговаривать через стол. Ты тихо говоришь, я плохо тебя слышу. Я, брат, тоже тут болел. Пичкали меня врачи всякой дрянью. А сейчас постоянно шум в ушах, будто только что из самолета вышел... Так в чем же дело? Чем, собственно, Медведев там провинился? За что на него обрушился пленум? Что за человек? Как работает?

Мартынов рассказал, как работал Медведев при нем, еще в роли второго секретаря, и как работал после — по рассказам коммунистов,— какой сделал доклад на пленуме и какую дали ему отповедь председатели колхозов.

— У этого образованного учителя и лектора с того дня, как он стал секретарем райкома, вдруг все слова вылетели из памяти, кроме: «Не допущу!», «Не потерплю!», «Разгоню!» Согласитесь сами, что такого лексикона маловато для руководства районом.

— Так... Ты все же немало времени поработал с ним вместе. Почему не воспитал из него хорошего второго хотя бы секретаря?

— Вот этого я не понимаю! — возразил Мартынов.— Зачем вам нужно обязательно трудиться над воспитанием секретаря райкома из человека, у которого для этого нет, может быть, никаких данных? Мы совершаем ошибку, человек случайно попадает в номенклатуру руководящих

партийных кадров, и мы же сами потом должны ломать голову над тем, как сделать из этого предмета нашей ошибки хоть более или менее приличного секретаря? Зачем? Свет на нем клином сошелся? Людей у нас нет?.. Я не предлагаю, Алексей Петрович, каких-то жестоких мер. Я предлагаю только освободить его от руководящей партийной работы, вернее, этот пост освободить от него. И пусть он работает там, где принесет, может, какую-то пользу обществу. Да, кстати, и он сам после пленума в райкоме уже не появлялся. Заболел, сидит дома в ожидании ваших решений. И на его месте ничего лучшего и нельзя придумать.

— Значит, во-первых, освободить Медведева от обязанностей второго секретаря? Хорошо. Пятнадцатого у нас будет бюро. Приедете вдвоем с Медведевым, доложите об этом самом вашем пленуме. Обсудим. Черт возьми! У вас что ни пленум, ни партактив, то обязательно какое-нибудь чепе!.. А во-вторых?

— Во-вторых, прошу и меня освободить. От обязанностей первого секретаря.

— Что?..

— В интересах района, Алексей Петрович. Там есть сейчас человек, который лучше меня сможет руководить партийной организацией. А значит — и быстрее добьется подъема хозяйства... У нас скоро будет партийная конференция. Если бы делегатам дано было право избирать секретаря райкома прямо на конференции, и никого не рекомендовать сверху — выбирайте, мол, сами, кого вы считаете достойным стоять во главе организации,— его кандидатуру сразу бы назвали. Уверен. Его очень уважают коммунисты. Возможно, и меня бы назвали, но я сам сниму свою кандидатуру. С ним я тягаться не стану. Да, ему по праву надо быть у нас первым секретарем.

— О ком ты говоришь?

— О директоре Надеждинской МТС Долгушине.

Крылов внимательно и подозрительно посмотрел на Мартынова.

— Ты что, нашел себе другое местечко, получше? Не к журналистике ли хочешь вернуться? В Москву, в газету? Писал в Цека, что ли? И получил положительный ответ?

— Никакого другого места не искал и не ищу. Буду работать там, куда пошлете. Посылайте хоть в Грязновский район, на любую работу. Или останусь в Троицке.

Пусть Долгушин будет первым секретарем, а я вторым... Хотя, честно говоря, последнее было бы для меня наименее приятным.

— Тогда я не пойму, что за всем этим кроется...

— А ничего не кроется, Алексей Петрович.

— Но почему тебе желательно уступить свое место Долгушину?

Мартынов пожал плечами.

— Это место не мое, не откупленное мною навеки. Оно переходящее — кого выберут коммунисты. И вот я вижу сейчас, что в районе есть более подходящий человек на это место.

— Что за романтика в партийной работе? Рыцарство какое-то! — Крылов нагнулся к Мартынову, заглянул ему в глаза.— Ты вообще, товарищ Мартынов, не из породы донкихотов?..

Открылась дверь, на пороге показалась тучная фигура Масленикова.

— Заходи, заходи, Дмитрий Николаевич! — позвал его Крылов.— Тут у нас интересный разговор. Садись. Мартынов просит перевести его в другой район.

— Да? — Маслеников взял стул от стены, поставил его против дивана, присел.— Какая же причина? Требуется переменить обстановку? Набедокурил чего-то? По женской части? Там у тебя, Петр Илларионыч, кажется, с Борзовой что-то закрутилось?..

Мартынов вспыхнул:

— Сводки и сплетни ездите собирать по районам, Дмитрий Николаевич? Славное занятие!

Крылов предостерегающе поднял руку.

— Ну-у! Зачем же так резко? Маслеников пошутил.

— Неумная шутка!

Маслеников с кислой улыбкой приложил ладонь к груди.

— Прошу извинения, товарищ Мартынов, если оскорбил! Дело естественное. Только что, на вчерашнем бюро, по аналогичной причине перевели одного работника из Малеевки в другой район.

Крылов недовольно поморщился.

— Не торопись со своими предположениями. Слушай дальше. Мартынов считает, что в районе есть человек, который лучше его может справиться с обязанностями первого секретаря райкома. У них будет скоро партийная конференция. Он заранее ставит перед нами этот вопрос.

И знаешь, кого он рекомендует там в секретари? Долгушина, директора Надеждинской МТС, твоего приятеля.

— Что? Долгушина? Секретарем?..— Масленников тупо поморгал глазами.— А он сам что? Просится на учебу?

— Никуда не просится. Согласен работать где угодно, куда пошлем. В самом отстающем районе.

— Не понимаю... Сам на свое место рекомендует другого человека?

— Да. И именно Долгушина.

— Так Долгушин работает директором МТС. Как же его — в райком?..

— Очень просто. Изберут коммунисты — станет секретарем райкома,— сказал Мартынов.

Масленников подумал и махнул рукой.

— Несерьезный разговор! Такого не бывает, чтобы человек сам просился из хорошего района в плохой. В моей практике таких случаев не было. Мудрят они там что-то, Алексей Петрович! Долгушин их там всех опутал!.. Интересный тип! Давно надо бы его проучить! Нахал, грубиян, не признает совершенно никакой власти над собой! В частных разговорах с сотрудниками МТС критикует работу обкома. Да, да! У меня есть целая папка докладных записок зонального секретаря. Я готовил материал, хотел предложить тебе, Алексей Петрович, поставить отчет Долгушина на бюро, но, понимаешь, не к чему придраться! Отличные показатели. Лучшая зона в районе. Хитро работает москвич!..

Масленников рассмеялся, покачиваясь на стуле.

— Ха-ха-ха! Долгушина — секретарем райкома партии! Нет, это ты что-то для смеху придумал, товарищ Мартынов! Да ведь он чертом смотрит на всех партийных работников! Он вообще против партийных органов!

— Он против пустозвонов и пришибеевых, затесавшихся в партийные органы, а не против самих партийных органов! — отрезал Мартынов.

И у него с Масленниковым начался такой разговор, какого, вероятно, еще никогда не слыхали стены кабинета первого секретаря обкома.

— Рыбак рыбака видит издалека! — говорил Мартынов.— Вы ненавидите Долгушина, но зато поддерживаете Медведева, потому что вы сами — Медведев! Вы тоже такой же толкач и погоняло, а не секретарь, как и Медведев! Вас вполне устраивают мыслительные способности

Медведевых. Умеют орать на людей — и ладно. А больше вы и не знаете, чего требовать от секретаря райкома, потому что это предел и ваших организаторских дарований. Холодов ведь прошел здесь тоже через вашу комиссию? Кадрами зональных секретарей вы занимались? Вы отобрали на партийную работу этого следователя по особо важным делам? Вам нужны в районах манекены, а не живые люди с умом и сердцем! Перевалочные пункты для директив, и только — вот как вы, товарищ Масленников, смотрите на райкомы. Вы любите в районах таких людей, которые ели бы вас глазами и, как попугаи, не рассуждая, повторяли за вами слово в слово все, что вы скажете. И Долгушина вы ненавидите именно за то, что он не манекен, а живой человек. Он талантливый руководитель, нам надо такие таланты искать всюду, радоваться, когда находим их, как радовался талантам Ленин, давать им простор! Но не вам, конечно, ценить чужие таланты, потому что вы сами бездарны!.. Вы злобствуете сейчас оттого, что чувствуете: время наступило для вас тяжелое! Перед руководителями стоят сложные задачи. На одних общих командах и крике далеко не уедешь. А вы не можете руководить иначе. Ничего из вас больше не выжмешь! Это и есть все, на что вы способны! Как вы сейчас будете перестраиваться на другие методы, не знаю. И вы не знаете. И не сумеете вы перестроиться — не в ваших это возможностях! Дело ваше, Дмитрий Николаевич, швах!..

Масленников, вначале совершенно обалдевший, растерянно поглядывал на Крылова в ожидании, что тот призовет Мартынова к порядку и, может быть, даже предложит ему покинуть кабинет. Но Крылов молчал.

— Что это за разговоры? — вскочил наконец Масленников.— От кого я это все слышу? Я не верю своим ушам!..

— А вы верьте. Уши вас не обманывают. Могу повторить все с самого начала.

— «Манекены»! «Райкомы — перевалочные пункты для директив»! Это злостная клевета на нашу здоровую и боеспособную областную партийную организацию!

— Я говорю: это вы так смотрите на райкомы, как на перевалочные пункты.

— «Пришибеевы»! «Ненавидите талантливых людей»! Это мы все запишем, товарищ Мартынов! Да кто вам дал право разговаривать в таком тоне с секретарями обкома партии?

— С секретарем. Это все адресовалось лично вам. Не передергивайте, товарищ Масленников!

Крылов пересел с дивана за стол в кресло и, не вмешиваясь в перепалку, слушал спокойно, положив руки на подлокотники и глядя в сторону, за окно, с выражением усталой задумчивости на лице.

Зазвонил телефон. Крылов снял трубку.

— Да раньше за такие разговоры, знаешь, что с тобой сделали бы?..

— Знаю.

— Тише! — крикнул Крылов.— Вы мне мешаете, ничего не слышу. Из Рубцева звонят. Что у них там за телефон? Пищит что-то, как цыплята в инкубаторе!..

И, пока он разговаривал по телефону, Мартынов и Масленников сидели молча, тяжело дыша, как боксеры в перерыве между раундами, исподлобья бросая друг на друга горящие взгляды, с трудом удерживаясь, чтобы не схватиться опять. Крылов, одной рукой держа трубку, другой потянулся через стол и налил им по стакану боржома.

— Вот что, Дмитрий Николаевич,— сказал Крылов, закончив разговор с Рубцевским райкомом и взглянув на часы.— Мне через три минуты дадут министра здравоохранения. Я хотел говорить с ним о мединституте. Ты был вчера на бюро, знаешь, в чем дело. Пойди переключи на себя и поговори с ним сам из своего кабинета. А этот ваш,— он покрутил пальцем, подыскивая выражение,— обмен любезностями с Мартыновым вы продолжите и закончите после.

— Хорошо,— Масленников встал.— Но этого дела я так не оставлю! Ты слышал все, Алексей Петрович, и я прошу тебя сделать выводы! Он должен ответить за эти оскорбления! Я напишу записку на бюро!

И, уходя, он так резко, рывком распахнул дверь, словно собирался хлопнуть ею, но — вовремя сдержался, вспомнив, в чьем он кабинете. Оглянувшись виновато на Крылова, прикрыл дверь за собою, как всегда, осторожно, бесшумно.

— Горячка ты, Петр Илларионыч,— сказал Крылов после ухода Масленникова.— Жалко мне все же будет тебя, если ты где-то на чем-то свернешь себе шею.

— Алексей Петрович! Партийные органы — это самое главное у нас! Отсюда идет все руководство, все направление нашей жизни. Как же можно терпеть в них таких

людей? Пошляк и дубина в партийном органе вдесятеро страшнее, чем в каком-либо другом урежденнн! Ему же даны большие права!

— Ну, ты, знаешь, все-таки осмотрительнее выбирай выражения! О Масленикове говоришь? Он еще как-никак секретарь обкома, его еще не прокатили. И один твой голос на конференции не решит его судьбы!..

Он готов был, видимо, рассердиться не на шутку, но у Мартынова хватило выдержки немного помолчать, и Крылов, тоже помолчав и побарабанив пальцами по столу, отошел, стал говорить с ним мягче.

— Вот ты назвал Масленикова толкачем и погонялой. Я сам знаю ему цену, не преувеличиваю его талантов. Но представь себе, что такие люди все же нужны в обкоме. Ты области не знаешь и думаешь, может быть, что всюду так, как у вас в районе. На свой аршин меряешь. По себе судишь о других местных работниках. Но видишь ли, дорогой товарищ Мартынов, к сожалению, у нас в области есть еще немало таких секретарей райкомов, которые действительно нуждаются в толкачах. Ты думаешь, можно уже не напоминать вашему брату о таких истинах, что свеклу нужно вовремя прорвать, иначе потеряем половину урожая, что упущенный день па уборке стоит нам многих тысяч тонн зерна, что пары надо поднимать в мае, а не в июле? Ошибаешься! Приходится напоминать и напоминать! Вот сейчас нам нужно за лето нарыть много траншей на то количество силосной массы, что мы получим. Всюду секретарями райкомов сидят люди взрослые, не новички в сельском хозяйстве, знающие, что силос квасят не в бочках, как капусту, и что если мы не заготовим к началу уборки силосной массы траншеи, то вся наша борьба за кормовую базу для животноводства пойдет насмарку. И что же ты думаешь, если пустить это дело на самотек, не нажимать, не приказывать, не угрожать наказаниями — будем мы иметь траншеи? Заверения и обещания — вот что будем иметь, а не траншеи!.. Плохо ты знаешь наши кадры! Есть такие секретари райкомов и председатели райисполкомов, что только лишь тогда и начинают чуть шевелиться, когда получат предупреждение или выговор. А какие у нас есть еще директора МТС! Позавчера я был в Зайцевской МТС, полюбовался, как ведется там хозяйство, и при всем своем неуважении к ругательствам назвал директора этой МТС Сучкова мерзавцем и вредителем. Ходит по двору, руки в карманы, бездельник, с утра пья-

ный, красная, запухшая рожа, и ничего не знает, что у него делается: почему в «Заре» тракторная бригада четвертый день не работает, сколько комбайнов вышло из ремонта, выдана ли рабочим зарплата за прошлый месяц. Меня там чуть инфаркт не хватил, когда я посмотрел инвентарь. На усадьбе все свалено в кучу: и сеялки, и картофелесажалки, и плуги — все в грязи, не очищено, не смазано. В свеклокомбайнах сгнившая прошлогодняя свекла. И никакой охраны, ребятишки откручивают с машин гайки на грузила, делают себе самокаты из каких-то колес. Где еще есть инвентарь, кроме центральной усадьбы, какой, сколько, в каком состоянии, кто отвечает за его сохранность — никто не знает: ни директор, ни главный инженер, ни главный бухгалтер. В пятнадцать миллионов по балансовой стоимости оценивается имущество МТС! И эти государственные миллионы доверены вот такому обалдую! Судить будем его показательным процессом. Прокурор выслал уже туда следователя. Подсчитаем все до копейки, на сколько миллионов загубил он машин. Но ведь этот Сучков работал там директором пять лет. И если МТС все же пахала, сеяла, убирала хлеб, выполняла хлебопоставки, то это только благодаря тому, что кто-то ходил за Сучковым по пятам с дубиной и разъяснял ему, что тракторы надо ремонтировать, что пахать нужно на такую-то глубину, что заросшие пары надо культивировать. Нет, брат, нужны нам еще и толкачи и погонялы! Не будь идеалистом!.. И вот тут-то и необходимы нам такие люди, как Масленников. Тоже своего рода талант, если уж на то пошло! Если его послать в район с каким-то конкретным заданием, он в лепешку расшибется, поднимет там все живое и мертвое, но задание выполнит! Он способен трое суток не спать, пока не проверит лично сам в каждом колхозе все сеялки или комбайны. Масленников у нас из шести рабочих дней в неделю, может быть, только два дня сидит здесь, в своем кабинете, а то все в разъездах. Мы уж подшучиваем над ним, что у него машина, как старая ученая лошадь, сама в селах заворачивает к правлению колхоза. Никто не может так, как он, расшевелить бездельников, создать в районе напряженную обстановку вокруг какой-то кампании. Это тоже надо оценить!..

Мартынов давно уже порывался возразить Крылову, но тот всякий раз, как Мартынов раскрывал было рот, останавливал его жестом.

— Я же тебе предлагал работу в обкоме. Не пошел.

Так нечего теперь и упрекать меня за Масленикова. Его к нам прислали из Н-ска. Я знал, кого мы берем, разговаривал с н-ским секретарем, он мне точно охарактеризовал Масленикова: исполнитель, больше ни на что не способен, пороху не выдумает. Если бы ты дал тогда согласие, можно было бы от него отказаться. Что ж, не пошел — мне тоже надо здесь с кем-то работать. Область большая.

— Не пошел, Алексей Петрович, откровенно говоря, потому, что именно этого и боялся — что я буду нужен вам только как чиновник для особых поручений,— ответил Мартынов.

— Глупости говоришь! Я знаю, от кого что можно потребовать. Ты бы мог здесь заниматься делами и поважнее.

Помолчали. У Мартынова не сходило с лица выражение упрямого несогласия с тем, что секретарь обкома довольно терпеливо доказывал ему целых полчаса.

— Нет,— покачал головой Мартынов,— вы меня, Алексей Петрович, не убедили. Если есть у нас еще такие секретари райкомов, на которых нельзя положиться, что они сами, без понуканий, не упустят часа на уборке и не способны собственной головой догадаться, что для силоса нужны траншеи, то надо просто освобождать таких секретарей от занимаемых постов! Странная у вас какая-то логика. Выходит, что Маслеников нужен в обкоме потому, что есть и в районах такие маслениковы — разучившиеся или никогда и не умевшие работать своими мозгами исполнители, которых нужно всякую минуту накачивать и подталкивать в спину!.. Мне кажется, простите за откровенность, что вы немного устали. Вам надоела возня с кадрами, вам хочется уже какой-то стабильности. Что? Опять пересматривать состав секретарей райкома? Еще брать кого-то из областных аппаратов? Опять — уговоры, споры, семейные трагедии, справки о болезнях? Да, ничего не поделаешь, это самое трудное — укрепить кадрами низы, но отбой давать еще рано, надо продолжать это дело. И стабильности здесь, вероятно, никогда не будет, коррективы всегда придется вносить то там, то там... Между прочим, я думаю, Алексей Петрович, что не только в областных аппаратах надо искать хороших секретарей райкомов. В каком-то районе, может быть, следует избрать секретарем райкома местного товарища — лучшего председателя колхоза или агронома МТС.

— Встречные перевозки? — усмехнулся Крылов. —

Районный актив посылали в колхозы председателями, а из председателей теперь брать кого-то на работу в район?..

— И ничего здесь противоречивого нет! Одно с другим прекрасно увязывается! — горячо доказывал Мартынов.— Председателями мы посылали из районного актива десять-пятнадцать человек, а здесь идет речь об одном лишь человеке, об одной крупной фигуре. Совсем не похоже на встречные перевозки!

Я вам должен, Алексей Петрович,— продолжал Мартынов,— объяснить все до конца. Вот я поднял вопрос о Долгушине. Это не из личных симпатий. Мне, прямо скажу, не очень приятно было, когда я убедился, что Долгушин в своей зоне гораздо лучше руководит колхозами, чем получалось это у меня. И я не из какого-то особого душевного расположения к Долгушину говорю сейчас, что ему надо быть секретарем райкома в Троицке. Я не за него стою, а за принцип! Партийные органы — выборные органы. И профессионализация здесь, пожалуй, менее всего нужна. Да, вчера я был секретарем райкома в Троицке. А сегодня коммунисты, решив, что в парторганизации есть более подходящая кандидатура, избирают секретарем райкома Долгушина. Что же из того, что он не был никогда на партийной работе? Это, может быть, даже к лучшему... Представьте себе, Алексей Петрович: в районе избирают секретарем райкома лучшего директора МТС или председателя колхоза. Конечно, не такого председателя, что с трудом выводит свою фамилию на банковском чеке. Есть такие стихийно талантливые хозяйственники, но совершенно малограмотные, не читающие даже газет. Я не о таком председателе говорю, а о человеке образованном, политически грамотном, культурном. Вот он становится секретарем райкома — опытный, авторитетный практик колхозного строительства, который много лет удивлял всех прекрасными урожаями и богатым трудоднем. Ведь ему есть что посоветовать председателю, когда он приедет в колхоз! Он сам был в его шкуре, сам когда-то начинал наживать хозяйство на голом месте, сам знает, что невозможно, а что возможно сделать в таких-то условиях. Этот новый на партийной работе человек, несомненно, внесет и что-то новое в жизнь партийного органа. Он уже не потерпит болтовни, пустозвонства, канцелярщины. Это человек дела. Он сам иной раз изнывал от тоски на наших заседаниях, сам возмущался, сколько рабочего времени отнимают у него эти вызовы в район? Он, будучи

председателем, снизу просмотрел всю работу райкома и отделов его и инструкторов, он знает, что и как нужно поправить, чтобы все эти колеса не вертелись вхолостую... Нет, Алексей Петрович, если мы хотим по-настоящему поднять работу райкомов партии, нужны такие люди в райкомах! И надо все же как-то свободнее выбирать верхушку наших партийных органов, секретарей. Конечно, и сейчас у нас есть все — и тайное голосование и право отвода. Если кого-то забаллотируют при выборах в члены райкома, то он уже и дальше не продвинется. Но разговор на первом после конференции пленуме ведется обычно только о предложенных обкомом кандидатурах. Свобода выборов, но — из определенного узкого круга уже так или иначе заноменклатуренных «специалистов» по партийной работе. А может быть, неспециалист окажется лучшим секретарем? Расширить надо этот круг! Надо больше доверять местным коммунистам. Они же сами не меньше обкома заинтересованы в том, чтобы во главе их парторганизаций стояли достойные люди. Когда хорошо с партийным руководством, тогда все в жизни налаживается правильно. И с директорами предприятий будет благополучно, и в школах будет хорошо, и в магазине не предложат покупателю хлеб с водичкой. Всюду на хозяйственной работе у нас назначение, но здесь должна быть настоящая выборность. Вот тех-то, кто ведает всякими назначениями, тех надо выбирать! И без помощи партийных масс сами вы, Алексей Петрович, никогда не найдете для всех районов хороших секретарей!..

Мартынов, выложив все, умолк, вытер простецким жестом, по-рабочему, рукавом пиджака вспотевший лоб, достал из кармана папиросы, хотел закурить, но, глянув на пластмассовую дощечку на стене с надписью: «Здесь не курят», положил папиросу обратно в коробку.

— Кури,— кивнул ему Крылов.— Ты сколько времени еще здесь пробудешь?

— Да больше у меня тут нет никаких дел.

— Не уезжай сегодня. Заночуй в гостинице. Я тебе позвоню туда. А сейчас иди.— Крылов поднялся и протянул ему через стол руку.— Ты у меня занял два часа, разговор, правда, интересный, но надо же и другие дела делать. Сейчас ко мне придут строители нашей ТЭЦ, которые обещали рапортовать об окончании строительства к Первому мая, а сейчас просят отсрочки к Октябрьской годовщине. Как прикажешь мне с ними разговаривать?

Нажимать или не нажимать? Подгонять их или не подгонять? Может быть, не надо подгонять? Угостить их чаем с бутербродами, расспросить о здоровье, о детишках и отпустить с миром? Ведь они люди взрослые, не мальчики, и совесть у них есть — сами понимают, что чем скорее они дадут электроэнергию нашей промышленности, тем лучше... Ладно, иди отдыхай, после поговорим.

Выйдя из обкома, уже на улице, у подъезда, Мартынов столкнулся лицом к лицу с Борзовым, заметно постаревшим, загорелым, в запыленных сапогах, с головой не бритой наголо, как раньше, а коротко остриженной под машинку. Поздоровались.

— Ну, брат, у тебя вид — как из бани выскочил! — заметил Борзов.— Там был? — Он указал глазами на окна третьего этажа над подъездом — кабинета первого секретаря.

— Там.

— Давали духу?.. Сколько раз и мне там,— он опять повел глазами кверху,— всыпали! За что тебе? За ремонт комбайнов?

— Не, я не с бюро. Так приезжал. По кадрам.

Отошли немного в сторону от двери, чтобы не мешать входящим и выходящим из обкома.

— Ну, слышал про меня,— усмехаясь, спросил Борзов,— какой мне дали ответственный пост? Председатель самого крупного в Борисовском районе колхоза «Страна Советов». Во! Не хвост собачий! Это тебя надо поблагодарить. Спасибо за твое начинание!

— На здоровье! — ответил Мартынов.— Неужели ты, Виктор Семеныч, думаешь, что без моего начинания дело не дошло бы до этого?

— Да нет, я шучу. Конечно, дошло бы. Надо же кому-то вытягивать колхозы из прорыва. Да, вот уже четвертый месяц в колхозе. «Страна Советов» называется. Почти как у Опёнкина — «Власть Советов». Но по хозяйству — ничего похожего! Когда посылали меня, то уговаривали: «Учти, товарищ Борзов, очень перспективный колхоз! Сколько земли, какие угодья!» Что ж, перспективы-то есть, а больше пока ничего. Одни перспективы только и принял от старого председателя. С чего начинать, за что ухватиться — не придумаю. Нету зацепки, ни одна отрасль не дает такого дохода, чтоб вот сегодня уже можно было за ее счет делать оборот в хозяйстве. Ты не рыбак? Не приходилось

тебе руками в речке налимов ловить? Нащупаешь его, он голый, без чешуи, слизь на нем, схватишь рукой — выскальзывает. За что его тащить?

— За жабры, я думаю,— сказал Мартынов.

— Да, за жабры! А голова под корягой! Нет, и ты не сможешь мне ничего дельного посоветовать. Я хочу к Демьяну Богатому съездить, вот тот чему-нибудь научит... Я думал, Петр Илларионыч, как принял колхоз, сразу сделать целый переворот в хозяйстве. Колхоз наш под самой Борисовкой, в двух километрах железная дорога, большой узел. И автотрасса через Борисовку проходит. Богатейшие условия для сбыта продукции, надо, стало быть, и хозяйство перестраивать под эти условия. Я говорил у нас в райкоме и сюда приезжал, в сельхозотдел, еще в феврале: «Помогите нам оборудовать теплицы, дайте кредита и материалов, подкиньте нам две автомашины и снимите часть зерновых и технических культур — и я за год сделаю колхоз трижды миллионером! Вот вы рассовали по всему району огородные культуры, в дальних колхозах люди от них отказываются,— дайте нам эту площадь. Наш колхоз нужно сделать именно огородным. Овощи, ягоды, сад молодой насадить. А первые годы в саду по междурядьям можно разводить клубнику, картошку сажать. Огород, сад и животноводство — вот на что нам нужно напирать в наших условиях. Но животноводство сразу не поднимешь, туда надо еще вложить много средств, пока дождешься хорошей продукции. Огород скорее даст нам доход. В этом году я нажму всеми силами на огород, а с будущего года начнем поднимать и животноводство». Вот такой у меня был план. Так разве же с нашим секретарем райкома можно сделать дело? Ох, и секретарь у нас, товарищ Гусев,— дуб дубом! «А куда мы денем ту пшеницу и сахсвеклу, если вам урезать план?» — «Да вот и добавьте в те колхозы, где невыгодно заниматься овощами. Или поставьте вопрос перед областью, что в таких-то пригородных колхозах действительно нужно сократить площадь зерновых, и доказывайте, что это будет только на пользу делу!» — «Нет, я такую миссию на себя не возьму». Вот тебе и свободное планирование!..

Борзов достал пачку «Казбека». Закурили.

— Чего посмотрел так на мои папиросы? Человек я одинокий, зарплаты председательской хватает, какие, бывало, в райкоме курил, такие курю и в колхозе. В моем положении самое главное — не опускаться!..

Да, планирование! — продолжал Борзов.— Дали нам крылья, машем, машем мы ими, а взлететь не можем. Сколько грузу еще на ногах, этого бюрократизма проклятого!.. Ты меня, Петр Илларионыч, знаешь, энергии у меня хватает, без дела сидеть не люблю. Послали меня в колхоз — так дайте же мне возможность развернуться там по-настоящему! Если и мне, как моему предшественнику, считать там эти несчастные копейки и граммы, по пятнадцать яиц от курицы-несушки в год собирать, я же от скуки подохну! Нет, куда ни кинешься, того нельзя, то не разрешается, то надо еще согласовать. Вот третий раз приезжаю сюда насчет локомобиля. Стоит у нас в колхозе государственный локомобиль с той самой оросительной сети, что недостроили. Кой-какие части уже сняты, ржавчина его ест, но еще можно наладить его и пустить в ход. Прошу: дайте нам этот локомобиль, торфу у нас неисчерпаемые запасы, есть жерновой постав — оборудуем мельницу, и своим колхозникам нужно зерно молоть, и со стороны, может, какую тысячу рублей подзаработаем. Нет, никто не решается сказать мне одно-единственное слово: «Бери». Пусть лучше совсем погибнет машина, чем использовать ее не по назначению. А со снабжением что у нас делается? В колхозе совершенно нет транспорта, кроме конных телег. Как жить в наше время без автотранспорта? Возим с сахзавода жом для скота, сам жом стоит копейки, а за доставку платим автоколонне тысячи рублей. И ведь нам причитается машина! Еще с прошлого года потребкооперация должна колхозу за молокозакуп автомашину — до сих пор не можем получить!.. Я считаю, Петр Илларионыч, вот это у нас еще неправильно делается — подачки какие-то, а не снабжение! Приезжает товарищ Крылов в колхоз и, если его там настойчиво попросят, то даст, как бы из милости, столько-то сотен листов шифера или автомашину. Значит, выезжает он в колхозы и везет с собою в портфеле какие-то резервы для раздачи нуждающимся — память о посещении колхоза первым секретарем обкома партии. Нехорошо это, некрасиво! Это же не система. А как быть тем колхозам, которых он не посетил? Вот у нас он не был ни разу и еще, может, пять лет не приедет. Как же нам жить? Чем нам крыть коровники? На чем хлеб возить в поставку?..

Разговор перекинулся на воспоминания.

— Ну, что там сейчас, в Троицке? Как Руденко в колхозе работает? Как Глотов, Грибов, Нечипуренко?

Мартынов рассказал.

— Эх, Петр Илларионыч,— махнул рукой Борзов,— как повидал я других секретарей райкомов, да сам под их начальством походил, да вот теперь в колхозе поработал,— ей-богу, я не самым плохим был секретарем! На меня стучали кулаками, и я стучал; на меня давили, и я давил. А насчет планов мы все тогда были так воспитаны: выполняй любой ценой и не рассуждай, что из этого получится! Помню, еще в Лужниковском районе, составил я хлебофуражный баланс и налетел на меня один бо-ольшой представитель! «Что-о? Балансами занимаетесь? Кто вам разрешил это делать? Для свиней зерно оставляете? Собираетесь свиней хлебом кормить? Ячмень — это тот же хлеб! Вы кто — дурак или вредитель?» Конечно, когда перед тобою так ставится вопрос, то скорее согласишься признать себя дураком. А как без зерна сало получить? Чем же кормить свиней, если всерьез заниматься животноводством? Соломой? Вот как оно было. Думаешь, у меня не болело сердце, когда иной раз заставлял колхоз сортовые семена вывозить в хлебопоставку?.. Я вот читаю сейчас в журналах: в некоторых морях у нас повыловили рыбу до мальков. Это еще похуже, знаешь, чем колхоз оставить без хлеба на трудодни. Тут все же с урожаем дело связано, со стихиями, а там ни град, ни засуха не мешают рыбе плодиться. Не надо ни пахать, ни сеять, сумей только сберечь то, что сама природа тебе дает. И то вот к чему привело это «давай, давай!»...

Все же со мною как-то нелепо получилось,— продолжал Борзов. — Вроде как бы в бою, при атаке поскользнулся и сломал ногу. Не от пули, не от осколка получил ранение, а от собственной неосторожности. Если бы не этот дурацкий случай с Мухиным — что бы, я не работал сейчас секретарем райкома? Хуже Гусева бы работал? Не смог бы перестроиться?..

Но это Мартынову было уже неинтересно слушать, и он стал прощаться.

— Вижу по костылю,— задержав его руку в своей, сказал Борзов,— что ты недавно из больницы выписался. Слышал, слышал, какой с тобой был случай, как ты чуть не угробился. Ну и как теперь? Куда после больницы? На старое место?

— Вероятно, пошлют в другой район,— ответил, помолчав, Мартынов.

— Да? В другой район? Есть такая наметка?.. А Ма-

рья Сергеевна как? — совсем некстати спросил Борзов.

— Ее, пожалуй, назначат директором Надеждинской МТС.

— Ну-у?.. Вот не ожидал от своей бывшей супруги таких талантов! А справится?

— Ей за это время там было у кого поучиться работать. Ты не знаешь его, Долгушина. Без тебя уже прислали его к нам директором МТС.

— А его что же — переводят куда?

— Да так, в общем, кое-что намечается,— неопределенно ответил Мартынов.

— Слушай, Петр Илларионыч, дело прошлое,— сказал Борзов,— я тебе должен по-честному признаться: плохое думал про тебя и про Марью Сергеевну. Собственно, насчет того, что она к тебе неравнодушна, я не ошибался. Но я думал, что и ты имеешь на нее виды... Теперь я вижу, что зря тебя подозревал. Рассказывали мне троицкие товарищи, с которыми приходилось встречаться, что ничего такого между вами нет... Я тебя прошу: скажи ей, пожалуйста, что я приеду к ней на той неделе. Возьму отпуск дня на два. Если не захочет, чтоб у нее жил, я в Надеждинке где-нибудь на квартире перебуду, у меня там есть знакомые. Очень соскучился по ребятам, хочется их повидать!.. Если б ты уговорил ее, чтоб она отдала мне Мишутку!

— Передам ей все, что ты мне рассказал, Виктор Семенович, но не ручаюсь, что уговорю ее. Дело такое, сам понимаешь, тут не предложишь и не обяжешь.

— Хотя бы мне договориться с нею так, чтоб какое-то время ребята у нее жили, а потом я бы забирал их к себе пожить... Тоже не выход из положения. Два дома будет у них. Да и некому у меня за ними присматривать. Я же сейчас один как перст. Нина с прошлого года в институте в Ленинграде... К пятидесяти годам дело подошло, а жизнь расклеилась. По-дурацки как-то вышло. Страшно подумать, что же будет, когда вырастут дети? Неужели станем чужими друг другу?.. А эта Тамара, борисовская моя, большой дрянью оказалась. Вдруг завелись в доме такие разговоры, каких от Маши я никогда не слыхал: «Ты же председатель райисполкома! Какой же ты хозяин района, если не можешь жену за счет собеса на курорт послать?» Или: «Бывшему председателю Рындину всегда под Первое мая и под Октябрьскую годовщину по две корзины продуктов приносили из «Гастронома» на дом, и бесплатно.

А ты за все деньги платишь!» — «Нет, говорю, голубушка! Борзов во многом, может, виноват перед партией, но в одном не виноват: никогда не залезал в государственный карман!» Прогнал я ее.

...В одиннадцатом часу вечера Крылов позвонил Мартынову в гостиницу и позвал его в обком.

— Вот ты, товарищ Мартынов, кажется, невысокого мнения об умственных способностях Масленикова, а он сегодня неплохую штуку придумал,— начал Крылов.— Когда я ему рассказал о твоей уверенности, что если поставить на выборах секретаря две кандидатуры, то коммунисты изберут Долгушина, он предложил так и сделать. «Что ж, говорит, можно в порядке пробы порекомендовать пленуму райкома две кандидатуры. Пусть сами выбирают — кто им больше нравится». Как? По-моему, умен.— Крылов бросил на Мартынова быстрый испытующий взгляд.— Это — чтобы ты уехал из района с аттестацией забаллотированного секретаря.

Мартынов хотел что-то сказать, но поперхнулся, закашлялся и, чтобы скрыть смущение, низко нагнулся над столом. Крылов расхохотался.

— Это он тебе в отместку за сегодняшний разговор! Видимо, все же тебя он не любит еще больше, чем Долгушина. Ладно, не волнуйся, мы, конечно, на это дело не пойдем. Но видишь, как оно получается, дорогой Петр Илларионыч! — с ехидцей в голосе сказал Крылов.— Значит, обком должен все-таки руководить выборами секретаря райкома? Не пускать их на самотек? Должен как-то направить выборы, чтобы не получилось такого нежелательного ни для тебя, ни для нас казуса? А? А то ведь кто поймет впоследствии твои честнейшие побуждения? Всю эту романтику в учетную карточку не занесешь, там будет лишь два слова: «Не избран», и все!

Дальше разговор продолжался на ходу. Крылову надоело за целый день сидеть, он, отодвинув кресло, вышел из-за стола. Встал и Мартынов.

— Хорошо. Предположим, Долгушин действительно обладает всеми качествами для того, чтобы его избрать секретарем райкома в Троицке...

— Вы, Алексей Петрович, познакомьтесь с ним лично. Не верьте рассказам Масленикова. Поговорите сами с ним. Вначале он вам, возможно, не понравится. Он резок, не старается угодить начальству, может отпустить вам даже какую-то колкость, но вы не поддавайтесь первому впе-

чатлению, переступите через это неприятное и доберитесь до его человеческой сути.

— Да этому я уже научился в разговорах с тобою... Так вот, если Долгушин — секретарь райкома, то как другие кадры расставим? Продумал?.. Ты куда?

— Продумал. Могу пойти директором МТС, на его место. Хозяйственная работа мне знакома, я же был и председателем колхоза. Да и работая в райкоме, от хозяйства не отрывался.

— А если не тебя директором? Тогда кого?

— Тогда есть там хорошая коммунистка, Борзова Марья Сергеевна. Работает сейчас в Надеждинской МТС секретарем парторганизации.

— Слышал о ней.

— Справится, Алексей Петрович! Не знаю только, как у нее с дипломом. Она закончила вечернюю среднюю школу и больше не училась, технического образования не имеет. Но у нее большая практика. Она из трактористок. И Долгушин останется ведь в районе, он будет ей помогать. Справится — это я даже не то слово сказал. Я предлагаю ее кандидатуру не потому, что больше некого. Уверен, что из Борзовой выйдет хороший директор.

— Так... Ну, а тебя куда? Ты вообще сам-то как — считаешь себя «специалистом» по партийной работе?

— Нет. В анкетах пишу: «Журналист...» Но партийную работу я полюбил.

— Ты не шутил насчет Грязновки? У нас ведь там с секретарем худо.

— Не шутил.

— Район запущенный, но, должен тебе сказать, очень перспективный.

Мартынов вспомнил, как Борзов принимал в колхозе от самого председателя «одни перспективы», и улыбнулся.

— Чего смеешься? Район этот может стать самым богатым в области! Нигде ведь нет столько земли, как в грязновских колхозах. Ни деревца, правда, ни кустика, голая степь, но зато — какие посевные площади! Тебе же не пейзажи нужны, а хлеб! Сейчас там эти излишки земли даже угнетают колхозы, нет сил у них хорошо обрабатывать поля. Но если по-настоящему механизировать полеводство! Подкинем техники, да разумно ее использовать — этот район станет житницей нашей области! А сколько там можно выкармливать свиней, какие условия для молочного животноводства!..

— Если я попаду в Грязновку,— сказал Мартынов,— знаете, Алексей Петрович, с чего я там начну?

— С чего?

— Пошлю в Верховный Совет ходатайство о переименовании районного центра и района. Невозможно работать хорошо, когда у района такое название. Грязновка. Шелапутино, Облупихино — в таких селах одно название уже принижает как-то людей!

— Да, район надо бы переименовать... Но не будет ли это, Петр Илларионыч, противно твоим же принципам,— в глазах Крылова появились опять лукавые блестки,— что тебя, как «специалиста по партийной работе», представитель обкома повезет в Грязновку рекомендовать в секретари? А? Что же, у них там нет своих людей? Где же тут «свободные выборы»? Ага! Молчишь! Сам запутался в своих принципах?.. Ну, я помогу тебе выпутаться. Видишь ли, товарищ Мартынов, не то плохо, что обком рекомендует партийной организации в секретари такого-то человека. Рекомендовать надо, на то мы и руководящий партийный орган. Все дело в том, *как* рекомендовать! Надо именно рекомендовать, а не навязывать. Вот обком предлагает вашему вниманию такую-то кандидатуру, а вы — обсуждайте, решайте, может быть, у вас есть на примете и более достойный человек. Давайте ваши соображения, поговорим, взвесим все обстоятельства. Так надо, а не нажимать, как нажимали иной раз районные уполномоченные на собрания колхозников, когда привозили им из района нового председателя: на измор брали, по десять раз заставляли переголосовывать, пока из пятисот человек на собрании оставалось пятьдесят. Поднимут руки эти пятьдесят: «Единогласно!..» В Грязновку я сам тебя повезу. Не кота в мешке привезу, а расскажу коммунистам о тебе все, что знаю. Что ты за человек, как работал в Троицке, почему меняешь место работы, какие у тебя положительные качества, какие недостатки. Нажимать не буду. Понравишься — выберут. Не понравишься — повезу назад. Так, что ли?

Мартынов молча кивнул головой.

— Ну, а еще с чего бы ты начал, кроме переименования района?

— Я не знаю еще района, Алексей Петрович, его особенностей... С людей начну. С колхозных партийных организаций. С актива. Буду искать актив настоящий, не бумажный, которому колхозное дело дорого, как своя

собственная жизнь. Будем принимать таких людей в партию — по мозолям на руках, а не на языке. Без рядовых коммунистов колхозные массы мы не поднимем, значит, надо начинать с коммунистов... Думаю, что на новом месте буду работать лучше. Меня жизнь многому научила в Троицке. Об одну и ту же кочку дважды не споткнусь.

— Не считай, что все уже решено,— предупредил Мартынова, прощаясь, Крылов.— Я как бы примериваю, что и как может получиться из твоих предложений, но еще не отрезал. Этот разговор пока что между нами. Никому ничего не рассказывай. Посоветуемся еще здесь на бюро. Поезжай домой и работай так, как будто никаких и намеков на твое перемещение не было и тебе предстоит трудиться в Троицке до скончания века... Медведев, если болен и отлеживается дома после выговора, пусть отлеживается. Не тревожь его до самой конференции. Времени немного уже осталось. Ты ведь не очень скучаешь без него в райкоме?

— Не очень... А вы, Алексей Петрович, все же прочитайте мои маниловские мечты о красивой жизни.

— Обиделся? Ладно, прочитаю.

— Секретарь райкома не чудотворец, и того, что сверх его сил или на что не хватает его прав, он сделать не может. Требуйте с нас, но и помогайте нам. Перед нами еще целая гора вопросов, которых мы сами не можем решить.— Мартынов вспомнил афоризм Борзова насчет крыльев и груза.— Один председатель колхоза очень верно сказал мне сегодня: крылья нам дали, а на ногах еще столько бюрократического груза, что машем, машем ими, а взлететь не можем!..

В летнюю пору Мартынов редко когда оставался дома в воскресенье. В этот день не было никаких заседаний, в райкоме его не ждали посетители, и он обычно с утра уезжал в колхозы. Но в первое после возвращения из обкома воскресенье он никуда не поехал и предложил Надежде Кирилловне погулять по окрестностям Троицка. Костыль он уже заменил палкой и ходил, лишь слегка опираясь на нее. Врачи разрешали прогулки — с отдыхом, не переутомляясь.

Взяв бутербродов на дорогу, пошли за город в поле, к верховьям Бутова лога. По рассказам Димки, уехавшего на все лето в пионерский лагерь, Мартынов знал, что

это очень красивое место, но сам еще не был там ни разу.

Пыльный грейдер, изогнувшись буквой «с», поднимался на бугор. По обеим сторонам дороги расстилались неровные холмистые поля пшеницы, которая уже колосилась, гречихи, низкорослого, но густого, как щетка, проса. Туман, застилавший небо после вчерашнего дождя, разошелся, солнце припекало. В просе выстукивали свое «подь полоть» перепелки. В голубом небе парил, чуть пошевеливая крыльями, неизбежный в степном пейзаже ястреб.

— Ничего хорошего здесь не вижу,— сказала Надежда Кирилловна, вытряхивая из босоножки щебень.— Голая степь. Не туда мы пошли. Надо было идти на луг, к речке или в рощу.

— Погоди, дойдем до хорошего. Димка говорил: тут такие каньоны, как на реке Колорадо в Америке. Будто он там был!

Мартынов остановился у километрового столба с цифрой «2».

— Ну вот, он говорил: от этого столба смотрите вправо. Посмотрим, что же там вправо? Вон на гречихе какие-то кустики. Нет, то не кустики, то верхушки деревьев. Смотри, Надя! Будто из земли торчат. Вот там, вероятно, и начинается лог.

Пошли напрямик через гречиху. И вдруг, когда уже кончилось обработанное поле и они прошли еще метров тридцать по траве, перед ними у самых ног неожиданно открылась пропасть. Надежда Кирилловна даже попятилась.

— Вот это да-а! — отводя руку в сторону, удерживая Надежду Кирилловну, чтобы она не подходила к краю обрыва, сказал Мартынов.— Действительно Колорадо! Кто бы мог подумать, что, идя по степи, можно здесь наткнуться на такую штуку!

Надежда Кирилловна уже не скучала от унылого однообразия степного пейзажа, а во все глаза любовалась открывшейся перед ними картиной. В земле зияло прорытое за много лет снеговыми и дождевыми водами глубокое ущелье, которое, если смотреть снизу, со дна, показалось бы, пожалуй, не менее мрачным, чем Дарьяльское. Не хватало только Терека. Дно ущелья было сухое, и на склонах его росли кустарники, изредка березы, дубки. От главного русла расходились в стороны извилинами отроги. Это было начало, верховье каньона. Дальше, вниз к реке, ущелье раздвигалось, переходило в широкий лог.

— Красиво, но страшно,— сказала Надежда Кирилловна.— Зимою, в метель, если собьешься с дороги, можно прямо в эту пропасть угодить!

Прошли дальше краем обрыва, ища спуска вниз. Грейдер, от которого они удалились недалеко, здесь достигал перевала. С бугра открывался вид километров на двадцать в окружности — холмистые поля, деревни, перелески.

— Между прочим, Петя, мы находимся сейчас на самой высокой точке Средне-Русской возвышенности.— Надежда Кирилловна повернула Мартынова лицом к вышке на перевале.— Вон знак. Чтоб было тебе известно. Это мне топограф один сказал.

— Замечательное место! — согласился Мартынов.— Название-то какое: «Средне-Русская возвышенность!»

В той стороне, откуда они пришли, на берегу Сейма, в редкой зелени садов, поблескивая на солнце золочеными крестами колоколен, лежал небольшой русский городок Троицк. С разными чувствами смотрели они на него. Надежда Кирилловна еще ничего не знала и просто любовалась красивым видом. А Мартынов прощался с этим земным уголком, ставшим ему за четыре года родным.

— Не так сам город наш хорош, как его окрестности,— сказала Надежда Кирилловна.— Правда, чудные окрестности? На любой вкус! Кто хочет в поле перепелок послушать,— иди вот так, как мы вышли. А на запад пойдешь — вон луг зеленый. А по ту сторону Сейма — роща, дубы столетние. Весною грачи там кричат с утра до ночи. Некоторым не нравится, как грачи кричат, даже разоряют гнезда возле дома на деревьях, а я так люблю их слушать!.. До чего же хороша наша русская природа! Скромная такая, не навязчивая. Хочешь — любуйся, если понимаешь настоящую красоту, не понимаешь — ступай мимо. Помню, девочкой еще, первый раз уехала я далеко из дому с отцом на Черное море. Два месяца мы там жили. Сначала очень нравилось и море, и цветы, и лес тамошний, пальмы, магнолии, тисы. А потом так надоело! Увидела однажды, как в Адлере возле рынка корова чесалась об пальму,— все противно стало, не могу на эти пальмы смотреть. И в тот же день, как вернулись мы домой, побежала я в наш лес. Хотя у нас уже и осень была, похолодало, с березок уже листья опадали, и дождь шел в тот день, а я все же в лес убежала и долго там сидела под дубом, слушала, как дождь шумит в листьях...

Прошли еще немного вверх, нашли пологий спуск на

дно оврага. Там было прохладно и сыро. В некоторые глубокие узкие отроги ущелья никогда не заглядывало солнце, и сейчас, в начале июля, когда наверху все давно уже покрылось зеленью, дубки и березы убрались в полную листву и земля поросла травой, здесь все еще пахло ледяной сыростью. Мартынов нашел в одном таком темном ущелье лисью нору. Попробовали выкурить зверей дымом — ничего не вышло, дым не тянуло в нору. Пошли дном оврага вниз, к реке. Лог становился все шире, склоны его раздвигались, посветлело вокруг, повеяло опять полевым простором. Из высокого бурьяна, невдалеке от тропинки, взлетела со страшным шумом стая куропаток, сильно напугавших Надежду Кирилловну.

— А чтоб вас лисица съела! — закричала она, швырнув камнем вслед им.

У Сейма, в Стрелецкой слободке, попросили у одного рыбака лодку. Поплавали по реке, переправились на другой берег, в дубовую рощу. Там Мартынов развел на полянке костер. Поджарили хлеб с колбасой. Надежда Кирилловна пошла по лесу собирать землянику и грибы, а Мартынов натаскал веток, устроил себе ложе под деревом в тени.

— Да, хорошо здесь, слов нет! — сказал он, вздохнул, когда Надежда Кирилловна, вернувшись, села возле него и протянула на ладони несколько ягод земляники.— Значит, ты, Надя, степь не любишь?

— А что хорошего в степи? Пустота — и все. Нет, такая природа, как здесь, куда лучше! И леса есть, и озера, и степь, и всего в меру, ничто не надоест. Отдыхать ты только не умеешь. За сколько времени выбрались с тобою погулять! Все в колхозы и колхозы ездишь. Завел бы себе лодку, ружье, удочки. В субботу вечером кабинет на замок — и на охоту, на рыбалку, до понедельника. И нас бы с Димкой брал с собою. Кто бы тебя поругал за то, что в воскресенье отдыхаешь? Можно даже моторчик приспособить к лодке. У нас в «Динамо» сейчас продается такой подвесной моторчик.

— Теперь уж не к чему заводить лодку,— вырвалось у Мартынова.

— Почему?..

— Поедем, кажется, Надя, с тобою в такой район, где ни леса, ни речки хорошей нет. Одни голые степи.

— Опять поедем?..— горестно воскликнула Надежда Кирилловна.

— Опять. Собирай свои коврики, картинки, укладывай вещички в чемоданы...

И Мартынов рассказал ей все. Долго рассказывал. И как он присматривался к Долгушину еще до больницы, и что узнавал о нем от людей, лежа там, и как он ездил вот недавно с ним по колхозам, и какое он вдруг принял решение.

— В зоне МТС двенадцать колхозов, а в районе — тридцать. Как я могу оставаться здесь секретарем райкома, когда вижу, что, если уж на то пошло, мне надо быть в МТС, а Долгушину — в райкоме! Пойми, Надя, что это очень важно в нашей жизни — чтобы человек занимал место по своим способностям. Пожалуй, самое важное!..

Рассказал подробно о поездке в обком, о разговоре с Маслениковым и Крыловым, о встрече с Борзовым. Надежда Кирилловна слушала его, понурив голову, перебирая в подоле платья цветы: то отбирала ромашки от васильков и колокольчиков, то смешивала их опять, то откладывала в сторону одни колокольчики.

— Что же ты молчишь, Надя? — спросил Мартынов.

— Я думаю, что не многие на твоем месте поступили бы так...

— Но надо же кому-то поступать и так!.. Ну, скажи, правильно я сделал? — Он приподнялся, сел, согнув ноги в коленках.

Надежда Кирилловна вздохнула.

— Хотя бы уж куда-нибудь в другое место, не в эту Грязновку!..

— Да, тяжелый район. И районный центр похуже Троицка, не город — село. Но это же в наших руках сделать район хорошим. А?..

Надежда Кирилловна, взяв за плечо Мартынова, повернула его лицом к себе, долго, пристально смотрела ему в глаза.

— Ты, вероятно, никогда не устанешь. Ты совсем не меняешься. Такой же, как и был, когда я впервые тебя узнала... Но почему ты не сказал мне этого, когда ехал в обком? Зачем скрывал?

Солнце перевалило уже далеко за полдень. На западе поднялись тучи. Надежда Кирилловна отогнала лодку к Стрелецкой слободе, причалила ее на место, отнесла весло хозяину и вернулась обратно вплавь, держа в одной руке над головой свернутое платье. Мартынов совсем не умел

плавать. Решили идти домой другой дорогой — этой стороной Сейма, через луг и через понтонный мост.

На лугу было тоже хорошо. Траву уже скосили и просохшее сено сложили в копны. По густоте копен видно было, что трава здесь стояла по пояс. Но Надежда Кирилловна уже не обращала внимания на запахи свежескошенного сена и не нагибалась к земле, чтобы рассмотреть поближе какое-то прошелестевшее под ногами живое существо. Шли молча, погруженные каждый в свои мысли.

Когда подошли к понтонному мосту, уже завечерело. Солнце давно скрылось за тучи. Темнело, как будто оно уже совсем зашло. Но на реке было еще много воскресных гуляющих. Рыбаки ловили с моста рыбу, свесив ноги над водой. Ребята еще купались на пляже. На лодочной станции дежурный сзывал в рупор заплывшие за излучину реки шлюпки.

Мартынов и Надежда Кирилловна присели на перевернутую рыбачью лодку-плоскодонку у самой воды.

Быстро темнело. Набежал тучевой ветер, старая дубовая роща за их спиною угрюмо зашумела. Тяжелая черная туча, надвинувшись с запада, закрыла полнеба. Вода в реке в той стороне, под тучей, была как деготь. Послышались мерные, тяжкие вздохи дизеля на электростанции. В городе за рекой загорались огоньки.

И когда стало уже темно, почти как ночью, в тучах на западе, над самым горизонтом, вдруг прорезалось окно, и солнце, которое, оказалось, еще не зашло, огромное красное солнце ударило в эту прорезь кинжальными лучами, низко, над самой землей. На минуту все вспыхнуло вокруг. Ночь отступила. На воде, на верхушках деревьев, на крышах домов в городе заиграли огненные блики. Тень от причального столба у лодочной станции протянулась до полреки. Птицы в роще откликнулись на появление солнца громким щебетом. В противоположной, чистой стороне неба одинокое белое облачко зарозовело, как на утренней заре.

— Солнце! Ой, как красиво! — воскликнула Надежда Кирилловна. И заплакала...

Мартынов молчал, не зная, чем утешить жену.

— Но ведь еще нет решения, Надя. Или, может, не выберут меня там, в Грязновке. Еще ничего не известно, как оно будет,— сказал он.

— Неизвестно? — Надежда Кирилловна повернулась к нему.— А хочешь знать, как будет? Давай погадаю! —

Она уже шутила сквозь слезы. Солнце зашло, на этот раз окончательно, опять потемнело, на руке Мартынова ничего не было видно, да она и не смотрела на руку, смотрела ему в лицо, качая головой, улыбаясь.— Хороший, красивый, счастливый, давай погадаю! Позолоти, дорогой, позолоти! Цыганка всю правду скажет. Хожу я по залесью утренней росой, собираю травы зельные, варю травы зельные во медяном котле,— заговорила она нараспев.— Выйду во чисто поле, стану на восток лицом, на запад спиною. Давай, золотой, бриллиантовый, погадаю! Для дома, для дела, для сердца — всю правду скажу. Счастливый ты, в рубашке родился, а помрешь без штанов. Жить будешь долго, до самой смерти. Жена тебя любит, дети, внуки любить будут. А на врагов твоих болячка нападет. А будет у тебя еще разговор в казенном доме, а после того казенного дома будет тебе дальняя дорога!

— Не миновать, значит? — засмеялся Мартынов.

— Не миновать, золотой! Дал бог тебе ума, не дал разума. Богатым не будешь, профессором не будешь, академиком не будешь, всю жизнь будет тебе дальняя дорога!..

Зыбь на реке развело в небольшую волну, вода плескалась о берег. Ниже по Сейму по железнодорожному мосту прогромыхал с протяжным гудком скорый поезд. В пригородной слободке девчата пели частушки, пиликала гармошка. Прошел, сверкая освещенными окнами, автобус со станции, везя в Троицк приехавших домой на каникулы студентов и командированных. На понтоне сидел, не боясь надвигавшегося дождя, накрывшись плащом, рыбак-ночник и время от времени посвечивал карманным фонариком, обводил лучом прыгавшие на неспокойной воде поплавки.

1956 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Валентин Владимирович Овечкин

ГОСТИ В СТУКАЧАХ

Редактор Е. Н. Янковская
Художник А. В. Озеревская
Художественный редактор Э. А. Розен
Технический редактор И. И. Капитонова
Корректор Т. Б. Лысенко

Сдано в набор 9/IV-71 г. Подп. к печ. 5/X-71 г. Формат бум. 84×108¹/₃₂. Физ. печ. л. 20,0. Усл. печ. л. 33,60. Уч.-изд. л. 34,78. Изд. инд. ЛХ-593. А06711. Тираж 100 000 экз. Цена 1 р. 25 к. в переплете. Бум. № 1.

Издательство «Советская Россия».
Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, г. Электросталь Московской области, Школьная, 25. Заказ № 2219.

1 р. 25 коп.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ